

ЧЕРЧИЛЬ

Франсуа
Бедарид

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Политическая карьера этого выдающегося британского государственного деятеля протекала на фоне двух крупнейших событий XX века — Первой и Второй мировых войн, которые и предопределили его судьбу, всю его жизнь. Три четверти столетия длилась политическая деятельность Черчилля, познавшего и блистательные взлеты, и катастрофические падения. Но его звездный час приходится на труднейший период человеческой истории — Вторую мировую войну, когда, получив пост премьер-министра, он призвал свою нацию сплотиться на борьбу с гитлеровской Германией и стал инициатором союзнической коалиции — Великобритания — СССР — США, завершившуюся великой Победой.

Автор книги Франсуа Бедарида — французский историк, специалист по английской истории, основатель Института современной истории. На обширной документальной основе он описывает биографию Черчилля, привлекая читателя ясным, доступным языком и несомненным стремлением к объективности изложения.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Франсуа Бедарида](#)
 -
 -
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)

- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
- [ЧЕРЧИЛЬ И РОССИЯ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

-
-
-
-

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)

- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)

- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)

- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)

- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)

- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)

- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)

- [369](#)
 - [370](#)
 - [371](#)
 - [372](#)
 - [373](#)
 - [374](#)
 - [375](#)
 - [376](#)
 - [377](#)
 - [378](#)
 - [379](#)
 - [380](#)
 - [381](#)
 - [382](#)
 - [383](#)
 - [384](#)
 - [385](#)
 - [386](#)
 - [387](#)
 - [388](#)
 - [389](#)
 - [390](#)
 - [391](#)
 - [392](#)
 - [393](#)
 - [394](#)
 - [395](#)
 - [396](#)
 - [397](#)
 - [398](#)
 - [399](#)
 - [400](#)
-

Франсуа Бедарида

ЧЕРЧИЛЬ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Научный редактор и автор послесловия
Ю. В. ЕМЕЛЬЯНОВ

Издание четвертое

*

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Перевод осуществлен по изданию:
François Bédarida. CHURCHILL.
Paris. Librairie Arthème Fayard, 1999

© Librairie Arthème Fayard, 1999
© Юдина Е. Н., перевод, 2009
© Издательство «Молодая гвардия»,

художественное оформление, 2011
© Издательство «Палимпсест», 2009

*Каждый человек рождается и формируется для
звездного часа своей жизни.*

Альбер Козн, Черчилль Английский, 1943 г.

ПРОЛОГ

Суббота 30 января 1965 года. Утро этого исторического дня выдалось на редкость студеным. Хмурое серое небо нависло над Лондоном. Воскресным днем 24 января умер самый прославленный сын Альбиона. Увенчанному почестями и славой герою было девяносто лет. Он прожил необыкновенно яркую жизнь: преодолевал бесконечные препятствия, укрощал бури. Уинстон Черчилль, дожив до глубокой старости, стал символом Великобритании. И не только как исторический деятель, служивший королевам Виктории I и Елизавете II и на протяжении девяти лет управлявший страной в качестве премьер-министра. Он стал легендой, вписав свое имя на страницы истории. Англия, пораженная в самое сердце смертью своего героя, готовит титану достойные похороны, которые стали прощанием с великим человеком и ностальгическим чествованием былого величия страны. Для жителей Альбиона смерть Уинстона Черчилля значила гораздо больше, чем конец земного существования отдельного человека. Уже несколько лет при мысли о славном прошлом и пугающем неизвестностью будущем родной Англии их охватывала тревога, особенно усилившаяся после неудачи в Суэце. Вот уже несколько лет британцы размышляли о самобытности своей нации, ее основах и критериях ее самоопределения. В свое время Черчилль был символом сильной, единой Великобритании, гордой своим наследием, уверенной в своем будущем, призванной исполнить великую миссию. И вот теперь англичан мучили сомнения в прочности возводившегося веками здания, их пугали появившиеся в его фундаменте трещины, которые могли стать причиной страшной катастрофы.

Своим влиянием, размахом всей деятельности Уинстон Черчилль живо напоминал ушедшую эпоху, эпоху колониальной державы, пышности империи... Ведь он вырос в то время, когда звезда королевы Виктории еще сияла в полную силу. В юности кавалерист Черчилль сражался на границах Индии, устремлялся со своими уланами в атаку на берегах Нила. И вот, потеряв Уинстона, его соотечественники вдруг осиротели. А потому многие восприняли эту смерть как личную утрату. В этот день, 30 января 1965 года, жители Соединенного Королевства предавали земле часть самих себя и своей истории. Внезапно стало очевидным, что старая Англия, старая добрая империя умерла. Родился новый мир — мир шестидесятых.

Вот почему погребению героя придавалось такое историческое,

символическое и эмоциональное значение. В 1940 году был заключен крепкий союз, который ничто не могло разрушить — настолько верны были друг другу стороны, его заключившие в минуту смертельной опасности. Слились воедино воля премьер-министра и воля целого народа. Принадлежавший к аристократической элите премьер-министр хотя и тосковал по разделенному на иерархические ступени обществу, но при этом умел соотноситься с требованиями демократии, хотя его не оставляла мысль об имперском величии. И вот в чем парадокс и ирония истории: в значительной степени именно благодаря своим устаревшим взглядам он стал гением чрезвычайных ситуаций, он отражал удары судьбы, взяв на вооружение традиционные ценности своего народа и призвав прошлое на службу настоящему. В его речах англичане будто бы слышали эхо голосов Генриха V, Дрейка, Мальборо, Питта. Черчилль же, виртуозно владевший словом, сумел привести к гармонии отголоски прошлого и голос современной эпохи.

*

Похороны Черчилля вовсе не были импровизированным действием, развивавшимся по воле случая. План погребения, получивший кодовое название *Hope not*^[1], разрабатывался на протяжении многих лет. Королева и службы Букингемского дворца всё взяли в свои руки и отдавали распоряжения, согласуя свои действия с Даунинг стрит и советуясь с семьей Уинстона Черчилля. Чтобы оценить исключительную честь, оказанную Черчиллю решением устроить ему похороны государственного масштаба, напомним, что за всю историю Англии лишь четверо выдающихся людей, не являвшихся членами королевской фамилии, были удостоены подобной чести: Питт II, Нельсон, Веллингтон и Гладстон. Следовательно, в XX веке лишь Черчиллю, единственному, Англия воздала столь высокие почести.

Оттого и готовились к предстоящим похоронам с особой тщательностью. Задуманный церемониал отличался небывалой роскошью, и действие должно было развиваться строго по сценарию, без малейших сбоев. Величественное зрелище надолго запечатлелось в умах и сердцах граждан. Автору книги посчастливилось присутствовать при этом историческом событии, дабы теперь иметь возможность поделиться своими впечатлениями. Затерявшись в толпе, наводнившей Уайтхолл — место, игравшее огромную роль в черчиллевской истории, — прижавшись спиной

к внушительному фасаду военного министерства, главой которого Черчилль был в течение двух лет (с 1919 по 1921 год), упираясь взглядом в парадный портал адмиралтейства, в котором покойный, дважды становясь первым лордом^[2] (с 1911 по 1915 год и с 1939 по 1940 год), разворачивал кипучую деятельность, — ваш покорный слуга находился всего в нескольких десятках метров от Даунинг стрит, где Черчилль провел судьбоносные годы своей жизни (1940–1945 и 1951–1955), и от министерств, главой которых он успел побывать за свою долгую карьеру, — министерства финансов (1925–1929), министерства внутренних дел (1910–1911), министерства торговли (1908–1910), министерства по делам колоний (1905–1908 и 1921–1922). Какой длинный путь прошел Черчилль, верой и правдой служивший Ее императорскому величеству, и как мало места было ему на то отведено!

*

В девять часов тридцать минут началась похоронная церемония. Накрытый государственным флагом Соединенного Королевства тяжелый гроб, сделанный из выросших в Бленхейме — фамильном поместье герцогов Мальборо — вековых дубов, выносят из старинного здания на Вестминстерском холме, где в течение трех дней перед катафалком, установленным в парламенте, не иссякал людской поток — десятки тысяч человек пришли проститься с великим Черчиллем. Затем саркофаг приняли отряд королевских гусар и взвод 21-го уланского полка — в составе этих полков Черчилль служил в молодые годы. А гвардейские гренадеры, вместе с которыми он сражался в Артуа в 1915 году, поставили гроб на лафет. Везти его взялись сто сорок два матроса и восемь офицеров военно-морских сил Великобритании. Именно на этом лафете в свое время доставили к месту последнего упокоения останки королевы Виктории. Когда траурная процессия достигла Уайтхолла, Биг-Бен^[3] пробил в последний раз и замолчал до утра следующего дня.

Теперь, согласно сложному замыслу, величественная траурная процессия достигла полутора километров в длину. Она проследовала через всю историческую часть Лондона, сначала от Вестминстера до Уайтхолла, затем от Трафальгарской площади до собора Святого Павла и, наконец, оттуда до лондонского Тауэра. Семь тысяч солдат и восемь тысяч полисменов рассредоточились на пути следования процессии.

Оркестр британских военно-воздушных сил, возглавлявший шествие, играл траурный марш Бетховена. За гробом шли члены семьи усопшего: леди Черчилль, закутанная в черные покрывала, дети — Рандольф, Сара, Мэри и ее муж Кристофер Соме, внуки. Мужчины — пешком, женщины — в каретах, запряженных каждая шестеркой гнедых, которыми правили кучера в алых ливреях. Вслед за семьей с огромным барабаном впереди следовали кавалерия конной гвардии (*Household Cavalry*) в парадных мундирах, музыканты артиллерийского оркестра в красных киверах, представители британского морского флота, делегация от лондонской полиции. Участники процессии продвигались очень медленно, делая не более шестидесяти пяти шагов в минуту. Особое место в процессии занимала небольшая группа английских боевых летчиков (*The Few*), возглавляемых новозеландским асом Эл Диром. Вдруг в парке Святого Джеймса раздались оглушительные пушечные залпы — девяносто залпов — по одному на каждый год жизни покойного. Когда процессия подошла к Ксенотафу^[4], делегация французского движения Сопротивления вместе с несколькими солдатами-фронтовиками Первой мировой войны начала размахивать триколорами, выражая признательность товарищу, бывшему вместе с ними в дни испытаний. Рядом с французской делегацией разместились участники норвежского и датского Сопротивления, прибывшие также засвидетельствовать свою верность усопшему.

Через Трафальгарскую площадь, Стрэнд и Флитстрит процессия проследовала к базилике Святого Павла. Именно в этом соборе, символизирующем героизм лондонцев в годы бомбежек, состоялась панихида, на которой присутствовали представители ста десяти наций. Усопшему была оказана небывалая честь: сама королева прибыла в собор, чтобы попрощаться с одним из своих подданных, в жилах которого не текла королевская кровь. Тем не менее он был самым прославленным «простолюдином». Рядом с Елизаветой II в соборе находилась вся королевская семья: королева-мать, герцог Эдинбургский, принц Чарльз, а также первые люди королевства: архиепископ Кентерберийский, епископ Лондонский, архиепископ Вестминстерский, премьер-министр Гарольд Уилсон, члены правительства, служащие органов управления и суда, генералы и адмиралы. Самые прославленные из тех, кто работал вместе с премьер-министром Черчиллем в период с 1940 по 1945 год, держали концы гробового покрывала: лорд Маунтбеттен, генерал Исмей, Клемент Эттли, Энтони Иден, лорд Эвон, Гарольд Макмиллан, маршалы Александер, Портал, Слим.

Со всей планеты в базилику Святого Павла съехались короли,

руководители государств, премьер-министры. Из товарищей по военному времени — генерал Де Голль в форме защитного цвета, ставший президентом Французской Республики, генерал Эйзенхауэр в гражданском костюме, королева голландская Юлиана, король норвежский Олав, австралиец Мензис, маршал Советского Союза Конев. Представители Германии и Италии, США и Канады, Испании и Латинской Америки, Индии и Африки поспешили отдать последнюю дань великому Черчиллю. Король греческий Константин рядом с наследным принцем Эфиопии, канцлер Эрхард и президент Замбии Каунда в ярко-красном африканском одеянии, Бен Гурион и принц иорданский Хассан. По окончании службы, сопровождавшейся музыкальными фрагментами из произведений Перселла, Элгара и Вогэна Уильямса, под сводами собора, в Галерее Шепота полились звуки *The Last Post*^[5], затем трубач сыграл зорю.

От собора Святого Павла процессия двинулась к последнему памяtnому месту столицы — лондонскому Тауэру. Там она была встречена шеренгой солдат шотландского полка в сине-зелено-красных шотландках под душераздирающие звуки волынок и шеренгой неподвижных, безмолвных йоменов-стражников Тауэра, вооруженных пиками и одетых в красно-золотые мундиры. На пристани под залпы тауэрских пушек гроб установили на палубе портового катера, с тем чтобы доставить его к вокзалу Ватерлоо. И здесь присутствующие стали свидетелями необычного зрелища: когда катер, на корме которого развевался столь дорогой усопшему штандарт лорда Уордена — управляющего пятью портами, начал подниматься вверх по Темзе под звуки *Rule Britannia* («Правь, Британия»), крановщики всех доков единым движением, словно безмолвные часовые, склонили к реке высокие стрелы своих кранов, приветствуя ушедшего героя.

С вокзала Ватерлоо специальный поезд с локомотивом класса *Battle of Britain* доставил траурную процессию к маленькому сельскому кладбищу — месту последнего упокоения Черчилля. На протяжении всего пути, то есть в течение двух часов, в окнах домов, у садовых калиток, на вокзалах и вблизи железнодорожных путей толпились люди, молчаливо и серьезно глядя на проезжавший поезд и отдавая великому человеку последнюю дань любви и признательности. Среди них были и ветераны в увешанных медалями мундирах, и дети, размахивавшие английскими национальными флагами.

Погребение совершилось в узком кругу семьи и нескольких очень близких друзей в деревеньке Бладон, в Оксфордшире, где расположены родовой замок и поместье Черчиллей Бленхейм. При въезде в деревушку

катафалк встретили мальчики из окрестных селений, каждый из них нес по огромной свече. Пастор приходской церкви произнес Божественную литургию. Так завершился жизненный путь Уинстона Черчилля, — теперь его прах покоится в нескольких километрах от того места, где он родился, рядом с прахом его отца и матери, лорда и леди Рандольф. На свежую могилу Черчилля возложили венок из роз, гладиолусов и лилий, собранных в соседней долине. Надпись, сделанная от руки на ленте венка, гласила: «От благодарной Родины и Британского содружества наций. Елизавета Р». Великолепие похорон и нарочитая торжественность остались позади, страна погрузилась в задумчивость и молчаливую скорбь.

*

Это был единодушный порыв целого народа, так трогательно проводившего в последний путь своего кумира. Миллионы людей поспешили отдать ему последнюю дань уважения и признательности. Телевидение подхватило эстафету и сделало весь мир свидетелем прощания с героем Британии. Половина жителей в самой Англии и десятая часть населения всей планеты следили за траурной церемонией у экранов телевизоров — фантастические для того времени цифры. Во время похорон всеобъемлющее ощущение трагедии во всех уголках земного шара — ведь речь шла о кончине одного из великих мира сего — усиливалось поражающим воображение беспрецедентным обрамлением самой церемонии, которая была вполне под стать ушедшему титану XX века. В великолепии происходящего все составляющие этого действия идеально сочетались и дополняли друг друга, усиливая впечатление, — от величественной исторической части Лондона, обремененной десятивековой историей, до безукоризненно выстроенной процессии карет, людей в мундирах, оркестров, сопровождавших гроб с останками героя. От представителей королевских домов, руководителей государств, высокопоставленных чиновников, присутствовавших на похоронах, до глубокой скорби миллионов простых людей, собравшихся на пути следования похоронной процессии. От захватывающего дух величия церемонии, состоявшейся в соборе Святого Павла, до скромной могилы на крошечном сельском кладбище и переливов тысяч цветов, искусно вкрапленных на протяжении всего скорбного пути и смягчавших серый гнет неба и черную печать траура. Едва ли можно себе представить более пышные похороны, которыми благодарный народ мог бы почтить своего

спасителя.

На следующий день придворному поэту Сесилу Дэй-Льюису оставалось лишь воспеть на Би-би-си в полуэпическом, полуэлегическом стихотворении под названием *Who goes home?* проводы к месту последнего упокоения выдающегося государственного деятеля и патриота:

*Soldier, historian,
Orator, artist — he
Adorned the present and awoke the past;
Now ended his long span,
A one-man ministry
Of all the talents has resigned at last.
So he becomes a myth,
A dynast of our day
Standing for all time at the storm's rough centre
Where he, a monolith,
Of purpose grim and gay,
Flung in the waves' teeth the rock's no-surrender.
Who goes home? goes home?
By river, street and dome
The long lamenting call echoes on, travels on
From London, further, further,
Across all lands. The Mother
Of Parliaments is grieving for her great, dead son.
Who goes home? A man
Whose courage and strong span
Of enterprise will stand for ages yet to come.
Storm-riding heart now stilled
And destiny fulfilled,
Our loved, our many-minded Churchill has gone home^[6].*

ВВЕДЕНИЕ

Уинстон Черчилль, этот титан политики XX века, всегда волновал воображение соотечественников и чужеземцев. Так было при жизни легендарного премьер-министра, а после его смерти этот интерес, пожалуй, только усилился. «Великий Черчилль» — так генерал Де Голль, президент Французской Республики, назвал его в своей торжественной речи, произнесенной однажды в английском парламенте, чем вызвал слезы на глазах своего старого, восьмидесятилетнего товарища. Солдат, журналист, депутат, политик, писатель, художник, историк, оратор, государственный деятель — это все Черчилль. За свою долгую жизнь он совершил немало ярких поступков, его заслуги были не раз отмечены всевозможными наградами: в 1922 году Черчилль стал кавалером ордена Чести, в 1946-м — кавалером ордена «За заслуги», в 1954-м — кавалером ордена Подвязки, в 1958-м — кавалером ордена участника движения Сопротивления, в 1963 году — почетным гражданином Соединенных Штатов Америки. О Черчилле говорили, что он на пятьдесят процентов был американцем, но англичанином — на все сто. Уинстон Черчилль творил и писал историю.

Черчилль, последний из аристократов, управлявших Англией, был необыкновенным человеком, сотканным из противоречий, — романтиком и реалистом, рабом честолюбия, не изменяющим своим принципам, авантюристом, признававшим достоинства компромисса. В его голове буквально роились гениальные идеи, однако это не мешало ему совершать легкомысленные поступки. Случалось, Черчилль заблуждался, пойдя на поводу у собственного воображения, однако при этом он умел прислушиваться к голосу разума и выбираться на правильный путь, продиктованный здравым смыслом. Богатый политический опыт, непоколебимый патриотизм, врожденный дар красноречия, колоссальная энергия мысли — такое обилие козырей поставило Черчилля над простыми смертными, сделало его столь же привлекательным, сколь не похожим на других. Он и сам был убежден, что послан Провидением, чтобы спасти свою страну. Черчилль был наделен невероятной интуицией и в равной степени лишен чувства меры. Если им вдруг завладевала, ослепляя его, очередная навязчивая идея, он становился столь же безответствен, будучи не у дел, сколь тираничен, находясь у власти. Черчилль, человек крайностей, слишком жестко обращался с окружающими и в то же время поражал своей беспримерной впечатлительностью. Лорду Биркенхеду

приписывают такие слова: «Когда Уинстон прав, он неподражаем. Но когда он ошибается — о Боже правый!»^[1] Снедаемый беспредельным эгоизмом, в своих действиях Черчилль проявлял железную волю, неизменные бойцовские качества — этим объясняются все его успехи и поражения. К тому же в силу своего маниакально-депрессивного темперамента Черчилль то впадал в глубокую депрессию, то пребывал в состоянии крайнего возбуждения, если не эйфории.

Увы, судьбе было угодно, чтобы звезда этого необыкновенного человека недолго сияла на политическом небосклоне. Генералу Де Голлю, к примеру, повезло значительно больше. Несмотря на то, что для него весна 1940 года, а также годы войны были крайне тяжелыми, все же тернистый путь испытаний вывел его к Пятой республике. Возвращение же Черчилля к власти в 1951–1955 годах было освещено лишь слабыми лучами заходящего солнца его славы. Премьер-министр, в котором с трудом можно было узнать прежнего пышущего энергией Черчилля, был словно человеком из прошлого и оставшимся в прошлом. Но как бы то ни было, пять лет испытаний — с 1940 по 1945 год — покрыли его немеркнущей славой. Ведь на протяжении этих пяти лет именно он был главным кузнецом победы над нацистской Германией, и это позволило ему войти и навсегда остаться в пантеоне великих людей XX века.

*

Если написание биографии такого человека, как Черчилль, на первый взгляд может показаться рискованной авантюрой, автор считает своим долгом предупредить читателя заранее о том, что он найдет и чего не найдет в этой книге. Он не найдет здесь ни публикаций новых документов или архивных данных, ни неизвестных фактов. Вся доступная документация — от личных бумаг Черчилля до бесчисленных архивов, свидетельств, воспоминаний и записей современников — была тщательно собрана и умело использована в так называемой официальной восьмитомной биографии, опубликованной в период с 1967 по 1988 год. Идея написания этой биографии принадлежала Рандольфу Черчиллю, автору первых двух томов. Затем за дело взялся и довел его до конца Мартин Гилберт, перу которого принадлежат тома с третьего по восьмой. К биографии прилагаются пятнадцать томов разнообразных документов, охватывающих период с 1874 по 1940 год (*Companion Volumes*). К этому следует добавить восемь томов речей Черчилля, изданных в 1974 году

Робертом Родсом Джеймсом.

Итак, область, в которую мы вторглись, была тщательно исследована. И мы можем смело утверждать, не опасаясь, что факты опровергнут наше утверждение: никакие оглушительно сенсационные сведения не остались погребенными ни в частных, ни в государственных архивах, разве что несколько незначительных подробностей. Черчиллю посвящено так много работ, что было бы напрасно и весьма самонадеянно соперничать с авторами самых блистательных из них.

Вот почему вовсе не внезапное открытие доселе неизвестных фактов навело автора на мысль о создании этой книги. Прежде всего мы хотели бы предложить читателю свой взгляд на личность и деятельность Уинстона Черчилля; подробно рассматривая противоречивые этапы его жизни, предложить свою интерпретацию его характера, его отношения к власти, его поступков в контексте истории, начиная с памятного юбилея королевы Виктории, отмечавшегося еще во времена Английской империи, и заканчивая войной с гитлеровской Германией и кульминационным этапом холодной войны.

*

Учитывая все вышесказанное, определим цели автора, которые он преследовал при написании данной исторической биографии и какие приемы изложения использовал. Ведь дело это не простое, оно столь же рискованно, сколь привлекательно. Биография вообще, как справедливо заметил один из мастеров жанра П. М. Кендалл, — это «профессия-наука-искусство невозможного»^[2]. Безусловно, жизнь и поступки Черчилля могли бы уместиться в чеканную формулу, которой Ришелье подвел итог деяний и сочинений великого Монлюка: «*Multa fecit, plura scripsit, magnus tamen virfuit*»^[7]. Однако такая лаконичность не удовлетворила бы читателя, тем более что биографию следует рассматривать как разъясняющее и интерпретирующее творческое произведение, а не только как рассказ, воспроизводящий реальные события.

Кроме того, биография — центральная составляющая переживающей ныне пору расцвета историографии, в которой немаловажную роль играет воссоздание личности исторического персонажа. На протяжении тридцати славных лет решающим фактором в истории признавалось влияние коллективных сил, а также многовековой закономерности развития. И вот,

наконец, личность реабилитирована, в центре событий — снова человек, «единственное существо из плоти и крови», как сказал Марк Блок. Именно этим объясняется интерес к конкретному человеку и его жизни, а не к абстрактным неведомым существам, безликим составляющим классов и групп. И это вовсе не противоречит зарождению нового типа биографии, отказавшейся от «психологизирующих» принципов прошлого, когда большое внимание уделялось пересказыванию «забавных случаев из жизни». Современная биография, напротив, ориентирована на так называемую историю-проблему, в основе которой лежит аналитический, строго фактический, научный подход. Этот подход, как правильно заметил Жак Ле Гофф, «может стать идеальной обсерваторией для конструктивного размышления об условиях и целях профессии историка, о пределах возможного, существующих в этой профессии, о переоценке ценностей, необходимость которой назрела в историографии»^[3].

Биографии больше, нежели другим жанрам, свойственна повествовательная структура. В ней исторический рассказ занимает центральное место. Именно это и придает особое очарование неповторимому миру отдельно взятого человека, именно это заставляет жизнь пульсировать на страницах книги. Без этого даже такая яркая, овеянная ореолом романтики жизнь, какую прожил Черчилль, показалась бы тусклой. И тем не менее не стоит поддаваться искушению, подстерегающему всякого биографа, — искушению углубиться в телеологические рассуждения, — тогда как в силу закона жанра он должен уловить *a posteriori* суть происходящих с героем в течение его жизни событий. Вот тут-то и возникает скрытая опасность представить жизнь персонажа как последовательную цепочку predetermined происшествий. Итак, основное требование, предъявляемое к биографическому сочинению, — не умалять роли случая. Биография должна отражать свободное течение жизни персонажа, а не превращать героя в жертву всемогущего рока. Джованни Леви был прав, утверждая, что как инструмент исторического знания «биография предоставляет уникальную возможность убедиться в промежуточном характере факторов, определяющих судьбу человека»^[4]. Но, разумеется, нельзя представить жизненный путь Черчилля как долгое, медленное восхождение на пик власти и славы. Это было бы непростительной ошибкой.

По-прежнему остается дискуссионным главный вопрос — о роли великих людей в истории. Высказывалось мнение о том, что великий человек озаряет свою эпоху, а эпоха — великого человека. И в этом есть

доля правды. В 1931 году сам Уинстон в одном из своих эссе размышлял над этим вопросом, не дававшим ему покоя. Ведь он был убежден, что призван небом, ниспослан судьбой для спасения родины. Так какова же роль личности в истории? Человек ли стоит у истоков происходящего или он всего лишь зеркало, игрушка всемогущих коллективных сил, с которыми ему не справиться, не важно, воплощает он их или использует? «Является ли история хроникой жизни знаменитых мужчин и женщин или она лишь отражает тот факт, что они сумели противопоставить направлениям, силам и движениям своей эпохи?»^[5]

Ко второму мнению склоняется не только Раймон Арон, не признающий «бесплодных» споров и не считающий биографию историческим жанром. Фернан Бродель придерживается близкой Арону точки зрения, утверждая, что «как это ни парадоксально, но великий деятель — тот, кто реально оценивает свои скудные возможности, учитывает это и даже извлекает выгоду из бремени неотвратимого». А вот Клод Леви-Стросс признавал, хотя и не без скептицизма, некоторые достоинства биографической истории, несмотря на то, что «сами по себе подобные произведения ничего не объясняют». В самом деле, «биографическая, занимательная история не ставит перед собой цели что-либо объяснить, но зато она наиболее информативна, поскольку рассматривает каждого отдельно взятого человека как индивидуальность со своими неповторимыми качествами и свойствами (...) Выбор, стоящий перед историком, всегда один и тот же — история, которая больше сообщает, нежели поясняет, или же история, которая больше поясняет, нежели сообщает»^[6].

В реальной жизни личность и окружающий ее мир находятся в постоянном взаимодействии. В процессе этого взаимодействия устанавливается хрупкое и изменчивое равновесие. Яркий пример тому — жизнь Уинстона Черчилля: сражения, бури, перепутья, извечные противоречия, не говоря уже о бесчисленных экспромтах, на которые Черчилля вынуждали обстоятельства, хотя его принципы и убеждения были постоянны. Как справедливо заметил Генри Берр, «в череде мелких случайностей происходят великие события, в толпе обыкновенных людей встречаются великие люди. Важность события определяется количеством его последствий и их продолжительностью. Велик ли человек, определяется степенью его влияния на события»^[7]. Иными словами, человек не может быть великим сам по себе. В этом взаимодействии личности и сил истории Уинстон Черчилль был одновременно актером и

постановщиком спектакля.

*

Обращаясь к биографии Черчилля, автор понимал, что анализ его жизни и деятельности будет значительно усложнен замысловатым переплетением реальности и вымысла. Мифы об этом великом человеке рождались еще при его жизни. Он сам немало способствовал их появлению, утверждая, что «история меня оправдает, ведь я сам пишу ее». Бесспорным является тот факт, что Черчилль, предлагая на суд читателя свою версию Второй мировой войны, а также многих эпизодов из собственной карьеры, сумел навязать свою точку зрения на события, свою интерпретацию, свои глубоко традиционные взгляды. Свой исторический труд Черчилль украсил афоризмом Оскара Уайльда: «Делать историю может каждый. Только великий может ее написать».

Вот так о славном герое была сложена золотая легенда, открыто и с большим усердием культивируемая начиная с 1940 года по сей день. Так Черчилль и остался героем золотой легенды в памяти самих британцев, европейцев и американцев. Уже при жизни Черчилля восхваляли на все голоса. Немалую службу сослужил ему яркий образ эдакого героя со средневековой миниатюры, созданный им во «Второй мировой войне». Его прославлял дружественный клан «черчиллеанцев», они поддерживали и пропагандировали едва ли не канонизированную версию событий, прочно укоренившуюся в умах честных граждан.

Настало время подвергнуть личность Черчилля критическому разбору, тщательному и непредвзятому, отвлечься от традиционной историографии, в которой преобладает благоговейное, безусловно одностороннее, а значит, искаженное толкование поступков Черчилля. Ведь излюбленный герой мифологии XX века, обладавший даром манипулирования общественным мнением, на протяжении всей своей жизни блистательно исполнял роль великого посредника между народом и властью. Черчилль виртуозно владел искусством риторики, верно рассчитывал впечатление, которое его речь должна была произвести на публику. Над его имиджем трудились фотографы, работники телевидения, средств массовой информации, не остались в стороне и мастера кисти, — традиционные атрибуты народного героя навсегда запечатлелись в подсознании граждан. Стоит произнести его фамилию — и в памяти тут же всплывает образ непримиримого противника Гитлера, защитника мировой свободы с сигарой во рту и с

двумя поднятыми в знак победы пальцами, непременно в каком-нибудь живописном одеянии. Его величественная осанка, как ни странно, прекрасно сочеталась с неизменным чувством юмора.

Однако помимо волшебной сказки о народном любимце существовала еще и «черная» легенда, представлявшая знаменитого государственного деятеля то в роли циничного фанатика *realpolitik* и эгоиста, обладавшего разрушительной, смертоносной волей, то в роли злобного колдуна, упрямо насаждавшего давно устаревший, изживший себя национализм. С самого начала политической карьеры Черчилля в силу его незаурядности и непредсказуемости вокруг него всегда кипели страсти, разгорались ожесточенные споры. Он не только находил верных друзей, но и наживал смертельных врагов. Консерваторы ненавидели Черчилля, упрекая его в том, что он предал свое сословие. Либералы относились к нему с недоверием, лейбористы его на дух не переносили. Каждая его неудача — в 1915, 1930, 1945 годах — вызывала нездоровую радость у его противников, его провалы буквально окрыляли их.

Так обстояли дела на политической арене. Однако Черчиллю приходилось отражать атаки и на другом участке фронта. Так, едва закончилась Первая мировая война, как писатель Осберт Ситуэлл в 1919 году в «Трех сатирах» сделал резкий выпад против Черчилля. Язвительно переименовав Гинденбурге кую линию фронта в Уинстонбургскую, Ситуэлл назвал его фанатиком войны, ярым милитаристом, жаждущим крови, обвинил в убийстве миллионов человек в Галлиполи. Писатель утверждал, что Черчилль лелеет мечту о вторжении в Россию^[8]. Резкое осуждение действий Уинстона Черчилля было не раз отражено в литературе. В качестве примера можно также привести скандальную пьесу Рольфа Хокхата «Солдаты» (1967 год). По сути — это страстное, но необоснованное обвинение Черчилля в том, что он был «слугой» Сталина, сообщником преступления, совершенного в Катыни, убийцей генерала Сикорского, что он отдавал своим летчикам страшные приказы об истреблении сотен тысяч мирных граждан Германии^[9]. Последними по времени появились утверждения, довольно вяло поддержанные Рензо Де Феличе, согласно которым британские секретные службы по приказу премьер-министра склонили в 1945 году движение Сопротивления Ломбардии к решению казнить Муссолини с тем, чтобы, воспользовавшись представившимся случаем, уничтожить компрометирующие письма, адресованные Черчиллем герцогу. И, наконец, ревизионист Дэвид Ирвинг не сомневался в том, что после смерти Черчилль отправился прямиком в ад

и теперь жарится там в компании Сталина и Гитлера...

Между тем в стороне от подобных крайностей развивалась критическая историография, основанная на тщательном изучении архивных материалов. Тогда-то и начался процесс развенчания уже было канонизированных мифов. Процесс этот, приветствуемый вначале, привел не только к положительным результатам. Хотя, безусловно, ему мы обязаны тонкой аналитической работой Роберта Родса Джеймса, тщательно изучившего деятельность Черчилля периода с 1900 по 1939 год и озаглавившего свой труд, обосновав название вескими аргументами, «История поражения». В работах других авторов, например, Пола Эддисона, говорится о нерешительности и несостоятельности Черчилля в вопросах внутренней политики^{10}.

Однако прежде всего стал ясен тот факт, что позиция «против разрядки напряженности», якобы занятая Черчиллем и столь превозносимая сторонниками «героя», была сильно переоценена в послевоенный период. Сам Черчилль никогда не придерживался этой позиции ни в отношении Италии — он даже имел несчастье отметить заслуги Муссолини, — ни в отношении Японии. Единственная угроза, по мнению Черчилля, исходила со стороны гитлеровской Германии, не скрывавшей своих захватнических, воинственных намерений. Об этой угрозе Черчилль неоднократно предупреждал английское правительство начиная с 1934 года. Он ратовал за скорейшее усиление авиации и нисколько не беспокоился ни о флоте, ни о сухопутных войсках, настолько велика была его вера во французскую армию. Он даже подумывал об альянсе с Советским Союзом, а во время Суэцкого кризиса занял твердую позицию и решительно осудил Мюнхенские соглашения, сделав весьма мрачный прогноз на будущее, который, как говорил Черчилль, непременно сбудется, если мюнхенские настроения будут преобладать в правящих кругах государства. К счастью (для Черчилля), последовавшие вслед за этим события подтвердили его правоту, и сразу же чаша весов склонилась в сторону опального предсказателя, а его сторонники получили возможность после войны расхваливать на все лады прозорливость и мужество своего кумира.

Только вот другие английские историки решили довести до логического конца процесс развенчания героя, систематически и, пожалуй, чересчур усердно опровергая официальную версию событий. В общих чертах их тезисы сводились к следующему: вопреки запечатлевшемуся в народной памяти образу героя-спасителя и утверждениям дружного хора историков Черчилль вовсе не являлся спасителем своей страны в годы

испытаний (1940–1945). В действительности якобы именно он повинен в утрате Британией былого величия. Следовательно, его популярность у народа — узурпированная, приобретенная путем самопрославления и измышления различных легенд, в которых Черчилль представал чуть ли не богом. А на самом деле Вторая мировая война закончилась для Англии весьма плачевно. Погибла Британская империя, и отныне стране отведена унижительная роль спутника Соединенных Штатов. Повинен же в этом в первую очередь премьер-министр Черчилль, павший жертвой ностальгии по славному прошлому, да к тому же одержимый навязчивой идеей о войне до победного конца, — он-то и привел свою страну к упадку.

После 1945 года об этом уже говорил Освальд Мосли, лидер британских фашистов. Эту же мысль, но в более корректной форме, высказывал Коррелл и Барнетт. В своей книге «Крах британской власти», вышедшей в 1970 году, он утверждал, что выдвинутый Черчиллем лозунг «Победа любой ценой» был первопричиной экономического упадка Англии, поставившего страну в зависимое положение от США. Джон Чармли озаглавил свою недавно вышедшую обстоятельную биографию Черчилля «Закат славы» — славы узурпированной, приобретенной путем самопрославления, а также благодаря многочисленным легендам, буквально обожествлявшим Черчилля^[11]. Если верить Чармли, Черчилль вверг страну в пропасть, будучи не в силах отказаться от своих безнадежно устаревших взглядов, став жертвой своего романтического воображения. Его подвело ложное представление об историческом величии Англии, в которое он свято верил. И неудивительно, ведь этот старец, сын и верный слуга империи, жил в прошлом, он был убежден, что ничего не изменилось со славных времен великой Елизаветы или даже со времен его героического предка Мальборо. Черчилль упорно отказывался признавать, что великая Англия переживает не лучшие свои времена, он предпочел отдать все свои силы «победе любой ценой», за которую его страна и вправду заплатила слишком дорого. Черчилля интересовала лишь война, его невнимание к внутренним проблемам страны позволило социалистам упрочить свое положение и одержать победу на выборах 1945 года. Таким образом, по окончании военного конфликта обедневшая Англия утратила свои позиции, отныне она вынуждена была рассчитывать только на собственные силы и уже не могла, как встарь, влиять на ход истории. Иными словами, черчиллевская риторика с грехом пополам прикрывала упадок, в котором находилась страна. Вопреки золотой легенде, превозносившей Черчилля до небес как победителя в битве титанов сороковых годов, он оказался колоссом на глиняных ногах.

И тем не менее в ответ на эти выкладки радикальных ревизионистов можно возразить вслед за здравомыслящими людьми, которые, отнюдь не являясь поклонниками Черчилля, не утратили способности трезво мыслить: независимо от участия или неучастия Британии в военных действиях ее силы были основательно подорваны, и конец ее могущества неотвратимо приближался. И разве мог британский премьер-министр повлиять на процесс деколонизации, который к тому времени уже четко наметился, особенно в Индии? С другой стороны, утверждения о том, что в 1945 году Черчилль открыл путь социализму в Англии и коммунизму за ее пределами, совершенно необоснованны. Ведь очевидно, что с того момента, когда Красная армия заняла Берлин, Прагу и Вену, в то время как командование англо-американских войск избрало гораздо менее кровопролитную стратегию, уже ничто не могло помешать коммунизму утвердиться на половине европейской территории.

*

Вот почему автор этой книги поставил перед собой цель, отрешившись от традиционных представлений и штампов, понять, каким же был Уинстон Черчилль на самом деле; рассказывая о его общественной деятельности, уделить внимание личной жизни и семейным отношениям Черчилля и попытаться проникнуть в тайну этого великого человека. Менялся ли Уинстон Черчилль в зависимости от обстоятельств или всегда оставался верен себе? Сколь велико было влияние этого человека на самом деле? В чем был смысл его жизни, полной борьбы? Какая взаимосвязь существовала между Черчиллем, его эпохой и его страной?

Глава первая

ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ ЮНОСТИ

1874–1900

Патриций

В понедельник 30 ноября 1874 года в половине второго пополудни юная леди Рандольф Черчилль произвела на свет мальчика, которому в свое время суждено будет на протяжении пяти лет вершить судьбы Англии, да и всего мира. Радостное событие произошло в родовом замке Бленхейм, в комнате, где в спешном порядке произвели необходимые приготовления, чтобы принять роды.

Новорожденный младенец был потомком старинного дворянского рода, уходящего своими корнями в далекое прошлое. Еще в летописях XI века можно встретить упоминание о предполагаемом предке Черчилля, некоем Отоне де Леоне, владевшем поместьем Джизорз. Его сын, судя по всему, принимал участие в битве при Гастингсе в войске Вильгельма Завоевателя. В летописях XIII века осталось имя Джоселина де Черчилля, владетельного сеньора, проживавшего в Девоне. Большее доверие в семейной генеалогии Черчиллей внушает ветвь мелкопоместных дворян Дорсет, к которой принадлежал первый, вышедший из мрака неизвестности предок с судьбоносным именем — Уинстон Черчилль. Это был мелкий сквайр, своевольный и упрямый, не знавший себе равных в умении впутываться в безнадежные авантюры. Встав на сторону короля Карла I и потеряв свое состояние, Уинстон Черчилль написал на своем гербе испанский девиз: *Fiel pero desdichado* — «Верный, но неудачливый». На досуге он писал исторические сочинения и оставил потомкам пространный трактат во славу английских королей.

Однако главная заслуга «верного, но неудачливого» состояла в том, что его зятем был великий Мальборо, герой семьи Черчиллей, прославившийся в веках победой над Королем-Солнцем. Именно незабвенному Мальборо его потомок Уинстон посвятил монументальную восторженную биографию, написанную в период с 1933 по 1938 год.

Джон Черчилль, родившийся в 1650 году, стал герцогом де Мальборо в

1702-м, а в 1705-м получил титул князя Священной Римской империи (германской нации). В нем уживались два человека. В Лондоне это был ловкий придворный оппортунист, честолюбивый интриган. Его совесть не молчала, когда он предал Якова II и вновь стал союзником Вильгельма Оранского. Жена Джона Сара, на которой он так удачно женился в 1677 году, была фавориткой королевы Анны. Взойдя на трон в 1702 году, Анна сразу же поручила Мальборо командование английскими войсками на материке ввиду возможной войны с Францией. На поле брани Джон Черчилль не имел себе равных. Это был непревзойденный военачальник того времени, одаренный тонким тактическим чутьем. Его любили офицеры и простые солдаты. Чередой громких побед, одержанных ими над французскими и испанскими войсками, — в Баварском Бленхейме в 1704 году (это сражение известно в Англии как «битва при Бленхейме», а во Франции — как «битва при Хокштадте»), в Рамильи, Уденарде, Малфаке в период с 1706 по 1709 год — разрушила гегемонию Людовика XIV в Европе. Но из-за алчности и высокомерия Джон впал в немилость, и в 1712 году, обвинив полководца во взяточничестве, его подвергли временному изгнанию. К концу жизни он превратился в жалкого старика, душу которого переполняла горечь.

Именно в 1704 году королева Анна в награду за военные подвиги при Бленхейме даровала победителю огромное поместье площадью в восемьсот гектаров в Вудстоке, по соседству с Оксфордом, с тем чтобы прославленный полководец выстроил себе герцогский замок. Уинстон Черчилль впоследствии называл его фараоновскими апартаментами (на одной только площадке перед парадным подъездом мог поместиться целый полк). Это величественное здание возводили величайшие архитекторы того времени — Ванбрук и Хоксмор. В замке было три главных корпуса, центральный из которых венчали четыре каменные башни и портик с широким фронтоном. Внутренние апартаменты расписывали знаменитые художники, а в огромном парке, засаженном могучими деревьями, была установлена колонна в честь победы герцога Мальборо. Дворец поражал воображение своими размерами и множеством окон. Его внешняя привлекательность отходила на второй план, уступая место торжественности. Да и в целом здание больше напоминало памятник, нежели семейный особняк. Недаром это единственный замок в Англии, который, не являясь собственностью августейшей фамилии, по праву именовался дворцом, ведь по традиции так называют лишь королевскую резиденцию.

Но несмотря ни на что, Уинстон Черчилль всегда любил этот старый

замок, ставший свидетелем его рождения. «Именно там, — говорил он, — я принял два самых важных решения в своей жизни — появиться на свет и жениться, и мне никогда не приходилось раскаиваться ни в одном из этих решений». Он пожелал быть похороненным рядом со своими отцом и матерью на кладбище в соседней деревушке Бладон, откуда видна кровля их семейного замка. Черчилль хранил нерушимую, безотчетную верность семье Мальборо, эта верность была у него в крови. Он всегда свято чтит и уважал — две не свойственные ему черты — память основоположника династии Черчиллей, хотя ни дед Уинстона, седьмой герцог Мальборо, ни его отец, мот и ловелас, ни кузен Санни, унаследовавший титул, не оставили яркого следа в истории своей общественной или частной жизнью.

Чарующая атмосфера Бленхейма, где все напоминало о славном прадеде-полковнике, произвела неизгладимое впечатление на юного Уинстона. Мальчик бредил военной славой и пришел к убеждению, что «сражения суть знаменательные события мировой истории» и что судьбы наций зависят от воли человека: «Во всех великих битвах прошлого успеха добивался тот, кто проявлял высшую силу воли, способную вырвать победу из лап противника». Стало быть, лишь одному приказу стоит повиноваться — приказу к бою! (*Fight on!*)^[12].

Итак, мальчика, родившегося в ночь на 30 ноября 1874 года, нарекли Уинстоном Леонардом Спенсером Черчиллем. Уинстон — традиционное имя в семье Черчиллей начиная с XVII века, именно это имя носил дед маленького Уинстона по отцовской линии, седьмой герцог Мальборо. Леонард — в честь деда по материнской линии, Леонарда Джерома. Двойная фамилия Спенсер Черчилль образовалась в результате заключенного некогда союза. У достопочтенного Джона Черчилля не было наследника-сына, и когда в 1700 году он выдал дочь замуж за отпрыска другого знатного аристократического рода Чарльза Спенсера, графа Сутерландского, к фамилии Черчилль официально была прибавлена фамилия Спенсер. Вот почему Уинстон Черчилль подписывался инициалами WSC — Winston Spencer Churchill.

Будущий премьер-министр появился на свет в исключительно благоприятных социальных условиях. Его окружала атмосфера богатства, власти и непререкаемого авторитета старой земельной аристократии, среди которой герцоги занимали высшую ступень иерархии. Все двери были широко открыты перед молодым патрицием, с младенчества привыкшим к роскоши, почестям и уважению. Тепличные условия, в которых проходила жизнь правящей элиты, символизирует один-единственный факт: Черчилль спустился в метро лишь однажды — в 1926 году во время всеобщей

забастовки.

Немало добрых фей слетелось к колыбели маленького Уинстона, чтобы благословить его. Будущий премьер-министр был отпрыском младшей ветви рода Мальборо — двойная удача для него, поскольку теперь ничто не могло помешать ему вступить в палату общин и сделать там карьеру. Ведь успешная работа в палате — залог большого политического будущего. Недаром на рубеже веков Солсбери был последним представителем палаты лордов, занимавшим резиденцию на Даунинг стрит, тогда как все десять премьер-министров, сменивших друг друга на этом посту в период с 1902 (начало политической карьеры Черчилля) по 1955 год (дата его ухода из политики), были представителями палаты общин.

Уинстон принадлежал к высшей касте привилегированного сословия как по отцовской линии, так и по материнской. При этом их избранность основывалась не только на знатности рода, но и на обладании значительным состоянием. Летом 1873 года во время королевской регаты на острове Уайт отец Уинстона, лорд Рандольф Черчилль, встретил американку Дженни Джером. Девятнадцатилетняя Дженни, наследница большого состояния, была необыкновенно хороша собой. Они полюбили друг друга с первого взгляда и сразу же решили пожениться. Бракосочетание состоялось 15 апреля 1874 года в часовне посольства Великобритании в Париже, где в то время жила невеста. Вернувшись в Лондон на время светского сезона, молодожены закружились в вихре праздников и удовольствий, и их светский сезон растянулся на многие годы. Поговаривали даже, что чересчур резвые па юной леди Рандольф на очередном балу в замке Бленхейм стали причиной преждевременных родов. Разумеется, в семейной биографии Черчиллей приведена официальная версия появления маленького Уинстона на свет: преждевременные роды. Однако в то время, когда происходили описываемые события, это преждевременное разрешение от бремени через семь с половиной месяцев после свадьбы вызвало немало толков в порядочном обществе. Обстоятельство глубоко символичное, чему мы встретим еще немало подтверждений: впервые Черчилль бросил вызов условностям, едва появившись на свет...

Отец Уинстона, которым он бесконечно восхищался, был незаурядным, но вспыльчивым и сварливым человеком с удивительной и вместе с тем трагичной судьбой. Лорд Рандольф Черчилль принадлежал к одному из знатнейших родов Англии. Получив образование в Итоне и Оксфорде и будучи младшим ребенком в большой аристократической семье, в 1874 году двадцатичетырехлетний Рандольф был избран депутатом

от партии консерваторов Вудстока, где находилось его родовое поместье. Он был необыкновенно талантливым человеком. В нем сочетались утонченность и огромное обаяние. Лорд Рандольф обладал живым умом и хорошими ораторскими способностями. Его речь отличалась остроумием, подчас язвительностью, а колкие замечания метко попадали в цель. Все говорило о том, что Рандольфу Черчиллю уготовано большое будущее, ведь он не скрывал своей цели — возглавить партию консерваторов.

Но отсутствие последовательности в действиях, нездоровый эгоизм, честолюбие, следствием которого были внезапные порывы, а не тщательно обдуманные решения, сводили на нет все его начинания. «Цезарь или ничто», — сказал он однажды своей матери. Не став Цезарем, Рандольф Черчилль обрек себя на никчемное существование. Положение усугублялось тем, что он был подвержен маниакальной депрессии. Лорд Рандольф то впадал в глубокое отчаяние и не мог пальцем пошевелить от усталости, то развивал кипучую деятельность, а его капризы любителя наслаждений, раба плоти, человека, для которого игра и скачки стали наркотиком, сурово осуждались в аристократическом обществе. «При всей своей неотразимости, — отмечал в своем дневнике лорд Дерби, — этот человек ведет весьма сомнительный образ жизни, едва ли достойный джентльмена, может статься, его разум помутился»^{13}.

Однако первые шаги лорда Рандольфа в политике были многообещающими. Его секрет успеха заключался в простом постулате, правомерность которого подтвердило будущее: в эпоху демократизации и распространения всеобщего избирательного права партия консерваторов должна искать поддержки у населения городов, переживающих пору расцвета, а не рассчитывать преимущественно на жителей сельской местности, как это было до сих пор. И с 1880 года лорд Рандольф, став лидером нового торизма, получившего название «демократический», утверждается во главе Консервативной партии Подснежника, окрещенного «четвертой партией». «Будущее партии тори, — заявляет Рандольф Черчилль, — а также ее истинное призвание — в единении с народом». В его программе по-прежнему нет ясности, но зато намечена выигрышная стратегия на будущее, центральной фигурой которой был Дизраэли. Идеи и политическая линия отца сыграли немаловажную роль в формировании взглядов Уинстона Черчилля. Несомненно, его колебания между партиями консерваторов и либералов, равно как и выработка собственной концепции торизма объясняются влиянием отца, а также честолюбивыми планами самого Уинстона.

Пик популярности лорда Рандольфа приходится на 1885–1886 годы,

когда ему удалось войти в число первых государственных деятелей того времени. Его посвящение в политическую элиту было ошеломляющим: лорд Солсбери доверил Рандольфу Черчиллю пост министра финансов в правительстве, сформированном после успеха консерваторов и юнионистов на выборах 1886 года. Но крах новоиспеченного министра финансов был не за горами. Лорд Рандольф уже много лет был болен сифилисом, и тяжелый недуг подорвал его силы. Коллег-министров раздражало постоянное стремление Черчилля во все вмешиваться, главным образом в дела внешней политики и обороны. И тогда он совершил роковую ошибку: спустя пять месяцев после своего назначения подал в отставку, бросая вызов недругам. Вопреки его ожиданиям, отставка была немедленно принята премьер-министром. Так поддавшись сиюминутному порыву, лорд Рандольф разрушил свою политическую карьеру, закончившуюся теперь уже навсегда. Измученный безжалостной болезнью, последние годы жизни он проводил за светскими занятиями, накапливая долги (после смерти Рандольфа Черчилля его долг банкирам Ротшильдам составлял шестьдесят семь тысяч фунтов стерлингов). Ездил за границу, жил в деревне, не уделяя, однако, много времени воспитанию сына. Разбитый параличом, превратившийся в собственную тень, Рандольф Черчилль умер 24 января 1895 года в возрасте сорока пяти лет.

Леди Рандольф Черчилль вела яркую жизнь, искрящуюся тысячами огней. Звезды не предрекали ей ни обвинения в измене, ни преждевременной кончины, хотя и ее существование было отмечено трагической печатью поражения. Созданная для обольщения и удовольствий, Дженни, как ее называли, брала от жизни все. Она порхала по лондонским гостиным, одержимая светским, а точнее, великосветским тщеславием, пока ее звезда не закатилась после двух поздних неудачных замужеств. Неудивительно, что и мать почти не уделяла времени своему маленькому сыну, и Уинстон, повзрослев, отвечал ей тем же.

Дженни Джером была дочерью крупного нью-йоркского предпринимателя Леонарда Джерома, прозванного «королем Уолл стрит». Леонард Джером, человек своенравный и легкомысленный, то обладал сказочным богатством, то бывал вконец разорен. Свою дочь, родившуюся в 1854 году, он назвал в честь шведской оперной певицы Дженни Линд. «Соловей Швеции» — так ее величали — была официальной любовницей Джерома. Его семья, исповедовавшая протестантскую веру, эмигрировала из Франции сначала в Англию, а затем в Соединенные Штаты Америки. Поговаривали, что после этого переезда в жилах Джеромов появилась примесь ирокезской крови, чем якобы и объяснялись темный цвет волос и

смуглая кожа леди Рандольф. Уинстон Черчилль, будучи романтиком, наделенным богатым воображением, не сомневался в том, что его появление на свет — результат союза двух миров, старого и нового. Впрочем, молодого человека с многообещающим будущим не могла оставить равнодушным мысль о том, что в его жилах голубая кровь потомственных аристократов смешалась с кровью краснокожих.

Юность Дженни прошла в Париже, куда ее увезла мать после разрыва с отцом и где они жили с 1867 по 1873 год. Там девушка постигала великую французскую культуру, сблизилась с императорским двором и получила новое имя — Жанет. Выйдя замуж, она сразу же с головой окунулась в светскую жизнь, сплошь состоявшую из удовольствий и праздников, заполнявших досуг высшего общества. Балы, званые обеды, скачки, игры следовали друг за другом вперемежку со всевозможными чудачествами — ради веселого времяпрепровождения супруги не останавливались перед самыми безумными расходами. А спустя несколько лет родители Уинстона предпочли жить отдельно друг от друга, чтобы на воле наслаждаться своими приключениями. Ведь суровые законы викторианской морали не распространялись на высшую аристократию, и это привилегированное сословие могло позволить себе любую вольность.

Интернациональный кружок поклонников вокруг хорошенькой, обворожительной леди Рандольф постоянно обновлялся на протяжении многих лет. По слухам, один из ее первых почитателей, Джон Стрейндж Джоуселин, пятый граф де Роден, полковник шотландских гвардейских стрелков (в составе этой гвардии предстояло служить Уинстону Черчиллю во Фландрии в 1916 году), был отцом младшего брата Уинстона. В 1880 году леди Рандольф произвела на свет второго сына, Джона *Стрейнджа* Черчилля, которого обычно называли Джеком. И по-прежнему остается неясным, кто же являлся отцом брата, или, что вероятнее, сводного брата Уинстона Черчилля. Последний тем не менее всегда был очень привязан к Джеку. Это был безобидный и ничем не выдающийся человек, его карьера биржевого маклера не была отмечена никакими неприятными историями, и он всю жизнь прожил в тени старшего брата, которым очень гордился. Джек умер в 1947 году от сердечного приступа. По странному совпадению мужем его дочери Клариссы был Энтони Иден, будущий премьер-министр, сменивший на этом посту Уинстона Черчилля.

Дженни Рандольф пускала в ход свой талант обольщения главным образом в кругу высшей аристократии. Помимо романов с лордом Эберноном, лордом Дунравеном, а также графом Гербертом фон Бисмарком ей приписывали связь с самим принцем Уэльским. Среди французских

обожателей леди Рандольф следует отметить маркиза де Бретей (с которого Пруст писал своего маркиза де Бреоте) и Поля Бурже. Но ее бесспорным фаворитом был австрийский дипломат граф Кински, отпрыск венгерского аристократического рода, отличавшийся великолепной выправкой. Это был блистательный кавалер, на долгие годы покори́вший сердце прекрасной леди Рандольф (злые языки называли их роман «австрийским альянсом»). Разумеется, у Дженни, всецело поглощенной светской суетой и своими удовольствиями, не находилось времени для маленького Уинстона, которому очень не хватало материнского тепла.

Между тем, невзирая на возраст, который, впрочем, нисколько не отразился на ее внешности, и не считаясь с мнением сына, леди Рандольф затеяла очередную безнадежную авантюру. В 1900 году она вышла замуж за своего любовника Джорджа Корнуэллеса-Веста, лейтенанта шотландской гвардии, который был моложе ее на двадцать лет. В 1913 году он развелся с леди Рандольф, предпочтя ей актрису миссис Патрик Кэмпбелл. Дженни не стала отчаиваться и в 1919 году вышла замуж в третий раз. Ее избранник, высокопоставленный чиновник Монтэгю Порч, служил в английских колониях. Общество этого невзрачного человека было не лишено приятности. Однако разница в возрасте сделала леди Рандольф, которая была старше мужа на двадцать три года, посмешищем в глазах порядочных людей. Несмотря ни на что, Уинстон всегда горячо любил свою мать, свою верную сообщницу в юношеских проказах. «Наши отношения, — писал Черчилль впоследствии, — больше напоминали отношения сестры и брата, нежели матери и сына»^{14}. Он искренне оплакивал ее смерть, оборвавшую полет блистательной, ветреной героини эпохи начала XX века. Дженни Рандольф скончалась в 1921 году.

Детство и юность, полные страданий:

1874–1895

Согласно обычаю, принятому в высшем обществе, родители не занимались воспитанием маленького Уинстона. Как только ребенок родился, его сразу же отдали кормилице, которая взяла на себя всю заботу о малыше. Уинстону повезло. Нянюшка, на которую пал выбор, надежная женщина лет сорока по имени Элизабет Эверест, прониклась к малышу глубокой нежностью, да и сам Уинстон был бесконечно к ней привязан.

Портрет кормилицы висел у Черчилля в спальне на протяжении всей его жизни. Ни отец, ни мать, поглощенные светскими занятиями, не могли уделять сыну много времени. Уинстону постоянно не хватало родительского внимания и тепла. Это наложило глубокий отпечаток на его раннее детство, прошедшее в Лондоне и Дублине, где с 1877 по 1880 год лорд Рандольф занимал пост при вице-короле и где вместе с ним жила его семья. Впрочем, и в школьные годы Уинстон по-прежнему был лишен родительского внимания.

К счастью, миссис Эверест, или «мадам» (незамужних дам зрелого возраста, исполнявших обязанности няни, обычно называли «мадам»), ревностно заботилась о благополучии этого рыжеволосого ангелочка с голубыми глазами. Ведь он был таким славным и миленьким, несмотря на то, что часто капризничал и уже проявлял свой волевой характер. Миссис Эверест придерживалась разумных принципов воспитания, а ее безграничная преданность заменяла мальчику материнскую любовь, которой ему так не хватало. Уинстон сохранил о ней самые нежные воспоминания, и когда ему было уже пятьдесят лет, глубокая признательность няне отразилась в его воспоминаниях: «Моя мать блистала для меня, словно яркая звезда на вечернем небосклоне, я нежно любил ее, но она была далека. Кормилица же заботилась обо мне и отвечала на все мои вопросы, ей я доверял свои тайны и печали»^[15]. В юношеском романе «Саврола», написанном Уинстоном на исходе отрочества, встречается эпизод, автобиографичность которого не вызывает сомнений. В нем автор трогательно описывает добрую, нежную «нянюшку» героя: «Сразу после своего появления на свет он был отдан на воспитание кормилице, ежесекундно окружавшей его преданной заботой. Странная это любовь, наверное, единственная бескорыстная любовь на свете». «Ведь насколько естественна любовь матери к сыну, юноши к своей подруге, человека к собаке, настолько, — продолжает автор, — любовь приемной матери к ребенку, заботу о котором ей поручили, на первый взгляд кажется совершенно необъяснимой».

Уинстону было семь лет, когда началась его школьная жизнь. Сначала мальчика отдали в пансион Сэнт Джордж Скул, помещавшийся в богатом особняке в Аскоте. К несчастью, в пансионе придерживались традиционных взглядов на педагогику, поэтому особое внимание уделялось заучиванию наизусть и телесным наказаниям. Неудивительно, что Уинстон невзлюбил свою первую школу, о чем свидетельствовали нелестные характеристики, полученные «недисциплинированным, неумеренным в еде и неаккуратным» учеником Черчиллем. Так прошли два года, после чего

родители решили перевести сына в пансион девиц Томсон в Брайтоне. Там Уинстон оставался с 1884 по 1888 год, по-прежнему сторонясь товарищей. Что же касается его оценок за успеваемость и поведение, они почти не изменились.

В конце концов лорд Рандольф решил записать сына в одну из самых знаменитых частных школ Англии Хэрроу, соперничавшую с самим Итоном. Там Уинстон томился чуть более четырех лет. По окончании Хэрроу ему исполнилось восемнадцать, но он продолжал получать наказания и посредственные оценки и так и не нашел общего языка с товарищами. Преподаватели отмечали его «забывчивость, рассеянность, вечные опоздания, систематическое нарушение дисциплины». По их мнению, Уинстон, обладая незаурядными способностями, мог стать первым учеником в классе, между тем как его отметки по-прежнему были едва ли не самыми низкими^[16]. Лишенный родительской заботы, Уинстон был непокорным, беспокойным и задиристым юношей. Даже во время каникул окружающие обращали внимание на его недисциплинированность, частые перепады настроения и внутреннюю растерянность. И лишь путешествуя по мирам, созданным его богатым воображением, он становился другим человеком. От внутренней растерянности не оставалось и следа, когда огромная армия оловянных солдатиков — а их у Уинстона были тысячи — беспрекословно выполняла любые маневры, повинаясь лишь прихоти его фантазии. Леди Рандольф первой пришлось столкнуться с непокорным, беспокойным характером сына. Позже она говорила: «В детстве на Уинстона нелегко было повлиять»^[17].

Лорд Рандольф, человек выдающийся, но сдержанный и суровый, порой непредсказуемый и жестокий, был не способен на проявление нежности. Легкомысленная, ветреная леди Рандольф также была далека от сына, ослепленная блеском светской жизни, она не думала ни о чем, кроме суетных развлечений. Равнодушие родителей оставило глубокий след в душе Уинстона. Об этом свидетельствуют его многочисленные письма домой, адресованные главным образом леди Рандольф. Некоторые из этих писем растрогали бы самую черствую душу. Девятилетний Уинстон, находясь в Аскоте, сетует, что не получил от матери ни весточки за целый триместр. Письмо, написанное им в тринадцать лет, исполнено горького разочарования: родители не смогли провести с сыном рождественские каникулы, и ему пришлось довольствоваться обществом кормилицы. В письме из Хэрроу (куда мать однажды написала ему, что он всего лишь «маленький ленивый сорванец») семнадцатилетний Уинстон изливает свою

тоску: «Меня удивляет и огорчает, что вы с папой относитесь ко мне, словно у меня нет сердца, которое может страдать», — и несколько дней спустя: «Умоляю, прислушайся к моим словам. Я бесконечно несчастлив. Сейчас я плачу. Милая мама, пожалуйста, не будь сурова со своим сыном, который тебя обожает. Не сердись на мои глупые письма. Позволь мне, по крайней мере, думать, что ты меня любишь. Милая мама, я в отчаянии (...) Я не знаю, как мне быть дальше. Мне так грустно»^[18]. Если и есть в этих письмах некоторая доля расчета и склонность к драматизации, жалобы Уинстона, как бы то ни было, красноречиво свидетельствуют о том, что ребенку отчаянно не хватает родительской ласки, и это больно ранит его чувства. С детства окруженный роскошью, символизирующей могущество его семьи, Уинстон вовсе не чувствовал себя защищенным, тем более понятным. Его детство и отрочество были полны страданий.

Однако более серьезного внимания заслуживает следующее обстоятельство. Уинстон Черчилль, как и его предок Мальборо, да и многие великие люди, на протяжении всей своей жизни страдал от приступов глубокой депрессии. С детских лет и до последних дней депрессия была решающим фактором, определяющим его поступки, хотя в большинстве случаев Черчиллю удавалось скрывать свой недуг. В периоды депрессии им овладевало уныние, безысходная тоска терзала его и повергала в отчаяние. Черчилль сознавал, что подвержен психической патологии, и даже называл ее «черной собакой», потому что она неизменно сопровождала его в черные дни неудач.

Психиатр Энтони Сторр, тщательно исследовавший случай Черчилля, обнаружил в его депрессии источник ненасытного честолюбия и кипучей активности премьер-министра. Эти психологические особенности в развитии характера Черчилля нетрудно проследить. Недостаток родительского тепла и чувство одиночества, испытанное в раннем детстве, травмировали душу ребенка. С тех пор он отчаянно хотел преуспеть любыми средствами, чтобы возместить отсутствие любви и преодолеть преследовавшее его чувство неуверенности. Его подвиги для окружающих и для него самого должны были служить доказательством незаурядных способностей и талантов. Одним словом, только всеобщее признание могло убедить этого нелюдимого ребенка в собственной значимости. Отныне восхищение и любовь к нему должны были быть безмерны, как безмерны были страдания отвергнутого ребенка.

Тогда становится понятным глубинный, всеобъемлющий, нередко принимавший чудовищные формы эгоцентризм Черчилля. Становится понятной и неизменная жажда успеха и славы, ведь только завоевав их, он

мог заставить замолчать душившие его сомнения в собственной значимости. «Если бы я не преуспел, — писал он своей матери, — для меня это была бы катастрофа! Неудачи разбили бы мне сердце, ведь честолюбие — моя единственная опора»^{19}. Чтобы достичь цели, он выковал себе железную волю, он поступал дерзко, бравировал, хотел совершить все подвиги на свете. Черчилль не стремился поразить современников, он жаждал задушить собственную неуверенность, подавить собственный страх. Двойной комплекс неполноценности и превосходства, преследовавший Черчилля всю жизнь, отразился в признании, сделанном им Вайолет Асквит: «Все мы не больше, чем земляные черви, но себя я считаю светляком»^{20}.

И не потому ли Черчилль, несмотря на свое обаяние и остроумие, никогда не был особенно привлекателен и популярен, подчас его даже ненавидели — в колледже и полку, в парламенте и кабинете министров? Но разве могли товарищи и коллеги испытывать к Черчиллю что-то помимо раздражения и недоверия, ведь он был бессовестным честолюбцем, который не задумываясь переступил бы через любого из них ради достижения своей цели? Беда Черчилля была в том, что он не мог обуздать своего безмерного честолюбия, ставшего неотъемлемой частью его существа.

Позже в двух своих работах Черчилль пытался путем замысловатого доказательства от обратного выставить этот крест, вынесенный из несчастливого детства, преимуществом, приносящим победу в жизни. Он убеждал себя, что многие великие люди в конечном счете извлекали выгоду из несчастий, пережитых ими в начале пути и лишь закаливших их характер. Начиная биографию герцога Мальборо, Черчилль утверждал в свете установленной им связи между своим несчастным детством и судьбами великих людей: «Нужно в юности пройти через тиски соперничества, выдержать суровые испытания обстоятельствами, стерпеть жало насмешек и унижений, чтобы обрести стойкость духа и сосредоточиться на единственной цели, без чего не совершить великих деяний». В своей книге о Суданской кампании «Война на реке» Черчилль обратился к личности царя дервишей Махди и вновь попытался убедить себя: «Одинокое растущие деревья, если им, несмотря ни на что, все же удастся вырасти, становятся сильными и крепкими. Так и ребенок, лишенный внимания отца, обретает силу и независимость духа, вознаграждающие его за детские обиды»^{21}.

Лет в пятнадцать Уинстон впервые задумался о своем будущем и сам выбрал себе карьеру, хотя отец уже давно все за него решил. В викторианскую эпоху перед младшим ребенком из аристократической семьи открывались три возможности: военная служба, религия, адвокатура. Ни религия, ни право Уинстона не привлекали, следовательно, оставалась карьера военного, тем более что она отвечала чаяниям юноши, грезившего о славных подвигах и приключениях.

Однако поступить в Королевский военный колледж в Сэндхерсте — своего рода английский Сен-Сир — было непросто, особенно если за поступавшим тянулся длинный шлейф неудов, полученных в предыдущих учебных заведениях. После того как сын дважды провалился на вступительных экзаменах, лорд Рандольф забрал Уинстона из Хэрроу, откуда молодой человек уехал без всякого сожаления, и определил его в лондонский *scamper*, нечто вроде фабрики бакалавров под названием «Заведение капитана Джеймса». В сем славном заведении, где обучение велось на редкость энергично, гарантировались положительные результаты даже у самых строптивых учеников. Несмотря на то, что в начале обучения Уинстона упрекали в «нарушении дисциплины, невнимательности, склонности поучать преподавателей», в конце концов он вынужден был подчиниться режиму интенсивной зубрежки, и шесть месяцев спустя долгожданный успех увенчал-таки его старания. 28 июня 1893 года Уинстона приняли в Сэндхерст, но лишь курсантом-кавалеристом, поскольку его результат на вступительных экзаменах был девяносто вторым из ста двух возможных, в основном из-за низких отметок по латыни, а в пехотных войсках к учебной подготовке курсантов предъявлялись гораздо более строгие требования.

Уинстон был довольно силен в истории и английском. Он рано начал учить французский язык и добился превосходных результатов. Тогда-то у него и появилась привычка сдабривать свою устную и письменную речь французскими выражениями, а впоследствии возможность поговорить по-французски всегда доставляла ему удовольствие. Впрочем, его собеседники не всегда разделяли с ним эту радость. Уже в двенадцатилетнем возрасте Уинстон играл Мартину, жену Сганарелля в «Докторе не по своей воле». А в 1883 году отец впервые взял его с собой в Париж, тогда их пребывание там продлилось недолго, первое же продолжительное путешествие Черчилля во Францию состоялось в 1891 году. Затем часть лета 1893 года он провел в Швейцарии, в следующем году побывал в Бельгии, где посетил поле битвы при Ватерлоо. Тогда же, несмотря на более чем прохладные отношения Англии с Францией, у Черчилля обнаружилось своего рода

франкофильство, и он глубоко скорбел о погубленных войной французских провинциях, которым посвящено написанное им в 1890 году стихотворение:

*Красавец Эльзас, Лотарингия скорбная,
Полны вы горечи, полны страдания
В сердцах сынов Франции^{22}...*

В Сэндхерсте Уинстон провел чуть больше года, с сентября 1893 года по декабрь 1894-го, красуясь в синем мундире курсанта. Об этом времени у него сохранились весьма приятные воспоминания. В избранном обществе будущих офицеров Ее величества Черчилль чувствовал себя как нельзя лучше, он не ропща подчинялся суровой дисциплине, охотно выполнял все необходимые упражнения. Сначала, правда, у наставников вызывали нарекания его хронические опоздания, впрочем, эта привычка осталась у Черчилля на всю жизнь, возведенная им в степень искусства. Распорядок колледжа был таков: подъем в шесть утра, урок владения оружием, марши, смотр, маневры, физкультура, верховая езда, теоретический курс. В целом набор дисциплин Уинстона устраивал, несмотря на то, что следствием такого интенсивного обучения были постоянная усталость и нервное напряжение. Ведь великий Черчилль никогда не мог похвастаться отменным здоровьем. Он был болезненным человеком, ниже среднего роста, но при этом в детстве сорви-голова Уинстон нередко причинял беспокойство миссис Эверест, пытавшейся его урезонить благоразумными наставлениями. «Бедняжка так неосторожен!» — писала она своему брату. В колледже Уинстон начал курить, отдавая предпочтение сигарам, и употреблять спиртное, впрочем, в меру. В то время виски и коньяк еще не были его любимыми напитками. Между тем оценки курсанта Черчилля с каждым месяцем становились все лучше, и на выпускном экзамене его результат был уже двадцатым из ста тридцати возможных.

Незадолго до окончания Королевского военного колледжа с Черчиллем произошла любопытная история, ставшая обязательным эпизодом всех его биографий. Речь идет о случае в мюзик-холле на Лестер сквер. Пресса подняла большой шум вокруг этого в общем-то незначительного происшествия, которое тем не менее свидетельствует о потребности Уинстона привлечь на себя внимание, а также о дерзости юного аристократа, бросившего вызов канонам викторианской морали. В поисках развлечений Уинстон с друзьями по Сэндхерсту время от времени

наведывался в лондонские мюзик-холлы. Бывал он и в одном из самых известных — мюзик-холле «Империя Лестер сквер», расположенном в самом центре лондонского квартала красных фонарей. Среди посетительниц бара и танцовщиц кордебалета «Империи» было немало дамочек легкого поведения. Вокруг этого рассадника порока и разгорелась ожесточенная полемика в связи с «борьбой за чистоту нравов», которую развернула группа активистов под предводительством меценатки миссис Ормистон Чант.

В ответ на «крестовый поход против порока» Уинстон поместил в «Вестминстер Газетт» статью, предусмотрительно подписанную инициалами. В этой статье будущий премьер-министр утверждал, что, «для того чтобы насадить добродетель в обществе, прежде всего нужно улучшить социальные условия жизни и развить образование, а не слушать раскрыв рот ханжеское словоблудие». Как бы то ни было, по распоряжению некоего лобби-пуританина «Империи» пришлось закрыть злополучный бар и отменить выступления кордебалета. Тогда Черчилль, заручившись поддержкой нескольких курсантов, решил организовать грандиозную манифестацию, которая и состоялась 3 ноября 1894 года. Облаченные во фраки смутьяны захватили мюзик-холл и опрокинули щиты, преграждавшие доступ в запретную зону. В разгар суматохи Черчилль произнес импровизированную речь, наделавшую много шума. В начале выступления он провозгласил свое кредо: «Дамы «Империи»! Я — защитник Свободы!» Разумеется, скандал, вызванный этой шумной вечеринкой, сразу же был подхвачен прессой. В «Таймс» было опубликовано письмо лондонского епископа, в котором он едко прокомментировал случившееся: «Никогда бы не подумал, что потомок Мальборо будет пользоваться таким успехом у проституток»^[23].

Вскоре после этого инцидента Уинстон сдал выпускные экзамены в Сэндхерсте и 20 февраля 1895 года получил чин младшего лейтенанта. Его зачислили в один из самых блистательных полков английской армии — полк гусар Ее величества (4-й гусарский полк королевы).

Между тем 1895 год был переломным в жизни Черчилля. Он простился с юностью и вступил во взрослую жизнь. В том же году Уинстон пережил две тяжелые утраты, глубоко поразившие его. В январе скончался лорд Рандольф, его смерть потрясла Уинстона, он долго не мог оправиться от этого удара, хотя в какой-то мере кончина отца-тирана освобождала его от властной, гнетущей опеки. Несмотря на то, что лорд Рандольф всегда обходился с сыном довольно жестоко, Уинстон вдруг возвел почитание отца в степень культа. Он преклонялся перед его памятью, а несколько лет

спустя посвятил ему подробную биографию, написанную весьма талантливо. «Я бесконечно любил отца и восхищался им, а после его преждевременной кончины — почитал его память (...) Я знал наизусть длинные отрывки из его речей. Безусловно, мои политические приоритеты сформировались под влиянием отца»^[24].

Другая смерть оставила неизгладимый след в сердце Уинстона. Его нянюшка, миссис Эверест, умерла в июле от воспаления брюшины. Бедная женщина впала в нищету, когда за два года до этого семья Черчиллей бесцеремонно отказалась от ее услуг, сославшись якобы на стесненность в средствах. Но несмотря ни на что, няня до последнего вздоха по-прежнему окружала нежной заботой своего дорогого Уинстона.

Смерть близких людей, начало военной карьеры — детство ушло безвозвратно. В жизни Черчилля начался новый этап, в который он вступил со своей обычной стремительностью, жаждой действия, культом энергии. Об этом свидетельствуют его проникновенные советы, которые он давал молодому поколению в эпизоде своей автобиографии, посвященном 1895 году: не терять ни секунды; сразу и решительно занимать позицию на поле боя, имя которому — жизнь; не довольствоваться тем, что есть; никогда не смиряться с поражением, ведь «мир существует, чтобы быть завоеванным»^[25].

В поисках славы:

боевое крещение и литературный дебют

(1895–1900)

Итак, Уинстон вступил во взрослую жизнь. Помимо военной карьеры, которую он избрал, перед ним открывалось много других блестящих возможностей. С чего же начать? По правде говоря, в глубине души Уинстон уже сделал выбор. Ему давно не давало покоя одно заветное желание. Он мечтал о политической карьере, мечтал оставить след в истории Англии, подобно великим героям своей родины. Одним словом, Уинстон желал преуспеть там, где его отец потерпел поражение. Молодой человек твердо верил в свою судьбу. Он писал матери: «Моя звезда ведет меня, — я хочу совершить что-нибудь замечательное в этом мире», ведь

«слава (...) — это лучшее, что может быть в жизни»^{26}. Эта уверенность в своем великом будущем, эта вера в свою звезду сближали Черчилля с Наполеоном. Великий полководец будоражил воображение Уинстона на протяжении многих лет, он даже хотел написать его биографию, а бюст императора долгое время украшал письменный стол будущего премьер-министра. Уже в первые месяцы своей службы в 4-м гусарском полку младший лейтенант Черчилль понял, что ремесло военного не для него, хотя служил он по-прежнему с удовольствием: «Чем дольше я служу, тем больше мне нравится служить, но тем больше я убеждаюсь в том, что это не для меня»^{27}.

И Уинстону повезло: его полк расквартировали в Альдершоте, маленьком гарнизонном городке, расположенном в пятидесяти километрах к юго-западу от Лондона. Ведь несмотря на ежедневные многочасовые упражнения в верховой езде, исполнение воинских обязанностей не лишало Уинстона возможности наслаждаться свободными минутами, к тому же он частенько бывал в увольнении. Это позволяло ему без особых усилий поддерживать знакомства в столице, а также наведываться в казарму к военачальникам. Общественное положение сына лорда Рандольфа Черчилля позволяло ему, облачившись в свою красивую красно-золотую форму, принимать и сопровождать высоких гостей, начиная с принца Уэльского и его сына, будущего короля Георга V, и заканчивая герцогом Кембриджским, главнокомандующим армией, и маршалом Робертсом. При этом косность, неповоротливость мысли товарищей-офицеров вызывали у Уинстона досаду. Честолюбивый юноша мечтал о далеких странах и приключениях, которые прославили бы его.

Кроме того, Уинстону пришлось столкнуться с денежными затруднениями. Жизнь офицера-кавалериста была недешева. Чтобы поддерживать честь мундира, требовалось около шестисот фунтов в год, а жалованье офицера кавалерии составляло сто пятьдесят фунтов. К тому же молодой Уинстон как истый аристократ, не привыкший считать деньги, тратил их не задумываясь, да и долги, которые, в свою очередь, делала его матушка, кого угодно могли свести с ума. Год от года положение ухудшалось, по меньшей мере до того момента, пока репортажи солдата-журналиста Черчилля не начали приносить ему солидный доход. Тем не менее привычка делать необдуманные расходы сохранилась у Уинстона на всю жизнь. Так, в письме к леди Рандольф, подсчитав, во сколько обошлись семейному бюджету их с маменькой капризы (бальное платье стоимостью в двести фунтов — это составляло жалованье обыкновенного рабочего за три

года, — и лошадь стоимостью в сто фунтов), Уинстон легкомысленно восклицает: «Все дело в том, что мы страшно бедны!»^[28]

Когда год спустя наш кавалерист узнал, что его полк будет отправлен в Индию, он не на шутку опечалился, ведь в этой стране он был бы обречен на тихую гарнизонную жизнь, и прощайте мечты о подвигах. Действительно, в октябре 1896 года 4-й гусарский полк расквартировали в Бангалоре, на юге полуострова. Это была холмистая местность с мягким климатом. Офицеров устроили с комфортом, и неприятности, связанные с бытом, их не обременяли. Младший лейтенант Черчилль занимал просторный дом, стоявший посреди великолепного сада, в котором росло не менее семидесяти видов роз. В распоряжении Уинстона было даже несколько слуг. По утрам он выполнял необходимые упражнения, а после полудня обыкновенно играл в поло. Черчилль страстно увлекался этой игрой, которая позволяла ему поддерживать хорошую физическую форму, одновременно служила своего рода развлечением и средством общения: случалось, британские офицеры играли против индийских князей. Черчилль говорил об игре в поло: «Это все равно что стегать хлыстом кобру». В юности он проводил за этой игрой часы напролет и даже в зрелые годы продолжал играть. Последний раз Черчилль взял в руки клюшку в 1926 году, случилось это на Мальте, ему тогда шел пятьдесят второй год.

Но несмотря на это развлечение, Уинстон скучал. Его тяготило однообразие гарнизонной жизни, к тому же индийская культура вызывала у него отвращение. Мечты уносили Уинстона далеко от полуострова. Часы вынужденного безделья он посвящал чтению и самообразованию, что до тех пор было ему несвойственно. Это стало для Уинстона настоящим открытием. Его любимыми авторами были признанные классики исторического жанра, на одном дыхании он прочел Гиббона и Маколея. Увлекался Уинстон и политическими, философскими трактатами и от случая к случаю заглядывал в литературную теорию и критику. Постепенно Уинстон значительно пополнил запас знаний и затем не раз удивлял собеседников своей осведомленностью. Однако его знания были очень разрозненными. Он мог прочесть наизусть отрывки из знаменитых произведений, прекрасно знал историю, и тем не менее пробелы в его образовании были порой шокирующими. Так, Вайолет Асквит была поражена тем, что министр Великобритании мог спутать поэта Уильяма Блэка с адмиралом, а врач Черчилля с удивлением узнал, что «Гамлета» его знаменитый пациент прочел лишь в восьмидесятилетнем возрасте!^[29]

Еще в Альдершоте Уинстон, спасаясь от монотонных будней гарнизона, затеял весьма рискованную авантюру. Он выпросил длительный отпуск и отправился на Кубу сражаться с повстанцами, взбунтовавшимися против испанского владычества. Бои продолжались всего несколько недель, и все-таки за это время Уинстон успел принять боевое крещение. Уехав из Индии в октябре 1895 года, он отправился сначала в Нью-Йорк, где познакомился с американским образом жизни. На Кубу Черчилль прибыл в конце ноября, а в декабре в рядах испанской армии принял участие в операции по подавлению восстания, получившей название «Сражение Ла Реформа». Уинстон показал себя храбрецом. Он сражался в первых рядах рядом с испанским генералом, командующим экспедицией. На счастье Уинстона, повстанцы были вооружены далеко не по последнему слову науки и техники. За свое мужество юный честолюбец получил испанский орден Красного Креста и был на седьмом небе от счастья.

Тогда-то Уинстон и сделал первые шаги в журналистике, отправив рассказ о своих кубинских приключениях в «Дейли Грэфик». Так он затем и поступал на протяжении многих лет и пользовался успехом как военный корреспондент. Для Черчилля, ставшего солдатом-репортером (первую печатную машинку ему подарили в 1893 году, Уинстону тогда было девятнадцать лет), это была двойная удача. Во-первых, Уинстон, привыкший сорить деньгами, но в последнее время столкнувшийся с денежными затруднениями, вдруг нашел надежный источник дохода, приносивший ему солидную прибыль, тем более что гонорары увеличивались по мере того, как росла популярность автора заметок. С другой стороны, для юноши честолюбивого и талантливого это была великолепная возможность прославиться. Словом, выгодный союз пера и шпаги, денег и славы. В своих рассказах о фантастических приключениях на далеком острове Уинстон давал волю воображению, кроме того, его заметки были проникнуты искренним патриотизмом. Благодаря этому удачному сочетанию, а также своему непомерному честолюбию и способностям к журналистике, ну и, конечно же, благоприятному стечению обстоятельств популярность Уинстона у соотечественников превзошла его собственные ожидания. Юного патриция с великолепной родословной возвели в ранг национального героя.

Лето 1897 года Уинстон, получив дополнительный отпуск, провел в Лондоне. Ему посчастливилось присутствовать на грандиозных торжествах по случаю бриллиантового юбилея королевы Виктории. В Лондоне Уинстон узнал о волнениях, вспыхнувших на северо-западной границе Индии, в высокогорном районе, разделявшем владения Британской,

Российской и Китайской империй. Если бы не этот бунт, Уинстон бы и дальше прозябал в Бангалоре, захолустном гарнизонном городишке, который он сравнивал с «третьесортным курортом» и где он вел затворническую жизнь вдали от родины и близких, обреченный на «жалкое бессмысленное существование, лишенное всякого интереса»^{30}. И вдруг неожиданно ему представилась возможность порвать с рутинной, взглянуть в лицо опасности, приняв участие в увлекательной экспедиции в стратегически важном районе земного шара и, кто знает, может быть даже совершить подвиг?! Уинстон посылал телеграмму за телеграммой военному руководству, умоляя зачислить его в экспедиционный корпус, которому было поручено провести операцию. Перед Малаканд Филд Форс — так назывался этот корпус — стояла задача захватить долины Малаканд. Это был труднодоступный район на границе Индии и Афганистана, к северу от Пешавара. Рядом пролегало знаменитое Хайберское ущелье. Нужно было усмирить взбунтовавшиеся местные племена, главным образом мохмандов, провозгласивших священную войну. Черчилля зачислили в экспедиционный корпус в качестве военного корреспондента, а вовсе не офицером, как он просил. И ему ничего не оставалось, как снова взяться за перо и заключить договор с «Дейли Телеграф», которая и публиковала его заметки с красочным описанием восточных пейзажей и динамичным сюжетом. Однако правительственные войска несли тяжелые потери, и в конце концов в октябре 1897 года Уинстона зачислили младшим лейтенантом в 31-й индийский пехотный полк Пенджаба.

Военные действия продолжались несколько недель, это была своеобразная герилья. Против кочевых племен, осадивших британские посты, устраивались засады, проводились репрессивные мероприятия. Сформированные на месте карательные отряды сжигали деревни и урожай на корню, засоряли колодцы, уничтожали запасы противника. В действительности это была гнусная колониальная война, кровопролитная, с проявлениями жестокости с обеих сторон. Наверное, лейтенант Черчилль осознавал это и не мог не испытывать отвращения к подобным методам ведения военных действий. Впрочем, жестокость тактики, избранной британским командованием, возмущала его в разумных пределах. Но в отличие от своих опубликованных работ — статей и написанной на их основе книги «История Малакандской полевой армии», вышедшей в марте 1898 года, — в своих письмах Уинстон не раз вспоминал о жестокости и кровопролитности тех сражений. «Я задаю себе вопрос, — писал он бабушке, герцогине Мальборо, — имеют ли британцы хоть малейшее представление о том, какую войну мы здесь ведем (...) Забыто самое слово

«пощада». Повстанцы пытаются раненых, уродуют трупы убитых солдат. Наши войска также не щадят никого, кто попадает к ним в руки, будь то раненый или невредимый. При этом, — добавлял Уинстон, — британские солдаты используют пули дум-дум» — последнее изобретение европейских инженеров (впоследствии Гаагской конвенцией 1899 года использование этих пуль было запрещено). В письме товарищу-офицеру Уинстон рассказывает, как пехотинцы сикхского полка бросили раненого противника в печь для мусора и сожгли его заживо^[31].

Все то время, что Черчилль находился на северо-западной границе, он вел себя очень неосторожно. Постоянно подвергал свою жизнь опасности, всегда был в самой гуще событий, щеголял своей храбростью. На самом же деле Уинстон методично проводил в жизнь заранее разработанный план, без прикрас изложенный им в письме матери. «Быть все время на виду, блистать, обращать на себя внимание, — пишет он, — именно так должен поступать человек, чтобы стать героем в глазах публики, в этом залог успешной политической карьеры. Однажды, — продолжал Уинстон, — я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие, может быть, это и глупо, но ставки в моей игре велики, тем более, когда у тебя есть зрители, дерзости нет предела. Ведь ясное дело, когда на тебя никто не смотрит, то и проявлять чудеса храбрости совсем ни к чему». Возвратясь в Бангалор, Черчилль, актер до мозга костей, отметил: «С удовольствием узнал, что мои безумства не остались незамеченными». И принялся описывать, как ему трижды выпадал случай погарцевать под перекрестным огнем на глазах у генерала и его офицеров и тем самым заслужить похвалу своему героизму. Если в конце концов Уинстону и не удалось получить медаль, на которую он так надеялся, наш герой был горд тем, что ему, по крайней мере, объявили благодарность в приказе^[32].

Отдаленный звук медных труб славы постепенно нарастал. Честно говоря, тщательно продуманная стратегия, которой придерживался Уинстон, была проста: в какой бы точке земного шара ни шли военные действия, где бы ни разгорался вооруженный конфликт, спешить туда и принимать активное участие в происходящем с единственной целью обратить на себя внимание, заставить говорить о себе, постараться прославиться с оружием в руках; на худой конец, участвовать в событиях в качестве военного корреспондента. Чем дальше от центра империи разыгрывалась драма, тем больше она волновала воображение островитян.

К тому же Черчиллю представилась возможность проявить свой недюжинный литературный талант. Помимо того, что появившиеся в газетах военные репортажи Уинстона принесли ему успех, он понял, что на основе этих заметок можно написать настоящие книги, способные привлечь внимание широкой публики. Так, его первая большая работа «История Малакандской полевой армии», написанная за семь недель, была благосклонно принята критикой и девять тысяч экземпляров книги разошлись в течение года. Удача улыбнулась дерзкому юноше. Он с удовольствием обнаружил, что деньги и слава могут так удачно сочетаться. Это был единственный урок, который Черчилль запомнил на всю жизнь. И снова он открыл матери свое сердце: «В наше время нужно уметь подать себя, борясь за место под солнцем с лучшими представителями рода человеческого»^[33]. Что это — цинизм или простодушие?

Вот почему, подумав было отправиться в поисках славы в Грецию или снова в Индию, Уинстон остановил свой выбор на долине Нила. Сказались его любовь к Востоку и увлечение историей. Начиная с 1896 года англо-египетская экспедиция вела активные военные действия в долине Нила, медленно продвигаясь на юг. Перед экспедицией, которой командовал генерал Китченер, стояла цель вновь завоевать Судан. Жители этого государства, поработанного и нещадно эксплуатируемого Египтом на протяжении большей половины XIX века, подняли восстание в 1883 году, откликнувшись на призыв духовного вождя Махди, что значит «вождь», «посланник Бога». Им удалось изгнать египтян и разбить британские войска, подоспевшие на помощь. Командующий английской армией генерал Гордон был убит в Хартуме. А «посланник Бога» основал огромную империю, простиравшуюся от Нубии до границ Уганды и от Красного моря до Чадской пустыни. После смерти вождя его преемник, калиф Абдалла, продолжал царствовать, опираясь на могучую армию «дервишей», как англичане называли этих грозных воинов. Для британцев ставка была слишком высока. Ведь они стремились не только разрушить империю дервишей и восстановить господство Лондона в Судане, но и опередить французов в низовьях Нила, стратегически важном районе, для контроля над африканским континентом. Тем не менее экспедиция Маршана, оставившая Конго в 1897 году, достигла Фашода на Белом Ниле раньше англичан, в июле 1898 года. Участие в этой экспедиции открывало блистательные перспективы, и Уинстон целых два года — 1897 и 1898 — только об этом и думал. Шутка ли — «вторая египетская экспедиция», которую снарядили сто лет спустя после первой?!

Уинстон неудержимо рвался к цели, чего он только не предпринимал

— использовал связи отца, обращался за помощью к матери. Житейская сметка, обаяние, чудесные светские манеры, влияние леди Рандольф, казалось, должны были открыть перед ее сыном любые двери. «Умоляю тебя, — слезно просил Уинстон мать, — не останавливайся ни перед чем, стучи во все двери, не принимай отказов». И Черчилль не остался перед ней в долгу. Позднее в своих мемуарах он, по обыкновению, очень образно описал ее старания: «Чтобы помочь мне, моя мать дергала за все ниточки, поворачивала все рычаги, до каких могла дотянуться, нажимала на все известные ей пружины»^{34}. Но тщетно. Вдруг счастье улыбнулось Уинстону. Неожиданная встреча с премьер-министром лордом Солсбери оказалась решающей: лейтенант Черчилль был зачислен в 21-й уланский полк. Произошло это знаменательное событие в июле 1898 года. И сразу же Уинстон поспешил в Каир, чтобы в августе догнать армию Китченера в верховьях Нила накануне решающего наступления. Одновременно, по-прежнему служа двум богам — Марсу и Аполлону, Уинстон заключил договор с «Морнинг Пост», в которую посылал заметки о ходе операции.

2 сентября 1898 года произошло сражение при Омдурмане. Этот день предрешил исход кампании. На левом берегу Нила, в виду Хартума, сошлись восемь тысяч британцев и восемнадцать тысяч египтян с одной стороны и шестьдесят тысяч дервишей — с другой. Битва началась на рассвете. Дервиши, избрав тактику численного превосходства, наступали тесными рядами. Однако в распоряжении британского главнокомандующего находились восемьдесят пушек и пятьдесят пулеметов *Максим*, уничтоживших живой заслон противника. 21-му уланскому полку, разбуженному звуками горна в четыре часа утра, был дан приказ наступать. Рысью, затем галопом британская конница перешла в атаку и смешала ряды противника. В пылу сражения Уинстон застрелил из револьвера нескольких дервишей. «Пистолет — самая прекрасная вещь на свете»^{35}, — говаривал Черчилль.

Это было настоящее побоище: дервиши потеряли десять тысяч человек убитыми и двадцать пять тысяч ранеными. А у англичан и египтян было сорок восемь убитых и четыреста двадцать восемь раненых. На Китченера возложили всю ответственность за зверства, омрачившие победу союзников, и главным образом, за истребление раненых. В Хартуме была осквернена могила Махди, его останки бросили в Нил, а череп забрали как военный трофей. И хотя впоследствии военные специалисты склонялись к мнению, что атака 21-го уланского полка была тактической ошибкой, так же как наступление легкой конницы в Крыму, в народной памяти осталось

лишь великое сражение, достойное пера Гомера. Черчилль всю жизнь гордился тем, что в двадцать три года ему, молодому офицеру, посчастливилось принять участие в последней в британской истории битве с участием кавалерии.

Тем временем армия Китченера продолжала продвигаться на юг вниз по Нилу. В середине сентября она достигла Фашода. В это же время в «Морнинг Пост» появились заметки Уинстона. Сам он, вернувшись в Египет, отправился оттуда в Англию, а в декабре снова уехал в свой полк в Индию. Однако в марте 1899 года Уинстон окончательно покинул субконтинент, а 3 мая подал в отставку, решив заняться политической карьерой.

Его репортажи, появившиеся в лондонских газетах, посеяли волнения среди граждан. Ведь уже в первой книге Черчилля «История Малакандской полевой армии» встречались эпизоды, в которых автор открыто критиковал действия командования. Кое-кто не без иронии предлагал озаглавить книгу «Советы младшего офицера генералам». Однако большинство отнесло эту дерзость на счет надменного характера молодого аристократа, которому не терпелось заявить о себе. И тем не менее на этот раз его довольно резкая критика командования Суданской кампанией нанесла ощутимый удар не только по генеральному штабу, но и по всей армии в целом. Порядочное общество было не на шутку возмущено дерзостью этого лейтенанта, позволявшего себе походя поучать старших по званию. И даже принц Уэльский, очень любивший Уинстона, был вынужден сделать ему замечание.

На основе репортажей с места событий Черчилль решил написать большое историческое полотно в тысячу страниц о Судане последней четверти века под названием «Война на реке». Книга вышла в ноябре 1899 года, сам автор находился тогда уже в Южной Африке. Критика в его книге была нацелена помимо прочих на самого главнокомандующего, чуть ли не заклятого врага Уинстона. А потому неудивительно, что генерал был представлен далеко не в выгодном свете: «Генерал Китченер никогда не заботился ни о себе самом, ни о ком бы то ни было. Он обращался с людьми, как с машинами, начиная с солдат второго класса, на приветствие которых генерал не отвечает вовсе, и заканчивая старшими офицерами, с которых он глаз не спускал. (...) Ни к раненым египетским солдатам, ни даже к раненым солдатам британской армии он не проявлял ни малейшего участия». Однако из последующих изданий книги этот эпизод, так же как и многие другие, таинственным образом исчез. Талант Черчилля заблистал уже в первом его историческом произведении, написанном убедительно и с

опорой на факты. Потом были другие книги, не менее талантливые. Уже в первой своей книге Черчилль выражал сожаление о горькой участи Судана и его жителей. Как трогательна была эта скорбь колонизатора и убежденного империалиста!

Только-только благополучно закончилось египетское приключение, как атмосфера снова накалилась — теперь уже на другом конце империи. Участие в новой кампании сулило еще больше блестящих перспектив, и юный патриций, конечно же, не мог упустить такой случай. Его ненасытное честолюбие требовало славы. А с того момента, как в Южной Африке в 1886 году были обнаружены месторождения золота, постоянно росла напряженность в отношениях Великобритании и бурских республик — Оранжевой и Трансвааля. В 1899 году кризис достиг апогея. Война, казавшаяся единственным выходом, была развязана 11 ноября. Вопреки всем ожиданиям длилась она целых три года. Уинстона давно влекло к этим далеким землям, и он, заблаговременно договорившись с редактором «Морнинг Пост», предложил свои услуги в качестве военного корреспондента и подписал выгоднейший контракт. Двадцатипятилетний юноша должен был получить гонорар в тысячу фунтов за четыре месяца, газета также оплачивала все его дорожные расходы. И вот через два дня после начала военных действий Уинстон отплыл в Кейптаун на одном корабле с главнокомандующим и его штабом. По прибытии 31 октября нашего удачливого военного корреспондента назначили еще и лейтенантом в один из действующих полков британской армии — ланкастерский гусарский полк. На корабле Уинстон повстречался с другим военным корреспондентом, журналистом «Манчестер Гардиен» Джоном Аткинсом. Любопытно, как Аткинс описал своего коллегу: «До тех пор мне никогда еще не доводилось встречать такого человека. Сразу видно, что он честолюбив, к тому же эгоцентричен, однако наделен способностью сообщать свой пыл окружающим и вызывать у них симпатию»^[36].

Уинстон, которому не терпелось оказаться в гуще событий, едва сойдя с парохода, тотчас же отправился в Натал. Там он и попал в плен несколько дней спустя, 15 ноября. Бронепоезд, который сопровождал Уинстон, попал в засаду, устроенную отрядом буров. Его взял на мушку всадник, в котором воображению Уинстона угодно было узнать Луиса Бота, будущего генерала армии буров. Напрасно бедный Уинстон твердил, что он всего лишь военный корреспондент, — буры, видевшие, как их пленник участвовал в наступлении, заперли его в Претории, в здании школы, превращенной в тюрьму для пленных британских офицеров. Несмотря на то, что устроили Уинстона с шиком, а министры и старшие офицеры вражеской армии даже

приходили к нему с визитами, он тяжело переживал свое пленение, «мучительное и унижительное». Впоследствии, уже будучи министром внутренних дел, Черчилль вспомнил об этом печальном эпизоде своей жизни, когда ему пришлось заниматься усовершенствованием пенитенциарной системы.

С момента пленения Уинстон думал лишь о побеге. И хотя весть о случившемся распространилась на удивление быстро и за его голову было назначено вознаграждение (сотня объявлений с фотографией Уинстона возвещали, что тот, кто доставит его обратно живого или мертвого в случае побега, получит двадцать пять фунтов стерлингов), Уинстону удалось в ночь на 13 декабря выйти за оборонительные сооружения лагеря. Однако, оказавшись на свободе, он остался один-одинешенек на улицах Претории, с жалкими грошами и несколькими плитками шоколада в кармане. Уинстон находился в самом сердце вражеской территории, а между тем у него не было ни карты, ни компаса. Он не знал ни слова на местном языке. До ближайшего района, контролируемого союзническими португальскими войсками, было пятьсот километров. Вскочив в товарный поезд, Уинстон уехал из города, а на следующую ночь, благодаря счастливой случайности, первый же дом, в дверь которого он постучал, оказался домом англичанина — директора угольной шахты. Хозяин отвел Уинстона в штольню, где тот скрывался в течение трех дней, коротая время за чтением «Похищенного» Стивенсона. Затем тайком Уинстон пробрался на поезд и, спрятавшись среди тюков шерсти, благополучно прибыл в Мозамбик. Добравшись до Лоренсу-Маркиша 21 декабря, он тотчас же отправился к британскому консулу, затем телеграфировал в «Морнинг Пост» и отплыл в Дурбан. На пристани собралась большая толпа, люди радостно приветствовали чудом спасшегося героя, размахивая английскими флагами. Оркестр играл патриотические марши. Рождество Уинстон встретил уже в штаб-квартире армии и на линии фронта. Его зачислили лейтенантом в южно-африканскую легкоконную армию.

В одночасье Черчилль стал знаменитым. Повсюду его, словно героя, встречала шумная толпа. Из Англии приходило огромное количество поздравительных телеграмм. О подвигах Черчилля рассказывали небылицы. Ведь известие о его побеге разнеслось по городам и весям еще быстрее, чем весть о его пленении. Этот побег воспринимался как своего рода компенсация за унижительные поражения, которые английские войска терпели от буров на протяжении целой недели, «черной» недели. Именно на эту злополучную неделю и пришелся побег узника. Между тем мнение самого Черчилля о бурах сильно изменилось со времени его приезда в

Южную Африку. Когда кампания только началась, он свысока глядел на этот народишко, бросивший вызов великой империи. «Разве могла горстка дерзких флибустьеров угрожать *Pax britannica!*» — заявил Уинстон во время очередного праздника в Бленхейме. Последовавшие события быстро изменили его мнение, и Уинстон уже склонялся к мысли о том, что война будет затяжной. Принимая участие в сражениях, Черчилль вынужден был отдать должное противнику. Буры хорошо держались в седле, метко стреляли, превосходно знали местность. Один бурский повстанец, по словам Черчилля, стоил четырех или пяти британских солдат. По обыкновению Уинстон продолжал критиковать британское командование в своих заметках, впрочем он не утруждал себя поисками слабых сторон командования, предпочитая «критику вообще». Этим Уинстон снова вызвал недовольство. Нужно сказать, что у юного честолюбца была прямо-таки мания бестактно обращаться с должностными лицами... Единственным военачальником, которого Уинстон пощадил, был генерал Ян Гамильтон. Они прониклись друг к другу симпатией еще в Индии и сохранили добрые отношения вплоть до событий в Дарданеллах.

Между тем госпожа Фортуна отвернулась от одной армии и улыбнулась другой. С начала 1900 года наступать стали английские войска, получившие значительное подкрепление. Город Ледисмит, осажденный повстанцами с самого начала кампании, был освобожден 28 февраля. В своих статьях для «Морнинг Пост» Черчилль так ярко описал вступление в город британских соединений, словно сам принимал в этом участие, на самом же деле он оказался там лишь несколько часов спустя. А всего через пару недель была снята осада Мафекинга, и полковник Баден-Пауэлл стал вторым после Уинстона героем этой войны, которая нашла живой отклик в сердцах англичан. Теперь военные действия разворачивались на территории бурских республик, и Черчилль после многочисленных приключений, во время которых ему еще не раз приходилось рисковать своей жизнью, 5 июня принял участие в триумфальном вступлении в Преторию. Там Уинстон прежде всего поспешил освободить соотечественников из своей бывшей тюрьмы.

Уинстон решил, что миссия военного корреспондента окончена и что глас народа в достаточной степени освятил его славу, а потому поспешил покинуть Южную Африку. Он сел на пароход в Кейптауне 4 июля, а 28 июля с корабля отправился на бал — свадьбу своей матушки, леди Рандольф, и лейтенанта Джорджа Корнуоллиса-Уэста. На этот раз с приключениями в дальних странах было покончено. Уинстон вернулся к нормальной гражданской жизни. В мае в Лондоне вышел его рассказ о

южноафриканской одиссее «Из Лондона через Преторию в Ледисмит». Четырнадцать экземпляров книги, в которой автор использовал большую часть статей, напечатанных в «Морнинг Пост», были распроданы в несколько месяцев. Второй сборник репортажей о продолжении войны с бурами под названием «Марш Яна Гамильтона» вышел в октябре.

Однако другое сочинение Черчилля, скорее неожиданное, уже вызвало интерес читателей: в феврале 1900 года появился его первый и единственный роман «Саврола». Судя по всему, Уинстон повторял путь Дизраэли, начинавшего с блистательной литературной карьеры, а затем уже ставшего ключевой фигурой в политике. В 1897 году в Бангалоре двадцатидвухлетний Черчилль взялся за написание этой книги в триста пятьдесят страниц и закончил ее год спустя. Вначале произведение публиковалось как роман с продолжением в «Макмиллане Мэгэзин» (1899). Впоследствии автор тщетно пытался предать забвению свое детище, книга переиздавалась несколько раз, сначала в серии «Шестипенсовая новелла» в 1908 и 1915 годах, затем в серии «Карманная книга» в 1957 году. Интерес к этой книге, незрелой, местами даже слабой — несмотря на динамичность сюжета, характеры персонажей получились довольно искусственными, — по большей части объяснялся тем, что в книге отразился душевный склад самого автора, ведь в этой политической мелодраме тесно переплелись авантюра и честолюбие, жизнь и смерть, власть и любовь, образовав острую смесь мечтаний и действия.

События романа разворачиваются в вымышленной стране, не то на средиземноморском побережье, не то в африканской республике Лорании. В этой стране единолично правит жестокий тиран, против которого восстает главный герой книги Саврола, воплощение самого Уинстона, — убежденный демократ и сторонник реформ. В Савролу страстно влюбляется жена диктатора Лусила. Если история любви, довольно бледная, и отдает опереточным романом, то политическая линия выписана старательно и даже тонко — это драма власти, переходящей из рук в руки. Взбунтовавшийся народ свергает тирана, он погибает на ступенях собственного дворца. Однако победа права и свободы, провозглашенная Савролой, омрачена происками тайного анархистского общества, члены которого являются сторонниками насилия. Герой вынужден уехать вместе со своей возлюбленной Лусилой.

Кто-то был склонен увидеть в романе своеобразное преломление эдипова комплекса автора. Сторонники этой версии считали, что в центре событий, разворачивающихся в целомудренную викторианскую эпоху, — убийство властного отца и завоевание матери, «прекраснейшей женщины

Европы». Но, наверное, следует обратить внимание прежде всего на способные многое прояснить черты характера главного героя, который является воплощением юного Черчилля, а также на его размышления о политическом процессе, о борьбе за власть, о смысле жизни. «А стоила ли такая жизнь труда жить?» — задается Саврола вопросом в начале книги. «Борьба, страдание, непрерывное движение: столько из того, что делает жизнь сладостной, принесено в жертву, и все ради чего? Ради народного блага! Вот оно, Саврола не мог обмануть самого себя: не о народном благе он заботился. Его побуждало к действию честолюбие и только честолюбие. У Савролы не было сил ему противостоять». Ведь он был создан не для безмятежного наслаждения жизнью. «Пыл, дерзость, стремление к вершине — вот фундамент его духа. Он мог жить только так, как жил. Он не мог остановиться на полпути»^[37]. Удивительно, с какой точностью и прозорливостью двадцатипятилетний молодой человек описал свой дальнейший путь!

Глава вторая

ПОКОРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

ОЛИМПА

1900–1914

Первые шаги в политике:

1900–1905

В начале 1901 года двадцатипятилетний Уинстон вошел в состав парламента. На выборах в законодательное собрание, прошедших осенью 1900 года, — выборах «хаки» — он был избран депутатом от консерваторов Олдема, рабочего городка в Ланкашире. Уинстон покориł избирателей своими подвигами в Южной Африке, к тому же волна империалистических настроений захлестнула Англию, и рабочие отдали свои голоса юному патрицию.

По правде говоря, это был не первый политический опыт Уинстона. Ему уже случалось дважды или трижды произносить речь на собраниях консерваторов, а главное, он уже попытал счастья в Олдеме в июле 1899 года во время частичных выборов. От этого густонаселенного округа избирались двое депутатов. Рабочие текстильной промышленности составляли здесь подавляющее большинство электората. Против двух представителей либеральной партии в списке кандидатов от партии консерваторов Черчилль значился вместе с рабочим Джеймсом Моудсли, секретарем профсоюза прядильщиков хлопка. У Уинстона появилась прекрасная возможность подать пример «демократического торизма». Ведь это был символический союз молодого аристократа и старого рабочего хлопкового производства. Однако в ходе избирательной кампании пространные, нудные речи Уинстона о величии империи, о процветании нации, плохо сочетавшиеся с сугубо практическими требованиями Моудсли, не вдохновили избирателей. К тому же в Ланкашире политические взгляды граждан расходились не по классовому признаку, а отражали прежде всего религиозный раскол, либерально-диссидентскому

лагерю противостоял лагерь консерваторов-англиканцев. Кроме того, Уинстон так увлекся, что даже называл партию либералов «сборищем лицемеров, ханжей и маньяков». Позже, когда Уинстон примкнул к либералам, ему припомнили его слова. А пока все закончилось оглушительным провалом, и Бальфур, бывший депутат, избравшийся еще вместе с Рандольфом Черчиллем, довольно жестко отозвался об этой неудаче: «Я видел в Уинстоне многообещающего молодого человека, а он оказался молодым человеком, который не способен ни на что, кроме обещаний». Но зато в 1900 году политическая атмосфера в Олдеме заметно изменилась. Когда правительство консерваторов во главе с Солсбери решило распустить палату общин, чтобы провести в парламент послушное себе большинство, страну охватил националистический бум в связи с войной с бурами. Вот почему на выборах легко победили консерваторы и юнионисты. В своем округе Черчилль был необычайно популярен не столько в силу сложившихся обстоятельств, сколько благодаря своей славе героя Трансвааля. Прибывшего в Олдем кандидата Черчилля встречал духовой оркестр, исполнивший для него «Гляди, идет победивший герой». Каждая встреча с кандидатом вызывала у избирателей бурю восторга. Это было триумфальное шествие в парламент Уинстона Черчилля, а не представителя партии консерваторов. Основными темами его агитационных речей были война, патриотизм и величие Империи. В конечном счете 1 октября 1900 года Уинстона избрали с перевесом в шестнадцать голосов.

Однако к тому времени вновь избранному депутату были гораздо ближе заморские колонии, нежели собственная страна. В Англии он хорошо знал лишь Лондон, Бленхейм, поместья аристократии да офицерские столовые. Он не имел ни малейшего представления о промышленном севере с бедными рабочими поселками, задымленными, безликими, не говоря уже о Шотландии. Огромная пропасть отделяла изящного любителя поло от его поклонников из олдемского спортивного общества (*Oldham Athletic Club*). Тем не менее в Олдеме, а затем и в Данди — двух центрах текстильной промышленности — он весьма успешно представлял интересы английских «рабочих с мозолистыми ладонями» и «небритыми подбородками», проявляя при этом искренний патернализм, унаследованный им от предков — вигов и тори.

Первое заседание нового парламента, отложенное из-за кончины королевы Виктории 22 января, торжественно открылось 14 февраля 1901 года. Король Эдуард VII, восседая на троне, руководил церемонией и

произнес приветственную речь. В этот день Черчилль впервые принял участие в заседании парламента. Его кресло было совсем рядом с креслом, которое некогда занимал его отец. На заседаниях парламента Уинстону предстояло присутствовать в течение шестидесяти двух лет. Пока же к радостному предвкушению примешивалось легкое волнение, ведь перед ним открывался новый, неведомый ему доселе мир. А всего за несколько дней до этого человечество перешагнуло порог нового тысячелетия — символично, не правда ли? Солнце королевы Виктории закатилось, в последний раз осветив землю прощальными лучами, и взошла звезда нового короля — Эдуарда VII. Честолюбивые помыслы, надежды, романтические предчувствия теснились в груди молодого депутата, мечтавшего о головокружительной карьере, — в конце концов разве он не природный лидер, явившийся в этот мир, чтобы править?

Начало политической карьеры Черчилля было многообещающим. Первая его речь в парламенте, которую он произнес 18 февраля, имела большой успех. Уинстон предпочел сразу же занять независимую позицию, позицию государственного деятеля, представляющего народ, а не отдельную партию. Он не колеблясь высказал критические замечания относительно военной политики правительства, выработанной военным министром, консерватором Сент Джоном Бродриком. Уинстон говорил о бессмысленности намеченных реформ, осуществление которых обошлось бы стране слишком дорого. По его мнению, целесообразней было бы сделать ядром армии военный флот и всячески его поддерживать, нежели питать несбыточные надежды в отношении сухопутных войск. В 1903 году Черчилль опубликовал посвященную этой теме книгу «Армия мистера Бродрика». Тогда же он примкнул к отколовшемуся крылу депутатов-консерваторов, объединившихся вокруг лорда Хьюго Сесиля, родного сына премьер-министра лорда Солсбери. Новоявленные «младотурки», прозванные «хьюглиганами», а затем попросту «хулиганами», ратовали за социальные реформы. Черчилль, охваченный жаждой деятельности, примкнул к ним, увидев в молодых реформаторах оплот прогрессивной политики.

Однако начиная с 1903 года, когда возник вопрос о возврате к протекционизму, мнения политиков разделились. Джозеф Чемберлен выступил защитником государственного контроля и 15 мая 1903 года в своей речи в Бирмингеме, произведшей эффект разорвавшейся бомбы, предложил положить конец свободе торговли. Это предложение посеяло смуту в сплоченных рядах консерваторов и юнионистов и навсегда раскололо большинство, находившееся у власти. Черчилль же занял

позицию убежденного сторонника свободной торговли. Он считал, что это наиболее выгодный путь развития экономики, способный привести страну к процветанию. Черчилль делал резкие выпады в адрес Чемберлена, упрекал даже Бальфура, ставшего премьер-министром в 1902 году. Уинстон стал настоящим мятежником в лагере тори. А к концу 1903 года он уже вел продолжительные беседы с Ллойдом Джорджем о своем политическом будущем и все больше голосовал как истый либерал. 31 мая 1904 года Уинстон сделал решительный шаг: перешел из одной партии в другую, *crossed the floor*, как принято говорить, то есть пересел со скамьи консерваторов на скамью либералов. Утверждали при этом, что стоило только лидерам консерваторов поманить Черчилля министерским портфелем — и они смогли бы его удержать. Однако есть основания сомневаться в подобном предположении. Все способствовало тому, чтобы молодой оппортунист, жаждавший взобраться по «шесту с призом», как говаривал Дизраэли, сменил лагерь. И прежде всего этому способствовали его убеждения. К тому же он никогда не был сторонником разделения на партии, никогда не был предан партии консерваторов. «Консерваторы никогда меня не любили и не доверяли мне», — говорил Уинстон в двадцатые годы^[38]. Поначалу он даже было написал Хьюго Сесилу: «Я — либерал. Я ненавижу партию тори, ее членов, их речи, их методы. Мне по душе лишь мои избиратели из Олдема»^[39].

С 1902 по 1905 год другое занимало Уинстона: биография его отца. Книга вышла в январе 1906 года. Это были два толстых тома, каждая строчка в них дышала сыновней почтительностью. Хотя в книге было приведено много фактов, автор явно идеализировал лорда Рандольфа, представлял его не только принципиальным человеком, но и государственным мужем, сторонником демократического торизма, иными словами, провозвестником идей своего сына. Само собой, о резкости и капризах лорда Рандольфа в книге не упоминалось, а мрачность и неприятные стороны его характера сын стыдливо обошел молчанием. Однако композиция книги и стиль автора биографии были безупречны. Учитывая законы жанра, книгу можно назвать успешной. Когда она вышла в свет, критики отзывались о ней исключительно благосклонно.

Поскольку Уинстон сжег за собой мосты, соединявшие его с консерваторами, и примкнул к либералам, ему пришлось подыскивать новый избирательный округ. Среди многочисленных предложений от комитетов либеральной партии Уинстон выбрал северо-западный Манчестер. Жители этого округа были состоятельными гражданами,

сторонниками свободной торговли. Уинстон нашел у них горячую поддержку. Здесь перебежчик стал официальным кандидатом, «поддерживавшим свободную торговлю и либеральную партию», и успешно боролся за свое правое дело, утверждая, что это не он изменился, а партия консерваторов. На выборах в законодательное собрание, прошедших в январе 1906 года, Уинстон, оказавшийся на гребне либеральной волны, затопившей страну, одержал убедительную победу, получив пятьдесят шесть процентов голосов, что составило преимущество в тысячу двести голосов над его соперником В. Джойнсоном Хиксом (Jix). Последний стал впоследствии министром внутренних дел и коллегой Уинстона в правительстве Болдуина в двадцатые и тридцатые годы.

Теперь мы уже можем нарисовать портрет молодого депутата Уинстона Черчилля, описать его облик, рассказать о его характере и манерах. Ведь мы располагаем многочисленными свидетельствами современников Уинстона. Итак, это был молодой человек среднего роста, хрупкий на вид, несмотря на крепкое телосложение, с голубыми глазами, веснушчатым лицом. Однако его огненно-рыжая шевелюра вскоре утратила яркость, превратившись всего лишь в рыжеватую. Ангельское личико Уинстона светилось лукавой улыбкой, делавшей его похожим на неугомонного шалуна-школьника. Таков был Черчилль в начале своей политической карьеры, неизменно уверенный в себе и надменно переступающий через условности. Он не лез за словом в карман, слегка сюсюкал, однако это не помешало ему вскоре стать властным и расчетливым политиком. Говорил Черчилль нервно, быстро, сопровождая свою речь жестами; собеседники постоянно находились под непрерывным огнем его вопросов. Свой эгоцентризм и неиссякаемую энергию он обосновывал идеями Дарвина. Он считал, что в борьбе за жизнь судьба помогает тем, кто помогает себе сам. Выживают лишь самые одаренные и самые сильные. А потому нет ничего удивительного в том, что страстный поклонник *Rule Britannia* обожал военные и патриотические песенки.

Уинстон походил на очаровательного неуклюжего медвежонка. У окружающих он вызывал одновременно и симпатию, и антипатию. Ему по-прежнему не давали покоя ненасытное честолюбие и потребность во внимании широкой публики. Ничего не изменилось со времен колониальных войн. Однако гонка за медалями сменилась гонкой за должностями. Оттого-то за Уинстоном и закрепилась слава заядлого интригана, демагога, двуличного человека, готового пуститься во все тяжкие ради достижения своих целей. А уж сколько бесчестных выпадов

приходилось отражать бедному Уинстону со стороны его бывших товарищей-консерваторов, не оставлявших несчастного молодого человека в покое с тех пор, как он перешел в стан либералов. Консерваторы считали его отступником, предавшим свой класс, перебежчиком, между собой они обычно называли Уинстона «бленхеймской крысой». Более сдержанно, но не менее сурово высказался в его адрес Остин Чемберлен: «Он сменил лагерь, руководствуясь личными интересами». Эта враждебность, а порой даже ненависть сказались на всей последующей карьере Уинстона. Вплоть до 1940 года злопамятная Немезида неотступно преследовала его. Ведь «месть — это блюдо, которое едят холодным». Тем более в политических кругах.

Однако если обратиться к свидетельствам друзей Уинстона или благосклонно настроенных к нему наблюдателей, легко убедиться, что они в равной степени отмечали его стремление выставить себя в выгодном свете, а также его неутолимую жажду славы. Так, Ллойд Джордж говорил: «Аплодисменты, которыми аудитория встречала его речи в парламенте, ударяли ему в голову. Он, словно актер, нуждался в ярких огнях рампы и рукоплесканиях партера». А журналист одной из либеральных газет Альфред Гардинер отмечал: «Он не отдает себе отчета в том, что постоянно играет роль — героическую роль — и сам же оказывается зрителем»^[40]. Губернатор Уганды рассказывал, как во время путешествия по Африке в 1907 году юный заместитель министра по делам колоний заверил его, что прежде чем ему исполнится сорок три года — а именно столько было тогда губернатору, — он станет премьер-министром^[41].

В своих дневниках Беатрис Уэбб удивительно точно описала будущего премьер-министра, с которым повстречалась на званом обеде в 1903 году. В этих записях Черчилль хотя и представлен в невыгодном свете — отвратительным хвастливым карьеристом, тем не менее Беатрис признает его необычайную одаренность и отмечает, что, вероятно, его ждет большое будущее. Вот как Беатрис, преуспевающий методичный социолог, описывала своего чересчур активного гостя: «Первое впечатление: очень беспокойный человек, порой он просто несносен. Не способен на долгую серьезную работу. Эгоцентричный, претенциозный, неглубокий человек, безусловно реакционер, но не лишен обаяния, весьма умен и своеобразен. Однако это своеобразие не ума, а характера. Больше походит на американского спекулянта, нежели на английского аристократа. Весь вечер говорил только о себе и своей предвыборной кампании. (...) Но несмотря ни на что, — продолжает Беатрис, — его смелость, мужество, огромный

потенциал, а также та давняя традиция, которую он воплощает, вероятно, сослужат ему хорошую службу, если только он не погубит себя сам, как его отец»^[42].

Что же касается политических взглядов Уинстона, в то время они были тесно связаны с его весьма своеобразным видением мира. Он твердо верил в то, что внешняя политика включает в себя внутреннюю, что насущные проблемы государства нужно решать в общепланетарном аспекте, а Соединенное Королевство необходимо рассматривать лишь как часть Империи. Сам Уинстон с презрением относился к тем, кто считал, что могущество Британской империи достигло своего апогея и что теперь упадок страны неминуем. Уинстон называл таких пессимистов воронами (*croakers*). Сам он был глубоко убежден в том, что «сила и жизненный потенциал нашей нации и нашей крови» не позволят Англии отказаться от ее высокой цивилизаторской миссии в мире. В этой убежденности не было ни агрессивного шовинизма, ни пошлых имперских замашек, но основанное на глубоком и непоколебимом патриотизме романтическое понимание величия своей нации. Выходило, что решение внутренних проблем Англии — необходимые реформы образования, здравоохранения, налогообложения, повышение уровня жизни, прогресс демократии — напрямую зависит от того, какую позицию Англия занимает в мире. Пол Эддисон справедливо заметил, что если сторонники государственного контроля во главе с Чемберленом видели будущее Англии довольно безрадостным, то защитники свободы торговли, экспорта, конкуренции смотрели вперед с оптимизмом, основанным на вере в могущество и процветание Британской империи ныне и впредь. *Imperium et Libertas* («Империя и Свобода»): Черчилль был верен девизу партии Подснежника, в которой состояли его отец и мать.

У власти. Министр-реформатор:

1906–1911

К концу 1905 года состояние здоровья Бальфура, главы правительства консерваторов, уже не позволяло ему исполнять свои обязанности. Тогда премьер-министром назначили Кэмпбелла-Баннермана, лидера либеральной партии. В сформированном им правительстве Черчилль занял пост министра. И сразу же в январе 1906 года были проведены выборы в

законодательное собрание. По окончании выборов либералы буквально наводнили парламент. В новой палате общин было не менее четырехсот депутатов-либералов (среди которых оказался и Черчилль, избранный в северо-западном Манчестере) против ста пятидесяти восьми консерваторов, двадцати девяти лейбористов и восьмидесяти трех ирландских националистов.

Для честолюбивого Уинстона этот переход из парламента в правительство, несмотря на то, что ему достался лишь скромный пост младшего министра, был ключевым моментом в политической карьере. Ведь он не просто оказался у власти, он готовился осуществить стремительное восхождение на политический олимп, пройдя курс обучения у лучших специалистов. На протяжении почти десяти лет подряд — с 12 декабря 1905 года по 25 ноября 1915 года — для Уинстона неизменно находилось место в правительстве. Он занимал ключевые посты (по крайней мере, так было до его окончательного провала): был заместителем министра по делам колоний с декабря 1905 года по апрель 1908-го; министром торговли с апреля 1908 года по февраль 1910-го; министром внутренних дел с февраля 1910 года по октябрь 1911-го; первым лордом адмиралтейства (министром морского флота Великобритании) с октября 1911 года по май 1915-го; наконец, канцлером Ланкастерского герцогства с мая по ноябрь 1915 года. Это были годы успеха, годы полета, прерванного разразившейся войной. В целом за эти годы благодаря личному вкладу Черчилля в развитие Британского государства и общества, его недюжинным способностям и таланту Англии удалось собрать необыкновенно богатый урожай положительных результатов, хотя в нем порой и попадались пучки сорной травы.

В министерстве по делам колоний заместитель министра, которому шел лишь тридцать первый год, и пятидесятилетний министр лорд Элджин, бывший наместник короля в Индии, образовывали любопытный союз, словно чистокровный жеребец и рабочая лошадка, запряженные в одну упряжь. Элджин, человек замкнутый, уставший от жизни, стремился всячески сократить круг своих обязанностей. Тогда как пышущий энергией Уинстон, желая зарекомендовать себя, изо всех сил старался отличиться, брался за все, не дожидаясь приглашения. В то время как шеф заседал в палате лордов, Уинстон, принадлежа к партии большинства, произносил речи в палате общин — там, где непосредственно обсуждались все текущие вопросы и где его дар красноречия творил чудеса. Звездочка Уинстона только-только зажглась, а звезда Элджина готова была вот-вот погаснуть. Последнему пришлось не по вкусу дерзости его помощника. Элджин

считал Уинстона авантюристом, легкомысленным и непоследовательным человеком, и уж тем более его не приводили в восторг бесчисленные категоричные замечания, прожекты и критика неугомонного молодого человека. Впрочем, случалось, Элджин ставил наглеца на место. Так, рассказывали, что на полях составленного Уинстоном документа, заканчивавшегося словами «таково мое мнение», министр написал: «Однако с моим оно не совпадает»^[43]. Один историк охарактеризовал поведение заместителя министра, стремившегося единолично распоряжаться в министерстве по делам колоний, как нечто среднее между поведением «ответственного государственного деятеля и проказливого школьника»^[44].

Однако несмотря на разногласия, притеснения, порой сильное раздражение, дуэт Черчилль — Элджин успешно справлялся с поставленной перед ним задачей. Они работали вместе в течение двух с половиной лет, при этом и тот и другой считали, что в империи заключен огромный потенциал для дальнейшего развития. Миссия британцев, «пионеров цивилизации», по мнению Элджина, состояла в том, чтобы реализовать этот потенциал. Уже будучи главой кабинета, Черчилль также дал шанс проявить себя чиновнику Эдварду Маршу, компетентному и преданному молодому человеку, впоследствии оказавшему премьер-министру неоценимые услуги. Эдвард Марш, «Эдди», на протяжении почти двадцати лет был верным и самым близким соратником Черчилля. А пока Уинстону приходилось частенько сталкиваться с враждебностью, временами яростью высокопоставленных чиновников министерства. Их безмерно раздражал этот непоседливый молокосос, чересчур уверенный в себе, посмеявшийся поучать их, исправлять их предписания. Генеральный секретарь министерства по делам колоний Хопвуд даже высказал министру свое неудовольствие: «Невозможно иметь с ним дело. Он кого угодно выведет из себя. Вероятно, он причинит нам не меньше неприятностей, чем его отец». Далее Хопвуд язвительно отзывался о постоянной суете, безудержном желании заставить говорить о себе, об отсутствии моральных принципов заместителя министра^[45].

Первое задание, которое получил Черчилль, вступив в должность, касалось статуса Южной Африки, ответственность за решение этого вопроса всецело возлагалась на Уинстона. В частности, он должен был решить судьбу бурских республик, присоединенных в 1902 году, определить характер отношений между англичанами и африканерами. Бывший пленник Претории стремился прежде всего к примирению. Он

считал, что дальнейшая политика в этом регионе должна быть великодушной, что не следовало делать различий между британскими переселенцами и побежденными бурами. В результате летом 1906 года Оранжевой провинции и Трансваалю была дарована автономия.

Однако никто не позаботился о судьбе чернокожего населения этих провинций. В частности, в том, что касалось правила «один человек — один голос» (*one man — one vote*), африканеры выиграли за счет ущемления прав коренного населения Африки, ставшего жертвой несправедливого выбора, сделанного в Лондоне. Африканцы, составлявшие две трети населения и занимавшие шестую часть всей территории провинций, должны были отныне признать хозяевами буров, диктовавших свои условия в политике, основанной на расовой дискриминации.

Надо сказать, что сам Черчилль разделял расовые и колонизаторские предрассудки, свойственные его классу и эпохе. В кругу Уинстона придерживались мнения, что в мире людей существует строгая иерархия. Черчилль был убежден, что чернокожие, которых он называл «неграми» (*niggers*) или «черномазыми» (*blackamoors*), в силу своей природы стоят на ступень ниже белых людей, властелинов земли милостью Божьей. «Туземцы, — писал Уинстон по возвращении из Африки о племени киккулу, — как дети, жизнерадостные, послушные, однако в них есть что-то от скота. Единственный способ спасти несчастных от духовного убожества (...) — подчинить их августейшей власти британской короны»^[46]. Трудно представить более полное собрание избитых штампов... Черчилль так и остался убежденным расистом до конца своих дней. Ни идея о единстве рода человеческого, ни принцип равенства рас не пробили броню солдата колониальных войск.

Итак, в центре внимания министерства по делам колоний оказалась Черная Африка. После передела континента между могущественными европейскими державами самый большой куш получили Соединенное Королевство и Франция. С тех пор Англия безраздельно владела, за исключением Египта и Судана на севере и Южной Африки на юге, огромными территориями в Черной Африке: на западе — Нигерией, Золотым Берегом (ныне Гана), Сьерра-Леоне, Гамбией; на востоке — Сомали, Кенией (именуемой Британской Восточной Африкой), Занзибаром, Угандой, Ньясалендом, обеими Родезиями. По сути, министерство по делам колоний заправляло во всех этих странах. И ничего, что времена завоеваний и экспансии прошли, хотя Черчилль все же вознамерился присоединить новые территории к Уганде, — основной целью Британии была вовсе не борьба цивилизации с варварством, а освоение и

экономическая эксплуатация этих земель. Уинстон твердо верил в будущее Уганды и призывал сосредоточить все усилия на развитии протектората. «Уганда — это настоящая жемчужина!» — восклицал он^{47}.

И Уинстон решил отправиться в длительное путешествие по «земле обетованной», где и пробыл с октября 1907 года по январь 1908 года. Он хотел на месте ознакомиться с ситуацией, чтобы принять правильное решение, а заодно поохотиться на крупную дичь и вновь ощутить пьянящий дух приключений. Кроме того, Уинстон заключил договор со «Стрэнд Мэгэзин» на серию статей, чтобы оплатить дорожные расходы свои и своих сопровождающих. Пароход, на котором путешествовал Уинстон, делал остановки в портах Мальты, Кипра, Сомали, прежде чем пришвартоваться в конечном пункте назначения — Момбасе. Оттуда наш путешественник поездом прибыл в Найроби. Взгромоздившись на паровоз, Уинстон вдоволь пострелял в носорогов, антилоп и зебр, в изобилии водившихся в окрестностях железной дороги. Однако львы предпочитали не появляться в этой опасной зоне, и это спасло их от ружья кровожадного охотника. В Кампале, столице Уганды, Уинстон был принят королем, или «кабака», одиннадцатилетним мальчуганом, получившим английское образование, а затем предпринял пешую ознакомительную прогулку по лесам и саваннам. Он проходил двадцать — двадцать пять километров в день, избрав маршрут между озерами Виктория и Альберт, в сопровождении ста носильщиков. Тогда-то Уинстон и убедился в том, что это необыкновенно богатый край. Воображение уже рисовало ему страну «государственного социализма», где чернокожие работники трудятся под чутким руководством белых начальников и производят хлопок, который затем обрабатывается в Англии и отправляется обратно, дабы прикрыть «первобытную наготу» черных туземцев и лишить их «скотоподобия». Этот замысел Уинстон изложил в одном из рассказов о «Моем путешествии в Африку». Книга Черчилля, написанная на основе опубликованных в «Стрэнд Мэгэзин» статей, вышла в марте 1908 года и пользовалась большим успехом.

Черчилль чувствовал себя как нельзя лучше в качестве заместителя министра по делам колоний. Выполняя возложенную на него либеральным правительством миссию, он верил в то, что позиция, которую Англия занимает в мире, — ключ к ее внутривосточной ситуации. Ведь в конечном счете внутренние проблемы страны, социальный вопрос, развитие демократии и повышение уровня благосостояния британцев, равно как и величие нации зависят от процветания империи. Вот почему тем, кого он называл «воронами» (*croakers*), случалось выслушивать от

него язвительные выговоры. Да и как иначе? Ведь они смели утверждать, что могущество Британии, достигнув апогея, начало клониться к закату. А Уинстон был убежден в том, что сила и жизненная энергия «нашего народа и нашей крови» не позволят Альбиону уклониться от возложенной на него цивилизаторской миссии. Именно романтическое видение исторической роли и будущего своей страны привело Черчилля к власти и вдохновляло его до последней минуты.

*

В 1908 году в силу произошедших на британской политической арене изменений — постепенного ухода на второй план корифеев либеральной партии и прихода к власти нового поколения молодых людей, честолюбивых и энергичных, — Черчилль получил значительное, впрочем, вполне заслуженное повышение. Его назначили министром торговли и промышленности. Так в возрасте тридцати трех лет ему удалось войти в состав кабинета. Вот уже полвека в правительстве не было столь «юных» министров.

Асквит, сменивший на посту премьер-министра скончавшегося Кэмпбелла-Баннермана, собрал в новом «министерстве талантов» целую плеяду выдающихся политических деятелей: Грей — министр иностранных дел, Хэлдэйн — военный министр, Морлей — министр Индии, Рансимэн — министр образования, рабочий Джон Бернз — министр местного управления (впервые в истории Англии обыкновенный рабочий стал министром) и, конечно, три звезды нового кабинета — сам Асквит, Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль. Асквит был представителем промышленной буржуазии, нонконформистом в добрых традициях либеральной партии, блистательным адвокатом, превосходно вел дискуссию, получил прекрасное образование, его называли «последним из римлян». Асквит, первоклассный профессионал и ловкий политик, оставался на посту премьер-министра вплоть до 1916 года, и именно он являлся автором бессмертной формулы «поживем — увидим» (*wait & see*). Его пленили живость и мастерство Уинстона, однако Асквита порой раздражали его капризы и неуместные предложения. Однажды Асквит назвал одно из посланий, которыми Черчилль бомбардировал его, «типичным письмецом с очередной химерой»^[48]. Ему все же удавалось держать в узде своих нетерпеливых лейтенантов, ведь и Ллойд Джордж, и Уинстон в прошлом служили в легкой кавалерии и теперь так и рвались в

бой, а их профессиональный союз в эти годы был столь тесен, что двух министров называли то «братьями-близнецами», то «парой Ромео».

Однако трудно было представить более разительный контраст, чем тот, который представляли аристократ Черчилль и простолюдин Ллойд Джордж, две звезды британской общественной жизни XX века, чьи судьбы тесно переплелись на целых двадцать лет. Ведь «Уэльский колдун»^[8], предки которого были сплошь ремесленниками да крестьянами, воспитанный дядей-сапожником, последователем баптистов, был всем обязан самому себе. Ллойд Джордж, глашатай чаяний народа, защитник «слабых от сильных», обладавший незаурядными ораторскими способностями и богатой фантазией, возглавил левое радикальное крыло. Тройственный союз Асквит — Джордж — Черчилль вовсе не был безоблачным. Помимо страсти Асквита к борьбе и власти все чаще проявлялась его склонность к интригам, уловкам, что объясняло его далеко не лестные отзывы о министре финансов и министре торговли: «У Ллойда Джорджа нет принципов, а у Уинстона — убеждений»^[49].

Как бы то ни было, отныне Уинстону приходилось участвовать в жарких дискуссиях о судьбе общества. Для него это было внове. До сих пор он оставался в стороне от социальных проблем своей страны, и его неосведомленность в этой области была очевидна. Он еще ни разу не общался непосредственно с народом (за исключением слуг). О нищете низших слоев общества он узнал лишь из официальных рапортов и из результатов социальных опросов, проведенных Сибомом Раунтри, промышленником-филантропом. Итоги опросов были опубликованы в брошюре под названием «Нужда». Как оказалось, треть британского населения жила за чертой бедности.

Либерал Чарльз Мастерман, молодой министр и автор книги «Положение Англии», не без злой иронии отмечал, что Уинстон «очень переживал за своих бедняков, о существовании которых недавно узнал», и считал, что «провидение поручило ему позаботиться о них». «Хотя, — продолжал Мастерман, — идеальное общество, за которое боролся Черчилль, должно было состоять, по его замыслу, из класса сердобольных богачей, добровольно жертвующих частью своих богатств, и из предприимчивого, благонамеренного рабочего класса, с глубокой признательностью эту жертву принимающего»^[50]. По правде говоря, Мастерман сгустил краски, ведь мысль Черчилля была намного тоньше и сложнее. К тому же романтик Уинстон всегда был излишне сентиментален:

несмотря на то, что сам он, принадлежа к высшей знати, жил в роскоши, его до глубины души взволновало бедственное положение жителей трущоб.

Чтобы понять социальную философию Черчилля той поры, вычленив ее из риторических трелей и обтекаемых фраз блистательного общественного деятеля и оратора, нужно обратить внимание на три основных момента. Во-первых, на совмещение по большей части консерваторской идеологии касательно общественных структур и подчеркнуто прогрессивных демократических взглядов, которых Черчилль придерживался в политике. Ведь он занял эту позицию, столкнувшись с извечным вопросом, волновавшим правящую элиту Британии со времен промышленной революции: что делать с рабочим классом? Как интегрировать низшие слои населения в стабильное общество? Как добиться прогресса и реформировать общество, не разрушив существующего социального строя?

«Рожденный править» патриций прекрасно понимал, что лишь радикальные реформы, которые покончили бы с наиболее вопиющими пороками современного общества, реформы, проводимые под лозунгом борьбы за равенство и справедливость, могли бы примирить рабочий класс с действующим экономическим и социальным строем. Другими словами, эти реформы должны были стать формой социального контроля. И Уинстон заявлял во всеуслышание о решительных мерах, которые необходимо принять «на целине британской политики»^[51], как пафосно окрестил он английское общество.

Правительству приходилось снова и снова сталкиваться с нищетой, безработицей, маргинализацией граждан. Чтобы бороться с этими явлениями, необходимо было повысить уровень благосостояния граждан, отменить привилегии, убедить население в том, что вопреки всему «либеральная партия защищает правое дело миллионов обездоленных»^[52]. Увлечшись, наш пылкий сторонник радикальных мер высказывал парадоксальное мнение о том, что классовая борьба — это инструмент социального регулирования! «А потому ни к чему стонать при рецидивах этой неизлечимой болезни, — продолжал Уинстон, — нужно лишь понять, что классовая борьба, стимулируя реформы, избавляет Великобританию от двойной угрозы — застоя и насильственного разрушения»^[53].

Черчилль четко разграничивал либерализм в политике и либерализм в экономике и считал, что незачем цепляться за свободу действия, что государство должно активно вмешиваться в жизнь общества, ведь только ему под силу пресечь злоупотребления и несправедливость и прийти на

помощь самым нуждающимся. Это был совершенно новый взгляд на отношения между государством и личностью внутри общества. В неолиберализме, процветавшем в те годы, уже обозначился зародыш теории *Welfare state* («государство всеобщего благосостояния»). Тогда-то и появилась расширенная, тщательно продуманная социально-правовая система, основным разработчиком которой был Черчилль. Однако очевидно, что таким образом было найдено превосходное средство сохранить существующую социальную систему и даже предотвратить опасность социализма, мягко задушив его («*to kill socialism by kindness*»). Впрочем, здесь Черчилль призывал последовать примеру Германии, внося в британскую социальную структуру «добрую порцию бисмаркизма»^[54].

Либеральной партии приходилось все время быть начеку, чтобы не сдать своих позиций партии лейбористов. Наиболее дальновидные представители либеральной партии, среди которых были Черчилль и Ллойд Джордж, понимали всю остроту сложившейся социальной ситуации, они сознавали, что рабочее и социальное движения набирают силу. Поэтому необходимо было опередить лейбористов и провести как можно скорее эффективные реформы, дабы либеральная партия не потеряла своей популярности у народа и сохранился старый добрый союз *Lib — Lab* (либералы — лейбористы). Идея его создания возникла еще в эпоху славного правления королевы Виктории, и пока он существовал, у либералов не было оснований опасаться за свое будущее.

Напрасно Уинстон выставлял себя прогрессивным радикалом, он не видел никаких точек соприкосновения между либерализмом и социализмом, о чем без обиняков и заявил, выступая в Данди, нарисовав свое весьма субъективное видение проблемы: «Либерализм — это не социализм и никогда им не будет». И действительно, огромная пропасть разделяла эти два политических направления. «Социализм стремится искоренить богатство, либерализм — бедность. Социализм уничтожил бы личную заинтересованность, либерализм ее сохранит, (...) примилив с правами общества. Социализм сгубил бы предпринимательство, либерализм вызволит его из западни привилегий (...) Социализм ставит во главу угла регламент, либерализм — человека. Социализм критикует капитал, либерализм — монополии»^[55]. Следовательно, политическая линия, которой надлежало придерживаться либералам, была ясна: отвечать конкретными действиями на требования и чаяния рабочих, сдабривая свои реформы свободолобивыми речами. Лейбористы и консерваторы хором называли такую стратегию «демагогическим мошенничеством».

Вот почему, став министром торговли, Черчилль активно взялся за социальные реформы, проводя их в жизнь с тем же пылом и стремительностью, что и все свои замыслы. Ведь прежде всего ему нужно было продемонстрировать свои способности и таланты не только политической элите и горстке экспертов, но и всему британскому народу и в первую очередь своим избирателям. Надо сказать, что в те времена еще не было министерства труда, и министерство торговли предоставляло широкое поле деятельности, поскольку отвечало не только за торговлю и промышленность, но и за морской и железнодорожный транспорт, а помимо этого выполняло функции несуществующего министерства труда.

Итак, Британия обязана Черчиллю тремя свершениями, относящимися к этому периоду его деятельности, — утверждением закона о биржах труда, а также закона о торговых палатах в 1909 году, кроме того, он предложил на рассмотрение проект закона о пособии по безработице, который был принят в 1911 году. В процессе подготовки и проведения этих реформ Черчилль использовал знания и идеи генерального секретаря министерства Хуберта Льюэллина Смита, квакера, убежденного сторонника социальных реформ и талантливое административное искусство. Второй ключевой фигурой в этом процессе был Уильям Беверидж, молодой экономист из Оксфорда с блестящим будущим, приглашенный Черчиллем в министерство торговли в качестве эксперта по вопросам занятости. В 1909 году Беверидж опубликовал свой обширный труд «Безработица: проблема промышленности». Если говорить о его политических убеждениях, то он также занимал срединную позицию между либерализмом и социализмом, однако вслед за Черчиллем и Ллойдом Джорджем предпочитал устранять последствия безработицы, вместо того чтобы бросить все свои силы на борьбу с причинами, ее вызывающими.

Биржи труда, созданные в период глубочайшего кризиса (циклический кризис 1907–1909 годов был самым тяжелым за последние тридцать лет), представляли собой конторы по найму, или, если угодно, агентства занятости, и были призваны облегчить гражданам устройство на работу, предоставляя информацию и обеспечивая подвижность рабочей силы. Предполагалось, что так называемые расчетные палаты, где вывешивались списки вакансий и кандидатов, позволят благодаря более гибкой организации рынка труда эффективно бороться с обнищанием населения, вызванным безработицей и непостоянной занятостью, а также сократить перерыв между двумя работами. В начале 1910 года функционировала уже шестьдесят одна биржа труда, а год спустя — сто семьдесят пять.

Что же касается торговых палат, они были задуманы как средство

борьбы с беспощадной эксплуатацией, бушевавшей в то время в ряде отраслей промышленности. Хозяева мелких мастерских или домашних производств нанимали в основном женщин и заставляли их работать долгие часы напролет в грязных помещениях за нищенскую плату. Напрасно филантропы и социологи на протяжении многих лет разоблачали этот порок, а также механизмы действия зловредной троицы «эксплуатация — прибавочный труд — недоплата». Ничего не помогало. Дерзкое нововведение Черчилля заключалось в том, что закон, проект которого он разработал, позаимствовав идею у фабианцев, устанавливал «государственный минимум», то есть узаконенный минимум заработной платы представителям профессий, в которых риск эксплуатации был наиболее велик. Сначала новый закон касался представителей четырех профессий (прежде всего швей и кружевниц), то есть двухсот тысяч рабочих, из которых три четверти были женщины, в основном из низших слоев. Таким образом, новый закон официально подтвердил право государства вмешиваться в отдельные отрасли промышленности для фиксации заработной платы и контроля за условиями труда.

В министерстве торговли Черчилль долгие месяцы не покладая рук работал вместе со своими помощниками над проектом закона об обязательном пособии по безработице. Проект был разработан в нескольких вариантах, его в конце концов приняли, однако Черчилля к тому времени уже не было в министерстве торговли. Согласно закону 1911 года о государственном пособии пособия по болезни и по безработице в обязательном порядке выплачивались рабочим самых тяжелых профессий, а именно: металлургам, кораблестроителям и строителям. Тем не менее, как ни важна была роль Уинстона Черчилля в социальном реформировании государства, все же не следует верить Рандольфу Черчиллю, утверждавшему в биографии своего отца, что он был одним из основателей «государства всеобщего благосостояния». Черчилль действительно являлся автором смелых социальных законопроектов, но его политическая философия, не противоречившая принципам либеральной экономической системы, была чужда идее государства-провидения.

В политическом плане 1909–1911 годы выдались чрезвычайно напряженными для Англии. Во-первых, был принят «революционный» бюджет — «народный бюджет Ллойда Джорджа»; во-вторых, правительство вело ожесточенное сражение с палатой лордов; в-третьих, только за один 1910 год дважды проводились выборы в законодательное собрание; в-четвертых, в конституцию были внесены принципиальные изменения; в-пятых, парламентский акт, принятый в 1911 году, узаконивал

отныне преимущество палаты общин. И во всех этих исторических сражениях Черчилль очертя голову бросался в самое пекло. Он яростно защищал бюджет Ллойда Джорджа, воспринятый многими враждебно. Ведь принятие этого бюджета положило начало политике перераспределения доходов путем соответствующего налогообложения, что консерваторы сочли провокацией. В ответ Уинстон устроил еще несколько «провокаций». Он с резкой критикой обрушился на палату лордов, то есть на сословие, к которому сам принадлежал и у которого отныне было еще больше оснований считать его предателем. Назвав палату лордов «оплотом реакции» и «ничтожным меньшинством титулованных особ, никого не представляющих и ни перед кем не несущих ответственности», Черчилль прямо предложил Асквиту и правительству упразднить верхнюю палату парламента за ненужностью и заменить ее выборной палатой, не имеющей права голоса в решении финансовых вопросов^[56].

Что же касается избирательного округа, в 1908 году Черчилль перебазировался в Шотландию, в Данди. Как читатель, вероятно, помнит, в 1908 году его назначили министром торговли. Обычай, бытовавший в те времена, требовал, чтобы вновь избранный министр выставлял свою кандидатуру в прежнем избирательном округе. Черчилль баллотировался в северо-западном Манчестере и потерпел поражение. В большинстве своем буржуазный электорат сделал свой выбор в пользу консерваторов, как это регулярно происходило до 1906 года. Поэтому Уинстон, пользовавшийся тогда большой популярностью, принял предложение от либералов из Данди. В этом городе должны были пройти частичные выборы, а в преданности электората либералам не приходилось сомневаться. Однако жители Данди принадлежали к иному социальному классу, нежели жители Манчестера. Это были в основном рабочие местных предприятий, производивших джутовую ткань, лен, конфитюр, а также кораблестроительной отрасли, переживавшей пору подъема. Соперниками Черчилля в этом округе были консерватор, хозяин ткацкой фабрики, и двое лейбористов. Уинстон этим воспользовался и принялся усердно бичевать социализм, это «чудовищное и бессмысленное построение, основанное на утопических иллюзиях»^[57]. В конечном счете Уинстона избрали с большим перевесом. В 1910 году дважды проходили выборы в законодательное собрание. По итогам первого голосования, состоявшегося 22 января, отрыв Черчилля увеличился: после очень короткой предвыборной кампании его избрали вместе с неким профсоюзным деятелем, сторонником лейбористов, как говорили (от этого округа

избирались два депутата). А вот одиннадцать месяцев спустя, в декабре 1910 года, хотя Черчилля и избрали с прежней предвыборной программой, его перевес уже не был столь значительным. Впрочем, к тому времени он уже оставил пост министра торговли, получив новое назначение. Теперь Черчилль возглавлял министерство внутренних дел.

*

Министерство внутренних дел, когда Уинстон пришел туда в феврале 1910 года в возрасте тридцати пяти лет, наряду с министерством иностранных дел и министерством финансов входило в тройку наиболее важных министерств Британии. Сфера его компетенции стала несколько разнороднее в результате различных объединений и слияний и к тому времени включала в себя обеспечение безопасности граждан, обеспечение общественного порядка, а также обеспечение связи с Букингемским дворцом, руководство лондонской полицией, пожарными службами, управление системой тюрем. От министерства внутренних дел зависели вынесение оправдательных приговоров, сокращение сроков тюремного заключения. Оно рассматривало вопросы иммиграции, сельского хозяйства, состояния дорог и каналов, следило за употреблением алкоголя и наркотиков, соблюдением нравственных норм. Такое огромное поле деятельности удовлетворило бы самого ненасытного министра. И правда, новый министр внутренних дел не только лелеял надежду и на этом посту продолжать политику реформ — он мечтал войти в историю как великий министр, служивший делу прогресса. Ведь вплоть до Первой мировой войны Черчилль, выросший в полной оптимизма атмосфере уходящего XIX века, не переставал верить в прогресс. «Я из тех, кто считает, что мир постоянно меняется к лучшему», — утверждал Черчилль накануне своего перехода в министерство внутренних дел^{[1581](#)}.

В действительности новая должность таила немало опасностей. Необычайно активизировалось рабочее движение, а выступления суфражисток принимали все более серьезный оборот. Оттого и приходилось Уинстону, став министром внутренних дел, сочетать либеральную политику с политикой репрессий. И если вначале преобладала первая, то постепенно Черчилль все больше склонялся ко второй. Кроме того, между ним и его подчиненными не было полного взаимопонимания, а потому вполне вероятно, что «черная собака Черчиллей» вновь настигла свою жертву, и Уинстон снова стал подвержен

приступам депрессии.

Тем не менее начал он с того, что со свойственным ему пылом взялся за осуществление грандиозной программы реформирования системы тюрем. Уинстон стремился улучшить условия содержания заключенных, облегчить их участь, при этом не считая нужным упразднить наказания кнутом, пытался помочь им реабилитироваться в обществе. В первую очередь Черчилль намеревался упразднить долговую тюрьму, а также изменить условия наказания несовершеннолетних правонарушителей. Однажды Черчилль приказал освободить и отправить к родителям двенадцатилетнего мальчугана, за кражу грошового куса трески приговоренного к семи годам исправительной колонии. Этот его поступок наделал много шума. И все-таки министру удалось принять лишь разрозненные меры — нового свода законов, который охватывал бы всю пенитенциарную систему, так и не последовало.

Та же участь постигла и проекты реформ в защиту служащих магазинов, нещадно эксплуатируемых хозяевами. Их ненормированный рабочий день и отвратительные условия труда побудили Черчилля к решительным действиям. Один за другим он издал два билля о магазинах, согласно которым рабочую неделю надлежало сократить до шестидесяти часов и ввести обязательный выходной день — воскресенье. Однако эта попытка не увенчалась успехом, натолкнувшись на яростное сопротивление владельцев магазинов. В конечном счете было принято постановление о закрытии магазинов на полдня раньше один раз в неделю. Черчилль, подобно многим аристократам того времени, верил в примат наследственности и в тезисы евгеники. Он решил повлиять, якобы с благородной целью предотвратить «вырождение» нации, на отношение общества к людям, страдающим слабоумием, так называемым unfit (негодный по состоянию здоровья). С одной стороны, Черчилль всячески противился высказывавшимся предложениям заключить этих неполноценных членов общества в специальные учреждения, с другой — вовсе не отказывался от мысли ввести стерилизацию этой категории населения, однако так и не принял никаких мер, продиктованных желанием усовершенствовать генетику нации.

И все же поддержание порядка — прямая обязанность министерства внутренних дел — все больше занимало Уинстона, обеспокоенного волнениями рабочих и членов профсоюзов, вспыхнувшими в 1910 году, а также значительно возросшей агрессивностью феминистского движения. Черчилль был излюбленной мишенью феминисток в силу своей популярности как у граждан, так и у журналистов. Желающих попасть на

встречу с министром всегда было хоть отбавляй. И суфражистки не знали пощады. Хотя они по большей части придерживались тактики словесных атак, дважды Уинстон подвергался физическому насилию с их стороны, например, на Бристольском вокзале на несчастного министра напала разъяренная феминистка, вооруженная хлыстом для собак.

Не раз Черчилль и сам заявлял о том, что с пониманием относится к желанию женщин получить право голоса. Однако он не брал на себя никаких обязательств и отвергал все предлагавшиеся законопроекты. Больше того, в 1910 году, когда правительство готово было пойти на компромисс, предоставив право голоса определенным категориям женщин, Черчилль произнес в палате общин разгромную речь и проголосовал против. Через некоторое время в Вестминстере прошла крупная манифестация суфражисток, жестоко остановленная полицией вопреки распоряжениям Черчилля. Эта «черная пятница» послужила поводом для новых нападок на министра внутренних дел, обвиненного в варварских действиях по отношению к мирно настроенным активисткам движения. А суть противостояния заключалась в том, что для Уинстона, неисправимого «полового шовиниста», предоставление женщинам права голоса, равно как и развернувшаяся борьба за это право, пренебрежительно называемая им «бабьей политикой», были делом второстепенной и даже третьестепенной важности. Политики, призванные вершить судьбы великой империи, не должны были, по его мнению, отвлекаться на подобные пустяки.

В то же время до сих пор безоблачные отношения Черчилля с профсоюзами рабочих начали портиться. Столкновения, закончившиеся тем, что Уинстону пришлось примерить новый образ врага рабочих, произошли вот из-за чего. В ноябре 1910 года трагически закончилась забастовка уэльских шахтеров из долины Рондда, получившая название «побоище в Тонипэнди». Местных полицейских вывели из себя беспорядки и грабежи, они применили силу, и один шахтер был убит. Тогда Черчилль взял дело в свои руки и благодаря его хладнокровию и сдержанности конфликт удалось уладить, не прибегая к помощи армейских подразделений, стянутых на всякий случай к месту событий. Выходит, напрасно клеймо кровавого героя Тонипэнди так прочно пристало к Уинстону.

Между тем летом 1911 года прошли сразу две забастовки государственного масштаба. Сначала работу прекратили портовые рабочие, а затем железнодорожники. Черчилль, утверждавший, что забастовщики-де ставят под угрозу безопасность страны (Агадирский кризис был тогда в самом разгаре), занял неоправданно воинственную позицию. Это было

довольно опрометчиво с его стороны, так как у граждан сложилось впечатление, будто министр больше склонялся к открытому противостоянию, нежели к примирению. И действительно, он всякий раз призывал войска, чтобы усмирить и заставить пойти на попятную забастовщиков, «бунтовщиков», как он говорил, и подобные меры не обходились без человеческих жертв. Черчилль даже распустил слух, что за этой попыткой парализовать страну якобы кроется «немецкое золото». В конце концов, когда стараниями Ллойда Джорджа правительству и железнодорожникам удалось-таки прийти к соглашению и конфликт был улажен, Черчилля опечалил такой мирный исход. Осудив его «действия в духе средневековья», лейбористы всерьез и надолго внесли горе-вояку в свой черный список. Отныне министр внутренних дел перешел в ранг врагов рабочего класса. И своей неудачей Уинстон был обязан прежде всего самому себе. Он в очередной раз пал жертвой поверхностных суждений, не взглядевшись в суть вопроса. Ведь Черчилль по-прежнему верил в союз «либ — лаб» («либералы — лейбористы») и первым признал, что у рабочих были основания роптать на свою судьбу. Однако прежде всего Уинстон верил в возможность существования иерархического и одновременно гармоничного общества.

Все то же романтическое воображение, порой ребячество мешали министру трезво взглянуть на вещи. В январе 1911 года произошло событие, которому пресса уделила большое внимание и которое вошло в историю под названием «битва на Сидней стрит». А началось все с относительно банального случая. В Лондоне в одном из самых бедных кварталов Ист-Энда группа полисменов, совершавших обычный обход, попала в настоящую засаду. Трое стражей порядка были убиты. Немедленно началась погоня за «террористами». Было установлено, что это латышские анархисты, возглавляемые неким «Петром-художником». Полиция обнаружила преступников несколько дней спустя в маленькой лачуге по адресу Сидней стрит, 100 и окружила их убежище. Осажденные открыли огонь. Тотчас же к месту происшествия были стянуты значительные силы: несколько сотен полицейских, взвод шотландских гвардейцев, лучшие стрелки. Черчилль, которому сообщили о случившемся, когда он принимал ванну, поспешил на место происшествия. Тем временем перестрелка продолжалась, осажденный дом загорелся и рухнул, под его обломками и погибли злополучные анархисты.

Битва была увековечена в фотоснимке. На нем посреди вооруженных полицейских и солдат запечатлена группа ответственных лиц с министром внутренних дел в цилиндре и шубе на первом плане. Министр подался

вперед, чтобы ничего не пропустить в разыгрывающейся драме. Недоброжелатели не преминули язвительно прокомментировать это происшествие. Ну разве это место для министра Его величества? Разве имел он право так рисковать? Зачем еще щеголять своей храбростью перед репортерами и фотографами как не ради саморекламы? Впрочем, по возвращении в министерство Уинстону пришлось выслушать те же упреки из уст одного из своих ближайших соратников. «Не сердитесь, — ответил ему министр, — я отлично провел время!»^[59] В этом ответе был весь Черчилль.

Уинстон и Клемми

Весна 1908 года была знаменательна не только тем, что Уинстон, получив столь ответственную должность, стал одним из первых государственных деятелей Британии. В его жизни произошло еще одно не менее важное событие: встреча с Клементиной Хозиер, положившая начало союзу, просуществовавшему пятьдесят лет.

Личная жизнь Уинстона была вовсе не такой насыщенной, как общественная, и не давала пищи для сплетен и пересудов. Конечно, мы могли бы упомянуть несколько юношеских увлечений и романов, поначалу скорее платонических. Однако никаких пикантных приключений, никакого распутства, никаких скандалов, связанных с женщинами, в жизни Черчилля не было. Ничего, что могло бы удовлетворить жадных до сенсации биографов. Правда, печального примера лорда Рандольфа было вполне достаточно, чтобы дать отпор любому соблазну, сулившему плотские утехы, если бы таковой и имелся.

Как и большинство молодых людей того времени, Черчилль получил чисто мужское образование, начиная с Хэрроу и заканчивая Сэндхерстом. Он отнюдь не был сердцеедом и чувствовал себя скованно в обществе юных дам, о чем говорится во всех дошедших до нас свидетельствах. Он не терялся, если речь шла о карьере — основном приоритете в жизни Уинстона, но в делах любовных, вместо того чтобы проявлять инициативу, он становился замкнутым и неловким. К тому же Уинстон не любил танцевать и предпочитал длинные монологи на политические темы, что отнюдь не способствовало исполнению его надежд на брак с хорошей девушкой из приличного общества.

До встречи с Клементиной в жизни Черчилля были три разбитые мечты о любви, заслуживающие нашего внимания. Если не считать

непродолжительного флирта девятнадцатилетнего Уинстона с юной Молли Хэкет, обворожительной, но пустой болтушкой, с которой он познакомился в гостях у лорда Хиндлипа, его первым и самым серьезным увлечением была Памела Плоуден. О ней Уинстон мечтал не один год. Памела была дочерью британского посланника в Хайдарабаде. Молодые люди писали друг другу письма в течение нескольких лет, и их близкие уже считали, что дело идет к свадьбе, однако в конце концов ни он, ни она так и не решились на столь ответственный шаг. Чувство угасло, и в 1902 году Памела вышла замуж за лорда Литтона, сохранив дружеские отношения со своим старым поклонником. Их дружба продолжалась до самой смерти Уинстона (Памела пережила его на несколько лет).

Затем Уинстон наметил было себе в жены юную Мюриель Уилсон, богатую наследницу из семьи потомственных судовладельцев. Она была молода и жизнерадостна, сказочно богата, что вполне устраивало претендента, склонного к расточительности, но вот беда — он не мог смириться с ограниченностью своей избранницы, и роман не получил продолжения. И, наконец, третья неудача постигла молодого политика с популярной в то время американской актрисой Этель Бэрримор. Она пленила нашего горе-Дон Жуана, однако когда он открыл ей свои чувства, Этель скорехонько его выпроводила.

И вот уже достигнув возраста Христа, Черчилль по-прежнему оставался холостяком. Наконец в марте 1908 года судьба решительно постучала в двери его сердца. Иными словами, он был приглашен на званый ужин. На тот же ужин в самый последний момент пригласили юную шотландскую аристократку Клементину Хозиер. Она должна была заменить гостью, которая не смогла прийти и без которой за столом оказалось бы тринадцать человек. Уинстон думал было отказаться от приглашения, но в конце концов явился на ужин, нехотя и с опозданием. Его усадили между Клементиной Хозиер и леди Лугард, хорошо разбиравшейся в вопросах колониальной политики, в ее честь и был дан ужин. Но, как это ни странно, заместитель министра по делам колоний ни словом с ней не перемолвился, сосредоточив все свое внимание на другой соседке^[60]. Это было началом настоящей страсти, молодые люди условились о новой встрече, а затем решили соединить свои судьбы. 11 августа в бленхеймском парке Уинстон открыл Клементине свое сердце, а на 12 сентября уже назначили бракосочетание.

Уинстон был на десять лет старше своей суженой. Клементина родилась в 1885 году в семье сэра Генри Хозиера, brave гвардейского полковника, и леди Бланч Хозиер, также принадлежавшей к знатному

шотландскому роду, — ее отцом был граф Д'Эйрли. Однако несмотря на более чем достаточное количество голубой крови в жилах обоих молодоженов, у них не было опыта счастливой семейной жизни. Семья Клементины, прозванной «якобиткой», также не знала покоя. У нареченной Уинстона, как и у него самого, было несчастливое детство. Родители Клементины расстались, и леди Бланч, с которой остались дочери, стала злоупотреблять полученной свободой. Клементину поручили заботам нянюшек, она редко видела свою мать, поглощенную картами и своими многочисленными приключениями и романами. Вероятно, сэр Генри не был отцом ни одной из дочерей леди Бланч. Ходили слухи, что Клементина и ее старшая сестра появились на свет благодаря связи их матери с капитаном Джорджем Миддлтоном по прозвищу *Bay* (Гнедой) — изящным, обаятельным гусаром, не устоявшим в свое время и перед чарами леди Рандольф Черчилль, близкой подруги леди Бланч, имевшей с ней много общего^[61]. Какое-то время семья Хозиер жила в Дьепе, где были казино и целая община зажиточных англичан, там же Клементина овладела французским языком с помощью своих гувернанток-француженок. Позже она даже давала уроки французского за два шиллинга шесть пенсов, поскольку все ее детство и юность семья если и не жила в нужде, то, по крайней мере, располагала весьма ограниченными средствами.

Когда Клементина встретила Уинстона, ей было двадцать четыре года. К тому времени за ней закрепилась репутация необыкновенно красивой девушки, серьезной, умной, образованной и при этом общительной и очаровательной. Она обладала твердым, независимым характером, имела собственные убеждения — принадлежала к либеральному лагерю и сочувствовала суфражисткам. За эти замечательные качества Клементине прощали ее излишнюю требовательность (она дважды разрывала помолвку), пуританство (она ненавидела любимую Уинстоном рулетку), даже занудство (этим качеством прекрасную шотландку наделяли некоторые из коллег ее будущего супруга). Как бы то ни было, Клементина была верной соратницей своего мужа. За ней не дали большого приданого, но зато Уинстон всегда мог рассчитывать на ее помощь и рассудительность, ведь Клементина куда лучше разбиралась и в людях, и в ситуациях.

Пышная церемония бракосочетания состоялась в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. Это было настоящее событие в лондонской светской жизни. На торжественный прием после венчания пригласили полторы тысячи человек. Улицу наводнили зеленщики со своими тележками, которым Уинстон, будучи министром торговли, предоставил кое-какие льготы и традиционные привилегии. Затем молодожены

отправились в свадебное путешествие на озера Италии и в Венецию. По правде говоря, женитьба не притупила ни ненасытного честолюбия Уинстона, ни жажды власти, ни страсти к работе, и его молодой супруге волей-неволей пришлось с этим смириться. Никто не поручился бы, что в ризнице церкви Святой Маргариты Черчилль не улучил минутки, чтобы перемолвиться парой слов с Ллойдом Джорджем о насущных проблемах государства, а во время медового месяца не бомбардировал многочисленными посланиями коллег-министров.

Вернувшись в Лондон, Уинстон и Клемми, как он ее называл, обосновались в красивом особняке эпохи Регентства, расположенном на Экклстон сквер, неподалеку от вокзала Виктории. Новобрачная, не терпевшая расточительности, старалась экономно вести хозяйство, хотя ей это стоило огромных усилий. Вскоре в молодой семье случилось прибавление. В июле 1909 года у Черчиллей родилась дочь Диана. Уинстон, не помня себя от гордости, объявил Ллойд Джорджу, что никогда еще ему не приходилось видеть такой прелестной малютки. «Полагаю, она похожа на свою мать», — сказал министр финансов. «Нет, — ответил счастливый отец, — она вся в меня»^[62]. А в мае 1911 года родился сын Рандольф, в октябре 1914 года — дочь Сара, в ноябре 1918 года — Мэриголд (девочка умерла от септицемии два с половиной года спустя), и, наконец, в сентябре 1922 года родилась Мэри. Союз Уинстона и Клемми был, безусловно, счастливым и подарил обоим (особенно Уинстону, в политической карьере которого было столько неверных ходов и неприятных неожиданностей) чувство покоя, стабильности и равновесия, хотя дети принесли им немало горя и разочарований. Лишь младшая дочь Мэри была отрадой для родителей.

Рандольф Черчилль считал, что брак с Клемми служил его отцу «спасительным якорем», за который тот сумел ухватиться и уже не выпускал до конца своих дней. Такое сравнение вполне оправданно, ведь Уинстону приходилось лавировать в безбрежном океане политики, где нельзя верить союзникам и полагаться на договоры. А чета Черчиллей могучим утесом возвышалась над этим океаном, служа примером для многих. Всю свою жизнь Уинстон оставался верным и нежным мужем. Это был союз двух одиноких людей, почти не знавших родительской любви и наконец обретших покой друг в друге. Тем не менее их характеры были столь непохожи, что и в их совместной жизни случались размолвки. Властный, неугомонный Уинстон придерживался более чем традиционных взглядов на отношения полов. Он был твердо убежден в мужском превосходстве и в то же время вел себя, как испорченный ребенок,

навязывая жене свои взгляды и мнения, не заботясь о чувствах своей супруги. Черчилль всегда был таким домашним деспотом, заставлявшим принимать как должное свои желания и капризы.

Клемми же отличалась волевым, независимым и упорным характером. Благодаря своей сдержанности и мудрости она сумела создать и сохранить прочную семью, не изменив ни своим принципам, ни убеждениям. Ей удалось отстоять свою независимость, и, охотно появляясь в обществе вместе с мужем, она сумела сохранить за собой свое собственное пространство. Нет оснований не верить Черчиллю, написавшему в своей автобиографии: «С тех пор как я женился, я всегда был счастлив»^[63].

Спектроскопия политика

До сих пор Уинстону сопутствовал успех. Между тем XX век только-только вступил в свои права, и пока рано было оценивать роль Уинстона, его вес в политической жизни эпохи, равно как и его перспективы на будущее. Кем, в сущности, был этот яркий, необыкновенно одаренный человек, всюду совавший свой нос, красовавшийся на первых полосах газет и в великосветских гостиных? Может быть, стоит поверить многочисленным поклонникам Черчилля, утверждавшим еще совсем недавно, что именно ему Англия обязана благотворными реформами общества и государства? Борьба мнений на этот счет не прекращается вот уже почти целое столетие. К согласию не могли прийти современники, к согласию до сих пор не могут прийти историки.

Толкования роли Черчилля в истории Англии условно можно свести к двум направлениям. Сторонники первого направления считают, что, безусловно, именно Черчилль со свойственной ему энергией взялся за проведение серии смелых, прогрессивных реформ. Однако это была лишь *тактика*, продиктованная велением времени, сложившейся политической ситуацией, личными интересами честолюбивого политика, который своего не упускал, а отнюдь не твердыми убеждениями инициатора этих реформ.

Если придерживаться этой версии, выходит, блистательные, умело выстроенные, хотя и лишенные глубокого содержания речи убежденного радикала всего-навсего скрывали трезвый расчет бессовестного человека, стремившегося преуспеть любой ценой и ради достижения своих целей готового говорить все что угодно, лишь бы это было в духе времени. Ведь как только он стал министром морского флота, его страсть к социальным реформам сразу улетучилась, Черчилль разом сбросил маску

оппозиционера-радикала и примерил маску патриота-консерватора. Также бесспорным является тот факт, что он никогда не проявлял особой симпатии к некоторым пунктам либеральной программы, касавшимся, в частности, образования или ограничения потребления алкоголя — двух принципиальных вопросов, игравших немаловажную роль в дальнейшем развитии общества.

В то же время социально-политическая стратегия Черчилля, напротив, была глубоко последовательна и логична. А потому нельзя сказать однозначно, был ли Черчилль расчетливым, эгоистичным оппортунистом или искренним человеком, не отступавшим от своих убеждений. Юный честолюбец сумел постичь законы истории, кроме того, он всегда был верен своему социальному классу, и если принять это во внимание, то проследить логику его действий совсем нетрудно. Он ратовал за реформы, стремился направить страну по пути прогресса, руководствуясь не столько желанием изменить общество к лучшему, сколько желанием упрочить его, обеспечить его жизнеспособность. Ведь правящему классу не удалось бы сохранить свою власть и свои преимущества, если бы правительство не отнеслось с должным вниманием к справедливым требованиям и жалобам масс. «Правительство, — говорил Черчилль, — напоминает пирамиду. (...) Задача либеральной партии — расширить основание пирамиды, тем самым повысив прочность всей конструкции. Это единственный способ предотвратить революцию»^[64]. Тогда реформы перестают быть самоцелью, превращаясь в средство поддержания порядка в государстве и обществе.

К этому следует добавить, что Уинстон, в силу особенности характера и традиций патернализма, сохранившихся в среде старой аристократии, испытывал искреннюю симпатию к «побежденным». Он был патрицием, и в его сознании прочно укоренилась идея о двуступенчатом обществе, обществе аристократов в поместьях и бедного люда в трущобах, обществе хозяев и слуг, офицеров и солдат. Но вот что такое «средний класс», Черчилль плохо себе представлял. Он не был знаком с миром промышленников и коммерсантов. Стоило чуть-чуть приподнять маску прогрессивно мыслящего человека XX века — и вы видели перед собой лицо старосветского помещика-вига.

Нельзя не сказать о другом убеждении Черчилля, свойственном ему одному и определявшем большинство его политических решений. Уинстон верил в существование тесной связи между социальной и имперской политикой Британии, да и любой другой империи. Едва придя в политику, Черчилль вывел аксиому о взаимозависимости Британской империи и

английского общества. Так, в одном из своих первых выступлений, еще будучи убежденным консерваторм, Черчилль заявил: «Чтобы сохранить империю, мы должны опираться на свободный, образованный и сытый народ. Вот почему мы за социальные реформы». Десять лет спустя, уже будучи лидером прогрессивного либерализма, он с удвоенным красноречием убеждал аудиторию в необходимости социальных преобразований: «Если британский народ хочет по-прежнему оставаться во главе великой империи (...), он должен быть сильным, чтобы не сломаться под тяжестью этого бремени. Величественное здание Британской империи не может держаться на плечах миллионов людей, не имеющих самого необходимого, теснящихся в трущобах наших городов, барахтающихся в грязи тоскливых улиц. Не таким нам представляется будущее британского народа»^[65].

*

Черчилль, человек разносторонний и непредсказуемый, у кого-то вызывал раздражение, у кого-то — симпатию. Врагов у него было не меньше, чем друзей. В нем уживались жесткость и чуткость, суровость и мягкосердечие. Порой он бывал жесток и даже груб, а порой участлив и внимателен. Сырые и убогие могли растрогать его до слез. Вот почему те, кто встречался с Черчиллем в обществе, и те, кто встречался с ним в узком кругу, отзывались о нем весьма противоречиво. Как шутливо заметила его первая пассия, прелестная Памела Плоуден, впоследствии леди Литтон, «когда встречаешь Уинстона впервые, сразу же обращаешь внимание на все его недостатки, а потом тратишь жизнь на постижение его достоинств»^[66].

Черчилль по-прежнему был одержим честолюбием, определявшим все его поступки. Однако теперь он понял, что одной лишь активностью ничего не добьешься. Нужно было доказывать — своим характером, работой, практическими достижениями, — что ты чего-то стоишь, что отвечаешь требованиям, предъявляемым министру. Вскоре Уинстон изложил эту теорию в письме к своей матери. «В политике, — писал он, — успех зависит не столько от того, что ты делаешь, сколько от того, как ты себя ведешь. Дело не столько в уме, сколько в личности политика и его характере. (...) Выступления, связи, нужные друзья, имя, хорошие советы, не пропадающие даром, — все это важно, но поднимает тебя не выше определенного уровня. Тебя, как жокея перед скачками, взвешивают. Все

жокеи должны пройти эту процедуру, и если твой вес окажется недостаточным, публика не поставит на тебя и пенни»^[67].

В то же время Черчилль по-прежнему легко увлекался, готов был идти за самой несбыточной мечтой, упорно не желая расставаться со своими навязчивыми идеями, какими бы нелепыми они ни были. Как заметил журналист Альфред Гардинер, Черчилль был «сам себе супермен», настолько поглощенный собой, что других он попросту не замечал^[68]. Именно этот глубинный эгоцентризм мешал ему осознать, насколько провозглашаемые им принципы и идеи противоречили его собственному образу жизни и поведению.

Так, в разгар сражения с палатой лордов, смешав с грязью свое сословие, Уинстон преспокойно отправился встречать Рождество в родовой замок Бленхейм. Там он любовался лепными потолками, купался в роскоши, вкушал изысканные блюда из золотой посуды, а за столом ему прислуживали напудренные лакеи в париках, гранатовых ливреях и панталонах, в шелковых чулках и туфлях с золотыми пряжками. Летом Уинстон жил в палатке в бленхеймском парке вместе с Оксфордширскими гусарами, находившимися на действительной военной службе. Ночь офицеры коротали за рюмкой и картами, вроде повес регента Филиппа Орлеанского, прославившегося своими дебошами в XVIII веке. Порой Уинстон вел себя, как испорченный ребенок, которому подарили новый красивый мундир и который, себя не помня от счастья, готов рассказывать об этом каждому встречному-поперечному. В 1913 году Черчилль получил почетный титул старшего брата «Тринити хаус» (братство «Тринити хаус» было основано Генрихом VIII для контроля за состоянием маяков и буев британского побережья). «Старшего брата» так и распирало от гордости, когда его облачили в великолепный мундир, а на голову нахлобучили треуголку, и в 1914 году он не преминул сообщить об этом какому-то генералу, с которым встретился в Дании, для пущей важности прибегнув к французскому языку: «*Je souize oune frair ehney de la Trinita*^[9]...»^[69]

*

Нам осталось выяснить, учитывая вышеизложенные события, произошедшие в последние годы правления короля Эдуарда, на что же мог рассчитывать Черчилль в дальнейшем. До сих пор ему неизменно сопутствовал успех. Доказательств, подтверждавших его таланты —

таланты министра, оратора, журналиста и писателя, — он предъявил более чем достаточно. Кроме того, Черчилль вместе с Ллойдом Джорджем был излюбленным героем средств массовой информации. Казалось, ничто не могло помешать восхождению нашего удачливого «альпиниста» на вершину политического Олимпа.

Ан нет, если тот склон горы, по которому поднимался Уинстон, был залит солнечным светом, с противоположного склона надвигались сумрак и непогода. На политической арене путь Черчиллю преграждали два серьезных препятствия: граничившая с ненавистью враждебность консерваторов и все нараставшая, переходившая в недоверие подозрительность либералов. Консерваторы только ждали удобного случая, чтобы разрушить карьеру этого перебежчика, изменившего своему сословию, этого несносного гордеца и словоблуда.

Кроме того, в лоне либеральной партии в тот момент преобладали сомнения, отсутствовало согласие, росло недоверие — все это ставило под угрозу политическое будущее Черчилля. Напрасно Уинстон, не щадя живота своего, защищал дело неолиберализма — соратники задумывались о его истинных мотивах, ловили каждое неверное слово или жест. Короче говоря, политик, завораживавший массы своим красноречием и приводивший окружающих в отчаяние своей непредсказуемостью, внушал не больше доверия, чем сфинкс из древнегреческой мифологии. И дело не в том, что его считали хитрым и вероломным, как Ллойда Джорджа, коллег куда больше пугали его непредсказуемостью, внезапные перемены настроения, непоследовательность, ведь он мог в любой момент изменить свое решение. «В черчиллевском механизме слишком много лошадиных сил, а руль недостаточно крепок, чтобы выдерживать такую нагрузку», — говорил об Уинстоне брат Ллойда Джорджа. Не менее прозорлив был Асквит, жалевший, что у Уинстона напрочь отсутствовало чувство меры, равно как и чувство ответственности. В 1915 году премьер-министр говорил: «Я его очень люблю, но опасюсь за его будущее. (...) Ему не добраться до вершины британского политического Олимпа, несмотря на все его таланты. Он может всех затмить своим красноречием, он может день и ночь трудиться на благо государства, но если он не пользуется доверием — грош цена всем его стараниям»^[70]. И действительно, если бы не Гитлер, мрачное предсказание Асквита непременно бы сбылось.

В конце концов разве Черчилль, несмотря на обличительные тирады в адрес соплеменников, сам не был тори по своей природе? Многие разделяли это мнение, среди них — Чарльз Мастерман, назвавший

Уинстона «торийским аборигеном ныне и присно, и во веки веков»^[71]. Тем не менее правда заключалась в том, что Черчилль никогда не был и не стремился стать благонадежным членом партии. Он искал тропинку, пролежавшую посередине политической арены, а потому находил общий язык с представителями любого лагеря. Черчилль пытался достичь взаимопонимания, невзирая на расхождения во взглядах, продиктованные принадлежностью к разным партиям. Поэтому его и упрекали в том, что он якобы ведет двойную игру. Уинстон всегда ратовал за коалиционное правительство, и хотя случалось, что работа такого правительства не давала положительных результатов, сам Черчилль, будучи его членом, работал не покладая рук на благо родины. Так было во время Первой мировой войны и так было, когда над Англией нависла угроза фашизма. А потому стихи Поупа, которые Черчилль выбрал в качестве эпиграфа к биографии своего отца, вполне могли бы стать эпиграфом к его собственной биографии:

*Я не служу хозяину и в партиях не состою,
А если близится гроза, я в первую попавшуюся дверь стучу.*

Во главе военно-морских сил Великобритании:

1911–1914

На исходе сентября 1911 года Черчилль отправился в Шотландию, куда его пригласил Асквит провести с ним несколько дней на его загородной вилле. Уинстон сам сидел за рулем своего красного Торпедо — шестицилиндрового «непера», купленного за шестьсот фунтов. На вилле министры коротали время за игрой в гольф, в которой Уинстон, надо сказать, никогда не блистал. Как-то в перерыве между партиями Асквит вдруг предложил Черчиллю стать министром военно-морского флота Великобритании (под носом у его коллеги по военному министерству Хэлдэйна, который также претендовал на этот пост). На самом деле речь шла о кадровой перестановке внутри кабинета министров: глава морского ведомства Реджинальд Маккенна, человек жесткий и суровый, должен был заменить Черчилля на посту министра внутренних дел.

Первый лорд адмиралтейства^[10] — Уинстон давно мечтал об этой должности. Отныне в его руках была судьба великой нации и безопасность

империи. Тем более что только-только разрешился кризис в Агадире, затронувший многие страны мира. Кризис этот начался с того, что 1 июля в марокканский порт была выслана немецкая канонерская лодка «Пантера». Таким образом рейх намеревался утвердить свои права на Марокко. Готовый разразиться летом 1911 года европейский кризис взбудоражил не только государственные канцелярии. Вот почему для Черчилля вторая половина 1911 года, ознаменованная агадирским делом и его назначением в военно-морское ведомство, стала переломным этапом в жизни. В его сознании, стратегии, карьере все перевернулось с ног на голову. Министр иностранных дел сэр Эдвард Грэй рассказывал, как он с изумлением наблюдал за удивительными метаморфозами своего молодого коллеги^[72]. Ведь до тех пор, если речь заходила о внешней политике, Черчилль высказывался за примирение и сокращение расходов на вооружение. И вдруг он избрал себе в качестве девиза латинское изречение «*Si vis pacem, para bellum*»^[11]. Уинстон расстался с маской политика-радикала, заботившегося о реформировании общества и социальных преобразованиях, и превратился в страстного бескомпромиссного патриота, за которым стоял весь британский народ, а не отдельная партия. Отныне его больше заботили вопросы внешней политики, нежели внутренней. Он оставил в покое благосостояние граждан и занялся проблемами обороны.

С той минуты как Асквит предложил Уинстону стать министром военно-морского флота, а тот немедленно согласился, голова первого лорда адмиралтейства была занята только одним: он постоянно думал об уготованной ему высокой миссии. Эта должность чудесным образом удовлетворяла сразу и его честолюбие, и жажду власти. Уинстон, заняв этот ответственный пост, поспешил поделиться своими чувствами с дочерью премьер-министра. «Это самое значительное событие, какое когда-либо со мной случалось, — заявил он ей, — выпавшую на мою долю удачу я бы не променял ни на что на свете. Теперь я смогу показать все, на что я способен»^[73].

Разумеется, Черчилль был хорошо знаком с проблемами национальной обороны. С 1909 года он состоял в комитете обороны империи, в котором, по своему обыкновению, развил кипучую деятельность. Комитет обороны империи был создан в 1904 году и являлся высшим органом безопасности Королевства. Во время Агадирского кризиса Черчилль по просьбе членов комитета составил предостерегающий меморандум, в котором подробно описал те ужасы, которые ожидали европейский континент в случае войны между центральными империями — Германией и Австрией с одной

стороны и союзом Великобритании, Франции и России — с другой. В меморандуме Черчилль разъяснял, почему решающее сражение непременно должно было произойти между германской и французской армиями. Он также предсказывал — и здесь надо отдать должное его прозорливости, — что германские войска, завоевав Бельгию, пересекут Маас на двадцатый день после начала военных действий, а на сороковой день положение изменится в пользу французской армии, которая уже не даст немцам опомниться^{74}.

*

К тому времени Уинстон был уже зрелым политиком, научился разумно использовать свои таланты и способности. В его жизни наступил счастливый период, совпавший с годами мирного управления адмиралтейством. Уинстон был воспитан в добрых традициях старой морской школы и верил в то, что могущество Британии покоится на небольшой, но сильной армии и военном флоте. Потому он и любил море, корабли. Жизнь в открытом море на борту надежного судна казалась ему сказкой. Да и строгая дисциплина, царившая среди военных моряков, не могла оставить его равнодушным. Воображение рисовало Уинстону подвиги, которые моряки совершали каждый день, борясь со стихией. Ему все нравилось — от изящных быстроходных катеров до величественных дредноутов. Первый лорд адмиралтейства обосновался в элегантном особняке XVIII века, в котором располагалось морское министерство, — рядом с Уайтхоллом. Однако он много времени проводил и на борту яхты *Enchantress* («Чародейка»), принадлежавшей министерству и служившей Черчиллю одновременно и плавучим кабинетом, и залом для игр. На ней он инспектировал базы и арсеналы военно-морского флота, а летом совершал путешествия.

Море стало настоящей страстью Уинстона, и он работал с еще большим увлечением, чем обычно, отдавая флоту все свои силы. Черчилль чувствовал, что от него многого ждут, и не жалел себя, с вдохновением исполняя свои новые обязанности. Ллойд Джордж даже в шутку попенял Уинстону, что «он все меньше интересуется политикой и что его все больше затягивает в топку министерского катера». А коллеги Уинстона, вынужденные работать без выходных, говорили, что одиннадцатая заповедь, регламентировавшая субботний отдых первого лорда, гласила: «В

день седьмой занимайся делами твоими и не смей отдыхать»^{75}.

И тем не менее его неутолимая жажда деятельности, неизменное щегольство, вечная суэта, постоянное вмешательство в мельчайшие подробности работы командного состава на всех уровнях у многих вызывали недовольство и раздражение. Адмиралы, сразу не взлюбившие Уинстона, сделали его мишенью для своих упреков и критики, порой весьма резкой. Их недовольство усугублялось тем, что работники министерства отнюдь не были сплоченной командой единомышленников, а принадлежали к разным идейным группам. К тому же порядки, насаждаемые вновь назначенным первым лордом, вступали в противоречие с привычками, издавна сложившимися в адмиралтействе. «Черчилль так и не понял, — подтрунивал над Уинстоном один из лучших адмиралов того времени Джеллико, — и в этом заключается его роковая ошибка, что он всего лишь штатский политик, абсолютно невежественный в вопросах морского флота»^{76}. Черчилля обвиняли в том, что он вел себя, как диктатор, и совершенно не считался с морскими традициями, которые, по его мнению, сводились к следующему: «насморк, содомия и наказание розгами».

Тем временем дело реформ спорилось в руках первого лорда. Прежде всего в 1912 году он создал штаб военно-морского флота. Когда Уинстон в смятении констатировал, что у адмиралтейства не было никакого плана боевых действий на случай войны, он решил создать штаб, который стал бы мозгом военно-морского флота. Вновь созданный штаб должен был разрабатывать планы операций на море, а также готовить будущих командиров. В то же время Черчилль кардинально реформировал состав совета адмиралтейства, заменив троих из четверки морских лордов. На пост первого морского лорда он назначил принца Луиса Баттенбергского^{77}, а своим секретарем — талантливого адмирала Битти. В этом крестовом походе против косности и личной выгоды Черчилль опирался на адмирала Фишера, отличавшегося противоречивым нравом. Он был одержимым, тираническим эгоцентристом и грубияном, но при этом — превосходным моряком, «величайшим английским моряком после Нельсона», как говорили. Джеки Фишер (1841–1920) служил во флоте с тринадцати лет, — он принимал участие еще в крымских баталиях, — занимал самые почетные должности, и прежде всего должность первого морского лорда с 1904 по 1910 год. Невзирая на козни многочисленных врагов, которых Джеки Фишер наживал благодаря своему вулканическому темпераменту, а также на размолвки с Черчиллем, ему удалось-таки

произвести коренной переворот во флоте. Это стоило Джеки огромных усилий. Он модернизировал и дал новый толчок строительству дредноутов, этих грозных плавучих крепостей, гордости британского военного флота. Фишер даже разглядел опасность, исходившую со стороны Германии, и точно предсказал год начала войны — 1914-й. Одним словом, Джеки, как и Черчилль, был страстным сторонником викторианского кредо «Британия правит на море». Именно поэтому в 1912 году первый лорд решил сократить численность кораблей средиземноморской эскадры, где на чеку были французские моряки, дабы усилить флот, охранявший границы Британии в Северном море, Ла-Манше и Атлантическом океане, ведь именно там английские корабли могли столкнуться с немецкими.

Черчилль провел несколько реформ в бытность свою первым лордом адмиралтейства, но лишь одна из них, касавшаяся экипажей кораблей, носила отпечаток его характера. На протяжении многих десятилетий не было предпринято никаких попыток улучшить условия жизни и службы «команды нижней палубы». И вот первый лорд, которого на столь великодушный жест подвигли отчасти патернализм, отчасти демократический инстинкт заботы о ближнем, отчасти политический расчет, постарался облегчить участь этой категории моряков. Он вынес постановление о повышении им жалованья, введении выходного дня по воскресеньям, отмене унижительных телесных наказаний, возможности продвижения по служебной лестнице до чина офицера. Для матросов и помощников кочегаров наконец-то забрезжил свет надежды, а обыватели узнали, что классический образ матроса, полной грудью вдыхающего морской воздух на палубе, открытой всем ветрам, вовсе не соответствовал действительности и что на самом деле матросы влачили жалкое существование на дне бронированных казематов.

В области перспективных технических нововведений богатое воображение и энергия Черчилля также творили чудеса. Упомянем о двух его чрезвычайно важных изобретениях. Сначала в 1913 году он решил перевести корабли с угля на мазут. Затея не только смелая, но и рискованная, ведь Англия была богатой угольной страной, но нефти на островах не добывали вовсе. А потому заодно была основана Англоперсидская нефтяная компания. Британцам принадлежал пятьдесят один процент акций компании, что впредь гарантировало бесперебойные поставки топлива для английских кораблей, а также обеспечивало свободный доступ к Персидскому заливу — Англия традиционно уделяла большое внимание этому стратегически важному району.

Вторая заслуга Черчилля заключалась в том, что он сумел предугадать

решающую роль авиации в войнах будущего. Аэронавтика будоражила его воображение уже не один год. Он и Фишер предчувствовали, что самолеты полностью изменят тактику ведения морских боев, да и сражений на суше. Черчилль даже предвидел, в отличие от своих современников, для которых воздушные такси были лишь средством наблюдения, появление самолетов, оснащенных боевым оружием. Это привело к созданию в 1912 году военно-морской авиации на базе Авиационного корпуса Великобритании, трансформировавшегося затем в военно-воздушные силы Великобритании. На данном этапе Черчилль не только заботился об усовершенствовании аэропланов и гидросамолетов, он, кроме того, верил в огромный потенциал дирижаблей, таких, как цеппелины, хотя впоследствии и изменил свое мнение о них. К тому же тридцативосьмилетний Черчилль сам подавал пример окружающим, освоив, несмотря на свой возраст и тревогу Клемми, искусство пилотирования. В его активе было около сорока часов полета. Таким образом, в деле воздухоплавания Уинстон также оказался первооткрывателем, разрушающим сложившиеся стереотипы. А потому его не смущало ни оказываемое сопротивление, ни насмешки, тем более что в конечном счете вчерашние скептики и противники вынуждены были признать его правоту. Как остроумно заметил один из единомышленников Черчилля, «они три года мочились на свои насаждения, а теперь хотят, чтобы за один месяц эти деревья расцвели»^[78]. Между тем идеи о создании танка и службы разведки зародились в богатом воображении Уинстона еще в бытность его первым лордом адмиралтейства.

*

Когда международная обстановка начала ухудшаться, ясно обозначилось соперничество Англии и Германии на море. Черчиллю, бывшему в то время первым лордом адмиралтейства, приходилось с этим считаться. Как и его соотечественники, он исходил из того, что «на море может быть только один хозяин». С тех пор как в 1898 году император Вильгельм II произнес роковые слова «наше будущее — на воде», «любовь» немцев к морю не просто затрагивала интересы Британии, она ранила «владычицу морскую» в самое сердце. Эли Халеви писала, что малейшее покушение на первенство англичан в мировом океане воспринималось ими как «покушение на оскорбление национального величия»^[79]. Старый постулат о соотношении «два кля к одному», или

Стандарт двойной мощности, согласно которому английский флот должен был, по крайней мере, не уступать объединенному флоту двух могущественнейших морских держав, дал течь под напором немецких амбиций. Напрасно Черчилль пытался объяснить послу Германии принцу Лихновски всю тяжесть происходящего, сравнивая немецкий флот с «Эльзасом и Лотарингией — предметом спора двух держав, на границе которых эти две провинции находятся»^{80}.

Если вначале назначение Черчилля первым лордом адмиралтейства было встречено благосклонно в правящих кругах Германии, то очень скоро их мнение изменилось, и они увидели в Черчилле нового Чемберлена, честолюбца-демагога, всегда готового подлить масла в огонь. В феврале 1912 года Уинстон произнес речь в Глазго. Пожалуй, это было самое важное его выступление в качестве первого лорда. Черчилль не стеснялся в выражениях, излагая философию британского народа, уверенного в своем праве верховодить на море. «Для Англии флот — жизненная необходимость, — заявил Уинстон, — а для Германии — предмет роскоши и орудие экспансии. Как бы могуществен и велик ни был наш флот, он не страшен самой маленькой деревушке на европейском континенте. Но надежды нашего народа и нашей империи, равно как и все наши ценности, которые мы накопили за века жертв и подвигов, погибли бы, окажись под угрозой превосходство Англии на море. Британский флот делает Соединенное Королевство великой державой. Германия же была великой державой, с которой считался и которую уважал весь цивилизованный мир, еще до того, как у нее появился первый военный корабль»^{81}. Неудивительно, что эта речь вызвала волну возмущения в Германии, «предмет роскоши» многим стал поперек горла.

Тем не менее Черчилль вовсе не был шовинистом и германофобом, поджигателем войны. Вплоть до начала военных действий он не исключал возможности прекращения этой гонки вооружений между Англией и Германией, предлагал сделать передышку — устроить так называемые «морские каникулы» и даже в мае 1914 года не оставлял надежды договориться с «великим магистром» германского военного флота адмиралом Тирпицем. А вот у кого политика первого лорда вызывала нарекания, так это у членов либерального правительства. Ведь постоянное увеличение расходов на нужды флота значительно обременяло бюджет, и в 1913 году Черчиллю пришлось выслушивать упреки пацифистски настроенных министров, обвинявших его в том, что он якобы перешел в империалистический лагерь. Ллойд Джордж, министр финансов и главный

казначей Королевства, встал на их сторону и наложил вето на эту статью расходов. Затем с его стороны последовали угрозы подать в отставку, но в конце концов конфликт был улажен и друзья помирились. Накануне войны Ллойд Джордж все же прислушался к советам Уинстона, хотя по-прежнему считал, что военно-морской флот стал его навязчивой идеей, и шутливо выговаривал ему за это: «Вы превратились в водяного. Вы полагаете, что все мы живем в море. (...) Но вы забываете, что большинство из нас обитает на суше»^[82].

Споры спорами, а, как сказал в 1914 году Китченер, «флот был готов» к войне, хотя, конечно, кое-какие погрешности и недочеты все же оставались. Подготовить флот к военным действиям удалось в основном благодаря стараниям Уинстона, которого старый гладстоунец Морлей называл «блистательным авантюристом адмиралтейства». Очередной ежегодный смотр флота прошел в Спитхеде весьма успешно, и «блистательного авантюриста» так и распирало от гордости. В присутствии короля Георга V корабли выстроились в линию длиной в семьдесят километров — никогда и никому еще не приходилось видеть такого громадного скопления военных судов.

*

Однако несмотря на то, что Черчилль так страстно увлекся морем: отдавал все свои силы флоту, любил корабли, морской церемониал и бескрайние соленые просторы, — прежде всего он был и оставался солдатом. И не только потому, что он с юных лет привык к армейской жизни, успел почувствовать вкус сражений, просто он по сути своей был военным, думал, как военный, действовал, как военный. Словом, если мы скажем, что он всю жизнь оставался кавалерийским офицером, лейтенантом-гусаром, как в юности, в этом не будет ничего парадоксального. «Его школой была казарма, его университетом было поле брани», — точно подметил в 1908 году талантливый журналист-либерал Альфред Гардинер. А когда юный министр с головой ушел в социальные реформы, тот же Гардинер говорил: «Его политика — это политика военного от начала и до конца. Когда думаешь о нем, поневоле прибегаешь к военной терминологии. На его пути чувствуется запах пороха»^[83].

В самом деле, стоит заметить, что черчиллевский язык изобилует военными метафорами, тогда как ни одно морское выражение не

прижилось в лексиконе первого лорда адмиралтейства. В детстве Уинстон с огромным удовольствием заставлял маршировать своего брата и кузенов, проводил с ними «строевые занятия». Став взрослым, он часами изучал карты и планы операций. Несмотря на занятость в министерстве, летом Черчилль не пропускал ни одного учения, на которое его приглашали, будь то маневры германской армии в 1906 и 1909 годах, французской — в 1907 году или английской — в 1908 и 1910 годах. Однако таинство войны хотя и завораживало его, но не ослепляло. Уинстон осознавал «все безумие и варварство кровопролития», как он писал своей жене с полигона, на котором проходили тактические учения немецкой армии^[84]. Тем не менее он всегда действовал не только как политик, но и как военный.

Все, кто его знал, наблюдал за ним, неизменно бывали удивлены военным образом мыслей и действий Уинстона. Об этом говорил и лидер рабочего движения Клайнз, профсоюзный деятель, ставший впоследствии министром («Черчилль, — писал он в своих «Мемуарах», — всегда был и оставался солдатом в штатском»), и выдающийся историк Англии Эли Халеви, для которой «в душе этот либеральный, даже ультралиберальный политик всегда был солдатом»^[85]. Но, пожалуй, Альфред Гардинер, продемонстрировавший в своей статье завидную прозорливость, пошел дальше всех, объяснив военную выправку Черчилля глубинными особенностями его психологии: «Он постоянно играет роль, не отдавая себе в этом отчета, — роль героическую. При этом он сам себе зритель, изумленный своей игрой. Он видит себя мчащимся вперед сквозь дым сражения, торжествующим победу грозным воителем, (...) взоры его легионеров устремлены на него и полны веры в победу. Его герои — Наполеон, Мальборо, Агамемнон. Он любит авантюру, сражение больше жизни, больше идеи, за которую сражается, даже его честолюбие меркнет перед его жаждой боя. Его единственная цель — быть на линии огня, и неважно, в мирное время или в разгар военных действий. (...) Запомним хорошенько: он был, есть и всегда будет солдатом, который заглавными буквами впишет свое имя в историю»^[86].

*

Если Ллойд Джордж и был прав, утверждая, что британский военноморской флот стал навязчивой идеей Черчилля, первый лорд адмиралтейства тем не менее уделял внимание и другим насущным

проблемам. Так, волей-неволей ему пришлось заниматься ирландским вопросом, в решении которого он играл первостепенную роль в 1913–1914 годах.

Вероятно, в течение какого-то времени, приблизительно в 1911 году, Черчилль подумывал о том, чтобы уладить этот вопрос путем преобразования страны в федерацию, он даже разработал план коренного переустройства Соединенного Королевства. Речь шла не больше не меньше как об учреждении отдельных парламентов в Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе, подчиняющихся верховному парламенту, заседающему в Вестминстере. Это было бы так называемое «самоуправление со всех сторон» (*Home Rule All Round*), которое превратило бы Соединенное Королевство в федеральное государство. Однако этот план умер не родившись, поскольку помимо сомнений самого автора в его осуществимости против него категорически высказались ирландские националисты, которые вовсе не намерены были отказываться от своего давнего требования о предоставлении Ирландии автономии.

В то же время в политической жизни страны произошли два события, в результате которых вопрос о самоуправлении вновь встал со всей остротой. С одной стороны, после того как был принят парламентский акт о реформировании палаты лордов, препятствий с этой стороны уже не стоило опасаться. С другой стороны, в декабре 1910 года прошли выборы, на которых либералам не удалось снова набрать подавляющего большинства голосов, и отныне они должны были рассчитывать на поддержку ирландских националистов в палате общин. Тогда в апреле 1912 года правительство Асквита предложило парламенту проект билля о самоуправлении. В январе 1913 года его утвердила палата общин, но отклонила палата лордов. Однако поскольку теперь вето верхней палаты было лишь отлагательным, билль о самоуправлении вступил в силу летом 1914 года.

После этого сразу же начались волнения ирландцев в Ольстере. Была развернута широкая кампания в защиту Соединенного Королевства и против самоуправления. Перед яростным, инстинктивным сопротивлением североирландских протестантов, пылко защищавших свою веру и свою страну, Черчилль оказался бессилён. Ведь он знал, что его отец в 1886 году выступил против предложенного Гладстоном законопроекта о самоуправлении, тогда лорд Рандольф чуть ли не призывал к восстанию жителей Ольстера. Многие не преминули вспомнить его пламенную речь в поддержку Ольстера: «Ольстер будет сражаться, и Ольстер будет прав». Но не только Черчилль недооценил упорство ирландских юнионистов, никто

из лондонских либералов, находившихся у власти, не думал, что дело может принять такой оборот. Как образно заметил Пол Эддисон, «подобно «Титанику», корабль правительства плыл в тумане неведения, пока перед ним не возник айсберг протестантского Ольстера»^{87}.

Тем временем в Ирландии местное ополчение численностью в несколько десятков тысяч человек (*Ulster Volunteer Force*) вооружалось и, не таясь, проводило учения. Поначалу Черчилль пытался было уладить дело миром, но безрезультатно. Тогда правительство начало оттягивать решение ирландского вопроса, политический мир зашел в тупик, кто-то уже подумывал о том, чтобы лишить самоуправления шесть ольстерских графств, где большинство жителей исповедовали протестантизм. Возможно, Черчилль в какой-то момент даже решил прибегнуть к силе, чтобы восстановить «законность и порядок». Ни подтверждающими, ни опровергающими это предположение фактами мы не располагаем. Нам остается лишь констатировать, что, согласовав свои действия с военным министром, первый лорд адмиралтейства выслал к берегам Ольстера группу боевых кораблей.

В связи с этим в марте 1914 года взбунтовался лагерь Керрэга — главная квартира британской армии в Ирландии: шестьдесят офицеров кавалерийской бригады во главе со своим генералом заявили, что они скорее подадут в отставку, чем поднимут оружие на своих соотечественников. Консерваторы же негодовали, они буквально смешали с грязью несчастного Черчилля, обвинили его в том, что он в очередной раз сменил окраску и вознамерился устроить погром верноподданных юнионистов. С этого момента дело окончательно зашло в тупик. Черчилль пришел к мысли о введении особого режима правления в Ольстере, тогда на остальной территории Ирландии было бы введено самоуправление. Однако последняя попытка примирения, осуществленная королем, принимавшим обе стороны в Букингемском дворце с 21 по 24 июля, закончилась полным провалом. Между тем международный конфликт был уже в разгаре.

*

Надо сказать, что разразившаяся война застала Черчилля врасплох. Ирландские события заставили его забыть о покушении в Сараево: как и большинство британских политиков, он не проявлял особого интереса к Балканам. Однако все изменилось 23 июля, когда Австро-Венгрия

направила ультиматум Сербии. На этот раз сигнал был достаточно громким, угроза вооруженного противостояния в Европе оказалась вполне реальной. В вихре событий, принимавших с каждым днем все более серьезный оборот, Черчилль не растерялся. Его решительность четко выделялась на фоне колебаний и сомнений большинства министров. Внутри самого кабинета произошел раскол. Многие министры, верные либеральной традиции, образовали нечто вроде партии пацифистов, они скорее подали бы в отставку, чем согласились вступить в войну.

В отличие от них Уинстон, отличавшийся, бесспорно, самым пылким нравом в правительстве Асквита, убеждал остальных в необходимости занять жесткую позицию, хотя дальнейшее развитие событий внушало ему все больше опасений. Он испытывал отвращение и ужас при мысли о кровопролитной войне и в то же время с волнением предвкушал грядущие великие свершения. Конечно, слово Черчилля не было решающим при обсуждении вопроса о вступлении Великобритании в вооруженный конфликт, тем не менее именно он выступил с двумя ключевыми предложениями, которые поддержал премьер-министр, а затем и весь кабинет. Прежде всего во вторник 28 июля — в этот день Австро-Венгрия объявила войну Сербии — он предложил отдать приказ кораблям британского флота тайно занять военные позиции на своих базах у берегов Шотландии, с тем чтобы германский флот не застал островитян врасплох. На следующий день главнокомандующие британского флота получили приказ принять меры повышенной боевой готовности. А в ночь с субботы 1 августа на воскресенье, после того как стало известно, что Германия объявила войну России, Черчилль предложил начать всеобщую мобилизацию британского флота.

В эти полные драматизма дни кое-кто обвинял Черчилля в безрассудстве и нездоровой воинственности. Однако если верить лорду Бивербруку, он, напротив, вел себя, как и подобало государственному мужу. Черчилль не был угнетен, не проявлял излишнего беспокойства, не паниковал, он спокойно, с должным хладнокровием выполнял свою работу^[88]. Означало ли это, что в чрезвычайных ситуациях лишь полнее проявлялись его способности, что шло ему только на пользу? Его письма, адресованные жене, помогают постичь всю противоречивость и удивительный склад этого человека. «Дорогая, — писал он 28 июля, — судя по всему, дело идет к катастрофе, к полному краху. (...) Все эти приготовления меня буквально завораживают. (...) Но война — это всегда неизвестность, ее исход невозможно предсказать. Я не пожалею жизни, чтобы сохранить величие, благополучие и свободу нашей Родины». И три

месяца спустя: «Тучи сгущаются. (...) Все активно готовятся к войне, которая может начаться в любой момент. Мы готовы. (...) Я жду только победы»^[89].

Для Великобритании час пробил во вторник вечером 4 августа. В этот день в двадцать три часа по лондонскому времени истек срок ультиматума, требовавшего от Германии соблюдения бельгийского нейтралитета. В военном штабе адмиралтейства, куда приходили телеграммы, сообщавшие обо всех маневрах кораблей британского военно-морского флота, вокруг первого лорда собрались первый морской лорд, штабные командиры и несколько французских адмиралов. Вдали слышались крики толпы, обрывки «Боже, храни короля». Вдруг ровно в двадцать три часа раскрылись окна адмиралтейства, осветив темноту улицы, и раздался бой Биг-Бена. С последним ударом часов во все подразделения военно-морского флота Великобритании полетели телеграммы с приказом: «Начать военные действия против Германии».

Глава третья

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ: ПРЕВРАТНОСТИ ВОЙНЫ И ГОРЕЧЬ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОРАЖЕНИЙ

1914—1922

Дым сражения: 1914—1915

Как только Соединенное Королевство вступило в войну, обычная активность Уинстона удвоилась, словно до него долетали звуки далекой битвы, заставляя его неистовствовать в пылу воображаемого сражения. Теперь-то ему не было нужды сдерживать свой воинский инстинкт. Его усердие, да что там усердие, его страстная увлеченность баталиями поражали окружающих — настолько неистово было желание Черчилля стать главным кузнецом победы, спасителем человечества. Принято считать, что он единолично руководил военными действиями на море. Даже несмотря на то, что он искренне стремился соотносить свои действия с мнением морских лордов и планами штаба морского флота, все важные решения Черчилль принимал сам в просторной комнате военного комитета адмиралтейства, стены которой были увешаны картами всех водных пространств земного шара. Бесспорно, Черчилль был самым настоящим Нептуном военных операций на море.

К несчастью для него, британцы быстро разочаровались в своем флоте. Тому были две причины. Во-первых, островитяне ожидали грандиозного морского сражения, наподобие Трафальгарской битвы, между британским флотом (*Grand Fleet*) и германским, которое решило бы исход войны. Однако немцы предпочли оставить свои корабли на базах, и никакого грандиозного сражения не получилось. Черчилль же, гораздо реалистичнее смотревший на вещи, никогда не верил в то, что эта война быстро кончится. Потому-то он и приказал штабу военно-морского флота разработать план действий по крайней мере на год. Черчилль знал, что

исход войны решится на суше. Уже несколько лет назад он предсказывал, что если в Европе разразится война, она не будет похожа на далекие колониальные войны, в которых войскам колонизаторов удавалось одерживать победу малой кровью. Война в Европе, по словам Черчилля, истощила бы силы победителя и уничтожила бы побежденного. Ведь с приходом эры демократии война свободных народов грозила затмить своей жестокостью войны королей.

Во-вторых, в первые недели военных действий британский флот потерпел несколько неудач подряд. В адмиралтействе сделали ставку главным образом на надводные суда и сильно недооценили основные силы противника — подводные лодки и мины. И вот 22 сентября три крейсера британского флота были потоплены одной немецкой субмариной, а месяц спустя еще один английский броненосец подорвался на морской mine. Сражение же при Гельголанде получилось каким-то беспорядочным, да и большого значения оно не имело. Северное море тем временем стало «ничейным морем» (*no man's sea*), поскольку британские корабли были вынуждены оставить свою весьма ненадежную базу Скапа Флоу, а в Средиземном море немецкий линейный крейсер «Гёбен», выйдя из-под наблюдения англичан, беспрепятственно достиг Босфора и Дарданелл, укрывшись в территориальных водах Турции.

В большое уныние приводили британцев успехи немецкого флота в далеких морях. Крейсер «Эмден» бороздил воды Индийского океана, наводя ужас на жителей побережья и парализуя торговлю, правда, в конце концов его таки удалось потопить недалеко от Кокосовых островов. Базировавшаяся в Китайском море большая немецкая эскадра, флагманами которой были корабли «Шарнхорст» и «Гнайзенау», под командованием адмирала фон Шпее пересекла весь Тихий океан и потопила британские корабли в сражении при Коронеле, недалеко от берегов Чили. Тогда британцы стали задумываться, по-прежнему ли «Британия правит волнами»^[12].

Однако первый лорд адмиралтейства оказался в положении обвиняемого не только поэтому. Его упрекали в безрассудстве, проявленном им при защите порта Антверпен. Между тем инициатива Черчилля, не лишенная пафосности, свойственной всем его начинаниям, была вполне оправдана стратегически. Описываемые события разворачивались во время так называемой «морской гонки» (*la course à la mer*): осенью 1914 года армии противников попытались захватить свободное пространство, образовавшееся между ними и Ла-Маншем. Порт Антверпен, окруженный поясом укреплений, обороняла бельгийская армия,

и Черчилль предложил срочно направить туда британские войска, командование которыми он взял на себя, дабы не отдать порт противнику и обеспечить защиту остальных портов Северного моря — от Остенде до Кале. Черчилль прибыл на место 3 октября 1914 года и, ознакомившись с территорией из окна «роллс-ройса», сразу же отдал распоряжения о подготовке к обороне, вызвал бригаду морской пехоты — элитный корпус регулярной армии — и две военно-морские бригады, которые, в свою очередь, увы, были плохо подготовлены и экипированы. Вместе с другими молодыми офицерами первого лорда сопровождали поэт Руперт Брук и сын премьер-министра Раймонд Асквит — оба они вскоре были убиты.

Во время баталий Черчилль невозмутимо разгуливал под пулями к великой досаде своего помощника-адмирала. Дым сражения так сильно ударял первого лорда в голову, что он даже отправил телеграмму в Лондон, в которой сообщал о своей готовности оставить адмиралтейство, чтобы на месте руководить британской армией. К подобному предложению в Лондоне отнеслись с насмешкой, недоброжелатели же не упустили случая вновь упрекнуть Уинстона в безответственности и отсутствии здравого смысла, даже Клемми умоляла супруга образумиться. В конечном счете Антверпен пал 10 октября. И хотя с военной точки зрения эта запоздавшая операция вовсе не была бессмысленной — в руках союзников остались, в частности, Дюнкерк, Кале и Булонь, — ответственность за поражение в Антверпене тяжким грузом легла на плечи Уинстона. Военачальники критиковали его действия, граждане — осуждали. Первый лорд подвергался жестоким нападкам в прессе, со всех сторон на него сыпались обвинения в поражении, за которое он (какая несправедливость!) один оказался в ответе.

К счастью для британского военного флота и в первую очередь для Уинстона, на рубеже 1914–1915 годов военная фортуна переключалась в лагерь англичан. Сначала в декабре произошло сражение у Фолклендских островов. Тактическая группа, высланная из Англии, преградила путь эскадре адмирала фон Шпее, и большая часть грозных немецких кораблей была потоплена. Затем в январе, уже в Северном море, доггерное сражение закончилось в пользу британцев — тяжелый немецкий крейсер «Блюхер» пошел ко дну. Одновременно блокада, установленная с первых дней войны против Германии и сочувствующих ей стран, начала заметно сказываться на снабжении продовольствием центральных империй. Тогда англичане снова поверили в свой флот, а соответственно возрос и кредит доверия первого лорда. Впрочем, он и не думал умерять свой воинственный пыл. «Господи, — восклицал Черчилль на одном званом обеде, сидя по правую

руку от Марго Асквит, жены премьер-министра, — мы переживаем историю в момент ее становления. Все наши слова и поступки необыкновенны. Их, несомненно, будут вспоминать тысячи поколений. Ни за какие сокровища в мире я не хотел бы остаться в стороне от этой славной, восхитительной войны». Впоследствии, устыдившись, Черчилль отказался от слова «восхитительной»^[90].

В тот момент актив Уинстона пополнился еще одним успешным начинанием. Открытие, о котором идет речь, не наделало много шума, но за ним было будущее — именно благодаря Черчиллю появились первые приспособления для расшифровки документов. С давних пор Уинстон, отличавшийся богатым воображением и романтической склонностью ко всевозможным тайнам и загадкам, проявлял повышенный интерес к развитию секретных служб. Он оказывал всяческое содействие Управлению разведки, основанному в 1909 году, и двум его подразделениям — Военной разведке 5, обеспечивавшей внутреннюю безопасность страны, и Военной разведке 6, или Тайной разведывательной службе, обеспечивавшей внешнюю безопасность. Черчилль был страстно увлечен последними изобретениями в области науки и техники, вплоть до самых диковинных выдумок. В 1914 году он заинтересовался открытием нового источника сведений, который произвел переворот в классических приемах шпионажа, — расшифровкой кодированных посланий противника.

Надо сказать, что уже во время войны с бурами англичанам удалось расшифровать код противника. Однако теперь речь шла не больше не меньше как о расшифровке сигналов немецкого флота, вот почему преимущество британского флота над немецким должно было быть на порядок выше. Проникнуть в тайну немецкого шифра англичанам помогла тройная удача. Сначала русские военные передали британскому адмиралтейству экземпляр немецкого морского кода, перехваченного в Балтийском море. Затем в Австралии была обнаружена еще одна инструкция по кодированию, и, наконец, часть немецкого шифра попала в руки моряков британского рыболовецкого судна.

И сразу же Черчилль, понимая, в каком выгодном положении оказался бы британский флот, если бы предстоящие маневры противника были известны заранее, создал специальную службу, в которую вошли лучшие специалисты. Работали они в знаменитой комнате номер сорок в адмиралтействе, ставшей центром подготовки морских операций. Черчилль частенько туда наведывался. Благодаря сведениям, полученным таким образом, адмиралтейству удалось предотвратить бомбардировку восточного побережья Англии немецкими крейсерами и узнать

инструкции, полученные немецким флотом перед доггерским сражением. Тем не менее эти подвиги, слишком незначительные по мнению Черчилля, не могли ни успокоить его нетерпения, ни удовлетворить его желания поскорее нанести противнику сокрушительный удар. В голове Уинстона зрели новые грандиозные сценарии, пьесы по которым он намеревался поставить на подмостках других театров военных действий.

Ад Дарданелл

Всю жизнь Уинстона преследовал призрак Дарданелл. Прежде всего потому, что мучительное поражение, одновременно военное и политическое, стало причиной стремительного падения первого лорда с правительственных высот и едва не разрушило его головокружительную карьеру. Эта туника Нессуса надолго приклеилась к коже Уинстона. Он так верил в успех этого предприятия, которое в случае удачного исхода покрыло бы его неувядаемой славой. Он вложил в него все свои моральные и физические силы, он был безрассуден в своем упорстве. И вот мечта разбилась, в жизни Уинстона наступил самый тяжелый период, растянувшийся на многие месяцы. Страсти были накалены до предела. Рандольф Черчилль вспоминал, как в школе его пятилетний сверстник, которому он предложил свою дружбу, бросил ему в лицо: «Никогда! Твой отец убил моего отца в Дарданеллах!»^[91] В период между двумя войнами многие митинги, на которых выступал Черчилль, прерывались криками «Галлиполи!». Да и во время Второй мировой войны, когда премьер-министр в ходе дискуссий на высшем уровне выдвигал на обсуждение самые рискованные стратегические планы, многие его оппоненты, не говоря об этом вслух, вспоминали о кровавом поражении 1915 года. По сей день эта экспедиция вызывает много споров, хотя все без исключения исследователи сходятся во мнении, что с первого ее дня и до последнего было совершено невероятное количество ошибок, одна трагичнее другой. Конечно же, нельзя во всем винить одного только Уинстона, но в этой драме он играл далеко не последнюю роль.

Все началось с дискуссии о дальнейших стратегических планах, которую осенью 1914 года вели военачальники и гражданские лица Британии в высшем решающем органе — Военном комитете, заменившем в ноябре Комитет обороны империи. К тому времени, когда никто уже не надеялся на скорое окончание войны, четко обозначилось противостояние двух лагерей в лоне правящей элиты Англии. С одной стороны, «западный»

лагерь, объединивший штаб империи, военное министерство и главнокомандующего британским экспедиционным корпусом во Франции генерала Френча, склонялся к мнению, что союзникам прежде всего необходимо было одержать победу на Западном фронте, там, где Германская империя сосредоточила свои основные силы. С другой стороны, «восточный» лагерь выступал за то, чтобы обойти противника по периферии, начиная с восточного побережья Средиземного моря и Турции, вступившей в войну на стороне Германской империи в октябре. Пытаясь убедить оппонентов в своей правоте, сторонники «восточной» стратегии приводили в пример действия Веллингтона в Испании, забывая при этом, что Великая Французская Армия потерпела поражение вовсе не на испанских полях брани. Премьер-министр Асквит и военный министр Китченер пребывали в нерешительности, не зная, какую стратегию выбрать.

Лишь в изобретательных умах двух гражданских активистов правительства — Ллойда Джорджа и Черчилля — без конца роились идеи о том, как дать новый толчок войне, застрявшей в окопах Франции. И хотя они выступали с разными стратегическими предложениями — Ллойд Джордж ратовал за высадку в Салониках, а Черчилль — за экспедицию в Дарданеллы, — базовый принцип был один и тот же. Вместо того чтобы сосредоточивать силы союзников на неприступных позициях противника, «жевать колючую проволоку», как говорил Уинстон, и впустую жертвовать десятками тысяч человек на Западном фронте, нужно использовать преимущество британского флота, обойти с фланга центральные империи и поискать другую линию фронта, на которой можно было бы одержать блистательную победу. Тогда-то и появилась мысль открыть фронт в каких-нибудь далеких землях, там, где франко-британские войска смогли бы обойтись меньшими человеческими жертвами. Однако Черчилль упустил из виду, что в таком случае союзники также были бы не в состоянии нанести сокрушительный удар по вражеской военной машине.

По правде говоря, Уинстон долго не мог выбрать между северными и Средиземным морями. С лета 1914 года и до начала 1915 года он лелеял план экспедиции в направлении Балтийского моря. Согласно этому плану армия союзников должна была перехватить инициативу и нанести удар по войскам Второго рейха, затем овладеть каким-нибудь островом в Северном море у берегов Германии (Боркумом или Силтом), захватить Шлезвиг, прорваться в Балтийское море, тем самым вынудив Данию вступить в войну, а русских — высадиться в Померании^[92]. Но этот план натолкнулся на непреодолимое препятствие, а именно — яростное сопротивление

большинства экспертов военно-морского ведомства.

Конкуренцию этому дерзкому плану действий на севере составила еще более грандиозная концепция наступления и победы, долгое время остававшаяся в тени, но наконец созревшая в деятельном уме Черчилля. Итак, в январе 1915 года Уинстон сделал окончательный выбор в пользу нового плана действий, при разработке которого он, вероятно, вспомнил все сказки о Востоке, которые слышал в детстве. Отныне этот план занял все его мысли и поглотил всю его невероятную энергию, неисчерпаемые запасы энтузиазма и пылкого воображения. Ведь теперь речь шла не больше не меньше как о том, чтобы войти в Босфор и Дарданеллы и захватить Константинополь.

В то же время из России пришло тревожное известие о том, что турецкие войска вот-вот совершат прорыв на Кавказе. А Черчилль, в свою очередь, нетерпеливый и неутомимый, как никогда, пускал в ход свой полемический талант, чтобы убедить безынициативный, вялый Военный комитет в преимуществах своего плана. И комитет сдался. 13 января 1915 года он утвердил грандиозный стратегический план Черчилля и поручил адмиралтейству осуществить его, а именно: подготовить морскую экспедицию для бомбардировки и дальнейшего захвата полуострова Галлиполи, а затем и Константинополя. Таким образом, Военный комитет принял роковое решение, имевшее трагические последствия. Никто даже не задумался о том, а почему, собственно, падение Константинополя должно было непременно повлечь за собой падение Германии. Правда, все были уверены в том, что операция продлится недолго и не будет стоить союзникам больших потерь. А ведь совсем рядом с местом высадки экспедиции некогда стояла Троя — символично, не правда ли?

К несчастью для Черчилля, он был слишком увлечен своей ставшей навязчивой идеей захвата Константинополя и в то же время слишком уверен в своем военном гении. Поэтому, вместо того чтобы позволить морским экспертам подробно изучить свой грандиозный стратегический замысел, вместо того чтобы тщательно сосчитать, сколько кораблей и моряков было в резерве британского флота, принять к сведению все возражения (почти все специалисты тщетно пытались ему доказать, что чисто морская операция практически неосуществима, что без амфибийной операции не обойтись), Уинстон принялся осуществлять свои рискованные затеи, не обеспечив ни необходимой материально-технической базы, ни своего политического отступления.

Он продолжал с обычным своим пылом и популистским чутьем изливать потоки красноречия на оппонентов, обосновывая принятые им

решения и меры. Вот почему в тот день, когда разразилась катастрофа, народный гнев обрушился прежде всего на него. Романтическое воображение Уинстона все время звало его в погоню за миражом. «Это одна из величайших военных кампаний в истории, — продолжал он утверждать после того, как союзники потерпели несколько поражений подряд на море и на суше. — Вдумайтесь, что такое Константинополь для Востока. Это больше, чем для Запада Лондон, Париж и Берлин вместе взятые. Вспомним о том, что Константинополь был владыкой Востока. Вдумайтесь, что означало бы его падение. И какие последствия оно имело бы для Болгарии, Греции, Румынии, Италии»^[93].

По крайней мере, мы можем сказать, что ни история, ни историография не подтвердили черчиллевских ожиданий. Однако несмотря на то, что поначалу вокруг этой кампании бушевала ожесточенная борьба мнений как в среде военных, так и в среде политиков, все же в период между двумя войнами в ее адрес стали чаще раздаваться благосклонные отзывы. Прежде всего это объяснялось тем ужасом, который людям внушала окопная война, унесшая столько жизней и заперевшая на Западной линии фронта в непроходимом тупике армии противников с осени 1914 года до весны 1918 года. На общественное мнение оказала некоторое влияние книга Черчилля «Мировой кризис» — умело построенная защитительная речь, нечто вроде *apologia pro actis suis* («оправдание своих поступков»), — впрочем, достоинства этой книги как исторического произведения весьма сомнительны^[94]. Тем не менее после Второй мировой войны, в ходе которой стало ясно, что Черчилль извлек-та-ки урок из поражения в Галлиполи (так, он большое внимание уделил материально-техническому обеспечению и тактической подготовке высадки войск союзников в Нормандии), действия командования во время кампании в Дарданеллах снова стали осуждать. Осуждали и стратегию командования, и сам замысел, и ошибки в подготовке и планировании операции, которые изначально ставили под сомнение успешный исход этой наспех подготовленной кровавой диверсии, с помощью которой правительство надеялось приблизить победу над Германией.

*

Как только в январе 1915 года было принято решение об отправке экспедиции в Дарданеллы, началась подготовка к операции. Однако велась

она неслаженно, в инструкциях отсутствовала ясность. Эта неразбериха, беспорядок и противоречивые взгляды военачальников на ситуацию сразу же поставили под угрозу успех всего предприятия. Черчиллю, возглавлявшему военно-морской флот, пришлось дорого заплатить за двойную ошибку, которую он допустил вместе с Асквитом в самом начале войны. Прежде всего в августе 1914 года на пост главы родственного адмиралтейству военного министерства впервые с XVII века был назначен военный — лорд Китченер, герой колониальных войн, генерал, отличавшийся великолепной выправкой. Между тем этот блистательный генерал вовсе не был хорошим стратегом, к тому же он ничего не смыслил в современной войне. Первым морским лордом после отставки князя Луиса Баттенбергского стал лорд Фишер — «злой гений» военно-морского флота. Он был человеком непоследовательным, непредсказуемым, неуравновешенным. Безусловно, Фишер умел блестяще предугадывать дальнейший поворот событий, но нередко выступал и с весьма опрометчивыми предложениями, поносил всех и вся, а поскольку он отличался еще и редкостным эгоизмом, то его столкновения с первым лордом адмиралтейства были неизбежны.

Таким образом, весь февраль 1915 года командование разрабатывало, отвергало и снова разрабатывало различные планы действий, в результате чего было упущено много времени. Военачальники никак не могли выбрать один из двух тактических планов. Первый, который горячо, почти исступленно защищал Черчилль, состоял в том, чтобы подготовить чисто морскую операцию, в ходе которой корабли британского флота прорвались бы в Дарданеллы и затем проникли в Мраморное море, солдат же сухопутной армии первый лорд адмиралтейства предлагал задействовать лишь для последующего захвата Константинополя. Сторонники другого тактического плана ратовали за комбинированную операцию, предусматривавшую бомбардировку побережья с моря и высадку десанта. Большинство экспертов военного флота склонялось ко второму плану. Однако как бы задача ни была трудна, решать ее нужно было немедленно, поскольку перед флотом стояла цель войти в Босфор и Дарданеллы, тем самым сдвинув ситуацию на Французском фронте с мертвой точки и при этом не лишив французов поддержки британских войск. Китченер пребывал в нерешительности, он то намеревался ввести в операцию подразделения сухопутной армии, то отказывался от этой мысли. А вот Черчилль упорно стоял на своем, не считаясь с возражениями специалистов адмиралтейства. Больше того, сгорая от нетерпения, он дважды отдавал приказ о бомбардировке Дарданелл. Турки и их немецкие советники

насторожились и успели принять необходимые меры, таким образом, союзники уже не могли застать противника врасплох.

В довершение всего разработчики и руководители морской операции совершили невероятное количество технических ошибок: недооценили материально-техническую базу турков, переоценили мощность пушек британских военных кораблей, надеясь, что они смогут разрушить фортификации противника (Уинстон забыл поговорку Нельсона, утверждавшего, что флот не создан для штурма крепостей), не учли опасность, которую представляли подводные мины (в те времена в Северном море, например, очищать дно от мин посылали рыболовецкие суда), упустили из виду сильное течение в Босфоре и Дарданеллах, а также штормистость Эгейского моря в это время года. Малочисленным штабам и даже офицерам, находившимся непосредственно на поле боя, не хватало карт местности. Эти непростительные ошибки, повлекшие за собой столь тяжелые последствия, разногласия в стане военачальников, противоречивые приказы и, как следствие, вечная путаница стали причиной того, что народный гнев обрушился прежде всего на инициаторов и исполнителей этой трагической операции. В первую очередь в ее неудачном исходе обвинили Черчилля, ведь это он был душой предприятия.

Итак, 18 марта 1915 года британские корабли приступили к выполнению операции. Внушительная англо-французская эскадра, в составе которой были десять броненосцев, несколько крейсеров и эскадренных миноносцев, подошла к Дарданеллам, дала пушечный залп по укреплениям и вошла в пролив, заставив замолчать орудия противника. Однако сразу же корабли союзников наткнулись на настоящее минное поле. Это была катастрофа: огромные корабли взлетали на воздух один за другим. К концу дня британское командование подвело удручающий итог: из десяти броненосцев, участвовавших в сражении, четыре пошли ко дну и два вышли из строя. Потери личного состава были ужасающими. После этого жестокого, неожиданного поражения двое главнокомандующих экспедицией наперекор Черчиллю, который настаивал на возобновлении атаки, решили изменить тактику. Адмирал Робек, командующий эскадрой в Эгейском море, и генерал сэр Ян Гамильтон, командующий резервными сухопутными войсками и товарищ Черчилля по войне с бурами, приступили к подготовке десантной операции, полагая, что лишь артобстрел побережья корабельной артиллерией в сочетании с высадкой десанта на полуострове Галлиполи могли спасти экспедицию.

Были установлены новые сроки для восполнения потерь личного

состава и техники. Новую двойную операцию на море и на суше назначили на 25 апреля. К месту событий были стянуты значительные силы — численность десанта составляла несколько десятков тысяч человек, из них двенадцать тысяч должны были высадиться на полуострове в первый же день. Помимо новых боевых кораблей и кораблей с десантом на борту к берегам Турции прибыли войсковые подразделения из Англии, корпус из Австралии и Новой Зеландии — «анзаки», увы, за участие в экспедиции им пришлось заплатить страшную цену. На выручку к Черчиллю поспешили войска из Франции, призывники из Сенегала — Гамильтон называл их *niggy wigs* («кучерявые») — и даже стадо мулов под предводительством ассирийских евреев.

Однако, едва начавшись, дело приняло плохой оборот. Турецкие солдаты засели в казематах на возвышенностях и были начеку. А солдаты союзнической армии штурмовали их с пяти пляжей совершенно гладкого побережья, где не росло ни единого кустика. У них не было десантных барж, с ними не проводили учений, им приходилось вжиматься в землю под смертоносным огнем. В этом аду, под градом пуль, где ничего не было видно из-за дыма, где перемешались трупы, оружие, повязки, покрытые мухами, единственным спасением было вырыть укрытие в земле и огородиться колючей проволокой. Иными словами, вместо стремительной атаки, на которую рассчитывали союзники, их вынудили начать окопную, позиционную войну, точь-в-точь как на Западном фронте.

Несмотря на нечеловеческие усилия (союзники несли огромные потери: в первый же день из десяти тысяч высадившихся в Галлиполи солдат больше трех тысяч были убиты или ранены), союзники так и не продвинулись дальше своих крошечных плацдармов на южной оконечности полуострова. Новые атаки, предпринятые в мае, а затем в июне, также не увенчались успехом — турки держались стойко. Солдаты союзников теряли последние силы на вражеской земле, их боевой дух заметно падал. К этому вскоре добавилась дизентерия. Поражение союзников было очевидно. В августе на полуостров высадили новый десант, на этот раз немного севернее, в Сувла Бей, но и ему не удалось прорвать оборону противника, усиленную немецкими соединениями и по-прежнему четко исполнявшую инструкции генерала Лимана фон Сандерса. И тогда началась долгая, мучительная агония экспедиционного корпуса. Осенью командованию пришлось внять голосу разума, то есть обратиться к восояси. Это решение долго обсуждалось, откладывалось, но в конце концов было принято 8 декабря 1915 года: корабли союзников оставили негостеприимный пролив. В целом итог драмы, разыгравшейся в

Дарданеллах, был таков: потери союзников составили около двухсот пятидесяти тысяч человек убитыми, пропавшими без вести, ранеными и искалеченными.

*

Коварная Немезида уже давно занесла меч над головой Уинстона. В мае 1915 года блистательный министр, любимец богов с оглушительным шумом рухнул вниз с политического Олимпа. Конечно, он был повинен в неудаче, постигшей войска союзников в Дарданеллах, но цена, которую ему пришлось за это заплатить, намного превышала его вину. Удар, выбросивший Черчилля из седла, был так силен, что многие задавали себе вопрос, окажется ли он когда-нибудь вновь на коне.

Здесь нам следует вернуться немного назад, с тем чтобы проследить, как судьба Черчилля была взаимосвязана с положением, в котором оказалось Соединенное Королевство, вступив в войну. События развивались на фоне политической стагнации, из которой с осени 1914 года тщетно пыталось выйти правительство Асквита. Ведь чтобы руководить военными действиями, нужна была твердая рука лидера, пользовавшегося авторитетом как у правительства, так и у военачальников, а этого-то как раз и недоставало премьер-министру Асквиту. А потому Уайтхолл и Вестминстер полнились слухами, в тлетворной атмосфере уловок и происков постоянно плелись интриги.

Вот почему формирование коалиционного правительства казалось неотвратимым. В самом деле, оно оздоровило бы ситуацию, объединив у власти консерваторов и либералов. И хотя Черчилль не задумывался об этом, создание такого правительства было для него крайне нежелательно. Ведь консерваторы были его заклятыми врагами, и в первую очередь их лидер — Бонар Лоу, шотландец, уроженец Ольстера, донимавший бедного Уинстона своим презрением и проявлявший в этой травле непреклонность торговца стальными листами, коим он и являлся до начала своей политической карьеры. И вот в середине мая 1915 года авторитет правительства оказался внезапно подорван двумя событиями — поражением союзнических войск в Дарданеллах и так называемым «скандалом с боеприпасами». Пресса развернула клеветническую кампанию против руководителей государства, обвинив их в том, что они будто бы посылали солдат на смерть, не обеспечив войска необходимым оружием и снарядами.

Основной удар пришелся, конечно же, по Черчиллю. 15 мая была принята отставка первого морского лорда, наделавшая много шума. Вспыльчивый адмирал направил первому лорду адмиралтейства «всего лишь» девятое прошение об отставке, но на этот раз ни Черчилль, ни премьер-министр не смогли заставить его переменить решение. В правящих кругах государства такой поворот событий произвел эффект разорвавшейся бомбы и посеял панику. Для либералов, находившихся у власти, пробил час мучительного пересмотра политической позиции, жертвой которого стал Черчилль, ведь теперь формирование коалиционного правительства было неизбежно. А для консерваторов пробил час мести. Наконец-то у них появилась возможность свернуть шею этому ничтожеству, демагогу и карьеристу, недостойному потомку герцогов Мальборо, который пренебрег консерваторами, смешал их с грязью, предавал их в течение многих лет и снова предал совсем недавно в Ирландии, где он готов был пролить кровь верноподданных граждан!

С той минуты, когда правительство обратилось к консерваторам, Черчилль был обречен, ибо лидеры партии сразу же объявили Асквиту, что непременным условием их согласия войти в коалиционное правительство будет отставка первого лорда адмиралтейства и перевод его на низшую должность. Уинстон получил горький урок, преподнесенный ему коварной историей. По иронии судьбы для политика, так долго мечтавшего о коалиционном правительстве, которое возглавило бы государство, основываясь на согласии между партиями, осуществление заветного желания обернулось поражением...

17 мая его судьба была решена. Асквит дал ему понять, что он должен покинуть адмиралтейство. Потом были дни унижений, когда Уинстон в отчаянии изо всех сил старался удержаться на своем посту, прежде чем понял, что его безжалостно обрекли на забвение и ему остается лишь оплакивать свою горькую судьбу и скрежетать зубами от бессилия. Пост, которым его наказали, низший пост в правительстве, пост канцлера Ланкастерского герцогства — эта синекура ушедших на второй план политиков — полностью лишал Черчилля возможности принимать участие в управлении делами государства, несмотря на то, что он остался членом комитета по Дарданеллам, бывшего Военного комитета. Иными словами, «Уинстону бросили кость, но без мяса», как сказал его кузен, герцог Мальборо. И вот с завидным проворством вскарабкавшись по шесту с призом, Черчилль с грохотом сорвался с него, и, судя по всему, предоставлять ему вторую попытку никто не собирался. Вероятно, Уинстон потерпел поражение так же, как и его отец. Ведь и лорда Рандольфа в свое

время обвиняли в том, что он предал свое дело и свой род. Выходит, карьера Уинстона закончилась?

В довершение этого унижения Черчилль чувствовал себя очень одиноким: когда с ним случилась беда, почти все его бывшие соратники от него отвернулись. Неудивительно, ведь занимая руководящие посты, он всюду совал свой нос, рассуждал обо всем, не сомневаясь в своей правоте, и тем самым многих выводил из себя — коллег и подчиненных, политиков и военных. В конце концов даже самых преданных сторонников Черчилля все больше стали раздражать его резкие выходки и самодовольный вид дилетанта-всезнайки.

Кроме того, Уинстон не желал признавать ошибок, цепляясь за свои прожекты и несбыточные мечты. Дарданеллы крепко засели в его голове. Наперекор всем и вся он вплоть до 1916 года ждал, что фортуна сменит гнев на милость и принесет ему успех, и тогда уже никто не будет сомневаться в его стратегическом гении. И даже потерпев полное поражение, он на протяжении долгих лет произносил пылкие речи в свою защиту, оправдывая свои действия и утверждая, что экспедиция в Дарданеллы была не чем иным, как «законной военной лотереей»^[95].

Так каков же будет вердикт историка относительно драмы, разыгравшейся в Дарданеллах? Безусловно, Черчилль был в ней главным действующим лицом. Но нельзя забывать о том, что другие высокопоставленные чиновники разделили с первым лордом ответственность за эту трагедию. Это и Асквит, и Китченер, и Фишер, и другие члены Военного комитета, не говоря уже о многочисленных подчиненных, имевших слишком гибкие спины, чтобы оказывать сопротивление первому лорду.

В основе поражения союзников в Дарданеллах лежали три ключевых просчета: неудачный замысел, недостаток средств, плохое исполнение. Замысел был неудачен оттого, что цель, даже если бы она и была достигнута, состояла в поражении второстепенного вражеского союзника — Османской империи, в то время как удар следовало нанести по жизненно важным объектам милитаристской Германии. Кроме того, даже эта цель не была четко определена: не было ни плана, ни единства командования, противоречивые указания сменяли друг друга, в Лондоне и непосредственно на месте событий орудовал разноголосый хор чиновников. Что же касается средств, то материально-техническое обеспечение десанта союзников имело огромное количество пробелов. Никто, казалось, и не догадывался, в чем, собственно, заключалась суть

амфибийной операции. Не было ни специалистов-командующих, ни обученных подразделений, ни необходимой техники для ее проведения. По этому поводу кто-то с издевкой вспомнил о злоключениях Ксеркса в тех местах, не придавая, впрочем, большого значения этому зловещему прецеденту, погребенному в далеком прошлом. Наконец, просчеты в исполнении. Операция велась так непоследовательно, в действиях командования царили такой беспорядок и нерешительность, что это неизбежно привело к кровавой путанице, описанной выше. К этому следует добавить посредственность или несоответствие поставленной задаче подготовки адмиралов и генералов, которых буквально застали врасплох подобным поручением. А потому и адмиралы, и генералы оказались не способны выполнить столь опасную миссию.

*

В течение долгих месяцев, с мая по октябрь 1915 года, Черчилль находился во власти жесточайшей в своей жизни депрессии. При посторонних он не подавал вида, но это неожиданное унижительное падение с Тарпейской скалы^[13] завладело всеми его мыслями, всем его существом. К поверженному в бездну отчаяния Черчиллю вновь вернулось его хроническое беспокойство. Это хорошо видно на портрете Черчилля, написанном в 1915 году художником Уильямом Орпеном. С портрета на вас глядит лицо бесконечно несчастного человека, Уинстон так никогда и не повесил эту картину в своем доме. «Я конченный человек», — без конца повторял он. Внутри него происходило ожесточенное сражение, забиравшее все его силы, — увы, чаще всего победа оставалась за пресловутой черчиллевской «черной собакой».

Много лет спустя Клементина Черчилль рассказывала официальному биографу Уинстона Черчилля Мартину Гилберту: «Провал в Дарданеллах преследовал мужа всю жизнь. Он постоянно думал об этом. Когда Уинстон ушел из адмиралтейства, он считал себя конченным человеком. То, что его однажды снова пригласят в правительство, казалось ему невозможным. Я думала, что он никогда не справится с этим испытанием. Я думала, он умрет от горя». Чтобы измерить глубину страдания этого поверженного на землю титана, обратимся к словам самого Черчилля. В конце июня 1915 года в письме другу Арчибальду Синклеру он излил свои самые глубокие переживания: «Теперь у меня предостаточно времени, чтобы прочувствовать каждый укол, от которого сжимается мое сердце. Ужасно

навсегда остаться парализованным. Ведь вокруг кипит жизнь, вокруг столько дел, и ты все знаешь, все остро чувствуешь, понимаешь, что еще можешь послужить. (...) Несмотря ни на что, я держусь до сих пор. Как было бы славно вырваться на несколько месяцев из этого замкнутого круга и вновь послужить в своем старом полку. Тогда моя душа хоть немного утешилась бы. В эти тяжелые минуты я все больше думаю об этом. Однако пока мы не победим в Дарданеллах, мое место — здесь»^[96].

И вновь со всей очевидностью проявилась болезнь Черчилля — маниакально-депрессивный психоз. Состояние удрученности и отчаяния сменялось у него приливами энтузиазма и эйфории. Особенности психологии Уинстона всегда вызывали интерес у его друга лорда Бивербрука, который с поразительной точностью определил склонный к крайностям темперамент Черчилля: «Какое удивительное создание, какой причудливый нрав, он то полон надежд, то придавлен депрессией!»^[97]

Уинстон так мучительно переживал свое одиночество еще и потому, что в разыгравшейся в Дарданеллах драме он идеально подошел для роли козла отпущения, на него сразу же указали как на основного, если не единственного виновника. Разве не он первым предложил этот стратегический план, который затем без усталости защищал, отмечая со своей обычной уверенностью и красноречием все возражения экспертов, касавшиеся технической стороны вопроса? Разве не он постарался в очередной раз, как это уже было в Антверпене, обратить на себя все огни рампы, чтобы замороженная публика влюбленными глазами следила за каждым жестом единственного и неповторимого, гениального Уинстона? Иначе говоря, разве упорство, с которым он пытался убедить всех и каждого в своем военном гении, не побуждало его играть первые и только первые роли? Как заметил его друг-консерватор лорд Биркенхед (Ф. Е. Смит), «его честолюбие, его выдающиеся способности и не менее выдающаяся дерзость завели Уинстона слишком далеко. Он строил слишком большие планы и хотел вершить слишком большие дела»^[98]. Нельзя пропустить мимо ушей ключевой и довольно затруднительный вопрос: если Уинстон позволял своим недостаткам одерживать верх над своими замечательными достоинствами, подчас рискуя свести их на нет, не он ли прежде всего был виноват в своих несчастьях? Не себе ли самому был он в первую очередь обязан своими неприятностями и поражениями? Он все время подставлял свою голову под молнии, не обременяя себя громоотводом, что же удивительного в том, что в конце концов молния его поразила!

Впрочем, несколько лет спустя сам Уинстон ясно и образно описал свою Голгофу, на которую он взошел в 1915 году. Внезапный переход от бурной деятельности к вынужденной праздности (пост канцлера Ланкастерского герцогства не подразумевал исполнения функций главы какого-либо министерского департамента, сама задача канцлера была неясна) заставил Черчилля почувствовать себя никчемным, выброшенным на политические задворки, отвергнутым всеми человеком. «Я все знал и ничего не смог сделать, — писал он. — (...) Словно у чудища морского, исторгнутого из глубин океана, или у водолаза, внезапно оказавшегося на поверхности, мои жилы готовы были лопнуть от резко понизившегося давления. Меня переполняла тоска, и я не знал, как от нее избавиться. (...) Каждая моя клетка пылала жаждой деятельности, и вдруг я очутился в партере и вынужден был наблюдать за разыгрывавшейся трагедией как безучастный зритель»^{199}.

В свою очередь верный Эдди Марш, называвший «гнусным фарсом» пост канцлера Ланкастерского герцогства, писал Вайолет Асквит: «Я удручен и расстроен из-за Уинстона. Только представьте, какую ужасную рану нанесли ему, лишив любимого дела». А леди Рандольф жаловалась своей сестре: «Уинстон ужасно переживает из-за своего вынужденного безделья»^{100}. Временами Черчилля мучили угрызения совести при мысли о тысячах молодых людей, жизнь которых оборвалась в Дарданеллах. «На моих руках больше крови, чем краски», — мрачно сказал он однажды своему гостю, поэту В. С. Бланту, заставшему его за мольбертом^{101}.

И все же, несмотря на то, что влияние Черчилля с каждым днем таяло и к его мнению прислушивались все меньше и меньше, канцлер Ланкастерского герцогства по-прежнему оставался членом комитета по Дарданеллам, и это была последняя тоненькая ниточка, связывавшая его с военными действиями на Востоке. Уинстон стал всерьез подумывать о службе во Франции, он бы с радостью помог союзникам, лишь бы его назначили командиром.

А между тем атмосфера в правящих кругах Англии накалялась по мере поступления известий о новых поражениях. У командования ничего не ладилось. Пассивность и неэффективность характеризовали действия союзников. Уже стали поговаривать о принудительном призыве на воинскую службу.

11 ноября 1915 года, желая покончить с затруднениями и жалобами, главным образом на Китченера, Асквит решил упразднить комитет по Дарданеллам и заменить его Военным комитетом из пяти человек, в состав

которого Черчилль не вошел. Это новое горькое унижение стало последней каплей, переполнившей чашу. Уинстон уже подумывал об отставке, рассудив, что без власти нет и ответственности, теперь же он от дум перешел к действию: его отставка была принята 12 ноября, при этом Асквит не предложил ему и самой маленькой должности. А Черчилль-то рассчитывал испросить для себя пост генерал-губернатора и главнокомандующего восточно-африканских колоний с целью поднять африканскую армию на борьбу с врагом в Европе. Впервые за неполные десять лет Черчилль, для которого это была первая и последняя отставка с поста министра, оказался простым гражданином. Вместе с тем у него появилась возможность вновь надеть военный мундир и отправиться сражаться на французский фронт, что он и сделал шесть дней спустя.

Муза художника

Черчилль открыл для себя живопись, находясь в глубочайшей депрессии. И сразу же она стала его противоядием от отчаяния, а затем и надежным средством, снимающим переутомление. Если поначалу рисование было для него лишь благотворно действующим хобби, то очень скоро оно превратилось в важную составляющую его жизни, заняло прочное место в его сердце и оставалось его любимым занятием до глубокой старости. Сам Черчилль и не думал этого отрицать. «Живопись пришла мне на помощь в трудную минуту, — писал он, — и стала верной подругой, с которой смело можно отправляться в плавание по океану жизни. Ведь в отличие от спорта или игр, где невозможно добиться успеха, не приложив значительных физических усилий, живопись не предъявляет нелепых условий и не требует невозможного, она, напротив, прекрасно уживается со старостью и даже дряхлостью»^{[102](#)}.

Мы можем назвать точную дату первого живописного опыта Черчилля. 12 июня 1915 года, в воскресенье, он впервые попробовал себя в роли художника. К тому времени Черчилль, желая увезти свое маленькое семейство от столичной суеты, да и чтобы самому иметь возможность спокойно отдохнуть в выходные дни, снял на лето симпатичный домик. Хоу Фарм — переделанная на современный манер ферма времен Тюдоров располагалась посреди великолепного сада, в одной из долин Суррея, неподалеку от Годалминга. Там жена его брата Джека леди Гвендолин — близкие звали ее Гуни, — приехавшая погостить на несколько дней, установила свой мольберт и предложила заинтригованному ее работой

Уинстону попробовать краски маленького Рандольфа. Вызов был принят, и новоиспеченный художник взялся за работу. И словно по волшебству, чем больше Уинстон сосредоточивался на картине, тем невесомее становились его заботы и хлопоты. По его собственным словам, муза живописи пришла ему на помощь.

Вернувшись в Лондон, он опустошил большой магазин художественных принадлежностей на Пиккадилли, а на следующей неделе, наскоро установив свой собственный мольберт, принялся рисовать сад в Хоу Фарм, на этот раз уже масляными красками. Впоследствии Уинстон всегда рисовал только маслом. Сначала действия начинающего художника были неуверенными, но постепенно рука его становилась все тверже, тем более что в этом начинании его горячо поддерживали двое друзей — известные художники Джон и Хэйзел Лэйвери. Они приехали в загородный дом Уинстона несколько дней спустя, помогали ему профессиональными советами и посвятили его в основы техники пейзажной живописи.

Клетка захлопнулась, отступить было некуда. Случай вмешался в планы судьбы. Отныне простое болеутоляющее от потрясений и унижений несчастного прошлого превратилось в возвышенное, благотворное творческое занятие — создание художественных произведений. Сам Черчилль с гордостью подтвердил это несколько лет спустя: «Живопись — лучшее развлечение на свете. Я не знаю, какое еще занятие, не требуя изнурительных физических усилий, так поглощало бы внимание. Чем бы ты ни был озабочен в данную минуту, чем бы ни грозило тебе будущее, как только ты стал к мольберту, все заботы и угрозы отступают от тебя. Они гаснут во мраке, и все силы твоего разума сосредоточиваются на будущей картине». В действительности слово «развлечение» употреблено в данном случае в гораздо более широком смысле. Уинстон также писал, что «рисование — это отличная забава». Здесь слово «развлечение» следовало бы понимать в том значении, которое придавал ему Паскаль: отношение человека к миру. Леди Рандольф, видя, с какой страстью ее сын отдавался своему новому занятию, даже сравнивала живопись с наркотиком. И все-таки новообращенный художник первым заговорил о том, что существуют границы, которые нельзя переходить. «Например, — писал он, — нужно уметь быть скромным и заранее отказаться от чрезмерных амбиций: не стремиться создавать шедевры, но ограничиться тем удовольствием, которое доставляет сам процесс рисования».

Вскоре в Англии, среди садов, цветов и деревьев, а после войны — на юге Франции, на Лазурном Берегу или в Провансе привычным дополнением пейзажа стала фигура Черчилля перед мольбертом, в куртке

из белого тика и широкополой легкой шляпе, с сигарой во рту, палитрой в одной руке и кистью — в другой, поглощенного работой и вполне довольного жизнью. Уинстон предпочитал писать пейзажи — за свою творческую карьеру он написал несколько сотен пейзажей, и даже отправляясь на фронт во Фландрию, он взял с собой мольберт и все необходимое для рисования. Стоя перед холстом, Черчилль вновь обретал утраченное душевное равновесие и веру в будущее, словно начинал жизнь заново.

В то же время поговорка «горбатого могила исправит» как нельзя лучше подходила Черчиллю. Иными словами, Черчилль-солдат, на минутку задремавший в глубине его души, никогда не умирал. И в самом деле, среди всех достоинств живописи Уинстон выделял сходство картины и сражения. На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но не стоит забывать, что Черчилль прежде всего был бойцом и очень энергичным человеком, а потому обладал довольно своеобразной логикой и не сомневался в том, что между живописью и военным искусством существует глубинная связь. «Писать картину, — утверждал он, — это все равно что давать сражение. В случае успеха испытываешь даже большее волнение». Дальше следует долгое обоснование подобного сравнения. В своем сочинении «Живопись как времяпрепровождение» Черчилль посвятил этой теме немало страниц.

Он утверждал, что в этих двух процессах одинаковы не только принципы, а именно: единство замысла, единство частей и целого, взаимодействие всех элементов. Но — и это гораздо важнее — то, что прежде чем рисовать картину или давать сражение, нужно разработать план и обеспечить стратегический резерв. В живописи это — пропорции и равновесие, соотношение и гармония. Кроме того, подобно генералу, обязанному внимательно изучить военные кампании великих полководцев прошлого, художник должен ознакомиться с шедеврами, хранящимися в музеях. Таким образом, живопись, как и выигранное сражение, является источником бесконечных удовольствий. Черчилль вовсе не был лицемером: он любил живопись, но родился военным.

Случалось ему рассуждать и о технике художественного творчества, главным образом о диалектике света и цвета, а также о треугольнике, образуемом художником, натурой и картиной. В «Живописи как времяпрепровождении» он призывал, например, к углубленному, даже научному изучению проблемы соотношения взгляда и зрительной памяти художника. Или, если по-другому сформулировать этот вопрос, Черчилль хотел выяснить, какую роль играет память в живописи. Этой теме он

посвятил целую страницу своего сочинения, вызвавшую восхищение историка и искусствоведа Эрнста Гомбрича.

«Когда рисуешь картину, — объяснял Черчилль, — сначала созерцаешь натуру, затем палитру и, наконец, сам холст. Следовательно, на полотно переносится сигнал, принятый глазом художника несколькими секундами ранее. Но ведь «по пути», — продолжал Черчилль, — этот сигнал «попал на почту», где и был закодирован, переписан с языка света на язык живописи. Получается, что на холст попадает криптограмма, которую следует разместить в правильном соотношении с тем, что уже есть на холсте, только тогда мы сможем расшифровать эту криптограмму, только тогда ее смысл станет очевиден и только тогда с языка цвета художник вновь перепишет ее на язык света. Но теперь это будет уже не свет натуры, а свет искусства. Память несет эту длинную цепь превращений на своих крыльях, а может быть, с трудом передвигает ее, вращая тяжелыми маховиками. В большинстве случаев, — считал Черчилль, — достаточно эфирных крыл памяти, которые так же легки, как крылья бабочки, порхающей с цветка на цветок. Но полный круг эти трудные, долгие превращения совершают при помощи маховиков».

Здесь Черчилль ввел в свое доказательство такой момент. Когда художник рисует на открытом воздухе, фрагменты действия сменяют друг друга так быстро, что кажется, будто бы процесс перевода на язык цвета происходит сам собой. Однако шедевры пейзажной живописи были написаны в помещении, часто много спустя после того, как какой-либо природный пейзаж вдохновил художника на создание картины. В таком случае необходимо обладать «феноменальной зрительной памятью», чтобы воспроизвести натуру, увиденную часы, дни, иногда месяцы назад.

Живопись действительно была для Черчилля источником радости и удовольствия, рисовал он страстно, с упоением, художничество стало тем благом, которое принесло миру это увлечение Уинстона. Кое-кто теперь пытается оценить его творчество, охватывающее более чем сорокалетний период, с профессиональной точки зрения. А ведь долгое время считалось хорошим тоном прощать выдающемуся государственному деятелю его посредственные пейзажи. В наши дни чаша весов склонилась в противоположную сторону и назрела необходимость в переоценке творчества Черчилля. Большая выставка его работ, открывшаяся в Лондоне в 1998 году, немало способствовала возврату интереса к пейзажам Уинстона, а лестные отзывы о них наверняка порадовали бы душу художника, начинавшего свой творческий путь в Хоу Фарм.

18 ноября 1915 года майор Черчилль отплыл во Францию, чтобы присоединиться к своему полку — Оксфордширским королевским лейб-гусарам, стоявшим в ту пору в Сент-Омере. Сразу же по прибытии Уинстона принял его друг, главнокомандующий британским экспедиционным корпусом генерал Френч, предложивший ему чин генерала и бригаду в подчинение. Но поскольку Уинстону необходимо было освоиться с боевой обстановкой и приобрести фронтовой опыт, генерал Френч решил, что ему нелишне будет в течение нескольких недель пройти подготовку во втором гренадерском батальоне — элитном гвардейском подразделении.

Полковник и офицеры батальона приняли Уинстона враждебно, им не по душе были политики, переодетые солдатами. Однако Черчилль виду не показал и вскоре повел свой батальон в бой. Его участок находился в секторе Нев-Шапелль, что в Артуа, — весной там начались ожесточенные бои. Для Уинстона началась новая жизнь, полная опасностей и испытаний. Никакого комфорта и беспрекословное подчинение гвардейской дисциплине. Понемногу его мужество и стойкость снискали ему уважение товарищей, и они с искренней радостью приняли Черчилля в свой круг. У него, правда, и не было другого выбора, кроме как стоически переносить тяготы фронтовой жизни в доставшемся его батальону нелегком секторе. Выкопанные кое-как окопы не были оснащены должным образом и представляли собой превосходную мишень для противника, не прекращавшего бомбардировок ни днем ни ночью. Из дня в день бойцам приходилось бороться с грязью, дождем и холодом, не говоря уже о полчищах летучих мышей. Однажды в убежище Черчилля, служившее штабом его батальону, угодил вражеский снаряд — к счастью, Уинстона в этот момент там не было.

Проведя несколько недель на линии огня, Черчилль воспользовался полученной в начале декабря передышкой и составил небольшое эссе под названием «Варианты наступления». В этом сочинении он развил идеи, долгое время не дававшие ему покоя. В бытность свою первым лордом адмиралтейства он уже пытался воплотить их в жизнь в виде опытных образцов так называемых сухопутных кораблей (*landships*). По мнению Уинстона, для того, чтобы атаковать и обратить неприятеля в бегство, не подставляя под пули «нагую грудь солдата», необходимо было использовать новые передвижные механизмы, своего рода огромные

бронешиты на колесном, а еще лучше на гусеничном ходу. В неумном воображении Черчилля эти изрыгающие огонь бронешиты, неуязвимые для пулеметов неприятеля, должны были прикрывать собой около дюжины человек, карабкаться по склонам, сметать заграждения из колючей проволоки, подбираться к вражеским окопам и брать их штурмом, обстреливая продольным огнем^[103]. Таким образом тупик окопной войны был бы пройден, и да здравствуют старые добрые сражения с атаками и победами! В это же время Уинстон свел знакомство с молодым гусаром капитаном Луисом Спирсом (тогда его еще называли Спайерсом^[14]), командированным в 10-ю французскую армию. Уинстон и Луис сразу же подружились и вместе отправились осматривать участок фронта в районе Нотр-Дам-де-Лоретт, затопленный кровью и крысами, пожиравшими трупы. В 1940 году генерал Спирс был основным посредником между британским премьер-министром и генералом Де Голлем.

Тем не менее напрасно Уинстон пытался ободрить Клементину, в радужных тонах описывая ей свое пребывание на фронте: «Я вновь обрел покой и счастье, которых не испытывал уже долгие месяцы». Напрасно он убеждал лорда Керзона в том, что фронтовая жизнь многому его научила и избавила от забот («веселая жизнь с прекрасными людьми»). Временами Уинстона вновь охватывало уныние, а чувство разочарования и вовсе не покидало его^[104]. Согласно новому распоряжению Асквита, Уинстона не могли произвести в чин бригадного генерала, и ему пришлось расстаться и с этой надеждой, которую он лелеял уже несколько недель. Совсем некстати сэр Джон Френч был снят со своего поста накануне Рождества, а новый генерал сэр Дуглас Хейг, ставший командиром британской армии во Франции, не проявлял к Уинстону особой симпатии. На несчастного потомка герцога Мальборо вновь вылили ушат холодной воды: 1 января 1916 года его командировали в шотландский пехотный полк в чине подполковника. В распоряжение Черчилля поступил 6-й батальон Шотландских королевских стрелков.

Стрелки приняли Уинстона холодно в силу тех же причин, что и гренадеры, однако вскоре их отношение к опальному политику переменилось. Батальон в составе семисот человек, из которых тридцать были офицерами, принадлежал к полку со славным прошлым, восходящим к 1678 году. Увы, в сентябре полк понес большие потери в ходе кровопролитного сражения при Лосе. Тогда стрелки потеряли половину личного состава убитыми и ранеными, в числе которых — все кадровые офицеры. Новобранцы же были слишком молоды и неопытны. В первую

очередь Черчиллю надлежало реорганизовать и обучить вверенное ему подразделение. Задача была как раз по нему, и он с ней блестяще справился. Затем он сделал своей правой рукой кадрового капитана из числа своих друзей, шотландского баронета и гвардии офицера сэра Арчибальда Синклера. Синклер был так же, как и Черчилль, увлечен авиацией. Капитан придавал уверенности подполковнику, и они прекрасно ладили. Их дружба прошла испытание временем: Синклер был бессменным министром авиации в кабинете Черчилля с 1940 по 1945 год.

Безусловно, методы Черчилля не всегда укладывались в общепринятые рамки, однако они были хороши тем, что способствовали поддержанию морального духа в батальоне, заставляли солдат и офицеров почувствовать себя сплоченной командой. Так, впервые собрав своих офицеров, Уинстон без обиняков объявил им: «Господа, мы ведем войну со вшами!» И принялся читать лекцию о происхождении и повадках «Пулехс еврпеус» — чем они питаются, какие имеют привычки и какова их роль в войнах прошлого и современности^[105]. В считанные дни обаяние Черчилля распространилось на подчиненных. Его чары снискали ему возрастающую с каждым днем популярность как среди офицеров, так и среди простых солдат, которые в большинстве своем были родом из графств Эйршир и Гэллоуэй, что в Лоулэндсе. А связного французского офицера, прикомандированного к батальону Уинстона, звали Эмиль Эрзог, он же Андре Моруа.

Сто дней, которые Черчилль провел во Фландрии, командуя своими шотландскими стрелками, заметно его изменили. После короткого подготовительного периода батальон принял участие в сражении в конце января 1916 года. Шотландским стрелкам достался участок длиной в один километр в уголке Бельгии, еще остававшемся в руках союзников. Линия фронта проходила по самой границе с Францией, к северу от Армантьер. Передовая база батальона располагалась в деревушке Лоране, которую бойцы переименовали в «Плаг-Стрит» (от *англ.* plug — затвор, пуля). Шпиль местной церкви был сорван вражеским снарядом еще в марте, но, несмотря на бомбежки, в деревушке еще оставалось несколько мирных жителей. На передовой позиции противников разделяла нейтральная территория шириной в сто пятьдесят — триста метров. По ту сторону границы, на французской земле разместился штаб командования батальоном — в монастыре, окрещенном «богадельней». Там проживали две монахини, к которым Черчилль проникся искренней симпатией. А вокруг простирался унылый пейзаж — «жалкие фермы, затерявшиеся в

океане размокших полей и в грязи дорог»^{106}, — как писал Уинстон.

«Полковник Черчилль» изо дня в день объезжал свой участок, проверял оборонительные сооружения, осматривал мешки с песком, ведь немецкие артиллеристы без работы не сидели — однажды они метким выстрелом разворотили комнату, служившую Уинстону спальней. А ночью он патрулировал окопы, сопровождаемый верным Синклером. На фотографиях того времени Черчилль запечатлен в длинном плаще, широких сапогах, с револьвером и электрическим фонариком у пояса, в серо-голубой французской каске, подаренной одним генералом, соседом по фронтовому участку. Щеголь-Уинстон предпочитал ее плоской каске *tommies* и шотландской шапке *glengarry*.

Уинстон был известным человеком и не мог оставаться незамеченным, тем более что время от времени его посещали высокие гости. Впрочем, иначе и быть не могло. Не мог он слиться с безликой массой офицеров экспедиционного корпуса. Его высокое общественное положение давало ему право на неоспоримые привилегии: широкий таз для омовений, дорогое белье, сигары, шампанское и коньяк — все это заботливо пересылала ему из Лондона Клемми. Однако Уинстон никогда не давал окружающим повода почувствовать свое превосходство. Когда он покидал батальон, все искренне сожалели о его уходе, ведь он был добрым, гуманным командиром. Уинстон завоевал себе авторитет с первых же дней пребывания в батальоне. Один из офицеров шутливо заметил: «Мы ночи напролет гадали, какой же приказ он отдаст на следующий день, а днем исполняли его приказы»^{107}.

Перед лицом опасности Черчилль по обыкновению не обращал внимания ни на пули, ни на снаряды. Конечно же, его авторитет в батальоне возрастал соразмерно его мужеству, только вот Клементина в Лондоне заливалась слезами, беспокоясь о своем храбром муже. Ее вовсе не успокаивали его складные эпистолы, в которых он писал, будто бы для него это всего лишь «большие каникулы (...), вроде путешествия в Африку»^{108}. Жена всегда готова была к худшему. В письмах, которые они писали друг другу ежедневно, были и семейные, и фронтовые, и политические новости. Изгнанник с «Плаг-Стрит» изливал Клементине свое сердце и в то же время без конца давал ей всевозможные инструкции, наказания, не скрывая своего смятения, охватывавшего его всякий раз при мысли о разбитой карьере. «Солдаты, которые меня окружают, видят только мою улыбку, — признавался он, — мое спокойствие и удовлетворенный вид. Мне становится легче на душе оттого, что я могу открыть тебе свое

сердце. Прости меня». Несколько дней спустя он снова написал об обманутых надеждах, о своем бессилии: «Я должен молча ждать нового поворота злосчастных событий. Уж лучше пусть тебе затыкают рот, чем позволяют давать советы, которые никто не слушает». Дальше следовали новые наказания Клементине поддерживать регулярную связь с его друзьями и псевдодрузьями: «Мне больше не на кого положиться. Только ты можешь похлопотать вместо меня»^{109}.

И Клементина без устали хлопотала в высших слоях лондонского общества. Она собирала достоверную информацию и всевозможные слухи, принимала все приглашения, пыталась угадывать мысли друзей и недругов — для того, чтобы направить в правильное русло политические расчеты мужа.

Ведь и на фронте он следил за маневрами британских властей не менее ревностно, чем когда сам их представлял. Между тем на Лондон неотвратимо надвигался глубокий правительственный кризис. Тогда Уинстон укрепился в мысли, что ему необходимо было вернуться в Вестминстер. Воспользовавшись отпуском в начале марта, он таки произнес в палате общин речь, но, увы, выступление его закончилось полным провалом. Боже мой, какие мелочи! Уинстон со свойственным ему нетерпением и верой в будущее уже воспрянул духом и вспомнил, что надежда — одна из основополагающих добродетелей человека. Удобный случай представился ему в апреле: тогда было решено реорганизовать полк Шотландских королевских стрелков, в результате чего 6-й батальон объединили с другим батальоном и Черчилль лишился своего командного поста. С решением он не затягивал. Отныне с фронтом было покончено. 9 мая 1916 года Черчилль вернулся в Лондон.

Министр снабжения армии:

1917–1918

В Лондоне Черчилль оказался совершенно один. Оставив резиденцию военного министерства, он вместе с семьей обосновался в элегантном квартале Саут Кенсингтон (в этом же квартале Уинстон провел последние годы своей жизни), по адресу Кромвель роуд, 41, напротив Музея естественной истории. Предубеждение против Уинстона было по-прежнему живо, злоба, враждебность не ослабевали. В политических

кругах в его адрес постоянно сыпались желчные замечания. Выступления Уинстона в палате общин принимались враждебно, о чем бы он ни говорил. В декабре 1916 года в сформированном Ллойдом Джорджем новом коалиционном правительстве, необходимость в котором возникла после того, как консерваторы взбунтовались против некомпетентности Асквита, вновь не нашлось местечка для Черчилля. Новый премьер-министр также столкнулся с яростным сопротивлением лидеров партии тори, которых в правительстве оказалось подавляющее большинство. Уинстон был в ярости, он снова пал духом. Когда ему стало известно, что он оказался не у дел, с ним даже случился приступ бешенства. Черчилль все больше и больше убеждался в том, что постепенно скатывается в пропасть и пути назад нет. Единственным утешением в 1917 году для него стал рапорт специальной комиссии, выяснявшей причины поражения в Дарданеллах. У Уинстона появилась слабая надежда на прощение.

Пусть с бывшего первого лорда никто не снимал вины за катастрофу, унесшую жизни тысяч англичан, но, по крайней мере, теперь упреки были справедливо распределены между всеми виновными.

Ситуация в конце концов изменилась в июле 1917 года. Ллойд Джордж, лучше чем кто бы то ни было знавший Уинстона и все его достоинства, рассудил, что целесообразнее было бы заручиться поддержкой Черчилля, нежели внести его в список своих врагов, и предложил ему пост министра снабжения армии. Со стороны консервативной партии раздался вопль негодования, слышались угрозы подать в отставку, исходившие сразу от нескольких министров, но Ллойд Джордж выдержал удар. Он переждал грозу и объяснил свой поступок тем, что этот министерский портфель не давал своему владельцу большой власти, а главное, новый министр не являлся членом военного кабинета. Как бы то ни было, а Уинстон приближался к концу чистилища. Нужно сказать, что он немало удивился такому враждебному к себе отношению и так и не увидел всей глубины пропасти, разделявшей его с товарищами по цеху, — странное простодушие со стороны Черчилля^[110].

Уинстон двадцать месяцев ожидал искупления, и вот теперь, вернувшись к власти, он чувствовал прилив сил и бодрости. Его переизбрание в Данди 29 июля было пустой формальностью, и он тут же самозабвенно принялся исполнять свои новые обязанности. Учитывая его «безобидную» слабость вмешиваться в дела своих коллег по кабинету, одна из тетушек Уинстона дала ему мудрый совет: «Крепче держись за снабжение армии и не пытайся руководить правительством!» Таким образом, возобновились партнерские отношения между Ллойдом

Джорджем и Черчиллем, однако в условиях, заметно отличавшихся от прежних. На этот раз первый стоял во главе государства, а второй, возглавляя второстепенное министерство, являлся его подчиненным и не имел права голоса в решении стратегических вопросов, касавшихся военных действий. И тем не менее полупогасшие огни рампы были Уинстону куда больше по вкусу, нежели мрак полного забвения.

Созданное в 1915 году и поначалу возглавляемое Ллойдом Джорджем министерство снабжения армии отвечало за ключевой сектор вооружения. Когда Черчилль вернулся в правительство, назрела необходимость коренной реорганизации министерства. С момента своего основания оно росло как на дрожжах, и к 1917 году численность его бюрократического аппарата составляла двенадцать тысяч человек. К тому же координировать деятельность разрозненных и разнородных его отделов не представлялось возможным. А потому одной из первых мер, принятых новым министром, была перегруппировка решающих органов министерства и учреждение верховного совета снабжения армии, председателем которого являлся сам Уинстон. В целом его деятельность, отмеченная той же энергией и той же эффективностью, что и несколько лет назад, развивалась в двух основных направлениях: с одной стороны, его внимание поглощала новая материально-техническая база, необходимая для победы, с другой — положение трудящихся и отношения, возникающие в процессе производства.

Что касается первого направления, то в представлении Черчилля существовала тесная связь между вооружением и стратегией. Он с первых же дней вооруженного конфликта высказывал свое крайне негативное отношение к «войне на истощение», которая велась на Западном фронте. Уинстон резко осуждал кровавую бойню, учиненную на Сомме в 1916 году и во время «третьего Ипрского сражения», длившегося с августа по ноябрь 1917 года. Он говорил, что вести «войну на истощение» — значит «губить ужасающее, доселе неслыханное, но все же недостаточное для убедительной победы количество человеческих жизней»^{111}. Уинстон ратовал за «войну вооружений», призывал заменить людей машинами.

Теперь в руках у союзников было два стратегических козыря. С одной стороны, в войну вступили Соединенные Штаты, и в скором времени ожидалось прибытие в Европу значительного контингента американских солдат, с другой стороны, с появлением новой военной техники основная ставка делалась именно на нее, а не на солдат. Тогда Черчилль превратился в «человека с Запада». Весной 1917 года он заявил: «Машины могут

заменить людей. (...) Различные механизмы способны сделать человека сильнее, служить опорой венцу творения»^[112]. Вот почему Черчилль, долгое время не веривший в возможность прорыва на французском фронте, теперь надеялся осуществить его путем массового производства вооружения, в частности, новых видов техники — танков, самолетов и химических снарядов. Потому-то он так враждебно встретил предложение Красного Креста запретить использование отравляющих веществ, ведь «человеколюбивый» Уинстон намеревался пустить их в ход еще в Дарданеллах.

Что же касается второго направления деятельности Черчилля — производственных отношений и условий труда на заводах, выпускавших вооружение, то в этой области у него был большой опыт, приобретенный им еще в бытность свою министром торговли. С тех пор как Великобритания превратилась в один большой склад оружия, готовясь к тотальной войне, в отношении рабочего класса предстояло решить две основные, взаимосвязанные задачи. Необходимо было осуществить так называемое «разбавление» и определить соответствующие размеры заработной платы. Для того чтобы не препятствовать призыву мужчин в армию и в то же время обеспечить нужды производства, руководителям заводов пришлось наряду с профессиональными рабочими нанять неквалифицированных новичков, как мужчин, так и женщин. Такую практику и стали называть «разбавлением». Однако это вызвало недовольство у квалифицированных рабочих металлургической и кораблестроительной отраслей. Они были обеспокоены назначением новичков на должности, не соответствовавшие их квалификации, а также выравниванием заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Кроме того, количество женщин, занятых в производстве боеприпасов, с двухсот тысяч в 1914 году увеличилось до одного миллиона в 1918 году. А их заработная плата принципиально была значительно ниже заработной платы мужчин.

В лоне рабочей аристократии, опасавшейся за свое положение и приобретенные льготы, главным образом на заводах, производивших оружие, зародилось движение воинственно настроенных цеховых старост, что привело к крупномасштабным забастовкам весной 1917 года. Черчиллю понадобились вся его ловкость и умение, чтобы не в ущерб нуждам войны исполнять директивы правительства и удовлетворять требования трудящихся, которые сильно различались в зависимости от категории рабочих, их выдвигавших.

Справиться с народным недовольством, вызванным удорожанием

жизни и скандалами, связанными с побочными доходами, полученными в ходе войны, было тем труднее, что русская революция служила примером и вдохновляла активистов Независимой лейбористской и Британской социалистической партий. Тем не менее правительство было начеку, политическое чутье подсказывало руководителям государства, что нужно заручиться поддержкой наиболее организованных и решительных представителей рабочего класса, а именно квалифицированных рабочих. И тогда Черчилль согласился повысить им заработную плату. Однако, несмотря на это, забастовки возобновились летом 1918 года — сказались пацифизм большевиков и дух пораженчества, которым повеяло из России.

Прозорливый министр заранее позаботился о будущем. Так, в ноябре 1917 года он создан комитет по демобилизации и реконструкции внутри своего ведомства, с тем чтобы наметить долгосрочные решения на послевоенный период в социальной сфере, чреватой всевозможными осложнениями. Одновременно, собрав у себя в министерстве представителей женских профсоюзов, Черчилль рассказал им о своих планах относительно будущей организации женского труда. «Мы пионеры в области женской занятости в промышленности и даже в военном производстве», — заявил он, сославшись на «ход истории, предоставившей женщине место в производственной жизни Великобритании, возможно, на весь век». Ведь было бы ошибкой рассматривать их вклад в производство как «всего лишь эпизод Первой мировой войны». «Пришло время, — уверял он, — определить принципы, которыми грядущие поколения будут руководствоваться, используя женский труд в промышленности»^[113].

Несмотря на все обязанности и нелегкие задачи, в которых у Черчилля не было недостатка в министерстве снабжения армии, он зорко следил за ходом военных действий. Под различными предлогами приблизительно пятую часть своего времени Черчилль проводил во Франции — либо в Париже, где он регулярно встречался с министром вооружения Луи Лушором, либо в штабах, либо на фронте. Он даже выхлопотал для своих нужд замок неподалеку от Этап-ля. Благодаря этим частым путешествиям ему посчастливилось стать свидетелем решающих этапов военных операций. 21 марта 1918 года он присутствовал при трагически окончившемся для союзников наступлении германской армии. Под огненным дождем и градом свинца британский фронт был прорван, и французская армия была поставлена под удар. Тогда Черчилль встретился с Фошем, который дал ему поручение к Клемансо. Вместе они поспешили на передовую линию осмотреть оборонительные сооружения союзников — и

«тигра», и «бульдога» фронт притягивал как магнит^{[\[114\]](#)}.

Уинстон вновь оказался в центре событий в апреле, когда противник нанес сокрушительный удар армии союзников во Фландрии. Враг наступал на большой территории, включавшей и деревушку «Плаг-Стрит», в окопах которой некогда сражался Черчилль. День 8 августа 1918 года стал черным днем для немецкой армии, как говорил Людендорф. Черчилль с чувством глубокого удовлетворения присутствовал при танковой атаке союзников, которая наконец увенчалась успехом. Вражеский фронт был прорван (а первый убедительный смотр новой техники, задействованной в атаке, состоялся еще в ноябре 1917 года близ Камбре).

Отныне долгожданная победа была уже не за горами. В «Мировом кризисе» Черчилль рассказал, как в момент подписания перемирия он открыл в министерстве выходящее на Трафальгарскую площадь окно и с глубоким волнением, совсем не похожим на то, которое он испытывал в четырнадцатом году, слушал бой Биг-Бена, отмерившего одиннадцатый час одиннадцатого дня одиннадцатого месяца 1918 года. Бой часов подхватили колокола всех лондонских церквей.

Во главе военного министерства

и министерства по делам колоний:

1919–1922

Теперь, когда не слышно было звуков выстрелов и грохота оружейных залпов, когда вдали уже показался голубь мира, у жителей Европы появилась надежда вернуться, наконец, к нормальной жизни, которую они вели до войны («*back to 1914*» — «вернуться к 1914 году» — *англ.*). Что же касается Черчилля, он не разделял этих иллюзий, хотя активно поддерживал Ллойда Джорджа, когда тот пообещал бойцам подарить им по возвращении «дома, достойные их героизма».

Пока же прежде всего нужно было подумать о выборах, поскольку в последний раз они проводились аж в 1910 году. Перед правительством стоял ключевой вопрос, ответ на который необходимо было дать как можно скорее: сохранить или нет коалиционное правительство, ведь от этого зависела предвыборная тактика партий. Начиная с 1915 года управление

Соединенным Королевством под предлогом защиты родины было доверено коалиционному правительству. Во главе с либеральным премьер-министром Асквитом, а затем во главе с Ллойдом Джорджем либералы и консерваторы, к которым присоединились ратовавшие за священный союз лейбористы, вершили судьбу Британии. Вопрос заключался в следующем: должна ли и может ли быть сохранена в мирное время эта коалиция, вызванная к жизни войной?

Нерешительность политиков усугубилась новыми факторами. Произошел раскол в старой либеральной партии, разделившейся на два враждебных лагеря. Большинство либералов поддерживали Ллойда Джорджа и выступали за коалицию. Черчилль был одним из лидеров этого либерального крыла. По другую сторону баррикад оказались сторонники Асквита, в марте 1918 года проголосовавшие в палате общин против коалиции, но голосующих теперь стало втрое больше. В 1918 году был принят закон, согласно которому право голоса получали все мужчины, начиная с двадцати одного года, и все женщины, начиная с тридцати лет.

В конце концов рожденный в годы испытаний альянс был сохранен, и возглавил его снова Ллойд Джордж. Черчилля это несказанно обрадовало, ведь он всегда мечтал о центристском коалиционном правительстве, которое руководило бы страной в мирное время. 14 декабря 1918 года выборы в законодательное собрание на территории Великобритании проходили при наличии трех «кандидатов». Первым «кандидатом» был лагерь депутатов, выступавших за коалицию. Они получили две трети мест в парламенте, и победа осталась за ними, причем львиная доля голосов досталась консерваторам, также поддерживавшим коалицию. Ко второму лагерю принадлежали либералы Асквита, потерпевшие жестокое поражение. Что же до третьего лагеря — лагеря лейбористов, то он с честью прошел это испытание, заполучив двадцать два процента голосов. В своем округе Данди Черчилль одержал блистательную победу, намного опередив остальных претендентов.

В ходе избирательной кампании Уинстон не пошел вслед за модой и поостерегся клеймить Германию. Он не требовал предать суду Вильгельма II («Hang the Kaiser»^[15]), не призывал отомстить Германии («сдавить апельсин так, чтобы из него выскочили все косточки», как говорил Ллойд Джордж). Черчилль, напротив, мечтал о примирении победителя и побежденного, проявив тем самым великодушие и широту души. Само собой, здесь не обошлось и без политического расчета, ведь хитроумный Черчилль ничего не делал просто так, по одному лишь велению сердца. Он ненавидел прусских солдафонов, он хотел и впоследствии не скрывал

этого, «чтобы победители обходились с немцами гуманно, прилично кормили, а их заводы поделили между собой»^{115}.

Что же касается внутренней политики, то здесь Черчилль ратовал за смелые социальные реформы. У него появился шанс раздуть тлеющие угли своего бывшего радикализма, по-прежнему посягая при этом на права лейбористов. И он снова затянул старую песню во славу реформ и благосостояния. «Необходимо, — объяснял он Ллойд Джорджу, — объединить все просвещенные силы страны и повести их по пути науки и дисциплины на помощь бедным горемыкам». «Так, — говорил Черчилль, — мы сможем обеспечить «процветание и стабильность империи»^{116}.

Однако министерский портфель, который Ллойд Джордж предложил Черчиллю в новом коалиционном правительстве, — портфель министра военного ведомства — при всей своей значимости не предполагал его участия в решении внутривластных вопросов. Черчилль больше двух лет совмещал руководство военным министерством и министерством авиации, которое ему поручили «в нагрузку». Это продолжалось с 10 января 1919 года по 13 февраля 1921 года — тогда Уинстон перешел в министерство по делам колоний, однако министром авиации он оставался еще в течение двух месяцев. С 1 апреля 1921 года по 19 октября 1922 года в его ведении находилось лишь министерство по делам колоний. Таким образом, Черчилль блестяще справился с проблемой снабжения армии в 1917–1918 годах, благодаря чему был помилован и вновь стал одним из главных действующих лиц на политической сцене. На посту министра по делам колоний Уинстон оставался четыре года и за это время показал все, на что он был способен. Однако его старание не дало ему никаких гарантий на будущее, как показали дальнейшие события.

Демобилизация оказалась первым испытанием, с которым новому министру необходимо было справиться как можно скорее. Ведь не успели полководцы подписать перемирие, а солдаты уже начали проявлять нетерпение. Они требовали лишь одного: отправить их по домам немедленно, раз сражаться больше не с кем. Но чиновники военного министерства, разрабатывавшие еще во время войны замысловатые, долгосрочные планы демобилизации, совершенно упустили из виду подобный поворот событий. Среди солдат стало расти недовольство, которое, не дай бог, могло привести к участию армии в социальных волнениях, сотрясавших Англию.

В этой тяжелой ситуации, когда страсти накалялись с каждым днем, нужно было реагировать незамедлительно, погасить волнения, пока они не

вылились во всеобщее восстание. А ведь в Кале пять тысяч военных уже подняли мятеж, в Лондоне — три тысячи, и этот список можно было бы продолжить. Правительство и военные чиновники испугались не на шутку. И тут находчивый Уинстон объявил о мерах, которые намерен был принять и которые успокоили бы недовольных, обеспечив их скорейшее возвращение к родным очагам. Не забыл он и о необходимости оставить на службе часть личного состава, достаточную для поддержания порядка на оккупированных территориях и в неблагонадежных районах, будь то на европейском континенте, на Ближнем Востоке или в Ирландии. Говоря словами самого Черчилля, он собирался «отпустить троих солдат из четверых и платить четвертому двойное жалованье»^{117}. В целом два миллиона шестьсот тысяч солдат были в спешном порядке демобилизованы, а девятьсот тысяч остались на действительной службе. В начале 1922 года стало возможным упразднение обязательного призыва в армию, отнюдь не пользовавшегося популярностью у народа, и возвращение к военной службе на добровольных началах. Ведь теперь армия вполне могла обойтись и добровольцами. Итак, Черчилль записал в свой актив первый громкий успех на новом посту.

Тем не менее не все было так гладко в военном министерстве. Большую часть времени и энергии у Уинстона отнимали две «головные боли» — большевизм в России и беспорядки в Ирландии. Черчилль так самозабвенно трудился над разрешением этих проблем, что пренебрегал другими своими обязанностями. В первую очередь пострадала оборона, которую необходимо было реорганизовать сразу после окончания военных действий. Министр упустил возможность модернизировать армию, исходя из уроков только что закончившейся войны и используя новые технологии. К тому же Черчилль обделил вниманием авиацию, несмотря на огромный интерес, который он всегда к ней проявлял.

Конечно же, не стоит забывать о том, что министр авиации, уступив доводам тогда еще генерала Тренчарда (ставшего впоследствии маршалом), отца-основателя военно-воздушных сил Великобритании, сумел придать авиации статус независимого рода войск, наравне с сухопутной армией и военно-морским флотом. Уинстон был убежден в главенствующей роли авиации в обеспечении безопасности на огромных территориях Британской империи, главным образом на Ближнем Востоке. И именно он ввел знаменитое «правило десяти лет». Это *Ten Years' Rule* — «правило десяти лет», предложенное Черчиллем и утвержденное коалиционным правительством в августе 1919 года, касалось принципов разработки военного бюджета. Его автор в очередной раз доказал свою прозорливость,

выдвинув гипотезу (или тезис) о том, что в ближайшие десять лет ни Великобритания, ни Британская империя не будут участвовать в каком-либо крупном вооруженном конфликте. Следовательно, и предусматривать статью расходов на крупный экспедиционный корпус было ни к чему.

Доблестным защитникам родины пришлось затянуть пояса на многие годы, отмеченные небывалым сокращением расходов на военные нужды. К концу 1920 года личный состав армии сократился до трехсот семидесяти тысяч человек, тогда как на момент подписания перемирия военных в Британии было три миллиона. В военно-воздушных силах Великобритании насчитывалось двадцать четыре эскадрона вместо ожидавшихся ста пятидесяти, из них только два обеспечивали безопасность непосредственно Соединенного Королевства. А бюджет британской ближневосточной авиации сократился с сорока пяти миллионов до одиннадцати миллионов фунтов.

*

На протяжении всего 1919 года и в начале 1920 года Черчилля больше всего беспокоила ситуация в большевистской России. Отметим, что он не имел права голоса на мирных переговорах в Париже, и передел карты Европы осуществили без его участия. Позиция, которую занял пылкий глава военного ведомства, была проста. Ссылаясь на достойные конца света ужасы, совершенные большевиками, он настоятельно советовал Ллойд Джорджу, невзирая на ожесточенное сопротивление последнего, начать широкомасштабную военную интервенцию в Россию. И в свете грядущего вторжения, на которое он так надеялся, Черчилль проводил две последовательные линии в своей политике.

В конце 1917 года в Россию были посланы значительные силы союзников с тем, чтобы помешать немцам воспользоваться развалом царской армии. Около тридцати тысяч британских солдат было сосредоточено на севере, в районе Мурманска и Архангельска, другая часть британского контингента переправилась во Владивосток. По мысли Черчилля эти силы следовало использовать для стремительной интервенции, согласовав свои действия с русской контрреволюционной армией, и свергнуть диктатуру большевиков. Однако в своем страстном порыве Черчилль не нашел поддержки у министров. Коллеги без особого труда убедили неугомонного Уинстона в том, что за четыре года еще не успели зарубцеваться раны, полученные в ходе последней страшной войны,

а потому никто не согласится ввязываться в новую ^[16].

И тогда Уинстон сосредоточил свои усилия в другом направлении. Раз англичане не желали огнем и мечом уничтожить большевистскую гидру, это надлежало сделать белой армии. Следовательно, нужно было поддержать царских офицеров, оказать им всестороннюю помощь — оружием, деньгами и техникой. В Гражданской войне, бушевавшей в России, необходимо было оказать содействие прежде всего генералу Деникину на юге и адмиралу Колчаку на востоке, отправив им на выручку британских добровольцев. Однако премьер-министр и другие члены правительства вновь остались глухи к доводам Уинстона. Напрасно он метал громы и молнии, пытаясь растопить флегму своих коллег. Черчилль никак не мог понять, что война с Германией отняла у британцев все силы и что расшевелить их теперь не было никакой возможности. Поэтому-то брошенный тогда клич «*Kill the Bolshie, kiss the hun*» ^[17] не нашел отклика в сердцах англичан.

Тем более что британские рабочие с большим сочувствием отнеслись к революции в России, в Англии даже был создан комитет «*Hands off Russia*» ^[18]. Заря, занимавшаяся на Востоке, заморозила левые силы Соединенного Королевства. Ведь там утопия становилась явью. События в России побудили Герберта Уэллса написать в 1923 году сатиру «Люди как боги». Лейбористская пресса во главе с «Дейли Геральд» усердно клеймила Черчилля, выставляя его агентом и, более того, образцовым воплощением капитализма, милитаризма и империализма. В конечном счете воинственная позиция Уинстона вкупе с его отчаянным неприятием коммунизма, коренившимся в социальных конфликтах 1910–1911 годов и в ожидании всеобщей забастовки в 1926 году, крепко поссорили его с лейбористами и тред-юнионами. За ним на долгие годы закрепился образ врага рабочего класса.

Как бы то ни было, в середине 1920 года стало ясно, что Гражданская война в России близится к концу. Красная армия победила. Тогда донкихотствующий потомок Мальборо, возмущенный предательством своих соотечественников по отношению к союзнической белой армии, посвятил последней пятый том «Мирового кризиса»: «Нашим верным союзникам и товарищам, воинам Российской императорской армии».

Черчилль был заклятым врагом большевизма. За два с небольшим года он исчерпал все запасы красноречия, пытаясь открыть окружающим глаза на опасность, которую нес в себе большевизм. Черчилль старался донести до современников мысль о том, что зло, надвигавшееся с Востока,

непременно приведет к гуманитарной катастрофе. Он никогда еще не говорил так страстно, не сдобривал свою речь такими страшными метафорами. Чтобы внушить соотечественникам ужас и отвращение к режиму Советов, Черчилль не скупился на грозные и пугающие эпитеты. «Действительность такова, — возмущался он, — что в железной деснице горстки врагов рода человеческого, избравших путем своего правления массовые убийства, Россия вот-вот превратится в варварскую страну со скотоподобным населением. На огромной территории исчезает цивилизация, и на развалинах городов, посреди гор трупов большевики скачут и беснуются, подобно отвратительным бабуинам»^[118]. Ленина же Уинстон называл «чудовищем, карабкающимся по пирамиде, сложенной из черепов». «В конечном счете, — грозил Черчилль, — коммунистический нигилизм ведет к тому, что большевики разрушают все, что попадает на их пути (...), как вампиры, высасывающие кровь из своих жертв»^[119].

По словам Черчилля, беда России, стонавшей от горя и нищеты по вине своих новых хозяев, «сумасшедших извращенцев», была в том, что надеяться ей было не на что, пока эта «гнусная шайка фанатиков-космополитов» продолжала «держаться за волосы и тиранить русский народ». Одним словом, безапелляционный вердикт Уинстона был таков: «Большевистская тирания — самая страшная в истории человечества, самая разрушительная и постыдная»^[120].

Теперь постараемся понять, в чем же была причина такого упорства, переходящего порой в одержимость. Объяснение такому поведению главы военного ведомства, данное в свое время Ллойдом Джорджем, представляется нам малоубедительным. Премьер-министр постоянно спорил с Черчиллем о том, какую позицию следовало занять Англии по отношению к России. Он утверждал, что потомок герцогов Мальборо был слишком напуган убийством великих русских князей и его отвращение к большевизму лишь отражало его классовый инстинкт самосохранения. Может статься, дело обстояло именно так, впрочем, чем хуже версия о том, что причиной всему была романтическая привязанность Уинстона к «святой Руси»? Глубинные мотивы ярости Черчилля следует искать не здесь. Сам он всегда возмущался, когда его называли реакционером в этой связи.

На наш взгляд, поиск разгадки нужно вести совсем в другом направлении. Причина упрямства Уинстона — прежде всего идеологическая. У Черчилля был собственный, быть может и

односторонний взгляд на природу коммунизма, на его политическую философию и универсальный характер, «экспортируемый», так сказать, во все страны земного шара. Черчилль считал, что на кон поставлены свобода, демократия, правовое государство, Британская империя — словом, все те ценности, в которые он верил и которые были частью его сознания. Он понимал, что повсеместное распространение коммунизма уничтожило бы столь дорогие его сердцу завоевания человечества. Речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть между двумя цивилизациями, между двумя концепциями человека. Вот почему глава военного ведомства употребил всю свою энергию на этот крестовый поход против большевизма. Он поставил перед собой цель раздавить красную гидру, в то время как его коллегам достаточно было лишь помешать коммунизму укорениться в Великобритании, чтобы спать спокойно.

Впрочем, Черчилль прямо указывал на идеологические причины своей борьбы с большевиками. «Они ведут бесконечную войну против цивилизации, — писал он. — Их цель — уничтожить все институты власти, все правительства, все государства, существующие в мире. Они стремятся создать международный союз нищих, преступников, бездарностей, бунтовщиков, больных, дебилов и дураков, который охватит весь мир^[19]. В этой войне, как Ленин справедливо заметил, не может быть ни перемирий, ни компромиссов»^{121}. В самом деле, речь шла — и здесь Черчилль продемонстрировал замечательную интуицию в постижении закономерностей XX века — не больше не меньше как о будущем европейского общества. Оттого-то предупреждения Черчилля звучали как пророчества: «Теории Ленина и Троцкого (...) положили конец человеческим отношениям, разрушили связи, объединявшие рабочих и крестьян, город и деревню. (...) Они стравили классы, народы в братоубийственной войне. (...) Они отбросили человека, этот венец цивилизации XX столетия, в каменный век, сделали его варваром. (...) Вот он прогресс! Вот она свобода! Вот она утопия! Как ужасающе нелепо извратили они теории коммунизма...»^{122}

Нетрудно догадаться, что в период с 1941 по 1945 год гитлеровская пропаганда активно использовала это собрание замечательных цитат, поначалу стыдливо смягченных лондонскими джентльменами, чтобы вдохновлять войска Третьего рейха на борьбу с большевиками. Однако сейчас, оглядываясь назад, нельзя не отдать должное определенной последовательности Черчилля. Он был ярым антикоммунистом и пытался предупредить своих недальновидных современников о грозившей им

опасности, хотя время для этого выбрал неподходящее. Впрочем, поразительная логика его мысли и выбранной им политической линии становится очевидной, когда мы понимаем, что сразу же после окончания Второй мировой войны старый лев взял на себя роль глашатая «свободного мира» в тогда еще едва обозначившейся холодной войне. В 1949 году он заявил: «Если бы мы задушили большевизм при его рождении, человечество было бы бесконечно счастливо»^[123]. Вот почему не стоит доискиваться до первоисточников на первый взгляд странного, но последовательного поведения Черчилля. Дело в том, что, за исключением кратковременного сближения и союзнических отношений с Советским Союзом перед фашистской угрозой в период с 1938 по 1945 год, Черчилль неуклонно проводил свою политическую линию и не изменял своим этическим и идеологическим принципам.

*

В урегулировании ирландского вопроса глава военного ведомства также играл одну из главных ролей. В Ирландии на выборах 1918 года шинфейнеры^[20] набрали большинство голосов, учредили парламент и провозгласили республику, президентом которой был избран Де Валера. Беспорядки не заставили себя долго ждать. Ирландская республиканская армия, сформированная в 1919 году на базе движения фениев^[21], начала партизанскую войну против британских властей и сил правопорядка. Командовал ирландской армией Майкл Коллинз, свирепый националист и талантливый военный. 1920 год положил начало эпохе волнений в Ирландии.

Черчилля вконец измучили эти «средневековая рознь и варварские страсти». Несмотря на свою убежденность в том, что необходимо было найти решение, устраивающее обе стороны, для начала он по обыкновению прибегнул к силе. Вот почему Черчилль стал поощрять формирование милиции — полуполиции, полуармии — английских карательных отрядов, которые с чрезмерной суровостью отвечали террором на террор. Помимо милиции были сформированы вспомогательные отряды, которые при подавлении восстания проявляли еще большую жестокость. Засады, безжалостные акты мести, дерзкие налеты, убийства следовали друг за другом. В Ирландии не смолкали выстрелы, текли реки крови — вот какого порядка добились правительство принятыми мерами. Казалось, замкнутый

круг насилия невозможно было разорвать. Клементина умоляла Черчилля прислушаться к голосу разума, взывала к его человеколюбию. «Употребив все свое влияние, дорогой, — писала она ему, — чтобы хоть немного успокоить разыгравшуюся бурю и восстановить справедливость в Ирландии. (...) Я чувствую себя такой несчастной и разочарованной всякий раз, когда ты прибегаешь к грубой силе, тактике фрицев, полагая, что она принесет успех»^{124}.

Ллойд Джордж в конце концов понял, что единственно возможным в сложившейся ситуации решением было решение политическое. И он решил даровать Ирландии независимость, одновременно разделив ее территорию. Черчилль с готовностью поддержал премьер-министра. Итак, позиция Лондона была пересмотрена, и в мае-июне 1921 года правительство решило провести переговоры с ирландскими националистами и заключить с ними перемирие, которое и было подписано в июле. Результатом переговоров, прошедших на Даунинг стрит в октябре, стал договор, подписанный 6 декабря 1921 года. Черчилль внес самый весомый вклад в его подготовку. Отныне англичане надеялись на добрые отношения с Коллинзом, долгосрочные и опирающиеся на здравый смысл.

Ирландию разделили на две части. С одной стороны, большая часть территории — двадцать шесть графств — вошла в состав независимого государства Ирландии. С другой стороны, шесть графств Ольстера по-прежнему остались территорией Соединенного Королевства. Однако поскольку новое государство получило статус доминиона, Черчиллю, как министру по делам колоний, поручили обеспечить перевод соответствующих органов власти. В этот момент между ирландскими националистами разразилась гражданская война, свирепствовавшая вплоть до 1923 года. Во время этой войны Коллинз попал в засаду и был убит. За несколько дней до смерти он поручил гонцу поблагодарить Черчилля от его имени — такой чести Коллинз удостоивал далеко не каждого: «Скажите Уинстону, что без него мы бы никогда этого не достигли»^{125}.

*

Черчилль занимал пост министра по делам колоний в течение двадцати месяцев. Общая площадь всей территории Британской империи достигла в то время своего апогея. Министр предпочел посвятить большую часть времени Ближнему Востоку, хотя мало что смыслил в

ближневосточном вопросе. Все же он создал специальный департамент по делам Ближнего Востока — внутри министерства по делам колоний. После того как распалась Османская империя, Сообщество Наций даровало мандат на ее территории двум державам-победительницам. В связи с этим основной своей задачей и задачей Великобритании Черчилль видел создание в этой стратегической зоне земного шара сферы влияния, где верховодила бы Британия. Для осуществления этого плана необходимо было заручиться поддержкой двух пограничных областей — Палестины и Месопотамии и, по возможности, пресечь притязания французов на эти территории. Таким образом, Лондон при помощи флота и авиации контролировал бы огромное геополитическое пространство — от Гибралтара до Персидского залива, включая Мальту, Египет и Суэцкий канал.

В марте 1921 года Черчилль собрал конференцию в Каире, на которую пригласил всех местных британских чиновников. Надо сказать, что напряженная политическая деятельность не помешала Уинстону запечатлеть на холсте пирамиды и совершить паломничество в Иерусалим. Чтобы разобраться с арабским вопросом, он обратился за помощью к полковнику Лоуренсу, которого сделал своим советником. На аудиенции у представителей династии хашимитов Лоуренс добился, чтобы Месопотамия (отныне Ирак), которую в 1920 году охватило восстание, впрочем, быстро подавленное, признала своим королем эмира Фейсала, марионетку англичан. Его брата, эмира Абдаллу, хозяева с туманного Альбиона посадили на трон Иордании.

Однако в Палестине Черчилль чувствовал себя далеко не так уверенно. Он считал своим долгом и по отношению к арабам, и по отношению к евреям примирить эти два народа. С одной стороны, Уинстон официально подтвердил, что Лондон намерен соблюдать Бальфурскую декларацию 1917 года, а именно: организовать, согласно данному обязательству, еврейский национальный центр в Палестине. Это заявление, гарантировавшее защиту прав евреев, иммигрировавших в Палестину, вызвало бурю протеста у арабов. С другой стороны, Уинстон жестоко разочаровал сионистов, признав права арабов-палестинцев на еврейской территории. Надо признать, что здесь Черчилль столкнулся с неразрешимой задачей.

Что же касается политики, проводимой Черчиллем в бассейне Эгейского моря, то здесь взгляды министра по делам колоний и премьер-министра полностью разошлись. Ллойд Джордж никак не хотел ущемлять интересы Греции, Черчилль же греков ненавидел. В Турции Ататюрк он видел оплот стабильности Восточного Средиземноморья, а также

надежный бастион, который при необходимости защитит цивилизованный Запад от Советского Союза и большевистской угрозы.

Надо сказать, что Африка по-прежнему будоражила воображение Уинстона. Он сравнивал этот богатейший континент, населенный смирными аборигенами, с пустынями Ближнего Востока, орошаемыми кровью, и, честно говоря, не испытывал ни малейшей симпатии к арабам. «В Африке, — заявлял он, — народ послушен, а земля плодородна; в Месопотамии же и на Ближнем Востоке земля бесплодна, а народ кровожаден. Вложив в африканский континент немного денег, можно получить большую выгоду, а в Аравию сколько ни вкладывай — останешься у разбитого корыта». В то же время ничто не могло поколебать глубоко укоренившегося расизма Черчилля. И он стал проповедовать сегрегацию в таких странах, как Кения, например. Уинстон считал, что белые должны жить там отдельно и на хороших землях, поскольку «демократические принципы Европы не применимы к пути развития, по которому идут народы Азии и Африки»^[126].

*

Неожиданно осенью 1922 года в британском политическом мире произошло «землетрясение», к которому никто не был готов. В результате этого катаклизма Ллойд Джордж был смещен со своего поста, коалиционное правительство распущено, а Черчилль отстранен от власти. Причиной тому были два события. В Чанаккале разразился дипломатический кризис и, хотя продлился он недолго, последствия имел серьезные. А в самой Британии взбунтовались депутаты-консерваторы.

Коалиция, управлявшая страной под чутким руководством Ллойда Джорджа начиная с выборов 1918 года, начала за здравие, однако очень быстро утратила свой боевой настрой и популярность. Она увязла в политической трясине, в которой все уютнее и уютнее чувствовал себя премьер-министр. Ведь недаром Ллойда Джорджа упрекали в изощренном коварстве, только мешавшем общему делу. Тем не менее Черчилль, сознавая всю серьезность создавшегося положения и несмотря на частые ссоры с Ллойдом Джорджем, остался верен своим убеждениям и продолжал пылко защищать правящую коалицию. Увы, правительство полностью дискредитировало себя, пороха в его пороховницах не осталось, и разразившийся в октябре 1922 года кризис послужил катализатором для объединения всех оппозиционных сил против Ллойда Джорджа,

истощившего терпение окружающих своим коварством.

Что же касается дипломатического кризиса, то он был вызван новой вспышкой хронического конфликта между Грецией и Турцией. Внезапно турецкое правительство Мустафы Кемаля Ататюрка, выведенное из себя притязаниями на Малую Азию греков, неизменно и безрассудно поддерживавшимися Ллойдом Джорджем, направило свою армию разбить греческие войска. Затем воины ислама должны были начать продвижение к побережью Дарданелл, которое удерживали британские войска, в частности, к городу Чанаккале, и там ожидать подписания мирного договора.

Положение было столь щекотливое, что в любой момент могла разразиться война. Поэтому меры, которые принимал премьер-министр, пытаясь разрешить конфликт, неизменно встречали резкую критику, несмотря на то, что кризис так же быстро сошел на нет, как и возник.

В связи с этим в лагере консерваторов произошло восстание. Рядовые члены партии и кое-кто из деятелей второго плана, таких, как Болдуин, взбунтовались против тори-корифеев. Таким образом, Ллойд Джордж лишился большинства своих «заднескамеечников»^[22]. Премьер-министру не оставалось ничего другого, кроме как направить королю прошение об отставке вечером того же дня, в который разразился политический кризис, — 19 октября 1922 года, и объявить избирателям о незапланированных выборах в законодательное собрание...

Черчилль, в свою очередь, не смог принять деятельного участия в этих бурных событиях. 17 октября у него случился приступ аппендицита и его срочно прооперировали. В те времена восстановительный период после операции по удалению аппендицита был очень долгим. Из больницы Уинстон вышел 1 ноября, а избирательную кампанию в своем округе Данди начал лишь 11 ноября, за четыре дня до выборов. Поскольку кандидат Черчилль отсутствовал, Клемми пожертвовала собой и решила провести агитационную работу без него. Ей помогал генерал Спирс, у которого был свой избирательный округ. Преодолевая враждебность и агрессивность обывателей, считавших Уинстона виновником войны, непредсказуемым и легкомысленным болтуном, Клемми мужественно пыталась защитить честь своего мужа, не боялась встречаться лицом к лицу с возбужденной толпой.

Когда Уинстон приехал в Данди, он был еще слишком слаб. Напрасно тратил он остатки своей энергии на пламенные речи, ничто не помогало. Все усилия пропали даром, встречное движение было слишком сильным. После голосования выяснилось, что соперники Уинстона ушли далеко вперед, — он потерпел обидное поражение. Однако когда его друг Т. Е.

Лоуренс выразил ему свое разочарование, понося на чем свет стоит избирателей Данди, «этих мерзавцев и недоносков», проваливших своего депутата, сам Уинстон проявил истинное великодушие. «Если бы Вы знали, — писал он одному из своих бывших коллег по правительству, — в каких ужасающих условиях живут обитатели этого городка, Вы были бы к ним снисходительнее»^{127}. А некоторое время спустя он шутливо подытожил свои неудачи: «В мгновение ока я остался без министерства, без депутатского кресла, без партии и без аппендицита»^{128}.

Тогда Черчилль решил переждать полосу неудач. Отпраздновав 30 ноября свое сорокавосемилетие, он отправился на юг Франции, где решил провести полгода, занимаясь живописью и сочинительством на вилле «Золотая мечта» в прекрасных окрестностях Канн.

Глава четвертая

ПО ПУТИ ОШИБОК

1922–1939

Одиночество актера, оставшегося без роли:

1922–1924

Черчилль тяжело переживал приключившееся с ним осенью 1922 года несчастье. В считанные дни от него все отвернулись, изгнали его с политической сцены. Он лишился своих избирателей, и впервые за двадцать два года для него не нашлось места в палате общин. Тем временем консерваторы, лейбористы и либералы, поддерживавшие Асквита, открыто поздравили друг друга с поражением злосчастного Черчилля.

Мы располагаем несколькими свидетельствами, согласно которым он в то время был как никогда мрачен и подавлен. Все грандиозные планы рухнули, и сам он не сомневался, что вот теперь-то «его карьера кончена навсегда»^{129}. Слабым утешением Черчиллю служил орден Славы, пожалованный ему королем. Об этом перед Его величеством ходатайствовал Ллойд Джордж незадолго до своей отставки. Впрочем, забвение, в которое погрузился Черчилль, было не полным. Первый том «Мирового кризиса» вышел в апреле 1923 года, второй том — в октябре, снискав своему автору заслуженную похвалу и вызвав оживленную полемику. Тем не менее те шесть месяцев, что Черчилль провел на Лазурном Берегу, были самыми тихими в его жизни.

Однако Черчилль переживал не только из-за того, что остался в стороне от государственных дел, в конце концов политик должен быть готов к такого рода случайностям, тем более что фортуна всегда может вновь обратить к нему свое лицо. Именно это и случилось с нашим героем: осенью 1923 года он вернулся в политику. Пока же его больше всего печалило собственное бессилие. Он не смог внушить доверия, не смог убедить избирателей в своей правоте. Конечно же, никто не сомневался в его дарованиях, в его мужестве, в его порядочности. Он, бесспорно, был

талантливым министром, оратором и писателем. Однако при этом Черчилль постоянно стремился выставить себя в выгодном свете, завладеть вниманием публики и тем самым испытывал терпение окружающих. К тому же его считали безответственным, лишенным здравого смысла человеком, склонным к крайностям, и он ничего не мог с этим поделать.

Рядом с ним все время приходилось быть начеку, поскольку никто не знал, куда в следующий момент занесет велеречивого оратора. Одним словом, отношения Черчилля с окружающими сводились к простой формуле: сила отторжения равна силе притяжения. Казалось, ему никогда не удастся преодолеть это препятствие. Ведь в политическом мире Британии основными правилами игры были прагматизм и умение найти компромисс. К тому же правительство рассчитывало хоть какое-то время пожить спокойно — теперь, когда голубь мира наконец вернулся в Европу. А потому зачинщик беспорядков, в любую минуту готовый подать сигнал к атаке, был непозволительной роскошью на скамье министров в Вестминстере.

Несмотря ни на что, в затворничестве Черчилля были и положительные моменты. Оно совпало с периодом смуты и беспорядка в политической жизни Великобритании. Традиционная двухпартийная система дала трещину — враждебные группировки внутри консервативной и либеральной партий поносили друг друга, в то время как лейбористы уверенно шли вперед, хотя им и не удалось ни набрать большинства голосов, ни выработать более или менее достойной доверия программы. Все это свидетельствовало о нестабильности и несостоятельности существующей системы, а также о растерянности граждан.

За три года — с ноября 1922-го по октябрь 1924-го — англичане трижды избирали депутатов в парламент. За период с октября 1922 года по январь 1924-го сменилось двое консервативных премьер-министров — Бонар Лоу и Болдуин. К власти пришло лейбористское правительство меньшинства, которое возглавил Рамсэй Макдональд и которое управляло страной с 22 января по 3 ноября 1924 года. К тому времени в палату общин вернулось дружное консервативное большинство, была восстановлена традиционная двухпартийная система и налажено нормальное функционирование всех институтов власти. Таким образом, Черчилль, успевший за время смуты вернуться в лоно тори, имел под ногами твердую политическую почву и к тому же не был замечен в хитрых маневрах партий, в сложных интригах и других не достойных государственных мужей играх 1922–1924 годов.

Осенью 1923 года, во время экономической разрухи, премьер-министр

Болдуин решил поставить на всенародное голосование вопрос о возврате к протекционизму. Это не могло оставить Черчилля равнодушным, и он вновь оказался на политической арене в качестве защитника свободы торговли — правого дела, за которое он боролся вот уже двадцать лет. Ему предложили выставить свою кандидатуру в округе Лейчестер Уэст как представителю либералов-фритрейдеров^[23] (либералы Асквита и Ллойда Джорджа к тому времени помирились и вновь стали одной сплоченной партией). Черчилль по обыкновению с большим усердием взялся за избирательную кампанию, чтобы, оказавшись в парламенте, иметь возможность сражаться против таможенной реформы, или протекционизма, за который ратовали консерваторы. Впрочем, его усилия скорее были направлены против социализма лейбористов, нежели против партии консерваторов. Выборы Черчилль проиграл, но зато вернулся в общество государственных деятелей полноправным членом, его имя вновь крупными буквами написали на политической афише, в то время как консерваторы также потерпели поражение на этих выборах.

Далее, в январе 1924 года либеральная партия решила поддержать в палате общин правительство лейбористов во главе с Джеймсом Рамсэем Макдональдом. На этот раз Черчилль не выдержал и окончательно порвал с либералами. Он только недавно присоединился к антисоциалистической лиге и теперь открыто выступил против союза либералов и лейбористов, который считал противоземным «безобразем», порчей «национального достояния». Он даже попытался, правда, безуспешно, привлечь на свою сторону правых либералов, враждебно настроенных по отношению к лейбористам.

Отныне ничто не мешало обращению, или возвращению, отступника в веру тори. Этому Черчилль посвятил всю свою энергию и даже разработал специальную стратегию на 1924 год. Неоценимую услугу ему оказал сам Болдуин, лидер консервативной партии. В феврале 1924 года он неожиданно заявил, что консерваторы больше не будут настаивать на возврате к протекционизму. Таким образом, было устранено главное препятствие, мешавшее Черчиллю вернуться к тори.

В действительности это примирение произошло не в одночасье. Какие-то едва заметные признаки позволяли надеяться на скорое возвращение блудного сына в родные пенаты. Уже в марте 1922 года Бивербрук заметил: «Все подталкивает Черчилля к правым. Самые его принципы становятся все более схожими с принципами тори»^{130}. Да и сам «блудный сын» постепенно пришел к выводу, что в глубине души всегда оставался

консерватором и что только обстоятельства вынудили его встать под знамена либералов, тогда как его истинное призвание — быть тори-демократом^{131}, как и его отец.

Чтобы ускорить события, Черчилль стал подыскивать себе избирательный округ, в котором он мог бы выставить свою кандидатуру на частичных выборах как противник социализма от консервативной партии. Случай представился в марте 1924 года. Он нашел свой округ в самом сердце Лондона, в Вестминстерском аббатстве. Черчиллю так и не удалось заручиться официальной поддержкой консерваторов, и он баллотировался как независимый кандидат — противник социализма. После короткой, но яркой и широко разрекламированной избирательной кампании Черчилль все-таки потерпел поражение, хотя, надо сказать, его соперник победил с небольшим преимуществом — всего сорок три голоса.

Для Черчилля это было большое разочарование, тем более что он третий раз подряд провалился на выборах, хотя считал, что победа у него в кармане. Соперник Черчилля лейборист Феннер Брокуэй так описывал его: «Вечером, когда уже были известны результаты, Черчилль ходил с низко опущенной головой, нетвердо держался на ногах, он походил на загнанного зверя»^{132}.

Здесь стоит задуматься, какую цель преследовал Черчилль, ведя беспощадную войну с лейбористами? Как далеко зашел он в своей тактике и риторике? Действительно ли он считал, что красная угроза нависла над Великобританией, что вирус социализма появился в стране неспроста и что очаг инфекции — большевистская Россия? Одно мы можем сказать наверняка: Черчилль был убежден в том, что растущая популярность лейбористов ставит под угрозу будущее страны. Но его опасения вовсе не означали, что в Британии вот-вот произойдет революция. Не следует забывать, что Черчилль по сути своей был актером, он просто скрупулезно следовал рисунку своей роли. Ведь не мог же он обмануться, с его-то чутьем! Не мог же он действительно верить в то, что «правоверное», реформистское до мозга костей лейбористское движение заражено революционным вирусом! Не мог же он видеть в лидерах лейбористов — Макдональде, Сноудене, Дж. Г. Томасе — одержимых демоном разрушения и насилия фанатиков!

На самом деле все было совсем не так. От успеха лейбористов у Черчилля было два «универсальных средства». Он считал, что спасти страну может только союз, если не слияние прогрессивных консерваторов и наиболее дальновидных либералов. Единственно возможной и лучшей

стратегией в борьбе с лейбористами ему представлялась политика социальных реформ. Иначе говоря, необходимо было строить дома, улучшать санитарные условия проживания, повышать уровень благосостояния граждан, смело вступать в переговоры со здравомыслящими лидерами тред-юнионов.

Таким образом, Черчилль потихоньку подбирался все ближе к лагерю тори. Правда, Клемми относилась к этому несколько настороженно, ведь она всегда была убежденной сторонницей либералов. Верная Клементина предупреждала мужа: «Не позволяй тори купить тебя за бесценок. Они с тобой так плохо обошлись и должны дорого заплатить за твои унижения»^{133}. Поведение Черчилля вызывало нарекания и у консерваторов. Многие из них считали его вполне сносным политиком, раз он так яростно боролся с социализмом и коммунизмом, другие же называли Черчилля хамелеоном и бессовестным карьеристом.

Летом 1924 года консервативная партия Эппинга, богатого лондонского пригорода, заключила с ним тайную сделку и предложила ему баллотироваться от округа Эппинг на предстоящих выборах. Отныне этот пригород стал избирательным округом Черчилля. Между тем правительство Макдональда оказалось в меньшинстве и 8 октября 1924 года ушло в отставку, ускорив таким образом ход событий. Черчилль не предполагал, что это произойдет так быстро, и вот 29 октября кандидат от консервативной партии Черчилль был избран со значительным преимуществом в Эппинге. Он получил вдвое больше голосов, чем его соперник, представлявший партию либералов.

Черчилль вернулся не только в Вестминстер, он вернулся в правительство. Болдуин, ставший премьер-министром, рассудил, что лучше заручиться поддержкой ловкого отпрыска Мальборо, нежели записать его в число своих врагов. И он предложил ошеломленному и себя не помнящему от счастья Черчиллю занять пост министра финансов — пост, который когда-то занимал лорд Рандольф. Официально Черчилль был назначен на этот пост 6 ноября 1924 года. В тот же день он переехал в дом 11 по Даунинг стрит.

Министерство финансов

В британской политической иерархии пост министра финансов был наиболее значимым. По своей значимости он уступал разве что посту премьер-министра. При случае министр финансов мог даже наследовать

премьер-министру. Таким образом, Черчилль вышел на новый виток своей политической карьеры. Он вернулся в лоно своей законной семьи, присягнув в верности «исконно правительственной партии». В период с 1918 по 1939 год консерваторы находились у власти в течение восемнадцати лет. Итак, Черчилль снова пошел в гору. Тогда в Вестминстере стали задаваться вопросом: как высоко он поднимется?

Пока же новоиспеченный министр финансов посвятил всего себя, всю свою недюжинную энергию исполнению своих обязанностей. Мало кто верил в то, что Черчилль окажется таким способным казначеем. Впрочем, только-только вернувшись в лоно тори, он осознал, что теперь не время заниматься дерзким прожектерством. Больше того, несмотря на то, что министерство финансов отделяла от других министерств довольно прозрачная граница, Черчилль, вопреки своим прежним привычкам, поостерегся вторгаться во владения коллег и посягать на их обязанности.

Его честолобивая цель состояла прежде всего в том, чтобы сделать из министерства финансов не только орудие грандиозной макроэкономической политики, способной вернуть стране былое величие и процветание, но и инструмент открытой, смелой социальной политики, политики реформ и прогресса. И он пытался снизить налог на прибыль, тяжким бременем довлевший над работающим производителем — средним классом, за счет усложнения прав наследования. Иначе говоря, Черчилль проводил политику, стимулировавшую трудовые доходы в ущерб доходам с недвижимости и денежного капитала. Кроме того, он прилагал все усилия, чтобы добиться увеличения размеров социального страхования. Таким образом, Черчилль продолжил благое дело, начатое им еще в 1908–1910 годах и направленное на улучшение положения простых британцев.

В правительстве потенциальными соперниками, или даже противниками, Уинстона были премьер-министр Стэнли Болдуин и министр здравоохранения Невилл Чемберлен, проголосовавший против кандидатуры Черчилля при формировании кабинета. Однако покуда между ними и министром финансов царили мир и согласие. Правда, Болдуин, доминировавший на политической арене с 1922 по 1937 год, был человеком новым и не держал зла на Черчилля, чего нельзя было сказать о других лидерах консервативной партии, хорошо помнивших и о его радикализме, особенно ярко проявлявшемся до 1914 года, и об ирландском деле.

Черчилль и Болдуин когда-то учились в одном колледже — Хэрроу Скул. К тому же оба они были приверженцами прогрессивного торизма, а также убежденными сторонниками политического курса, равноудаленного от любых крайностей. Тем не менее трудно было представить себе более

разящий контраст, чем тот, который являли собой эти два человека, два лидера, воплощавших два совершенно разных политических стиля. Черчилль был патрицием, принадлежавшим к одной из знатнейших британских фамилий, открытым, ярким человеком, который не лез за словом в карман, неутомимым путешественником. Он любил коньяк и сигары, обладал широким кругозором, у него было множество самых разных интересов и увлечений, не говоря уже о страсти к политике, которая буквально снала его и приводила в движение весь черчиллевский механизм. Болдуин же был выходцем из промышленной буржуазии, его семья владела металлургическим заводом в Ворчестершире. Однако он предпочел разыгрывать джентльмена-фермера, типичного среднестатистического англичанина, обладающего большим запасом здравого смысла и склонного к компромиссу. Этот джентльмен любил деревенскую тишину, носил спортивный костюм и не расставался со своей трубкой. Болдуин стремился закрепить за собой образ прирожденного миротворца, несмотря на то, что ему порой приходилось быть не менее суровым и жестким, чем сам Черчилль. Словом, с одной стороны перед нами человек с чувством меры, но средней одаренности, с другой — человек, у которого чувство меры отсутствовало совершенно, но он был гением.

Что же до Невилла Чемберлена — восходящей звезды партии консерваторов, то его ежедневное сотрудничество с министром финансов с самого начала носило дружеский характер. Обоих партнеров отличал реалистичный подход к делу, забота об эффективности принимаемых ими мер, и их тандем, в котором преобладал дух взаимодействия, был безупречен. Проработав таким образом несколько месяцев, министр здравоохранения (Чемберлен сам был министром финансов в правительстве Болдуина в 1923 году) выразил премьер-министру свое удовлетворение поведением Черчилля, а также его работой в министерстве финансов: «Там он на своем месте, не плетет интриг и не пытается навязывать свою волю»^{[134](#)}.

В действительности в 1924–1925 годах экономика Британии внушала большие опасения главному казначею Королевства. После Первой мировой войны основы промышленного и торгового господства Соединенного Королевства были основательно расшатаны тремя новыми факторами, грозившими обернуться в будущем серьезными осложнениями. Во-первых, традиционные отрасли британской промышленности переживали кризис. Речь идет об основных видах производства, на которых некогда покоилось

величие Англии, главным образом о трех «гигантах викторианской эпохи» — угольной, текстильной и кораблестроительной отраслях промышленности. Во-вторых, конкуренция с такими новичками, как Соединенные Штаты и Япония, увеличила на внешнем рынке дефицит торгового баланса, который больше не возмещался незримыми доходами, как это было до войны. Все это усугубляло упадок старых отраслей промышленности, несмотря на мощный рывок вперед новых отраслей, таких, как химическая, автомобилестроительная и авиационная отрасли. Наконец, в-третьих, с каждым днем росла опасность того, что Соединенные Штаты свергнут-таки с престола лондонский Сити и займут его место, став новыми мировыми банкирами.

Само собой разумеется, этот кризис отразился и на социальной сфере. Структурная безработица стала постепенно превращаться в характерную особенность жизни островитян, так же как и неизменные спутники ее — нищета, страдания и стихийный протест. В 1922 году в Лондоне разгневанные безработные сорвали церемонию празднования годовщины подписания перемирия. Они несли венок, на ленте которого было написано: «От оставшихся в живых жертв безработицы тем, кто напрасно пролил свою кровь».

Итак, согласно действующей политической концепции, а именно либеральной ортодоксии, свободный товарооборот на рынке должен был выровнять спрос и предложение. Но вот беда — все попытки официальных властей повлиять на уровень спроса оканчивались плачевно. А потому следовало резко сократить общественные расходы, значительно урезав государственный бюджет и избрав курс на дефляцию. Такова была политическая линия, которой придерживалось правительство консерваторов и которую Черчилль решительно проводил в жизнь.

В то же время экономисты либерального толка утверждали, что целесообразнее было бы как можно скорее вернуться к сильной и надежной национальной валюте, столь привлекательной для заемщиков, восстановить золотое обеспечение фунта, упраздненное в 1919 году, а также равенство доллара и фунта по курсу 1914 года. Таким образом, английский фунт стерлингов смог бы вновь выполнять посреднические функции между валютами других стран и золотом, а лондонский Сити — отвоевать и закрепить свою гегемонию. Тогда банкиры-заимодавцы вернули бы себе свое «орудие производства», в то время как возвращение Сити статуса мирового валютного рынка способствовало бы процветанию банковского дела, системы страховых компаний и навигации.

Вот почему вопрос о возвращении к золотому стандарту (*Gold*

Exchange Standard), а также к обратимости фунта доминировал на всех без исключения прениях в Уайтхолле. Перед тем как принять историческое решение, Черчилль проконсультировался не только с экспертами министерства финансов, но и с самыми высокопоставленными чиновниками-экономистами, включая преподавателей экономики из английских университетов, таких, как Кейнс, например. Со стороны Английского банка и, в частности, со стороны его управляющего Монтегю Нормана, ратовавшего за золотой стандарт, давление было очень сильное. В конце концов жребий был брошен, и 28 апреля 1925 года, впервые представляя бюджет, министр финансов в конце своей блистательной речи, сопровождавшейся обилием аргументов, объявил о возвращении к золотому стандарту и ревальвации фунта.

Известно, как сурово было осуждено это решение Черчилля. В течение полувека в условиях повсеместного распространения идей Кейнса в адрес главного казначея раздавались многочисленные запелляционные выпады. Тем более что последовавшие вслед за этим историческим решением события, казалось, оправдывали безжалостную критику действий министра финансов, высказанную самим Кейнсом в памфлете «Экономические выводы мистера Черчилля». К тому же эта мера не пользовалась популярностью, поскольку далась слишком дорогой ценой гражданам Британии^{135}: она способствовала повышению валютного курса, тем самым усугубив безработицу, к тому же отныне большее внимание уделялось прибыли, полученной от внешней торговли, нежели созданию рабочих мест и развитию национальной промышленности.

Тем не менее нужно подчеркнуть, что мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 году, уничтожил прежде всего те преимущества, на которые можно было бы рассчитывать с возвращением надежного фунта стерлингов. К тому же возврат к золоту вовсе не был причиной всех тех губительных последствий, которые с того времени охотно перечисляли недруги Черчилля.

Парадокс заключался в том, что Уинстон первым признал свою вину. «Это была самая большая оплошность в моей жизни», — сказал он своему врачу сразу после Второй мировой войны^{136}. Но в чем не приходится сомневаться, так это в том, что в экономике, да и в других областях Уинстон оставался либералом гладстоновского толка, как он сам признался несколько лет спустя: «Я был последним ортодоксальным министром финансов викторианской эпохи»^{137}. И действительно, это объясняет, почему в 1925 году Черчилль сделал такой выбор — выбор,

продиктованный в равной степени геополитическими и экономическими соображениями. Ведь, по словам Питера Кларка, викторианская финансовая ортодоксальность подразумевала не одну лишь справедливость и добродетель, но также была неразрывно связана с идеей национального величия^{138}. В XIX веке в самом деле британское господство, распространившееся по всему земному шару, покоилось на финансовой гегемонии лондонского Сити, военно-морском флоте и империи. Одним словом, в сражение 1925 года казначей Черчилль вступил вовсе не оттого, что был педантичным доктринером, но человеком, твердо верившим в свои убеждения.

*

Первые последствия принятия «золотого стандарта» дали себя знать уже в 1925–1926 годах — возникли перебои с экспортом, а также обострился хронический кризис в угольной промышленности. Символично, что вот уже несколько лет противостояние труда и капитала было особенно напряженным в этой ключевой отрасли. К тому же профсоюз шахтеров (Miners' Federation), возглавляемый решительно настроенным активистом Артуром Куком, которого ненавидели хозяева и обожали рабочие, выступал в роли ударной группы рабочего движения. Тем не менее на данном этапе позиция Черчилля оставалась сдержанной. «Моя цель, — утверждал он на встрече с банкирами, — сгладить шероховатости классовых отношений и восстановить гармонию в обществе»^{139}. Поэтому для начала он решил поддержать председателя следственной комиссии по делам угольной промышленности Герберта Сэмуэла в его поисках компромисса.

Однако среди хозяев шахт и консерваторов нашлось немало желающих проучить тред-юнионы и даже вовсе их уничтожить. Как следствие, началась подготовка к решающему столкновению, в котором смешались социальный страх, ожесточенная классовая борьба и врожденная законопослушность британского общества, присущая всем без исключения гражданам Англии, начиная с участников лейбористского движения. Правда, временами казалось, что вновь наступила эра «двух наций» по Дизраэли^{140}. И тем не менее до социальной революции — этого пугала, которым без конца грозили консерваторы и прочие реакционеры, было еще далеко.

4 мая 1926 года началась всеобщая забастовка, объявленная конгрессом тред-юнионов в знак солидарности с шахтерами, прекратившими работу 1 мая. Черчилль сразу же различил два аспекта в происходящем. Политический аспект: на его взгляд, всеобщая забастовка была неприемлемым вызовом, брошенным профсоюзами законному правительству, ответственному перед народом. И в этом случае не могло быть и речи о том, чтобы пойти с дерзкими смутьянами на компромисс. Технический аспект: нельзя было не признать того факта, что в угольной отрасли существует социальный конфликт, который нужно разрешить, по возможности достигнув примирения сторон.

На тех же позициях стоял и премьер-министр, приводивший тот же аргумент, что и министр финансов. Кто управляет Англией — всенародно избранный парламент и сформированное на его базе правительство или же профсоюзы, которые не представляют никого, кроме самих себя? Не противоречит ли конституции намерение подменить власть, опирающуюся на всенародное голосование, властью тред-юнионов? Но если Болдуин осторожно касался этой темы и, что особенно важно, ловко пытался разъединить противников, отделив склонное к компромиссу умеренное большинство конгресса тред-юнионов от непреклонного меньшинства упрямцев, то воинственно настроенный Черчилль, охваченный жадой сражения, все портил. Вопреки своим планам он добился лишь сплочения забастовщиков в единый блок да к тому же навлек на себя гнев и хулу рабочего класса. В одночасье «синдром Тонипэнди» вновь дал о себе знать, усугубленный новыми обвинениями в кровожадности. Репутация врага народа надолго закрепилась за Черчиллем.

Кое-кто даже утверждал, что внутри правительства Болдуина Черчилль вместе с двумя-тремя другими министрами организовал «военную кампанию» против профсоюза шахтеров. Однако нет никаких оснований верить этому утверждению. Напротив, как только забастовка прекратилась (конгресс тред-юнионов остановил ее 12 мая — это была настоящая безоговорочная капитуляция, одни лишь шахтеры мужественно держались целых шесть месяцев, претерпевая жесточайшие лишения), Уинстон Черчилль попытался найти для профсоюза шахтеров достойный выход из положения. Он хотел дать «чумазым» возможность возобновить работу. Однако на этот раз непреклонность хозяев шахт помешала торжеству компромисса.

Как бы то ни было, на протяжении всей недели с 4 по 12 мая 1926 года — недели, когда напряжение достигло своего апогея, военный, даже милитаристский дух Черчилля в сочетании с рецидивным желанием

остаться в памяти потомков эдаким эпическим героем заставили его пожертвовать политической целесообразностью в угоду воинственному пылу и предстать в роли опасного экстремиста. Впрочем, эту роль ему приписали без достаточных на то оснований. «Мы находимся в состоянии войны, — ни с того ни с сего заявил он секретарю правительства. — Поэтому нам нужно идти до конца»^[141]. Кроме того, его роль была тем более яркой, что Болдуин, желая обуздать министра финансов, назначил его главным редактором «Бритиш Газетт». Эта газета была создана за отсутствием обычной проправительственной прессы, в ней давалась официальная версия происходящих событий. Словом, это была агитационная газета, выражавшая интересы власти. Черчилль, основательно взявшийся за исполнение новых обязанностей, сразу же сделал стиль газетных статей резким и агрессивным, словно он был главнокомандующим армией, усмирявшей повстанцев.

Черчилль так увлекся, что потерял всякое политическое чутье. Например, он не извлек никакого урока из футбольного матча, состоявшегося в Плимуте. Тогда на поле вышли команды полицейских и забастовщиков. Этот матч символизировал честную игру, миролюбивую, со здоровой долей спортивного азарта, в которую народ играл, невзирая на острейший кризис. В довершение рассказа о вторжении министра финансов в мир массовой информации стоит добавить, что он к тому же умудрился вступить в конфликт с Би-би-си. Ведь одержимый своими бестолковыми порывами, Черчилль захотел сделать из корпорации орган правительственной пропаганды, тогда как генеральный директор Джон Рейт был твердо намерен сохранить независимость.

Словом, всеобщая забастовка 1926 года вовсе не способствовала укреплению авторитета Черчилля, а лишь упрочила закрепившуюся за ним в политических кругах репутацию беспокойного и взбалмошного политика. Народ же, со своей стороны, уяснил себе, что Черчилль — *представитель капитала и враг рабочего класса*.

*

Однако министр финансов по-прежнему занимал прочную позицию в правительстве и парламенте. Представленные им государственные бюджеты вплоть до 1929 года были технически грамотными и политически хорошо аргументированными, неизменно получали лестные оценки, хотя и не помогли снизить уровень безработицы. В этом отношении провал

политики министра финансов был очевиден. Впрочем, в близком кругу Черчилль выражал сомнения в том, что возврат к «золотому стандарту» принесет положительные результаты. И все-таки несмотря ни на что, благодаря своему опыту, а в еще большей степени силе своей личности, Черчилль по-прежнему оставался доминирующей фигурой на британской политической арене. Эттли не без основания сравнивал его с «Эверестом среди песчаных холмов» кабинета Болдуина.

Тем не менее черная кошка пробежала-таки между Черчиллем и другой заметной фигурой правительства Болдуина — Невиллом Чемберленом. Последний так же, как и министр финансов, мог законно претендовать на трон Болдуина, который однажды освободится. Приблизительно в 1928 году между соперниками не раз возникали трения, как политического, так и личного характера. Нужно сказать, что Черчилль и Чемберлен были антиподами друг друга. Бесцветная политика министра здравоохранения основывалась на грамотном управлении, компетенции и эффективности. Чемберлен руководил министерством, словно это было семейное дело или большой город вроде Бирмингема, управление которым требует особых технических навыков. Политика Черчилля была, напротив, честолюбивой и широкомасштабной, в ней присутствовала доля романтики, он верил, что творит историю, он исходил из великого предназначения Британии и Британской империи. Сухим терминам Чемберлена Черчилль противопоставил магию живого слова. Здравому смыслу — богатое воображение. Ограниченной нуждами сегодняшнего дня мысли — мечты о грандиозном будущем. Заурядным муниципальным представлениям — взгляд государственного и общепланетарного масштаба, взгляд человека, способного принести счастье людям.

В 1929 году, когда выборы в законодательное собрание были уже не за горами, консерваторы гордились результатами проделанной ими работы. Однако их перспективы на выборах были не такими уж радужными, ведь к тому времени проблема занятости населения вышла на первый план. С одной стороны, либералы, сплотившиеся вокруг Ллойда Джорджа и заручившиеся интеллектуальной поддержкой Мэйнарда Кейнса, перешли в наступление со своей новой программой, сулившей им победу: «Мы можем победить безработицу» (*We can conquer unemployment*). С другой стороны, лейбористы пустились в предвыборную кампанию с попутным ветром. По признанию самого Черчилля, предвыборная гонка, развернувшаяся весной 1929 года, на поверку оказалась самой бесцветной из тех, что выпали на его долю. И тем не менее одно нововведение в этой кампании все же было: впервые на выборах кандидаты прибегли к помощи радио. Министр

финансов обратился к соотечественникам по радио с краткой речью, в которой блеснул своим риторическим талантом.

Выборы состоялись 30 мая, и если сам Черчилль был переизбран в Эппинге без особого труда, то в целом консерваторы потерпели поражение. Большинство мест в парламенте досталось лейбористам, из числа которых и было сформировано правительство Рамсэем Макдональдом. Таким образом, в возрасте пятидесяти четырех лет Черчилль вновь лишился министерского портфеля и был отстранен от власти. На целых десять лет.

Трудный переход через «пустыню»:

1929–1939

Биографы Черчилля окрестили период с 1929 по 1939 год — период, когда Черчилль был лишен власти, — «годами пустынного одиночества» (*wilderness years*). Это были десять черных лет, совпавших с десятилетием кризисов на мировой арене — «дьявольским десятилетием» (*the devil's decade*), приведшим к войне. Однако сегодня историки перестали окрашивать тридцатые годы исключительно в черные тона. Тем не менее, пожалуй, не следует отказываться от классической метафоры «пустыня», которой обозначали этот тяжелый период в жизни Черчилля. Парадокс заключается в том, что соавтор официальной биографии Черчилля Мартин Гилберт, написав книгу, также озаглавленную «Годы пустынного одиночества» (*The Wilderness Years*), поставил под сомнение это название и предложил вместо него другое — «Населенная пустыня» (*Inhabited desert*). В оправдание этой замены он привел следующий аргумент: на протяжении всех этих лет Черчилль вовсе не оставался в стороне от политики, он продолжал принимать активное участие в общественной жизни и не позволял предать забвению свое имя, скорее, наоборот^{142}.

По правде говоря, такой довод не очень-то убедителен. Прежде всего потому, что в течение этого десятилетия Черчилль не просто не занимал никакого поста в правительстве — политическая братия его отвергла вовсе, можно сказать, объявила ему бойкот, причем сделала это грубо, унизив его. Затем нужно учитывать и то, как он сам переживал и что говорил об этих годах «домашнего ареста». Он, несомненно, страдал из-за того, что его так бесцеремонно устранили. Для такого талантливого и честолюбивого политика особенно мучительно было сознавать, что в годину сыпавшихся,

как из рога изобилия, бедствий никто не захотел прибегнуть к его способностям. Нельзя не услышать крика, вырывавшегося из самого сердца, раненого сердца. «Увы, сегодня великими державами управляют не самые способные люди»^{143}, — так он писал в одном из своих очерков, посвященных превратностям XX века. Конечно, Уинстон Черчилль сам в силу своего характера своими поступками и поведением внес немалый вклад в свое отстранение от власти — спорить с этим не приходится. Однако это уже другой вопрос, который мы в дальнейшем постараемся прояснить, хотя во многом разгадка кроется в том, что мы уже успели узнать о личности Черчилля и пройденном им пути.

*

После провала на парламентских выборах 1929 года и прихода к власти лейбористов консерваторы вступили в полосу испытаний. Раздираемая внутренними разногласиями между протекционистами и сторонниками свободы торговли, а также личными ссорами партия консерваторов нашла козла отпущения, вычислить которого не составляло особого труда. Итак, кто же оказался повинен в потере консерваторами былой популярности? Ну конечно же, бывший министр финансов. Черчилль был горько разочарован, он осознал, насколько неуместен теперь демократический торизм, а потому суетился и терял терпение. Временами он даже подумывал о пенсии.

Черчилль поочередно занимал все ответственные посты в государстве, кроме одного — самого высокого, и вот теперь понял, что отныне обращать полные надежды взоры в сторону Даунинг стрит было бессмысленно. «Лишь одна цель меня еще привлекает, — писал он своей жене, — но если мне преградят путь, я оставлю это плешиное поле и уйду на новые пастбища». К этому Черчилль добавлял, что если Невилл Чемберлен станет лидером партии, он, Уинстон Черчилль, и вовсе уйдет из политики^{144}. Ведь само собой разумеется, и у Чемберлена, и у Черчилля где-то в подсознании сидела мысль о том, что наследником Болдуина на посту премьер-министра станет кто-то из них двоих.

Однако Черчилль совершил две серьезные ошибки. Прежде всего он недооценил способности «человека с трубкой». С другой стороны, он не отдавал себе отчета в том, что позиция, которую он поторопился занять в отношении индийского вопроса и которая должна была вновь привлечь на

его сторону наиболее закоснелых консерваторов, надолго оттолкнет от него умеренных членов партии, которые тем не менее были ему необходимы как политическая база, особенно если он намеревался соперничать с Чемберленом. На утлом правительственном суденышке Болдуина с 1924 по 1929 год Черчилль и Чемберлен были двумя носовыми фигурами, способными сообщить хоть какое-то движение кораблю и инициировать реформы. Однако перед Черчиллем уже маячил призрак «пустыни», что дало основание журналисту А. Г. Гардинеру, компетентному политическому обозревателю, сравнить его с «крепостью Измаилом посреди пустыни общественной жизни». К тому же злополучному потомку герцога Мальборо пришлось столкнуться с еще одним препятствием — тройной враждебностью: «Его презирали тори, которых он отверг, но к которым вернулся; к нему подозрительно относились либералы, на плечах которых он вознесся на вершину власти; его ненавидели лейбористы, которых он презирал и унижал и которые видели в нем потенциального Муссолини, только и ждущего всплеска реакции, чтобы проявить себя»^[145].

Тем не менее вплоть до конца 1930 года выбор между Черчиллем и Чемберленом не был сделан. И лишь в январе 1931 года Черчилль принял роковое решение уйти в отставку из «теневого кабинета»^[24], тем самым окончательно порвав с Болдуином и с лидерами консерваторов, с которыми он расходился во взглядах на индийскую проблему.

Итак, кости были брошены. Последняя и тщетная надежда вновь привлечь на свою сторону большинство депутатов-консерваторов, чтобы сменить на заветном посту Болдуина, бывшего главой партии тори, рухнула. Черчилль сжег свои корабли.

Многочисленные маневры, осуществленные в последующие недели, в конечном счете лишь упрочили позиции Болдуина и разрешили вопрос о том, кто же станет однажды его наследником. Отныне сомнений больше не было: Невиллу Чемберлену в свое время передаст бразды правления Болдуин. Таким образом, бывшего министра финансов не просто оттолкнули в сторону — перед ним, казалось, навсегда захлопнули заветную дверь: его соперник был лишь на пять лет старше, а это означало, что у Уинстона Черчилля не было ни малейших шансов принять однажды власть из рук Чемберлена, ведь к тому времени ему уже не позволил бы этого возраст. Кроме того, никто и представить себе не мог, что Чемберлен сменит Болдуина лишь в 1937 году. Черчиллю же оставалось лишь ждать за кулисами, во мраке и холоде, своего маловероятного возвращения на

политическую арену.

Историк Чарльз Л. Моуэт удивительно точно передал сложившуюся ситуацию: «На тридцатые годы ставки были сделаны: слепой закон столкновения личностей и политических стратегий установил, кому вершить политику и определять стиль правительства в течение этих десяти лет, а кому держаться в стороне от власти»^{146}. И действительно, в августе 1931 года после кризиса, зажавшего в своих тисках лейбористов, формировалось правительство национального согласия, но за помощью Черчилля, который находился тогда на Лазурном Берегу, никто не обратился. Макдональд и Болдуин попросту решили исключить его из политического процесса. В 1935 году после победы на выборах консерваторов о Черчилле снова никто не вспомнил. В 1937 году Чемберлен, сменивший-таки Болдуина, также не захотел видеть Черчилля в своем правительстве. Его словно бросили на произвол судьбы в зыбучих песках пустыни.

*

По правде говоря, все эти неудачи проистекали из самоубийственной стратегии, которую избрал Черчилль, совершив главную свою ошибку — увидев в индийской проблеме основной нерв британской политики и потому став самым рьяным поборником несменяемого правления «британского» раджи (так в Индии именовали колониальный британский режим). Ведь он вообразил — и это имело губительные последствия для его честолюбивых планов, — что линия разрыва будет проходить отныне между патриотами, дорожившими жемчужиной британской короны, и политиками, готовыми сбить с рук красивейшие земли империи. Для осуществления своих коварных замыслов политики будто бы устроили настоящий заговор — заговор трех, а именно: либералов, лейбористов и вероломных лидеров партии консерваторов.

Осенью 1929 года индийский вопрос принял новый оборот. До сих пор в жизни раджи на субконтиненте не происходило сколь-нибудь важных изменений. Миллионами его подданных управляла горстка британских чиновников и военных. Периоды затишья чередовались с периодами хронических беспорядков, между тем как напор национально-освободительного движения все нарастал. В 1927 году Королевская комиссия под председательством Джона Саймона решила выработать рекомендации касательно дальнейшего управления субконтинентом. Но

вице-король Эдвард Вуд, ставший в 1925 году лордом Ирвином, а в 1934 году — лордом Галифаксом (кроме того, он занимал видное положение в партии консерваторов и был человеком глубоко верующим), не стал дожидаться упомянутых рекомендаций и с согласия премьер-министра Макдональда и лидера оппозиции Болдуина 31 октября 1929 года сделал важное заявление, пообещав Индии статус доминиона. Это вывело из себя Черчилля, и он перешел в группу «инакомыслящих». В статье, опубликованной несколько дней спустя, он горячо утверждал, что было бы преступлением превратить Индию в доминион, что Англия стяжала бы себе новые лавры, вырвав эту «жемчужину Британской империи» из тисков варварства, тирании и кровавых междоусобиц, а потому весь британский народ должен оказать сопротивление и не допустить превращения Индии в доминион^{147}. Нетрудно догадаться, что отныне путь в президиум партии консерваторов был Черчиллю заказан.

Вскоре, впрочем, он пошел еще дальше, ведь в его глазах сохранить Индию означало не дать погибнуть самой Англии. В 1930 году комиссия Саймона пришла к выводу, что в Индии следует учредить представительную форму правления. В сентябре того же года по инициативе правительства лейбористов в Лондоне созвали круглый стол и сразу же объявили о созыве следующего. Тем временем в самой Индии Ганди все активнее призывал к гражданскому неповиновению. Черчилль же, со своей стороны, продолжал яростные нападки на национального индийского лидера, называя его «зловредным фанатиком», заявлял, что не позволит заменить «британского раджу» «Ганди-раджой»^{148}. Неумолимый защитник Империи доказывал, что следовало бы арестовать смутьяна, когда он впервые нарушил закон, поскольку в данном случае репрессии были наиболее уместным средством.

Речь Черчилля все более напоминала речь человека, поддавшегося панике. Он указывал на смертельную опасность, которой были чреваты уступки индийским националистам, и в то же время заявлял, что разрыв между Индией и Великобританией неизбежен. Об этом он, словно трагик со сцены, говорил во время долгого выступления в палате общин: «Теплоход идет ко дну, когда на море полный штиль. Водонепроницаемые переборки поддаются одна за другой. (...) А капитан, офицеры и команда танцуют в салоне под звуки джаз-оркестра»^{149}. Порой сказывалась империалистическая закалка властного англичанина голубых кровей. Например, когда он с удвоенной силой поносил бедного Ганди, изображая его гнусным типом, который «вызывает отвращение, разыгрывая из себя

восточного факира, в то время как сам, полуголый, карабкается по ступеням дворца вице-короля и попирает закон, склоняя честных граждан к неповиновению, — и все это для того, чтобы на равных вступить в переговоры с представителем короля-императора»^{150}.

Как раз в этот момент Черчилль принял, как мы уже знаем, губительное для себя решение выйти из «теневого кабинета». Словом, для него Индия была вовсе не последним шансом, как он воображал, а самым настоящим камнем на шее. Здесь нам впору задаться вопросом, почему он очертя голову пустился в эту авантюру. В действительности, в том, что Черчилль так ошибся, вновь сыграли свою роковую роль два фактора — идеологические убеждения и расчет. Его убеждения были продиктованы ультрапатриотизмом, благодаря которому Черчилль в любой момент был готов произнести высокопарный монолог во славу Империи и развернуть британский флаг. Индия для Черчилля была страной, где правил раджа, которого он видел в юности, страной, где квартировал 4-й гусарский полк, страной, которую так поэтично описал Киплинг. «Эта великая империя — наша, и чтобы сохранить ее, я не пожалею жизни», — писал он на закате викторианской эпохи^{151}. Разве не знаменателен тот факт, что единственная ссора, вспыхнувшая между ним и Рузвельтом — а было это в январе 1942 года в Вашингтоне, — возникла именно из-за Индии? Ведь эта страна была в глазах Черчилля предметом гордости, а Рузвельт видел в отношениях Британии и Индии лишь отвратительный пример бесчеловечности империализма, когда страна-победитель поработала несчастный побежденный народ^{152}.

Расчет Черчилля был, как всегда, замешан на честолюбии и составлял достойную конкуренцию его убеждениям. Потомок славного Мальборо решил было, что его время уже пришло. И напрасно, ведь он надеялся обратить индийский вопрос себе на пользу и сместить Болдуина с поста главы партии. Черчилль также рассчитывал, что таким образом сможет наконец заполучить столь желанный пост премьер-министра. Правда, у него все же было небольшое основание для подобных надежд, ведь многие депутаты-консерваторы, и не только самые правые из них, были враждебно настроены по отношению к политике уступок Индии и потому в душе поддерживали Черчилля. Однако ловкий план Болдуина и большинства партийных лидеров состоял в том, чтобы заставить сомневающихся предпочесть политику постепенных реформ, осторожных и миролюбивых, опрометчивой авантюре. Это звучало тем более убедительно, что в описываемый период Великобританию и без того потрясали

многочисленные внутренние распри. И вот все надежды Черчилля рухнули, в его лагере осталось всего человек сорок сторонников из числа самых ярых реакционеров парламента, благодаря чему между ним и молодыми депутатами, которым принадлежало будущее и которые были свободны от предрассудков, такими, как Гарольд Макмиллан, Энтони Иден или Дафф Купер, разверзлась пропасть. В целом по стране у Черчилля нашлось чуть больше сторонников, и тем не менее по большому счету он все равно оставался в одиночестве. К тому же ни Индийское имперское общество (*Indian Empire Society*), ни Лига в защиту Индии (*India Defense League*) — две группы давления, поочередно созданные им, — не привлекли большого числа сторонников.

Так что когда в 1934 году правительство национального согласия представило свой билль о форме правления в Индии, предусматривавший дарование индийцам самоуправления, было уже слишком поздно, и закон беспрепятственно приняли в 1935 году. Черчиллю не только пришлось признать свое поражение. Индийский вопрос обошелся ему слишком дорого. На него стали смотреть как на отпетого реакционера и бессовестного оппортуниста. Он надолго лишился уважения. Черчилль превратился в человека из прошлого, эдакого закоснелого старомодного викторианца, который ничему не научился и многое успел позабыть. Хуже того — вероятно, безосновательная паника Черчилля в отношении Индии и привела к тому, что на его предупреждения о вполне реальной опасности, исходившей от гитлеровской Германии, мало кто всерьез обратил внимание.

*

К 1935–1936 годам фортуна окончательно повернулась к Черчиллю спиной. В палате общин у двух некогда выдающихся политических деятелей — Ллойда Джорджа и Уинстона Черчилля ныне осталось у первого трое сторонников — его сын, его дочь и его зять, у второго — двое, Брендан Брекен и Роберт Бусби, к которым вскоре присоединился третий — зять Черчилля Дункан Сэндис. Унижения сыпались на голову Черчилля одно за другим, и он чувствовал, как к его горлу подступает комок горечи. Он вновь оказался во власти депрессии, своей «черной собаки». Черчилль все чаще пропускал заседания парламента, а если и присутствовал на них, то ходил взад и вперед, вполуха слушал докладчика, болтал или делал замечания вслух, за что его осуждали многие депутаты. Зато его

ораторский талант ни капли не померк. Когда он вставал со скамьи, чтобы взять слово, никто не знал, на какую мишень направит он в этот раз свои ядовитые стрелы. Греческий король Георгиос II описывал его как «старого, уставшего, озлобленного господина, который сердился, когда его не слушали, сердился, когда его слушали, сердился оттого, что вынужден был оставаться в рядах оппозиции»^{153}.

В действительности теперь, когда споры о судьбе Индии остались позади, Черчилль вновь стал надеяться вернуть себе расположение коллег и даже оказаться в один прекрасный день в правительстве. Однако суровая реальность обманула его ожидания, тем более что раны, нанесенные им или полученные от других, плохо заживали. Он мучился сознанием, что все пришло в упадок: Англия, Европа, демократия и парламентский режим, человеческая добродетель. Нередко он называл своих коллег-консерваторов «насекомыми».

Тем не менее не стоит принимать на веру легенду, усердно распространяемую сторонниками Черчилля, согласно которой он якобы пал жертвой заговора заурядных людишек, уговорившихся держать его на расстоянии. В действительности лишь он один в силу ошибочных расчетов и нетактичного обращения с коллегами-политиками был повинен в своих несчастях. Вновь он сам себе вырыл яму, причем орудиями ему служили его импульсивность, минутные капризы, стремление сделать больше, чем от него требовалось, навязчивая идея идти до конца, доходившая до безрассудства...

Журналист Виктор Джермейне, написавший в то время книгу о Черчилле, в которой усердно его критиковал, говорил о «трагедии блистательного поражения»: разве не «перебегали ему то и дело дорогу к власти» те самые люди, которых он презирал?^{154} Приблизительно в это же время британская делегация во главе с Бернардом Шоу и леди Астор отправилась с визитом в Советский Союз. Леди Астор на вопрос Сталина о политической ситуации в Англии и о перспективных британских политиках — в частности, его интересовали Чемберлен и Черчилль — ответила не задумываясь: «О! Черчилль! Забудьте о нем, это конченный человек»^{155}.

В 1936 году, когда внешняя угроза нарастала, Черчилль почувствовал, что из чистилища есть выход. Однако внезапное и некстати случившееся событие, которое вновь вывело его на свет божий, стало для Черчилля новой потерей доверия. Речь идет о той роли, которую он намеревался сыграть в разразившемся монархическом кризисе, непродолжительном, но довольно серьезном, приведшем в декабре к отречению от престола

Эдуарда VIII и обернувшимся не в пользу самого Черчилля. После смерти в январе 1936 года короля Георга V его сын, принц Уэльский, с которым Уинстон поддерживал давние дружеские отношения, взошел на трон. Европейская и американская пресса уже давно смаковала подробности связи принца с гражданкой США Уоллис Симпсон, прошедшей два бракоразводных процесса. Однако британские газеты хранили полное молчание об этом щекотливом вопросе.

Итак, в ноябре 1936 года новый король поставил в известность премьер-министра Болдуина о своем твердом намерении обвенчаться с миссис Симпсон до официальной коронации, намеченной на весну 1937 года. Это немедленно вызвало всеобщее возмущение. Лидеры трех партий, политические круги страны, королевская семья, британское общество были единодушны в своем негодовании: или миссис Симпсон, или корона. Черчилль, у которого принц тайком спросил совета, сказал ему, что прежде всего нужно выиграть время. Конечно, Черчилль знал ветреный характер принца, но тем не менее не стал слушать ни жену, ни друзей, советовавших ему не вмешиваться в это дело. Движимый рыцарским великодушием, он встал на сторону Эдуарда VIII. Черчилль снова пошел на риск, взявшись за дело, заведомо обреченное на провал.

Отныне вопрос о престолонаследии был вынесен на общественный суд и вызвал всеобщее волнение. Премьер-министр не уступал: чувствуя за спиной мощную поддержку, он настаивал на том, чтобы король сделал выбор между миссис Симпсон и престолом. В то время была очень популярна шутка *On ne baldwine pas avec l'amour*^[25]. К несчастью для Черчилля, появился слух, что он якобы уже готов сформировать по просьбе короля новое правительство вместо правительства Болдуина — нечто вроде очередного «Ордена рыцарей, верных монарху», для защиты его от «парламентских головастиков». И что с того, что сам Черчилль считал невозможным брак будущего короля с миссис Симпсон, он окончательно запутался в своих расчетах и продолжал совершать неверные шаги. Например, 7 декабря в палате общин он произнес речь, которая не могла не иметь для него губительных последствий, — уже во время выступления его освистали. В конце концов Эдуард VIII отрекся от престола 10 декабря, и его брат Георг VI стал королем Англии.

Итак, своим упрямством Черчилль добился того, что Болдуина все в один голос хвалили, а его самого с таким же единодушием осуждали. Этот эпизод, свидетельствовавший, скорее, о донкихотстве Черчилля, дорого ему обошелся в тот момент, хотя дальнейшее развитие событий вскоре стерло воспоминания о нем из памяти граждан. В сущности, в этом деле Черчилль

продемонстрировал то, что лорд Галифакс назвал «странным сочетанием рассудительности взрослого человека и детской впечатлительности»^{156}. Впрочем, ту же сентиментальность Черчилль проявил и несколько лет спустя в похожей ситуации. В 1953 году, когда принцесса Маргарет пожелала обвенчаться с полковником Питером Таунсендом, первым порывом премьер-министра Черчилля было согласиться с решением принцессы, и лишь мольбы Клемми удержали его от этого опрометчивого шага. Мудрая жена напомнила мужу, в каком отчаянном положении он оказался в 1936 году, встав на сторону влюбленного принца^{157}.

*

Чем же объяснить эту цепь неосторожных поступков, слов, способных в один миг перечеркнуть столько замечательных качеств и напряженных усилий? Не кроется ли в этом загадка, которую нам не дано разгадать? Ведь известно, что диалектика создания-разрушения, безотказно действовавшая в период между двумя войнами, оказалась явно несостоятельной в последующие годы. И начиная с этого времени нужно как можно тщательнее анализировать слабые места, замедлявшие восхождение Черчилля на вершину власти, или, если угодно, нужно попытаться обнаружить те песчинки, из-за которых барахлил его механизм покорения политических высот. Ллойд Джордж, один из тех, кто лучше всего знал Черчилля и работал вместе с ним, пытаясь объяснить, какого рода взаимодействие происходило в мозгу Черчилля между чрезмерной властью и саморазрушением, поставил следующий диагноз: «Его ум был мощной машиной, но в его конструкции или в деталях имелся скрытый дефект, мешавший машине функционировать бесперебойно. Я не могу сказать, в чем именно было дело. Но когда механизм барахлил, мощность оборотов приводила к катастрофе, калечившей не только самого Уинстона, но и всех, с кем он работал и сотрудничал. Оттого-то окружающие его люди и боялись выступать на его стороне, поскольку чувствовали, что где-то в металле есть непровар»^{158}.

Тем не менее некоторые наблюдатели, будь то друзья или политические противники, ставя на вид многочисленные неблагоприятные факторы и приводившие к непредсказуемым результатам начинания Черчилля, считали, что как государственный деятель он был очень талантлив и рано или поздно все равно был бы востребован. Трудность

заклучалась в том, что его темперамент был практически противопоказан в мирное время, и тогда его особая искра Божья, плохо приспособленная к мирной жизни, пропадала втуне. А вот чрезвычайные обстоятельства, возможно, позволили бы ему проявить себя в полной мере. Так, один из противников, либерал-лейборист и пацифист Артур Понсонби замечал: «Он далеко не самый талантливый наш политик, разве что чертовски обаятелен и джентльмен до мозга костей (редкая птица по нашим временам). (...) Но в политическом плане он представляет большую опасность, главным образом потому, что обожает кризисы и частенько в своих суждениях попадает пальцем в небо. Много лет назад он сказал мне: «Я люблю, когда что-то случается, а когда ничего не происходит, я провоцирую события»^{159}.

Один уважаемый консерватор, Гарольд Николсон, придерживавшийся противоположного мнения, сумел разглядеть сквозь обманчивость внешнего впечатления и безлюдные просторы политической «пустыни» блестящие перспективы, которые сулило будущее этому исключительному человеку. Николсон называл Черчилля «самым интересным человеком в Англии». «На самом деле, — продолжал Николсон, — он не просто интересный человек, это феномен, это человек-загадка. (...) Он будет жить на страницах британской истории, тогда как других политических деятелей время покроет забвением. Он — кормчий, спасающий обреченные на гибель корабли. В тот день, когда за будущее Англии никто не даст и ломаного гроша, именно ему доверят штурвал»^{160}.

История и историк

Черчилль любил историю. Он написал около дюжины исторических работ (из которых четыре — многотомники) — всего пятнадцать тысяч страниц. В двадцать четыре года Уинстон опубликовал свою первую книгу, повествующую о военной кампании, в которой он принимал участие на северо-западной границе Индии в 1897 году. Последняя его книга вышла, когда автору уже исполнилось восемьдесят четыре года. Тем не менее период между двумя войнами был самым плодотворным, ведь тогда он мог посвятить истории большую часть своего вынужденного досуга. В его книгах история неотделима от историка, а основная сюжетная нить истории, этой великой трагедии прошлого человечества (как понимал ее Черчилль), тесно связана с историей самого автора — историей его

времени, весьма драматичной. Между двумя увлечениями Черчилля — живописью и историей — невозможно провести сравнение. Они располагались на разных полюсах. Живопись служила ему развлечением в самом полном смысле слова. Мольберт укрывал Черчилля от внешнего мира и позволял ему расслабиться. История же, напротив, жила в его сердце, лежала в основе его отношения к миру, была отправной точкой его мировоззрения.

История всегда его привлекала. Еще в юности двоечник Черчилль получал хорошие отметки по истории, сначала в Брайтонской школе, а затем и в Хэрроу. Позднее, при поступлении в Сэндхерст его познания в истории сослужили ему хорошую службу. Став взрослым, он не просто находил удовольствие в сочинении исторических произведений, он был в этом лично глубоко заинтересован. Историк Морис Эшли, бывший первым научным консультантом Черчилля, писал, что тот с таким упоением предавался этому занятию, поскольку видел в этом «прежде всего дань любви к своим предкам, к своей семье, к себе самому»^{161}.

Однако Черчилль, любивший все великое — великие дела, великие события, великих людей, — напрасно давал широкий обзор прошлого человечества, напрасно расцвечивал его яркими красками своего богатого воображения. Он понимал, что человек — это загадка, время — это загадка и что, следовательно, историческое знание ограничено. Он и в самом деле считал, что история — это искусство, освещающее прошлое, оно упрямо старается пролить свой скудный свет на тех, кто когда-то прошел по земле, однако полностью воссоздать прошлое не в его власти. Не умаляя достоинств работы историка, он сказал однажды: «В неверном свете своей лампы, с грехом пополам освещающей пройденный человечеством путь, история пытается воскресить дела давно минувших дней, донести до нас эхо канувших в Лету событий, оживить своими бледными лучами страсти, кипевшие много веков назад»^{162}. Однако отдельные участки пути так и останутся во мраке. Ведь нельзя отрицать, что значительные фрагменты прошлого утеряны навсегда. В душе Черчилля вера в знание боролась с грустью, внушаемой сознанием недолговечности человеческой жизни. По-видимому, давали себя знать его склонность к депрессии и ощущение тщетности всего сущего, усилившееся с годами. Этим и объясняется глубокий пессимизм, которым были отмечены последние годы его жизни.

Классифицировать исторические сочинения Черчилля непросто. В них перемешались литературные жанры, автор ни на минуту не оставляет читателя наедине со своим произведением. Его творчество в целом автобиографично. К первой категории его сочинений, выделенной весьма условно, можно отнести рассказы о колониальных кампаниях «История малакандских полевых сил» (1898); «Война на реке» (1899); «Лондон — Ледисмит» (1900); обширный шеститомный труд, посвященный Первой мировой войне, «Мировой кризис» (1923–1931), а также шеститомник «Вторая мировая война» (1948–1954). Во всех этих книгах большое место отведено повествованию о приключениях самого автора, принимавшего участие в описываемых событиях. Однако его искусство заключается в умении соединить личностный подход с общим анализом, используемым для создания широкой исторической панорамы.

К следующей категории можно было бы отнести две работы — сборник очерков «Мысли и приключения» (1932) и своего рода портретную галерею «Великие современники» (1937). А вот книгу «Моя юность» (1930) смело можно назвать автобиографичной. В ней автор мило описывает времена правления королевы Виктории и затем короля Эдуарда. Два других сочинения можно условно отнести к историческому жанру — «Лорд Рандольф Черчилль» (1906) и четырехтомник «Мальборо: жизнь и эпоха» (1933–1938). Однако это все-таки семейные биографии, в которых каждая строка дышит сыновней почтительностью, а объективность принесена в жертву любви автора к своим героям. Наконец, четырехтомник «История англоязычных народов» (1956–1958) — единственное произведение Черчилля, в котором автор практически не появляется на сцене и которое можно было бы отнести к собственно историческому жанру.

Еще одна немаловажная деталь: сочинительство принесло Черчиллю немалую прибыль. Впрочем, он сам первый заявлял, что не стоило бы писать книги, если бы они не продавались. Черчилль с самого начала взялся за перо ради денег и ради славы. Именно литературная деятельность стала с тех пор основным источником его доходов и позволила ему вести роскошную жизнь. К тому же книги Уинстона продавались все лучше, издатели платили ему баснословные гонорары, не отставали от них и редакторы газет и журналов. Мартин Гилберт подсчитал прибыль, которую Черчиллю принесли за восемь лет, с 1929-го по 1937-й, одни только гонорары и оплата авторских прав: общая сумма дохода превысила сто тысяч фунтов стерлингов!^[163]

В 1923 году, когда были опубликованы два первых тома «Мирового

кризиса», уже стало ясно, что книгу ждет шумный успех. В то время память о Первой мировой войне была еще слишком свежа, и книга, изобиловавшая новыми документами, талантливо написанная участником событий, известным человеком, увлекала читателя, не оставляла его равнодушным. «Мировой кризис» сразу же оказался в центре оживленной полемики. Бурные споры вызвала одна из основных идей книги: автор утверждал, что во время войны профессионалы — генералы и адмиралы («*the brass-hats*»^[26]) регулярно ошибались, тогда как профессиональные политики («*the frocks*»^[27]) почти всегда правильно оценивали ситуацию. Напрасно Бальфур подшучивал над «блистательной автобиографией, замаскированной под всемирную историю». В успехе книги сомневаться не приходилось^[164]. Кейнс, восхищавшийся «Кризисом», в свою очередь говорил, что это «антивоенный трактат, более действенный, нежели сочинение какого-нибудь пацифиста»^[165].

В 1929 году Уинстон начал с увлечением работать над биографией Джона Черчилля, герцога Мальборо. Уинстон хотел не просто поквитаться с Маколеем и реабилитировать в глазах общества своего знаменитого предка. Он с упоением изучал славное прошлое Англии, когда страна за несколько лет превратилась из ничем не примечательного королевства в могущественную державу. Потому-то он и изобразил герцога Мальборо блистательным государственным деятелем, опорой короны и конституции, вершителем судеб Англии, которому под силу было разбить дьявольские планы Людовика XIV, вознамерившегося поработить Европу. Последний том книги, выражавшей политические взгляды автора, был опубликован в самый разгар чехословацкого кризиса, в нем легко угадывается параллель, проводимая Черчиллем между гегемонией Короля-Солнца и гегемонией Гитлера. Поэтому герцог Мальборо в книге Черчилля превратился не только в великого полководца, но и в великого стратега, а бледная королева Анна — в «великую королеву, за которую сражался не менее великий коннетабль».

Кстати сказать, «Вторую мировую войну» также нельзя назвать чисто историческим произведением. Эта книга, сразу же перешедшая в разряд классики, прежде всего представляет собой полезное для истории свидетельство очевидца. Впрочем, и сам автор весьма скромно отзывался о своем детище: «Сомневаюсь, что подобная хроника существует или когда-либо существовала. Ведь в ней дается подробный подневный отчет и о ведении военных действий, и о работе правительства. Я не называю свои «Мемуары» «историей», писать историю — удел грядущих поколений.

Однако я признаю за собой право назвать свою книгу вкладом в «Историю...», которая появится в будущем»^[166]. Черчилль первым из главных действующих лиц разыгравшейся драмы оккупировал область истории. Ему посчастливилось, с одной стороны, представить на суд потомков собственную версию своих поступков и той роли, которую он сыграл в этой войне, с другой — вынести на суд современников собственную версию событий 1914–1918 годов, одновременно эпическую и трагическую, втайне надеясь упрочить таким образом свою пошатнувшуюся репутацию.

Последнее произведение в списке — «История англоязычных народов» — увы, самое неудачное и самое слабое из всех сочинений Черчилля. В этой книге автор стремился охватить историю Великобритании, Соединенных Штатов и Британского Содружества Наций, чтобы доказать общность их культурного наследия. Однако в целом повествование получилось аморфным и несколько искусственным. Триста страниц книги были уже написаны накануне войны, а остальные ее части, последовательно добавленные в пятидесятые годы, лишь подчеркнули несвязность повествования. Суровая критика называла книгу «англосаксонской сказкой». Но скорее это — завещание Черчилля, свидетельствующее о его непоколебимой вере в великую миссию англосаксонских народов, призванных защищать дело мира и свободы.

*

Творчество Черчилля необычайно богато и разнообразно. В связи с чем возникают два вопроса. Как он работал? Какой метод использовал при написании исторических произведений? Какова была его концепция истории, понимал ли он историю одновременно как прошлое человечества и как знание этого прошлого? И уместно ли было бы говорить в таком случае о философии истории Черчилля?

О творческом методе Черчилля мы располагаем данными из первых рук, и в первую очередь свидетельствами его ближайших соратников — Мориса Эшли и Уильяма Дикина^[167]. Юношеские опусы Уинстона, начиная с описания индийских и африканских приключений и заканчивая биографией лорда Рандольфа, были целиком написаны его рукой. После Первой мировой войны все меняется. «Мировой кризис» был первой книгой, текст которой он диктовал, а не писал собственноручно. Взявшись

за биографию герцога Мальборо, Черчилль организовал настоящую мастерскую, в которой трудились научные консультанты, а иногда и целая команда секретарей, корректоров... Однако именно Черчилль был мозгом, руководителем работ в этой мастерской, режиссером-постановщиком рассказа, аргументирующим свой выбор, придающим работе свой особый стиль — широкий, образный, напыщенный. В каждой строчке угадывался его «почерк».

Когда первый и основной этап работы — выбор темы — был выполнен, труженики мастерской приступали к сбору материала. Будучи автором, Черчилль, имевший достаточно ясное представление о целях, сюжетной линии и персонажах будущей книги, прежде всего заботился о целостности повествования. Эта забота проявлялась в его стремлении строить свои произведения на надежном фундаменте — достоверных источниках. Вот почему он всегда четко разграничивал историю и журналистику. И вот почему он всегда питал глубочайшее уважение к знаниям и профессионализму университетских профессоров истории. Конечно, сам Черчилль не имел исторического образования и не был знаком с методами исторического анализа, но его сильной стороной был критический подход к делу. Потому-то он и прибегал к помощи специалистов — в основном Черчилль сотрудничал с молодыми, подающими надежды выпускниками Оксфорда.

Научные консультанты прежде всего должны были тщательно изучить архивы, с тем чтобы собрать максимум информации. В то же время они просматривали уже существующую литературу, посвященную той же теме, и делали огромное количество выписок из нее. Все эти материалы подлежали тщательнейшей проверке. И только после этой проверки можно было приступать к следующему этапу. Вооружившись всеми этими данными, Черчилль, всегда очень собранный, организованный, «точный, как часы», как говаривал Билл Дикин, целое утро не вставал с постели, уточняя мельчайшие подробности, ведь у него была феноменальная память. И лишь к концу дня он начинал диктовать секретарю-стенографисту текст, уже составленный в его голове. Диктуя, он всегда расхаживал взад и вперед по своему рабочему кабинету. Это действие начиналось около полуночи и продолжалось часов до двух-трех ночи, причем здесь же неизменно присутствовал научный консультант. Случалось, за один вечер (или ночь) Черчилль успевал надиктовать дюжину страниц. Он любил сравнивать себя с Наполеоном, которому также требовалось не более четырех-пяти часов сна в сутки, чтобы восстановить силы. Это был еще один козырь Черчилля. Однако после полудня он все же позволял себе немного отдохнуть.

Наконец, оставалось проверить написанное и кое-что исправить. Этим Черчилль всегда занимался сам — утром, не вставая с постели. Ему помогали сотрудники его мастерской. Они все вместе правили гранки, которые сразу же после расшифровки стенографической записи отправлялись в издательство. На всю операцию уходило несколько дней, по истечении которых у Черчилля уже была копия книги, присланная ему издателем. Черчилль всегда большое внимание уделял картографии — каждая его книга снабжена многочисленными картами, очень подробными и красноречивыми.

С 1929 по 1939 год Черчилль надиктовал таким образом тысячи страниц. Одновременно команда его мастерской увеличивалась. Не менялся лишь состав трех секретарей, по очереди по ночам стенографировавших под диктовку, — на другие должности Черчилль провел дополнительный набор, да и список самих должностей стал длиннее. Морис Эшли, принятый первым в 1929 году, был выпускником Оксфорда. Будучи активистом социалистической партии, он не сразу принял приглашение Черчилля, которого считал отъявленным реакционером. Впоследствии Эшли стал журналистом и написал историю династии Стюартов. Между ним и Черчиллем вскоре установились доверительные отношения. Именно на Эшли в течение пяти лет лежала основная ответственность за биографию герцога Мальборо. Джон Уэлдон, другой выпускник Оксфорда, пришедший на смену Эшли и работавший у Черчилля с 1934 по 1936 год, продолжил научные изыскания в области биографии Мальборо, прежде чем войти в мастерскую полноправным членом.

И все-таки ближайшим соратником Черчилля в этом деле был Билл (ныне сэр Уильям) Дикин, вскоре ставший не только другом своего шефа, но и всей семьи Черчиллей. Дикин также был выпускником Оксфорда, а кроме того, занимался исследовательской работой в Уэдемском колледже. В 1936 году двадцатитрехлетний Дикин поступил к Черчиллю научным консультантом и помогал ему писать последний том биографии герцога Мальборо. Затем будущий сэр Уильям взялся вместе с Черчиллем и за «Историю англоязычных народов». Во время войны он состоял в Особом управлении военными операциями (*Special Operations Executive*), и Черчилль отправил его с поручением к Тито, возглавившему югославских партизан. А после войны, когда писалась «Вторая мировая война», Дикин координировал научно-исследовательскую работу и был первым помощником Черчилля. Помимо Дикина в работе над книгой принимали участие генерал Паунелл, коммодор Гордон Аллен, Денис Келли и четыре секретаря. Затем Дикин в течение двадцати лет руководил колледжем

Святого Антония в Оксфорде.

Когда разразилась Вторая мировая война, «История англоязычных народов» была почти закончена. Для работы над этой книгой Дикин пригласил талантливейших историков, в частности, Джорджа М. Юнга, ответственного за античные времена, Средневековье и XIX век, А. Лесли Роуза и Джона Х. Пламба, ответственных за XX век, Алана Буллока, ответственного за Австралию и Новую Зеландию, а также известных американских историков...

Следует отметить характерные особенности исторических произведений Черчилля. В них преобладает повествование. В своих книгах Черчилль прежде всего — рассказчик. Именно в качестве рассказчика он дает волю своему красноречию и богатому воображению. Кроме того, ему сослужили хорошую службу его красивый, немного старомодный язык и полный драматизма стиль. Его понимание прошлого, в котором решающую роль играли политика и военная сила, было слишком уж традиционным, к тому времени его взгляды уже мало кто разделял. Черчилль утверждал, что история вращается вокруг войн и завоеваний, монархов и династий, государств и правительств, что история человечества — это история войн. «Сражения, — писал он, — это межевые столбы, отмечающие ход истории. Сегодня люди не хотят мириться с этой досадной истиной, и зачастую историки трактуют решения, принятые в пылу сражения, как политические или дипломатические. Однако великие сражения, независимо от того, выиграли мы их или проиграли, меняют весь ход событий, дают новую шкалу ценностей и рожают новую атмосферу в войсках и государствах, — нам остается лишь безропотно подчиниться новым условиям»^{168}.

Разумеется, эта концепция истории-сражения не лишала Черчилля дальновидности. Его творчество выходит за рамки событийной истории. Он предпочитал рассматривать события в их долгосрочной связи. «Все время, — говорил он, — происходят какие-то события, но они происходят не сами по себе, а являются конечным звеном длинной цепочки причин, которую постоянно нужно держать в голове, только тогда мы сможем понять природу следующей причинной цепочки: как она возникает или как она сходит на нет»^{169}.

Тем не менее в выборе Черчиллем проблематики сказалась его викторианская закалка. Он не был знаком ни с трудами Фрейда, ни с трудами Маркса. Будучи не в силах выйти за рамки своего романтико-аристократического мировоззрения, Черчилль оставил без внимания целый пласт истории. Он не придавал экономическому базису никакого значения.

Так, промышленная революция, которой Британия была обязана своим величием, осталась за пределами его поля зрения. В том прошлом, которое он сделал объектом своего изучения, не было места ни науке, ни технике, ни экономике. Черчилль считал, что история должна прославлять величие народа, что история — это источник духовных сил, которые необходимы нам, чтобы справиться с настоящим и не страшиться будущего.

*

Излишне говорить о философии истории Черчилля. Он был человеком действия и не увлекался умозрительными построениями. Тем не менее он много размышлял и анализировал. Ощущение совершающегося исторического процесса и постоянное обращение к прошлому — две основные составляющие черчиллевского менталитета — направляли ход его мысли и определяли его миропонимание. В этом плане Черчилля можно сравнить разве что с другим колоссом XX века — генералом Де Голлем. Оба они полагали, что великие исторические события являются лишь отголосками более или менее отдаленных событий, уже известных мировой истории. Как тонко подметил Алан Буллок, если такой энергичный человек, как Черчилль, взялся за сочинение исторических произведений, то лишь потому, что он нашел в этом «еще один способ самовыражения, еще одно поле деятельности»^[170]. Вот почему в своих книгах Черчилль-историк так разборчив и так субъективен. Однажды он даже сказал Эшли: «Дайте мне факты, а уж я выстрою из них замечательное доказательство своей теории»^[171]. В сущности, в своих книгах он описывал события не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими он хотел бы, чтобы они были.

Если резюмировать черчиллевское понимание прошлого, то можно сказать, что оно определялось тремя моментами. Во-первых, он не разделял детерминистских взглядов на историю. Напротив, Черчилль верил в свободную волю, в свободу действия, в решающую роль личности в истории. Он верил в случай и не верил в неизбежность. В одной из глав «Мыслей и приключений», в которой речь зашла об обезличивании современного общества, Черчилль прямо поставил вопрос о роли коллективных сил и сверходаренных людей — героев — в истории. И тут же без дальнейших церемоний ответил, что история человечества — это прежде всего история великих людей. «Мировая история — это в первую

очередь эпическая поэма об исключительных людях, чьи мысли и поступки, свойства характера, добродетели и победы, слабости или преступления решали судьбу человечества». Вот почему лучше оказаться в блистательном меньшинстве (*the glorious few*), нежели в безликой массе (*the anonymous innumerable many*)^{172}.

В то же время из этих рассуждений следовало, что примат свободного выбора означал невозможность предсказать грядущие события, и эта невозможность уже была доказана в прошлом. «Великие исторические события и мелкие происшествия повседневной жизни, — писал Черчилль во время работы над биографией герцога Мальборо, — свидетельствуют о том, что напрасно человек пытается направлять свою судьбу». Черчилль говорил, что миром правят случайность и противоречивые обстоятельства, и потому очень сложно предугадать последствия поступков, которые мы совершаем: «Порой даже самые тяжелые поражения и промахи могут привести к успеху, а самая большая удача — к катастрофе»^{173}.

Во-вторых, Черчилль уверял, что из истории невозможно извлечь урока. Прежде всего нельзя судить о настоящем по прошлому, ведь раньше все было по-другому, и пути назад нет. А вот настоящее зачастую может пролить свет на прошлое. Например, хитрые маневры, проводимые в кабинете Ллойда Джорджа или Болдуина, помогают понять природу и характер интриг, которые в свое время плелись при дворе королевы Анны. А в Людовике XIV угадывается Гитлер. Билл Дикин рассказывал, как в 1940 году в разгар норвежской кампании, когда с флота сотнями приходили тревожные сообщения, а адмиралы теряли терпение у дверей карт-зала в адмиралтействе, Черчилль невозмутимо изучал историю нормандского завоевания. В тот момент он был поглощен событиями 1066 года и трагической судьбой несчастного Эдуарда Исповедника.

По словам Черчилля, на уроки истории нельзя надеяться еще и потому — и здесь уж ничего не поделаешь, — что человек просто патологически не способен извлечь пользу из своего прошлого опыта. Как он метко подметил, «главный урок истории заключается в том, что человеческий род не поддается обучению»^{174}.

И, наконец, в-третьих, исходя из диалектики истории и морали, Черчилль не только верил в суд истории — в добрых традициях выдающегося историка-либерала Эктона, оценивавшего человеческие поступки строго по принципу «хорошо — плохо», — но и представлял себе прошлое как сражение на полях черно-белого мира. Сражение добра со злом — правды с ложью, свободы с тиранией, прогресса с варварством.

Черчилль относился к истории одновременно как к идеологии и как к мифу, ведь он в полной мере разделял виговскую концепцию истории.

С его точки зрения, эволюция, совершившаяся в Англии за все предыдущие века, сводилась к борьбе английского дворянства, знатных родов земельной аристократии, в том числе и рода Черчиллей, — всех этих «старых дубов», как их называл Бурке, против королевской власти. Сначала ради завоевания свобод и победы парламентского режима, а затем — ради величия Британии и Британской империи. И это «английское чудо» должно служить отправным пунктом при оценке прошлого. Однако эта теория вряд ли устоит перед малейшей попыткой ее опровергнуть.

Достаточно было бы, например, критического разбора биографии герцога Мальборо, этого полубога, с которым, по мнению его потомка, обошлись весьма несправедливо. Мы бы увидели, что о многочисленных и достаточно серьезных недостатках и пороках герцога автор предпочел умолчать. В книге не было ни слова даже о пресловутой жадности герцога. А ведь еще Евгений Савойский рассказывал, что Мальборо не ставил точек над «i» в целях экономии чернил! К несчастью, историку свойственно превращаться то в адвоката, то в прокурора, и Черчилль не стал исключением, хотя и утверждал, что история должна быть не только музой, но и судьей.

Владелец Чартвелльского замка

Осенью 1922 года Черчилль приобрел небольшой замок в Чартвелле, где и обосновался весной 1924 года. На протяжении сорока лет Чартвелльский замок оставался любимым жилищем Черчилля, любимым местом работы и отдыха, где он творил и размышлял. Там же жила и его семья. В замке принимали многочисленных гостей, устраивали пышные приемы.

Уинстон давно уже присматривал себе просторный дом в деревне. Когда ему предложили построенный в елизаветинском стиле Чартвелльский замок, затерявшийся среди холмов Кента и находившийся всего километрах в сорока от Лондона, Черчилль сразу же согласился, поладив с продавцом на пяти тысячах фунтов. По удачному стечению обстоятельств незадолго до этого Черчилль неожиданно получил довольно крупное наследство, и это позволило ему не только купить дом, но и обновить и перестроить его по своему вкусу, чтобы придать очарования и удобства этому сырому зданию, обезображенному тяжеловесными

елизаветинскими пристройками.

Из окон замка открывался великолепный вид, да и расположен он был в живописном уголке. Площадь поместья составляла тридцать гектаров, с одной стороны его окружала холмистая местность, покрытая лугами и лесами Уилда, с другой — гряда невысоких меловых гор. Ремонтные работы быстро подвигались, и через полтора года владелец Чартвелльского замка переехал в свое поместье. Дети были в восторге от затеи отца обосноваться в деревне, однако Клементине дом пришелся не по вкусу. Муж буквально заставил ее там поселиться, и прошло немало времени, прежде чем она привыкла к замку, а потом и полюбила его.

Другой достопримечательностью замка был окружавший его сад, возделанный с большим тщанием. В этом саду Черчилль часами простаивал за мольбертом. Растения для сада в основном выбирала Клемми. Там был и садик с растениями на каменных горках, и несколько водоемов с красными рыбками. Главную же часть сада Клемми украсила гелиотропами, пионами, лилиями, фуксиями, панстемонами, мятными котовниками и азалиями. Четыре большие глицинии обрамляли розарий, окруженный невысокой оградой и засаженный сотнями чайных роз всевозможных оттенков. Чуть подальше поставили беседку, укрытую от солнца виноградником. За ней был разбит огород. Кроме того, в саду имелись теннисный корт, бассейн и лужайка для игры в крокет.

Сам дом, которым Черчилль очень гордился, был просторным, удобным, со множеством огромных гостиных и спален. Гости, останавливавшиеся в особняке, ночевали также в больших флигелях. У хозяина дома был свой кабинет и библиотека. Кабинет украшали три портрета — лорда Рандольфа, матери Черчилля и Клемми, а также два бюста — Нельсона и Наполеона. Поначалу Черчилль мечтал сделаться фермером, однако его попытки развести коров, овец, свиней и птицу не увенчались успехом. Тем не менее он питал слабость к свиньям и однажды объяснил своему внуку Уинстону почему: «Собака смотрит на человека снизу вверх, кошка — сверху вниз, а поросенок смотрит ему прямо в глаза и видит в нем равного»^[175]. Однако в усадьбе удалось развести лишь лебедей, гусей и красных рыбок.

В Чартвелле у Черчилля появилось новое хобби — он освоил ремесло каменщика и с увлечением складывал из кирпича всевозможные высокие и низкие стены, которые у него выходили отменно. Черчилль даже хвастался, что за день успевал уложить двести кирпичей и продиктовать две тысячи слов... Его слава каменщика дошла до секретаря местного отделения кентского профсоюза строителей, и он предложил Черчиллю стать членом

профсоюза и даже снабдил его членским билетом. Однако исполнительный комитет профсоюза этого не одобрил и лишил министра финансов членства.

Разумеется, содержание дома и огромного поместья недешево обходилось семейному бюджету, и Клемми была этим не на шутку встревожена. Чтобы поддерживать порядок в доме, нужно было не менее дюжины слуг, кроме того, у Черчиллей служили шофер и несколько садовников. Но главная причина больших расходов заключалась в том, что Черчилль жил на широкую ногу и по своему обыкновению много тратил. «Уинстону легко угодить, — шутили знавшие его люди, — достаточно предложить ему самое лучшее». Стол в доме Черчиллей всегда ломился от самых изысканных яств, а в погребе были только лучшие вина. Нет нужды говорить, как обстояли дела с коньяком и виски, добавим только, что теперь и шампанское текло рекой. На день рождения Черчилля в 1925 году лорд Бивербрук преподнес ему в подарок огромный холодильник, чтобы, как он сказал, было где охлаждать шампанское, и не было необходимости класть в бокалы кубики льда. Слабость Уинстона к спиртному стала притчей во языцех. О гурмане Черчилле ходили самые противоречивые слухи. По-видимому, черная полоса 1929–1939 годов усилила его склонность к крепким напиткам. Однако не стоит думать, что он постоянно поднимал свой дух более или менее обильными возлияниями. А вот сигара по праву считается неотъемлемым атрибутом Черчилля, так же как зонтик у Чемберлена или трубка у Болдуина.

Обычные дни в Чартвелле сильно отличались от праздничных дней и дней приемов. Будни Черчилль обыкновенно проводил за работой, о чем уже было немало сказано. Однако по вечерам в доме нередко составлялась партия в китайское домино, безик или жаке (настольная игра с костями и фишками. — *Пер.*), вот только в бридж в доме Черчиллей не играли никогда. Поводов же для праздников было великое множество. Помимо семейных праздников, таких как Рождество, когда все близкие собирались в замке, Черчилль устраивал много приемов, и его гостеприимство было поистине королевским.

Частыми гостями в Чартвелле были Биркенхеды (они перестали бывать в замке лишь после преждевременной кончины «Ф. Е.» Смита в 1930 году), Бивербруки, семьи Даффа Купера, Арчи Синклера, Бонема Картера, Бренден Брекен, Линдемэнн — «профессор», Роберт Бусби, политики, писатели, артисты. Однажды вечером Т. Е. Лоуренс явился на ужин в костюме арабского принца. В другой раз в замок пожаловал сам Чарли Чаплин, с которым Черчилль повстречался в Соединенных Штатах и

о котором говорил: «Чудесный артист, большевик, к сожалению, но зато великолепный собеседник»^{176}. Когда Чарли объявил Уинстону о том, что собирается играть Иисуса Христа, Черчилль спросил: «А вы договорились о правах?»^{177}

Черчилль никогда столько не рисовал, как в период с 1918 по 1939 год. Он занимался живописью то в чартвелльском саду, то на побережье Средиземного моря. Надо сказать, что предпочтение Черчилль все же отдавал средиземноморским пейзажам и тамошнему яркому свету. Иногда он ездил со своим мольбертом в Италию, на горный карниз в Амальфи, но чаще всего — во Францию, на Лазурный Берег (картина *Канны, Арбур, Вечер*, написанная в 1923 году, — одна из самых знаменитых его картин) или в Прованс. Ездил он и в Бьяритц, и в Марокко, иногда пересекал Атлантический океан (*Река Лу, Квебек* (1947 год) — еще одно его знаменитое полотно). В январе 1921 года Черчилль устроил свою первую выставку в Париже, правда, под псевдонимом Чарльз Морин. Его друг французский художник Поль Маз всячески ободрял его и поддерживал. Черчилль и в самом деле точно передавал игру света в своих кентских или южных пейзажах, напрасно сам он называл свои картины «мазней». Конечно, Черчилль не был «Моне в трудные дни», как, бывало, о нем говорили, но он действительно обладал немалым талантом. Всего Черчилль написал около пятисот картин, некоторые из них уходят сегодня за сто — сто пятьдесят тысяч фунтов на аукционе Сотби.

*

С начала двадцатых годов облик Черчилля изменился. Он сильно постарел, сгорбился, прибавил в весе, а его лысина становилась все заметнее. Резче обозначились черты лица, глубокие морщины стерли прежнее детское выражение. Однако его подбородок по-прежнему был волевым, а взгляд стал еще пронзительнее. Он, как и раньше, тщательно обдумывал свои слова, поражающие меткостью. В профиль он уже тогда напоминал бульдога, сходство стало полным после 1940 года.

Черчилль много путешествовал помимо официальных поездок. Он ездил охотиться (главным образом на кабана) во Францию, где отдыхал с большим комфортом. Черчилль дважды надолго уезжал в Америку. Эти два путешествия заслуживают особого внимания. Первый раз он пробыл в Новом Свете около четырех месяцев — с августа по ноябрь 1929 года, в

этой поездке его сопровождали брат Джон и сын Рандольф. Сначала Черчилль посетил Канаду. В Квебеке, где он сошел с корабля, компания «Канадиан Пасифик Рэйлруд» бесплатно предоставила в его распоряжение на все время пути роскошный вагон. Черчилль забрался в Скалистые горы, после чего перебрался в Соединенные Штаты. В Калифорнии его принял информационный магнат Уильям Рандольф Херст в своем особняке на берегу океана. Оттуда Черчилль отправился в Голливуд, а затем — на восточное побережье осматривать поля сражений Гражданской войны, после чего поехал в Нью-Йорк. Там он узнал об обвале на бирже, который причинил ему большие убытки.

Вторая поездка длилась с декабря 1931 года по март 1932 года. Черчилль намеревался объехать с лекциями все Соединенные Штаты, однако путешествие началось крайне неудачно — его сбила машина. К счастью, обошлось без переломов, но из-за сильного потрясения и множества мелких ран Черчиллю пришлось неделю провести в больнице, а выздоравливать он поехал на Багамы. Лекции он все-таки прочел, они повсюду пользовались большим успехом. Вернувшись в Лондон, Черчилль с удивлением и радостью увидел красовавшийся на вокзале новенький «Даймлер» стоимостью две тысячи фунтов, подаренный ему его друзьями (в этой затее участвовали человек двадцать его друзей).

В это трудное для Черчилля время его самыми близкими друзьями, советчиками и доверенными лицами были Линдемманн и Брекен. То же можно сказать, пожалуй, и о Роберте Бусби, человеку ярком и своеобразном, чей роман с леди Дороти, женой Макмиллана, длился не один год. Бусби был соратником Черчилля в министерстве финансов и неизменно поддерживал его в палате общин.

Фредерик Линдемманн (1886–1957), прозванный «профессором», потому что он заведовал кафедрой физики в Оксфордском университете, был пожалован титулом лорда Червелла в 1941 году. Линдемманн — любопытная фигура. Его отец был родом из Эльзаса, мать — американка. Линдемманн не признавал никакой другой одежды, кроме черной. Его не любили, потому что он был чересчур уверен в себе, держался вызывающе, слыл карьеристом и неисправимым реакционером. Линдемманн ненавидел евреев, негров и «низшие» классы. Его ученость часто ставили под сомнение. Однако за очень короткое время он стал необходим. Он обладал обширными научными знаниями, умел решать несчетное количество задач и ясно формулировать самые трудные вопросы. Вместе с Черчиллем, прощавшим ему его вегетарианство и неупотребление алкоголя, Линдемманн входил в состав Комитета исследований в области воздушной обороны (*Air*

Defense Research Committee), а затем стал помощником Черчилля в его бытность премьер-министром. Линдемэнн и сам занимал пост министра с 1942 по 1945 год и с 1951 по 1953 год.

Бренден Брекен (1901–1958) был не менее своеобразным человеком. Родился он в Ирландии, рос в Австралии, всегда скрывал свое, судя по всему, низкое происхождение. Брекен был рыжим, и одно время ходил слух, будто бы он — внебрачный сын Черчилля. Эта нелепица немало их обоих позабавила. Брекен являлся владельцем и главным редактором «Файнэншл Ньюс» и «Файнэншл Таймс», а затем стал депутатом от партии консерваторов. Они подружились с Черчиллем в 1923 году. Брекен был неистощимым балагуром, неутомимым сплетником, неугомонным краснобаем и при всем том верным товарищем, не оставлявшим Черчилля в годы одиночества. Впоследствии Брекен работал секретарем в правительстве Черчилля с 1939 по 1941 год и занимал пост министра информации с 1941 по 1945 год. В 1952 году его пожаловали дворянством. Брекен умер от рака в возрасте пятидесяти семи лет.

*

Семья всегда играла важную роль в жизни Черчилля. Его союзу с Клемми не страшны были житейские бури, а вот дети были для Черчилля постоянным источником жестоких разочарований. Бесконечные трудности и конфликты, с ними связанные, омрачали его зрелые годы и старость. Тем не менее в Черчилле были сильны семейственность и чувство рода, которое он проявлял и в отношении Мальборо, живших в Бленхейме, и в отношении Черчиллей — он был солидарен с родственниками во всем. Уинстон всегда старался поддерживать их и никогда не позволял семейным неурядицам одержать над собой верх. Он не хотел, чтобы его личная жизнь помешала его политической деятельности.

Однако приходится признать, что, несмотря на нежную отцовскую привязанность, дети Черчилля постоянно страдали от того образа жизни, который вели их родители. Ведь у их отца и матери попросту не оставалось сил, чтобы заниматься ими. К тому же родители часто отсутствовали, особенно когда их дети были еще совсем маленькими. А потому неудивительно, что, став взрослыми, дети, сами того не желая, часто вызывали недовольство родителей, огорчали их и ставили в затруднительное положение. Черчилль как-то обмолвился об этих своих трудностях, впрочем, не сказав прямо, о ком идет речь. «Сегодняшняя

молодежь, — сказал он в 1930 году, — делает то, что ей нравится. Родители могут контролировать поведение своих детей лишь тогда, когда они еще находятся в утробе матери. Как только они появляются на свет божий, совладать с их норовистостью нет никакой возможности»^{178}.

С Клементиной Черчиллю несказанно повезло. Это была исключительная женщина, замечательная своим характером, своими высокими моральными принципами, умом, верностью суждений и здравым смыслом. Преданная мужу в любых обстоятельствах, полностью подчинившая свою жизнь карьере «Уинни», она, так же как и дети, не понаслышке знала, что значит жить под одной крышей с непредсказуемым и эгоистичным «суперменом». А ведь за внешностью великосветской дамы скрывалась хрупкая, ранимая душа. Клемми по натуре была романтичной идеалисткой, она не всегда уютно себя чувствовала в мире политики, в котором вращался ее муж, она не была в нем востребована. Особенно трудно ей приходилось в обществе сторонников *realpolitik*.

Усталость и постоянное напряжение порой давали о себе знать. В 1920 году Клемми впала в тяжелую депрессию, длившуюся не один месяц. В период между двумя войнами приступы депрессии повторялись, усугубляясь порой недружелюбным отношением Уинстона. Клемми даже несколько раз уезжала отдыхать одна. Впоследствии ее дочь Мэри Соме, вспоминая о жизни в родительском доме, описывала свою мать как женщину «с натянутыми как струна нервами» и «неуравновешенным характером»^{179}. Тем не менее всякий раз, когда муж нуждался в ее присутствии, она была рядом, впрочем, сильно не обольщаясь насчет его к себе отношения. Так, лорд Моран рассказывал, что когда в декабре 1943 года Черчилль застрял в Тунисе с воспалением легких, осложненным сердечным приступом, он, по его же словам, был очень тронут спешным приездом Клемми. На что сама Клемми с улыбкой сказала доктору: «О да! Он очень рад моему приезду, но через пять минут он и не вспомнит, что я здесь»^{180}.

К тому же отношения Клемми с детьми часто осложнялись. Она, безусловно, в большей степени была женой, нежели матерью, даже тогда, когда в 1921 году от острого менингита умерла ее трехлетняя дочурка Мэриголд. Уинстон и Клемми долго были безутешны, и лишь рождение в 1922 году Мэри, подвижной девочки, не доставлявшей родителям хлопот, немного их утешило. В 1935 году случилось непредвиденное событие: во время круиза вокруг Индонезии и Филиппин Клемми влюбилась в своего попутчика, продавца картин по имени Теренс Филип. После лондонских

проблем эта романтическая страсть стареющей женщины к молодому мужчине, образованному и остроумному да к тому же гомосексуалисту, на несколько месяцев перенесла Клемми словно бы в другой мир. Однако роман длился недолго и не получил продолжения, хотя для Уинстона, и без того переживавшего не лучшие свои времена, это был тяжелый удар.

Из четверых детей Черчилля второй, Рандольф, доставлял отцу больше всего хлопот и неприятностей. Это был избалованный ребенок, заносчивый и злой. Бросив учебу в Оксфорде, Рандольф начал пить, пристрастился к азартным играм. Его долги росли как снежный ком. В приличном обществе Рандольфа на дух не выносили из-за его взбалмошности и ужасных манер. Задумав сделать политическую карьеру, он поначалу улещивал Мосли, а затем встал на сторону отца в его борьбе за Индию. В то же время Рандольф, никого не предупредив, дважды выставлял свою кандидатуру на частичных выборах против официального кандидата от партии консерваторов. В результате победу одерживали лейбористы, и это ставило Черчилля в чрезвычайно щекотливое положение.

По правде говоря, слава отца всю жизнь довлела над Рандольфом. Сам же он не добился успеха ни в политике, ни в журналистике, ни в обществе. В 1939 году он женился на юной восемнадцатилетней аристократке Памеле Дигби. В 1940 году у них родился сын, названный в честь деда Уинстоном (в настоящее время внук Черчилля является депутатом от партии консерваторов, однако по поступкам молодого Уинстона нельзя судить однозначно о его партийной принадлежности). Очень скоро, впрочем, брак Рандольфа и Памелы дал слабину, и в 1945 году они развелись. Черчилль тем не менее высоко ценил свою невестку, которая большую часть войны провела на Даунинг стрит, блестяще справляясь с обязанностями хозяйки. Пока Рандольф искал утешения со случайными знакомыми, среди поклонников Памелы появился Эверелл Гарриман, специальный посол Рузвельта, прибывший в Англию для обсуждения закона об аренде. После многочисленных романов с великими мира сего и второго распавшегося брака Памела вновь встретила с Гарриманом в 1973 году и вышла за него замуж. В 1993 году Гарримана назначили послом Соединенных Штатов в Париже. Там Памела провела последние годы своей жизни и там же скончалась в 1997 году.

После объявления войны Рандольф поступил добровольцем в 4-й гусарский полк, в котором служил его отец, потом перешел в десантно-диверсионную группу, затем — в отряд парашютистов Специальной службы военно-воздушных сил (*Special Air Service*). Впрочем, никаких особых подвигов он так и не совершил. Рандольф решил, что ухватил удачу

за хвост, когда его в составе военной миссии генерала Маклина отправили к югославским партизанам. Однако, судя по всему, Тито успели предупредить о его прибытии, потому что он умышленно не замечал сына премьер-министра. Рандольф сумел перессориться со всеми своими товарищами и друзьями (начиная с Ивлина Во), и они уже не в силах были его выносить. Как-то раз, оставшись однажды вечером на Даунинг стрит, Рандольф устроил безобразный скандал, оскорбил отца и ударил сестру. Пришлось прибегнуть к помощи морских пехотинцев, несших караул, чтобы выставить его за дверь. После войны Рандольф снова занялся журналистикой. Карты и вино все больше и больше порабощали его. Отношения отца и сына были отвратительными, хотя время от времени между ними наступало короткое перемирие. В 1948 году Рандольф вновь женился, на этот раз на Джун Осборн, у них родилась дочь Арабелла, любимица деда. Однако и этот брак закончился разводом в 1958 году.

Наконец Рандольф, удалившись в Саффолк в восточном Бергольте, на склоне лет нашел себе достойное занятие — он взялся за монументальную биографию отца. Рандольф успел написать лишь первые два тома, охватывавшие период с 1874 по 1914 год. Несмотря на то, что строки этих глав проникнуты сыновней почтительностью, а о творческом методе в строгом смысле слова говорить не приходится, эта работа опирается на огромную документальную базу, причем многие из использованных документов в то время еще не были опубликованы. Поэтому книга, безусловно, заслуживает внимания. Кроме того, автор привлек к работе в качестве научного консультанта замечательного молодого историка, выпускника Оксфорда Мартина Гилберта, закончившего книгу после преждевременной кончины Рандольфа (он умер в возрасте пятидесяти семи лет). Перу Мартина Гилберта принадлежат шесть томов биографии, охватывающих период с 1914 по 1965 год.

Судьба дочерей Черчилля Дианы (1909–1963) и Сары (1914–1982) была не менее трагичной. Диана была очень нервным ребенком. Она не ладила со своей матерью, пробовала было заняться изящными искусствами, а в 1932 году, вероятно, чтобы избавиться от тяготившей ее родительской опеки, недолго думая, вышла замуж за сына южно-африканского магната Джона Бэйли. К несчастью, вскоре выяснилось, что Джон был алкоголиком и слишком безвольным человеком, чтобы бороться со своим недугом, — словом, через три года семья распалась. Почти сразу же Диана вновь вышла замуж за молодого дипломата, только-только появившегося на политической арене, — Дункана Сэндиса. Впоследствии Дункан поддерживал своего тестя в палате общин, а затем и сам стал министром,

однако на посту министра он не добился особенных успехов ни во время войны, ни после ее окончания. Сэндис был приятным в обхождении человеком, но при этом слишком честолюбивым, расчетливым и непостоянным. Он не придавал браку большого значения, хотя у них с Дианой было трое детей, и в 1962 году попросил у супруги развода, чтобы жениться на француженке. В 1940 году Диана записалась в Женскую королевскую военно-морскую службу (*Women's Royal Naval Service*), но везде и во всем она чувствовала себя неудачницей. В 1953 году она надолго впала в депрессию, меняла одну психиатрическую клинику за другой. Так и не оправившись, Диана стала искать утешения в бутылке. В конце концов, не выдержав одиночества, она покончила с собой в 1963 году.

Полной противоположностью Диане, замкнутой и необщительной, была ее сестра Сара. Сара обладала сильным, волевым характером и обаянием, перед которым невозможно было устоять. Отец прозвал свою любимицу «ослицей» за ее упрямый нрав. У обворожительной, неугомонной Сары, отличавшейся к тому же завидным честолюбием, была одна навязчивая идея: она хотела играть в театре и даже мечтала стать звездой. Вероятно, она втайне надеялась когда-нибудь потягаться в славе со своим отцом, но не на политической, а на театральной сцене. Поэтому к большому неудовольствию родителей в 1935 году Сара поступила артисткой кордебалета (*chorus girl*) в одно из уэст-эндских шоу. Это было нечто среднее между театром музыкальной комедии и варьете. Там Сара влюбилась в ведущего актера, австрийского еврея по имени Вик Оливер. К тому времени Оливер, который был на восемнадцать лет старше Сары, уже дважды успел развестись. Родители Сары были категорически против их брака. Тогда непокорная дочь сбежала в Нью-Йорк, где в декабре 1936 года и вышла замуж за этого «бродягу», как его называл Черчилль. В то время в Англии как раз разразился династический кризис. Черчилль самоотверженно защищал право короля жениться по любви, в то же время отказывая в этом праве своей дочери вполне в духе викторианской эпохи. Само собой, пресса по обе стороны Атлантики вволю позлорадствовала по этому поводу — тем самым был нанесен еще один тяжелый удар по авторитету Черчилля. А дерзкая Сара как ни в чем не бывало удовлетворенно любовалась своим именем, написанным неоновыми огоньками над одним из бродвейских мюзик-холлов. В конце концов Черчилль смирился с этим браком («Как несчастный герцог Виндзор, — говорил он, — она получила то, что хотела, а теперь пусть довольствуется тем, что получила») и простил свою дерзкую дочь.

Однако Сара, бредившая славой, вдруг поняла, что она никогда не

будет звездой, а потому бросила Оливера и в 1941 году поступила на службу в Женские вспомогательные военно-воздушные силы (*Women's Auxiliary Air Force*). Там она работала в отделе аэрофотосъемки. На Даунинг стрит и в Чекере^[28] Сара встречала немало руководителей союзных держав, обожала участвовать в дискуссиях. Она сопровождала отца в качестве адъютанта на Тегеранской и Ялтинской конференциях, при этом продолжая тайком поддерживать связь с американским послом в Лондоне Джилем Уайнентом.

После самоубийства Уайнента в 1947 году Сара вновь взялась за ремесло актрисы, а в 1949 году вышла замуж за модного фотографа Энтони Бошама, который несколько лет спустя также предпринял попытку самоубийства. Сара к тому времени уже пристрастилась к спиртному и часто ссорилась с отцом. Она еще появлялась на экранах телевизоров, но любовь к крепким напиткам погубила ее. Одурманенную спиртным Сару не раз задерживали в общественных местах. Однажды — это было в Ливерпуле — понадобилась помощь четверых полицейских, чтобы умирить ее. Сара, уже успевшая побывать за решеткой, постепенно превращалась в трагическую фигуру, хотя еще продолжала играть в «Питере Пэне». Потом Сара уехала в Испанию, где вновь вышла замуж. Ее третий муж, богач лорд Генри Од-ли, был выпивохой и ничтожеством, он умер через год после свадьбы, в 1963 году. На закате жизни Сара коротала вечера, слоняясь по барам в Челси. У местных полицейских даже вошло в привычку потихоньку наблюдать за ней. Шестидесятилетняя Сара умерла в одиночестве (у нее не было детей) в 1982 году.

Подобной жалкой участи удалось избежать лишь самой младшей дочери Черчилля Мэри. Мэри родилась в 1922 году и прожила спокойную, достойную жизнь. Она была подвижной, жизнерадостной девочкой, умной и воспитанной. Родители не могли на нее нарадоваться. Мэри была для них утешением, хотя, несмотря на свою уравновешенность и нежность, обладала сильным и независимым характером. Мэри блестяще училась, а затем совсем юной в 1941 году записалась во Вспомогательную территориальную службу (*Auxiliary Territorial Service*) и даже была зачислена в зенитную батарею. Мэри сопровождала отца на конференции в Квебеке в 1944 году. К тому времени она превратилась в очаровательную девушку, а военная форма лишь подчеркивала ее красоту. Мэри была любимицей матери.

В 1947 году она вышла замуж за гвардейского офицера, бывшего военного атташе в Париже капитана Кристофера Сомса, сразу же завоевавшего расположение Черчилля. В какой-то мере Кристофер,

благодаря своей тактичности и внимательности, занял в сердце тестя место, которое по праву принадлежало Рандольфу, но, увы, этот блудный сын не смог сохранить его за собой. Позднее, когда Сомса избрали депутатом, он стал ближайшим соратником Черчилля — его парламентским личным секретарем (*Parliamentary Private Secretary*). Дом Сомсов был полной чашей. В нем царило веселье и раздавался звонкий смех пятерых детей, часто собирались гости, составлялись партии в самые разные игры. Во времена генерала Де Голля Сомса назначили послом в Париже, затем он короткое время занимал пост министра. Кристофер Соме преждевременно умер от рака в 1987 году. В свою очередь, леди Соме написала очень искреннюю, объемистую биографию своей матери, Клементины Черчилль. Книга вышла в 1979 году, немало страниц в ней посвящено жизни семьи Черчиллей в Чартвелльском поместье.

Пророчества Черчилля и Realpolitik:

1933–1939

Весной 1933 года у британских политиков все валилось из рук. Повсюду бушевал экономический кризис, план разоружения провалился, в Германии к власти пришел Гитлер, неприятностям с Индией не было видно конца-краю. Именно тогда Черчилль, выступая перед Королевским обществом Святого Георга, покровителя Англии, заявил: «Историки подметили одну характерную особенность английского народа, приносящую ему немало горя на протяжении многих веков. Дело в том, что после каждой победы мы растрчивали большую часть преимуществ, потом и кровью добытых в боях. Не чужеземцы приносят нам самые страшные наши беды. В них повинны мы сами». И затем, призывая прекратить это самоистязание, которому предается в первую очередь интеллигенция, Черчилль восклицал: «Если мы потеряем веру в самих себя (...), мы погибнем. Никто и ничто не спасет Англию, кроме нас самих»^{[\[181\]](#)}.

Вне всякого сомнения, эти гордые слова являются неотъемлемой частью черчиллевского наследия. Но не стоит воспринимать это наследие однозначно. Как раз наоборот, не так-то просто постичь его во всем его многообразии. Было бы неправильно думать, что суть происходивших с Черчиллем в тридцатые годы событий лежит на поверхности. Тем более

что всем известная легенда, если не сказать «жизнеописание святого Уинстона», была придумана им самим во «Второй мировой войне». Согласно этой легенде, Черчилль никогда не уклонялся от избранной им линии поведения, ясной и четкой. Его позиция в отношении международных кризисов 1933–1939 годов якобы продолжала эту линию. Неизменно придерживаясь этой линии, Черчилль демонстрировал свою основательность и безошибочную прозорливость.

В действительности причины, по которым Черчилль выступал против разоружения, были вовсе не так уж убедительны, как говорили. Изъянов в его логике и непоследовательности было предостаточно. А потому не стоит полагаться на версию самого Черчилля, который после войны попытался выставить в выгодном свете свое поведение в тридцатые годы. Конечно же, это ни в коем случае не умаляет ни его проницательности, ни его мужества. Он ненавидел трусость и людей с рабской душой, у него были высокие понятия о чести, а его любви к родине ничто не могло поколебать. Его принципы, неотделимые от его души, нашли отражение в следующих словах: «Нет ничего хуже, чем терпеть несправедливость и насилие из страха войны. Если Вы не способны защитить свои права от посягательств агрессора, его требованиям и оскорблениям не будет конца»^[182]. Бесспорным является тот факт, что неоднократно, в особенности же перед лицом опасности, исходившей от захватнического, воинственного режима нацистской Германии, слова Черчилля, выражавшие чувства целого народа, звучали поистине как пророчество. И неважно, что порой в его речах проскальзывали слова, грешившие против логики, а в поступках чувствовалось дыхание *Realpolitik*. Приходится признать, что пророчества Черчилля долгие годы не находили отклика, пока в последний момент в стране не пробудился инстинкт самосохранения после Мюнхенских соглашений 1938 года.

*

Начиная с 1933 года Черчилля занимало только одно. Приход Гитлера к власти в Германии смешал весь международный политический расклад. Все остальные проблемы отошли на второй план. А потому все внимание Черчилля в период с 1933 по 1935 год было направлено на то, чтобы сохранить политическое равновесие в Европе и начать перевооружение.

В том, что касается первого пункта, Черчилль был приверженцем старого доброго принципа «баланса сил» на континенте. А потому,

почувствовав опасность со стороны вооружавшейся Германии, он попытался предупредить окружающих о надвигающейся грозе. Черчилль не исключал возможности войны и прямо заявил об этом в палате общин 13 апреля 1933 года. Однако недружелюбно настроенные по отношению к нему депутаты не придали значения его словам. Конечно, Черчилль не думал, что приход к власти Гитлера обязательно означал скорое начало войны. Но возрождавшаяся националистская Германия, вновь вооружившаяся и готовая разорвать Версальский договор, вне всякого сомнения, ставила под угрозу мир в Европе. И дело не в том, что Черчилль не допускал и мысли о каких-либо изменениях в договоре, например, в отношении польского коридора, но, с одной стороны, он не считал Версальский договор диктатом или чем-то вроде «карфагенского мира». С другой стороны, он полагал, что на уступки можно идти лишь в интересах коллективной безопасности. Поэтому Черчилль вновь решительно занял ту же позицию, которой придерживался до 1914 года: необходимо заключить союз с Францией, чтобы вместе дать отпор Германии.

Вот почему он поносил Макдональда, считавшего, что за мир в Европе следует опасаться из-за военной мощи Франции, а не из-за непомерных амбиций Германии. «Возблагодарим Бога за то, что он послал нам французскую армию!» — восклицал Черчилль к великой досаде большинства депутатов^{[\[183\]](#)}.

Что же до самого Гитлера, отношение к нему Черчилля определилось далеко не сразу, как это утверждалось в его официальной биографии. Достоверно известно лишь то, что Черчилля приводила в ужас гитлеровская диктатура, его пугала циничная жестокость, агрессивность доктрины национал-социалистов, расправлявшихся с оппозицией и люто ненавидевших евреев. Потому Черчилль и называл Гитлера «гангстером» и «деспотом». Придя к власти, Черчилль стал открыто клеймить нацистский режим. Он говорил о «всплеске кровожадности и воинственности, безжалостном отношении к меньшинствам», о том, что «огромное количество людей лишено прав, предоставляемых цивилизованным обществом человеку, лишь на основании их расовой принадлежности»^{[\[184\]](#)}.

Тем не менее, пойдя на поводу у своего богатого воображения, Черчилль зачастую ошибался в оценке личных качеств Гитлера. Так, в 1935 году он посвятил фюреру статью, которую затем включил в свой сборник «Великие современники». В этой статье Черчилль расхваливал «мужество, упорство, энергию» фюрера, позволившие ему взять власть в свои руки, устранив все препятствия на пути. И Черчилль продолжал: «Конечно,

последующие политические шаги, сколь бы справедливыми они ни были, не оправдывают совершенных ранее несправедливых деяний. Тем не менее история полна примеров, когда людей, достигших вершины власти путем жестоких, страшных мер, возводили в ранг великих, оценивая в целом их жизнь, и считали этих кровавых героев украшением истории человечества. Возможно, так будет и с Гитлером»^[185]. Еще в 1937 году Черчилль задавался вопросом: «Чудовище или герой Гитлер? — и сам же отвечал: — История покажет»^[186].

И если даже человек такого тонкого и такого искушенного ума, как Черчилль, заблуждался, то происходило это оттого, что европейцы еще слишком хорошо помнили об ужасах Первой мировой войны. Эти воспоминания усыпляли бдительность, делая их рабами бессознательного, неосознанного пацифизма. Правительство Болдуина не желало идти наперекор общественному мнению. Впрочем, никто наверняка не знал, где был выход из создавшегося положения, ведущий к примирению и согласию.

Черчилль же, в двадцатые годы без особого энтузиазма относившийся к Содружеству Наций, теперь стал поборником идеи коллективной безопасности и международного права как средства улаживать разногласия между странами. Только, по его разумению, для того, чтобы заставить других подчиняться закону, нужно самому обладать силой, а кроме того, обеспечить собственную безопасность в любых обстоятельствах. Такого же мнения придерживался и генерал Де Голль.

Вот почему Черчилль активно выступал в защиту перевооружения — второе направление его общественной деятельности в тот период. Однако, говоря о перевооружении, он имел в виду лишь авиацию, поскольку не сомневался в надежности британского военно-морского флота, а о сухопутной армии, подвергшейся значительным сокращениям, не думал вовсе, надеясь на французскую пехоту. Его вера во французскую сухопутную армию, остававшаяся непоколебимой вплоть до мая 1940 года, не перестает удивлять. «Врагу не удастся прорвать французский фронт, где бы он ни пытался это сделать», — заявил Черчилль, осмотрев линию Мажино в августе 1939 года^[187].

Третий рейх в нарушение Версальского договора восстановил мощь своей военной авиации, а потому мысль об опасности, грозившей с воздуха, не давала покоя мирным гражданам. Больше всего люди боялись, что целые города будут сметены с лица земли одним ударом немецкой

авиации. А потому задачей номер один было уравнивать силы немецкой военной авиации, быстро набравшей силу, и королевских военно-воздушных сил. Черчилль, понимая это, бил тревогу. Он постоянно говорил о необходимости одновременно пустить на полную мощность авиационную промышленность, экипировать военно-воздушные силы по последнему слову техники и начать ускоренную подготовку военных летчиков. Однако для того чтобы заставить правительство осуществить этот грандиозный план, одного красноречия было мало, нужны были веские аргументы. И тогда Черчилль в течение трех лет — с 1935 по 1938 год — тайком собирал информацию с помощью надежных людей, занимавших высокие посты в британской администрации и разделявших его опасения относительно Германии, а также его мнение о необходимости перевооружения. К тому же их, как и Черчилля, беспокоило бездействие властей.

Его основными осведомителями были дипломат Ральф Виграм и офицер авиации Торр Андерсон. Оба они действовали, соблюдая строжайшую тайну, и даже частенько самолично наведывались в Чартвелльское поместье, чтобы без помех переговорить с Уинстоном. Ральф Виграм, руководивший департаментом Центральной Европы в министерстве иностранных дел, сообщал Черчиллю секретную информацию, получаемую непосредственно из Германии, о ходе перевооружения и о достижениях немецкой военной авиации. Свою информацию он подкреплял полученными шифрованными письмами. Торр Андерсон, высокопоставленный чиновник в министерстве авиации, информировал Черчилля о положении дел в королевских военно-воздушных силах, о летчиках и самолетах. Третьим осведомителем Черчилля был Десмонд Мортон, загадочный руководитель Центра промышленных исследований (*Industrial Intelligence Centre*). Во время войны он стал одним из ближайших соратников премьер-министра. Мортон дополнял получаемую Черчиллем информацию об авиационном производстве двух стран.

Не стоит забывать, что Черчилль был членом Комитета исследований в области противовоздушной обороны да к тому же имел статус независимого парламентария, а потому он и сам мог следить за ходом дел в Англии и за ее пределами. Вооружившись всеми этими сведениями, подкрепленными статистическими данными, Черчилль постоянно обращал внимание правительства на слабые стороны королевских военно-воздушных сил и настоятельно требовал ускорить темпы перевооружения, чтобы нагнать упущенное время. И нередко власти бывали удивлены и

обескуражены осведомленностью этого докучливого ходатая.

В действительности же цифры в отчетах Черчилля были сильно завышены, а правительственные данные и официальная статистика грешили неоправданным оптимизмом. Тем не менее Великобритания все же начала перевооружаться в 1935 году. Была ли в этом заслуга Черчилля? Ведь он сражался как лев, пытаясь предотвратить беду, готовую обрушиться на головы англичан буквально с неба, он изо всех сил старался доказать соотечественникам, что немецкие национал-социалисты проводят захватническую, воинственную политику. Вероятно, британское правительство одумалось в какой-то мере и благодаря усилиям Черчилля. Однако надо признать, что он больше походил на «вопиющего в пустыне»: как политик Черчилль не пользовался доверием, порой в отношении к нему проскальзывала враждебность. В стане консерваторов он больше не находил поддержки ни у самых правых, вставших на его сторону во времена борьбы за Индию, но не веривших в реальность нацистской угрозы, ни у молодых тори, которым Гитлер внушал некоторые опасения, но они не доверяли Черчиллю. Антифашисты, и в частности лейбористы, считали Черчилля паникером и забиякой. И зачастую он обращался со своими предупреждениями к полупустому залу палаты общин или к слушателям, которых споры специалистов и экспертов, ловко манипулировавших цифрами, лишь сбивали с толку и оставляли совершенно равнодушными.

*

Черчилль не жалея живота своего сражался с амбициями гитлеровской Германии, но в то же время не пренебрегал и компромиссами. Некоторые принятые им с 1935 по 1937 год решения были если не в духе политики умиротворения (в широком смысле слова), то уж, по крайней мере, в духе *Realpolitik*. Его склонность к компромиссу проявилась во время трех кризисов, разразившихся на мировой арене за эти три года.

Первым кризисом было эфиопское дело. С самого его начала, то есть осенью 1935 года, Черчилль не придавал этому кризису первостепенного значения и отнесся скорее с пониманием к амбициям итальянцев. Он не единожды с похвалой отзывался о Муссолини. В 1927 году после встречи с герцогом он заявил во время пресс-конференции: «Нельзя не поддаться обаянию господина Муссолини. Он покоряет Вас своей простотой и любезностью. Дуче очень уравновешенный человек. Ему всегда удастся

сохранять спокойствие, несмотря на широкий круг обязанностей и многочисленные опасности, нависшие над ним. Он думает только о благе итальянского народа, как он его понимает, это сразу видно. Если бы я был итальянцем, уверен, я был бы предан ему всей душой». Эти опрометчивые слова навлекли на Черчилля гнев левых либералов и лейбористов. Клемми, в свою очередь, некстати отозвалась о Муссолини как о человеке, «достойном, внушительном, очень простом и естественном». В другой раз Черчилль назвал дуче «воплощением римского гения», «величайшим законодателем из ныне здравствующих». В 1937 году он в целом не изменил своего отношения к диктатору, наделенному «удивительным мужеством, умом, хладнокровием и упорством»^{188}.

Что же касается Эфиопии, то Черчилль считал, что эту страну напрасно приняли в Содружество Наций и что глупо было бы стремиться «раздавить Италию»^{189}, толкнув ее, таким образом, в объятия Германии, врага номер один (заметим, что Черчилль не поддержал англо-германский морской договор, заключенный в 1935 году). Посему уж лучше Великобритании, Франции и Италии полюбовно договориться между собой. Вот почему Черчилль не одобрял политику санкций, проводимую Содружеством Наций против Италии, и в данном случае решительно отступал от принципа коллективной безопасности. Такой же позиции он придерживался и во время японской агрессии против Маньчжурии. Не стоит также забывать о том, что в это же время, то есть в конце 1935 года, прошли выборы в законодательное собрание и что у Черчилля в связи с этим теплилась надежда вернуться в правительство.

Второй кризис грянул в марте 1936 года, когда Гитлер решил ремилитаризовать Рейнскую область, для чего ввел туда свои войска. Отношение Черчилля ко всем этим маневрам и тогда еще оставалось довольно ровным. Он отнюдь не призывал прибегнуть к силе, но, по-прежнему осуждая нарушение Гитлером Локарнского договора и международного права, открыто выражал свое удовлетворение решением французского правительства. Французы сохранили хладнокровие и обратились за помощью к Лиге Наций, вместо того чтобы ответить злом на зло. Однако все это выглядело так, словно французы попросту смирились перед свершившимся фактом^{190}.

И, наконец, об испанской войне. Хотя Черчилль и написал в своих «Мемуарах», что придерживался «нейтральной» позиции по этому вопросу, на деле все было совсем не так. Он открыто выступал в поддержку испанского националистического лагеря и не скрывал своей симпатии к

Франко. Черчилль не рассмотрел фашиствующую сущность франкистов и, как обычно, во всем видел козни красных, коммунистов и анархистов, он даже отказался подать руку послу Испанской Республики в Лондоне. Уинстон полностью одобрял политику невмешательства и даже предложил в марте 1937 года официально признать власть мятежников. И лишь с осени 1938 года, когда пути назад уже не было, он осознал, какую опасность представлял для Европы союз Франко — Гитлер — Муссолини. Только тогда Черчилль изменил свою позицию и вновь встал на сторону республиканцев^[191].

Однако по мере того как атмосфера в мире накалялась, Черчилль, с одной стороны, сблизился с отдельными представителями либеральной и лейбористской партий, разделявшими его опасения, с другой стороны, он по-новому взглянул на СССР. У него появилась идея объединить в «великий альянс» Соединенное Королевство, Францию и Советский Союз с тем, чтобы преградить дорогу фашизму. Черчиллю пришлось забыть на время о своей неприязни к коммунизму перед лицом гораздо более серьезной опасности. Теперь, когда стало ясно, что страна должна объединиться, Черчилль вновь открыто призывал защитить свободу от тирании. Он заявлял, что отныне необходимо руководствоваться лишь духовными ценностями в политике.

Одновременно он принимал участие в деятельности неофициальной организации «Фокус», представлявшей собой нечто вроде народного фронта защитников родины от вражеской агрессии (полное ее название «*Focus in defense of Freedom and Peace*»^[29]). В эту организацию входили журналисты, политики, деловые люди и ученые, принадлежавшие к разным партиям. Были среди них и тори, как Черчилль, и либералы, как Вайолет Бонем-Картер, и пацифисты, как Норман Эйнджелл, и лейбористы, как Кингсли Мартин. Благодаря Мартину Черчилль и сблизился с левыми антифашистами.

В этих новых условиях, которые только-только начали складываться и при которых происходили самые неожиданные трансформации и создавались самые необычные положения, в деятельности Черчилля наступило затишье, длившееся в течение всего 1937 года. Конечно, он знал, что перевооружение идет полным ходом, но та изоляция, в которой он по-прежнему находился, угнетала его. Черчилль вообразил, что на международной арене наступила передышка, и стал во всеуслышание корить себя за глупое паникерство. Правда, он все еще надеялся вернуться к власти, впрочем, напрасно. А пока риск военного конфликта, как ему

казалось, готов был сойти на нет, и осенью 1937 года он не единожды в своих письмах и речах неосторожно заявлял: «Думаю, у моих современников есть все шансы избежать сколь-нибудь серьезных военных действий»^{192}.

*

Поворотным стал 1938 год, поскольку официальная политика «умиротворения» приняла новый облик. Вначале этот термин означал традиционную дипломатическую позицию, заключающуюся в том, чтобы разрешать конфликты путем переговоров и компромиссных решений. Однако с приходом Невилла Чемберлена к власти в качестве премьер-министра в июле 1937 года слово «умиротворение» стало обозначать особую стратегию. В условиях кризиса, согласно этой стратегии, ради сохранения мира и по принципу политического реализма (то есть исходя из соотношения сил противников) одна сторона систематически шла на уступки другой стороне с целью избежания вооруженного конфликта.

Черчиллевская концепция расходилась с правительственной концепцией, выработанной и опробованной на собственном опыте британскими лидерами во второй половине тридцатых годов и превратившейся в доктрину и руководство к действию в 1938 году. Хотя, надо заметить, что Черчилль и сам нередко колебался, прежде чем на что-либо решиться. Тем не менее в прагматизме ему не откажешь, а свои тезисы он всегда проверял опытом. После войны Черчилль очень четко объяснил свою теорию «умиротворения» и взаимосвязь стратегии и обстоятельств: «Сама по себе политика умиротворения может быть плохой или хорошей — все зависит от обстоятельств. Политика умиротворения, к которой правительство вынудили слабость и страх, и бесполезна, и разрушительна. Политика умиротворения, которую проводит сознающее свою силу правительство, великодушна и величественна. Возможно, в таком случае это наиболее безопасная политика, и, кто знает, может быть только таким путем можно достичь мира во всем мире?»^{193}

Чемберлен олицетворял собой политику умиротворения. Заняв высочайший государственный пост в Королевстве, он, на свое несчастье, столкнулся с необходимостью выпутываться из целого ряда разразившихся кризисов, более или менее серьезных. И вместо того чтобы посвятить свои труды внутренней политике, в которой он лучше всего разбирался,

Чемберлен был вынужден заниматься в основном внешней политикой, в которой он ничегошеньки не смыслил. Это была его ахиллесова пята. Черчилль же, напротив, чувствовал себя совершенно свободно в сфере международных отношений, но гордый и спесивый Невилл не желал этого признавать. Между тем его сводный брат Остин Чемберлен в свое время предупреждал упряма: «Невилл, опомнись, ведь ты ничего не смыслишь в международных делах!» Конечно, в том, что касалось вопросов внутренней политики, Невилл Чемберлен был признанным экспертом и с завидной ловкостью справлялся с любыми трудностями, но в том, что касалось внешней политики, он судил, рядил и указывал с обычной своей самоуверенностью, но вот ни на знания, ни на интуицию в своих действиях опереться не мог. К тому же Чемберлен доверял советам одного высокопоставленного чиновника, не уступавшего ему в упрямстве, — сэра Горацио Уилсона. Уилсон был видным промышленником, специалистом в своей области и тоже считал, что всегда прав. Неудивительно, что парочка Чемберлен — Уилсон постоянно конфликтовала с министерством иностранных дел. Неудивительно также, что готовность правительства идти на компромисс с Гитлером привела к столкновениям с Черчиллем, не желавшим сдавать своих позиций.

Тем временем общественное мнение и мнение депутатов изменилось. С тех пор как Иден, не нашедший общего языка с Чемберленом, ушел из министерства иностранных дел в феврале 1938 года, вокруг него сформировалась группа сторонников из двадцати депутатов. Среди них были Гарольд Макмиллан, Дафф Купер, Гарольд Николсон, генерал Спирс — все они осуждали пассивность Чемберлена. Однако этот очаг оппозиции старательно обособлялся от крохотной группки Черчилля, не пользовавшейся доверием. Тем временем в марте проводимая Германией политика присоединения внезапно снова вызвала напряженность на международной арене. Тогда Черчилль перестал поддерживать правительство в палате общин и вновь стал активно выступать в защиту Содружества Наций и повторять всем и каждому, что единственный способ избежать войны — заключить союз между Великобританией, Францией и Советами. Однако весной 1938 года, когда разразился чехословацкий кризис, Черчилль перво-наперво попытался примирить судетских немцев с правительством Чехословакии, пообещав Судетам статус автономии. Он даже тайно встречался в Лондоне с Конрадом Генлейном. Тем не менее действия Чемберлена внушали ему все больше опасений. Черчилль категорически осудил поведение премьер-министра, дважды официально посетившего Гитлера, а тем более Мюнхенские соглашения.

Наконец, жребий был брошен. 5 октября Черчилль произнес длинную речь во время дебатов, разгоревшихся в палате общин по поводу Мюнхенских соглашений. Это было одно из его самых блестящих выступлений в парламенте. В своей речи Черчилль камня на камне не оставил от политики «умиротворения» а ля Чемберлен. Он начал с того, что подвел удручающий итог: «Мы только что потерпели полное и безоговорочное поражение». Затем беспощадный Черчилль заговорил о страданиях, выпавших на долю чехов: «Все кончено. Чехословакия сломлена, всеми покинута, в скорбном молчании погружается она во мрак. Этой стране пришлось испытать до дна чашу страданий, несмотря на крепкий союз с западными демократическими державами и участие в Содружестве Наций, покорной слугой которого она всегда была».

После этого зловещего вступления оратор отважился на предсказание, которое, увы, сбылось меньше чем через полгода: «Боюсь, что теперь Чехословакия не сможет сохранить свою политическую независимость. Вот увидите, пройдет какое-то время, может быть, годы, а может быть, месяцы, и нацистская Германия поглотит ее».

Для Черчилля, прорицавшего будущее, это был удобный случай, чтобы выступить с обвинительной речью против действий, или, скорее, бездействия, всех предыдущих правительств: «Пять лет благих решений, повисших в воздухе, пять лет, потраченных на усердные поиски самого легкого пути выхода из тупика, пять лет, в течение которых Британия медленно, но верно теряла свое могущество. Настало время посмотреть правде в глаза, довольно обманывать самих себя, мы должны реально оценить масштабы бедствия, постигшего мир. Мы оказались перед лицом величайшей катастрофы, обрушившейся на Великобританию и Францию. Не нужно тешить себя напрасными надеждами. Отныне мы должны принять как данность факт, что страны Центральной и Восточной Европы попытаются заключить с нацистской Германией в случае ее победы мир на самых выгодных для себя условиях». Ведь отныне на системе альянсов был поставлен крест и проникновению нацизма в придунайские страны и на берега Черного моря, вплоть до Турции, ничто не мешало. «Без единого выстрела» Гитлер день за днем обращал в свою веру все новые страны Центральной и Восточной Европы.

Черчилль итожил: «Мы потерпели поражение, не участвуя в войне, и последствия этого поражения еще долго будут напоминать о себе». Он закончил свою речь предостережением, долгое время не терявшим своей актуальности: «Не думайте, что опасность миновала. Это еще далеко не конец, это только начало грандиозного сведения счетов. Это лишь первый

тревожный звонок. Мы лишь омочили губы в чаше бедствий, из которой мы будем пить не один год, если не сделаем последнего усилия, чтобы вновь обрести бодрость духа и силы сражаться»^{194}.

Само собой разумеется, не эти речи привлекли сторонников к Черчиллю и избавили его от одиночества. К концу 1938 года ему исполнилось шестьдесят четыре года, в партии тори он был одиночкой и никогда еще не ощущал этого так остро, как теперь, от власти его отстранили десять лет назад, казалось, на карьере Черчилля можно поставить крест. Ан не тут-то было. События 1939 года развернули фортуна к нему лицом. В середине марта все встало на свои места, немецкие войска заняли Прагу, Мюнхенские соглашения превратились в пустую и ненужную бумажку.

Отныне все изменилось. Грянувшие события подтвердили слова неугомонного пророка. Черчилля никто не слушал, а между тем его пророчества сбывались у всех на глазах. Он был прав, это его противники ошибались, политика «умиротворения», когда-то единодушно приветствуемая обществом, оказалась ловушкой, ошибкой. Люди поняли, что «временный мир» — всего лишь преддверие войны, ведь на польской границе уже готов был разразиться новый кризис. Словом, Черчиллю удалось восстановить свою репутацию. Однако, несмотря на то, что популярность его росла, а в начале лета в прессе развернулась целая кампания, предпринятая с целью вернуть Черчилля в правительство, ничего еще не было решено. Об этом свидетельствовал опрос общественного мнения, проведенный в марте 1939 года. Респондентам был задан вопрос: «Кого бы Вы выбрали премьер-министром, если бы Чемберлен ушел в отставку?» Тридцать восемь процентов опрошенных предпочли Идена и лишь семь процентов — Черчилля, столько же голосов набрал и лорд Галифакс.

Как это ни парадоксально, но у Черчилля на данном этапе все же было два решающих, как потом оказалось, козыря. Ему вдвойне повезло: Уинстону благоволили обстоятельства, ведь следовавшие друг за другом события словно уговорились заставить окружающих признать его правоту. А поскольку Черчилля давным-давно отстранили от власти, то теперь это оказалось ему на руку, ведь на него не пала ответственность за все неудачи, случившиеся за время его отсутствия. Звезда Черчилля вновь засияла для будущих свершений. Вот что он сам написал по поводу этого неожиданного поворота судьбы: «Над моей головой парил невидимый ангел, укрывавший меня своими крылами»^{195}.

Глава пятая

АДМИРАЛТЕЙСТВО

1939–1940

«Уинстон вернулся»

«Война — это ужасно, но рабство — еще хуже», — говорил Черчилль в начале 1939 года^{196}. Как только Соединенное Королевство объявило войну Германии в одиннадцать часов утра 3 сентября 1939 года, он, обращаясь к парламенту, сразу же заговорил об идеологической подоплеке этой войны. Для него смысл происходящего был очевиден: свободным народам Европы предстоит беспощадная борьба за человеческое достоинство. «Мы сражаемся, — объяснял он, — вовсе не за Данциг и не за Польшу. Мы сражаемся, чтобы спасти целый мир от фашистской тирании — этой чумы — и чтобы защитить все самое святое, что есть у человека»^{197}.

В тот же день Чемберлен, убедившись, что вернуть Черчилля в правительство необходимо, предложил ему пост первого лорда адмиралтейства, а также право голоса в военном совете. И вот наш мятежник вновь в здании адмиралтейства, на том же посту, с которого он, униженный и опороченный, ушел в мае 1915 года. И сразу же, как гласит легенда, на все корабли и на все базы британского военно-морского флота, разбросанные по всему земному шару, был послан сигнал — всего два слова: «Уинстон вернулся». Предание об этом триумфальном послании получило такое распространение, что о нем стали упоминать во всех биографиях, научных сочинениях, учебниках, альбомах. Бесспорно, история очень красивая («если это и не правда, то придумано отменно»), но надо признать, что это всего лишь легенда. Официальный биограф Черчилля Мартин Гилберт просмотрел все доступные архивы, но нигде не нашел упоминания о пресловутом сигнале^{198}. А вот в чем сомневаться не приходится, так это в том, что известие о назначении Черчилля первым лордом было с радостью принято флотом. Теперь все было иначе, чем в 1914–1915 годах, — теперь военные моряки верили Черчиллю.

Первый лорд, по своему обыкновению, едва обосновавшись в

адмиралтействе, сразу же развернул бурную деятельность. Он вдохнул в свое ведомство новую жизнь, разбудил дремавшую в нем энергию, установил хорошие отношения с первым морским лордом адмиралом Дидли Паундом и с руководителями различных служб. Историки давно пытаются выяснить, остался ли Черчилль таким же властным и по-прежнему ли вмешивался в ход военных операций, как и во время Первой мировой войны. В связи с этим острая полемика разгорелась между американским историком Артуром Мардером, видным специалистом по истории британского флота, и капитаном корабля Стивеносом Роскиллом, официальным историком британского флота. Мардер утверждал, что, несмотря на свою активность, Черчилль не посягал на полномочия штаба и отдельных служб военно-морского флота. Роскилл же, напротив, уверял, что и адмиралтейский корпус, в частности, Паунд, и капитаны кораблей неоднократно получали неуместные приказы от самонадеянного первого лорда. По правде говоря, Черчилль, по-видимому, извлек урок из прошлых неудач и теперь старался сдерживать неумное желание всюду совать свой нос. Он, насколько это позволял его темперамент, умерил пыл и уже не так часто вмешивался в дела подчиненных.

Не подлежит сомнению и тот факт, что Черчилль всеми правдами и неправдами старался навязать правительству наступательную тактику вместо официальной оборонительной и тем самым стать идейным вдохновителем стратегии союзников. Он считал, что нет ничего хуже пустой болтовни и пассивности, царившей в британских высших эшелонах власти, руководствовавшихся, как насмешливо говорил Черчилль, мудрым «принципом: не будьте злыми с врагом, не то вы его рассердите!»^[199] Тем не менее, как правило, темпераментному первому лорду приходилось в нетерпении грызть удила, негодуя в душе против бездействия французского и британского правительств. Это было в самый разгар «странной войны»^[30]. Выражение «странная война», впервые произнесенное Роландом Доржелесом, сразу же стало расхожим во Франции, однако в Британии говорили, скорее, о «ложной войне»^[31]. Когда-то журналисты называли «ложной» Крымскую войну, во время которой под Севастополем противники заняли позиции друг против друга и долгое время ничего не предпринимали.

Черчилль был бойцом и к тому же считал себя непревзойденным стратегом. Он вознамерился продемонстрировать всем, что хочет и знает, как вести войну, настоящую войну. Случай ему представился практически сразу же после его назначения: на море начались военные операции, в

которых участвовали корабли и подводные лодки. 3 сентября после полудня немецкая подводная лодка потопила в Атлантическом океане пассажирское судно «Атения», принадлежавшее компании «Кюнар». Тяжелым ударом для британского военно-морского флота была потеря авианосца «Кэрейджэс» 19 сентября и броненосца «Ройал Оук», дерзко атакованного немецкой подводной лодкой прямо на рейде Скапа Флоу 14 октября. Однако британский флот все же взял реванш в декабре, одержав победу при Рио-де-ла-Плата. В тот день флотилия Ее величества преследовала немецкий миниатюрный броненосец «Граф Шпее», потопивший не один торговый корабль в Индийском океане и в Южной Атлантике. Британские корабли перехватили его недалеко от Монтевидео. Броненосец, получивший серьезные повреждения, пошел ко дну. Об этом блистательном подвиге британских моряков кричали на всех углах, Альбион сразу же воспрянул духом. А поскольку активные военные действия велись только на море, внимание общественности и средств массовой информации было приковано к флоту. Для первого лорда это была замечательная возможность поправить свою репутацию в глазах сограждан. И он этим пользовался во всю, к примеру, не раздумывая преувеличивал число потопленных вражеских подлодок.

В то время Черчилль лелеял три грандиозных стратегических плана. Первый план был схож с одним из его планов 1914 года, назывался он «Операция Екатерина» — в честь Екатерины Великой. Этот план заключался в том, чтобы установить контроль над Балтийским морем и, если удастся, положить конец экспорту железа из Швеции в Германию. Этот замысел, порожденный в самом начале войны плодовитым умом Черчилля, которого всю жизнь манила Скандинавия и проливы Босфор и Дарданеллы, был слишком уж дерзким. Ведь речь шла о том, чтобы действовать во вражеских водах, в зоне досягаемости немецких кораблей и подводных лодок, к тому же наверняка заминированной и контролируемой неприятельскими истребителями. Все эксперты решительно высказались против этого плана, и от него пришлось отказаться.

Второй план, предложенный Черчиллем несколько дней спустя, также имел целью прекратить вывоз железной руды из Швеции, на этот раз через Нарвик и Атлантический океан. Для этого нужно было заминировать фарватер территориальных вод Норвегии, через который шведскую руду переправляли в Германию зимой, когда Балтийское море замерзало. Министерство иностранных дел воспротивилось и этому плану, опасаясь осложнения отношений с нейтральными государствами. На время о нем забыли, однако когда 30 ноября 1939 года разразилась советско-финская

война, союзники вновь к нему вернулись.

Наконец, третий, самый дорогой сердцу Уинстона план, которому он отдал немало сил, назывался «Королевский флот». В основу его легла идея о том, чтобы перенести военные действия на территорию рейха с помощью дрейфующих мин, заложенных в реки. Таким образом была бы нарушена вся система речного судоходства, а также внутренних коммуникаций Германии. Особенное внимание уделялось Рейну и его притокам. Направление течения реки как раз отвечало целям союзников, а начать операцию предполагалось с французской территории. Остальные мины можно было сбросить в реки с самолетов в других районах, расположенных восточнее. Увлечшись этим планом, Черчилль пригласил двух специалистов, военного и гражданского, для разработки соответствующих механизмов. Они работали в небольших мастерских в пригороде Лондона. За зиму им удалось сконструировать необходимые приспособления, и Уинстон каждый вечер показывал их в адмиралтействе. Эти ночные презентации получили название «черчиллевских полуночных безумств». Британский военный совет, на который регулярно изливались потоки красноречия Черчилля, идею поддержал, однако французская сторона заупрямилась. Убедить французов не удалось, и они, опасаясь репрессий со стороны немцев на своей земле, в марте 1940 года наложили вето на проведение операции. Очередной проект первого лорда повис в воздухе.

В стратегических планах Черчилля относительно военных операций на море также следует отметить два существенных недостатка. Что ни говори, а все-таки в середине XX века он во многих отношениях был уже человеком прошлого. Черчилль считал, что базу флота по-прежнему составляют броненосцы и большие надводные суда, как во времена дредноутов, на которые он рассчитывал в первую очередь, составляя план операций военно-морского флота в 1911–1914 годах. При этом Черчилль оставил без внимания незащищенность надводных судов от подводных лодок и военной авиации. С одной стороны, он действительно недооценивал опасность, которую представляли немецкие субмарины. Это заблуждение разделяло большинство командного состава флота. «Подводная лодка укрощена», — смело заявлял Черчилль накануне войны^[200]. Больше того, он ошибался и насчет системы корабельного сопровождения. Черчилль вплоть до 1942 года противился этой идее, а ведь только каравану судов было под силу бороться с подводными лодками. Первый лорд полагал, что преследование гораздо эффективнее корабельного эскорта — так мог рассуждать только офицер кавалерии... С другой стороны, Черчилль не понимал, что военная авиация могла легко

уничтожить надводные суда, даже оснащенные надежными средствами противовоздушной обороны. Неудивительно, что британский флот потерпел жестокое поражение в Норвежской кампании, основные события которой разворачивались недалеко от германских военно-воздушных баз. Этот опыт дорого обошелся флоту Ее величества.

Неудача в Норвегии

Норвежская кампания длилась недолго — меньше месяца, начиная с вторжения в эту страну немецкой армии и до поспешной эвакуации оттуда войск союзников. Однако она имела долгую предысторию, ведь скандинавский вопрос был ключевым во время «странной войны». Прежде всего из-за шведской железной руды, а потом, что гораздо важнее, из-за войны между СССР и Финляндией.

Решающую роль в Норвежской кампании сыграли два фактора. Политический — борьба сил внутри британского, а также французского правительств. Военный — столкновение стратегии рейха и стратегии англо-французского лагеря, или, если угодно, столкновение двух планов войны. Первый план, принесший победу своим авторам, был последовательным, решительным и тщательно продуманным. Второй же претерпел не одно изменение, он представлял собой, скорее, антологию робких попыток составления тактического плана и невразумительных импровизаций на ту же тему. Что же удивительного в том, что такой план обернулся оглушительным поражением?

Теперь вернемся к политической ситуации в Вестминстере. После объявления войны Чемберлен считал благоразумным ввести в правительство двух «вольных стрелков» — Черчилля, возглавившего адмиралтейство, и Идена, возглавившего министерство по делам доминионов. Однако премьер-министр не пустил в кабинет ни либералов, ни лейбористов.

С другой стороны, военный совет, в который входили девять министров, был слишком многочисленным, а упомянутые девять министров — слишком стары. «Я подсчитал, — пошутил Черчилль в письме к Чемберлену, — что на шестерых членов военного совета, которых Вы упомянули, приходится триста восемьдесят шесть лет, то есть каждому из них в среднем шестьдесят четыре года, а на пенсию в нашей стране выходят в шестьдесят пять лет!»^[201] Черчилль понимал, что многочисленные противники с опаской отнеслись к его возвращению в правительство и потому пристально за ним наблюдали. К примеру, лорд

Хэнки, также приглашенный в военный совет, писал: «Насколько я понимаю, моей основной задачей было наблюдение за Уинстоном»^[202]. Тем не менее Черчилль вел себя тактично, не плел интриг и не ловчил, хотя в правительстве его окружало целое войско бывших сторонников политики попустительства агрессору уважаемых буржуа, предпочитавших выжидание действию, начиная с сэра Джона Саймона, педантичного адвоката из министерства финансов, и заканчивая сэром Кингсли Вудом, нотариусом-методистом из министерства авиации. А в министерстве иностранных дел по-прежнему заправлял лорд Галифакс, человек щепетильный и загадочный, само олицетворение христианской добродетели.

Вопреки всем опасениям отношения Черчилля с Чемберленом имели характер продуктивного сотрудничества, несмотря на то, что премьер-министр и первый лорд были совершенно разными людьми. В действительности они нуждались друг в друге, зависели друг от друга и знали об этом. И если Чемберлен пригласил Черчилля в правительство, то произошло это потому, что премьер-министру необходимо было упрочить авторитет своего кабинета в глазах соотечественников. В то же время, чтобы показать, что именно он в первую очередь отвечает за проведение военных операций, Чемберлену необходимо было делать вид, будто бы он не только не чинит препятствий, но, напротив, всячески поддерживает предложения министра военно-морского флота. Таким образом, премьер-министр не мог обойтись без услуг Черчилля, которого знал как человека талантливого и пользующегося уважением. К тому же только первый лорд адмиралтейства мог расшевелить неповоротливый военный совет.

Что же касается самого Черчилля, то он всячески старался заставить правительство отказаться от пассивной стратегии и перейти в наступление. Для этого первому лорду приходилось то выступать с самыми дерзкими предложениями, как в случае с Норвегией, то идти на уступки, чтобы не выводить из себя ни премьер-министра, ни других своих коллег. А кроме того, он понимал, что если ему и суждено стать премьер-министром, то произойти это может только с согласия Чемберлена, необходимого для того, чтобы заручиться поддержкой большинства консерваторов. Если бы Черчиллю вдруг пришлось в голову играть против премьер-министра, он мог бы навсегда распрощаться с мечтами о Даунинг стрит. А пока «терпение и компромисс!» — таковы были лозунги Черчилля.

Однако это нисколько не мешало ему изо дня в день бомбардировать Чемберлена — как он это уже проделывал с Асквитом — всевозможными посланиями, заметками, планами, советами... Дело в том, что, несмотря на

в целом теплые отношения, разногласия по поводу методов и целей между премьер-министром и первым лордом возникали постоянно. Несколько дней спустя после назначения Черчилля главой адмиралтейства Чемберлен уже сетовал: «У него два недостатка — во-первых, он слишком много говорит на заседаниях кабинета, причем его речь лишь отдаленно касается, если вообще касается, предмета обсуждения. Во-вторых, он шлет мне бесконечные послания. Учитывая, что мы каждый день видимся на собраниях военного совета, общение в письменной форме представляется мне вовсе не обязательным. Хотя, конечно, я понимаю, что все эти послания он включит в книгу, которую напишет после войны...» Понемногу между Чемберленом и Черчиллем стало расти взаимное раздражение. В апреле 1940 года премьер-министр заметил: «Хотя Черчилль и стремится к сотрудничеству, мне он доставляет больше хлопот, чем все остальные министры, вместе взятые»^[203].

*

30 ноября 1939 года «ложная война» внезапно приняла новый оборот. Оцепенение и инертность статичной войны были нарушены начавшейся войной между Советским Союзом и Финляндией. Известие об этом прозвучало как гром среди ясного неба. Отныне Скандинавия, к вящему удовольствию Черчилля, оказалась в центре политических расчетов и стратегических планов. Между тем перед британскими и французскими руководителями сразу же встали два вопроса. Во-первых, как помочь Финляндии и одновременно воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы прекратить поставки шведского железа в Германию? Во-вторых, нужно ли предпринимать что-либо против Страны Советов?

Начнем со второго вопроса. Во Франции многие мечтали расправиться с Советским Союзом, заключившим союз с Германией и «подарившим» миру коммунизм. По ту сторону Ла-Манша уже стали придумывать планы один безумнее другого. Где только не намечались военные операции — от Печенги до Баку, иными словами, от Кольского полуострова до Кавказа. К счастью, в Лондоне не теряли головы. Британское правительство, начиная с Чемберлена и Галифакса и заканчивая Черчиллем, решительно воспротивилось идее начать военные действия против Советского Союза — Чемберлен и Галифакс потому, что не любили авантюры и рискованные предприятия, Черчилль — потому, что считал союз Германии и Советского Союза временным. Он не сомневался в том, что рано или поздно две

«империи» вступят в конфликт друг с другом, следовательно, прежде всего нужно думать о будущем.

А вот в том, что касалось вывоза шведской руды в Германию, Черчилль, напротив, вновь попытался навязать правительству свой план минирования фарватера территориальных вод Норвегии в районе Нарвика. 18 декабря в меморандуме, представленном на обсуждение военному совету (а затем и Верховному совету стран-союзниц, который состоялся 19 декабря), Черчилль даже наметил высадку британских и французских войск. При этом он говорил, что гористый характер местности в районе высадки был на руку союзникам, ведь там не могли пройти танки вермахта. Богатое воображение и отчаянный оптимизм Черчилля взяли верх над его здравым смыслом, и в конце меморандума он сделал смелый вывод: «Мы много выиграем и ничего не потеряем от того, что вовлечем Норвегию и Швецию в войну»^[204].

Отныне у всех на уме была мысль о высадке войск в Нарвике и установлении союзниками контроля над северными шахтами, а это означало ни много ни мало открытие Скандинавского фронта. Однако на пути осуществления этого плана возникли непреодолимые препятствия как военного, так и дипломатического характера. Прежде всего возник вопрос: как получить согласие Швеции и Норвегии на нарушение их нейтралитета? После длительных проволочек и после того как 13 марта было подписано перемирие между Финляндией и Советским Союзом, решили ограничиться морской операцией, изначально предложенной Черчиллем, а именно минированием фарватера норвежских территориальных вод. Однако французская сторона упорно отказывалась принять план первого лорда. В конце концов окончательное решение было принято в начале апреля 1940 года.

Но союзники не знали, что и немецкое командование с самого начала войны бросало жадные взоры на Скандинавию и даже разработало план военных действий в Северной Европе. В середине декабря 1939 года Гитлер поручил генеральному штабу подготовить операцию по захвату портов на норвежском побережье. А 1 марта 1940 года он отдал приказ номер 10/А об оккупации Дании и Норвегии, назначив операцию на 9 апреля. По признанию самого командующего немецким военно-морским флотом адмирала Редера, это был очень дерзкий план под названием «Везерубунг». «Эта операция, — писал адмирал в докладе фюреру, — противоречит всем законам морского сражения, поскольку для ее успешного завершения необходимо иметь преимущество над флотом противника, а на море господствуют англичане. Однако поскольку

нападение будет внезапным, наши шансы сильно повышаются»^{205}.

И действительно, внезапность нападения решила исход дела в пользу немцев. Утром 9 апреля в Лондоне, так же как и в Париже, все были в полном смятении. Генерал Спирс весьма забавно описал состояние союзников: «Если бы на нас с экрана сошли живые гангстеры, мы удивились бы не больше»^{206}. Все дело в том, что события развивались очень быстро с того момента, когда вечером 5 апреля англичане договорились с французами как можно скорее заминировать участок норвежских территориальных вод. Адмиралы тотчас же отдали соответствующие распоряжения, и мины в районе Нарвика были установлены утром 8 апреля. В это же время немцы приступили к выполнению своей операции. Все пять флотилий, участвовавших в «Везерубунге», вышли в море и на рассвете 9 апреля точно в назначенное время подошли каждая к своему порту. Первая группа — в два пятнадцать к Бергену, вторая — в три тридцать к Тронхейму, третья — в четыре ноль ноль к Вест-фьорду... Лишь в Осло неожиданное сопротивление оказала крепость Оскарборг, и город был взят немного позже намеченного срока. В целом за одно утро немцы овладели всеми основными портами, аэродромами и столицей Норвегии, а заодно и всей Данией. Рейх представил новое поражающее воображение доказательство своего могущества.

*

Если не считать двух операций, по чистой случайности закончившихся успешно в самом начале, Норвежская кампания обернулась для союзников длинной чередой разочарований. А поскольку флот играл в этой кампании решающую роль, то вся вина легла на первого лорда адмиралтейства, тем более что 3 апреля он по просьбе Чемберлена взял на себя еще и функции председателя Комитета по военному координированию (*Military Co-ordination Committee*). Комитет занимался разработкой стратегии и осуществлял тактический контроль над военными операциями, однако настоящей власти над сухопутной армией и авиацией должность председателя Черчиллю не давала. 1 мая он стал, помимо всего прочего, помощником премьер-министра, теперь ему подчинялся Комитет начальников штаба. Но и эта должность была, скорее, номинальной, нежели реальной, она накладывала на Черчилля дополнительную

ответственность, но вовсе не облекала его дополнительной властью.

В Норвежской кампании, длившейся очень и очень недолго, можно выделить три основные фазы. Первая была отмечена славными победами британского флота. Корабли Ее величества причинили большой ущерб немецкой флотилии в районе Нарвика. Однако эти успехи, которыми так кичились союзники, не заставили агрессора ретироваться из завоеванных портов и не помешали ему переправить в Скандинавию подкрепление. А Черчилль, попав в ловушку необоснованного оптимизма, беззаботно высмеивал «стратегические и политические ошибки» Гитлера, «сравнимые разве что с ошибками Наполеона, которые он совершил в 1807 году при завоевании Испании»^{207}.

Три дня спустя Черчиллю пришлось переменить тон — Норвежская кампания вступила во вторую фазу. Теперь союзники пытались вытеснить Гитлера из Норвегии, где он уже успел обосноваться. Однако в Лондоне и Париже никак не могли решить, отвоевать ли северные районы Норвегии вокруг Нарвика или же центральные вокруг Тронхейма. Тем временем пока Черчилль, нарушая прерогативу адмиралов, без конца предлагал новые варианты маневров у берегов Норвегии, британские войска, успевшие высадиться в Скандинавии, оказались в весьма опасном положении. Им не удавалось оттеснить неприятеля. Напротив, немецкие горные отряды преследовали десант Ее величества, а гитлеровская авиация, господствовавшая в воздухе, не давала британцам ни минуты покоя. 24 апреля первый лорд направил Чемберлену очередное послание, в котором написал: «Должен Вас предупредить, что в Норвегии нас ждет полный провал». В конце концов Черчилль все же объяснился с премьер-министром лично^{208}.

Вот мы и подошли к третьей фазе этой злополучной кампании. Начиная с 28 апреля со Скандинавского фронта стали приходить все более тревожные известия. Пришлось отдать приказ о выводе войск из Норвегии — другого выхода не было. Сражения продолжались меньше двух недель. Британские и французские солдаты вернулись на родину. Норвежская кампания закончилась в самом начале мая.

Итак, союзники потерпели поражение. Почему это произошло и кто был в этом виноват? Конечно, тактические просчеты и несогласованность действий застопорили работу англо-французской военной машины, распавшейся в конце концов на части. Черчилль извлек урок из этого поражения — он сохранил в памяти всю цепь факторов, приведших к катастрофе: несогласованность действий как британского руководства, так

и союзнического командования; отсутствие опыта в проведении комбинированных операций; незнание прописной истины, заключавшейся в том, что в войне побеждает тот, кто господствует в воздухе; путаница и разрозненность в действиях союзников на всех уровнях; наконец, расшифровка немцами кода британского адмиралтейства, позволившая противнику свободно ориентироваться в сигналах флота Ее величества.

Это поражение сказалось и на политической ситуации в Британии. Первому лорду пришлось туго, ведь если основная ответственность за провал легла, безусловно, на премьер-министра, то Черчилль уверенно занимал вторую позицию в черном списке виновников неудачи. Он же так старался, принимал такое активное участие в проведении военных операций на всех стадиях Скандинавской кампании, что многие стали сравнивать неудачу в Норвегии с провалом в Дарданеллах. В конечном счете все его действия лишь подтверждали закрепившуюся за ним репутацию вечно суесящегося, бестолкового политикана, позера, постоянно стремящегося разыгрывать какую-нибудь роль, готового играть даже в пьесах, обреченных на провал, да и то из рук вон плохо.

Перст судьбы

Было бы неправильно думать, учитывая отношение к Черчиллю, сложившееся в 1940 году, что сразу же после поражения в Норвегии в нем разглядели будущего лидера нации или даже наследника Чемберлена. По-прежнему представлялось маловероятным, что в один прекрасный день он сумеет добиться признания политической элиты Британии, возьмет управление страной в свои руки и поведет за собой соотечественников. В первую очередь нам следует остерегаться соблазна, часто подстерегающего историков, а именно рассуждений *a posteriori*. Этот путь неизбежно приводит к тому, что случай превращается в неизбежность. Если бы мы сказали, что события, вознесшие Черчилля на британский политический трон, были неотвратимы, мы бы погрешили против истины и оставили в тени длинную цепь случайностей, произошедших в Лондоне в трагические для Европы дни — со вторника 7 мая по пятницу 10 мая 1940 года.

Кроме того, не следует сбрасывать со счетов Чемберлена, о котором нередко говорят, будто бы фиаско в Норвегии сломило его. Этот сильный, мужественный человек обладал бойцовским характером и завидной силой воли. Он был облечен огромной властью и имел немалый опыт за плечами, поэтому к его мнению прислушивались и министры, и парламент.

Чемберлен по-прежнему был очень популярным политиком в Англии. В марте 1940 года по данным опроса Гэллапа в поддержку премьер-министра высказались пятьдесят семь процентов граждан. Но слабое место у него все же было. Этот дельный, добросовестный человек не годился на роль лидера страны в условиях военных действий. Чемберлену самому были чужды душевные порывы, и он не мог вдохновить на великие свершения народ. Отсутствие в нем этой искры помешало ему вовлечь соотечественников в тотальную войну за правое дело. Уже в первые дни «странной войны» Томас Джонс, бывший секретарь кабинета министров, язвительно заметил: «В правительстве только Уинстону под силу поднять народ. А наш премьер-министр словно неживой, бесцветный какой-то, по его тону непонятно, говорит ли он о стойкости, о победе или о поражении»^[209]. Однако несмотря на то, что события в Норвегии не лучшим образом сказались на авторитете Чемберлена, он, безусловно, не утратил своего влияния и уверенности. В то время мало кто мог предположить, что скоро его власти придет конец.

По иронии судьбы Чемберлен, без особого восторга относившийся к идее начать военные действия на территории Скандинавии, понес самое большое наказание за провал Норвежской кампании. А Черчилль, которому не терпелось открыть Северный фронт, вышел из воды, едва замочив ноги, хотя именно он в первую очередь повинен в этой неудаче. Дебаты, посвященные Норвежской кампании, продолжались в палате общин два дня, 7 и 8 мая. Всеобщее неодобрение в ходе этого совещания было направлено прежде всего на премьер-министра и его «мюнхенских» друзей, также входивших в состав кабинета министров. Чемберлена со товарищи обвиняли в том, что они не обеспечили готовность страны к войне, как это показала Норвежская кампания, закончившаяся для Англии столь плачевно.

Как только совещание началось, на правительство хлынул целый поток суровой критики. И, как это ни парадоксально, больше всех усердствовали не оппозиционеры-лейбористы, а степенные консерваторы. В своем торжественном обращении Лео Эмери напомнил правительству знаменитый приказ Кромвеля Долгому Парламенту — исчезнуть. Со своей стороны Ллойд Джордж — это было его последнее публичное выступление — посоветовал премьер-министру пожертвовать собой, раз уж речь зашла о необходимых жертвоприношениях. В этой щекотливой ситуации Черчилль проявил мужество и честно попытался оправдать действия правительства, заявив, что берет на себя всю ответственность за фиаско в Норвегии. Но несмотря ни на что, вечером 8 мая на состоявшемся в конце заседания голосовании стало ясно, что парламент выразил недоверие премьер-

министру. Большинство депутатов, поддерживавших правительство, отныне насчитывало не двести тринадцать, а всего лишь восемьдесят одного человека, сорок один человек из числа депутатов-консерваторов и членов близких к ним фракций проголосовал вместе с оппозицией, шестьдесят депутатов воздержались.

Из создавшейся ситуации было лишь два выхода: оставить Чемберлена на посту премьер-министра, но коренным образом изменить состав правительства или избрать нового премьер-министра. Во втором случае депутаты должны были выбрать либо Галифакса, либо Черчилля. Казалось бы, все говорило в пользу первого. Он был типичным представителем истеблишмента: друг королевской семьи, крупный землевладелец, бывший вице-король Индии. Его безупречные манеры, солидный опыт, безукоризненный внешний вид, мягкость в обращении, кристальная честность и добродетельное поведение снискали ему всеобщее уважение. Он внушал доверие своим чувством меры и осмотрительностью. А главное, за министра иностранных дел было большинство влиятельных лиц, от которых напрямую зависело, кто станет премьер-министром: король, нынешний премьер-министр, большинство депутатов-консерваторов, палата лордов и часть лейбористов (лидер партии Эттли, а также Моррисон и Далтон).

На первый взгляд ничто не говорило о том, что звездный час Черчилля близок. С ним была его репутация импульсивного, неуправляемого человека, всюду сующего свой нос, он по-прежнему водил дружбу с подозрительными личностями... А Дарданеллы, а Индия, а беготня из партии в партию?! В 1942 году Геббельс записал в своем дневнике: «Фюрер припоминает, что все англичане, с которыми он встречался накануне войны, дружно называли Черчилля нелепым политиканом. Даже Чемберлен». Британцы же еще в апреле на вопрос: «Кого бы Вы хотели видеть премьер-министром в случае отставки Чемберлена?» — отвечали следующим образом: двадцать восемь процентов высказались за Идена, двадцать пять — за Черчилля, по семь процентов — за Галифакса и Эттли. В свою очередь лейбористы, как раз собравшиеся на конгресс в Борнмуте, вряд ли когда-нибудь согласились бы работать в правительстве под началом Чемберлена, который никогда не скрывал своего презрения к ним. Однако и за Черчилля высказывалось лишь незначительное меньшинство лейбористов, а большинство так и вовсе относилось к нему весьма враждебно. Правда, партия Эттли обладала лишь правом вето, и провести своего кандидата лейбористам, как это показали дальнейшие события, было не под силу.

После того как Чемберлен напрямую обсудил с Галифаксом целесообразность создания коалиционного правительства и министр иностранных дел выразил свои сомнения на этот счет, 9 мая во второй половине дня премьер-министр пригласил к себе двух своих потенциальных преемников, Галифакса и Черчилля, чтобы вынести окончательное решение. Галифакс отказался от притязаний на пост премьер-министра. Он обосновал свое решение тем, что, будучи пэром, не может заседать в палате общин — средоточии власти. На самом деле Галифакс не горел желанием занять пост премьер-министра, он считал, что это не для него, щепетильного и замкнутого человека. К тому же министр иностранных дел не обладал талантами полководца. Черчилль, когда к нему обратились с вопросом, выдержал двухминутную паузу — это он-то, всегда горевший желанием высказаться, вмешивавшийся в разговор кстати и некстати! И вот — о чудо! — Черчилль промолчал. В конце концов он уступил доводам Галифакса и стал единственным потенциальным преемником Чемберлена. После войны ходили слухи, будто бы во время той памятной встречи было рассмотрено несколько возможных вариантов состава будущего правительства и Черчилль якобы согласился и на другой вариант — стать министром обороны в правительстве Галифакса, иными словами, взять на себя руководство военными действиями. Однако ни один документ эту гипотезу не подтверждает.

Теперь, казалось бы, все наладилось. Вот только утром 9 мая покой в Европе вновь был нарушен. Немецкие войска вторглись в Бельгию и Нидерланды. Чемберлен опять воспрянул духом. Он стал ловчить, мол, положение серьезное, коней-де на переправе не меняют. За один день премьер-министр трижды собирал военный совет. Но тут произошли два события, которые положили конец последним отчаянным попыткам Чемберлена удержаться на плаву. Один из его верных соратников министр авиации Кингсли Вуд вдруг перешел в лагерь противника и заявил Чемберлену, что настало время уступить дорогу. И еще один момент, и это было гораздо важнее: лейбористы прислали со своего конгресса сообщение о том, что они готовы участвовать в коалиции, если только Чемберлен уйдет с поста премьер-министра. В этой ситуации Чемберлену оставалось только подать прошение об отставке королю и порекомендовать ему Черчилля в качестве своего преемника. Георг VI так и поступил: в тот же день в восемнадцать часов тридцать минут Черчилль был назначен премьер-министром.

Таким образом, шестидесятипятилетнему Черчиллю вновь улыбнулась удача после стольких лет одиночества и невзгод. Вечером 10 мая 1940 года

он оказался на вершине политического Олимпа — сбылась его заветная мечта. Но с каким трудом ему это удалось, ведь до последней минуты он не был уверен в успехе. В конечном счете назначение Черчилля премьер-министром — великое событие как для него самого, так и для всего мира — отнюдь не было результатом политического компромисса или парламентских выкладок, в действительности ему помогло стечение непредвиденных обстоятельств. Вот почему Черчилль увидел в этом перст судьбы, у него сложилось «впечатление, будто бы он шел с ней об руку» — так он написал во «Второй мировой войне»^[210].

*

Правительство национального согласия отвечало чаяниям британского народа, к тому же положение действительно было очень серьезным. А потому, приступив 11 мая к формированию коалиционного правительства, Черчилль пригласил к сотрудничеству представителей всех трех основных партий — консерваторов, лейбористов и либералов. Отныне ведущая роль принадлежала военному совету, который он сократил на пять человек. Поскольку теперь правительство было коалиционным, то и в совет вошли, с одной стороны, две ключевые фигуры предыдущего правительства — мрачный и не смилившийся с поражением Чемберлен, получивший звание Лорда Президента и министерство внутренних дел, и лорд Галифакс, по-прежнему возглавлявший министерство иностранных дел. С другой стороны, два лейбориста — лидер партии, дельный, сдержанный Клемент Эттли, которого Черчилль назначил министром юстиции, и второй человек в партии, помощник Эттли Артур Гринвуд, человек умеренных взглядов и покладистый, но ничем не замечательный. К своему посту премьер-министра Черчилль добавил пост спикера палаты общин и новый пост, им же самим созданный, — пост министра обороны. Так что теперь он был непосредственным руководителем военных действий и мог контролировать работу всех трех начальников штабов, командовавших тремя армиями. Этими начальниками были: консерватор Иден, возглавивший военное министерство, лейборист Э. В. Александер, назначенный первым лордом адмиралтейства, и либерал Арчибальд Синклер, старый друг Черчилля, ставший министром авиации.

Чтобы не показаться мстительным, Черчилль оставил в правительстве единомышленников Чемберлена — пожалованного дворянством Саймона, которого новый премьер-министр назначил верховным судьей и

председателем палаты лордов, и Кингсли Вуда, получившего портфель министра финансов. Из бывших «умиротворителей» лишь Сэмюель Хор не вошел в коалиционное правительство, но зато Черчилль направил его послом в Мадрид, а учитывая обстоятельства, этот пост был одним из ключевых. Министром информации стал тори Дафф Купер, в прошлом непримиримый противник Черчилля. Он сменил Риита, бывшего директора Би-би-си, которого Уинстон очень не любил за то, что тот когда-то прозвал его «горлопаном». Для своего друга Бивербрука, кандидатура которого у многих вызывала сомнения, Черчилль создал новое жизненно важное министерство — министерство авиационной промышленности. Что же касается лейбористов, то ключевой фигурой среди них был активист профсоюзного движения, лидер профсоюза работников транспорта Эрнест Бевин. Его-то Черчилль и назначил министром труда. Лейбористам Герберту Моррисону и Хьюго Далтону он поручил соответственно министерство вооружения и министерство экономической войны, а также руководство спецслужбами. Само собой разумеется, Черчилль позаботился о том, чтобы окружить себя друзьями — Брекенем, Линдеманном, Мортонем, которых сохранил в правительстве до конца войны.

Однако даже заняв высший пост в британском правительстве и несмотря на свой личный авторитет, Черчилль по-прежнему нередко сталкивался с недоброжелательством коллег-политиков. Кто-то его просто недолюбливал, кто-то строил ему козни... Напрасно он призывал к благоразумию и согласию: «Если мы не забудем прошлые разногласия, очень скоро мы обнаружим, что у нас нет будущего»^{211}. Политическая и управленческая элита, которой, правда, против воли навязали нового премьер-министра, долгое время выказывала ему свою холодность.

13 мая Черчилль впервые обратился к палате общин в качестве премьер-министра. Когда он закончил свою речь знаменитой фразой: «Я не могу вам предложить ничего, кроме пота и крови, тягот и слез»^{212}, ему аплодировали лейбористы, либералы и лишь горстка консерваторов. Зато после выступления Чемберлена тори не жалели ладоней. Впрочем, Чемберлен так и остался (небывалый случай в британской конституционной практике) лидером консерваторов. Что же касается Черчилля, то он стал премьер-министром, не будучи главой партии парламентского большинства. Это противоречие разрешилось лишь в октябре 1940 года, когда Чемберлен, у которого обнаружили рак, ушел из правительства и сложил с себя полномочия лидера партии. Только тогда Черчилль стал главой консерваторов.

Многие тори видели в правительстве Черчилля лишь комбинацию сложных превращений. Так, тайный советник партии лорд Дэвидсон писал: «Тори не доверяют Уинстону. (...) Как только первый страх, который нагнал Гитлер, пройдет, скорее всего будет сформировано новое, более достойное правительство». Тогда же в своей газете «Джорнал» Джон Колвилл заметил: «Я склонен думать, что вся эта затея с Уинстоном кончится полным провалом, и мы будем умолять Невилла вернуться». А обычно сдержанный Галифакс пошел еще дальше, он заявил, что вслед за Черчиллем к власти пришли настоящие «гангстеры»^{213}.

Высокопоставленные военные и гражданские чины также выражали свое опасение. Все боялись, что новое правительство запутается в потоке беспорядочных инициатив, никому не даст работать своим постоянным вмешательством и в конце концов погубит себя и других дерзкими распоряжениями. После войны те, чью горячую поддержку и преданность по гроб жизни Черчилль сумел завоевать за годы своего правления, рассказывали, что пока он не покорил их своим задором и энергией, они не ждали от него ничего хорошего, скорее, наоборот. К примеру, «Джок» Колвилл, долгие годы бывший секретарем Черчилля, а до этого — секретарем Чемберлена, рассказывал, как в Уайтхолле восприняли новость о назначении Черчилля премьер-министром. «Мысль об этом, — говорил он, — леденила душу служащих дома 10 по Даунинг стрит. То же самое испытывали все остальные министры и их подчиненные. Нечасто случается, чтобы политическая элита испытывала столько опасений в связи с назначением нового премьер-министра, а главное, была готова к тому, что опасения эти оправдаются»^{214}.

Между тем Черчилль, осознавая всю ответственность, на него возложенную, не обращал внимания на эти междоусобицы. И дело не в том, что он не замечал недоброжелательства окружающих. Черчилль в первую очередь думал о войне. А кроме того, он надеялся, что народ пойдет за ним в обход власть предержащих злопыхателей. Его расчет оправдался — опрос Гэллапа, проведенный в начале августа, показал, что Черчилля поддерживают восемьдесят восемь (!) процентов англичан, тогда как враждебно к нему относятся лишь семь процентов, еще пять процентов затруднились высказать свое мнение.

В тот момент Черчилль, как никогда, верил в свою звезду. Он не сомневался в том, что все счастливые и несчастные случайности позади, что теперь-то уж судьба не даст его в обиду, ведь она уготовила ему самый высокий удел, который поставит его в один ряд с национальными героями,

его кумирами. Ведь не зря теперь, говоря о Черчилле, цитируют слова Маколея о Питте I^[32]: «Да, он стремился к власти, но у него были благородные мотивы. Он был патриотом в самом строгом смысле слова. (...) Он любил Англию, как житель Афин любит свой город фиалковых венков, как римлянин любит свой Вечный город. На его глазах его родину оскорбили и унизили, его народ начинал терять мужество. Но он знал, какая сила дремлет в сердце империи, — нужен лишь энергичный человек, чтобы разбудить ее. И он чувствовал, что этим энергичным человеком был он сам. «Милорд, — говорил он герцогу Девонширскому, — я уверен в том, что смогу спасти эту страну, я и никто другой»^{215}.

Глава шестая

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

1940–1941

Англия осталась одна

Как только новый правительственный аппарат был налажен — военный совет, правительство, военный и гражданский секретариаты, связь с начальниками штабов, — руководство страны приняло первые решения, продиктованные нуждами военного времени. Положение было поистине тяжелым. Наступление вермахта сметало все преграды на своем пути, тогда Черчилль понял, что на карту поставлены, по его собственным словам, «дальнейшее существование Великобритании, ее миссия в мире и ее величие»^{216}. 14 мая прорыв гитлеровских войск в Седане не на шутку встревожил британское руководство. Как оказалось, французская армия была неспособна противостоять стремительному натиску фашистских танков. 15 мая в половине восьмого утра Черчилля разбудил телефонный звонок обезумевшего Поля Рейно: «Нас разбили, мы проиграли сражение. (...) Фронт прорван». Председатель французского Государственного совета даже заикнулся о том, чтобы вовсе отказаться от борьбы^{217}.

Получив это тревожное известие, Черчилль решил съездить в Париж, чтобы подробно все выяснить и правильно оценить создавшееся положение. Он прибыл на набережную Орсе 16 мая во второй половине дня в сопровождении небольшой делегации. На импровизированное заседание Верховного совета объединенного командования пришли убитые горем руководители Французского государства — Рейно, Даладье, Гамлен. Они говорили Черчиллю о том, что дорога на Париж открыта; тяжелую атмосферу заседания усугубляло зрелище горящих на лужайке архивов. А ведь еще утром Черчилль оптимистично заявлял: «Это просто смешно, Францию нельзя завоевать ста двадцатью танками». Теперь он с горечью осознавал масштабы разразившейся катастрофы. «Уинстон прибыл в пять часов вечера, — рассказывал советник-посланник британского посольства в Париже, — вне себя от ярости, называл французов трусами (lily-livered), говорил, что они должны сражаться. Однако после разговора с Рейно он

понял, что все гораздо серьезнее». Мало того, во время перерыва в заседании дипломат Ролан де Маржери отвел Черчилля к окну и без обиняков сообщил ему о масштабах катастрофы в Седане. Маржери поведал ошеломленному британцу о своем разговоре с Рейно, состоявшемся накануне. Они опасались, как бы на следующий день не пришлось отражать атаки гитлеровских войск на берегах Луары или Гаронны, а то и вовсе эвакуироваться в Северную Африку^{218}.

С этого момента Черчилль должен был учитывать возможность выхода Франции из союза. Иными словами, возможность того, что Англия останется один на один с вермахтом. Впрочем, в тот же вечер дома у Рейно, где собрались убитые горем французские официальные лица, Черчилль произнес длинную напористую речь наполовину по-английски, наполовину по-французски. Он проклинал нацистский режим и попутно излагал свою глобальную стратегию, охватывавшую весь мир. Черчилль, ссылаясь на морское превосходство Британии, развитость англо-американской промышленности и предполагаемое вступление в войну Соединенных Штатов, утверждал, что соотношение сил обязательно изменится и Германия будет разбита: «И тогда мы будем разрушать их города, минировать их реки, предавать огню их поля и леса, пока не падет гитлеровский режим и пока мы не освободим мир от этой чумы».

Сила убеждения и непоколебимая решимость премьер-министра произвели впечатление даже на Поля Бодуэна, несмотря на его англофобию и неверие в силы союзников: «До часу ночи Черчилль рисовал нам картины апокалипсиса войны. Он уже видел Англию стертой с лица земли фугасными бомбами, Францию — лежащей в остывших руинах, а себя — в Канаде, руководящим битвой военной авиации Нового Света и Старой Европы, покоренной Германией. (...) Черчилль признавал лишь войну до победного конца». А три дня спустя Колвилл записал в своем дневнике: «Черчилль неукротим, если бы нацисты завоевали Францию или Англию, мне кажется, он сам отправился бы в крестовый поход против Гитлера с отрядом добровольцев»^{219}.

После поездки в Париж Черчилль решил, что французы вот-вот сдадутся, как сдались поляки. Он потерял веру в объединенное командование.

Поэтому как ни тяжело ему было принять такое решение, но на настоятельные просьбы французского командования срочно прислать подкрепление он ответил отказом. Тем более что и командир истребительной авиации маршал Даудинг решительно этому

воспротивился, заявив, что нужно беречь силы для защиты Британии. Одновременно, вернувшись в Лондон 17 мая, Черчилль создал специальный комитет. Ему было поручено разработать тактику Англии на случай, если Франция капитулирует и Англия останется одна^{220}.

Вскоре стало ясно, что целью вермахта был вовсе не Париж, а устье Соммы и берег Ла-Манша. Немцы намеревались окружить передовые части французов и британский экспедиционный корпус, направленные в Бельгию, и взять их в плотное кольцо. 19 мая командир британского корпуса генерал Горт решил отступить к побережью и убраться восвояси. Вскоре разногласия между французами и англичанами обострились как по поводу ведения боевых действий и, в частности, возможного мира с Муссолини, так и по поводу эвакуации из Дюнкерка, начавшейся 27 мая. Так, на заседании Верховного совета объединенного командования, проходившем в Париже 31 мая, Черчилль и Эттли вновь в один голос заявили о непоколебимой решимости англичан продолжать борьбу, чего бы это ни стоило. При этом британский премьер-министр, зная, что на тот момент было эвакуировано сто пятьдесят тысяч английских солдат и лишь пятнадцать тысяч французских, и прекрасно понимая, что это не могло не произвести плохого впечатления на французское руководство, высказался за эвакуацию на равных условиях — «рука об руку» — британских и французских солдат.

В конце концов, когда 4 июня операция «Динамо» была завершена, оказалось, что всего эвакуировано триста тридцать тысяч человек — двести тысяч англичан и сто тридцать тысяч французов. Тогда Черчилль поспешил заявить в своей едва ли не самой знаменитой речи, что политика у него одна: война — война до конца, до победного конца. Он признал, что «эвакуациями войну не выиграть», и тут же воскликнул: «Даже если понадобятся годы, даже если мы останемся одни (...), мы не уступим, мы не сдадимся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, на море и океанах, мы будем биться в воздухе с удвоенными силами и верой, мы защитим наш остров любой ценой, мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться в местах высадки, мы будем сражаться в полях, на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы никогда не сдадимся. И даже если, хотя я ни секунды в это не верю, наш остров или значительная его часть будет покорена и задушена голодом, наша великая Империя не погибнет в своем флоте и все равно будет сражаться даже по ту сторону океана, пока Новый Мир, сильный и могучий, с божьей помощью не придет на помощь Старому и не освободит его»^{221}.

Страну потрясли эти слова, речь Черчилля стала настоящей сенсацией. Одна провинциальная англичанка, принадлежавшая к среднему классу, после того как во второй раз услышала обращение премьер-министра по радио, написала своим американским друзьям: «Вот уж действительно, г-н Черчилль настоящий бульдог. Он просто воплощение национального бойцовского духа, типичный англичанин в бою — никогда не уступает и готов с радостью распилить салонный рояль на дрова, лишь бы огонь в очаге не погас. (...) В конце концов он приползет к нам на четвереньках, неузнаваемый, весь в крови, но счастливый и с сердцем врага в зубах. (...) Вручив ему свои удила и поводья, британский конь тем самым выбрал себе самого жестокого хозяина, которого только можно вообразить»^{222}.

В данный момент Черчилля больше всего заботило положение на фронте, от которого напрямую зависела судьба Британии. Агония французской армии продолжалась, однако ее конец был близок. После того как линия фронта на Сомме и Эне была прорвана, правительство оставило Париж, и Черчиллю пришлось дважды ездить на Луару, чтобы отговорить совершенно деморализованное французское руководство от перемирия, с которым оно уже наполовину смирилось. В первый раз встреча союзников состоялась в Бриаре 11–12 июня. Черчилль и Петен крепко повздорили, сравнивая 1918 год с 1940-м, тогда как в кулуарах Вейган выразил свои сомнения в осуществимости военных планов британского премьер-министра. «Эго невероятно», — сказал он. Во второй раз французы приняли Черчилля в Туре 13 июня. Он по-прежнему твердо стоял на своем и, несмотря на уговоры, не освободил Францию от данного ею обещания не подписывать сепаратный мир.

Военный альянс Британии и Франции повис на волоске, а три дня спустя и вовсе прекратил свое существование. Это произошло 16 июня, когда союзники испробовали последнее средство: они наспех разработали проект создания союзного государства Франции и Англии, но сразу же отказались от этой идеи. Пока премьер-министр готовился в очередной раз пересечь Ла-Манш, до Лондона дошла весть о том, что правительство Петена в ночь с 16 на 17 июня обратилось к Гитлеру с просьбой о перемирии. Итак, жребий был брошен. Черчилль больше не появлялся во Франции. Лишь четыре года спустя, 10 июня 1944 года, он вновь высадился на Нормандском побережье.

Неудачи не сломили боевого духа англичан, а только укрепили их желание бороться. Настало время собрать волю в кулак и совершить невозможное. Лондон стал символом свободы для страны, которая, откликнувшись на призыв Черчилля, поднялась на борьбу с врагом.

Премьер-министр, блистая красноречием, обещал народу немеркнущую славу.

18 июня он разрешил генералу Де Голлю обратиться к французскому народу через Би-би-си и таким образом заложил прочный фундамент для нового, дружеского альянса. По всему южному и западному побережью острова шли лихорадочные приготовления к отражению возможного вторжения. А печальный эпизод на алжирской военно-морской базе Мерс-эль-Кебир стал своеобразным символом суровой решимости премьер-министра. Черчилль хотел показать, что его ничто не остановит в этой беспощадной войне, которую он объявил Гитлеру, — даже кровь французских моряков, его вчерашних союзников. Такая решимость вызвала бурю оваций в парламенте — впервые действия Черчилля одобрили даже консерваторы. Теперь не только соотечественники, но и парламент признал его лидером нации.

Однако эти недели крайнего напряжения сказались на самочувствии премьер-министра. Тяжелые испытания изнуряли его. «Я чувствую себя разбитым», — признался он 26 мая своему помощнику генералу Исмею^[223]. В этой нервной обстановке он часто бывал нетерпеливым, резким, слишком жестким. Его упрекали в том, что он то и дело читал нотации своим соратникам и подчиненным, не мог сдержать внезапных вспышек гнева. Клементина, обеспокоенная этим «осложнением», даже предостерегла его. «Уинстон, дорогой, — писала она ему (...), — тебе, человеку, облеченному такой огромной властью, нужно быть учтивым и доброжелательным, проявлять олимпийское спокойствие, а не чрезмерную жесткость и раздражительность». Похоже, Черчилль прислушался к совету жены. Как заметил один из его секретарей, «дело не в том, что он намеренно тиранил окружающих, просто он всецело, душой и телом, был поглощен войной»^[224].

*

Тем не менее не нужно думать, будто бы в верхах царили полное согласие и взаимопонимание. Капитуляция французской армии обернулась настоящей катастрофой, и начиная с конца мая некоторые руководители государства стали учитывать возможность поражения Англии. Черчиллю понадобилась вся его энергия, чтобы убедить коллег в необходимости твердо придерживаться намеченной линии — бороться до конца. Неудачи

на фронте способствовали распространению в верхах пораженческих настроений, в особенности среди бывших «попустителей» и пацифистов. В парламенте и в Уайтхолле кое-кто уже начал колебаться, поддавшись унынию. Франция вышла из игры, и теперь здравомыслящие люди, струсившие или просто реально смотревшие на вещи, стали подумывать о том, что Англия в одиночку не сможет одолеть Гитлера, а потому не разумнее было бы начать предварительные переговоры? Почему бы после всего, что было, не заключить компромиссный мир, пускай ценой территориальных потерь?

Три дня — с 26 по 28 мая — стали решающими. Лондонские министры и французский военный комитет по-прежнему пребывали в нерешительности, пока британский военный совет решал, не пора ли прощупать почву и выяснить мнение противника насчет мира с Британией. Этот вопрос вынес на обсуждение министр иностранных дел лорд Галифакс, заручившийся поддержкой Чемберлена. Они предлагали обратиться за помощью к тогда еще соблюдавшему нейтралитет Муссолини: через него можно было бы узнать, согласен ли Гитлер заключить с Британией мир, сохранив ее целостность. Британская же империя, со своей стороны, готова была уступить Германии часть своих территорий в Средиземном море — от Гибралтара до Суэцкого канала и в Африке. Узнав об этом предложении, Черчилль, который в действительности вовсе не был так уверен в правильности своих действий, сначала тщательно взвесил все «за» и «против» и лишь после этого решительно воспротивился идее Галифакса и сделал все, чтобы не дать ей хода. Он, в частности, собрал всех министров, не входивших в военный совет, и обязал их безоговорочно поддерживать политику противостояния агрессору. Из-за этого отношения между Черчиллем и Галифаксом сильно осложнились, и министр иностранных дел, выведенный из себя «фанфаронством» Уинстона, стал подумывать об отставке.

В конце концов после трех дней колебаний и нерешительности предпочтение было отдано жесткой политической линии. Однако Черчилль решил бороться с врагом до конца не только потому, что к этому его подталкивал холерический темперамент. По словам Дэвида Рейнольдса, его выбор в большей степени был продиктован тем, что он, во-первых, надеялся на развал Германии изнутри в силу экономических и политических причин, как это уже было в 1918 году. Это, в свою очередь, привело бы к падению Гитлера и приходу к власти нового правительства, с которым можно было бы вести переговоры. Впрочем, здесь Черчилль ошибался. Во-вторых, он надеялся, что Соединенные Штаты, хотя бы

ненадолго, вступят в войну. Но напрасно он обольщался, ведь мы-то знаем, что США приняли участие в военных действиях лишь после того, как Япония потопила почти весь американский флот, а Германия объявила Штатам войну. Черчилль выдал свои сокровенные мысли несколько дней спустя, заявив на первом тайном заседании палаты общин, состоявшемся 20 июня, что «Соединенные Штаты не смогут равнодушно смотреть, как Гитлер бомбит английскую землю и истребляет ее народ. Нам лишь нужно продержаться до президентских выборов, намеченных на ноябрь, и тогда англичане и американцы объединятся в борьбе с врагом»^{225}.

Как бы то ни было, результат налицо: сторонники компромиссного мира проиграли первую битву. Тем не менее пораженческие настроения в любой момент могли вновь завладеть умами. То здесь, то там вплоть до лета 1940 года нет-нет да и появлялись горстки пессимистов, считавших положение безвыходным. Они развивали бурную подрывную деятельность в политической среде, плели интриги и выдумывали разные нелепости. Многие прислушивались к мнению Ллойда Джорджа. Его слава лидера Англии, удержавшего страну в тяжелой ситуации 1916–1918 годов, еще не поблекла. А сам он с первых же дней гитлеровской агрессии не скрывал своего пессимизма и в близком кругу говорил только о мире. Ллойд Джордж представлял политическую альтернативу Черчиллю, и к нему естественным образом тянулись члены Группы Мирных целей — около тридцати депутатов-пацифистов, активно разрабатывавших различные планы по достижению мира, впрочем, так никогда и не реализовавшиеся. Расчетливый прагматик Ллойд Джордж, этот старый «колдун из Уэльса», надеялся, что его час еще придет. Однажды он так прямо и сказал: «Я жду, когда Уинстон пойдет ко дну»^{226}. Да и Гитлер не ошибся, сказав, что «неминуемым соперником Черчилля был Ллойд Джордж. К несчастью, лишних лет двадцать говорили не в его пользу»^{227}.

И если Ллойда Джорджа можно было условно назвать британским Петеном, то загадочный Сэмюэль Хор, несмотря на то, что исполнял обязанности посла Ее величества в далекой Испании, вполне сошел бы за английского Квислинга^{228}. В то время ходили слухи о якобы существующих сменных командах правительства, о своего рода «теневом кабинете». Словом, в правящих кругах царили разброд и шатание, а потому складывались самые разные политические комбинации. По словам Нормана Брука, обозревателя при правительственной администрации, «если бы не Уинстон, могло бы произойти самое худшее»^{229}. Так же думали и многие другие высокопоставленные гражданские и военные

чиновники. Они утверждали, что последнее слово в этой ситуации оставалось за премьер-министром, который твердо придерживался своего решения сопротивляться врагу до конца, несмотря ни на что. «Весь его мир, — как пронизательно заметил Исайя Берлин о Черчилле в 1940 году, — построен (...) на одной высшей ценности — действии; на борьбе добра со злом, жизни со смертью. Действие для него — это прежде всего борьба. Он всегда боролся с кем-то или с чем-то. Вот откуда его непоколебимая стойкость, Черчилль не уступает во имя своего народа, во имя своего народа он хочет продолжать войну, и ему неведом страх»^{230}.

18 июня, как раз накануне капитуляции французской армии, Черчилль произнес пламенную речь. Его глубокий патриотизм подсказал ему эти благородные, трогательные слова: «То, что генерал Вейган называл битвой за Францию, окончено. Со дня на день начнется битва за Англию. От исхода этого сражения зависит судьба христианской цивилизации, судьба нашей империи, сохранение наших обычаев и нравов, а также дальнейшее развитие институтов нашего общества, существующих не одно столетие. Скоро враг обрушится на нас всей своей свирепой мощью. Гитлер прекрасно знает, что не запри он нас, обессиленных, на нашем острове, он проиграет войну. Если же мы сумеем дать ему отпор, Европа вновь станет свободной, люди вновь обретут надежду на мирное, светлое будущее. Но если мы сдадимся, целый мир, не исключая и Соединенные Штаты, — все, что мы знали и любили, низринется в пропасть нового варварства, которое извращенное знание сделает еще ужаснее и которое, быть может, будет длиться дольше, чем предыдущее. Исполним же свой долг, сплотим свои усилия и будем тверды, и тогда, просуществуй Британская империя и Сообщество наций еще хоть миллион лет, потомки будут говорить: «Это был звездный час в их истории»^{231}.

Лидер нации в разгар войны

После войны Черчилль сказал, что в годину бедствий он лишь «рычал как лев»: «Во время войны британский народ доказал, что у него львиное сердце. Мне выпала честь издать призывный рык. Иногда, думается мне, я указывал льву, куда нанести удар»^{232}. Уинстон скромничал, в действительности в 1940 году он и львом был, и ревел за него.

Между народом и лидером, которого он себе выбрал, с самого начала царило полное согласие. Непоколебимый патриотизм, дух сопротивления,

желание сражаться — эти качества премьер-министра помогли ему найти нужный тон, способный воспламенить соотечественников, «отныне единственных хозяев своей судьбы»^{233}. Это был священный союз народа и его лидера. Перед лицом опасности британцы объединились в едином порыве. Их решимость проявлялась по-разному — на людях и в узком кругу, в прессе и в дружеских разговорах. О желании сражаться до последней капли крови говорили и военные, и граждане, никогда не служившие в армии, говорили то шутливо, то торжественно.

В действительности у Черчилля было два главных козыря. Прежде всего сплоченность народа за спиной своего лидера. Британцы были полны решимости, желания бороться, они были готовы на все ради обещанной победы. Перед лицом опасности больше не существовало классовых различий, партий, противоположных мнений — все слилось в едином патриотическом порыве. Подданные Ее величества объединились во имя общей цели, между ними больше не было разногласий. В то же время премьер-министр неустанно напоминал соотечественникам о британских военных традициях и славном боевом прошлом, он весьма искусно играл на этой струне, утверждая, что у такого героического народа просто не может не быть светлого будущего. Один из его биографов написал, что «это страна изменилась, Черчилль же остался прежним. За одно лето он создал новую героическую Англию по своему образу и подобию. Он поставил крест на самом недавнем прошлом, безрадостном, не оправдавшем доверия, исчерпавшем себя. Вместо него Черчилль воскресил романтический век рыцарства»^{234}.

Второй его козырь состоял в том, что созданное им коалиционное правительство объединило представителей всех политических направлений — от правых консерваторов через державшихся посередине либералов до левых лейбористов. Теперь лишь немногочисленные маргинальные группы по-прежнему «недружелюбно» относились к Черчиллю — фашисты, чей лидер Мосли был заключен под стражу, леваки из независимой партии лейбористов, коммунисты, заиклившись на пораженческой пропаганде. Впрочем, в 1941 году эти самые коммунисты стали активно выступать за войну до победного конца. По правде говоря, участие лейбористов в управлении страной имело огромное значение, ведь теперь рабочие официально включились в борьбу за родину, а значит, и битва с врагом приобрела истинно демократический смысл. Работа на предприятиях пошла веселее — люди сражались с агрессором, стоя у своих станков. На этот трудовой подвиг их вдохновил министр труда — профсоюзный лидер

Эрнест Бевин, с которым Черчилль очень быстро нашел общий язык. Отныне воспоминания о безрадостных эпизодах прошлого — Тонипэнди и всеобщей забастовке — перешли в небытие. Тем более что в общем-то старый аристократ Черчилль не походил ни на черствых заводчиков из *Блэк Кантри*^[33], ни на банкиров из Сити. Итак, повсюду в стране царил согласие, в тот момент Англия являла пример единения нации.

И военных, и мирных граждан, не участвовавших непосредственно в сражениях, воспламеняло в первую очередь сознание того, что отныне бороться с врагом предстояло на родной земле, за родной дом, за родных людей, а не где-то за тридевять земель, как это было до сих пор. Люди знали, что им предстоит защищать от захватчика-варвара (как-то само собой так вышло, что немцев стали называть «гуннами») свою уникальную культуру, привычный с детства мир — повседневный мир Англии с ее коттеджами, маленькими городками, кафе, футбольными и крикетными полями. Они не хотели терять завоеваний цивилизации, развивавшейся две тысячи лет, да что там — речь шла о сохранении цивилизации вообще. Вера Бриттейн, феминистка и, кроме того, пацифистка, придерживавшаяся левых взглядов, полностью разделяла воинственный настрой своих соотечественников: «Отныне линия фронта пролегла через нашу повседневную жизнь. (...) Не только сухопутные войска, эскадрильи и военные корабли участвуют в сражении, но и мы все, весь наш народ, рабочие и домохозяйки встали плечом к плечу на защиту родины»^{235}.

В то время употреблялось выражение «война граждан», придуманное романистом Ж. Б. Пристли, повсюду говорилось о «народной войне». Однако бесспорным остается тот факт, что Черчилль, возведенный в ранг спасителя, благодаря своей неиссякаемой энергии и вдохновению сумел сплотить народ ради общей благой цели и ради сохранения свободы и христианства (*Gesta Dei per Anglos*).

Тем временем военные инженеры, откликнувшись на призыв премьер-министра, лихорадочно готовились к достойной встрече врага, который не сегодня завтра мог попытаться высадиться на английской земле. На южном побережье поля, луга, площадки для гольфа оцетинились столбами, противотанковыми «ежами», всевозможными заграждениями — в ход шли старые автомобили, тележки, кровати сетки... Британская земля была изрыта траншеями, оплетена сотнями километров колючей проволоки. Чтобы запутать врага, сняли все дорожные указатели, все щиты с названиями деревень и железнодорожных станций. В предстоящей оборонительной операции особая роль отводилась полувоенному-

полугражданскому корпусу добровольцев — *Home Guard*. Отряды местной обороны были созданы в мае 1940 года и назывались поначалу не очень благозвучно — «Добровольцы местной обороны». В июле Черчилль, прославившийся своим умением высокопарно изъясняться, переименовал их в «Родную гвардию». Вскоре она уже насчитывала полтора миллиона ополченцев.

В это же время произошло еще одно событие, не столь значительное, но красноречиво свидетельствовавшее о твердой решимости премьер-министра. Когда Эдуарду VIII пришлось отречься от власти, Черчилль, как мы помним, встал на сторону влюбленного монарха и усерднее всех его поддерживал (увы, ему пришлось дорого заплатить за свою верность). Теперь же, после поражения Франции, премьер-министр не на шутку был встревожен опрометчивым поведением бывшего короля. И было от чего беспокоиться: герцог Виндзорский сначала уехал в Испанию, затем — в Португалию. Военный совет опасался, как бы гитлеровская пропаганда не воспользовалась во вред Британии необдуманными двусмысленными заявлениями герцога, более того, как бы немцы не похитили бывшего короля Англии и не восстановили его на троне, захватив Альбион. Тогда в стране начались бы раздоры из-за выяснения наследственного права на престол. Черчилль намеревался любой ценой помешать врагу нанести удар в ахиллесову пяту британской королевской династии. И чтобы разом покончить с этой проблемой, он решил услатить Эдуарда подальше, а именно губернатором на Багамы. Однако герцог попытался увильнуть от столь почетной должности, и тогда премьер-министр посчитал нужным надавить на бывшего короля. Он направил ему несколько угрожающих телеграмм, в которых предлагал немедленно подчиниться требованию Лондона^[236].

Осенью 1940 года положение Черчилля упрочилось, особенно в парламенте, поскольку его избрали лидером консервативной партии. Ведь до тех пор вопреки британской политической традиции лидером партии парламентского большинства был не премьер-министр, а Чемберлен. Однако за лето состояние бывшего премьер-министра, пораженного раком, сильно ухудшилось, и он был вынужден окончательно уйти из политики (уже в ноябре 1940 года Чемберлен умер). Так что консерваторам поневоле пришлось выбирать себе нового лидера. Клемми пыталась было отговорить мужа, но он все же согласился возглавить партию тори, несмотря на то, что в свое время консерваторы оскорбляли его при каждом удобном случае. Это решение Черчилля, как обычно, было продиктовано одновременно тактическими соображениями и романтическим мироощущением. Ведь таким образом он мог закрепить за собой репутацию выдающегося

государственного мужа, не зависевшего от партий и фракций и способного поставить под свои знамена все классы и все политические направления. К тому же многие консерваторы считали небесполезным воспользоваться огромной популярностью Черчилля. И вот 9 октября 1940 года его торжественно избрали главой партии. На этом посту Черчилль оставался почти пятнадцать лет, пока не удалился от дел весной 1955 года.

*

Но не все было так гладко. В 1940 году Англия, вопреки распространенному мнению, увы, не являла собой безупречный оплот героизма. Этот миф, так глубоко укоренившийся в сознании людей и так старательно культивируемый начиная с 1940 года, был опровергнут в ходе исследовательских работ, начатых двадцать лет назад. Вырисовывающаяся в результате этих исследований картина вовсе не так однозначна, и порывцарски вели себя далеко не все, тогда как традиционные героико-патриотические «сказания» убеждали нас в обратном. Конечно, в общих чертах официальная историография верно описывала ситуацию и настроения, царившие в Британии в начале войны, однако многочисленные второстепенные факты говорят о том, что и у этой красивой медали имелась своя оборотная сторона.

В действительности не духом единым самопожертвования были живы англичане в то время, они испытывали и страх, и малодушие, не все верили в победу. Так было на всех ступенях социальной лестницы. И уж конечно, не обходилось порой без путаницы, проявлений косности, не все разногласия были улажены. Политики, управлявшие страной, плели интриги с целью сместить Черчилля и заключить с врагом мир на компромиссных условиях. Опросы же общественного мнения, проведенные «Масс Обсервэйшн», а также официальные доклады министерства информации (опиравшиеся, помимо прочего, и на сведения, полученные при перлюстрации писем) показали, что многие граждане, главным образом из простого народа, не верят в победу, не верят даже в то, что у англичан есть шансы продержаться хотя бы некоторое время, причем число этих «пессимистов» было поистине угрожающим.

Что же касается военных, то в их маневрах зачастую отсутствовали ясность и согласованность. Летом нужно было отправить в отставку по служебному несоответствию многих генералов и старших офицеров. Гражданские чиновники тем временем, как всегда, боролись за власть,

показывали себя мелочными и ограниченными людьми. Один дипломат с мрачной иронией заметил, что для многих чиновников «битва за Уайтхолл гораздо важнее, чем битва за Англию»^{237}.

К счастью, Черчилль не дремал, ловко пользуясь своим несравненным даром внушать доверие собеседнику, он подбадривал тех, кому не хватало сил и присутствия духа. Премьер-министр буквально излучал мужество, вселял в людей веру и надежду. Бесспорным козырем Черчилля была его воля к действию, он мог вдохновить человека на поступок, который сам человек считал за пределами своих возможностей. Черчилль постоянно ездил по стране, осматривал береговые укрепления, авиационные и морские военные базы, посещал разрушенные бомбежками кварталы. И повсюду он встречал сердечный, радушный, порой даже восторженный прием, ведь это был «добрый старый Уинни», «народный Уинни». Иногда при виде разрушений, произведенных в Лондоне бомбежками, Черчилль не мог совладать с собой, и тогда по его щекам катились слезы. Это проявление любви к городу и народу неизменно покоряло толпу кокни (лондонцы из низов), тесным кольцом окружавших премьер-министра. О Черчилле говорили, что он ниспослан Англии Провидением, что он именно тот человек, который нужен стране в данный момент («*the man for the moment*»). Однако Черчилль всегда оставался верен себе, и в «данный момент» он вовсе не «применялся» к обстоятельствам, он просто был самим собой и по-прежнему руководствовался своими неизменными принципами. В 1940 году он заявил: «Нет причин отчаиваться от того, что война приняла такой оборот. Мы переживаем тяжелые времена, и, быть может, нам придется перенести еще горшие беды, прежде чем наше положение улучшится. Но если мы будем стойкими и не испугаемся испытаний, то и на нашу улицу придет праздник. В этом я несколько не сомневаюсь». На самом деле это заявление было не чем иным, как отрывком из его же речи, произнесенной аж в 1915 году!^{238}

Даже самые непримиримые враги Черчилля признавали его ораторский талант. Он говорил страстно, и его страсть подсказывала ему удачные обороты, которые запоминались надолго. Черчилль умел находить слова, подстегивавшие энергию масс и вселявшие в них веру, его речи были сродни факелу, дарившему надежду путнику, наугад бредущему по погруженной во мрак дороге. Как сказал один американский радиожурналист, «он мобилизовал английский язык и повел его в бой»^{239}. Вот почему его слова находили живой отклик в сердцах и умах людей. По свидетельству многих современников, британцы, слушая Черчилля,

думали, что они сами сказали бы то же самое, если бы умели найти нужные слова. Премьер-министр не любил радио, предпочитая трибуну палаты общин, и тем не менее некоторые его выступления, переданные по радио, прослушали без малого семьдесят процентов взрослого населения Англии^[240].

Это искусство Черчилля ловко пользоваться словами было плодом долгой, кропотливой работы. Речи, от которых особенно много зависело, он готовил заранее с большим тщанием, долго их обдумывал, а затем диктовал секретарю. Фразы в его речах были построены по всем правилам риторики, слова — взвешены и старательно подобраны. Свои наиболее важные выступления Черчилль репетировал перед зеркалом. Ведь даже произнося патетическую речь, приводившую в волнение и слушателей, и его самого, Черчилль оставался актером. Просто на этот раз он представлял пророка, ниспосланного Провидением.

*

Едва поднявшись на вершину власти и став верховным главнокомандующим, Черчилль взялся за работу. И хотя ему пришлось управлять страной в период тяжелых испытаний, а у него самого не было ни надежного политического тыла, ни непогрешимого личного авторитета, он, ни минуты не сомневаясь в успехе, сразу же развернул бурную деятельность и даже не рассматривал возможности поражения. Очень скоро сомнения и опасения, вызванные приходом Черчилля к власти, рассеялись под действием его обаяния. Недоверчивые штабные и осторожные чиновники боялись, что он будет суетиться, действовать наугад и принимать бестолковые решения. Но не тут-то было! В государственных учреждениях, работавших на редкость эффективно, царили образцовый порядок и строгая дисциплина. За несколько дней премьер-министр стал самым популярным политиком в стране. Собранная им новая административная машина работала методично и слаженно. В его руках сосредоточилась небывалая власть. Но это делу не вредило, поскольку Черчилль как никто умел концентрироваться на делах первостепенной важности, поэтому он и решил заниматься ими лично. В мгновение ока и на целых пять лет он стал верховным главнокомандующим (*warlord*) не только армии, но и всей Англии.

Для того чтобы успешно управлять страной в условиях централизованной власти, у Черчилля были все основные данные. Прежде

всего, безусловно, он обладал огромным опытом, накопленным за сорок лет активной общественной жизни. Какие посты в правительстве он только не занимал за эти сорок лет! Черчилль не напрасно считал всю свою жизнь подготовительным этапом к 1940 году. Ведь когда он возглавил правительство, его обширные познания, сравнимые разве что с познаниями Ллойда Джорджа, помогли ему вдохнуть жизнь в государственную машину и следить за ее работой со знанием дела, подчас таким тонким, что окружающим оставалось лишь разводиться руками.

Черчилль извлек урок из тактических ошибок 1914–1918 годов и из своих собственных прошлых ошибок и поражений, он сумел создать единое командование, став министром обороны. Ведь в его подчинении находились и военный министр, и министр флота, и министр авиации, и, кроме того, Комитет начальников штабов трех армий. Такая система командования, изобретенная ближайшим помощником Черчилля Исмеем, оказалась эффективной и логичной одновременно. Каждый четко знал свои обязанности и имел ясное представление о поставленной перед ним задаче. Следует подчеркнуть также, что военачальники 1940–1945 годов, бесспорно, по своим профессиональным качествам превосходили военачальников времен Первой мировой войны. Кроме того, на этот раз в высших эшелонах власти обошлось без пагубного соперничества военных и гражданских чиновников, не прекращавшегося на протяжении всех четырех лет Первой мировой войны.

С другой стороны, как мы уже знаем, Черчилль очень быстро завоевал популярность в стране в целом и в парламенте в частности. Он знал, что всегда может рассчитывать на поддержку «гвардии приближенных», в которую неизменно входили одни и те же верные ему люди — Брэкен, Мортон-профессор и другие. С самого начала он избавился от Хора, которого отправил послом в Испанию. А в конце года настала очередь лорда Галифакса, которому Черчилль поручил представлять Британию в Соединенных Штатах. На этом посту Галифакс сменил другого «попустителя», лорда Лотайэна, который только-только скончался. Новым министром иностранных дел стал Энтони Иден, блистательный политик, — их сотрудничество с Черчиллем длилось не один год. Что же до внутренней политики, то премьер-министр предоставил ее консерватору Джону Андерсону и лейбористам во главе с Клементом Эттли. Сам Черчилль предпочитал заниматься стратегией и внешней политикой. При этом военные вопросы он решал с начальниками штаба, тогда как вместе с Иденом разряжал напряженность в международных отношениях. В целом кабинет министров, составленный из людей знающих, заботившихся о

народном благе, работал эффективно, и хорошо смазанные детали государственной машины не стопорили ее движения.

И, наконец, что также немаловажно, с Черчиллем было его чувство истории. Хозяин особняка на Даунинг стрит постоянно чувствовал на себе взгляд людей, населивших историю, словно Бонапарт в египетском походе. В его представлении каждый день вписывал новую страницу славы в британскую историю, редактором которой он в данный момент являлся.

Черчилль был душой и телом предан своему народу. Служа ему, он не щадил ни сил, ни времени. Конечно, телохранитель Черчилля немного преувеличивал, говоря, что его босс иногда работал сто двадцать часов в неделю^{241}, и тем не менее факт остается фактом: нередко рабочий день Черчилля длился пятнадцать-шестнадцать часов. Нельзя не подивиться выдержке премьер-министра, ведь к тому времени ему было больше шестидесяти пяти лет, и его здоровье уже не на шутку беспокоило близких. Такой напряженный распорядок дня премьер-министра отражался и на работе государственной гражданской службы, работникам которой это было вовсе не по душе, потому что им пришлось принять условия Черчилля — его методы и манеру работы. Однако один молодой и талантливый научный сотрудник Р. В. Джонс, заведовавший лабораторией секретных исследований при министерстве авиации, рассказывал, что всякий раз после разговора с премьер-министром он чувствовал себя, словно только что подзаряженная батарейка^{242}.

Черчилль был неутомимым организатором, он стремился лично наблюдать за работой всех правительственных подразделений, но беда в том, что он не мог переломить себя и по-прежнему всюду совал свой нос, проявлял нетерпение и чрезмерную властность. Он постоянно во все вмешивался, мешая другим работать, распекал подчиненных по делу и без дела, всегда много говорил на собраниях межведомственных комитетов и технических совещаниях. «Уинстон рассматривал собрания всевозможных комитетов, — писал один из приближенных к нему министров Оливер Литтлтон (лорд Чандос), — как возможность поделиться своими соображениями или отрететировать новую речь. Часто его категоричные выступления не имели никакого отношения к теме обсуждения»^{243}. Вот почему кое-кто стал опасаться возникновения в Англии «культа личности». В августе 1940 года смутьян-лейборист Эньюрин Бивен, всецело признавая за премьер-министром его статус «бесспорного лидера и глашатая британского народа», как-то в палате общин обратился к Черчиллю с такими словами: «В демократии идолопоклонство — самый страшный

грех»^[244].

*

Помимо того, что Черчилль успешно справлялся с обязанностями военачальника, умел повести за собой людей и как оратор не знал себе равных, он был еще и талантливым актером. Он умел обратить себе на пользу свое имя, свое прошлое, свой внешний облик. Его популярность усердно поддерживали средства массовой информации, причем репортеры лепили образ Черчилля под его же «чутким руководством», поскольку он ловко подчинил себе процесс освещения своей деятельности в прессе. Черчилль неизменно появлялся на людях в окружении целой толпы фотографов и кинооператоров. Его изображение было повсюду. Черчилль глядел с огромных плакатов, развешанных на стенах домов и на афишных тумбах в городах и деревеньках, его лицо можно было увидеть даже в пустыне и на кораблях военного флота Ее величества. Каждую неделю в кинотеатрах двадцать пять — тридцать миллионов зрителей глядели на знакомое волевое лицо, без конца появлявшееся в новостях. Все уже привыкли к его традиционной сигаре, а начиная с 1941 года Черчилль еще и при каждом удобном случае поднимал два пальца в знак победы. Его костюмов, мундиров, умело подобранных к ним шляп было не счесть. Он появлялся то в гражданском платье, то в военной форме — чаще всего моряка или летчика, но иногда и пехотинца. Его голову украшали самые разные уборы — фуражки, опять же морского или пехотного офицера, фетровые шляпы, каски рядового британского солдата или солдата колониальных войск, соломенные шляпы, правда, иногда премьер-министр появлялся и с непокрытой головой. При этом его наряд всегда соответствовал обстоятельствам. В пустыне он надевал ботинки со шнуровкой, сапоги — в заснеженной местности или на побережье. А в минуты отдыха Уинстон предпочитал «костюм сирены» — просторный, зеленоватого цвета. Он называл его еще «детским комбинезоном». В этом одеянии его можно было увидеть в Чартвелльском поместье, в загородной резиденции Чекере, а нередко и в особняке на Даунинг стрит или во время путешествий.

Один высокопоставленный чиновник, часто встречавшийся с премьер-министром, так описывал его облик и походку: «Это был сгорбившийся человек с тонкими чертами, круглым лицом, белым и румяным. Его мягкие волосы заметно поредели, а руки выдавали в нем художника. Он не ходил, а, скорее, передвигался тяжелыми шагами и грузно (...), словно монолит,

опускался в кресло». Отправляясь на службу, на какое-либо собрание, Черчилль всегда хорошо одевался, обычно на нем была черная куртка, полосатые брюки, белоснежное белье и неизменный галстук-бабочка цвета морской волны в белый горошек. Несмотря на то, что Черчилль был слишком требовательным к своим подчиненным, а порой превращался в настоящего тирана, «всякий, кто его близко знал или работал на него, был безгранично ему предан»^{245}.

Однако Черчилля боготворили и уважали не только высокопоставленные чиновники — эти чувства разделяло подавляющее большинство граждан Британии. Это удивительно, ведь принадлежа к высшей аристократии, он никогда не был, что называется, «человеком из народа». Черчилль жил в роскоши и не вдавался в подробности повседневной жизни своих соотечественников, однако это нисколько не вредило его популярности. Однажды после войны Клементина рассказала, что ее муж ни разу в жизни не воспользовался автобусом, а в метро спустился лишь однажды, в 1926 году во время всеобщей забастовки, да и то заблудился, и пришлось его выручать^{246}... По утрам камердинер выдавливал зубную пасту на щетку премьер-министра. Словом, несмотря на то, что Черчиллю всю жизнь прислуживали, он казался самым ревностным слугой народа. Для британцев он был и всегда будет «Уинстоном-суперзвездой».

Немного спустя после тяжелейших испытаний, выпавших на долю британцев в 1940 году — «году чудес», Альбер Коэн, находившийся в то время в Лондоне, набросал красочный портрет британского премьер-министра: «Ему шестьдесят восемь лет. Гляжу на него: он стар, как пророк, юн, как гений, и серьезен, как ребенок. (...) Гляжу на него и вижу перед собой большого, грузного, сильного, несмотря на сутулость, грозного и одновременно добродушного человека. Его тянет к земле бремя власти и ответственности. На нем элегантная шляпа, как у нотариуса, и неизменная сигара во рту. По выражению его лица видно, что он человек упрямый. У него тяжелая и одновременно торопливая, ловкая походка. Не снимая перчаток, он приветствует расступившуюся перед ним толпу двумя победоносно поднятыми пальцами. Премьер-министр напоминает веселого Нептуна — добродушно усмехается, умиленный проявлением всенародной преданности. Он то величествен и важен, то смеется, хитро щуря озорные глаза, при этом он честен и всецело предан своему делу (...). Черчилль немного старомоден, но всегда бодр и активен. Иногда он бывает почти забавным, а иногда — ворчливым и решительным. Он то фамилльярен,

презрителен, почти жесток в своей требовательности, то сменяет гнев на милость, и тогда перед вами сама любезность и беззаботность. Бесспорно одно: этот аристократ всегда совершенно счастлив»^{247}.

И тем не менее наиболее убедительно лидера воюющей Британии описал Гарри Гопкинс, личный посланец президента Рузвельта, прибывший в Лондон в январе 1941 года, чтобы изучить на месте политическую ситуацию в Англии и затем доложить обо всем своему боссу. Гопкинс вовсе не любил англичан и поначалу был не очень дружелюбно настроен по отношению к хозяину особняка на Даунинг стрит. Но очень скоро он понял, что Черчилль был главным действующим лицом в борьбе с Гитлером, что именно он поддерживал моральный дух своих соотечественников и разрабатывал общий план военных действий против нацистской Германии. «Правительство, — писал Гопкинс Рузвельту в своем первом докладе от 14 января, — это Черчилль. Он и стратегию разрабатывает, иногда до мельчайших подробностей, и доверием рабочих пользуется. Армия, флот и авиация беспрекословно ему подчиняются. Судя по всему, политики всех званий его просто обожают. Пожалуй, я не погрешу против истины, если скажу, что именно с этим представителем Соединенного Королевства Вам следует отныне согласовывать свои действия»^{248}.

Британский фронт:

битва за Англию и «Блицкриг»

Как только Франция и Германия заключили перемирие, Черчилль сразу же предупредил своих соотечественников: «Отныне угроза стала реальной, опасность — неминуемой и смертельной, вторжение на остров не за горами». Оккупация Британии действительно входила в планы немецкого командования. 2 июля верховное командование вермахта получило приказ подготовиться к десантной экспедиции, а 16 июля фюрер отдал знаменитый приказ номер 16 — «Приготовиться к высадке в Англии» — эта операция получила кодовое название «Морской лев». Гитлер намеревался добиться успеха там, где Непобедимая армада потерпела поражение и откуда сам Наполеон принужден был отступить. Удачный исход операции зависел от того, кто победит в воздухе, следовательно, перед немцами стояла задача в первую очередь уничтожить британскую

авиацию. Итак, основное сражение должно было развернуться между королевскими военно-воздушными силами и люфтваффе.

Как ни парадоксально, но это сражение, за несколько недель повернувшее перст судьбы в противоположную сторону, получило название задолго до своего начала. 18 июня 1940 года Черчилль произнес речь о «звездном часе» («То, что генерал Вейган называл битвой за Францию, окончено. Со дня на день начнется битва за Англию»). С тех пор этот воздушный бой называли не иначе как «битва за Англию». Это была самая настоящая индивидуализация сражения, вполне в духе Черчилля. В отличие от других сражений Второй мировой войны, характеризовавшихся огромным количеством солдат, мощной материально-технической базой, победу в которых добывала обезличенная масса действующих лиц, сражение за Англию было особенным сражением, в нем, как встарь, большое значение имела личная инициатива его участников.

15 и 16 августа, в решающие дни наступления люфтваффе, Черчилль оставил все дела и отправился на главную квартиру командования истребительной авиацией, а затем — на главную квартиру авиационной бригады, которая полнее других была задействована в сражении, — бригады номер 11. На обратном пути генерал Исмей, ехавший вместе с Черчиллем в машине, услышал, как потрясенный премьер-министр восклицал: «Никогда еще за всю историю войн столь многие не были так обязаны столь немногим!»^[249] 20 августа с трибуны палаты общин он повторит эту ставшую знаменитой фразу во славу нескольких сотен героических летчиков-истребителей.

Сражение началось в июле. В течение трех недель противники вели перестрелку над Ла-Маншем. Немцы стремились обескровить британскую истребительную авиацию и заблокировать Англию с моря, лишив британцев возможности пополнять запасы необходимого. Затем 30 июля Гитлер приказал Герингу начать «широкомасштабное воздушное сражение», окрещенное *Adlerangriff* — «орлиная атака». Однако это сражение, начатое в середине августа, быстро закончилось. Тем не менее в конце августа — начале сентября под сокрушительными ударами люфтваффе военно-воздушные силы Ее величества начали было сдавать свои позиции. Немцы сосредоточили свое внимание на двух основных объектах — наземных базах британской истребительной авиации (аэродромах, коммуникационных центрах, секторах, находившихся под наблюдением флота) и заводах, производивших самолеты «Спитфайр» и «Гаррикейн».

Вот тогда-то фортуна и отвернулась от англичан: немцы изменили

стратегию и приступили к операции *Блицкриг*. Теперь они, стремясь запугать население, бомбардировали Лондон и другие британские города. Англичане не были готовы к такому повороту событий. Изобретательность немецкого командования стоила им тысяч погибших и значительных разрушений. Однако план нацистов провалился, британцы держались стойко, да к тому же военная авиация Ее величества получила неожиданную передышку и затем с блеском доказала, что отдых пошел ей только на пользу. Кульминация наступила 15 сентября. В этот решающий день налеты люфтваффе на Лондон следовали один за другим, однако в конечном счете немецкая авиация потерпела сокрушительное поражение, понеся при этом тяжелые потери. И сразу же Гитлер решил отложить «до нового приказа» высадку своих войск, хотя и назначил крайний срок проведения операции — 21 сентября. А уже 12 октября фюрер окончательно отказался от намерения вторгаться в Англию.

В то же время немецкое командование не только разрабатывало самые дерзкие военные планы, но и согласно приказу Геббельса вело активную пропаганду против Соединенного Королевства. Немцы называли Англию «пиратским государством», управляемым одурманенной властью «еврейско-плутократической» кликой, которая, скрываясь под маской респектабельности, плетет интриги с целью поработить мир. Излюбленной мишенью немецкой пропаганды, называвшей англичан «евреями арийской расы», был Черчилль, «плутократ номер один». Подручные Геббельса вопрошали: да принадлежит ли вообще к человеческой расе этот лгун и декадент?!

*

Англия вопреки всем ожиданиям не только устояла, но и вышла победительницей из этой битвы. Помимо ошибок, совершенных немецким командованием, ее спасло мужество британских летчиков и техническое превосходство королевской авиации, дух сопротивления и борьбы, который был очень силен в британском народе, сплотившемся за спиной своего лидера.

Надо сказать, что численное превосходство немецкой авиации над английской было не так уж велико — в распоряжении противников находилось приблизительно по семьсот истребителей. И лишь бомбардировщиков у люфтваффе было больше. Но самое главное — англичане располагали секретным оружием, которое и сыграло решающую

роль в этом поединке. Речь идет о радаре, изобретении британских ученых. Сеть из пятидесяти двух радиолокационных станций защищала британское побережье с юго-запада до северо-востока, то есть от Уэльса до севера Шотландии. Превосходство Британии в науке и разведке было налицо, хотя, вопреки расхожему мнению, успех английской авиации практически не зависел от системы расшифровки «Ультра». Кроме того, сражение происходило на британской земле. Английские летчики хорошо знали местность, если их сбивали, они всегда могли рассчитывать на помощь, им постоянно сообщали о грядущих переменах в погоде, да и сами они проявляли небывалое мужество и отвагу, ведь они знали, что сражаются за святое дело.

Немцы, уверенные в своем превосходстве, недооценили мужества британцев, стоявших не на жизнь, а на смерть. В те трагические дни Англию выручили решимость и воинственный настрой ее народа, продолжившего славные боевые традиции Джона Булла^[34]. Примером британцам служила несгибаемая воля их лидера, снесдаемого лишь одной мыслью — сражаться. Красноречие премьер-министра творило чудеса, кроме того, он, всегда приписывавший себе таланты полководца и имевший обыкновение вмешиваться в мельчайшие детали проведения военных операций, на этот раз оказал своей стране неоценимую услугу, предоставив профессионалам руководить сражением. Вероятно, Черчилль ежедневно с большим волнением следил за ходом воздушных боев, но при этом старался как можно меньше вмешиваться в дела военных. Впрочем, если он на правах «талантливого полководца» все же принимал участие в решении стратегических вопросов, обычно это имело плачевные результаты. Так было, в частности, когда Черчилль приказал сократить сроки подготовки военных пилотов, с тем чтобы как можно скорее увеличить число летчиков-истребителей.

*

Оценивая реальную значимость битвы за Англию, можно сделать несколько выводов. Хотя победа в этом сражении и спасла на какое-то время Англию от вторжения немецких войск и от дальнейшего уничтожения, она тем не менее вовсе не была триумфом победителя. Скорее, эту победу можно назвать «негативной победой». Конечно, люфтваффе потерпела бесспорное поражение в том смысле, что ей не удалось захватить господство в воздухе, однако этот провал не отразился на

распределении сил в Европе. На рубеже 1940–1941 годов Великобритания, запертая на своем острове, никак не могла разрушить гегемонию Германии на континенте. К тому же в истории еще не было случая, чтобы Англия, несмотря на свое преимущество на море, в одиночку заставила повернуть назад или, тем более, разбила флот континентальной державы. Но успешное сопротивление Британии все же предрешило исход войны в том смысле, что у Европы появился шанс дожидаться вступления в войну Соединенных Штатов с их фантастическим военно-промышленным потенциалом.

После этого сражения наступил некоторый перелом в ходе Второй мировой войны. Ведь англичане нанесли Гитлеру первое поражение, подорвав веру в непобедимость рейха. Молниеносной войны у немцев не получилось. Следовательно, их шансы на успех сократились, зато появилась надежда у Британии, могущественной морской державы, метрополии, обладавшей многочисленными доминионами, которая к тому же могла рассчитывать (как надеялся Черчилль) на помощь дружественной заморской сверхдержавы.

Наконец, даже если по военным меркам битва за Англию не была ни затяжной, ни широкомасштабной, ни кровопролитной (с июля по октябрь 1940 года королевская военная авиация потеряла четыреста пятнадцать пилотов, приблизительно вдвое меньше, чем во время Французской кампании) и завершилась взаимным подавлением соперников, тем не менее ставки в этом сражении были несоизмеримо больше, чем можно судить по скромности самой операции. Вот почему эта победа стала легендарной, несмотря на то, что ею увенчался самый заурядный по своему масштабу бой. Это сражение стало символом грядущей победы. Черчилль искусно обыграл судьбоносный характер этой битвы и, будучи склонным к патетике, поставил ее на одну ступень с битвами при Саламине и Вальми.

*

Операция *Блицкриг* началась во второй половине дня 7 сентября 1940 года с интенсивных бомбардировок беднейшей части Лондона — Ист-Энда. Такой поворот событий застал врасплох премьер-министра и британское верховное командование. Всю ночь Лондон освещали красноватые отблески пламени — в городе вспыхнуло больше тысячи пожаров. Но ярче всего горели доки, которые к утру пламя полностью уничтожило. В последующие дни налеты не прекращались. Немцы избрали

своей мишенью рабочие кварталы, посеяв там беспорядок и панику, тщательно скрывавшуюся властями.

В середине сентября нацисты решили изменить тактику и теперь совершали налеты только по ночам. Так продолжалось до 10 мая 1941 года. Средства британской противовоздушной обороны оказались бессильны против бомбежек. Эскадрильи ночных истребителей делали свои первые вылеты и еще не имели достаточного опыта в отражении вражеских атак в темное время суток, артиллеристы не могли как следует прицелиться, так что самолеты люфтваффе почти безнаказанно бороздили ночное небо над Лондоном и бомбардировали британскую столицу. Каждую ночь город подвергался налетам — за два месяца немцы сбросили около ста тысяч фугасных бомб и больше миллиона зажигательных, которые были намного страшнее, поскольку, несмотря на равный вес, причиняли в пять раз больше разрушений, чем фугасные. Кроме того, на город сбрасывались еще и мины, снабженные парашютами и производившие ужасающие взрывы.

Затем, продержав Лондон в состоянии боевой готовности пятьдесят семь ночей подряд и высылая каждый раз по сто пятьдесят — двести бомбардировщиков, люфтваффе стала совершать налеты и на другие британские города — Бирмингем, Ковентри, Ливерпуль, Манчестер, Бристоль, Плимут, Саутгемптон... Но это не избавило Лондон от новых разрушений. Немцы нисколько не ослабили натиск на британскую столицу, теперь их бомбардировкам подвергался весь город. За два месяца 250 тысяч лондонцев остались без крова. Мировой торгово-финансовый центр Сити, олицетворявший славное прошлое страны и сосредоточивший в себе большое количество соборов и памятников, подвергся значительным разрушениям, главным образом в ходе ожесточенной бомбардировки в ночь на 29 декабря 1940 года. Сохранилась фотография, увековечившая купол собора Святого Павла, величественно возвышающийся над дымом пожарищ. С сентября по декабрь 1940 года в Лондоне погибло 13 500 человек, а в целом в Великобритании — 23 тысячи. Операция *Блицкриг* завершилась, как и было запланировано, самой сильной бомбардировкой. В результате последнего налета немецкой авиации погибли 1436 человек, 1742 человека были тяжело ранены. Произошло это в ночь с 10 на 11 мая 1941 года, когда люфтваффе перебросила свои эскадрильи на Восток, чтобы приступить к осуществлению плана *Барбаросса*.

Что же касается организации пассивной противовоздушной обороны, то она оказалась не готова к таким стремительным, смертоносным и разрушительным бомбардировкам, и понадобилось некоторое время, чтобы соответствующим образом наладить работу добровольческих отрядов.

Однако вскоре командиры участков, заправщики, спасатели, полисмены и подразделения, дежурившие на крышах, стали справляться с тушением пожаров, по мере сил разбирали завалы, организовывали пункты взаимопомощи, кормили и находили приют для погорельцев, налаживали необходимые коммуникации в кварталах, пострадавших от бомбежек. Женщины наравне с мужчинами участвовали в оборонительных работах и ликвидации последствий налетов гитлеровской авиации.

Все это время Черчилль, не на шутку встревоженный «ужасными рейдами» нацистов, не знал ни минуты покоя. Он постоянно выезжал в районы, наиболее пострадавшие от бомбежек, стремясь своим присутствием показать солидарность властей с народом. Фотографии, кинохроника представляли его то шагающим по развороченному собору в Ковентри, то задумчиво созерцающим развалины палаты общин, то посещающим разрушенные кварталы в окружении погорельцев и добровольцев пассивной обороны, то осматривающим самолетостроительные заводы и зенитные батареи. Однажды октябрьским вечером бомба угодила прямо на крышу кухни дома 10 по Даунинг стрит. Премьер-министр как раз незадолго до этого прервал ужин и отправил прислуживавшую ему челядь в убежище^[250].

В начале 1941 года Черчилль отправился в Бристоль, чтобы на правах ректора присвоить звание почетных докторов двум видным деятелям — послу Соединенных Штатов и премьер-министру Австралии. По приезде Черчилль увидел лежавший в руинах город, накануне подвергшийся ночной бомбежке. Церемония состоялась посреди дымящихся развалин, а из-под фраков представителей университетской и городской администрации выглядывали мокрые сапоги и перепачканная форма участников пассивной обороны, которую они еще не успели привести в порядок после тушения пожаров^[251].

В целом англичане держались более или менее стойко, однако далеко не все были полны решимости идти до конца, как утверждалось в официальной хронике событий. Ангус Кэлдер тщательно проанализировал это искажение фактов и назвал его «мифом о *Блицкриге*». Случалось, после бомбардировок люди падали духом, их охватывала паника, особенно в восточных кварталах Лондона, сильно пострадавших во время налетов. Были отмечены случаи мародерства, коммунистическая пропаганда старалась внушить беднейшим слоям населения, что власти бросили их на произвол судьбы. И хотя дух англичан не был сломлен, пораженческие настроения все же присутствовали. Кроме того, то здесь, то там

наблюдались проявления ксенофобии и антисемитизма, усугублявшиеся еще и тем, что людям повсюду мерещились предатели.

Черчилль и его министры не раз бывали обеспокоены падением морального духа населения, ложными слухами, критикой в адрес властей, классовыми противоречиями, обострившимися под действием «устрашающих рейдов» немецкой авиации. Когда же в середине сентября бомбы стали падать и на Букингемский дворец, и на крыши домов в западной, богатой части Лондона, правящие круги с облегчением восприняли эту новость, которая должна была успокоить пролетариев из трущоб Ист-Энда, доказав им, что и богатые не избавлены от страданий^[252]. Обозреватель Том Харрисон, основатель «Масс Обсервэйшн», так описал ситуацию: «Наиболее неприятные факты в 1940–1941 годах неосознанно замалчивались (...). Это было похоже на одурманивание сладкими благовониями»^[253].

И все же несмотря на страдания, страх и нужду, лондонцы выстояли. Немцам не удалось сломить волю англичан, подавить их желание бороться, а ведь именно эту цель преследовали нацисты, разрабатывая операцию *Блицкриг*. И, напротив, в час испытаний общая беда еще больше сплотила британский народ, полный решимости бороться: *business as usual*^[35] — вот ключ к борьбе за выживание. Лондонцы взяли на вооружение лозунг «Лондону это по плечу». И впрямь, такому огромному городу, как британская столица, удары нацистской авиации, в упоении разрушавшей все на своем пути, не могли причинить непоправимого ущерба. В своих «Мемуарах» Черчилль написал: «Лондон походил на гигантское доисторическое животное, которому нипочем были сыпавшиеся на него страшные удары. Покалеченное, истекавшее кровью, сочившейся из тысячи ран, оно продолжало жить и не замирало ни на минуту»^[254].

Война за пределами Британии.

Невидимый фронт

С лета 1940-го по весну 1941 года война бушевала не только на британской земле — в вооруженный конфликт оказались втянуты огромные территории, простиравшиеся с запада на восток, от океана до пустыни, вплоть до сердца Африки. Новая карта войны, распространявшейся вширь и вглубь, охватывала уже побережье Атлантического океана, Средиземного

моря, Африку, Балканы... За Черчиллем, умудренным полувековым политическим опытом, обладавшим глобальным видением мира и обостренным чувством истории, еще прочнее закрепился статус незаменимого и бесспорного лидера. Этому способствовали и новые способы борьбы с врагом, которыми увлекся премьер-министр. Речь идет о невидимой кодовой войне, в которой наука состояла на службе у разведки, и о подрывной деятельности на территории противника, осуществлявшейся незримой гвардией в штатском.

Тем не менее на данном этапе задачей номер один для премьер-министра было втянуть в войну Соединенные Штаты. Одна из его основных идей заключалась в том, чтобы активизировать сотрудничество всех англоязычных стран ради сохранения свободы на земле. Эта идея воплотилась в переговоры, зачастую носившие очень напряженный характер и закончившиеся, в свою очередь, подготовкой к пересылке в Европу пятидесяти старых американских истребителей. Но главное, США согласились ускорить темпы поставок оружия и боеприпасов в Англию в рамках закона «плати и вези». А закон о передаче займы, принятый конгрессом в марте 1941 года, позволил президенту Соединенных Штатов продавать, сдавать и просто уступать Британии огромное количество оборонной техники, что освободило английскую казну от «лишних» миллиардов долларов. Кроме того, это означало, что Америка в какой-то мере взяла под свою защиту морские пути через Атлантику, тем самым сделав еще один шаг к вступлению в войну.

«Битва за Атлантику» началась еще в середине 1940 года, хотя Черчилль, прославившийся меткостью своих определений, придумал для нее это название лишь в 1941 году. За образец он взял свое же выражение «битва за Англию», появившееся несколько ранее—18 июня 1940 года. К тому времени Германия уже оккупировала европейское побережье от мыса Нордкап до Бискайского залива, благодаря чему немецкие корабли не раз заставляли врасплох британские военные и торговые суда. Англичанам нигде не было покоя — начиная с норвежских фьордов и заканчивая французскими портами, превратившимися в военные базы, где были сосредоточены главным образом подводные лодки, — Брестом, Лорьяном, Сен-Назером, Ла-Паллисом.

Правда, в самом начале войны противники недооценивали возможности субмарин. Британское адмиралтейство, так же как и Черчилль, больше всего опасалось больших надводных судов *Кригсмарин*, способных нарушить ходы сообщения между союзниками. При этом англичане игнорировали угрозу, которую представляли немецкие

подводные лодки, тем более что вначале у гитлеровцев их было всего пятьдесят семь, из них лишь двадцать три курсировали в Атлантическом океане. Это заблуждение отнюдь не способствовало развитию британской военно-морской авиации и береговой охраны.

Тем временем в Берлине разгорелся спор о том, какой военной доктрины следовало придерживаться Германии. Адмирал Редер, главнокомандующий немецким флотом, выступал за то, чтобы в целях рассеивания сил королевского флота расширить радиус действия надводных судов *Кригсмарин* (к двум линкорам, трем броненосцам, трем тяжелым крейсерам и шести легким добавили еще два броненосца, не имевших на тот момент аналогов в мире, — *Бисмарк* и *Тирпиц*). Но адмирал Дёниц, теоретик и главнокомандующий немецким подводным флотом, был убежден в том, что субмарины, если их умело использовать, могут нанести непоправимый урон противнику. Именно он разработал и применил осенью 1940 года тактику «свор», то есть ночных нападений на вражеские караваны, осуществлявшихся подводными лодками, сгруппированными на поверхности (а не под водой, где их наступательная способность была довольно слабой).

Итак, прошло совсем немного времени после начала военных действий, и противники поняли, что просчитались, возложив слишком большие надежды на огромные надводные корабли, оказавшиеся практически незащищенными от вражеской авиации и неспособными нанести флоту соперника желательный урон. Весной 1941 года произошло символическое и одновременно трагическое событие. Дерзкая вылазка «Бисмарка» в Атлантическом океане закончилась для броненосца катастрофой. Корабль вышел из Бергена 21 мая, а затонул 27 мая в пятистах милях от Бреста, настигнутый целой армадой британских судов и самолетов. Это событие лишило Черчилля покоя на целых три дня. Он не покидал Чекере, ежечасно информируя Рузвельта о ходе погони за немецким броненосцем. Он даже поднялся в семь часов утра, чтобы разбудить представителя Соединенных Штатов Эверелла Гарримана. А ведь в это же самое время англичане проигрывали сражение за Крит! Тем не менее результат был налицо: немецкое командование с тех пор решило не рисковать надводным флотом и сосредоточило свои корабли на севере Норвегии, вне радиуса действия британской военной авиации.

Зато немецкие подводные лодки нанесли ощутимый урон торговому флоту Англии и ее союзников. С мая по декабрь 1940 года три миллиона тонн корабельного железа и ценного груза пошло ко дну. А потому морские пути Атлантики больше всего заботили в тот момент британского премьер-

министра. И он каждый день направлял бесчисленные послания в адмиралтейство адмиралу Паунду, первому морскому лорду, которого впоследствии сменил на этом посту Эндрю Каннингем, командующий флотом. Премьер-министр стремился все держать под своим личным контролем. Именно Черчилль 6 марта 1941 года составил знаменитую директиву *Битва за Атлантику*. В документе было тринадцать пунктов, определявших цели сражения и средства их достижения, а также сообщавших борьбе за господство на море динамизм и эффективность. Черчилль так гордился своим детищем, что целиком поместил текст этой директивы во «Второй мировой войне». К счастью для адмиралтейства, начиная с весны 1941 года ветер на море переменялся и теперь стал «надувать паруса» британских кораблей. А 1942 год и первая половина 1943 года стали решающими в битве за Атлантику.

*

Мировоззрение Черчилля сформировалось под влиянием классической культуры и исторических произведений, оно было проникнуто идеей о немеркнущей славе Британской империи. Поэтому неудивительно, что в представлении премьер-министра Средиземное море — от Гибралтара до Суэца, от Мальты и до Кипра — было если не ленным владением Альбиона, то, по крайней мере, чем-то вроде *Mare nostrum* (нашего моря), зависимого от *potestas britannica* (британского могущества). Однако в 1940 году в войну вступила Италия. Испания и Франция, покорная Виши, также склонялись на сторону Гитлера. На языке стратегии это означало: над империей нависла смертельная опасность. Поэтому в своих планах и расчетах Черчилль исходил прежде всего из положения на Средиземном море и в его бассейне, и, как это ни странно, он поступал так вплоть до 1944 года. Его упорство не раз становилось поводом для разногласий между ним и американцами, как мы это еще увидим. Вот тот «железный» аргумент, который Черчилль приводил в свое оправдание тогда и еще долгое время спустя: Италия Муссолини — слабое место в оси Берлин — Рим. Следовательно, именно против нее должны направить союзники всю мощь своего удара. Поэтому при разработке стратегии и планировании союзнических операций нужно думать прежде всего о том, как вывести Италию из игры.

Только так и можно объяснить, почему летом 1940 года Черчилль принял два важнейших решения, сопряженных с большим риском. Во-

первых, он предпочел оставить корабли британского флота в восточной части Средиземного моря, вместо того чтобы отвести их к Гибралтару, следуя настоятельным советам некоторых экспертов. Следовательно, Черчилль сознательно подвергал британские корабли опасности, исходившей со стороны Италии, ради сохранения морских путей империи. Во-вторых, несмотря на то, что угроза вторжения в Англию была вполне реальной, в августе он решил срочно направить на Ближний Восток для защиты Египта лучшие танковые части, базировавшиеся в Англии. Военная техника — 150 танков и противотанковые пушки — была доставлена в Египет по Средиземному морю. Конечно, англичане рисковали, но зато выиграли время — ну не объезжать же, в самом деле, всю Африку через Кейптаун в целях безопасности!

Немного времени спустя британские корабли вкупе с авиацией дважды разбили итальянский флот. В ночь с 11 на 12 ноября 1940 года бипланы Ее величества совершили дерзкий налет на базу в Таранто и обстреляли ее торпедами, потопив три броненосца. В конце марта 1941 года недалеко от мыса Тенарон в морском сражении — самом крупном из тех, что произошли в Средиземном море за время Второй мировой войны, — британский флот сошелся в бою с большой итальянской эскадрой. Англичане, проникшие в тайну вражеских шифров и задействовавшие свои радары и авиацию, одержали блестящую победу. А флот Муссолини снова потерпел тяжелое и унижительное поражение.

На суше британские войска успешно наступали в двух секторах — в Ливийской пустыне и Восточной Африке. На ливийском направлении в распоряжении маршала Грациани было 200 человек. Генерал Уэйвелл, командующий «армией Нила», как ее называл Черчилль, в декабре 1940 года предпринял молниеносное наступление на этом направлении. Войска генерала заняли Тобрук, затем Бенгази — главный город северо-восточной части Ливии — и, таким образом, продвинулись на 800 километров за два месяца. Такая прыть англичан вынудила Гитлера спешно отправить на выручку своему терпящему бедствие союзнику немецкий экспедиционный корпус — *Afrikakorps*. Корпусом командовал один из лучших генералов Гитлера — Эрвин Роммель, которого англичане вскоре прозвали «лис в пустыне». Теперь уже Роммель перешел в атаку и отбросил англичан аж к египетской границе. Черчилль остался недоволен действиями Уэйвелла, этого генерала-ученого, которому, по мнению премьер-министра, недоставало агрессивности. Верховный главнокомандующий довольно бесцеремонно заменил Уэйвелла Аучинлеком, но спустя год и Аучинлек отправился в отставку вслед за своим предшественником.

В Восточной Африке отвоевание англичанами территории у итальянской армии началось в начале 1941 года сразу на трех фронтах. В Эфиопии крупные войсковые соединения, которыми командовал вице-король герцог Д'Аоста, капитулировали одно за другим, и на троне был восстановлен император Ахайле Селассие. В конце февраля пала столица Сомали Могадишо. И, наконец, в апреле после битвы при Керене англичане заняли столицу Эритреи (впоследствии присоединенной к Эфиопии) Асмару. Войска стран-участниц Британского Содружества и французы-добровольцы также внесли свою лепту в успехи английского оружия. В результате этих операций Италия лишилась всех своих колоний в Восточной Африке, римский «король-император» сохранил за собой лишь титул короля Италии.

Совсем иначе обстояли дела на Балканах, где англичане терпели поражение за поражением. 28 октября 1940 года Муссолини осуществил первую попытку установить здесь господство оси Берлин — Рим. Начать он решил с Греции. Вскоре итальянцы потерпели фиаско, тем не менее Черчилль решил прийти на помощь греческой армии и отправил на Балканы британский экспедиционный корпус, прибывший на место назначения в марте 1941 года. Гитлеровские же войска поразили всех своей оперативностью, нанеся 6 апреля молниеносный удар по Югославии и Греции. Белград был занят 13 апреля, югославская армия капитулировала одиннадцать дней спустя. Британцы ничего не могли поделать, Югославия была слишком далеко, а вот в Греции 50-тысячный британский корпус тщетно пытался сдержать натиск немецкой армии. Силы оказались неравными, и англичанам пришлось убраться восвояси в конце апреля.

Тогда настал черед Крита быть завоеванным, несмотря на приказы Черчилля отстоять остров любой ценой. Сражение за Крит началось 20 мая. Немецкие парашютисты и воздушно-десантные войска, доставленные планерами, обрушились на бедных островитян прямо с неба. Англичане, австралийцы и солдаты из Новой Зеландии мужественно сражались с захватчиками, нанеся им значительный урон. Но все было напрасно — три критских аэродрома оказались в руках нацистов. — Бойцам Британского Содружества оставалось лишь эвакуировать жителей, что они и сделали в начале июня, причем флоту Ее величества эта операция далась дорогой ценой.

Черчилля многие упрекали за его злополучное решение послать британские войска в Грецию. К чему было затевать операцию, заранее обреченную на провал, учитывая неравенство сил и характер местности, ставивший британцев в невыгодное положение? Не говоря уже о том, что

для греческой экспедиции необходимо было снять войска с Ливийского фронта — очень рискованный шаг накануне наступления Роммеля. Не было ли это решение очередным капризом вполне в духе премьер-министра, которого лондонские военачальники не смогли отговорить от опрометчивого шага? В действительности справедливость нашей оценки зависит от того, какому из факторов, повлиявших на решение Черчилля, мы отдадим предпочтение. С военной точки зрения эта операция была не просто дерзкой, она противоречила всем правилам ведения боя, что и привело к плачевным результатам. Зато с политической и психологической точек зрения решение Черчилля было вполне оправданно. Прежде всего потому, что оно свидетельствовало о решимости британцев бороться до конца, а также потому, что основной задачей Англии было укрепить везде, где только можно, желание сопротивляться фашистам и показать потенциальным союзникам, что они всегда могут рассчитывать на Британию, которая окажет им всемерную поддержку и никогда не бросит их на произвол судьбы. Возможно также, хотя с уверенностью этого нельзя утверждать, что Черчилль придавал слишком большое значение событиям в восточной части Средиземного моря и питал ничем не обоснованную надежду на военную помощь Турции.

В целом в июле 1941 года, несмотря на то, что британцы подавили бунт, спровоцированный немцами в Ираке, и нейтрализовали военные базы маршала Петена в Сирии, их положение на Ближнем Востоке по-прежнему оставалось весьма ненадежным. Нацисты хозяйничали на Балканах, тогда как англичане лишь с грехом пополам удерживали контроль над обширной территорией, простиравшейся от Сирии до Египта и границ Ливийской пустыни.

*

Великая тайна Второй мировой войны, дешифровальная система «Ультра», была любимым детищем Черчилля, определявшим его тактику. Начиная с тридцатых годов противники вели беспощадную кодовую войну, в которой англичане вскоре взяли верх, утерев нос немецким спецслужбам. С 1940–1941 годов превосходство разведчиков Ее величества над нацистскими шпионами стало очевидным — большую часть шифровальных писем, которыми обменивались противники, они могли читать совершенно свободно, словно это были не шифровки, а поздравления с Рождеством.

В этой разведвойне Черчилль был центральной фигурой в силу постоянного внимания и поддержки, которые он оказывал системе «Ультра» (полное название «Совершенно Секретно Ультра») — дешифровальной системе, тайна которой оставалась неразгаданной до 1974 года. И лишь в 1974 году один из офицеров британской разведки — полковник Уинтерботем был уполномочен сообщить миру о ее существовании. Немного спустя историк Гарри Хинсли, тщательно изучив материал, опубликовал многотомную книгу о британской разведке и ее базе в Блечли Парк^[255]. В усадьбе Блечли, в восьмидесяти километрах к северо-западу от Лондона, на протяжении пяти лет работали тысячи человек, в том числе лучшие британские ученые — преподаватели и студенты Оксфорда и Кембриджа, которых Черчилль собрал в одном месте, синтезировав, таким образом, один огромный мозг. В 1940 году там обрабатывали около двухсот пятидесяти шифровок в день, в разгар войны эта цифра возросла до трех тысяч.

А все началось с машины под названием *Enigma*^[36], с помощью которой немецкие военные в тридцатые годы зашифровывали свои сообщения и условные сигналы. Эта машина осуществляла двести миллионов преобразований каждого знака, набранного на ее клавиатуре, поэтому считалось, что в тайну ее шифра проникнуть невозможно. Однако еще польские математики, завербованные варшавскими спецслужбами, сумели расшифровать несколько сообщений, зашифрованных на «Энигме». После капитуляции Польши ключ к шифру был передан французским разведчикам, которые, в свою очередь, посвятили в его тайну британцев. С тех пор в Блечли Парк мужественно сражались с «Энигмой» и ее секретами, чтобы, разгадав их, получить возможность перехватывать сообщения, которыми по радио обменивались враги, главным образом ставка и командиры на местах. Таким образом, британцы регулярно получали бы сведения о расположении войск и планах операций неприятеля.

Черчиллю повезло: его переезд на Даунинг стрит совпал с первой победой «Ультры». В конце мая 1940 года дешифровальщикам из Блечли Парк с помощью «Колосса» (*Colossus*), прадедушки компьютера, удалось разгадать основной код люфтваффе. И сразу же британцы собрали богатый урожай «полезных» сведений. Весной следующего, 1941 года британские специалисты овладели кодом немецкого военного флота, а весной 1942 года — ни много ни мало кодом вермахта. Тем не менее следует напомнить, что успеха добивались не только британские дешифровальщики. Немецкая

военная разведка проникла в тайну кода флота Ее величества в начале 1940 года и пользовалась этим целый год. А понять смысл сигналов британского торгового флота для немцев не составляло труда вплоть до 1943 года.

По правде говоря, Черчилль не просто был близко знаком с миром разведки и секретных служб, который как нельзя лучше соответствовал романтическому складу его характера, манил и волновал его воображение, в котором он нашел применение своей буйной фантазии и утолил жажду приключений. Идея создания системы «Ультра» возникла не на пустом месте. Еще совсем юным военный корреспондент Черчилль, принимавший участие в подавлении восстаний на Кубе, в Индии и Южной Африке, узнал, что разведка и внезапность нападения чрезвычайно важны для успеха военной операции. Уже тогда Уинстон понял, как важно располагать сведениями о готовящихся маневрах ничего не подозревающего противника, обвести его вокруг пальца, да так, чтобы он об этом и не догадался. Вот почему Черчилль придавал такое значение донесениям шпионов и тайных агентов. В самом начале своей министерской карьеры, еще до 1914 года, Черчилль уже играл немаловажную роль в этой области. К примеру, он активно поддерживал Асквита, когда тот в 1909 году создал Разведывательное управление (*Secret Service Bureau*), состоявшее из двух отделов — военной контрразведки (BP 5) и разведки (BP 6). В 1910 году, заняв пост министра внутренних дел, Черчилль выступил с инициативой установить наблюдение за немецкими шпионами, находившимися на британской территории.

Однако несмотря на то, что поначалу Черчилль возлагал надежды на разведчиков из плоти и крови (*Humint*^[37]), в 1914 году, как мы знаем, он обратил взоры в сторону новейшей на тот момент системы, основанной на научных принципах и называвшейся *Sigint*^[38]. Эта система позволяла получать информацию путем расшифровки сообщений, появлявшихся на волнах вражеских радиостанций. Сразу же после начала Первой мировой войны Черчилль, бывший в то время первым лордом адмиралтейства, вместе с несколькими наделенными богатым воображением офицерами создал службу перехвата и расшифровки сигналов германского военного флота. Специалистов-дешифровальщиков первый лорд разместил прямо в здании адмиралтейства, в знаменитой комнате номер сорок. Надо сказать, что труженикам комнаты номер сорок трижды несказанно повезло. Они только начали работать, когда в Финском заливе потерпел кораблекрушение немецкий крейсер «Магдебург». Русские моряки нашли у одного из погибших членов экипажа образец шифров, использовавшихся в немецком

флоте, и передали находку британцам. Затем, уже в Тихом океане, экипажу австралийского военного корабля удалось заполучить еще одно немецкое руководство по шифровке. И, наконец, спустя некоторое время английское рыболовное судно, на этот раз в Северном море, выловило сетями чемодан, в котором лежала книжечка с кодами, принадлежавшая члену экипажа затонувшего немецкого эскадренного миноносца. Все то время, пока Черчилль оставался первым лордом адмиралтейства, он продолжал с увлечением наблюдать за работой специалистов из комнаты номер сорок, в ходе которой закрепилось превосходство британских дешифровальщиков над иностранными коллегами. В период между Первой и Второй мировыми войнами Черчилль по-прежнему уделял большое внимание разведке и шпионажу, только на этот раз его усилия были направлены против «красных». В 1953 году уже на закате карьеры вновь избранный премьер-министром Черчилль увенчал свою «заговорщическую» деятельность последней интригой. Он приказал британским разведчикам поддержать ЦРУ, организовавшее заговор с целью свергнуть режим Моссадыка в Иране и восстановить власть шаха.

В 1940 году сразу же после своего назначения премьер-министром Черчилль приказал начальникам штабов полностью пересмотреть принципы работы разведки, распределения заданий, организации снабжения собранной или расшифрованной информацией. В первую очередь премьер-министр отдал распоряжение относительно «Ультры», системы, державшейся в строжайшем, тщательно охраняемом секрете. Посвященных в эту тайну людей было очень немного. Даже ближайшее окружение премьер-министра — секретари и члены его рабочей команды — не знало о существовании «Ультры». В неведении пребывали, за редким исключением, почти все министры и даже большинство военачальников. Распределением полученной информации, предоставлявшейся с санкции центра и тщательно просеивавшейся, руководил майор Десмонд Мортон.

Из Блечли Парк перехваченные и расшифрованные сообщения направлялись начальнику службы разведки (*Secret Intelligence Service — SIS*) полковнику Стюарту Мензису, а затем — на Даунинг стрит. Во время путешествий за Черчиллем повсюду возили ящик, обитый красной кожей, в котором хранились тайны «Ультры». У Черчилля вошло в привычку каждый день, будь то в Лондоне или где-либо еще, повелительно вопрошать: «Где мои яйца?» Дело в том, что дешифровальщиков из Блечли Парк он прозвал «гусынями, несущими золотые яйца, но никому не сообщающими об этом громким гоготаньем»^[256]. И правда, для Черчилля получаемая таким путем информация была самым настоящим золотом, в

большей степени способствовавшим победе в войне, нежели слитки, хранившиеся в подземельях Английского банка. Это позволяло ему тщательно отслеживать операции и стратегические планы командования оси Берлин — Рим и, следовательно, загодя готовить ответные удары. Поэтому Черчилль, в глубине души всегда остававшийся военным, все время размышлял, что-то придумывал, рассчитывал, постоянно оттачивал собственную стратегию и тактику, опираясь на неисчерпаемый источник, ежеминутно пополнявшийся новой информацией.

С тех пор как существование «Ультры» стало достоянием общественности, ее фактическая роль в ходе военных действий оказалась в центре оживленной полемики. Некоторые предположения даже выходили за рамки разумного. Так, кое-кто утверждал, что союзники одержали победу вообще только благодаря специалистам Блечли Парк. Если же мы попытаемся подвести обоснованный итог работы Блечли Парк, то будем вынуждены сказать, что данные «Ультры», в ценности и достоверности которых не приходится сомневаться, не всегда приносили одинаковую пользу. Так, предоставленные дешифровальщиками сведения практически не пригодились во время Битвы за Англию. Но зато внесли весомый вклад в победу британского флота у мыса Тенарон. Информация о вторжении на Крит, добытая специалистами Блечли Парк, была в высшей степени точна, но ни армия, ни флот не смогли ею воспользоваться в связи с отсутствием необходимой техники. Однако в трех случаях данные «Ультры» все же сыграли решающую роль. Во-первых, во время морских боев за Атлантику в 1942–1943 годах, когда британский флот, сражавшийся с немецкими подводными лодками, в течение нескольких месяцев был на волоске от гибели. Во-вторых, в битве с немецким африканским корпусом в ходе первого сражения за Эль-Аламейн летом 1942 года. В-третьих, в Нормандии в 1944 году не без помощи специалистов Блечли Парк было остановлено контрнаступление немецких войск под Мортеном. В целом если достижения британцев в войне шифров и не обеспечили союзникам победы во Второй мировой войне, то, во всяком случае, успешная работа системы «Ультра» значительно ускорила торжество справедливости и оставила далеко позади немецкую разведку.

Поскольку теперь уже речь пойдет о неудачах британской разведки, необходимо разоблачить ошибочность двух предположений, которые периодически возникают относительно Черчилля и «Ультры». Существует и третье расхожее заблуждение, сложившееся еще в 1915 году, согласно которому первый лорд адмиралтейства якобы был предупрежден специалистами из комнаты номер сорок о том, что «Лузитания» может

подвергнуться торпедной атаке. Однако он-де сознательно погубил британский корабль, чтобы побудить Соединенные Штаты вступить в войну. Мы не будем подробно останавливаться на этом предположении, ибо оно того не заслуживает.

Итак, первая дискуссия развернулась вокруг страшной бомбардировки, которой подвергся город Ковентри в ночь с 14 на 15 ноября 1940 года. Утверждали, что благодаря системе «Ультра» британские разведслужбы были осведомлены о готовящейся атаке люфтваффе именно на этот город Центральной Англии и что Черчилль будто бы сознательно принес в жертву жителей Ковентри, чтобы сохранить в тайне свой источник информации. В связи с этим стали возникать мрачные рассказы об «изнанке» дела, попавшие на благодатную почву любопытства обывателей, охочих до военных небылиц.

Действительно, если правда, что за три дня до рейда британская воздушная разведка уже знала о плане ночного нападения на Ковентри с целью полного его разрушения, то у англичан была возможность в срочном порядке эвакуировать жителей города и спасти их от смерти. В таком случае в душе Черчилля должно было разыгаться настоящее сражение между чувством и долгом: раскрыть ли врагу тайну своего секретного и главного оружия или принести в жертву жизни тысяч соотечественников из Ковентри? В действительности тщательный анализ имеющихся документов показал, что премьер-министр никогда не сталкивался с подобной дилеммой. Бесспорно одно: британская разведка знала о готовящемся крупномасштабном рейде, однако вплоть до последнего момента, то есть до середины 14 ноября, англичане полагали, что немцы наметили своей целью Лондон или прилегающие к нему территории. Когда же их заблуждение стало очевидным, было уже слишком поздно. Англичане попытались было что-то предпринять, однако они плохо спланировали свой ответный удар, их огневых средств было недостаточно для того, чтобы дать отпор противнику, да и сама оборонительная операция началась, когда первые эскадрильи немецких бомбардировщиков уже пересекли воздушную границу Британии.

Что касается самого Черчилля, то он, конечно же, был предупрежден о том, что люфтваффе готовит массированную атаку и что, скорее всего, эта атака будет направлена на столицу. Вот почему во второй половине дня 14 ноября уже на дороге из Лондона в Оксфорд Черчилль вдруг решил вернуться. Последние донесения разведки сообщали о том, что немцы предпримут атаку в тот же вечер, и премьер-министр предпочел остаться в особняке на Даунинг стрит, чтобы там дожидаться начала грандиозной

операции под кодовым названием «Лунная соната». Таким образом, мы видим, до какой степени предположение о его сверхсведомленности не соответствовало действительности. Система «Ультра» не помогла ни предсказать, ни предотвратить бомбардировку Ковентри.

Авторы другой небылицы утверждали, будто бы Черчилль намеренно утаил информацию о готовящемся нападении японцев на американский флот в бухте Перл-Харбор. Согласно упорно выдвигавшимся гипотезам, в той или иной степени напоминавшим истории о заговоре, Черчилль, следуя своему коварному плану, якобы отказался передать Вашингтону содержание перехваченных сообщений, зашифрованных специальным дипломатическим кодом и кодом, использовавшимся в японском флоте (соответственно *Magic* и *JN 25*). В этих шифровках указывалась точная дата нападения японцев на американский флот—7 декабря 1941 года. Авторы этих гипотез утверждали, что Черчилль, вероятно, даже с ведома Рузвельта, хранил преступное молчание с целью втянуть Соединенные Штаты в войну.

В действительности, чтобы опровергнуть эти утверждения, мы должны обратить внимание читателя на два установленных факта. Прежде всего, атака японцев в бухте Перл-Харбор была полной неожиданностью для британского премьер-министра, тем более что он считал более вероятной японскую агрессию против Филиппин. Во-вторых, не было никакой гарантии, что Соединенные Штаты, которые, кстати сказать, намного лучше разбирались в японском шифре, объявят войну Германии в ответ на нападение японцев. Ведь это Гитлер взял на себя инициативу и объявил войну Штатам 11 декабря. Следовательно, мы можем смело отбросить предположение о двурушничестве Черчилля в связи с инцидентом в бухте Перл-Харбор.

*

Помимо страсти к разведке и шпионажу, Черчилль проявлял большой интерес к работе тайных агентов, то есть к подрывной деятельности на территории противника. Поэтому в июле 1940 года, когда положение Англии, оставшейся без союзников и со дня на день ожидавшей вторжения вражеских войск, было крайне тяжелым, премьер-министр создал невиданную доселе организацию. Речь идет об Отделе специальных операций (*Special Operations Executive — SOE*), которому было уготовано славное будущее и который развернул бурную деятельность не только на

территории всей Европы, но и в Азии. Название для этой организации придумал сам Невилл Чемберлен. Создание отдела стало последним общественным делом, в котором он принял участие. Как только решение об учреждении новой организации было принято (произошло это приблизительно 16–22 июля 1940 года), Черчилль приписал ее, что довольно странно, к министерству экономической войны (*Ministry of Economic Warfare*). Во главе этого министерства стоял лейборист Хью Далтон, к которому Черчилль не испытывал особой симпатии.

Таким образом, система организаций, ответственных за ведение психологической, подрывной и разведывательной деятельности, развивалась и усложнялась. Причем внутри системы не обходилось без соперничества, разногласий и конфликтов. И все эти многочисленные и разнообразные службы находились под бдительным присмотром премьер-министра. С одной стороны, главенствующее положение в этой системе занимали два старейших учреждения, датируемые, как уже упоминалось, 1909 годом и подчинявшиеся военному ведомству. Это отдел Разведывательного управления ВР 5, или Военная Разведка 5, который еще называли службой безопасности. Отдел обезвреживал чужеземных шпионов в основном на территории Великобритании. А также второй отдел Разведывательного управления ВР 6, или Военная Разведка 6, в обиходе — просто «служба разведки» (*Secret Intelligence Service*). Этот отдел развивал свою деятельность по преимуществу на чужой территории. С другой стороны, к уже существующим добавились три новые службы, созданные в 1940 году: ВР 9, или «служба спасения», занимавшаяся организацией побегов и подчинявшаяся военному ведомству; ОСО, или Отдел специальных операций (*Special Operations Executive — SOE*), подчинявшийся министерству экономической войны; и, наконец, ОПБ, или Отдел политической борьбы (*Political Warfare Executive — PWE*), ответственный за пропаганду и подчинявшийся одновременно министерству иностранных дел и министерству информации.

Черчилль инициировал создание Отдела специальных операций, поскольку считал необходимым срочно восстановить связь с оккупированным континентом. Ведь до сих пор англичане были изгнаны и отрезаны от Европы. Итак, первая задача, поставленная перед отделом, заключалась в том, чтобы отправить в тыл противника небольшие группы саботажников для подрыва военного производства. Но пока это были лишь первые слабые попытки, хотя к тому времени отдел и создал уже несколько центров по подготовке саботажников. Тогда же руководству отдела пришла мысль переправлять своих агентов в тыл к врагу по морю или высаживать

на неприятельской территории парашютные десанты. Однако из-за такого обилия идей вскоре стало непонятно, кто что должен делать и кто что — разведывать, эта путаница сразу же осложнила работу отдела.

Черчилль, чье богатое воображение не поблекло с годами, помнил о печальной истории шуанов, карбонариев и клефтов и потому решил пойти другим путем — путем вооруженных восстаний и подрывной деятельности. Он рассудил, что, разжигая дух сопротивления в жителях оккупированных территорий, можно мобилизовать их на борьбу с врагом, тогда они сделают жизнь оккупантов невыносимой и, кто знает, может быть, в один прекрасный день даже станут помогать регулярным войскам союзников в борьбе за освобождение Европы. Британский премьер-министр, хорошо знавший историю и всегда проявлявший склонность к периферийной стратегии, считал диверсионную войну, которая была известна еще в глубокой античности, эффективным способом борьбы с противником.

Диверсионная война характеризовалась подрывной деятельностью в тылу противника, участием в ней добровольцев и партизан, способностью спланировать бойцов и мирных жителей, соединять разрозненные силы, несмотря на разнообразие используемых ими средств. Диверсионная война сразу же ставила противников в неравные условия. Конечно, у одного было больше оружия, техники, различных средств связи, что обеспечивало его военную и политическую мощь, а у другого, бедняги, не было никаких технических ресурсов, и он отчаянно пытался оказывать хоть какое-то сопротивление врагу. Но парадокс заключался в том, что как раз эта несоразмерность технических средств оказалась на руку самому «неимущему», поскольку «параллельная война», а попросту герилья, — это оружие слабого в борьбе с сильным — есть не что иное, как возможность наносить удары, уклоняясь от ответных ударов противника. Ведь партизаны обладают значительными преимуществами — они быстро и незаметно для врага меняют свои позиции, хорошо знают местность и пользуются покровительством населения. Минимальная материальная база, максимальный результат — вот секрет эффективности диверсионной войны, позволившей европейцам в этой «борьбе Давида с Голиафом» изменить ситуацию в свою пользу.

Именно партизанскую войну имел в виду Клаузевиц, когда говорил о «чем-то легком и неуловимом, что не должно материализовываться в плотное тело», сохраняя способность расшатывать фундамент вражеской армии, наподобие «тлеющих угольков, медленно превращающихся в языки пламени»^[257]. Полковник Лоуренс, сторонник военных действий за

пределами населенных пунктов и большой друг Черчилля, также призывал прибегнуть к тактике молниеносных атак с последующим отходом. По его мысли, осуществлять эти атаки должны были неуловимые и неуязвимые отряды без фронта и тыла, которые могли бы просачиваться во все уголки, подобно газу.

Не случайно в июле 1940 года, приказав создать подразделения ОСО, Черчилль сравнил их с ветром, распространяющим пожар. «А теперь, — сказал премьер-министр, — воспламените Европу!»

Министр Хью Далтон, которому было поручено координировать различные формы этой борьбы, называл ее «четвертым оружием» наряду с армией, флотом и авиацией. «Война теней» наиболее активно велась именно во время борьбы с оккупантами-фашистами. Тому были две причины: с одной стороны, политико-идеологический характер конфликта, с другой — появление новых технических возможностей, связанных с развитием радио и авиации. Теперь можно было безнаказанно преодолевать пространство, занятое врагом, и налаживать регулярную связь между бойцами, сражавшимися в тылу противника, и войсками союзников.

Кроме того, диверсионная борьба становилась все более многообразной. Из военной она превращалась в политическую, из политической — в идеологическую, социальную... А порой к ней можно было применить все эти характеристики одновременно. Тем более что борьба с оккупантами вскоре породила у европейцев желание изменить после войны существующую структуру общества и государства. Таким образом, британский премьер-министр столкнулся с новыми трудностями. Ведь хотя Черчилль и выступал инициатором организации диверсионной борьбы в тылу врага, в то же время он оставался человеком глубоко консервативным. Так «малая война» сливалась с «большой войной» в рамках всемирной геостратегии.

Глава седьмая

ВЕЛИКИЙ АЛЬЯНС

1941–1945

Восток и Запад:

между Сталиным и Рузвельтом

Для Черчилля все внезапно изменилось в 1941 году. Неожиданный поворот судьбы спутал все карты. 22 июня в войну вступил Советский Союз, а 7 декабря — Соединенные Штаты. Теперь Англия была уже не одна. В борьбе с Гитлером у нее появились союзники, однако именно она оказалась центральным звеном в межконтинентальной коалиции. Отныне война стала мировой, а Британия возглавила «Великий альянс», как называл антигитлеровскую коалицию сам Черчилль, — в честь альянса, составившегося против Людовика XIV во времена знаменитого герцога Мальборо, предка премьер-министра. На протяжении четырех лет Черчилль был одновременно и антрепренером, и исполнителем главной роли в этом грандиозном действе, предпринятом с целью разрушить ось Берлин — Рим. Именно этой задаче посвятил Черчилль всю свою энергию и деловитость. Он дал жизнь новой геополитике, которую старался не выпускать из-под своего контроля и которая характеризовалась — прямо по Шекспиру — «трехчастным делением мира»^[258].

*

Осенью 1939 года, несмотря на вторжение Красной армии в Польшу и раздел этой страны между Германией и Советами, Черчилль удивил всех своим сдержанным отношением к политике Кремля. Он не присоединил своего голоса к хору негодующих соотечественников, осудивших действия советского правительства. Первый лорд адмиралтейства говорил о случившемся осторожно, избегал резких высказываний, оставляя себе тем самым путь к отступлению, а может быть, и к дальнейшему изменению

позиции. Так, впервые комментируя события в Польше на Би-би-си 1 октября, Черчилль подчеркнул, что решение Сталина было продиктовано прежде всего национальными интересами Советского Союза. Кроме того, британский премьер-министр дал понять, что загадка русской души — эта «окутанная тайной головоломка внутри загадки» (знаменитое выражение Черчилля^{259}) — на этот раз разгадана: Советский Союз попросту не мог спокойно смотреть, как гитлеровская Германия поработщает Балканы и Юго-Восточную Европу. А потому было очевидно, что столкновение интересов двух тоталитарных сверхдержав рано или поздно приведет к конфликту между ними. В октябре 1940 года Черчилль поистине проявил чудеса прозорливости, заявив своим ошеломленным военным советникам, что нужно быть готовыми к нападению Германии на Советы уже в следующем, то есть в 1941 году^{260}.

Однако лишь весной 1941 года сведения, полученные с помощью «Ультры», укрепили Черчилля в его предположении: массированное наступление германской армии на Восток не за горами. В начале апреля он приказал британскому послу в Москве, сэру Стэффорду Криппсу, срочно передать предупредительную ноту министру иностранных дел Молотову. Однако Криппс попытался увильнуть от поручения и лишь после того, как премьер-министр призвал его к порядку, передал-таки ноту, но не самому Молотову, а его заместителю Вышинскому. Черчилль все больше убеждался в том, что столкновения Германии с Советским Союзом осталось ждать недолго. Он сообщил об этом Рузвельту, тем более что 12 июня британские спецслужбы расшифровали письмо, отправленное из Берлина в Токио японским послом в Германии. В письме говорилось о неизбежности военной кампании против Советского Союза. Накануне вторжения гитлеровских войск в Страну Советов британский премьер-министр, прогуливаясь в Чекере, сказал своему секретарю Колвиллу, что если бы Гитлер вознамерился захватить ад, то он, Черчилль, вступил бы в сговор с дьяволом^{261}.

Вот почему воскресным утром 22 июня, когда Черчиллю сообщили о начале операции «Барбаросса», он воспринял эту новость с ликованием и заявил, что вечером выступит с обращением на Би-би-си. Даже не поставив в известность военный совет, премьер-министр произнес в тот же день в радиоэфире длинную речь, достойную великого государственного деятеля. Гарольд Николсон назвал этот образчик красноречия «шедевром». «Великобритания, — говорил Черчилль, — сделает все возможное, чтобы помочь Советскому Союзу в борьбе с нашим общим врагом. На

протяжении последних двадцати пяти лет, — здесь премьер-министр упомянул о своем отношении к большевистскому режиму, — не было более непримиримого противника коммунизма, чем я, и я вовсе не отказываюсь от своих убеждений. Однако общая беда стирает былые разногласия. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями забыто. (...) Перед нами стоит задача, которую мы не можем не выполнить, — уничтожить Гитлера. (...) Всякий человек, всякая страна, борющаяся с нацизмом, может рассчитывать на нашу помощь. Всякий человек, всякая страна, заключившая союз с Гитлером, — наш враг. (...) А потому мы окажем России и русскому народу любую помощь, какая в наших силах. Мы призываем последовать нашему примеру всех наших друзей и всех наших союзников во всем мире. (...) Опасность, угрожающая России, угрожает и нам. (...) Каждый свободный человек, каждый свободный народ, живущий на Земле, солидарен с теми, кто защищает свою землю, свои дома (...), поля, которые их предки возделывали с незапамятных времен (...), деревни, где хлеб добывают потом и кровью, но где не разучились радоваться жизни, где звучит веселый смех и растут дети»^[262].

По правде говоря, правящие круги Лондона, где новость о начале реализации плана «Барбаросса» произвела эффект разорвавшейся бомбы, не разделяли мнения премьер-министра. Руководящая элита скептически отнеслась к актам доброй воли Черчилля и не верила в их успех. С одной стороны, британских чиновников скорее смущала, нежели воодушевляла мысль о возможном заключении союзнического договора с Советским Союзом. С другой стороны, большинство военных экспертов, учитывая неудачи Красной армии во время финской войны, ошибочно сходились во мнении, что войска вермахта подавят сопротивление Советской армии в несколько недель. Напрасно Черчилль выдумывал разные способы помочь советскому народу, например, переправить через Ла-Манш на французский берег небольшой экспедиционный корпус или поджечь шварцвальдские леса (эту идею Черчилль почерпнул в романах Герберта Уэллса). Военачальникам не составило труда растолковать ему, что эти планы — просто химера.

Однако труднее всего Черчиллю пришлось, когда он вступил в переговоры с советской стороной. Это были бурные, очень непростые, но необходимые отношения британского премьер-министра с Советским Союзом вообще и со Сталиным в частности, отношения, длившиеся четыре долгих года, отмеченные удачами и разочарованиями, периодами полного согласия и взаимного недоверия, сближения и размолвок. Ведь Черчилль, вместо того чтобы положиться на специалистов из министерства

иностранных дел и военного ведомства, предпочитал лично встречаться со Сталиным, уповая на свои таланты и ловкость. Кроме того, так он мог принимать те решения, которые считал нужными, сообразуясь исключительно со своими убеждениями и предпочтениями.

И полетели из Лондона в Москву и обратно бесчисленные послания, депеши, дипломатические ноты... Высокопоставленные чиновники и военные двух стран без конца совещались, лично сообщали друг другу последние новости, и все это — под неусыпным контролем премьер-министра. Так продолжалось четыре года, на протяжении которых в отношениях двух союзников порой наступали тяжелые периоды, менялись настроения. Британская и советская стороны согласовывали и тщательно распределяли боевые задачи, ни минуты друг другу не доверяя. С первых же дней июля 1941 года Сталин дал понять, что его страна намерена подписать пакт о военной помощи, а также обязательство не заключать сепаратного мира — Черчилль согласился с этими условиями.

Однако очень скоро между союзниками стали возникать разногласия. Во-первых, Сталин сразу заговорил об открытии второго фронта, и британцы вынуждены были признать, что их военный и, в частности, военно-морской потенциал не позволяет им начать такую крупномасштабную операцию. Но основным камнем преткновения все же стало упорное нежелание Черчилля принимать во внимание неоднократные намеки советской стороны, выражавшей намерение заранее составить проект передела границ после войны. Единственным реальным воплощением сотрудничества двух держав стало подписание в мае 1942 года договора о военном союзе между Соединенным Королевством и Советским Союзом, подкрепленного обязательством не заключать сепаратного мира. После войны Черчилль рассказывал, что в эти годы испытаний он больше всего боялся — по крайней мере, до середины 1943 года, — как бы Сталин не заключил с Гитлером сепаратного мира^[263]. Здесь ему прозорливости не хватило.

На протяжении 1942 года, доставившего много неприятных минут участникам антигитлеровской коалиции, моменты крайнего напряжения в отношениях союзников сменялись периодами потепления. Стратегические планы Великобритании в Средиземноморье, и в частности проект высадки в Северной Африке, постоянно подвергались резкой, порой оскорбительной критике со стороны Москвы. Чтобы немного разрядить обстановку, Черчилль счел полезным нанести визит Сталину. Британский премьер-министр прибыл в советскую столицу 12 августа и сразу же испытал на себе гнев генералиссимуса. Первый вечер визита едва не обернулся крахом

союзнических отношений. Потомок герцога Мальборо подумал было вернуться в Лондон. Однако понемногу страсти улеглись, оставив в душах собеседников недоверие и затаенную злобу. Тем не менее следует признать, что в ходе встреч на высшем уровне, особенно когда встречались лидеры трех сверхдержав — Британии, США и Советского Союза, Сталин всегда проявлял чудеса выдержки и самообладания во время дискуссий. Ловкость, с какой он вел переговоры, умение заставить собеседников принять свою точку зрения поражали таких внимательных и знающих наблюдателей, как Энтони Иден или Эверелл Гарриман, посланец Рузвельта. «Этот преступный деспот, — писал Гарриман, — информирован лучше Рузвельта и более реалистично смотрит на вещи, нежели Черчилль. Во многом Сталин — наиболее сильный из трех великих военных лидеров»^{264}.

В 1943 году польские события вкупе с задержкой открытия второго фронта спровоцировали новое ухудшение в отношениях союзников, отмеченное взаимными упреками и раздражением. В апреле было обнаружено захоронение в лесу под Катынью, в июле в авиакатастрофе погиб глава польского правительства генерал Сикорский, находившийся в ссылке, осенью не прекращались споры о будущих границах Польши (Великобритания была готова принять вариант лорда Керзона, однако польская община Лондона сделала все возможное, чтобы этому помешать) — все это доставило Черчиллю немало хлопот. Потеряв терпение, он в сердцах написал Идену в январе 1944 года: «Я готов объявить всему миру, что мы ввязались в войну из-за Польши, что польский народ имеет право на свою территорию, но что мы, тем не менее, не обязаны оберегать польские границы образца 1939 года. Я утверждаю, что Россия, потерявшая в двух войнах до тридцати миллионов человек, имеет неоспоримое право расширить свои западные границы»^{265}.

*

7 декабря 1941 года нападение японцев на американский флот в бухте Перл-Харбор ознаменовало вступление в войну Соединенных Штатов — наконец-то свершилось событие, о котором так мечтал Черчилль и которое он всеми силами старался приблизить с момента своего прихода на Даунинг стрит. Отныне Великобритания и США официально стали союзниками и соединили свои усилия в борьбе с общим врагом. Ведь до японской агрессии Англия и Соединенные Штаты не связывали себя

никакими обязательствами, и их добрые отношения в любой момент могли прекратиться, теперь же это был узаконенный крепкий союз, заключенный по всем правилам. Впрочем, весьма вероятно, что американцы заключили этот союз скорее по велению разума, нежели сердца. Суровая необходимость соединила две державы в одной упряжке, и им поневоле приходилось сообща разрабатывать стратегию на будущее. Опасность грозила Британии и США отовсюду — со стороны Тихого океана, со стороны Атлантики и со стороны Европы, поэтому выход у них был только один — уничтожить противника, обеспечив полную победу союзнических войск. Традиционное соперничество, противопоставлявшее две державы в мирное время, обернулось крепким альянсом в годы войны.

Так появилось выражение, ставшее классическим для определения отношений двух стран во время войны, да и после ее окончания, — «особые отношения» (Special relationship). Автором этого выражения был, как обычно, Черчилль. Впервые оно прозвучало в его знаменитой речи, произнесенной в городе Фултоне штата Нью-Йорк 5 марта 1946 года. Затем Черчилль при каждом удобном случае вставлял его в свои «Мемуары» и «Историю англоязычных народов». В течение многих лет «особые отношения» не сходили с уст как простых обывателей, так и дипломатов и политологов. В конечном счете это определение всем набило оскомину, его стали употреблять слишком часто и не всегда уместно, поскольку круг обозначаемых им понятий уже не ограничивался военным альянсом, культурным и политическим единством двух великих государств, «исповедовавших» одно — либерализм и демократию капитала. О правомерности и значении этого выражения велись бесконечные споры. Лишь растущее отчуждение между всемогущей заокеанской державой и утрачивающей влияние Великобританией, слишком поздно вернувшей свое благорасположение Европе, в шестидесятые годы показало, что выражение «особые отношения» безнадежно устарело, а обозначаемого им понятия давным-давно не существует.

Однако выражение «особые отношения» обозначало, причем вполне оправданно, еще и неофициальный диалог, который вели Черчилль и Рузвельт в период с 1939 по 1945 год. В самом деле, с момента своего назначения первым лордом адмиралтейства в 1939 году Черчилль вступил в регулярную, дружески-доверительную переписку с президентом Соединенных Штатов. В этом Черчилль значительно отличался от Чемберлена, всегда соблюдавшего дистанцию и относившегося с прохладцей к американцам. После того как Черчилль перебрался на Даунинг стрит, интенсивность переписки заметно возросла. А потому,

пожалуй, нельзя не упрекнуть в похвальбе автора «Второй мировой войны», написавшего: «Наши отношения с президентом Соединенных Штатов стали настолько тесными, что основные вопросы сотрудничества наших стран мы предварительно обсуждали между собой в ходе оживленной переписки»^[266].

В целом за пять лет Черчилль отправил Рузвельту 950 посланий, подписанных *Former Naval Person* — бывший моряк, и получил 750 ответов — в среднем, таким образом, они писали друг другу пять раз в неделю. К этому следует добавить одиннадцать встреч двух верховных главнокомандующих с глазу на глаз и две трехсторонние встречи, в которых, помимо Черчилля и Рузвельта, принимал участие Сталин. Тем не менее приходится признать, что «особое отношение» Британии к США отличалось от «особого отношения» США к Британии. Британский премьер-министр относился с гораздо большей теплотой к своему американскому союзнику, который при случае готов был обвести Черчилля вокруг пальца. Летом 1943 года Рузвельт прибегнул к различным уловкам, чтобы организовать встречу со Сталиным без участия Черчилля.

Помимо тесного общения британского и американского лидеров, британские и американские руководители, будь то военачальники, министры или высокопоставленные чиновники, зачастую были склонны к излишней идеализации «особых отношений» Англии и США. В действительности же во время войны между Англией и Соединенными Штатами не раз возникали конфликты, выливавшиеся во взаимную подозрительность, неуступчивость, так что порой их переговоры напоминали грубый торг. В 1940 году Черчилль, в свою очередь, не захотел поделиться с американцами ни секретом радара, ни секретом гидролокатора (ультразвукового гидролокационного прибора). Правда, впоследствии между двумя странами установилось продуктивное сотрудничество как в области сбора секретной информации, так и в области атомных исследований. Но важнее всего то, что Англия и США почти сразу же договорились о создании объединенного командования с единым стратегическим планом. В начале 1942 года появился «совместный штаб», *Combined Chiefs of Staff*. А вот между англо-американскими и советскими союзниками опыт военного сотрудничества был довольно мал.

Первая встреча Черчилля и Рузвельта получила наибольшую известность, поскольку именно тогда была подписана Атлантическая хартия (встреча 9—12 августа 1941 года). Подготовка к этой встрече, состоявшейся в Пласенсия Бей вблизи острова Ньюфаундленд, велась в

строжайшем секрете. Британский премьер-министр прибыл к месту назначения на борту «Принца Уэльского», самого младшего в семействе английских броненосцев. Президента Соединенных Штатов доставил в Пласенсия Бей крейсер «Августа». Встреча началась воскресным утром 10 августа с церковной службы, на которой присутствовали главы двух стран, адмиралы и экипажи кораблей в полном составе. «В памяти каждого участника той встречи, — говорил впоследствии Черчилль, — навсегда останется утро 10 августа 1941 года. На задней палубе «Принца Уэльского» столпилось множество людей. Бок о бок развевались английский и американский флаги, английские и американские капелланы по очереди читали молитвы, английские и американские моряки, перемешавшись, стояли тесными рядами и читали одни и те же молитвенники, произносили одни и те же молитвы, пели одни и те же знакомые с детства гимны, (...) и каждое слово проникало им в сердце. Это были незабываемые минуты, а ведь почти половине присутствовавших на палубе вскоре суждено было погибнуть»^{267}. Среди исполненных в то утро гимнов, отобранных лично Черчиллем, был гимн «Вперед, солдаты Христа»:

*Вперед, Воины Христовы,
Вперед, на войну,
С распятием впереди!
Христос, Учитель и Царь,
Ведет вас на бой с врагом;
Вперед, к оружию,
Плечом к плечу,
С боевым знаменем впереди!*

Проект Атлантической хартии в том виде, в каком она была подписана 12 августа 1941 года, разработал Черчилль. Однако Рузвельт, учитывая печальный опыт Вилсона, подписавшего в свое время «Четырнадцать пунктов», не захотел связывать себе руки ради какого-то призрачного мира в будущем, и потому в тексте хартии оговаривались только самые общие вопросы. Так, были провозглашены, в частности, принцип самоопределения, согласно которому любое территориальное изменение должно осуществляться по доброй воле и с согласия населения; право каждой страны самостоятельно выбирать себе форму правления; обязательное заключение справедливого мира, избавляющего народы от страха и нужды; отказ от использования силы в целях обеспечения

коллективной безопасности и разоружения; свобода торговли и общедоступность сырья. Как мы видим, эта хартия представляла собой реферативный сборник постулатов либеральной демократии в англосаксонском варианте, удачно сочетавшем идеализм Рузвельта и реализм Черчилля.

Вскоре все стали ссылаться на Атлантическую хартию, которая заложила основы новой, замешанной на этике геополитики. В действительности же подписание хартии положило начало противопоставлению Запада, «колыбели свободы и демократии, обремененной священной миссией борьбы с тиранией», и Востока. Именно эти слова звучали затем во время подписания Североатлантического пакта. Впоследствии понятие «Запад» распространилось, помимо Соединенных Штатов, Великобритании и Франции, и на их недавних противников из Центральной Европы — Германию и Италию. Черчиллю больше других обязаны мы появлением понятия «Запад», затрагивающего три сферы — духовную, географическую и политическую. Ведь британский премьер-министр всегда стремился к созданию прочного англо-американского союза и «широкого западного простора», воспетых им в «Истории англоязычных народов». Впрочем, Сталин не заблуждался на этот счет, несколько недель спустя после встречи Черчилля и Рузвельта в Пласенсия Бей он прозорливо заметил Идену: «Я-то думал, что Атлантическая хартия направлена против стран, стремящихся к мировому господству, а теперь вижу, что она направлена против Советского Союза»^[268].

Несмотря на недовольство восточного союзника, все помыслы и усилия Черчилля на протяжении четырех лет войны были сосредоточены преимущественно на «особых отношениях» с Соединенными Штатами. Если бы это зависело только от Черчилля, история англо-американского союза, вероятно, не закончилась бы вместе с войной. Ведь еще до ее окончания, в феврале 1944 года, он заявил, причем заявление это больше напоминало официальное уведомление: «Я глубоко убежден, что, если «особые отношения», включая совместный штаб и совместное использование военных баз, не сплотят Великобританию и Соединенные Штаты, может разразиться новая разрушительная война»^[269].

Таким образом, если и верно, что фашистская угроза способствовала выработке единой позиции и единой политики двух англосаксонских стран — первого пункта в общемировой стратегии британского премьер-министра, — то так же верно и то, что у Черчилля на это была своя точка зрения. В основе «особых отношений» Британии и США, по его мнению,

лежали совсем другие, не менее важные факторы — общая история и схожая судьба, один язык, одна культура. Кроме того, обе державы признавали достоинства представительной демократии и политического и экономического либерализма.

*

Чувство реальности, столь характерное для Черчилля, не позволяло ему забывать о насущных проблемах Великого альянса. Он лучше всех понимал, что за три года войны, которую вел так называемый «Запад», то есть с июня 1941 года по июнь 1944 года, девяносто три процента убитых солдат вермахта приходилось на долю Красной армии. Неправы были те, кто после 1945 года, проникшись идеями холодной войны, искажал реальные факты и описывал трехстороннюю коалицию как непрочный и даже противоестественный союз. Черчилль всегда первым признавал, что необходимым условием победы над грозной трехсторонней коалицией Германия — Италия — Япония, победы в этой борьбе титанов, было объединение усилий Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза. Однако это убеждение ни в коей мере не расслабляло его упорный антикоммунизм, и как-то в узком кругу в октябре 1942 года он сказал: «Было бы совершенным безобразием, если бы русское варварство поглотило культуру и независимость старых европейских государств»^[270].

Впрочем, у Черчилля не было иллюзий относительно свойственных коалициям перемен в отношениях союзников. Научно-исследовательская работа, проведенная Черчиллем несколькими годами ранее, когда он писал биографию герцога Мальборо, заставила его сделать следующий вывод: «История всех коалиций — это длинное повествование о бесконечных жалобах союзников друг на друга». Но разве это достаточный повод не признавать насущной необходимости для острова вроде Англии вступать сначала в коалицию, а затем уже в войну? Как мог такой тонкий знаток прошлого, как Черчилль, забыть об этом? Ведь он прекрасно знал, что былая слава и подвиги британского оружия неразрывно связаны с бесчисленными коалициями, в которые Англия вступала на протяжении многих веков и в которых Лондон неизменно занимал главенствующее положение. Вот что однажды без обиняков сказал сам Черчилль: «Хуже союзников может быть только война без союзников»^[271].

Впрочем, в течение пяти лет доли влияния британцев и американцев

внутри антигитлеровской коалиции менялись, однако решения не всегда принимались с учетом соотношения сил. К примеру, на первом этапе англо-американских «особых отношений», когда британцы, оказавшись в изоляции в 1940–1941 годах, искали поддержки и рассчитывали главным образом на помощь американцев, армия и авиация США только-только начинали развиваться. И благодаря своему военному превосходству над заокеанской сверхдержавой Англия заняла сильную позицию в альянсе. В 1942–1943 годах, несмотря на ошеломляющий рост военной мощи Соединенных Штатов (если в 1941 году по ту сторону Атлантического океана производство боеприпасов составляло четыре миллиона долларов, то в 1943 году оно возросло до тридцати восьми миллионов долларов, тогда как по эту сторону Атлантического океана прогресс был весьма незначителен — семь миллионов долларов в 1941 году и одиннадцать — в 1943 году), британские руководители, ратовавшие в основном за активные военные действия в Средиземноморском бассейне, продолжали навязывать свою стратегию роптавшему американскому штабу. И напротив, на последнем этапе войны, в 1944–1945 годах, силы союзников были настолько неравными, что Соединенные Штаты, заняв лидирующее положение в альянсе, навязывали Британии свои военные и политические решения, не совпадавшие с мнением Черчилля.

И все же двойная цель — дружба с американским государством и согласие с президентом Рузвельтом — до конца войны определяла поведение британского премьер-министра. В сентябре 1943 года, получив звание почетного доктора Гарвардского университета, Черчилль даже выступил за дальнейшее единение двух народов. «Я мечтаю, — восклицал он в восторженном порыве, — о том, чтобы англичане и американцы свободно путешествовали по британским и американским просторам, не чувствуя себя чужими друг у друга»^[272]. Черчилль испытывал и личную привязанность к Рузвельту. Как-то в минуту уныния, дрогнув под чрезмерным грузом возложенной на него ответственности, он прямо выразил американскому президенту свою искреннюю признательность. «Наша дружба, — телеграфировал он ему накануне высадки американского десанта, — моя самая надежная опора, помогающая мне выстоять в этой ужасной войне, которая день ото дня принимает все более серьезный оборот»^[273].

Среди многочисленных споров, не утихающих вокруг личности и общественной деятельности Черчилля, наиболее важным следует признать спор о Черчилле-стратге. Причем здесь имеется в виду как стратегия политическая, так и военная. По правде говоря, когда Черчилль пришел к власти в мае 1940 года, пожалуй, не было никого, кто лучше него справился бы с поставленной задачей, имел бы больший опыт и был бы лучше подготовлен к тому, чтобы принять на себя столь тяжелую ответственность. Ведь Черчилль более тридцати лет раздумывал над военным искусством и над искусством командования, он более тридцати лет осваивал эту премудрость на практике, сначала в армии, а затем — в правительстве. У него был большой опыт министерской работы: он исполнял обязанности первого лорда адмиралтейства с 1911 по 1915 год, министра снабжения армии — с 1917 по 1918 год, министра обороны и министра по делам колоний — с 1919 по 1922 год и снова первого лорда адмиралтейства — с 1939 по 1940 год. Не стоит забывать еще и о том, что он не только принимал активное участие в Первой мировой войне, но и тщательно проанализировал, буквально разобрал по косточкам все ее события в шести томах «Мирового кризиса». Можно сказать, что в каком-то смысле вся политическая карьера Черчилля была подготовкой к основному этапу его жизни, к главной роли, которую ему наконец поручили.

О взаимосвязи политики и военного искусства Черчилль так и написал в «Мировых кризисах»: «На Олимпе власти истинная политика всегда сродни хорошей стратегии. Удачный маневр, прибавивший вам нового союзника, так же плодотворен, как победа на поле брани»^[274]. Судя по этому высказыванию, Черчилль был последователем Клаузевица, который писал, что во время военных действий главное — уловить «сущность происходящего в целом, поскольку на войне как нигде больше часть и целое нужно рассматривать в комплексе»^[275]. Ту же идею находим в знаменитом эссе Черчилля о живописи как времяпрепровождении, где он сравнивает изобразительное искусство с военным. «Стоя перед холстом, — утверждает Черчилль, — нужно уметь все охватить взглядом — начало и конец, целое и каждую из частей этого целого — так, чтобы мгновенно зафиксировать в уме верную и твердую картину. (...) И поскольку базовым принципом для нас является принцип «единства замысла», то именно от этого «единства» зависит и судьба сражения, и композиция картины»^[276].

На этом основывалось одно из двух бесспорных достоинств Черчилля. Британская геополитика была многокомпонентна и чрезвычайно сложна. Однако премьер-министр обладал счастливым даром раскладывать на

простейшие составные самые запутанные дела. Он умел кратко и ясно излагать суть проблемы. В своей стратегии Черчилль руководствовался изречением Наполеона, запавшим ему глубоко в душу: секрет успеха, по мнению великого полководца, заключался в «умении ставить долгосрочные цели, не утомляясь», иными словами — в способности ставить долгосрочные цели и упорно добиваться их достижения. Другое замечательное качество Черчилля состояло в том, что он не только со свойственной ему дерзостью осуществлял свои грандиозные замыслы, подчас сопряженные с огромным риском, но и имел мужество брать на себя ответственность. Его золотое правило — принимать любой результат — обнаруживало в нем лидера, военачальника, которым ему так хотелось быть.

Сегодня попытка оценить личный вклад Черчилля в разработку военных планов и операций, оценить реальные результаты его деятельности является делом крайне сложным и щекотливым. Множество дискуссий, споров, без конца возникавших и продолжающих возникать начиная с 1945 года, встают преградой на пути к этой цели. Поначалу память о славном «звездном часе», подкрепленная шестью томами «Второй мировой войны», породила образ неукротимого героя с несгибаемым боевым духом, неиссякаемой энергией, незаурядной способностью предугадывать ход военных действий. Безукоризненный образ героя сливался с образом необыкновенно прозорливого, здравомыслящего государственного деятеля, политика-пророка. Неудивительно, что вокруг имени национального лидера выросла самая настоящая легенда.

Закреплению этой легенды способствовала публикация в 1952 году талантливой книги Честера Уиллмота «Битва за Европу», вскоре ставшей классической. В своей книге Уиллмот не только провел апологию черчиллевской линии ведения войны, но и сообщил великое множество новых, неизвестных до той поры сведений. Автор «Битвы за Европу» утверждает, что существовала прямая связь между прозорливостью Черчилля в тридцатые годы и той решимостью, с какой он продолжал выполнять свою спасительную миссию в сороковые годы. Помимо этого, в «Битве за Европу» Уиллмот не переставал оправдывать стратегию Великобритании, выбранную ее премьер-министром. К тому же он неоднократно повторял мысль о том, что хотя западные союзники и выиграли войну, они, тем не менее, потеряли мир, ведь Рузвельт отказался последовать за Черчиллем в его средиземноморской стратегии.

Вместе с тем начиная с пятидесятых годов в печати появилось несметное количество воспоминаний, мемуаров и дневников, написанных

главными действующими лицами военных лет, в основном военачальниками из окружения премьер-министра. Свои воспоминания выпустил, к примеру, бывший начальник имперского штаба генерал Алан Брук, ставший лордом и маршалом. В то же время постепенно стали доступными как американские, так и британские архивы. В одночасье цвета палитры в портрете Черчилля заметно изменились и разнообразились. Изображение эпического героя в радужных тонах уступило место более контрастной, светотеневой картине, гораздо больше соответствовавшей исторической реальности. Тогда стало ясно, что Черчилль, несмотря на его величайшие заслуги, был человеком с большими недостатками. В силу своей импульсивности он часто принимал неверные решения, наспех составлял плохо продуманные планы, химерические проекты. Черчилль был порывистым человеком, одержимым навязчивыми идеями. Ему припомнили и непреодолимое желание все контролировать, манию вмешиваться в дела генералов и адмиралов и постоянное покушение на их прерогативы. Даже такой уравновешенный человек, как Энтони Иден, ближайший соратник Черчилля, возглавлявший министерство иностранных дел, жаловался на его неуместные вторжения своему первому секретарю: «Он замечательно одарен, чтобы быть национальным лидером, но его влияние губительно, когда речь идет о составлении планов»^[277]. Таким образом, облик премьера стал обретать более реальные контуры.

По мере того как подробности политической кухни становились известны, люди поняли, как тяжело приходилось экспертам и специалистам, вынужденным с великим трудом останавливать или направлять в нужное русло рискованные и неосуществимые замыслы премьер-министра, опьяненного собственным воображением и неумной жадой деятельности, заставлявшей его часто поступать наперекор здравому смыслу. Неудивительно, что в высших эшелонах британской власти нередко были неприятные сцены, вспышки гнева, бесконечные дискуссии ночами напролет, мучительные, изнуряющие ссоры — и все это ради того, чтобы не допустить осуществления самых безумных и нелепых идей Черчилля. Тогда стали припоминать прошлое премьер-министра, в котором сочетались его удивительная прозорливость и губительные последствия осуществления его планов, таких, как, например, экспедиция к проливу Дарданеллы. Выше говорилось о нагромождении ошибок, совершенных в ходе Норвежской кампании, по окончании которой, как это ни странно, главный виновник неудачи занял самый высокий пост в британском правительстве. Дошло до того, что кое-кто, отдавая должное

беззаветной храбрости Черчилля, стал упрекать его в отсутствии стратегического чутья.

В обоснование подобного утверждения приводились главным образом несколько фактов. Упоминался план «Юпитер», за который Черчилль ратовал с завидным постоянством и упорством с 1941 по 1944 год. Этот план заключался в том, чтобы осуществить высадку войск на севере Норвегии и напасть на немцев с тыла, после чего, возможно, соединиться с советскими войсками. Напрасно специалисты трех штабов убеждали Черчилля в бессмысленности этого маневра, он не отступился от своего плана, впрочем, добиться его осуществления ему так и не удалось. Вопреки и невзирая на доводы специалистов, премьер-министр в течение трех лет мечтал убедить турков вступить в войну на стороне союзников. И это при том, что турецкие власти о войне и не помышляли. С начала и до конца боевых действий они только и делали, что старательно избегали необходимости примкнуть к какому-либо из двух лагерей и оберегали свой нейтралитет. Еще один факт был не столь уж значителен: в 1943 году не одну неделю велись пустые споры между британским командованием и американским руководством с одной стороны и Черчиллем — с другой. На этот раз премьер-министру вздумалось завоевать острова Южные Спорады, и оппонентам пришлось втолковывать ему, что в Эгейском море бесспорное воздушное преимущество принадлежит противнику.

Несомненно, у Черчилля было много недостатков — непреодолимая потребность во все вмешиваться, навязывая свое мнение специалистам любого уровня (то, что Брук называл «хвататься за пирог, который не успел испечься»), лихорадочная суетливость и беспорядочные инициативы, застарелое пристрастие к наступлениям, за которые он неизменно ратовал, невзирая на технические или оперативные препятствия. Тем не менее нельзя не признать за ним способности выслушать, принять хорошо аргументированные возражения, учесть их и даже поблагодарить за них собеседника. Так, маршал авиации Портал рассказывал, как закончился однажды вечер бурных споров: «Я был совершенно не согласен с одним из планов Черчилля и оттого говорил с ним довольно резко. В продолжение моей тирады он не сводил с меня ледяного взгляда, и в конце концов я извинился за свою грубость. Тогда он широко улыбнулся и сказал мне: «На войне главное не вежливость, а здравый смысл»^[278].

Однако если говорить о Черчилле-стратге, то, пожалуй, генерал Брук наиболее точно выразил общее чувство соратников премьер-министра, постоянно раздираемых между раздражением и восхищением. 30 ноября 1942 года начальник имперского штаба, упомянув, каких нечеловеческих

усилий стоило заставить Черчилля отказаться от своих сумасброднейших планов, записал в своем дневнике: «Премьер-министр порой невыносим и повергает в отчаяние. Но его величайшие достоинства заставляют забывать о его недостатках. Он суров в делах, нет такого человека, с которым было бы труднее работать. Однако как бы тяжело мне ни приходилось, я ни за что не отказался бы от чести служить ему». А вот запись в дневнике Брука от 30 августа 1943 года: «Я спрашиваю себя, смогут ли в будущем историки верно охарактеризовать Уинстона? Он человек незаурядный, в нем самые чудесные качества и нечеловеческая одаренность удивительным образом сочетаются с неумением правильно оценить ситуацию и безудержной порывистостью, которая может привести к самым страшным катастрофам. (...) Решительно, из всех, с кем я когда-либо встречался, Черчилль — самый трудный в работе человек, но ни за что на свете я не упустил бы случая с ним поработать»^[279].

Рузвельту же приписывали следующее высказывание: «У Уинстона в голове за день рождается сотня идей, из которых лишь три или четыре действительно стоящие», а злые языки добавляли: «К сожалению, он сам не знает, какие именно». Доподлинно известно лишь то, что американские руководители неизменно ассоциировали власть в Лондоне с Уинстоном Черчиллем. В Вашингтоне считали, что британская политика, — и в самом деле определяемая Черчиллем, — сводилась лишь к его взглядам и его политической линии.

*

В декабре 1941 года перед англо-американскими союзниками встал ключевой вопрос: какую стратегию избрать? Впрочем, очень быстро они пришли к согласию — решили сосредоточить свои усилия прежде всего на Европе, а затем уже на Тихом океане (лозунг «Сначала Германия» следовало понимать так: Германия — враг номер один, поэтому ее капитуляция — ключ к победе). Однако сразу же между стратегическими партнерами стали возникать разногласия. Три года тянулся этот трансатлантический спор, отмеченный частыми ссорами и взаимным непониманием. Что касается Черчилля, то театр военных действий в Европе, бесспорно, волновал его гораздо больше, нежели в восточной части Тихого океана. Честно говоря, Азия и Япония никогда его особенно не заботили. Премьер-министр совершил настоящий подвиг — сумел навязать американцам на целых два года, 1942 и 1943, свою стратегию, в центре

которой находился Средиземноморский бассейн. Американские же военачальники предпочитали предпринять активные военные действия по ту сторону Ла-Манша.

Вот почему так важны были периодические встречи британского премьер-министра и президента Соединенных Штатов, проходившие, как правило, в присутствии главных военачальников и нескольких министров. Начало этим встречам положила конференция в Вашингтоне, продолжавшаяся с декабря 1941-го по январь 1942 года и получившая название «Аркадия». В Рождественский сочельник Черчилль и Рузвельт в знак дружбы вместе зажгли праздничные огни на елке, установленной, по традиции, на лужайке перед Белым домом. Между тем во время обстоятельных бесед были заложены основы военного сотрудничества двух стран. В июне 1942 года состоялась вторая конференция. Она также прошла в Вашингтоне и получила название «Аргонавт», а уже в августе Черчилль встретился со Сталиным в Москве. 1943 год стал поистине годом конференций: в январе в Касабланке прошла конференция «Символ», в мае — третья вашингтонская конференция «Трезубец», в августе — конференция «Квадрант» в Квебеке, после которой, в сентябре, Черчилль вновь совершил поездку в Вашингтон, и, наконец, в ноябре-декабре состоялись конференции в Каире и Тегеране.

В действительности, спор о ведении войны, в который вскоре вступили англичане и американцы, возник из-за различия британских и американских военных традиций и стратегических концепций. Американцы, верные заветам Наполеона и Войны Севера и Юга, прежде всего стремились избрать кратчайший путь атаки живых сил противника с тем, чтобы разбить и уничтожить их. Буквально это означало следующее: сосредоточить достаточные силы на британской земле, атаковать противника, осуществив высадку десанта во Франции. Таков был кратчайший путь от отправного пункта (Англии) до конечной цели (Париж и Берлин) через равнины Северной Европы. Периферийная же стратегия, напротив, привела бы только к распылению сил и не позволила бы добиться окончательной победы.

Периферийная стратегия как раз и являлась особенностью британской военной теории и практики, которыми, в свете былых войн, глубоко проникся Черчилль, а вместе с ним и большинство высокопоставленных чиновников британской армии и флота. Эта приверженность «окольным» путям ведения военных действий объяснялась несколькими факторами: стремлением использовать свое морское и экономическое превосходство, боязнью потерять все в одной операции (как это уже было во время

Французской кампании в 1940 году), воспоминанием о резне 1914–1918 годов, использованием таких средств борьбы как блокада и бомбардировки, позволяющие ослабить, истощить силы противника. Иными словами, это была глубоко прагматическая стратегия (и, вопреки расхожему мнению, вовсе не идеологическая). Она-то и привела к появлению понятия «войны на истощение». Основная идея этой войны заключалась в следующем: дожидаться благоприятного момента и нанести последний удар в виде высадки десанта, — это куда лучше, чем преждевременное наступление, сопряженное с большим риском.

Настало время отказаться от тактики «победоносной» обороны (лишь в 1942 году число погибших британских солдат превысило число жертв среди мирного населения Англии)^{280} и попытаться организовать наступление. Целесообразнее всего было бы начать атаку со слабого звена оси Берлин — Рим, то есть с Италии, сосредоточив усилия на геостратегической зоне, в которой у союзников было неоспоримое преимущество, — на Средиземном море. Таким образом, после капитуляции Италии участники антигитлеровской коалиции могли бы закрепиться на материке, оттеснив противника, и без того ослабленного и деморализованного блокадой, систематическими бомбардировками и, весьма вероятно, общим упадком духа.

Как уже говорилось выше, стратегические взгляды союзников полностью расходились. Камнем преткновения стал вопрос об открытии *второго* фронта крупномасштабным наступлением во Франции. В то же время Сталин требовал от англо-американских союзников *решительных эффективных* действий, что было справедливым. Кроме того, прийти к согласию партнерам мешал политический расчет. Американцы подозревали англичан в стремлении закрепить свои имперские позиции в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Впрочем, немало политиков в окружении Рузвельта видели в Черчилле прежде всего старого тори викторианского пошиба, и в какой-то мере это не было лишено основания. За океаном даже *SEAN (South East Asia Command — «командование войсками Юго-Восточной Азии»)* расшифровывали как *Save England's Asian Colonies — «спасите английские колонии в Азии»*.

Неудивительно поэтому, что планы ведения военных действий, предлагавшиеся американцами, бесцеремонно отвергались британским руководством во главе с Черчиллем. Таким образом, в первой половине 1942 года были одна за другой рассмотрены и отклонены или отложены операции «Болеро» (суть которой состояла в том, чтобы стянуть в Великобританию около тридцати американских дивизий со всей

необходимой техникой, достаточных для открытия второго фронта), «Кувалда» (высадка части войск в Нормандии и создание плацдарма на полуострове Котантен) и «Облава» (план форсированной высадки во Франции на участке побережья между Булонью и Гавром в 1943 году).

Все эти проекты подвергались непрерывному огню критики и возражений со стороны начальников британского штаба, причем часто эти возражения были хорошо аргументированы, а для критики имелись веские основания. Итак, американские предложения были отвергнуты, вместо них в июле 1942 года Черчилль добился принятия совершенно другого стратегического плана — плана высадки англо-американского десанта в Северной Африке. Сначала эту операцию называли «Гимнаст», затем переименовали в «Факел». Итак, союзники вернулись к средиземноморской, стало быть, периферийной, стратегии, столь дорогой сердцу Черчилля. И это несмотря на возражения генерала Маршалла, начальника американского штаба, высмеивавшего «попытку потушить адское пламя снежками». В свою очередь государственный секретарь Соединенных Штатов по военным вопросам Стимсон говорил, что англичане ведут войну по принципу «заколи врага булавкой».

По правде говоря, начиная с 1940–1941 годов Черчилль склонялся к военным операциям в Средиземноморье в надежде дожидаться удобного момента и без потерь и риска поражения развить наступление на материк. Вероятно, этот удобный момент был напрямую связан с внутренним развалом Германии, о близости которого премьер-министру регулярно докладывали начальники штаба. Выбор Черчилля в пользу Средиземноморья подтвердило решение англичан разместить на Ближнем Востоке к концу 1941 года от двадцати пяти до тридцати дивизий от общего их количества пятьдесят пять, то есть почти половину британской армии. Впрочем, Черчилль, как обычно, был последователен в своих действиях. В 1936 году он как-то сказал одному своему другу: «Мы должны сохранить свое превосходство на Средиземном море. Это превосходство впервые было завоевано моим знаменитым предком — герцогом Мальборо»^[281]. Вот почему Черчилль придавал первостепенное значение этому стратегически важному району. Потому-то он считал необходимым приложить все усилия для разгрома Италии. В конечном счете развед Северная Африка не была единственным театром военных действий, сцена которого позволяла перейти от отступления к наступлению?

Тем не менее в первой половине 1942 года союзники терпели поражение за поражением: потеря Малай, падение Сингапура 15 февраля и падение Рангуна 8 марта на Дальнем Востоке; победоносное наступление

фашистских войск в Африке, падение Тобрука 21 июня и прорыв немецких танковых бригад в Египте до самого Эль-Аламейна, расположенного в ста километрах от Александрии. Для Черчилля это были самые тяжелые месяцы войны. Тогда же ему пришлось дважды вступать в ожесточенный спор в палате общин, отстаивая свое право быть лидером нации. Особенно унижительной показалась ему капитуляция Сингапура и Тобрука, тогда в плен были взяты десятки тысяч британских солдат.

Несмотря ни на что, эти события ознаменовали начало переломного этапа в ходе военных действий в Северной Африке. Первое сражение за Эль-Аламейн, которым командовал генерал Аучинлек, произошло в первые дни июля. Это оборонительное сражение, завершившееся победой англичан, остановило продвижение немцев вперед и сохранило за англичанами Египет и Суэцкий канал. 23 октября началось второе сражение за Эль-Аламейн. На этот раз англичане наступали под командованием генерала Монтгомери, заменившего Аучинлека, которого Черчилль, не церемонясь, отправил в отставку. За каких-то две недели немецкий фронт был прорван, и 8-я армия начала свое победоносное шествие по Ливии и Тунису.

8 ноября того же года была проведена операция «Факел», предпринятая с целью захвата и оккупации Марокко, Алжира и Туниса. Несмотря на то, что поначалу в Тунисе, стремительно завоеванном войсками оси Берлин — Рим, англичане потерпели поражение, им тем не менее все же удалось закрепиться в Северной Африке. Затем, обеспечив себе надежный плацдарм для дальнейших операций, войска Ее величества вынудили к сражению и взяли в мешок несколько дивизий вермахта, которым ничего не оставалось, кроме как сдаться. При этом британцы привлекли к сражению значительные силы французской армии. Операция завершилась в мае взятием Туниса. Кульминация войны миновала — поворот военной фортуны пришелся на рубеж 1942–1943 годов: союзники одержали победу в Эль-Аламейне, русские разгромили немцев под Сталинградом. Это славное начинание было продолжено в июле 1943 года разгромом противника на Сицилии и сокрушительным поражением вермахта на Курской дуге.

В январе 1943 года в Касабланке состоялась очередная конференция «Символ», в ходе которой было принято решение о начале операции «Здоровяк», то есть о вторжении на Сицилию. Эта конференция завершилась полной победой Черчилля и британской стратегии: предпочтение было отдано средиземноморскому региону, а завоевание Сицилии предвляло завоевание Апеннинского полуострова. И правда,

вскоре Черчилль заявил, что сама по себе высадка на Сицилии не имела большого значения, поскольку главная стратегическая задача заключалась в том, чтобы поставить на колени Италию и уничтожить противника в ее лице. Операция «Лавина», то есть вторжение на юг Италии, была не за горами. Однако в то же время это означало, что в Средиземноморском бассейне будут сосредоточены корабли, техника, баржи, необходимые для осуществления операций по высадке десанта. Поэтому крупномасштабную экспедицию во Францию пришлось отложить. Она была перенесена на 1944 год, хотя во время своего визита в Москву в августе 1942 года Черчилль пообещал Сталину открыть уже в 1943 году на Западе второй фронт, осуществив операцию под кодовым названием «Облава». Очень скоро стало ясно, что вопреки желанию американских военачальников проводить операцию «Облава» и одновременно осуществлять активные наступательные действия в Италии невозможно. Поэтому союзники сосредоточили свои усилия на Италии, и 25 июля режим Муссолини пал, после чего политические настроения в стране изменились. Нетрудно заметить, что именно в этот период в одном из меморандумов Черчилля впервые прозвучала мысль, глубоко запавшая ему в душу, — мысль о том, чтобы войска союзников прошли через весь Апеннинский полуостров до Венеции и Истрии, а затем через Восточные Альпы и Люблянскую долину двинулись бы на Вену и атаковали противника с тыла^[282].

В дополнение к этому стратегическому плану объединенное командование решило подвергнуть Германию систематическим бомбардировкам. Бомбардировки занимали центральное место в тактике предстоящей операции. Выполнение этой задачи было поручено бомбардировочному полку королевских военно-воздушных сил, командовал которым маршал авиации Гаррис. Историческое решение было принято 14 февраля 1942 года: вести беспощадную воздушную войну против немецких городов. Авиация союзников наносила удары не только по военным объектам, но и по мирному населению, не только по оборонным заводам, но и по гражданским объектам с целью подорвать моральный дух врага и вынудить его к капитуляции. Суть новой стратегии сполна отразил рейд на Кёльн, осуществленный 30 мая 1942 года. Тысяча бомбардировщиков королевской авиации участвовала в этом рейде, во время которого англичане совершили ту же ошибку, что и немцы, осуществившие в 1940 году операцию «Блицкриг» против британских городов. В конечном счете союзникам не удалось сломить дух гражданского населения Германии.

Черчилль, в силу своего характера, сначала ратовал за тактику

беспощадного поражения врага, застигнутого врасплох за повседневными делами. Однако очень быстро его посетили сомнения в эффективности воздушных операций союзников в небе Германии. Вот почему его отношение к этим операциям было двойственным и у многих вызывало недоумение. По-видимому, он никогда не тешил себя пустой надеждой, что войну можно выиграть с помощью одной лишь бомбардировочной авиации. Тем более что ему была хорошо известна цена этих операций: за три года королевские военно-воздушные силы потеряли пятьдесят шесть тысяч человек убитыми. С другой стороны, процесс уничтожения врага и его военного потенциала был запущен и быстро набирал обороты, разве могла Англия отказаться от участия в нем?

*

Вопрос об *открытии второго фронта*, как уже говорилось выше, занимал центральное место в стратегических планах союзников и обострял разногласия между англичанами и американцами. По правде говоря, он возник еще тогда, когда немецкие танки устремились завоевывать советскую землю. Что касается Черчилля, прежде всего нужно выяснить, действительно ли и в какой степени он старался отсрочить, а может быть, и вовсе не допустить открытия второго фронта, планировавшегося как крупномасштабное вторжение во Францию. В своей книге «Вторая мировая война» он решительно возражал против этих обвинений.

Как бы то ни было, переставшие быть секретными архивные материалы и великое множество позднейших исторических исследований показали, что Черчилль никогда не противился открытию фронта во Франции, ведь от этого зависело освобождение Европы. Однако он считал — и с ним были согласны все британские военачальники, — что проведение этой операции возможно лишь в том случае, если военному и экономическому потенциалу гитлеровской Германии будет нанесен ощутимый урон. Вот почему Черчилль прилагал огромные усилия, чтобы отложить на максимально возможный срок высадку войск на французских берегах. Бесспорно, эта операция была очень рискованной и могла обернуться катастрофой — стать вторым Дюнкерком. А потому нет ничего удивительного в том, что кровавая битва, произошедшая в августе 1942 года в Дьепе и завершившаяся поражением англо-канадцев, была воспринята в Лондоне как предупреждение о тяжелых испытаниях, уготованных союзникам на том берегу Ла-Манша, и заставила

призадуматься слишком прытких сторонников высадки во Франции.

Советская историография слишком односторонне подходит к этой сложной проблеме. Типичный взгляд демонстрирует, например, историк Трухановский, рассматривающий позицию британцев по вопросу об открытии второго фронта как бесконечное «жульничество» и доказательство «лицемерия» Черчилля, стремившегося прежде всего ослабить Советский Союз и захватить контроль над Балканами^{283}. Британский премьер-министр был весьма последователен, неизменно отстаивая и превознося свою средиземноморскую стратегию, в центре которой вплоть до 1944 года оставался Апеннинский полуостров. Именно в Италии Черчилль якобы видел идеальный плацдарм и ключ к победе над рейхом. Его последовательность свидетельствовала о том, что он заранее сделал выбор в пользу Средиземного моря — зоны интересов Британской империи. С другой стороны, премьер-министр почти не обращал внимания на регулярные донесения своих советников о развале Германии изнутри, вроде того, как это было в 1918 году. Романтизм и богатое воображение по-прежнему были его отличительными чертами, и он долгое время лелеял надежду на восстание в оккупированных странах. Участники движения Сопротивления и местное население оказали бы, таким образом, неоценимую помощь освободительной армии союзников. Впрочем, начиная с 1943 года эта сладкая надежда стала угасать.

Итак, чем же руководствовался Черчилль, отработывая стратегическую линию второго фронта? Политико-идеологические объяснения, которые получили широкое распространение во времена холодной войны, слишком просты и поверхностны. Вопреки бытовавшему некогда мнению, позиция Черчилля вовсе не была продиктована коварным умыслом обескровить Советский Союз, бросив его на произвол судьбы на Восточном фронте. Это было нужно якобы для того, чтобы, улучив момент, англо-американские союзники могли без труда освободить Европу и заодно поживиться плодами победы в свете новой геополитики. Напротив, в 1942–1943 годах Черчилль лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что для победы Великому альянсу нужны были все три участника, что англо-американские союзники не могли свергнуть нацистский режим без помощи Советского Союза — самой большой страны в мире.

В действительности можно назвать два ряда причин, объясняющих настороженность Черчилля по отношению к этой неслыханной, гигантской экспедиции. В конце концов не знающая поражений и непобедимая с виду Германия образца 1940 года тоже отказалась, ввиду неожиданно возникших препятствий, от проведения операции «Морской лев». У немцев не хватило

смелости даже приступить к ее осуществлению.

Первым фактором, повлиявшим на выбор Черчилля, был страх потерять слишком много человеческих жизней. Картины кровавой бойни времен окопной войны, бушевавшей от Соммы до полуострова Пашаэли, были слишком живы в памяти очевидца тех трагических дней. Вот почему британский премьер-министр не спешил посылать на смерть своих соотечественников. Он прежде всего заботился о том, чтобы не допустить повторения печального опыта лобовых атак, которые выкосили бы цвет британской молодежи. В этом американские союзники были солидарны с Черчиллем, они также не хотели приносить больших человеческих жертв и делали все возможное, чтобы сократить потери до минимума.

Джон Макклой, бывший в те времена заместителем министра обороны Соединенных Штатов, после войны поведал, как весной 1944 года Черчилль заявил ему, что отказывается пускаться в слишком рискованные предприятия: «Если Вы думаете, что я тяну время, боясь потерь, — это не так. Я не боюсь боевых потерь, я боюсь *таких* потерь. Никто не может обвинить меня в нежелании бороться и помочь советскому народу, но мысль о том, что на моих глазах погибнет все молодое поколение Британии, невыносима»^{284}. Однако в биографии герцога Мальборо Черчилль не переставал повторять, что в некоторых обстоятельствах, например, для того, чтобы одержать окончательную победу, нужно быть готовым к большим потерям^{285}.

Другим ключевым фактором, повлиявшим на выбор Черчилля в пользу периферийной стратегии, стали его сомнения и невысокое — хотя открыто он об этом не говорил — мнение о британской армии, ее боевой готовности и технических возможностях. Он сомневался в том, что его соотечественники смогут сражаться на равных с хорошо отлаженной военной машиной вроде немецкой армии. Надо сказать, что британские политики, исходя из опыта Первой мировой войны, считали военачальников людьми никчемными. В бесконечных ссорах «лосин» и «цилиндров» Черчилль не колеблясь вставал на сторону последних. В 1940 году премьер-министру показалось было, что общий уровень подготовки высшего командного состава заметно повысился, хотя и не настолько, насколько ему хотелось бы. Тем не менее для такого бойца, как он, неудачи в Дюнкерке, Сингапуре и Тобруке навсегда остались несмываемыми пятнами позора на боевом знамени Британии. «Самое сокрушительное поражение, самая унижительная капитуляция в истории Британии», — говорил он о падении Тобрука. И неудивительно, ведь в Африке войска Ее

величества поистине покрыли себя позором: две танковые и одна пехотная дивизии немцев нанесли сокрушительное поражение и большой урон британской армии, значительно превосходившей противника количеством и техническим оснащением. Даже бойцы знаменитой 8-й армии, прославившейся в песках пустыни, проявили себя не с лучшей стороны в боях на Апеннинском полуострове. Они, увы, не оправдали надежд и во время высадки в Нормандии.

Трудно было противостоять немецкой военной машине, которая, не в пример союзнической, была хорошо смазана и налажена, ее обслуживал не имевший себе равных командный состав, начиная с генералов и заканчивая младшими офицерами, унтер-офицерами и простыми солдатами. Этой супермашине ничего не стоило доказать свое превосходство: она была эффективна и напориста в любых обстоятельствах, она, бесспорно, была сильнее британской военной «колымаги». Войскам Ее величества не хватало боевого настроя, инициативы и бойцовского духа. Означало ли это, что цивилизованные англичане-демократы перестали быть воинами, достойными своих предков? Как бы то ни было, по мнению выдающегося историка Алана Буллока^[286], неуверенность верховного главнокомандующего Черчилля в своей армии вынуждала его поступать опрометчиво и предпринимать крупномасштабные операции, в которых шансы на успех были равны шансам на поражение.

Повседневные труды и заботы премьер-министра

На протяжении всех этих лет Черчилль не переставал удивлять окружающих своей активностью. Переговоры на высшем уровне, заседания военного совета, членство в гражданских и военных комитетах, постоянный обмен информацией, бесконечные распоряжения, споры в палате общин, длительные поездки, речи и обращения — такая круговерть требовала невероятного напряжения моральных и физических сил. Черчилль проявлял чудеса выдержки, ведь к тому времени ему было почти семьдесят лет, при этом он много курил, отдавал предпочтение крепким напиткам, ел досыта и страстно спорил обо всем на свете. Премьер-министр постоянно находился в движении, изо дня в день он что-то обсуждал, осматривал, кого-то бранил, успевая одновременно управляться с кипами официальных бумаг, депеш, телеграмм и новостей. Черчилль диктовал свои письма, которых было великое множество, лежа в постели или в ванной, что не мешало ему отдавать распоряжения, вдохновлять,

осуждать и даже льстить. Черчилль очень много ездил в тот момент по Великобритании, а еще больше — по миру, он побывал в Вашингтоне, Каире, Москве, Касабланке, Алжире. Подсчитано, что с сентября 1939 года по ноябрь 1943 года британский премьер-министр проехал в общей сложности 180 тысяч километров. Таким образом, «полковник Уорден» (этим кодовым именем называли премьер-министра во время поездок) провел в морских путешествиях 792 часа, а на борту самолета — 335 часов! {287}

Черчилль ощущал себя посланцем судьбы, и это чувство, не покидавшее его ни на миг, придавало ему сил, поддерживало его и вдохновляло. «Понимаете ли Вы, — воскликнул он однажды, обращаясь к своему врачу, — что мы творим историю?!» {288} Конечно, случались и моменты отчаяния, ведь груз ответственности за исход войны все больше давил на давно ссутулившиеся плечи премьер-министра. Однако большую часть времени Черчилль был порывист, бодр и энергичен, чем повергал в изумление окружающих. Во время заседаний штаба, а также на руководимых им собраниях бесчисленных комитетов он умело сочетал искусство убеждения и искусство управления. Черчилль всегда был властным и упрямым руководителем. На собраниях в узком составе он не придерживался общепринятых правил — не принимал в расчет предусмотренную повестку дня, диалог превращал в монолог и добивался-таки своего, обезоруживая соперников красноречием.

Таким образом, методы работы премьер-министра почти не изменились, и повседневные заботы стали своего рода ритуалом. Утро он обычно проводил лежа в постели, на нем был цветастый халат, в ногах мурлыкал кот. Черчилль посасывал сигару и цедил сквозь зубы короткие наставления секретарям. Идя на поводу у своего властного, раздражительного нрава, наводившего страх на окружающих, Черчилль частенько грубил и бывал нетерпим со своими соратниками, особенно в годы суровых испытаний войны. К счастью, обычно вспышки гнева быстро угасали, и нередко вслед за ними жертву резкости премьер-министра утешал поток ласковых слов из его же уст. Часто, в зависимости от того, насколько тяжелым выдавался день, Черчилль отходил ко сну между двумя и четырьмя часами утра, вынуждая собеседников бодрствовать вместе с ним до этого времени.

Один из таких вечеров в резиденции Чекере описал в своих дневниках генерал Алан Брук. Это был вечер накануне назначения генерала начальником штаба имперских войск. «После ужина, продолжавшегося до одиннадцати часов вечера, Уинстон натянул поверх своего «костюма

сирены» (siren suit) цветастый халат и началась настоящая вечеринка. Мы поднялись на второй этаж — нас ждал киносеанс: немецкие и русские фильмы до полуночи. Затем мы вновь спустились на первый этаж, и я должен был в течение часа докладывать премьер-министру о ходе операции «Бампер» — этим кодовым названием обозначались маневры, предпринимаемые в тот момент в целях отражения возможного вторжения неприятеля в Англию. (...) После этого премьер-министр завел со мной разговор о намеченных операциях в Северной Африке и в Средиземноморье, которым он придавал большое значение. Потом он пустился в рассуждения об оставшейся на Британских островах армии. (...) В конце концов, когда часы уже пробили четверть третьего утра, Черчилль предложил пойти в холл перекусить сандвичей. Я надеялся, что это был сигнал отхода ко сну, но не тут-то было! Мы бодрствовали до трех часов утра, прежде чем пойти спать. Премьер-министр включил граммофон и принялся семенить взад-вперед по холлу, то и дело подпрыгивая в такт музыке, — полы его халата развевались, в одной руке он держал сандвич, в другой — пучок кресс-салата. Всякий раз, разворачиваясь перед камином, он останавливался, чтобы высказать осенившую его мысль или очередной афоризм. «Человеческая жизнь, — говорил Черчилль, — похожа на движение по длинному коридору с закрытыми окнами, которые чья-то невидимая рука открывает одно за другим, однако свет, падающий из открытых окон, лишь сгущает мрак в конце коридора»^{289}.

Черчилль в равной мере удивлял министров и генералов своим недюжинным аппетитом: плотные завтраки с отбивными и беконом, обильные, тщательно продуманные дневные трапезы, тонкие вина, неизменно дополнявшие великолепный стол, а уж о неотъемлемом атрибуте премьер-министра — коньяке — и говорить не приходится. В своих «Воспоминаниях» Иден говорит об ужине в «Рице». «Отменные блюда, — пишет он, — устрицы, молодые куропатки, приятная беседа. Уинстон был в отличной форме, много говорил о прошлом, о далеком прошлом»^{290}.

В других рассказах Черчилль предстает человеком, всегда пребывавшим в хорошем настроении и наделенным удивительной способностью никогда не терять присутствия духа. Так, во время рождественских праздников 1941 года Черчилль гостил в Белом доме. Однажды, по своему обыкновению, он что-то диктовал лежа в ванне. Текст был довольно длинный, поэтому Черчилль вышел из ванны и, завернувшись в полотенце, продолжал диктовать, шагая взад-вперед по

комнате. В какой-то момент полотенце соскользнуло с его бедер, но он не придал этому ни малейшего значения. Вдруг в комнату вошел Рузвельт и был несколько озадачен, увидев Черчилля, расхаживавшего в чем мать родила и что-то диктовавшего. Потомок герцога Мальборо нисколько не смутился и объявил Рузвельту: «Вот видите, мне нечего скрывать от президента Соединенных Штатов!»^{291}

Гарольд Макмиллан, прибывший из Алжира в Касабланку на конференцию, проходившую в январе 1943 года, шутливо описывал британского премьер-министра и его окружение: «Его забавная привычка проводить добрую часть дня в постели, а ночь — на ногах доставляла немало хлопот персоналу гостиницы. Уинстон был в прекрасной форме. Все время, пока длилась конференция, он очень много ел и пил, решал самые разные проблемы, часами играл в безик и английский бильярд, активно развлекался. (...) Конференция, продолжавшаяся две недели, напоминала одновременно круиз, курс летних лекций и деловую встречу. На стендах было вывешено расписание собраний различных рабочих групп — «занятия» обычно заканчивались около пяти часов вечера. Отбыв тягостную повинность, генералы и адмиралы отправлялись на пляж строить замки из песка и гальки»^{292}.

*

К семидесяти годам Черчилль с виду почти не изменился, только слегка отяжелел. Гарри Гопкинс, познакомившийся с премьер-министром в начале 1941 года, так описал своего нового знакомого: «Вошел круглолицый, розовощекий джентльмен, одетый в черную куртку и полосатые брюки. Со словами «добро пожаловать в Англию!» и улыбкой на губах он протянул мне свою пухлую ладонь, и мы обменялись сердечным рукопожатием. У джентльмена были живые глаза и хриловатый голос»^{293}. Другие обращали внимание прежде всего на небольшой рост премьер-министра, его неподвижное лицо, редкие тонкие волосы и театральные манеры «отважного кормчего Британской империи»^{294}.

Действительно, Черчилль никогда не выходил из роли — роли эпического героя. Не раз выпадал ему случай доказать свою храбрость, доходившую порой до дерзости. Так, весной 1943 года корабль «Королева Мария», на борту которого премьер-министр переплывал через Атлантический океан, вошел в опасную зону, кишевшую подводными

лодками. Узнав об этом, Черчилль заявил сопровождавшему его Эвереллу Гарриману, что в случае эвакуации он прикажет установить пулемет на своей спасательной шлюпке, и добавил: «В плен они меня не возьмут. Самая достойная смерть — это смерть в пылу сражения с врагом!»^{295} Во время высадки только личное вмешательство короля Георга VI удержало премьер-министра от безумного шага — он уже собирался отправиться вместе с британским десантом на штурм норвежского побережья. В своих «Воспоминаниях» Черчилль описал предпринятую в марте 1945 года переправу через Рейн неподалеку от разрушенного железнодорожного моста. Когда немецкая артиллерия открыла огонь, генерал-американец, сопровождавший Черчилля, заставил его вернуться назад. Кто-то из британцев, присутствовавших при этой сцене, заметил: «Премьер-министр был похож на мальчугана, услышавшего зов няни и нехотя расстающегося со своим песочным замком»^{296}.

Если говорить о здоровье Черчилля, то при таком образе жизни и при постоянном моральном и физическом перенапряжении премьер-министр был еще на удивление крепок и вынослив для своего возраста. Впервые сердечный приступ случился с ним в конце декабря 1941 года. Черчилль находился тогда в Вашингтоне. Его врач, лорд Моран, предписал ему покой, а все произошедшее держалось в строгом секрете. Во второй раз здоровье подвело премьер-министра в феврале 1943 года. На этот раз ему поставили диагноз — воспаление легких. Однако Черчилль, утверждавший, что еще ни разу не болел с тех пор, как ему вырезали аппендицит в 1922 году, не хотел делать перерыв в работе. В конце концов он воспользовался этим вынужденным отдыхом и прочел «Молля Флендерса» Даниэля Дефо.

Бесспорно, самый тяжелый приступ случился с Черчиллем в Тунисе 12 декабря 1943 года после чрезвычайно утомительных конференций в Каире и Тегеране. Сильное воспаление легких вкупе с сердечным приступом так встревожили лорда Морана, что он вызвал из Лондона Клементину Черчилль. В конце концов болезнь отступила, Черчилль выздоравливал две недели, греясь на солнышке в Марракеше. Было это в январе 1944 года. Правда, едва вернувшись в Лондон, премьер-министр поспешил выступить с заявлением в палате общин. Затем он отправился в Букингемский дворец и на глазах у изумленного королевского секретаря, предложившего ему подняться на лифте, пошел по лестнице, перешагивая через две ступеньки... Тем не менее летом 1944 года Черчилль вновь заболел воспалением легких. После этого в окружении премьер-министра уже

всерьез беспокоились о его здоровье, подорванном накопившейся усталостью.

*

Доказано, что шутивное высказывание, приписываемое Черчиллю, — «Самый тяжелый крест из тех, что я нес, был лотарингский» — появилось в силу политической необходимости. Однако также верно и то, что премьер-министру пришлось потратить немало времени и сил на своего несговорчивого и скрытного союзника — генерала Де Голля. Взаимоотношения двух главнокомандующих были непростыми, периодически возникавшее между ними напряжение быстро перерастало в неприязнь.

Между тем все так хорошо начиналось: 17 июня 1940 года генерал Де Голль прибыл в Лондон, 18 июня благодаря содействию Черчилля генерал обратился с призывом к своим землякам, 27 июня мятежного офицера признали «главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, готовы были встать под его знамена для защиты общего дела». Можно сказать, что медовый месяц союзников растянулся на целый год. У Черчилля и Де Голля были схожие взгляды на уроки истории, эволюцию военного искусства, судьбу Европы. Де Голль уважал Черчилля, обладавшего сильным характером и богатым воображением, а премьер-министр восхищался благородством принципов просвещенного генерала-стратега.

Однако в середине 1941 года события в Леванте внезапно дали новый толчок давнему франко-британскому соперничеству на Ближнем Востоке. На протяжении четырех последующих лет во взаимоотношениях двух лидеров, отличавшихся на редкость твердым характером, случались периоды потепления и охлаждения, громких ссор и временных примирений, острых конфликтов и холодной отчужденности. Если учесть, что их манеру общения называли «люблю-ненавижу» (*love-hate relationship*), то становится ясным, почему Черчилль и Де Голль вели себя так противоречиво. Все дело в том, что они были слишком похожи друг на друга — тот же непоколебимый патриотизм, то же неутолимое желание возвеличить свою родину. Тактика Де Голля заключалась в том, чтобы настроить общественное мнение Англии, весьма благосклонное к свободной Франции, против официальной британской политики. Эта хитрость выводила из себя премьер-министра, который временами

объявлял Де Голлю настоящий бойкот, упрекая его в гордыне, непомерном честолюбии и неблагодарности.

Один случай, не получивший широкой огласки, хорошо иллюстрирует эти бурные взаимоотношения. На первый взгляд, в событии, о котором идет речь, не было ничего примечательного: 24 декабря 1941 года острова Сен-Пьер и Микелон присоединились к Франции, несмотря на настойчивые предупреждения Лондона и Вашингтона. Именно в Вашингтоне, где он находился по приглашению Рузвельта, Черчилль узнал эту новость и пришел в ярость. Он считал, что такой поворот событий лишь обострит разногласия, существовавшие между американцами и англичанами в отношении Де Голля. И действительно, государственный секретарь Соединенных Штатов Корделл Хэлл, узнав об этом событии, обнаружил свою навязчивую неприязнь к Де Голлю и сказал, что французы только мнят себя свободными. Вернувшись в Лондон, Черчилль вызвал на Даунинг стрит Де Голля, прибывшего 20 января, и обрушился на невозмутимого генерала с гневными упреками. Премьер-министр все больше распалялся, повышал тон, так что переводчик Фрэнк Робертс, высокопоставленный чиновник из министерства иностранных дел, счел нужным «немного» смягчить агрессивно-оскорбительные речи Черчилля, приведя их в большее соответствие с дипломатическими канонами. Однако это привело Черчилля в еще пущую ярость, ведь он знал французский язык и мог следить за переводом. Вне себя премьер-министр вскричал, обращаясь к переводчику: «Да переводите же то, что я говорю, и не искажайте смысла моих слов!» В конце концов Черчилль немного пришел в себя, и тогда генерал Де Голль, не проронивший до тех пор ни слова, спокойно спросил: «Это все?» Услышав утвердительный ответ премьер-министра, он взял перчатки в одну руку, другой надел фуражку, отдал честь и вышел из комнаты. После его ухода, произведшего большое впечатление на Черчилля, последний обернулся к переводчику со словами: «Каков! Только так он и мог поступить. Этот человек достоин восхищения!»^[297]

Бурные выяснения отношений происходили между двумя союзниками регулярно. Самый громкий скандал случился накануне высадки, в ночь с 4 на 5 июня 1944 года, когда лидеры двух европейских держав буквально рычали друг на друга, и неизвестно, кто из них рычал громче. Надо сказать, что за несколько месяцев до этого Черчилль встал на сторону Рузвельта, враждебно настроенного по отношению к Де Голлю и Французскому комитету национального освобождения. В связи с этим в министерстве иностранных дел Англии горько сетовали на «нелепые предрассудки Соединенных Штатов, обращавшихся с Францией, как со страной вроде

Никарагуа»^{298}. Однако время от времени в отношениях союзников наступало затишье, и они заключали мир. Так было, например, в Алжире в июне 1943 года или в Марракеше в январе 1944 года — тогда Черчилль не скрывал, какого высокого мнения он был о своем союзнике. Однажды британский премьер-министр заявил Эммануэлю д'Астье де ла Вижри: «Ваш Де Голль — великий человек. Я всегда это говорил. Но с ним нельзя договориться. Он ненавидит Англию!» В другой раз Черчилль сказал: «С вашим Де Голлем труднее иметь дело, чем со Сталиным или Рузвельтом!»^{299} Макмиллан, на глазах которого случались все эти размолвки и перепады настроения, в январе 1944 года сделал в своем дневнике, пожалуй, чересчур оптимистичную запись: «Черчилль относится к Де Голлю, как отец к сыну, с которым поссорился. Он готов лишить его куска хлеба, но в глубине души был бы рад заколоть самого жирного теленка, лишь бы блудный сын признал свои ошибки»^{300}. Гораздо более правдоподобным и показательным представляется высказывание самого Черчилля — в январе 1944 года после встречи с Де Голлем в Марракеше восхищенный премьер-министр воскликнул на французском языке, обращаясь к одному из своих генералов: «Каков мерзавец, он поистине велик!»^{301}

На внутреннем фронте

В сознании Черчилля, сосредоточенного на мировой войне и крупных военных операциях, внутренний фронт занимал второстепенное значение. Тем не менее премьер-министр не мог не уделять ему внимания, несмотря на то, что все заботы, связанные с ним, он поручил главным образом правительству и парламенту. Впрочем, сам он прекрасно понимал, что народ должен сплотиться для победы над врагом и что этот самый народ надеется на значительное улучшение социальных условий жизни после войны. Поэтому Черчилля можно считать основным разработчиком «консенсуса военных лет» — явления в какой-то степени призрачного, как это показали позднейшие исторические исследования.

Следует упомянуть о двух достижениях Черчилля в этой области. Во-первых, он сумел найти пути эффективного сотрудничества с лейбористами — вероятно, премьер-министр вспомнил об идее «демократического консерватизма», поданной его отцом. Во-вторых, несмотря на свои устаревшие представления об обществе и викторианский патернализм,

Черчилль сумел ускорить превращение Англии в процветающее государство, реализовав, таким образом, свое призвание к социальному реформаторству. Сообразуясь с нуждами военного времени, премьер-министр, известный своей практичностью, осуществил централизацию экономики и предоставил правительству дополнительные полномочия для ее укрепления. При этом Черчилль, не сомневавшийся в оправданности таких мер условиями войны, считал нецелесообразным сохранение централизации экономики в мирное время.

Между тем война продолжалась, диктуя Великобритании свои требования: задействовать все имеющиеся человеческие ресурсы; направить большую часть материальных средств на обеспечение нужд военных операций. Таким образом, Британия, превратившаяся в крепость и склад оружия, бросила вызов самой себе, мобилизовав все свои силы на борьбу с врагом. Призыв на военную службу в стране, население которой всегда противилось исполнению этой тягостной повинности, принял такой масштаб, что все остальные державы, принимавшие участие в войне, оказались далеко позади. Это значит, что были мобилизованы все мужчины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет и все женщины — сначала в возрасте от двадцати до тридцати лет, а затем — от восемнадцати с половиной до сорока пяти лет. В 1944 году во вспомогательных службах состояли пятьсот тысяч женщин. Таких вспомогательных служб было три — вспомогательная служба сухопутных войск, вспомогательная служба военно-морских сил и вспомогательная служба военно-воздушных сил. Пятьдесят пять процентов работоспособного населения Англии — больше, чем где-либо, — приближали победу на поле боя и в оборонной промышленности. Домочадцы Черчилля подавали пример своим согражданам: Рандольф служил в чине офицера на Ближнем Востоке, Мэри в возрасте девятнадцати лет поступила во вспомогательную службу сухопутных войск, Сара — во вспомогательную службу военно-воздушных сил.

Для поддержания морального духа граждан использовались самые разные средства. Особо следует отметить заслуги певицы Веры Линн, весьма популярной в те времена как среди военных, так и среди гражданского населения. Ее прозвали «возлюбленной вооруженных сил». Песни Веры имели огромный успех, начиная с «Белых скал Дувра» и заканчивая «Встретимся снова» — песней, смягчавшей боль разлуки и одиночества^{[\[302\]](#)}.

В Англии военных лет нередко случались забастовки, в политических кругах плелись кружева интриг, зрели коварные замыслы. Однако несмотря

ни на что, в большинстве районов Англии царила социальная гармония, за сохранением которой зорко следил сам Уинстон Черчилль. Удивительным образом «истый аристократ и большой оригинал» — так премьер-министра называл Пол Эддисон — слился воедино с «рабочей Англией и пригородами, населенными представителями среднего класса»^{303}. В тяжелых условиях военного времени демократия не угасла, парламент, пресса продолжали функционировать, личные и гражданские свободы не были ущемлены. Черчилль, со своей стороны, был категорически против временной отмены действующего закона о неприкосновенности личности.

Тем не менее британскому народу пришлось многим пожертвовать во имя достижения высшей цели — победы над фашизмом. Так, в 1940 году была введена карточная система распределения продуктов питания. Британцам пришлось резко сократить потребление сахара, мяса, бекона, чая, масла, маргарина. В 1941 году по карточкам стали распределять одежду (раз в два года каждый взрослый британец получал одну куртку и одну пару брюк), в 1942 году — шоколад и мыло. Тогда же появились одежда и мебель в стиле «утилиты», одежда поражала воображение своей уродливостью, а мебель — неуклюжей массивностью. Строгость стиля достигла своего апогея с появлением «Британских ресторанов». В упомянутых заведениях любой мог получить порцию съестного, качество которого соответствовало донельзя умеренной цене. Название «Британские рестораны» Черчилль специально придумал для кафетериев военных времен, где за огромным государственным флагом Британии проявляла чудеса смекалки искусная повариха.

*

В политической жизни Англии, сводившейся к взаимоотношениям правительства и парламента, наступило относительное затишье, время от времени нарушаемое всплеском государственных страстей. Палата общин активно поддерживала Черчилля в благодарность за создание коалиционного правительства. Тем не менее в адрес премьер-министра высказывалось немало критических замечаний, вокруг него плелись сети интриг, замышлялись зловерные козни. Однако несмотря ни на что, идея священного союза британских граждан, витавшая в воздухе, не давала амбициям слишком разгуляться. Опросы общественного мнения регулярно показывали, что популярности премьер-министра ничто не угрожало^{304}.

Естественно, игра военной фортуны и преподносимые ею неприятные сюрпризы определяли отношение депутатов к главе правительства. В зависимости от исхода очередного сражения они осуждали или одобряли действия премьер-министра. Однако такой старый волк парламентской стаи, как Черчилль, знал, как нужно себя вести. Его тактика была безупречна, а его ловкость и красноречие никогда ему не изменяли. Не раз в зависимости от обстоятельств и личных качеств конкретного человека он менял состав военного кабинета и правительства.

Парламентская жизнь 1941–1942 годов была отмечена тремя напряженными моментами, если не сказать конфликтами. Впервые обстановка накалилась в мае 1941 года как раз после поражения в Греции. В палате общин обсуждался вопрос о выражении недоверия правительству: депутаты были недовольны состоянием дел в военной промышленности и информационной политикой властей (здесь Черчилль и впрямь проявлял излишнюю категоричность и властность). Не остался в стороне и Ллойд Джордж, неожиданно присоединившийся к хору критикующих. Он обвинил Черчилля в том, что тот будто бы окружил себя подхалимами. Однако премьер-министр в долгу не остался и «окрестил» Ллойда Джорджа вторым Петеном. В конце концов вотум недоверия был отклонен подавляющим большинством голосов. Для Черчилля, которого поддержали четыреста сорок семь депутатов против трех (из них двое — коммунисты), это была крупная политическая победа.

В январе 1942 года, вернувшись из Вашингтона, премьер-министр обнаружил, что общественность не на шутку обеспокоена головокружительными успехами японцев в Тихом океане и потерей двух самых мощных броненосцев британского военного флота. Кроме того, активность фашистских войск в Африке также не внушала оптимизма. Разгоревшийся в связи с этим в палате общин спор продолжался три дня, однако вновь победа осталась за Черчиллем: его поддержали четыреста шестьдесят четыре депутата против одного.

Первые три месяца 1942 года были самыми мрачными за всю войну, следующие шесть месяцев — самыми трудными. Союзники терпели поражение за поражением — неудача в Сингапуре, гибель субмарин в Атлантическом океане, диверсионная деятельность итальянских подводных разведчиков в Александрии. Неудивительно, что в воздухе витала идея о смене правительства, а может быть, и самого премьер-министра. У Черчилля появился реальный соперник в лице Стэффорда Криппса. Криппс был послом Великобритании в Советском Союзе и только-только вернулся из Москвы. В состав военного кабинета он вошел как министр юстиции и

председатель палаты общин. Этот суровый революционер из левых лейбористов, отличавшийся чрезмерной строгостью и не употреблявший мяса (Черчилль считал это его вторым недостатком), не был обделен ни талантами, ни честолюбием. 15 февраля в палате общин разгорелся нешуточный спор. В конце концов Черчилль сделал некоторые перестановки в правительстве, которые почти не изменили ни соотношения сил в целом, ни роли каждого члена кабинета в отдельности. «Новый кабинет, — по словам Кэдогана^{305}, — был как две капли воды похож на предыдущий». Однако политический климат стал значительно здоровее. Впрочем, фактически правительство не проводило никакой последовательной политической линии, решая лишь поставленные задачи и добиваясь намеченных премьер-министром целей.

Тем не менее долго наслаждаться одержанной победой Черчиллю не пришлось, поскольку уже в начале лета разразился тяжелейший политический и парламентский кризис, спровоцированный неудачей в Тобруке и нависшей над Египтом угрозой. На этот раз противники Черчилля перешли в наступление, полные решимости и уверенные в победе. Бивен отпускал жестокие шуточки в адрес премьер-министра: «Наш премьер-министр выигрывает спор за спором и проигрывает сражение за сражением»^{306}. Однако недруги Черчилля, избличавшие его мелкие недостатки, сами выступали с совершенно нелепыми предложениями, и в этом была их ошибка. Таким образом, Черчилль сумел таки выправить ситуацию и получить четыреста семьдесят пять голосов против двадцати пяти. Теперь можно было перевести дух, поскольку после победы в Эль-Аламейне осенью 1942 года угроза парламентского кризиса исчезла. Поражения остались позади, впереди были одни только победы. Отныне премьер-министр пользовался непререкаемым авторитетом.

*

До конца 1942 года вопрос о том, какие перемены ждут Великобританию после заключения мира, не поднимался. Внезапно все изменилось. В течение двух лет Черчилль упорно избегал каких-либо заявлений о целях войны или о планах восстановления разрушенного хозяйства, он слишком хорошо помнил, как в свое время Ллойд Джордж легкомысленно пообещал «каждому герою по дому». Черчилль не мог больше отмалчиваться. Давление было слишком велико, волей-неволей

пришлось задуматься о будущем, о светлом будущем, над которым премьер-министр сам приоткрыл завесу в грозном 1940 году. Вот почему докладу Бевериджа придавалось такое огромное значение.

Итак, все началось в феврале 1941 года с безобидной инициативы британских профсоюзов, обративших внимание правительства на необходимость пересмотра закона о страховании на случай болезни. Понемногу дело приняло серьезный оборот, так что пришлось пересмотреть всю систему социального обеспечения. За помощью обратились к Уильяму Бевериджу, экономисту, специалисту по безработице. Черчилль прислушивался к советам Бевериджа еще в 1908 году и приглашал его в качестве эксперта в министерство торговли. Уильям Беверидж когда-то был социальным работником в Ист-Энде — беднейшем районе столицы, затем превратился в высокопоставленного чиновника и, наконец, возглавил Лондонскую школу экономики. Он давно занимался проблемами нищеты и занятости. При этом Беверидж был тщеславен, полон сознания собственного достоинства и начисто лишен такта и чувства юмора. Они с Черчиллем сильно недолюбливали друг друга. 1 декабря 1942 года Беверидж опубликовал доклад в триста страниц, за несколько месяцев его сокращенный вариант разошелся тиражом в шестьсот семьдесят пять тысяч экземпляров. Этот доклад произвел эффект разорвавшейся бомбы, ведь в нем автор предлагал ни больше ни меньше, как радикально реформировать британскую систему социального обеспечения.

В действительности автор доклада одновременно закладывал основы новой философии отношений между гражданами и государством и новой социальной морали. Словом, он предлагал неслыханную до тех пор модель социального регулирования, расширявшего полномочия государства. Согласно этой модели государство должно было взять на себя заботу об обществе, упразднив соответствующие инстанции, не справлявшиеся с поставленной перед ними задачей предотвращать социальные конфликты и драмы в межвоенный период. Иначе говоря, новая модель «процветающего государства» пришла на смену либеральной модели. Конечно, термин «процветающее государство» не противоречил и реформам, задуманным в начале столетия либеральным правительством с Черчиллем во главе. Кроме того, в Атлантической хартии 1941 года также превозносилась идея настоящего «социального обеспечения» и утверждалось, что совершенно необходимо предоставить каждому гарантированную «возможность прожить остаток дней, не испытывая страха или нужды».

Однако в своем докладе Беверидж, предлагавший «заложить основы мирной жизни, пока не кончилась война», пошел еще дальше. Он

утверждал, что «каждый гражданин приложит тем больше усилий для победы над врагом, чем больше он будет уверен в готовности государства изменить мир к лучшему». В докладе излагалось три базовых постулата, на основе которых предполагалось осуществить послевоенные реформы. Прежде всего декларировалась необходимость коренных изменений в сфере организации системы социального обеспечения без учета каких-либо привилегий или интересов отдельных рабочих групп. Затем — борьба с пятью «гигантами зла» — бедностью, болезнями, невежеством, нечистоплотностью и праздностью, стоящими на пути социального прогресса. Наконец, устранение противоречий между функциями государства и правами граждан, то есть уважение личной инициативы, ведь до этого общественные отношения строились на основе обязательств и зависимости граждан от органов власти.

Фактически речь шла скорее о систематизации и рационализации существовавших методов, нежели о революционном нововведении. Однако большими достоинствами плана Бевериджа, в один миг облетевшего весь мир, были его простота, универсальность и, что гораздо важнее, его совместимость с проектом создания социально-справедливого общества.

Тем не менее, несмотря на огромную популярность идей Бевериджа у общественности, правительство было несколько озадачено публикацией доклада. Поначалу Черчилль усматривал в нем досадную помеху концентрации народных сил на войне, а не вклад в победу. Поэтому тактика властей состояла в том, чтобы задушить на корню реформаторские предложения Бевериджа. Последний, впрочем, и не скрывал своего раздражения против Черчилля. Под влиянием ортодоксальных консерваторов, считавших, что доклад Бевериджа лишь питает призрачные надежды, премьер-министр даже выпустил меморандум, в котором предостерегал соотечественников от чрезмерного оптимизма.

Черчилль, как истый либерал, считал, что обществом нужно управлять «незримой рукой», опираясь на классовую иерархию. Поэтому неудивительно, что с ним были несогласны сторонники Бевериджа, отстаивавшие идею социальной справедливости. В самом деле, какая профанация философии невмешательства, основанной на принципе свободы как движущей силы индивидуального и социального прогресса, ведь рыночные отношения, по словам Адама Смита, представляют собой «чудесную гармонию общего интереса и справедливости»! В конечном счете концепция социальной справедливости, на которую ссылались сторонники «Государства-провидения», опровергала традиционное представление о естественной справедливости. В то время как раньше и

речи быть не могло о том, чтобы воспротивиться распределению благ и бед, а тем более — внести в него изменения (ибо человечеству испокон веку было ведомо такое понятие, как «риск»), теперь новшество заключалось в том, что принцип распределительной справедливости должен был прийти на смену концепции справедливости, основанной на равенстве прав и обязанностей. Теперь становится ясно, почему в 1944 году Черчилль вдруг оказался под влиянием идей Фредерика Хайека, который в своей «Дороге рабства» страстно защищал либеральный индивидуализм и принцип невмешательства.

Основная реформа, осуществленная правительством к концу войны, касалась образования. Черчилль не сыграл в этом практически никакой роли, предоставив полную свободу действий министру образования Р. А. Батлеру, хотя, изучая происхождение пилотов, участвовавших в «битве за Англию», премьер-министр высказал пожелание об увеличении числа учащихся в классических средних школах. В действительности закон, проект которого предложил Батлер в 1944 году, не был прорывом на пути демократизации, как о нем говорили, но, тем не менее, сделал всеобщее образование обязательным до пятнадцати лет, а среднее образование — бесплатным. При этом реформа не затрагивала вовсе действовавшую в сфере образования систему сегрегации, поскольку в средней школе она узаконивала трехчастное деление, которое иногда цинично называли «трехнаследным»: дети из народа обучались в так называемых «современных» школах; дети среднего класса — будущие инженерно-технические кадры страны — в «классических средних» школах; дети истеблишмента — в привилегированных частных закрытых средних школах для мальчиков — питомниках элиты, — все как во времена викторианского детства Черчилля.

Из Тегерана в Ялту,

карта военных действий и геополитика

Русские неспроста называли 1943 год переломным. В свою очередь, Черчилль очень образно описал перемену военного счастья: «До Эль-Аламейна у нас не было побед. После Эль-Аламейна у нас не было поражений»^[307].

Помимо того что отныне инициатива на бранном поле принадлежала

союзникам, немцы были изгнаны из Африки, а падение Муссолини сломало ось Берлин — Рим, и Италия перешла в лагерь противника. На Востоке Красная армия уничтожила лучшие силы немецких танковых войск в грандиозном сражении на Курской дуге. Весной стало ясно, что гитлеровские подводные лодки проиграли битву за Атлантику. При этом грозная военная машина Соединенных Штатов наконец-то заработала на полную мощность, а количество американских дивизий превысило количество британских.

С середины 1943 года в воздухе витала мысль о созыве конференции на высшем уровне. Для этой цели Черчилль облюбовал британскую военную базу Скапа Флоу на Оркнейских островах, Рузвельт же был согласен на Багдад или Анкару, и лишь благодаря настойчивости Сталина трехсторонняя встреча под кодовым названием «Эврика» состоялась в конце года в Тегеране.

Эта конференция, состоявшаяся в кульминационный момент войны, была очень важна по трем причинам. Прежде всего потому, что в Тегеране впервые сошлись вместе три великих лидера, а кроме того, это была первая встреча Рузвельта со Сталиным. С другой стороны, Тегеранская конференция имела решающее значение с военной точки зрения, поскольку в Тегеране союзники намеревались выработать стратегический план на последний этап войны. На этот раз американцам удалось провести свою линию, а британцам, удерживавшим инициативу с 1941 года, пришлось сдать позиции. Наконец, если говорить о политических и дипломатических отношениях между союзниками, то уже в Тегеране зашла речь о послевоенном разделе отвоеванных территорий на сферы влияния. С каждым днем все яснее становилось, что после победы над Гитлером Советский Союз превратится в супердержаву, которая будет доминировать в Восточной и Центральной Европе. Потому и появился проект американо-советского соглашения, в котором Великобритания признавалась второстепенной державой, Германия была уже практически поделена, а Франции отводилась унизительная роль страны-марионетки. Увы, Сталин разделял презрительное отношение Рузвельта к Франции, последний же намеревался воссоздать старую Лотарингию времен Лотаря II, простиравшуюся некогда от Вогезов до Фрисландии...

Взаимоотношения англо-американских союзников во время Тегеранской конференции были безрадостными. Черчилль прибыл в столицу Ирана усталый, измученный болезнью, раздраженный. Он остановился в здании британской дипломатической миссии, и там доктор Моран пустил в ход все свое умение, чтобы вернуть премьер-министру

один из его основных видов оружия — голос. К тому же Черчилль, обеспокоенный неприятным поворотом дел в Средиземноморье, пожелал встретиться с Рузвельтом предварительно, однако последний, также неважно себя чувствовавший, уклонился от встречи по более или менее уважительной причине. В конце концов их встреча состоялась в Каире и продолжалась с 23 по 26 ноября (конференция «Секстант»), но уже в присутствии генералиссимуса Чан Кайши. Впрочем, во время этой встречи речь шла преимущественно о делах на Дальнем Востоке, поэтому англо-американские союзники и в Каире не согласовали свои стратегические и тактические планы. Кроме того, на Тегеранской конференции каждый из трех союзников опасался, как бы двое других не объединились между собой против него.

Уже на первом заседании, состоявшемся 28 ноября, были приняты основные стратегические решения. Американцы горячо поддерживали советскую делегацию, настаивавшую на открытии второго фронта, и подавляющее большинство участников конференции высказалось за высадку союзнического десанта на французском берегу Ла-Манша. Эта операция, намеченная на май 1944 года, получила название «Оверлорд». Одновременно планировалось осуществить еще одну высадку — на берегах Прованса. В этой второй операции — «Наковальне», позже переименованной в «Дракона», были задействованы военные отряды, набранные в Италии. Таким образом, от средиземноморской стратегии Черчилля камня на камне не осталось, хотя он по-прежнему с горячностью доказывал партнерам предпочтительность наступления через Апеннинский полуостров, вовлечения в войну Турции и завоевания Южных Спорадов. На беду Черчилля, к тому времени союзнические войска уже два месяца были безнадежно блокированы по линии Густава в южной части полуострова. Кроме того, Турция не обнаруживала ни малейшего желания участвовать в военных действиях, а маловероятное завоевание Южных Спорадов не имело бы почти никакого стратегического значения. Но и это еще не все — во время того же первого заседания Сталин объявил, что как только Германия будет побеждена, Советский Союз начнет военные действия против Японии.

Несмотря ни на что, Черчилль не опустил руки, даже когда ему пришлось уступить Сталину и Рузвельту. Не такой у него был характер. Премьер-министр, не утративший практической сметки, решил, что со временем все еще может измениться, что Сталин не всегда будет играть роль арбитра между решительным премьер-министром и колеблющимся президентом. В Квебеке на конференции «Квадрант», прошедшей в

августе, британская делегация уже соглашалась на проведение операции «Оверлорд». Рассчитывая на скорое взятие Рима, Черчилль мечтал о стремительном продвижении к реке По — тогда отпала бы необходимость в проведении операции «Наковальня» и, кто знает, вновь появилась бы возможность наступления на Центральную Европу через Люблян.

Поэтому неудивительно, что во «Второй мировой войне» Черчилль положительно отзывался о Тегеранской конференции и ее результатах. В подтверждение своих слов он описал большой ужин, состоявшийся 30 ноября в резиденции британской дипломатической миссии по случаю шестидесяти девятого дня рождения премьер-министра. «Это было, — писал Черчилль, — памятное событие в моей жизни. Справа от меня сидел президент Соединенных Штатов, слева — хозяин России. Все вместе мы командовали большей частью мирового флота и тремя четвертями мировой авиации, под нашим началом служили около двадцати миллионов солдат, участвовавших в самой страшной войне за всю историю человечества»^[308]. Однако затем Черчилль стал выбирать более осторожные выражения, понимая, что на этой конференции статус Великобритании и ее вес в международных делах заметно изменились. «Именно в Тегеране, — позднее признался премьер-министр своей старой подруге Вайолет Бонем-Картер, — я впервые осознал, как в мире мало нас, британцев. Я сидел там с большим русским медведем по левую руку и с толстым американским буйволом — по правую, причем медведь уже протянул ко мне свои лапы. И вот между этими хищниками притулился маленький английский ослик, который единственный из них троих знал верный путь»^[309]. Себя, однако, не преминул возвеличить...

После Тегеранской конференции Черчиллю было трудно осуществить свои планы и замыслы, и мешала ему в этом не только болезнь, сразившая его в Тунисе в декабре. Это случилось уже после того, как в ходе второй конференции, проходившей в Каире с 4 по 6 декабря, президент Турции Исмей Инону, прибывший в Египет специально для переговоров с Черчиллем, категорически отказался принять участие в военных действиях. Долгое выздоровление в Марракеше в январе 1944 года также не было главным препятствием на пути британского премьер-министра к цели. Все дело в том, что события в Италии не оправдали ожиданий Черчилля. С ноября по май войска союзников были блокированы фашистами в Аbruцци, напротив горы Кассен вдоль линии Густава, между устьем реки Гариально, впадающей в Тирренское море, и устьем реки Сангро, впадающей в Адриатическое море.

В конце концов 12 мая союзники приступили к операции «Диадема», целью которой были Рим и Флоренция. Пока французский экспедиционный корпус под командованием генерала Жюэна прорывал немецкую оборону близ Лири, польские войска с боем захватили контроль над горой Кассен — произошло это 18 мая. После этой победы союзники начали продвигаться к Риму, на пути им пришлось выдержать не одно кровопролитное сражение, и все-таки 4 июня они вошли в Вечный город. Войска антигитлеровской коалиции продолжили наступление, дошли в Тоскане до линии Арно и взяли Флоренцию 4 августа. Однако англо-американская армия вновь была остановлена, на этот раз на линии Готика, проходившей от Пизы до Римини, — там войска маршала Кессельринга преградили путь союзникам и продолжали их удерживать всю зиму, перекрыв заодно и доступ к долине реки По в Северной Италии.

Отныне все надежды были связаны с успешным исходом операций «Оверлорд» и «Наковальня»-«Драгун», тогда как Черчилль при поддержке британских военачальников целых полгода — с февраля по июль 1944 года — тщетно пытался помешать проведению операции «Наковальня».

*

Операция «Оверлорд» — основная составляющая победы союзников на Западе — действительно являлась «величайшей военной операцией всех времен», но ее успех, вопреки распространенному мнению, вовсе не был предрешен. По правде говоря, высокопоставленные британские и американские чиновники, сознававшие всю опасность этой затеи и предвидевшие многочисленные препятствия на пути ее осуществления, даже не скрывали своего беспокойства накануне высадки союзнических войск в Европе.

Черчилль, в свою очередь, все это время был нервным, раздражительным и озабоченным. Близким людям из своего окружения он не раз признавался, что его нервы напряжены до предела. Премьер-министр продолжал наблюдать за ходом подготовительных работ на юге Англии и для большего удобства устроил свою штаб-квартиру в поезде, стоявшем на запасном пути на вокзале в Портсмуте. Однако к началу операции он вернулся на Даунинг стрит, где с 4 по 5 июня принимал Де Голля, «потчuya» дорогого гостя громким скандалом. 5 июня, когда Эйзенхауэр наконец принял роковое решение, Черчилль, словно лев в клетке, шагал взад-вперед по комнате, где были развешены карты. Вечером

он сказал Клемми, зашедшей ненадолго повидаться с ним: «Ты понимаешь, что завтра утром, когда ты проснешься, 20 тысяч человек уже будут убиты?»^{310} В действительности же, проснувшись утром 6 июня, Черчилль узнал, что дела обстоят как нельзя лучше и у британских парашютистов, и у англо-канадских отрядов, перешедших в атаку на французском побережье. Тогда он решил в полдень выступить в палате общин с обнадеживающим заявлением по поводу «самой сложной и трудной военной операции, которая когда-либо предпринималась»^{311}.

Риск, на который пошли союзники, действительно был настолько велик, что саму попытку выполнения этой операции уже можно считать подвигом. Если отбросить первичный риск, присущий любой десантной операции и заключающийся в непредсказуемости стихии, особенно капризной в Ла-Манше, то первая серьезная опасность поджидала десант союзников во время самой высадки. Немецкие оборонительные войска были защищены внушительным Атлантическим валом и представляли смертельную опасность для осаждавших, не имевших возможности создать плацдарм и потому вынужденных закрепляться в ненадежных опорных пунктах. Вытеснить их оттуда не составляло труда, поскольку у них не было поддержки — основная часть кораблей, переправлявших войска союзников, стояла на якоре в открытом море и не могла доставить предусмотренное подкрепление и технику.

С другой стороны, даже если теоретически допустить возможность создания более или менее глубокого плацдарма, все равно существовала опасность того, что немецкое командование, пользуясь своим наземным преимуществом и возможностью маневрировать, которой не было у противника, зажатого со всех сторон на маленьком клочке земли, предпримет мощную танковую контратаку. В этом случае фронт союзников был бы прорван, их отряды отброшены к морю, и они пережили бы еще одно поражение, как когда-то в Дюнкерке, только на этот раз еще более унижительное и трагическое. На этот раз ставки были гораздо выше, и оба противника это прекрасно понимали. В своей военной директиве за номером 51 от 3 ноября 1943 года Гитлер написал: «Какой бы тяжелой и кровопролитной» ни была битва с большевиками, «еще большая опасность грозит нам с Запада — высадка англосаксонского десанта»^{312}. В марте 1944 года, созвав своих генералов, фюрер объявил им, что ожидаемое вторжение, в неизбежности которого он нисколько не сомневался, предрешит исход войны, ведь если атака союзников будет отбита, немцы смогут перебросить на Восточный фронт около пятидесяти

освободившихся дивизий и при помощи этого подкрепления одержать окончательную победу над Советским Союзом. Таким образом, сражение на французском побережье должно было решить участь рейха.

При попытке оценить шансы противников накануне высадки десанта нужно обратить внимание на тот факт, что каждый из них располагал двумя основными козырями. Первым козырем немцев был Атлантический вал. Берега, ошетинившиеся блокадами, казематами, пушками и пулеметными гнездами с тщательно выверенным углом стрельбы, заминированные пляжи, усеянные заграждениями, испещренные противотанковыми рвами и оплетенные колючей проволокой, рогатки, болота, лиманы — все это являлось идеальным препятствием на пути атакующих. Кроме того, с тех пор как Роммель был назначен командующим группой армий «Б», действовавших на Ламаншском и Северноморском фронтах, он еще больше укрепил «великую Атлантическую стену»: заложил четыре миллиона мин, установил новые заграждения на пляже, такие, как вкопанные в песок «шпильки Роммеля» — бетонные четырехгранные столбы, утыканные стальными иглами, и мины-«щипцы для орехов» против десантных барж.

Во-вторых, руководители рейха рассчитывали на наземное преимущество своей армии, на высокий уровень подготовки командного состава, первоклассное вооружение, возможность маневрировать, профессионализм и опытность войск (для большинства же солдат союзной армии высадка во Франции должна была стать боевым крещением). Маршал Роммель, не в первый раз воюющий против англичан, этот «лис пустыни», написал своей жене за несколько дней до высадки: «Я жду этого сражения, не волнуясь за его исход».

У союзников тоже были свои козыри, которые они могли противопоставить противнику. Прежде всего морское и воздушное преимущество, ведь в воздухе соотношение сил составляло 1 к 25 в пользу союзников, а доступ в Ла-Манш уже долгое время был закрыт для немецких кораблей. 6 июня воды пролива всецело принадлежали союзническому флоту, на восемьдесят процентов составленному из британских кораблей и на двадцать процентов — из американских. Несколько дней спустя во время поездки в один из портов Нормандии Черчилль пришел в восторг при виде этого «города кораблей, выстроившихся вдоль берега на 80 километров в длину»^[313].

Другим преимуществом союзников было образцовое материально-техническое обеспечение. Участники антигитлеровской коалиции достигли высот мастерства по части организации, практически не имевшей слабых мест, охватывавшей мельчайшие детали операции, прекрасно отлаженной и

опиравшейся на колоссальные технические ресурсы, ее эффективность была доказана успешным исходом этого рискованного предприятия. Невероятная концентрация сил, избыток техники, непрекращавшийся поток огня — таков был ключ к победе, найденный начальниками межсоюзнического штаба. Все этапы операции тщательно просчитывались, согласовывались, расписывались по минутам. В этом отношении подготовка высадки союзного десанта, возможно, была самой масштабной военной операцией, когда-либо предпринимавшейся.

Если говорить о нововведениях, то Черчилль, по-прежнему неравнодушно относившийся к оригинальным и эффективным техническим находкам, дважды выступил с весьма полезной инициативой. Первое и основное его предложение касалось искусственных портов, так называемых «багровых гаваней». Вместе с премьер-министром этот план разрабатывали еще несколько человек, в том числе — адмирал Маунтбеттен. В целях обеспечения непрерывного поступления техники и боеприпасов на предусмотренный плацдарм в условиях отсутствия большого порта, такого, как, например, Шербур, предлагалось построить два огромных сборных порта в форме контейнеров, которые можно было бы переправлять по Ла-Маншу и емкость каждого из которых составляла бы семь тысяч тонн, примерно как в Дувре. В мае 1942 года премьер-министр приказал разработать и построить контейнеры, предрешившие успешный исход операции.

Другим существенным вкладом Черчилля в успех предприятия была всемерная поддержка, оказываемая им так называемым «яликам Хобарта». Это была идея генерала танковых войск Хобарта, понимавшего всю сложность десантной операции и придумавшего новые способы преодоления бетонных преград и минных полей Атлантического вала. Он изобрел танк-амфибию, который можно было спустить на воду за несколько километров от берега и который сам мог «доплыть» до суши. Другим изобретением генерала Хобарта были «крабы», или танки-разградители, которые при помощи вращающихся цепов дробили минные поля. Гению генерала Хобарта были обязаны союзники и появлением танков, оснащенных фашинами, позволявшими им преодолевать противотанковые рвы, а также появлением гигантского огнемета, окрещенного «крокодилом». На рассвете 6 июня эти адские машины зарекомендовали себя с лучшей стороны на трех пляжах восточного побережья Кальвадоса, порученных англо-канадским отрядам, — Золотом, Берегу Юноны и Мече, избавив их, таким образом, от печальной участи Омахи.

Впрочем, не стоит забывать и о том, что у союзников было гораздо больше разведданных, полученных ими, в частности, при расшифровке вражеских посланий с помощью дешифровального аппарата «Сигинт». Благодаря явному превосходству своей разведки союзники на протяжении всей операции «Оверлорд» заставляли немцев врасплох и даже сумели провести крупную дезинформацию — план «Стойкость», состоявший в том, чтобы убедить противника в намерении союзников продвигаться на север по течению Сены — туда, где были сосредоточены лучшие силы рейха.

После успешного завершения операции по высадке союзного десанта между англичанами и американцами возникли острые стратегические разногласия. Дело в том, что Черчилль вовсе не собирался отказываться от своих средиземноморских планов, он больше, чем когда-либо, был уверен в предпочтительности наступления через Италию для окончательной победы над Гитлером. Поэтому британский премьер-министр всячески возражал против операции «Наковальня», твердо решив не допустить ее осуществления и навязать союзникам свой план наступления на Северную Италию. «Диадема» или «Наковальня» — вот в чем вопрос. Неудивительно, что между штабами двух стран установились отвратительные отношения. В самом деле, из-за хитрых маневров Черчилля, задерживавших проведение операции «Наковальня», и из-за его неуместных совещаний с Рузвельтом дело затянулось до начала августа, и только тогда было принято окончательное решение: операции «Наковальня», переименованной в «Дракона», — быть. 15 августа франко-американский десант высадился на берегах Прованса.

Итак, летом 1944 года развернулась битва за Францию. Началась она с высадки союзного десанта, а закончилась освобождением всей Западной Европы. Поначалу события развивались очень медленно, так, по крайней мере, казалось. Лишь в конце июля союзники совершили прорыв под Авраншем, а 21 августа (почти через месяц!) полностью окружили противника близ Фалеза, на этом закончилась Нормандская кампания. Большая часть этого периода была посвящена «войне плетней». Нормандские поля, окаймленные лесными полосами, были пересечены хаотичными естественными насыпями, которые ловко использовали немцы для создания оборонительных укреплений. В этих-то полях и застопорилась военная машина союзников — их танки не могли преодолеть таких препятствий. Вот почему движение замерло и атакующие приуныли.

20 июля, сорок пять дней спустя после начала операции, союзные войска наконец-то достигли рубежа, который они планировали достичь уже через семнадцать дней после высадки. Затем, проведя 25–27 июля операцию «Кобра», союзные войска совершили прорыв на юг Котантена.

С этого момента события стали стремительно развиваться. Гитлер отдал приказ перейти в контратаку на Мортен — контратака захлебнулась, да иначе и быть не могло. Остатки 7-й немецкой армии были окружены под Фалезом, в то время как американские танки устремились к Бретани, Луаре и Иль-де-Франсу. 15 августа в рамках операции «Драгун» союзники добились новых успехов на Западе и на Востоке. После этого они одерживали победу за победой: французы под командованием Леклерка, опередившего американцев, освободили Париж 25 августа. Брюссель был занят 3 сентября, Бельгию в три дня освободили британцы. Немецкую границу американские бронетанковые войска перешли 11 сентября. Отметим все же, чтобы не нарушить исторической реальности, что к тому времени русские уже достигли Вислы и Дуная, перейдя летом в наступление, получившее название «Операция Багратион». В ходе этой операции советские войска разгромили группу немецких армий «Центр». В целом с июня по сентябрь немцы потеряли на Западном фронте 55 тысяч человек убитыми и 340 тысяч человек ранеными и взятыми в плен, а на Восточном фронте — 215 тысяч человек убитыми и 625 тысяч человек ранеными, взятыми в плен и пропавшими без вести.

*

В середине июня 1944 года Черчиллю и всему британскому народу пришлось столкнуться с новым тяжелейшим испытанием. Самое страшное секретное оружие, которым уже не один месяц грозил Гитлер Англии, обрушило свою мощь на многострадальный Альбион. Грозные Фау-1 и Фау-2 сильно омрачили последние месяцы войны, тем более что это бедствие, которого никто не ждал, настигло лондонцев как раз в тот момент, когда они уже считали себя в безопасности от воздушных налетов.

На рассвете 13 июня 1944 года, то есть ровно неделю спустя после начала операции по высадке десанта союзников во Франции, необычный с виду механизм, тархтящий, как мотоцикл или механическая пила, упал в устье Темзы. Этот механизм напоминал крохотный самолет без пилота, вскоре его окрестили «летающей бомбой», или «самолетом-снарядом». Так началась операция обстрела британской столицы, свирепствовавшая не

один месяц. Сеявшее ужас оружие, которое немцы называли «оружием мести», сыпалось на Лондон, как из рога изобилия, — семьдесят штук в сутки. Гитлер говорил: «Страх страхом подавляют».

На этот раз в отличие от зажигательных бомб, которыми немцы «поливали» столицу Соединенного Королевства в 1940 году, новое оружие обладало большей поражающей силой, радиус его действия достигал 300–400 метров. Лондонцы не поддались панике, однако это страшное бедствие обрушилось на город, когда силы его жителей были уже на исходе: пять лет войны не прошли бесследно, еще немного — и горожане утратили бы присутствие духа. Вместо того чтобы пожинать плоды победы, им вновь пришлось переживать ужасы бомбежек, как во времена «Блица». Поэтому военная цензура всячески старалась, насколько это было возможно, скрыть от народа горькую правду. Но это ни к чему не привело: официальные сообщения свидетельствовали о крайнем напряжении, подавленности населения. Слепой эгоизм возобладал над былой беззаветной преданностью общему делу.

Три фактора способствовали тому, что «летающие бомбы» произвели такой психологический эффект. Прежде всего внезапность налетов — горожане не были к ним готовы, опасность возникала неожиданно и заставляла людей врасплох. Жизнь шла своим чередом — и вдруг размеренное течение дня молнией разрывало небо, неся с собой смерть и скорбь. С другой стороны, безликий робот Фау-1 вызывал суеверный страх. Наконец, эти страшные «самолеты-снаряды» падали куда попало. Конечно, основной мишенью был Лондон, но место попадания заранее наведенных снарядов точно не было определено, хотя чаще всего они обстреливали южные кварталы Лондона и ближайшие зажиточные пригороды Кента. Англичане пытались обороняться, перехватывая Фау-1 сразу же, как только локационные системы обнаруживали их над Альбионом, однако из девяти тысяч обнаруженных «летающих бомб», наведенных на английскую столицу с июня по сентябрь, лишь половина была уничтожена в воздухе.

Англичане не знали, что худшее ждало их впереди. Два месяца спустя новая воздушная атака, еще более страшная, обрушилась на их головы, правительство же допустило досадный промах, поспешив объявить, что битва за Лондон закончена. Сделал это заявление Дункан Сэндис, зять Черчилля и заместитель министра вооружения, ответственный за обезвреживание «летающих бомб». 8 сентября 1944 года два загадочных взрыва произвели оглушительный шум: один — на западе, другой — на востоке столицы. На месте взрывов образовались огромные воронки в пятнадцать метров шириной и в три метра глубиной. Это были первые

Фау-2 — ракеты дальнего действия, гораздо более мощные, чем Фау-1. Высота их полета составляла шестьдесят километров, скорость — пять тысяч километров в час. Они переносили тонны взрывчатого вещества и потому производили колоссальные разрушения. Противопоставить такому оружию было нечего. Эти ракеты затмили внезапностью появления даже незабвенные Фау-1. Из уст в уста передавались жуткие рассказы о страшных разрушениях, тем более что Фау-2 тоже падали, куда придется, например, на Челси Хоспитал — дом инвалидов или на ораторскую трибуну в Гайд-парке. Нервы лондонцев и без того были напряжены до предела, а слепые Фау-2 сеяли новые беды, несли смерть, обращали город в руины.

В целом на Лондон и его окрестности было направлено тысяча сто ракет Фау-2. Взрывы «летающих бомб» потрясали город с сентября 1944 года по 27 марта 1945 года — в этот день лондонцы наконец вздохнули свободно. Однако потери были велики: в результате обстрелов Фау-1 погибли шесть тысяч мирных жителей, восемнадцать тысяч получили ранения; в результате обстрелов Фау-2 погибли две тысячи семьсот человек, получили ранения шесть тысяч человек. Что касается материального ущерба, он был колоссальным: пострадало лишь вдвое меньше домов, чем во времена «Блицкрига». Смириться с такой катастрофой было очень тяжело. Поэтому на этот раз Черчиллю пришлось приложить гораздо больше усилий, нежели в 1940 году, чтобы поднять моральный дух сограждан.

*

Летом и осенью 1944 года премьер-министр постоянно находился в поездках, он стремился успеть везде, где происходили решающие сражения, способные повлиять на исход войны. При этом Черчилль нигде не сидел сложа руки — ни в Алжире, ни в Неаполе, ни на Корсике, ни в Италии, ни в Квебеке, ни в Москве. Тем не менее он все острее осознавал, что лишился того положения, которое некогда занимал, — положения в центре международной политической арены. Однажды в палате общин он сказал с нотками сожаления в голосе: «Я уже не могу играть прежней роли в решении стратегических вопросов; теперь есть Эйзенхауэр и окружающая его плеяда генералов, вот они пусть этим и занимаются»^[314].

Затем пришлось распрощаться с надеждой закончить войну к концу 1944 года. Отныне Черчилля, в силу его огромного политического опыта и

склонности строить планы на далекое будущее, больше всего занимал вопрос о переделе мира и о том, как следует строить отношения с Советским Союзом после войны.

Англия уже не могла прийти на помощь восставшим в Варшаве полякам. Сознание собственного бессилия возмущало и не давало покоя Черчиллю. Приблизительно в это же время, 12 августа, он встретился с Тито в Неаполе. Британский премьер-министр с подчеркнутой сдержанностью посоветовал лидеру партизанского движения Югославии, затянутому в маршальский мундир не по неапольской жаркой погоде, установить демократический режим, опирающийся на крестьянские массы. Тито ответил ему, что не имеет ни малейшего намерения устанавливать коммунизм в Югославии или создавать Балканскую федерацию и что его вполне устроила бы Югославская федерация. Тем не менее Тито уклонился от обещания сделать публичное заявление.

В тот момент как раз намечалась новая трехсторонняя встреча на высшем уровне, и Черчилль считал, что нужно провести ее как можно скорее, не дожидаясь ноябрьских выборов в Соединенных Штатах и вероятного вступления в должность нового президента, ведь любое промедление было на руку Сталину. Поэтому премьер-министр решил, несмотря на возражения Рузвельта, незамедлительно отправиться в Москву в сопровождении Идена и прямо поговорить со Сталиным о текущих делах, начиная с ситуации в Европе в целом и заканчивая польским вопросом в частности. Двухсторонняя конференция получила название «Толстой» и продлилась с 9 по 19 октября. «Дядя Джо»^[39] тепло принял британского премьер-министра, устроив в его честь несколько пышных приемов, подняв не один тост за его здоровье и «угостив» товарища по альянсу спектаклем в Большом театре.

В первый же вечер конференции был решен основной вопрос: по инициативе Черчилля союзники поделили на сферы влияния Балканы и Центральную Европу. Во время пресловутой встречи с глазу на глаз премьер-министр действительно сунул хозяину Кремля клочок бумаги, на котором торопливо написал кое-какие цифры и указал соотношения. Впоследствии сам Черчилль называл эту бумажонку «гнусным документом». Вот что здесь было написано: «1) Румыния: 90 % — Советскому Союзу, 2) Греция: 90 % — Великобритании, 3) Югославия: 50 % — 50 %, 4) Венгрия: 50 % — 50 %, 5) Болгария: 90 % — Советскому Союзу». Сталин тотчас же схватил эту бумажку и синим карандашом написал на ней, что согласен. Таким образом, за несколько минут истинные политики Сталин и Черчилль с неподражаемым цинизмом решили участь

половины Европы на целых полвека. То, что в XVIII веке стыдливо называли бы «политикой удобств», возобладало над принципами Атлантической хартии. Однако переговоры по польскому вопросу затянулись, осложнились и в конце концов зашли в тупик. На этом и закончилась конференция «Толстой».

Вооружившись заключенным в Москве договором, в конце 1944 года Черчилль решил (предварительно пройдясь вместе с Де Голлем по Елисейским Полям во время своего визита в Париж 11 ноября 1944 года и насладившись громкими приветствиями бесновавшейся от восторга толпы) навестить в Грецию, где в то время бушевала гражданская война и где коммунисты уверенно шли к власти.

По правде говоря, так сложилось исторически, что Греция испокон веков была союзницей Соединенного Королевства и пользовалась его покровительством. В силу своего географического положения эта страна занимала центральное место в стратегических планах и зоне интересов Великобритании в Восточном Средиземноморье — Черчилль понимал это лучше, чем кто бы то ни было. В греческом движении Сопротивления англичане играли первостепенную роль посредством Восточного общества, тем более что в отличие от Югославии Греция была вполне доступна для британцев. Итак, крупнейшим в Греции партизанским движением ЭЛАС руководила греческая коммунистическая партия. Когда в середине октября немецкая армия оставила страну, власть в Афинах оказалась в руках временного правительства, действовавшего от имени короля. Временное правительство занимало весьма шаткое положение, и 3 декабря партизаны ЭЛАСа предприняли попытку захватить контроль над столицей. Так в Греции началась гражданская война. Узнав об этом, Черчилль тотчас же направил главнокомандующему британским экспедиционным корпусом генералу Скобайу чрезвычайно жесткие инструкции, предписывавшие ему незамедлительно восстановить порядок любой ценой. Британским солдатам волей-неволей пришлось стрелять в участников греческого движения Сопротивления, своих вчерашних союзников, между тем как уличные бои между греческими противоборствующими сторонами случались все чаще.

Черчилль, в свою очередь, не обращая внимания ни на протесты английских лейбористов, ни на укоры Вашингтона, твердо решил взять ситуацию под контроль и установить в Греции такой государственный режим, который соответствовал бы его политико-стратегическим видам на эту часть земного шара. Им руководило вовсе не романтическое и не доброжелательное отношение к греческой королевской династии, им

руководило корыстное стремление обеспечить Англии на будущее союзника в лице некоммунистической, дружественной и покорной Греции. Вот почему вместо того чтобы провести в семейном кругу Рождественский сочельник 1944 года, Черчилль отплыл из Лондона в одиннадцать часов вечера и прибыл в Афины 25 декабря после полудня. Сразу по его прибытии и под его же председательством были начаты активные переговоры. Вскоре стороны пришли к соглашению и провозгласили регентом архиепископа Дамаскиноса. В конце концов 14 января 1945 года был подписан договор о прекращении огня, сопровождаемый взаимным обязательством правительства и левых сил. Таким образом, Греция избежала коммунистического режима и осталась в «западном лагере».

*

С 4 по 11 февраля в предвкушении скорого падения Германии Черчилль, Рузвельт и Сталин собрались на Ялтинской конференции, на западном берегу Крыма, утопающем в пышной средиземноморской растительности. Участников конференции разместили в старинном замке, построенном еще до революции и наскоро приведенном в порядок накануне прибытия высоких гостей. Мысль о новой конференции зародилась еще в сентябре 1944 года, однако обстоятельства позволили встретиться лидерам трех великих держав лишь в начале 1945 года. К тому времени ситуация на фронте явно благоволила русским, поэтому лидеры двух западных держав оказались в невыгодном положении. В самом деле, после неудачной попытки отвоевать осенью Нидерланды в декабре 1944 года их солдатам пришлось сдерживать неожиданное наступление Рундштедта в Арденнах, в то время как в Италии войска западных союзников по-прежнему были блокированы на линии Готика. Между тем Красная армия, напротив, форсированным маршем продвигалась через Польшу и уже достигла Одера — до Берлина советским войскам оставалось пройти всего восемьдесят километров. Кроме того, в январе русские заняли Будапешт.

С дипломатической точки зрения англичане и американцы плохо подготовились к Ялтинской конференции. В ходе предварительной встречи на Мальте, длившейся всего один день — 2 февраля, они не достигли согласия ни по одному вопросу. В Крыму Черчилля разместили в большом особняке, возвышавшемся над Черным морем и кишевшем «слугами», — по словам генерала Исмея, это был «наполовину стилизованный

шотландский замок, наполовину — маврский дворец». Британский премьер-министр воспользовался случаем и отправился в Балаклаву, где с чувством глубокого удовлетворения осмотрел место расположения британской легкоконной бригады, в составе которой в 1854 году одержал победу над русскими его старый полк — 4-й гусарский.

Исмей кратко и точно изложил суть этой конференции: «Приятная в гастрономическом отношении, бесполезная — в военном, угнетающая — в политическом»^[315]. Черчилль сразу же почувствовал, что его с Рузвельтом союзнический монолит дал трещину, и это лишь усилило беспокойство и нервозность премьер-министра. Русские быстро научились определять, волнуется ли он, по дрожи его рук и по количеству выкуренных им сигар^[316]. На Ялтинскую конференцию Черчилль приехал в подавленном настроении. 24 января он написал Идену: «Спасение мира — в согласии лидеров трех великих держав. Если они поссорятся, наши дети погибнут»^[317]. Из Ялты британский премьер-министр уехал, испытывая еще большее разочарование. Он решил, что его заокеанский партнер витает в облаках. Кроме того, Черчилль имел возможность оценить «Новый курс» Рузвельта, затрагивавший весь земной шар. В начале же конференции президент Соединенных Штатов, который в то время был уже серьезно болен, высказал намерение управиться со всеми делами в пять или шесть дней. На это пожелание Черчилль ответил язвительной остротой, напомнив Рузвельту, что даже Всемогущему понадобилось семь дней, чтобы сотворить мир^[318].

В целом основные решения, принятые в ходе Ялтинской конференции, касались создания Организации Объединенных Наций, объявления Советским Союзом войны Японии и принципиальной декларации о свободной Европе. В то же время польский вопрос остался полностью на совести Советского Союза — Рузвельту с Черчиллем пришлось довольствоваться подписанием коммюнике, в котором говорилось о намерении трех держав создать в новых границах сильную, свободную и независимую Польшу. При этом «демократическому» правительству, работавшему в Люблине, вменялось в обязанность включить в свой состав новых членов из самой Польши и из Лондона. Относительно Германии было принято решение о полной ее оккупации и о взимании с нее крупных репараций. При этом Черчиллю и остальным членам британской делегации пришлось сражаться, подобно львам, как сказал Гарри Гопкинс, чтобы добиться от своих партнеров согласия на выделение Франции отдельной зоны оккупации и на предоставление ей места в Берлинском Совете.

Как бы то ни было, в ходе Ялтинской конференции союзники лишь утвердили план военных действий, который был осуществлен в 1945 году. Вопреки распространенному мнению, в Крыму Соединенные Штаты и Советский Союз вовсе не делили мир. Однако именно во время Ялтинской конференции стало ясно, что их третий союзник утратил прежние позиции и оказался в ранге «младшего брата». Систему мирового устройства, «подаренную» миру Ялтой, можно сравнить с системой, появившейся после Венского конгресса 1815 года, — обе они были разработаны лидерами великих держав, но при этом породили не мир, а лишь отсутствие широкомасштабных военных действий.

*

Вот уже полвека человечество мучает один важный исторический вопрос, связанный с личностью Черчилля. Насколько прозорлив в свете геополитической ситуации, сложившейся в 1945 году, и многочисленных свидетельств о склонности Сталина к гегемонии был британский премьер-министр? Официальная «легенда о Черчилле» при каждом удобном случае противопоставляет его удивительную проницательность и политическое чутье иллюзиям и ослеплению «трусливого и пассивного» Рузвельта, как его называл первый номер британской дипломатии^[319]. Об этом много спорили, тем более что Черчилль во «Второй мировой войне», написанной в самый разгар холодной войны, без конца подчеркивал зародившуюся у него сразу после победы над Гитлером тревогу за будущее, свое недоверие к Советам, свои тщетные попытки предупредить об опасности американцев...

Тем не менее по возвращении из Ялты премьер-министр постарался успокоить политиков с Уайтхолла — министров, депутатов и чиновников, хотя не исключено, что в первую очередь он хотел сохранить лицо и отвести от себя гнев соотечественников, обратив их внимание на другого подходящего «козла отпущения». Неудивительно, ведь в адрес премьер-министра со всех сторон сыпались горькие упреки в чрезмерной уступчивости по отношению к Советскому Союзу и в допущении неподобающего обращения с членами польского правительства, находившимися в эмиграции в Англии. К примеру, по словам одного министра, Черчилль будто бы утверждал, что покуда Сталин будет руководить Страной Советов, Великобритания и Советский Союз всегда смогут договориться. При этом премьер-министр якобы добавлял: «Бедняга

Невилл Чемберлен полагал, что Гитлеру можно верить. Он ошибался. А вот я, как мне кажется, не ошибаюсь на счет Сталина»^{320}. В отношении Советского Союза и довоенной политической ситуации Черчилль не без иронии отмечал, что все встало с ног на голову. «Милитаристы времен Мюнхенских соглашений, — сказал он как-то одному из своих друзей, — превратились в сторонников мирного урегулирования, а бывшие сторонники мирного урегулирования — в завзятых милитаристов»^{321}.

Другие факты, напротив, наводят на мысль о том, что Черчилль всегда был готов к интриге. Так, малоизвестный случай, произошедший в 1943 году, свидетельствовал о том, что Черчилль вовсе не исключал возможности нападения на Советский Союз, как только отпадут всякие сомнения в победе над Гитлером. Впрочем, сам премьер-министр не смог бы ни назвать точной даты, когда это произойдет, ни сказать с уверенностью, доживет ли он до этого дня^{322}. А вот другой факт, красноречиво свидетельствующий о преждевременных опасениях старого противника большевизма: в августе 1944 года он распространил среди членов военного совета доклад антикоммуниста Рональда Мэттьюса, яростно критиковал советскую реальность, прикрытую маской благополучия. Мэттьюс был знаком с жизнью в Советском Союзе, поскольку два года проработал корреспондентом в московском бюро «Дейли Геральд». В своем докладе он сурово осуждал британские власти за пассивность и приводил высказывание британского военного атташе, возмущенного тем, что его соотечественники «пресмыкаются перед русскими до такой степени, что сами оказываются в грязи по самую макушку»^{323}. Однако Сталин не оставался у Черчилля в долгу. Югославский коммунист Джилас поведал миру об ответном выпаде главы Советского государства. По словам Джиласа, в 1944 году Сталин сказал ему, что вовсе не заблуждается на счет англичан, всегда готовых надуть своих союзников. «Черчилль относится к такому типу людей, — пошутил при этом вождь народов, — которые, стоит Вам зазеваться, тут же залезут к Вам в карман и стибрят копеечку»^{324}.

В конце концов совершенно очевидно, что всякий историк, оглядываясь назад и зная заранее о дальнейшем развитии событий, рискует сделать ошибочный вывод. Правда о событиях 1944–1945 годов скрыта под толстым слоем всевозможных версий и толкований, авторы которых не всегда стремились выяснить истину, особенно во время холодной войны. Лидерам стран-союзниц стали приписывать и даже вменять в вину иллюзии, ошибки, безрассудства...

Тем не менее нельзя забывать о том, что союзники объединились и сражались бок о бок во имя одной цели — победы над Гитлером. Если бы Германия одержала верх, разбирать их ошибки было бы уже поздно. Более того, если бы Великобритания и Соединенные Штаты, разрабатывая свою антигитлеровскую стратегию, преследовали лишь одну цель — помешать Советскому Союзу и коммунизму завоевать авторитет в мире, они бы не справились с рейхом и, как следствие, не одержали бы победу. Выбор, стоявший перед Черчиллем, равно как и перед Рузвельтом, был очевиден: любой ценой сохранить Великий альянс, единый, могучий, способный победить или все потерять в погоне за политическими выгодами, которыми им в случае победы Гитлера и воспользоваться-то не пришлось бы. Словом, первым и единственным безусловным требованием времени была победа — любой ценой.

Падение

В начале мая 1945 года мир праздновал долгожданную победу. Уже несколько недель подряд войска союзников маршировали по Германии. 4 мая маршал Монтгомери в своей штаб-квартире, размещенной посреди песчаных равнин Люнебурга, принял капитуляцию северо-западной немецкой армии. Уже 7 мая Уайтхолл заполнили толпы ликующих людей. Черчилль, оглушенный приветственными криками и рукоплесканиями, с трудом пробился сквозь людское море к зданию парламента. Народное ликование навело на него воспоминания о том, как 11 ноября 1918 года он появился на балконе Букингемского дворца в сопровождении самого короля и всей королевской семьи. Целых три дня освещенный праздничной иллюминацией Лондон пребывал в эйфории — изнуренные войной жители больше пяти лет ждали этого великого момента. В те дни вся Европа ликовала и радовалась победе. Однако война еще не была закончена, хотя кампания против Японии никогда не вызывала такого энтузиазма, как борьба с гитлеровской Германией. Несколько дней спустя во время большого приема на Даунинг стрит Черчилль со слезами на глазах поблагодарил всех присутствовавших, работавших вместе с ним на протяжении всей войны, приближая победу. «На ваших касках засияют лучи славы», — пообещал им премьер-министр^{325}.

Не успели стихнуть торжества по случаю победы, а Черчилль уже решил положить конец военной коалиции. Несколько раз посоветовавшись с лидерами лейбористской партии, 23 мая он подал в отставку, чтобы

создать правительство переходного периода. Новый кабинет министров, в который вошли в основном консерваторы, должен был управлять страной до выборов в законодательное собрание, не проводившихся уже два года. Это правительство, просуществовавшее два месяца, окрестили «правительством-сиделкой» (*Caretaker Government*).

Цель Черчилля была проста: он пришел к власти в 1940 году без поддержки парламентского большинства и депутатского мандата и поэтому теперь хотел, чтобы его право занимать высокий пост премьер-министра было подтверждено законной процедурой народного голосования. Тогда он возглавил бы правительство на демократических основах и в качестве лидера партии консерваторов, самой большой фракции парламента на тот момент, — таким образом, все традиции были бы соблюдены. В конце концов на протяжении пяти тяжелейших лет Черчилль руководил страной с удивительной для его лет активностью, а потому у него были все шансы сохранить за собой статус Лидера нации, Лидера вдохновенного, с большой буквы «Л», невосприимчивого к мелочности и ограниченности большой политики. Кроме того, Черчилль считал себя не только одним из трех гигантов антигитлеровской коалиции, он был уверен в том, что его опыт и умение сослужили бы хорошую службу новому президенту Соединенных Штатов Трумэну, совершенно незнакомому с кухней международных отношений. Одним словом, вместо того чтобы отойти от дел, Черчилль, не принимая в расчет ни своего возраста, ни своего здоровья, решил сражаться и одержать победу на выборах. Жажда власти пылала в нем с той же силой, что и полвека назад.

Помеха политического свойства, возникшая на его пути, состояла в том, что, придавая такое значение симпатии избирателей, Черчилль не уделил должного внимания разработке своей программы. В результате названия предвыборных манифестов двух крупнейших партий Британии представляли собой разительный контраст, говоривший, увы, не в пользу консерваторов. Они озаглавили свой манифест самым банальным образом: «Декларация м-ра Черчилля о политике для избирателей». Лейбористы же сделали акцент на будущем, которое предстояло строить совместными усилиями: «Посмотрим в лицо будущему без страха!» Пришло время реформ, победа поселила в сердцах граждан надежду на справедливое и гармоничное будущее. Пора было покончить с безработицей и трущобами — вот что ни у кого не вызывало сомнений. У многих слово «реконструкция» ассоциировалось с планированием. После войны все больше британцев высказывали пожелание, чтобы государственное регулирование экономики, эта уступка обстоятельствам, обернулось

настоящим планированием в целях создания разумного, основанного на консенсусе общества.

Помимо этого, агитация лейбористов строилась на оптимистическом обыгрывании старых требований: «Хлеб, работа, жилье». В то же время партия лейбористов не побоялась напомнить о военных неудачах, признать свою вину и попытаться ее загладить, охарактеризовав свою программу как «реальное выражение сути событий в Дюнкерке и противостояния Блицкригу» и сделав акцент на политике постепенных реформ. Лейбористы утверждали, что только плавные, постепенные реформы способны дать хорошие результаты. Ключевыми словами их многообещающей программы, составленной вполне в духе времени, были «прогресс», «социальная справедливость», «мир», «согласие народов», они нашли живой отклик в сердцах людей, окрыленных победой и ждавших от будущего только хорошего.

Консерваторы же, напротив, никак не могли избавиться от межвоенных пережитков, точнее, от пережитков тридцатых годов, когда в правительстве безраздельно властвовали тори. Однако то время оставило горький осадок в сердцах граждан, недаром его окрестили «дьявольским десятилетием», десятилетием, на протяжении которого Англия была «страной снобизма и привилегий, управляемой стариками и идиотами», как сказал Джордж Оруэлл. Конечно, Оруэлл чересчур сгустил краски, и сегодня его высказывание сочли бы «мрачной гиперболой», однако в 1945 году большинство британцев было с ним согласно.

По обыкновению, Черчилль не щадил живота своего ради достижения очередной цели. На специально предназначенном для этого поезде он колесил по стране, рассчитывая на свою огромную популярность. Конечно, премьер-министр был чрезвычайно популярен в Англии, но при этом его считали старым реакционером и человеком из прошлого. Он еще усугубил свою репутацию скрытым неодобрением плана Бевериджа и явным безразличием к внутренним проблемам, предпочитая заниматься международными делами. Тем не менее национальный герой пользовался значительными привилегиями. Так, из десяти радиовыступлений, предусмотренных для двух ведущих партий — консерваторов и лейбористов, премьер-министр воспользовался четырем, а Эттли ограничился одним. Кроме того, годы не охладили горячности Черчилля, и он допустил немало политических просчетов, неосмотрительно и чересчур усердно нападая на своих противников. Один такой случай стал широко известен — речь идет о случае с гестапо. Во время одного из своих выступлений в начале июня 1945 года Черчилль принялся доказывать, что

между социализмом и тоталитарным режимом нет никакой разницы, затем — что социализм не может существовать без строгого политического надзора. Из этого оратор сделал следующий вывод: если лейбористы придут к власти, им придется организовать «нечто вроде гестапо»^{326}. Такие слова вызвали всеобщее негодование.

Мысли о возможном поражении у Черчилля даже не возникало, между тем он шел против течения и не осознавал, насколько сильна была в народе жажда обновления. Об этом свидетельствовали опросы общественного мнения, проводимые журналом «Масс обсервэйшн» и сулившие победу партии лейбористов. Уже в 1944 году Том Гаррисон, проведя тщательное исследование под красноречивым названием «Кто победит?», доказал, что Черчилль, прославившийся как «военный лидер» и даже получивший прозвище «бойцовый бульдог», не был наделен талантом руководить страной в мирное время и решать внутренние проблемы государства^{327}. Как-то между Черчиллем и маршалом авиации Гаррисом произошел любопытный разговор, Черчилль спросил Гарриса, за кого проголосуют его бомбардировщики, на что последний не задумываясь ответил, что восемьдесят процентов из них будут голосовать за лейбористов. Раздосадованный Черчилль заметил: «На мою долю остается двадцать процентов». — «Вовсе нет, — возразил Гаррис, — эти двадцать процентов воздержатся».

5 июля состоялись выборы. Несмотря ни на что, их результаты, обнародованные лишь 26 июля (находившиеся за морем военные тоже голосовали), стали неожиданностью для всех и полностью изменили расклад политических сил. Блестящая победа лейбористов означала личное поражение Черчилля: из 25 миллионов избирателей за консерваторов проголосовали лишь 10, но главное — соотношение сил в парламенте также полностью изменилось: 393 места досталось лейбористам, 213 (всего!) — консерваторам, 12 — либералам и около 20 — остальным партиям. И это было еще не все: в избирательном округе Вудфорд, в котором баллотировался Черчилль и в котором лейбористы и либералы, решившие не создавать ему конкуренции, не были представлены, никому не известный и ничем не примечательный кандидат набрал аж 10 тысяч голосов против 28 тысяч, отданных Черчиллю!

Существует много версий о том, как повел себя Черчилль, внезапно сброшенный в пропасть с вершины политического Олимпа. По словам одного из его приближенных, тогда уже бывший премьер-министр принимал ванну, когда ему сообщили печальную новость, и вот что он

сказал: «Что бы там ни было, а избиратели имеют полное право сыграть с нами такую штуку. В этом и заключается демократия. За нее-то мы и сражались. А теперь дайте мне, пожалуйста, мой халат»^{328}. Жена Черчилля была единственным человеком в его окружении, кого полученное известие в какой-то степени обрадовало. Клементина пыталась утешить мужа. «В конце концов, — говорила она ему, — в этом можно найти скрытое благо». На что муж ей с горечью ответил: «Если в этом есть скрытое благо, то скрыто оно так хорошо, что мне его вовек не отыскать!»

Глава восьмая

ЗАКАТ

1945–1965

Политический лидер,

снискавший мировую славу,

между прошлым и будущим

Все лето 1945 года Черчилль тяжело переживал свою неудачу. Оттого, что он сам впервые придал выборам ярко выраженный личностный характер, поражение было еще горше. Черчилль впал в глубокую депрессию. Ему казалось, что он утратил навсегда и свой авторитет, и свою популярность. Кроме того, оглушительный успех лейбористов означал, что новые выборы состоятся не раньше 1950 года. Иными словами, на пять или шесть лет национальный герой оказался не у дел.

Конечно, Черчилль уже не раз доказывал, что у него достанет мужества перенести любое несчастье. Поэтому, несмотря на подавленное настроение, он старался побороть охватившее его отчаяние. Бывший премьер-министр оставил Уайтхолл и поселился в самом центре Лондона, недалеко от Гайд-парк Гейт, — в южной части Кенсингтонского квартала. Там он провел последние двадцать лет своей жизни, там и в Чартвелльском поместье.

Однако горечь пережитого Черчиллем поражения отравила и его семейную жизнь. В доме царила тяжелая атмосфера. Вконец измученная Клементина страдала от раздражительности и агрессивности супруга. Она чувствовала, что их разделяет стена непонимания, ведь она одна воспринимала провал Черчилля на выборах как милость Божью. Об их размолвках свидетельствует письмо, написанное взволнованной Клементиной дочери Мэри: «Нам сейчас приходится нелегко, а мы, вместо того чтобы поддержать друг друга, то и дело ссоримся. Конечно, это я во всем виновата, но такая жизнь слишком тяжела для меня. Он очень

подавлен, поэтому с ним так трудно»^{329}.

Дети один за другим разочаровывали родителей. Рандольф вел скандальный образ жизни, одно время отец даже запретил ему переступать порог своего дома. Это случилось после того, как блудный сын избил Сару, вернувшись как-то домой пьяным и себя не помня от гнева. Брак Дианы с Дунканом Сэндисом рухнул, а супруга Сары Черчилль на дух не выносил. И только Мэри была родителям утешением и отрадой. В 1947 году она вышла замуж за блистательного гвардейского капитана Кристофера Сомса, будущего депутата и дипломата, и лишь смерть лорда Сомса в 1987 году положила конец их счастливому союзу.

Другим поводом для печали было постепенное осознание того, что влияние Великобритании в мире ослабевает. За какой-нибудь десяток лет соотношение сил на мировой арене заметно изменилось, и социальное превосходство Англии, равно как и дальнейшее существование Британской империи были поставлены под сомнение. Англия была единственной страной, участвовавшей во Второй мировой войне от начала и до конца, с первого дня и до последнего, и единственной страной в Европе, чья территория не была ни завоевана, ни оккупирована. Однако если Британии и удалось ценой героических усилий и во многом благодаря Черчиллю выйти из этой войны победительницей, наступивший мир не принес ей ощутимого облегчения. Наступили суровые времена, не оправдавшие радужных надежд англичан, — страна обеднела, потеряла часть территорий и, хотя многие этого еще не осознавали (и в первую очередь великий старец, олицетворявший британское величие), опустилась до уровня обычной среднестатистической державы. Конечно, Соединенное Королевство являлось членом Великого альянса, но разве могло оно сравниться с двумя сверхдержавами, поделившими между собой послевоенный мир? Британия могла лишь равняться на одну из этих стран.

Из войны Соединенное Королевство вышло обескровленным, понеся тяжелые потери: 365 тысяч человек были убиты (из них около 100 тысяч — мирные жители), 250 тысяч домов разрушены, четыре миллиона — повреждены, пятая часть школ и больниц не работала. Что же касается материального ущерба, то Великобритании пришлось пожертвовать четвертью своей казны, а именно семью с половиной миллиардами фунтов стерлингов.

Однако Черчилль, возглавивший партию консерваторов, а следовательно, и оппозицию, мало интересовался внутренней политикой. Поэтому он не мог справляться с возложенными на него обязанностями лидера оппозиции. Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что на

протяжении шести лет Черчилль плохо справлялся с этой ролью. Прежде всего потому, что он очень много ездил, без конца брал на себя новые обязательства и часто отсутствовал. Во-вторых, вместо того чтобы подготавливать очередную парламентскую «баталию», согласуй свои действия с коллегами, он предпочитал сражаться с противниками в одиночку. Его речи были, как всегда, блистательны, но мало эффективны там, где гораздо больше пользы принесли бы выступления сводного хора, а не одинокого солиста. Черчилль не критиковал общий курс правительства, не предлагал альтернативных решений, он лишь с удовольствием изобличал недостатки и оплошности отдельно взятых министров, вгоняя их этим в краску. Наконец, ораторский стиль Черчилля уже давно вышел из моды, и его речи трудно было назвать «выступлениями на злобу дня».

Впрочем, у лидера консерваторов практически не вызывали сочувствия усилия более молодых и честлюбивых членов партии, таких, как Гарольд Макмиллан или Р. А. Батлер, твердо решивших модернизировать идеологию тори. Их «неоконсерватизм» резко отличался от изжившего себя консерватизма двадцатых — тридцатых годов и отвечал чаяниям послевоенного британского общества. Тем не менее созданный в 1945 году Отдел изучения консерватизма, главный орган обновления партии, которым руководил Батлер, не вызвал ни малейшего интереса у Черчилля. Однако, хотя главного консерватора часто упрекали в отсталости взглядов и неспособности понять новую Англию и новое поколение, причина его равнодушия к внутрипартийным преобразованиям крылась совсем в другом. Политическое чутье Черчилля, не притупившееся с годами, и его завидный практицизм подсказывали ему, что нужно оставить в покое «государство всеобщего благосостояния», восстановить свободу предпринимательства («сделать народ свободным») и придерживаться центристской линии в политике. Впрочем, «центристская линия» означала сочетание социального патернализма и либерализма в экономике, к которому всегда стремился старый аристократ. Зато чувство юмора у Черчилля было по-прежнему отменным, о чем свидетельствует такой случай, поведенный одним из его соратников. Встретив как-то своего шефа, рассказчик посетовал ему, что жизнь-де нынче не такая увлекательная, как прежде. На что Черчилль ответил: «Что вы хотите? Не может же война продолжаться вечно!»^[330]

Лишь когда речь заходила о делах империи или затрагивался вопрос деколонизации, лидер оппозиции вновь становился необыкновенно активным и воинственным. Особенный интерес Черчилль проявлял к ситуации в Индии. Он упрямо стоял на своем, хотя и чувствовал, что

пытается догнать вчерашний день. В 1942 году под давлением Рузвельта и лейбористов ему пришлось пообещать предоставить Индии после войны право самоопределения. Однако Черчилль рассчитывал, что ему удастся отложить обсуждение деталей и сроков реализации договора на неопределенное время. После войны лукавому аристократу пришлось взглянуть правде в глаза: правительство Эттли окончательно и бесповоротно даровало Индии независимость 15 августа 1947 года. Для старого империалиста потеря «жемчужины» империи была настоящей трагедией, он горячо осуждал это постыдное ренегатство. «С глубокой скорбью, — восклицал он в палате общин, — смотрю я на это ничем не оправданное отступничество от Британской империи, от ее славы, от ее прошлого, подаренного человечеству. (...) Немало найдется достойных людей, готовых защитить Великобританию от врагов, но никто не сможет защитить ее от нее самой»^[331]. Временами его охватывало отчаяние, он не верил в свой народ, у которого, по его мнению, не было внутреннего стержня и который ожидало безрадостное будущее. Так, в конце 1947 года верный Ковилл заметил: «Уинстону сейчас приходится нелегко. Он убежден в том, что страна обречена на глубочайшую экономическую депрессию. По его словам, тревога, которую он испытывал во время битвы за Англию, по сравнению с тем, что он испытывает сейчас, была лишь легким беспокойством, которое обычно испытываешь, услышав «лай шавки». Он считает, что выбраться из этого бедственного положения нам помогут лишь сила духа и единение народа, которых нам сейчас так не хватает. Мы должны избавиться от зависти, недоброжелательства, прекратить все ссоры. Черчилль говорит, что за всю свою жизнь он никогда еще не был в таком отчаянии»^[332].

Однако в силу своего сложного и противоречивого характера Черчилль все же сохранял надежду, хотя надеяться уже, с его точки зрения, было не на что. Так, приблизительно в это же время он написал следующие строки, проникнутые глубоким патриотизмом: «Британский народ еще поднимется с колен, быть может, прежнего величия ему уже не вернуть, но, по меньшей мере, он сумеет снова сделать свою страну сильной и крепкой державой»^[333].

*

Лишь осенью Черчилль начал понемногу выходить из депрессии,

продолжавшейся все лето 1945 года. Он отправился отдыхать на озеро Комо, известное своими живописными пейзажами. Там Черчилль вновь взялся за кисть, что было хорошим знаком. «Благодаря занятиям живописью, — сказал он как-то своему врачу, — я снова обрел душевное равновесие. Чувство свободы наполняет меня радостью». И прибавил: «Остаток своих дней я посвящу живописи. Никогда еще я так хорошо не рисовал!»^{334}

Однако характер не переделать. Политика не отпускала Черчилля. С 1940 года он возглавлял партию консерваторов и вовсе не собирался расставаться со званием лидера оппозиции. Не потому, что его так уж увлекало исполнение возложенных на него обязанностей, заключавшихся в основном в отрицании и оспаривании инициатив правительства, — это Черчиллю было вовсе не по душе. Дело в том, что, несмотря на возраст, патриарх британской политики по-прежнему видел смысл жизни во власти и действии. А ведь в силу английских политических традиций обладание званием лидера оппозиции было единственным средством получить или вернуть себе пост премьер-министра (в случае, если бы в результате новых выборов соотношение сил в палате общин снова изменилось). Вот почему Черчилль ни за что не расстался бы с этим козырем. Его друг Брендан Брекен шутливо высказывал ту же мысль: «Уинстон в отличной форме и твердо намерен продолжать исполнять обязанности лидера партии тори до тех пор, пока в один прекрасный день вновь не станет премьер-министром на земле или министром обороны на небе»^{335}.

*

Как известно, Черчилль был наделен богатым воображением, предприимчивостью и кипучей энергией. В ожидании милости от политической фортуны и не находя в себе сил ограничиться скромной ролью лидера оппозиции, сей государственный муж, в течение пяти лет доминировавший на мировой политической арене, наметил себе две задачи, вполне соответствовавшие, как он полагал, масштабу его личности, то есть невыполнимые. Во-первых, он в самое ближайшее время намеревался сделаться пророком в мире и Европе. Во-вторых, в будущем Черчилль собирался творить историю XX века.

В том, что касается исторических сочинений, Черчилль не столько хотел написать хронику своей политической деятельности — хотя это

также входило в его планы, — сколько запечатлеть и донести до грядущих поколений свою точку зрения на Вторую мировую войну, ее причины, развитие, перипетии, последствия... Он стремился создать монументальный исторический труд, расставив в нем акценты по своему усмотрению и мировоззрению. По замыслу Черчилля этот труд должен был надолго стать авторитетным источником знаний о Второй мировой войне. Между тем бывший премьер-министр уже зарекомендовал себя, написав историю Первой мировой войны «Мировой кризис». Талантливо написанная книга снискала большой успех, хотя автор и не играл в описываемых событиях первой роли. Вторая мировая война охватила всю планету и была еще разрушительнее — сам Бог велел корифею жанра взяться за исполинский труд и описать все ее ужасы. И вот в сентябре 1945 года Черчилль вместе с целой командой специалистов, возглавляемой Уильямом Дикином, взялся за написание «Второй мировой войны». Работа спорилась, и первый том книги — «Бурное собрание», в котором речь шла о причинах войны, — появился в печати в середине 1948 года. На страницах этого тома Черчилль в свое удовольствие и в выгодном для себя свете излагал свою версию прошедших событий, анализировал межвоенный период, политику попустительства агрессору, писал о своей роли пророка. Кроме того, выход в свет этой книги десять лет спустя после Мюнхенских соглашений и в год Пражского переворота оказался как нельзя более кстати — холодная война была в самом разгаре.

Книга пользовалась феноменальным успехом. Она была переведена на восемнадцать языков и разошлась тиражом 250 тысяч экземпляров в Великобритании и 600 тысяч экземпляров — в Соединенных Штатах. Она принесла Черчиллю целое состояние. Лондонская «Дейли Телеграф» заплатила ему пятьсот тысяч фунтов, американцы купили у него авторские права больше чем за миллион долларов. Среди авторов, работавших под началом Черчилля и Дикина, были генералы, ученые, моряки. К тому же бывший премьер-министр получил разрешение на публикацию большого количества правительственных документов в обход закона о государственной тайне. Несмотря на субъективность оценок, замалчивание отдельных фактов и мелкие хитрости, сила черчиллевского обаяния воздействовала на читателя даже со страниц книги.

*

Государственный муж мирового масштаба и «Вестминстерский

мудрец» в одном лице, Черчилль в те годы наметил себе еще одну великую миссию, в которой он в конце концов сильно преуспел. Миссия эта заключалась в том, чтобы постичь суть настоящего и привести человечество к мирному, свободному и демократическому будущему. Так Черчилль вновь стал «пророком». С одной стороны, он предупреждал мир об угрозе третьей мировой войны, односторонне обвиняя в этом Сталина и коммунистический режим. С другой стороны, Черчилль предвещал и надеялся на воссоединение и примирение Европы.

В этом отношении 1946 год оказался наиболее продуктивным. Во-первых, Черчилль сообщил миру об опасности, которую таило в себе настоящее. Во-вторых, он предложил грандиозный план на будущее. О грозящей миру опасности «Вестминстерский мудрец» заявил 5 марта, выступая в полумраке Вестминстерского колледжа, что в Фултоне, штат Миссури, в присутствии президента Соединенных Штатов Трумэна. Тогда Черчилль впервые заговорил о «железном занавесе» (это выражение в один миг облетело весь мир), пугая слушателей тем, что через некоторое время пол-Европы окажется во власти тоталитаризма. В полутемной аудитории колледжа Черчилль вещал наподобие ветхозаветного пророка о том, что на землю вновь может вернуться «каменный век на сверкающих крылах науки».

В действительности же Черчилль рассчитывал одним махом укрепить англо-американский союз и воздвигнуть надежный барьер между Западом и Советским Союзом. Поэтому его речь можно было разделить на две логически взаимосвязанные части.

«Нельзя, — начал он, — ни предотвратить войну, ни объединить нации без того, что я называю братским союзом англоязычных народов. А это подразумевает особые отношения между Британским Содружеством Наций, Британской империей и Соединенными Штатами Америки». Затем Черчилль принялся загадывать на будущее: «Быть может, настанет день, когда в англоязычных странах будет единое гражданство». После чего он перешел в лобовую атаку захватнической политики сталинского режима: «Сумрак опустился на международную политическую арену, некогда освещенную лучами общей победы. Никто не ведает ни намерений советской России, ни захватнических планов международных коммунистических организаций (...). От Щецина на Балтийском море до Триеста на Адриатическом «железный занавес» разделил европейский континент. По ту сторону этого барьера оказались древние столицы Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Население всех этих знаменитых

городов перешло в советский лагерь и находится не только под сильным влиянием Москвы, но и под ее жестким контролем»^[336].

Надо заметить, что выражение «железный занавес» было не новым. О «железном занавесе» говорили делегаты партии лейбористов, приглашенные в Советский Союз еще в двадцатые годы. Сам Черчилль также не раз прибегал к нему — в двух адресованных Трумэну телеграммах — от 12 мая и 4 июня 1945 года, а также 16 августа, во время жарких дебатов в палате общин. Любопытно, что и Геббельс в своей статье «Рейх», написанной 24 февраля 1945 года, предупреждал немецкий народ о том, что в случае дальнейшего продвижения Красной армии «железный занавес» упадет и на завоеванные территории^[337]. Однако очевидно, что именно выступление Черчилля в Фултоне, получившее широкий резонанс, «подарило» этому выражению мировую известность.

Тем не менее мировая общественность в основном отнеслась к речи Черчилля неодобрительно. Разумеется, о реакции коммунистического лагеря и говорить не приходится. Там в очередной раз сочли неугомонного аристократа забиякой, которому не давала покоя его застарелая ненависть к Советскому Союзу. Даже в Англии выступление лидера оппозиции восприняли крайне отрицательно. Прежде всего потому, что Черчилль не предупредил о резком содержании своей речи ни Эттли, премьер-министра, ни министерство иностранных дел, один только лорд Галифакс, посол Британии в Вашингтоне, был посвящен в эту тайну. Кроме того, не только лейбористы, но и некоторые консерваторы, игравшие в партии далеко не последнюю роль, — такие, как Иден, Макмиллан, Батлер, посчитали, что Уинстон зашел слишком, слишком далеко. Большинство граждан Британии разделяли это мнение. В Соединенных Штатах акцент, сделанный Черчиллем на англо-американском сотрудничестве, многие истолковали как неуместное давление на американские власти с целью вынудить их к заключению военного альянса, а также как тактический ход лицемерного британца, не желавшего подчиняться правилам ООН. Американские руководители не захотели против воли вставать под знамена бывшего премьер-министра Британии, которому вздумалось начать антисоветский крестовый поход, хотя кое-кто в мировой общественности задавался вопросом: а может быть, он и прав, как десять лет назад, справедливо предупреждая о Гитлере?

Относительно Европы у Черчилля, мечтателя и превосходного знатока истории, уже давно сложилась своя, оригинальная точка зрения, противоречившая общепринятым представлениям. Еще в межвоенный период, проникнувшись идеями Аристиды Бриана, «Вестминстерский мудрец» мечтал о союзе европейских государств. Он посвятил этому вопросу целую статью, в которой расписывал достоинства «Соединенных Штатов Европы». «Этот проект, — утверждал он, — правильный. Любую инициативу в этом направлении следует поддерживать, поскольку она направлена на сглаживание былой ненависти и забвение канувшей в Лету тирании, она направлена на облегчение процесса взаимообмена в сфере товаров и услуг. Все, что побуждает разные страны отказаться от бесчисленных превентивных мер, хорошо для них и для всех». Тем не менее Великобритании в этой перспективной схеме Черчилль отводил одно из самых скромных мест: «Мы с Европой заодно, но мы не являемся ее частью (*with Europe, but not of it*). У нас общие интересы, но мы не хотим раствориться в ней и потерять свое лицо». После чего Черчилль привел слова Суламифи из «Песни песней» Соломона: «Я останусь с моим народом»^[338].

Теперь, когда ужасы Второй мировой войны миновали, европейцы столкнулись с новой, гораздо более серьезной опасностью. Вот почему 19 сентября, на этот раз в Цюрихском университете, Черчилль призвал Францию и Германию к примирению, от которого зависело будущее Европы. Оратор раскрыл свой грандиозный план, начав с торжественного заявления и продолжив пророческим предположением: «Этот благородный континент, приютивший самые красивые и просвещенные страны мира, этот континент с умеренным и ровным климатом — колыбель и пристанище всех великих братских народов западного мира, очаг христианской веры и морали. Именно в Европе, начиная с Античности и до Нового времени, зарождалось большинство культур, искусств, наук, философских течений. Если бы страны Европы в один прекрасный день объединились и по-братски разделили это общее наследие, не было бы границ счастью, процветанию и славе трехсот или даже четырехсот миллионов ее обитателей».

Как этого достичь? Нет ничего проще! Надо всего лишь «воссоздать европейскую семью и по мере возможности придать ей структуру, позволяющую жить в мире и наслаждаться свободой. Для этого нужно создать нечто вроде Соединенных Штатов Европы». Затем Черчилль перешел к насущной проблеме, волновавшей его больше всего, — примирению и достижению взаимопонимания между Францией и

Германией. «Позвольте мне, — продолжал он, — сказать вам нечто такое, что вас удивит. Первый шаг к воссозданию европейской семьи — это примирение и заключение партнерских отношений между Францией и Германией. Только так Франция вновь станет духовным светочем Европы. Возрождение Европы невозможно без духовного возрождения Франции и Германии»^[339].

Кульминационный момент в крестовом походе Черчилля во имя спасения Европы наступил в мае 1948 года. Речь идет о конгрессе в Гааге, собравшем восемьсот делегатов со всей Западной Европы — политиков, промышленников, профсоюзных работников, ученых. Бывший премьер-министр Великобритании был почетным председателем конгресса, он обратился к присутствующим со страстным призывом объединить политические усилия, пусть даже ценой некоторого ущемления государственного суверенитета, а также расширить экономическое и военное сотрудничество между странами Европы путем создания Организации Европейского экономического сотрудничества и Североатлантического союза. Конгрессмены горячо поддержали инициативу своего председателя. В 1949 году Черчилль участвовал в заседании Совета Европы в Страсбурге, где также пользовался большим авторитетом. В 1950 году он одобрил план Шумана, назвав его «средством положить конец извечной вражде галлов и тевтонцев».

Казалось, Черчилль был так увлечен устройством будущего Европы... Однако неожиданно для всех он прямо заявил о том, что стратегические планы и природа Англии не позволяют ей влиться в единый корпус Европы, и объяснил почему. Уже после войны Черчилль сформулировал теорию «трех кругов», в которой как в зеркале отразилась пропасть, разделявшая жителей Британских островов и европейского континента. В течение долгих лет на эту теорию ссылались как на официальную доктрину, ее вспоминали и во времена Идена, и во времена Макмиллана. «Когда я думаю о том, что будущее нашей страны может зависеть от превратностей судьбы человечества, — заявил Черчилль, — я представляю себе три больших круга, на которые можно было бы разделить свободные народы, исповедующие демократию. В первый круг, разумеется, следует поместить страны Британского Содружества Наций и Британскую империю со всеми ее территориями. Во второй круг — все англоязычные страны, объединенные вокруг Соединенных Штатов. Внутри этого круга сама Англия, Канада и все остальные британские доминионы играли бы первостепенную роль. Наконец, в третий круг вошла бы единая Европа. (...) Однако если вы окинете взглядом все три круга одновременно, вы

увидите, что Англия присутствует в каждом из них. В сущности, она находится на пересечении этих трех кругов. Только наша страна, через которую проходят все морские и воздушные пути, может связать их между собой»^{340}.

На деле эта велеречивость не повлекла за собой почти никаких конкретных результатов, она лишь доказала, что старый политик оказался заложником своих давно устаревших взглядов. Он ошибался и насчет привилегированного положения Британских островов, и насчет будущего Англии, которое, как это показали дальнейшие события, вовсе не было связано ни с империей, ни с исключительным (и неравным) альянсом с Соединенными Штатами. Залогом будущего процветания Великобритании был союз с соседями по Европе. Правда, заблуждаясь таким образом, Черчилль пользовался широкой поддержкой своих соотечественников. Большинство из них с сочувствием относилось к идее создания европейского сообщества. Однако так называемой «каролингской»^[40] Европе Шумана, Моне, Аденауэра Черчилль упрямо противопоставлял химерический проект «атлантической» Европы, и эта его главная стратегическая ошибка дорого стоила Великобритании.

Возвращение на Даунинг стрит:

светотень (1951–1955)

Черчилль надеялся, что выборы в законодательное собрание, прошедшие в феврале 1950 года, вернут его к власти. Однако фортуна вновь оказалась к нему немилостива — с небольшим перевесом победили лейбористы. Тем не менее выборы, состоявшиеся в октябре 1951 года, положили конец полосе неудач бывшего премьер-министра. Это была бесспорная победа партии тори. Лейбористы выдохлись, а неоконсерваторы пользовались широкой поддержкой общественного мнения да к тому же успешно провели предвыборную кампанию, поэтому результат был налицо. Партия консерваторов получила 321 место в парламенте против 295, отданных лейбористам, таким образом, тори в палате общин оказалось на 26 человек больше. Теперь Черчилль не только мог вновь перебраться на Даунинг стрит — отныне ему была предоставлена полная свобода действий на многие годы. Фактически победа тори ознаменовала начало длительного периода верховенства консерваторов, продолжавшегося вплоть до 1964

года.

Для Черчилля это был огромный успех — впервые в возрасте семидесяти шести лет он одержал победу на выборах в законодательное собрание. Впрочем, ветеран британской политики проводил свою избирательную кампанию очень умело и сдержанно. Ему удалось избежать обвинений в воинственности и подготовке третьей мировой войны. Он обещал отменить все ограничения, всех обеспечить работой, ежегодно строить по триста тысяч квартир. Одним словом, и на этот раз Черчилль взялся за исполнение обязанностей премьер-министра с большим усердием и энергией.

Он сформировал правительство, в состав которого вошли опытные политики и новички, по образу и подобию своему. Черчилль всегда стремился окружить себя людьми надежными и опытными, с которыми ему уже доводилось работать на протяжении многих лет и которые уже имели возможность доказать свою преданность и компетентность. При отборе кандидатов премьер-министр гораздо больше внимания обращал на их пэрство, нежели на возраст или соответствие предполагаемой должности. Так, лорд Черуэлл был назначен главным казначеем, лорд Вултон — председателем совета министров. Лорду Исмею Черчилль поручил заниматься делами Британского Содружества Наций. Маршала лорда Александра назначил министром обороны, генерала сэра Яна Джэкоба — начальником штаба. Гарольду Макмиллану пришлось заниматься жильем — задача непростая и очень актуальная в то время. Энтони Иден, и это вполне естественно, встал во главе министерства иностранных дел. Как уже упоминалось выше, в состав кабинета министров вошли и молодые, подающие надежды политики. Ричард А. Батлер стал министром финансов, Уолтер Монктон — министром труда, Питер Торникрофт — министром торговли. В целом Черчилль собрал хорошую команду, быстро склонившую общественное мнение на свою сторону.

Вот уже пятьдесят лет не утихают историографические споры Вокруг второго «правления» Черчилля, при этом противоборствующие стороны никак не могут четко разделить свои позиции. Например, Маргарет Тэтчер и ее политический наставник сэр Кейт Джозеф, исповедующие чистый жесткий «неоторизм», обвиняют правивших в пятидесятые годы консерваторов, и Черчилля в первую очередь, в том, что они изменили до неузнаваемости и подладили под свои нужды настоящий, исконный консерватизм. Вместо того чтобы воплощать и проводить в жизнь традиционные принципы и ценности тори, эти ловкачи, мол, при каждом удобном случае были готовы уступить противнику и примкнуть к суррогату

раболепствующего лейборизма. Вот откуда взялась их губительная склонность к компромиссу. Вот почему они погрязли в тлетворном поиске вялого консенсуса. В конце концов консерватизм потерял свое лицо, и виноват в этом был стареющий Черчилль и его эпигоны — Иден и Макмиллан.

Наверное, эти обвинения слишком суровы и теперь утратили свою актуальность, однако не подлежит сомнению тот факт, что начиная с 1940 года партия консерваторов, сначала в рамках коалиционного правительства, а затем, с 1945 по 1951 год, — в качестве ведущей оппозиционной партии, постепенно переместилась ближе к центру, согласуя свою политику с пожеланиями общества, а именно с его надеждами на государство социальной справедливости и всеобщего благосостояния. В этом отношении партия консерваторов в послевоенные годы занимала, скорее, правоцентристскую позицию, отказавшись от либерального догматизма, преобладавшего в идеологии тори в межвоенный период и сыгравшего далеко не последнюю роль в провале консерваторов на выборах 1945 года. В те времена в большом ходу было модное словечко «батскеллизм». Батлер официально занимал пост министра финансов, а Гейтскелл занимал тот же пост в «теневом кабинете»^[41]. Это слово символизировало двухпартийный гибрид, образованный правоцентристами и левоцентристами и преданный анафеме двадцать пять лет спустя неоконсерваторами во главе с Маргарет Тэтчер.

Еще одну сложную задачу задал сам Черчилль. Уже в те времена о ней часто перешептывались в кулуарах власти, и до сих пор историки не могут ее разрешить. Выдающийся человек, «великий старец» (*Grand Old Man*) — этими эпитетами наделяли некогда Гладстона на закате его карьеры, — имел ли право еще один хозяин правительственной резиденции на Даунинг стрит примерить на себя эти эпитеты? Конечно, с 1951 по 1953 год здоровье премьер-министра не подводило, к тому же энергии и решимости у него по-прежнему было хоть отбавляй. С другой стороны, в стране начался экономический рост, необходимость в распределении продовольствия отпала, триста тысяч обещанных домов были построены, производственные отношения наладились, опасность забастовки или какого-либо трудового конфликта стране не угрожала. Говорили, что эта политика «потакания рабочему классу» отвечала стремлению Черчилля обеспечить в стране спокойную социальную обстановку, чтобы всецело посвятить себя внешней политике. Апофеозом карьеры старого слуги монархии стала коронация Елизаветы II в июне 1953 года, ознаменовавшая начало новой, «елизаветинской эпохи». На церемонии премьер-министр

щеголял в форме губернатора пяти портов и выражал свою почтительность молодой государыне.

Тем не менее снежный ком вопросов и сомнений нарастал. Как-то, допоздна засидевшись с премьер-министром на борту «Королевы Мэри», лорд Маунтбеттен записал в своем дневнике: «Мое впечатление от встречи с Великим старцем: он сильно постарел»^{341}. Черчилль знал, о чем шепчутся у него за спиной, а именно о том, что он стал намного ниже ростом, что в мирное время он не годился для исполнения обязанностей премьер-министра. Иными словами, лучше бы он доверил управление страной человеку более молодому. Все это выводило Черчилля из себя. По правде говоря, мало кто из консерваторов отваживался открыто говорить с ним об этом или даже намекать ему на отставку. Другие трусливо ждали, что премьер-министра вот-вот хватит какой-нибудь удар.

Лишь у его зятя Кристофера Сомса достало мужества и любви быть с ним одновременно искренним и осторожным. Впрочем, в окружении премьер-министра именно Соме занимал отныне центральное место, тем более что Черчилль перенес на него отцовскую любовь, которой никогда не выказывал к Рандольфу — слишком часто они с сыном ссорились и не понимали друг друга. Пожалуй, Роберт Бусби, один из ближайших товарищей Черчилля, наиболее беспристрастно отозвался о его деятельности на посту премьер-министра с 1951 по 1955 год. «После войны, — объяснил он, — Черчилль раз или два поразил всех своей проницательностью [вероятно, Бусби намекает на Фултон и Цюрих], но он совершил ошибку, вновь став премьер-министром. Он перепутал преходящий гражданский долг и вечную славу, ведь он не мог снова подняться на вершину, которой уже достиг однажды»^{342}.

Если обратиться к исторической последовательности событий, то начало спору положил врач Черчилля, лорд Моран. Сразу после смерти своего пациента он опубликовал собственные «Мемуары», где утверждал, что на протяжении нескольких последних лет физическое состояние Черчилля никуда не годилось, что он был не в состоянии надлежащим образом исполнять обязанности главы государства. Признание доктора Морана вызвало ожесточенную полемику, поскольку семья и друзья покойного сразу же опротестовали заявление человека, который никогда не принадлежал к числу поклонников Черчилля и которого погоня за наживой заставила нарушить профессиональную тайну. В чем не приходится сомневаться, так это в том, что в период с 1951 по 1955 год Черчиллю так и не удалось вновь стать бесспорным лидером правительства, как во время

войны. Однако несмотря на insult, поразивший Черчилля в 1953 году, было бы нелепо и неправильно представлять его одряхлевшим лидером минувших дней или даже «маразматиком», как некоторые осмеливались утверждать. Генри Пеллинг справедливо заметил, что пока Черчилль был хозяином резиденции на Даунинг стрит, именно он, вне всякого сомнения, «приводил в движение правительство» и именно «его тщательно продуманные речи определяли политический курс»^{343}.

Лебединой песней Черчилля стало его продолжительное выступление в палате общин 1 марта 1955 года, за несколько дней до отставки. Премьер-министр доказал, что его ораторскому мастерству не страшны ни возраст, ни болезни. В заключение своей речи корифей британской политики воскликнул, обращаясь к растроганной и восхищенной аудитории: «Быть может, наступит день, когда восторжествуют терпимость и любовь к ближнему, справедливость и свобода, — тогда страждущие ныне поколения обретут покой, преодолев и избавившись от всех несчастий, омрачающих наше существование. А до тех пор не сдавайтесь, не поддавайтесь унынию и никогда не отчаивайтесь!»^{344}

*

В британской внешней политике — излюбленной области приложения сил премьер-министра — в период с 1951 по 1955 год преобладали три основные стратегические задачи. Первая была связана с упорным, неумным желанием Черчилля пробудить к жизни англо-американский союз. Вторая касалась процесса деколонизации и судьбы Империи. И, наконец, третьей задачей, которой, наряду с обороной Европы и перевооружением Германии, Черчилль уделял все больше внимания, было ослабление напряженности в отношениях с Восточной Европой.

Что касается «особых отношений» с Соединенными Штатами, занимавших центральное место в политическом кредо Черчилля (в чем мы уже не раз имели возможность убедиться), то премьер-министр считал политику лейбористов в этой области порочной. Поэтому он вознамерился исправить положение и добиться потепления в отношениях двух стран. О предпочтении Черчилля свидетельствует следующий факт: не прошло и двух месяцев после его прихода к власти, как он уже отправился в Вашингтон на переговоры с президентом Трумэном, состоявшиеся в январе 1952 года. Спустя ровно год британский премьер снова поспешил в

американскую столицу — побеседовать с вновь избранным генералом Эйзенхауэром. В конце того же 1953 года состоялась трехсторонняя встреча на Бермудских островах, в которой участвовали Великобритания, Соединенные Штаты и Франция. Наконец, летом 1954 года Черчилль вновь совершил путешествие за океан. Всякий раз, пытаясь склонить собеседника на свою сторону, он делал ставку на силу своего обаяния и дар убеждения, однако при этом упускал из виду, что соотношение сил сильно изменилось со времен антигитлеровской коалиции. Вот почему, несмотря на то, что его всегда принимали очень тепло и с большим почтением, результаты этих визитов были практически равны нулю.

В то время американские официальные лица, по правде говоря, почти не доверяли англичанам. В Вашингтоне опасались, как бы коварные британцы под видом «особых отношений» не использовали Соединенные Штаты в интересах Британии. Встреча Черчилля с Трумэном в январе 1952 года отнюдь не была успешной, достичь взаимопонимания двум лидерам так и не удалось. Американский президент совершенно не переносил юмора и напыщенного красноречия своего собеседника. Британскому же премьер-министру пришлось сказать скрепя сердце, что «особые отношения» Британии и США стали как никогда прочными, влившись в многосторонние отношения внутри Североатлантического союза. Впрочем, сверившись с информацией, собранной его сотрудниками, Трумэн стал очень осторожно относиться к многочисленным уловкам и подвохам, скрытым в речи гостя^[345].

Черчилль надеялся, что с Эйзенхауэром будет проще договориться, учитывая то обстоятельство, что они были старинными приятелями еще с военных времен. Однако вскоре премьер-министра постигло разочарование: разногласий становилось все больше, тем более что ему пришлось иметь дело не только с президентом, но и с непреклонным, словно фанатичный пастор, Джоном Фостером Даллесом, который был совершенно равнодушен к «великой стратегии» дальновидного Черчилля. К тому же британский гость сильно недолголюбил Даллеса и даже придумал злую шутку про него: «*Dull, Duller, Dulles*»^[42]. В конце концов в беседе со своим секретарем Колвиллом Черчилль назвал Эйзенхауэра «тупым, бесхребетным»^[346] типом. Тем не менее пришлось признать очевидное: чувствительности британского премьер-министра не было места в жестких условиях реальной политики. Что же касается конференции на Бермудских островах, на которую так надеялся Черчилль, но открытие которой не раз откладывалось по вине французской стороны и

в целесообразность которой не верили ни Эйзенхауэр, ни государственный департамент Соединенных Штатов, то она не принесла никаких существенных результатов, и по ее завершении все стороны остались при своем мнении.

В действительности Черчилль рассчитывал на те козыри, которыми реально располагало Соединенное Королевство, и в первую очередь — на атомную бомбу, испытания которой успешно завершились в конце 1952 года. Теперь у жителей Великобритании было собственное оружие устрашения. В отношении Европы Черчилль по-прежнему стоял на своем. Несмотря на то, что он полностью поддерживал вступление Германии в Североатлантический альянс, для развития отношений с континентом с британской стороны не было предпринято никаких шагов. А ведь еще совсем недавно, блистая красноречием, Черчилль произносил пылкие тирады в защиту Европы и всевозможных союзов — Британии с Европой, Европы с Америкой... К сожалению, эстафету у Черчилля приняли его молодые последователи — Иден и Макмиллан, продолжившие «островную», в чем-то даже империалистическую линию в политике, не подразумевавшую развития отношений с остальной Европой.

Вскоре Черчилль наметил себе новую миссию, выполнению которой преимущественно и посвятил свои силы. В 1953 году после смерти Сталина премьер-министр задался целью организовать встречу на высшем уровне между Востоком и Западом, с тем чтобы разрядить сложившуюся в мире напряженную обстановку и устранить угрозу ядерной войны, одна мысль о которой повергала его в ужас. Черчилль называл это «правом прохода по чужой земле» и надеялся таким образом разжать тиски холодной войны и затормозить разрушительную гонку вооружений. Свой план он изложил в палате общин 11 мая 1953 года в памятной речи, получившей широкий общественный резонанс. «Нужно, — заявил он тогда, — как можно скорее провести конференцию на высшем уровне и пригласить на нее все ведущие державы мира. Повестка дня этой конференции не должна быть слишком насыщенной и жесткой, а идея самой конференции не должна потеряться в бесконечном лабиринте организационных моментов. Кроме того, следует максимально ограничить число стран-участниц и состав их делегаций. Конференция должна носить неофициальный характер и не должна вызывать ажиотажа в прессе. Скорее всего, вряд ли эта встреча закончится подписанием какого-либо официального договора, но участники конференции должны осознать: человечество могло бы заняться более полезными делами, нежели разжиганием межнациональной розни»^[347]. Судя по всему, Черчилль

продолжал верить, как и во время войны, в эффективность личных встреч между высокопоставленными чиновниками и не хотел поручать ответственные переговоры профессиональным дипломатам.

Тогда план Черчилля, на который он возлагал большие надежды, так и не осуществился. С одной стороны, возражениям американцев не было конца, с другой — конференцию со знанием дела саботировали кремлевские чиновники. Между тем внезапно Черчилля поразили тяжелейший инсульт. Случилось это месяц спустя после его выступления в палате общин. Болезнь помешала премьер-министру бороться дальше за ослабление международной напряженности. И все же пораженный инсультом премьер-министр, управлявший Англией в пору ее заката, оказался прав. Его плану суждено было осуществиться в будущем. В этом отношении Черчилль стал предтечей, предугадавшим возможность налаживания отношений с Востоком. Впоследствии Хрущев признал эту заслугу британского премьер-министра. Таким образом, Черчилль одновременно был зачинателем и холодной войны, и процесса ослабления международной напряженности.

Что касается вопроса деколонизации, то закоснелый империалист, каковым всегда являлся потомок герцога Мальборо, из всех сил старался затормозить центробежные силы, приводившие в действие процесс обретения независимости. Статус республики получил Пакистан, в Африке Нигерия и Гана добились самоуправления. В Кении из-за мятежа племени мау-мау белые колонисты оказались в опасности, однако Черчилль, вероятно, вспомнив, как когда-то гостил в племени кикиулу в бытность свою заместителем министра по делам колоний, приказал не применять к повстанцам слишком суровых мер.

В центре внимания, тем не менее, оказались Египет и Суэцкий канал. Здесь Черчилль выступал против всякой «политики умиротворения». Он исходил из политического и стратегического значения британской военной базы, расположенной в зоне канала. В равной мере был важен и психологический аспект, ведь эта база символизировала преимущественное положение британцев по отношению к остальным «странам-претендентам» на господство на Ближнем Востоке. Одно время Черчилль даже подумывал о создании англо-американо-египетского кондоминиума, однако Вашингтон сразу же отказался участвовать в этом проекте. В действительности Черчилль, всегда с симпатией относившийся к евреям, рассчитывал прежде всего на помощь Израиля в поддержании порядка в регионе.

Тем временем разногласия, то и дело возникавшие между премьер-министром и министром иностранных дел, все больше обострялись. В

зависимости от конкретного вопроса политики, чьи позиции неизменно различались, постоянно менялись ролями. Если речь шла о Египте и Суэцком канале, то Черчилль выступал в роли «ястреба», то есть сторонника агрессивной политики, тогда как Иден представал в роли «голубя» — сторонника мирной политики. Если же речь шла о Советском Союзе и попытках ослабить напряженную обстановку в мире, премьер-министр превращался в самого мирного «голубя», а Иден прибавлялся к стае «ястребов».

*

Дружелюбное отношение Черчилля к Израилю, о котором упоминалось выше, имело долгую историю, начало которой было положено еще в начале века. Премьер-министр в самом деле очень рано проявил себя как «отъявленный» юдофил. Еще будучи молодым депутатом от Северо-Западного Манчестера (с 1906 по 1908 год), где доля евреев в электорате была довольно велика, будущий премьер-министр осудил погромы в России и выступил в поддержку заселения Палестины евреями. Симпатизируя Богом избранному народу, Черчилль с большим энтузиазмом приветствовал заявление Бальфура: в ноябре 1917 года Бальфур от лица британского правительства пообещал создать «еврейский национальный очаг» в Палестине. Будучи министром по делам колоний (с 1921 по 1922 год), Черчилль посетил Иерусалим, поощрил политику иммиграции и поддержал сионистские организации. В тридцатые годы он подверг жесткой критике медлительность и непоследовательность британских властей, проводивших то проарабскую, то проеврейскую политику.

Начиная с 1933 года Черчилль постоянно выступал против нацизма, клеймя в первую очередь гитлеровский расизм. В своих речах и статьях он сурово осуждал травлю евреев в Германии. После того как Германия присоединила к себе Австрию, Черчилль пришел в негодование, узнав о применении в Австрии расистских законов^[348]. Именно во время войны Черчилль проявил себя как наиболее активный противник нацистского геноцида и наиболее внимательный к судьбе евреев участник антигитлеровской коалиции. В феврале 1941 года он встретился с лидером сионистов Хаимом Вейцманом, напомнившим ему об обещаниях британцев (на данном этапе премьер-министр намеревался выделить евреям территорию на западе Палестины, возможно, внутри арабского государства). Черчилль выразил свое сожаление о судьбе евреев в Европе,

скорбно заметив при этом: «Со времен вторжения монголов в XVI веке Европа не знала такого безжалостного, методичного убийства огромного числа людей. Мы являемся свидетелями неслыханного преступления»^{349}. Между тем безжалостные депортации евреев продолжались, и Черчилль не смог удержаться от грозного предупреждения: «Когда пробьет час освобождения Европы, пробьет и час расплаты».

В британском правительстве никто не разделял точку зрения премьер-министра, тем более что Иден, возглавлявший министерство иностранных дел, проводил проарабскую политику. Тем не менее Черчилль заявил своим министрам, что после победы над фашизмом Великобритания и Соединенные Штаты должны будут поспособствовать созданию еврейского государства в несколько миллионов граждан и что он, премьер-министр, от этого не отступится. Летом 1944 года Черчилль оказывал сильное давление на военное ведомство, пытаясь заставить его создать еврейскую бригаду, однако создание бригады затянулось из-за сложностей со знаменем. В то же время премьер-министр не раз пытался, насколько это было возможно, добиться сокращения числа жертв среди евреев и обеспечить наказание палачей. Именно тогда он написал Идену: «Вне всякого сомнения, это самое чудовищное, самое ужасное преступление за всю историю человечества. И это преступление было совершено посредством научных методов, разработанных людьми, которые называют себя «цивилизованными», оно было совершено во имя великого государства, во имя одного из ведущих народов Европы. Само собой разумеется, что авторы этого преступления, которые попадут к нам в руки, включая тех, кто убивал, выполняя приказ, должны будут поплатиться жизнью, как только их причастность к убийству будет доказана»^{350}.

Тем не менее террористические акты, совершавшиеся еврейскими экстремистами, поставили под сомнение просионистскую позицию Черчилля. В конце 1944 года в Каире участником боевой группы «Штерн» был убит лорд Моин, министр-резидент Египта. Это событие вынудило Черчилля прервать переговоры с лидерами евреев. Впоследствии увеличение актов насилия со стороны боевых групп «Иргун» и «Штерн» вызвало гнев британского премьер-министра. Он осудил действия террористов, поставив их в один ряд с эсэсовцами. «Сионистский идеал, — заявил Черчилль с трибуны палаты общин, — не должен померкнуть под дулами пистолетов. Нельзя допустить, чтобы он утонул в море крови, пролитой бандитами, которые ничем не отличаются от нацистов»^{351}.

Однако по мере того как ситуация в Палестине осложнялась, Черчилль

все больше убеждался в том, что выхода из этого порочного круга не было. Он не видел возможности удержать Палестину в составе Британской империи. Впрочем, это была единственная территория, с которой Черчилль согласился бы расстаться. Премьер-министр видел только один выход из создавшегося положения — передать мандат Британии на территорию Палестины Организации Объединенных Наций. Это, в свою очередь, подразумевало раздел многострадального края и создание государства Израиль, чему Черчилль был искренне рад. Отныне он стал другом и преданным поклонником вновь созданного государства, которому оказывал поддержку и покровительство в любой ситуации. Об этом красноречиво свидетельствует письмо, направленное премьер-министром президенту Эйзенхауэру накануне Суэцкого кризиса: «Я являюсь убежденным сионистом с тех пор, как Бальфур сделал свое памятное заявление. Замечательно, что эта маленькая еврейская колония получила возможность приютить своих гонимых соплеменников из разных уголков земного шара и в то же время стать самой сильной военной державой в своем регионе»^{352}.

*

У «великого старца» оставалось только одно важное дело — уйти со сцены, раз и навсегда отречься от власти, вернуться к обычной жизни обычного гражданина. Нельзя не признать, что последние месяцы общественной жизни Черчилля были окрашены некой патетикой: с одной стороны, современники восхищались им и глубоко его почитали, с другой — их раздражало старческое упрямство, с каким он пытался удержаться на плаву. Вот почему осенью 1954 года и зимой 1955 года Альбион окутала легкая дымка грусти. Вот почему звезда великого человека угасала в агонии. В стране складывалась нездоровая атмосфера более или менее нетерпеливого ожидания.

В сущности, вопрос наследования Черчиллю на посту лидера партии консерваторов и на посту премьер-министра был решен уже много лет назад. Все были уверены в том, что наследником станет Энтони Иден, так долго ждавший своего звездного часа в обстановке растущей нервозности и опасения лишиться заветного «наследства». Однако здоровье подвело главного претендента, да и его отношения с премьер-министром уже не один месяц были откровенно враждебными. Кроме того, Иден, всегда находившийся в тени Черчилля, был тонким знатоком дипломатии, но, кто

знает, хватило бы у него энергии противостоять целому комплексу проблем, особенно проблем в области внутренней политики, экономики и социального сектора? Черчилль сам день ото дня все больше сомневался в целесообразности назначения Идена премьер-министром. «Не думаю, что Энтони с этим справится», — поделился он своими опасениями с секретарем накануне отставки^{353}.

К тому же старый лис британской политики злорадно затягивал напряженное ожидание и вовсе не торопился объявить во всеуслышание имя своего «наследника». Его никто не торопил, он сам волен был выбрать дату оглашения своего «завещания». Журналист Хью Мэссингем проницательно заметил: «У Уинстона на руках все козыри. Сместить его невозможно. Ни у министров, ни у кого бы то ни было не хватит ни сил, ни смелости заставить его уйти прежде, чем он сам этого пожелает»^{354}. Впрочем, у какого актера, привыкшего к первым ролям, не перехватывает дух при мысли о том, что рано или поздно придется проститься со сценой? Как-то Черчилль спросил об этом свою дочь Сару, опытную актрису: «Что ты чувствуешь, когда спектакль окончен? Ты, наверное, ненавидишь этот момент?» Сара почувствовала, что должна ответить утвердительно^{355}. Тем не менее великий политик XX века знал предел своих возможностей. Об этом свидетельствует признание, сделанное им во время разговора с Р. А. Батлером: «Я чувствую себя, словно старый аэроплан, который в сумерках заходит на посадку с почти пустым баком и в темноте ищет надежную посадочную площадку»^{356}.

Наконец Черчилль решился. 13 ноября 1954 года он отметил свой восьмидесятый день рождения. В знак народной признательности и благодарности монарха премьер-министр был пожалован орденом Подвязки. Таким образом, сэр Уинстон Черчилль стал очередным кавалером этого почетного ордена. И сразу же началась череда пышных празднеств, во время которых премьер-министру оказывались всяческие знаки уважения и почитания, а в Вестминстере даже был организован вечер вручения подарков, присланных со всех концов света. На этом приеме присутствовали члены обеих палат парламента.

Итак, Черчилль решил подать в отставку 5 апреля 1955 года. Накануне на торжественном ужине в резиденции премьер-министра на Даунинг стрит присутствовали королева, герцог Эдинбургский, все семейство Черчиллей и целая армия старых друзей. В полдень 5 апреля Черчилль в последний раз председательствовал на совете министров, после чего отправился в Букингемский дворец и подал прошение об отставке

Елизавете II — Британия перевернула еще одну страницу своей истории.

Сумерки сгущаются: 1955—1965

Сразу же после того, как прошение, поданное Черчиллем об отставке с поста премьер-министра, было принято, он отправился на Сицилию рисовать местные пейзажи. Само собой разумеется, помимо живописи у него было много других занятий. Ему предстояло завершить «Историю англоязычных народов», его все время куда-то приглашали, причем приглашения приходили как из Англии, так и из-за границы. Деликатные родственники и друзья окружали удалившегося на покой премьер-министра заботой и вниманием. Однако несмотря на то, что за Черчиллем сохранился статус политического лидера мирового масштаба, он пребывал в подавленном настроении. Что все эти почести в сравнении с властью, с ответственностью, с большой политикой?! Однажды, когда Клемми пыталась образумить своего упрямого супруга и примирить его с новым образом жизни, он в ответ процитировал Клемансо: «У меня остались мои когти!» — «Да, но что ты с ними будешь делать?» — «Ничего. Они будут со мной, пока я жив»^[357]. В конце 1958 года произошло событие, наполнившее Черчилля гордостью: генерал Де Голль вручил ему орден участника движения Сопротивления. Церемония награждения проходила в саду Матиньонского дворца — Де Голль в то время возглавлял совет министров.

Понемногу Черчилль впадал в меланхолию. И хотя о возвращении «черной собаки» говорить было еще рано, тем не менее его все чаще охватывало уныние и терзали сомнения. На то были две причины. Во-первых, здоровье старого политика заметно ухудшилось. Сам Черчилль, прекрасно отдававший себе отчет в своем состоянии, с грустью признавал, что у него уже не было тех физических и моральных сил, которые питали некогда его бьющую ключом энергию. К тому же прогрессирующая глухота возвела барьер между ним и остальным миром. Для него это было тем более тягостно, что он терпеть не мог слуховых аппаратов и упорно отказывался ими пользоваться. Другим поводом для огорчения стало понимание того, что Великобритания с каждым днем утрачивала свои позиции на мировой арене. Поражение, которое потерпела Англия в борьбе за Суэцкий канал, глубоко задело и унизило Черчилля, так же как и провал Идена. Кроме того, на сближение с Советским Союзом в ближайшем будущем рассчитывать не приходилось, политика «ветра перемен в

Африке», проводимая Макмилланом, не внушала Черчиллю доверия, скорее, наоборот, разочаровывала его. Мысль о том, что он столько лет работал напрасно, повергала его в смятение; как-то раз он признался своей кузине Клэр Шеридан: «Империи, в которую я верил, больше не существует»^{358}. Волей-неволей на ум приходят строки из романа «Саврола», написанного юным гусарским офицером: «Чувство усталости, отвращения к борьбе, жажды мира наполняло его душу. Еще немного — и в руках Савролы оказалось бы то, за что он так долго боролся, но он больше не видел в этом смысла»^{359}. Не менее показательной была и беседа Черчилля с дочерьми Дианой и Сарой, состоявшаяся на рубеже пятидесятих — шестидесятих годов. Дочери восхищались интересной, богатой приключениями жизнью отца, его книгами, его картинами — в ответ Черчилль ворчливо пробормотал: «Я много сделал, чтобы в конечном счете не сделать ничего»^{360}. Семья и друзья с грустью наблюдали за его медленным угасанием. Нелегко было смириться с тем, что от одного из самых великих людей в истории человечества осталась лишь жалкая тень.

Теперь большую часть времени Черчилль проводил в Чартвелльском поместье, предпочитая его даже дому на Гайд-парк Гейт. Клементина уже давно смирилась с этим затерявшимся в кентской зелени особняком, а вот юг Франции и особенно Ривьеру она просто не выносила. Каждый из супругов вносил собственный вклад в улучшение чартвелльского сада, кроме того, у каждого был свой любимый уголок — площадка для игры в крокет у Уинстона и розарий у Клементины, — который они холили и лелеяли. В Чартвелле Черчилли чаще всего встречали Рождество, тихо и мирно, в кругу семьи. В сентябре 1958 года Уинстон и Клемми отметили свою золотую свадьбу. Из всех детей, пожалуй, лишь дочь Мэри вместе с мужем Кристофером Сомсом окружала их самой нежной заботой и любовью. «Дорогой папа, я Вас так люблю, — писала Мэри отцу. — Мне тяжело видеть, что Ваша жизнь стала такой печальной и бесцветной. По крайней мере, надеюсь, Вы чувствуете, как все Вас любят. Вы с мамой столько значите для стольких людей!»^{361}

*

Теоретически Черчилль не оставил политику и при случае даже появлялся в палате общин, но, увы, лишь как скромный депутат от Вудфорда: избиратели этого округа дважды переизбирали его на выборах в

законодательное собрание — в 1955 и 1959 годах. В конце концов, уступив настойчивым увещаниям Клемми, в 1963 году Черчилль решил объявить своим верным избирателям из Вудфорда, что на следующих выборах он не выставит своей кандидатуры. Так завершилась необыкновенно долгая парламентская карьера Черчилля — он заседал в палате общин более шестидесяти лет с небольшими перерывами — с 1900 по 1922 год и с 1924 по 1964 год. Сам Черчилль любил говорить: «Я сын палаты общин».

Была у удалившегося от дел политика и другая причина время от времени появляться на людях: открытие Кембриджского колледжа, которому было присвоено его имя. Однако ни создание, ни дальнейшее развитие колледжа не тронули сердца Черчилля. Новое учебное заведение было предназначено для проведения передовых исследований в области естественных наук, а также для хранения архивов и документов, касающихся жизни и деятельности великого политика. Кембриджский колледж открылся в конце пятидесятых годов. Во время церемонии закладки первого камня в 1959 году Черчилль собственноручно посадил дуб на территории колледжа. Мемориальная доска в память об этом событии была открыта в 1964 году герцогом Эдинбургским в присутствии Клементины Черчилль.

Помимо Чартвелльского поместья и Лондона, Черчилль любил ездить на юг Франции. Там он пребывал подолгу. Местные пейзажи действовали на него, словно сеанс укрепляющего гипноза, будь то красоты Прованса или Лазурного Берега, Экс-ан-Прованса или Ментоны. Там Черчилль гостил у лорда Бивербрука на его роскошной вилле «Ла Каппончина», а еще чаще — у Эмери Ривза, еврея венгерского происхождения, получившего британское гражданство и со знанием дела занимавшегося авторскими гонорарами Черчилля, причитавшимися ему за опубликованные в газетах статьи и за «Историю англоязычных народов». Жилище Ривза, а справедливее было бы сказать, его дворец «Ла Поза» возвышался над Ривьерой от Монте-Карло до Ментоны. Многие годы Черчилль лелеял мечту купить себе симпатичный домик в этом живописном уголке Франции, покоровшем его сердце. Увы, «вилла мечты» так и не стала явью.

Осенью 1958 года Черчилль отправился в первое из многочисленных морских путешествий, совершенных им в сопровождении и по приглашению Аристотеля Онассиса, «Ари», и его жены Тины. Черчилль всегда любил море. На борту «Кристины», самой красивой яхты в Европе, он пересек все Средиземное море — от Тирренского моря до Эгейского и даже побывал на Антильских островах. Во время путешествия по

Адриатическому морю в июле 1960 года недалеко от порта Сплит Черчилль встретился с маршалом Тито. Маршал принял гостя весьма учтиво в своей роскошной летней резиденции и был на удивление предупредителен. На яхте Онассисов Черчилль плавал и к уже знакомым ему берегам — Марокко, Швейцарии...

*

Между тем здоровье Черчилля ухудшалось. Во время войны у премьер-министра было несколько приступов, в том числе два-три очень серьезных, от которых тем не менее он вполне оправился. Оправился он и от страшного инсульта, поразившего его 23 июня 1953 года во время близившегося к концу торжественного ужина в честь Альчидо Де Гаспери, председателя итальянского совета министров. Черчиллю удалось справиться с последствиями этого приступа, и в целом можно сказать, что, несмотря на периодические ухудшения, до 1957 года здоровье прошедшего огонь и воду политика оставалось вполне удовлетворительным. Однако начиная с 1958 года ситуация заметно ухудшилась. Упадок сил, прежде всего физических, ознаменовал начало конца. Конечно, он пока еще не превратился в дряхлого старика, не контролирующего своих действий, да и проблески сознания, сопровождавшиеся резкими замечаниями, еще случались. Однако Черчилль уже ничего не слышал, все чаще что-то забывал и после каждого обострения болезни хотя и поправлялся, но чувствовал себя хуже, чем до приступа. В 1956 году Черчилля подкосил новый инсульт, в 1958-м — воспаление легких, а в 1962 году он упал и сломал бедро — это происшествие на несколько недель приковало его к постели.

Разумеется, он мог читать, играть в карты — его любимой игрой был безик^{362}. Однако ему все труднее было убить время, он все чаще подолгу хмуро молчал и то и дело спрашивал, который час, а потом говорил, что стрелки часов движутся слишком медленно^{363}. Черчилль то пребывал в ясном сознании, то его разум затуманивался, он часто впадал в оцепенение, тем не менее он не любил оставаться один. Впрочем, нередко случалось, что рассудок Черчилля прояснялся, и, по словам дочери Мэри, в такие минуты он говорил своим близким, пришедшим с ним посидеть: «Простите меня, я сегодня не очень занятный собеседник»^{364}.

В январе 1965 года состояние Черчилля сильно ухудшилось, его

мучили судороги, разум почти угас. В ночь с 9 на 10 января сильнейший инсульт поразил его мозг, после этого он уже не выходил из полубессознательного состояния. Состояние Черчилля было критическим, родные даже позвали священника. Известие об этом несчастье распространялось по миру, словно искра по бикфордову шнуру. Люди молча толпились перед Гайд-парк Гейт. 24 января 1965 года в восемь часов утра жизнь Уинстона Спенсера Черчилля оборвалась. В тот же день и час, но только шестьдесят лет назад ушел из жизни его отец... Едва узнав об этом, генерал Де Голль от лица всего французского народа выразил соболезнования королеве Елизавете II. Вот строчка из его телеграммы: «В минуты великих испытаний он был самым великим из нас»^[365].

Глава девятая

СЛОВО, ВЕРА И БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ

Сила слова

Черчилль был мастером слова, гением риторики. Он не просто изъяснялся на удивление красноречиво — подобно римскому или французскому оратору, он воплощал лучшие традиции британской политики. И это в палате общин, где обычай требовал, чтобы обсуждения напоминали джентльменскую беседу, где ораторские изыски казались неуместными, а приветствовалась, напротив, сдержанность высказываний.

За свою долгую карьеру Черчилль тем не менее успел попробовать себя во всех риторических жанрах: блистал красноречием с парламентской трибуны в Вестминстере, клеймил близорукость властей во время народных митингов, был трибуном в полном смысле этого слова, сыпал шутками, завоевывая любовь сограждан в разных уголках Королевства, выступал на Би-би-си. Если не брать в расчет Ллойда Джорджа в начале века и Бивена — в середине, то никто из британских государственных деятелей XX века не мог сравниться с Черчиллем в красноречии. Все его речи, произнесенные за более чем шестидесятилетнюю парламентскую карьеру, составляют восемь толстых томов и насчитывают приблизительно четыре миллиона слов — в среднем Черчилль произносил по одной речи в неделю.

Еще будучи совсем юным, Уинстон всерьез заинтересовался ораторским искусством. К примеру, был найден составленный им в 1897 году текст, долго остававшийся неизданным, под названием «Помост риторики»^{366}. Дело в том, что в арсенале Черчилля ораторское искусство было самым важным оружием. Он считал, что власть слова и просто власть тесно связаны друг с другом: разве не может искусный оратор завладеть умами и сердцами внимающих ему людей?

Однако в начале своего тернистого пути юный честолобец страдал из-за своих серьезных (для оратора) недостатков: легкого врожденного сюсюканья (постепенно Черчиллю удалось от него избавиться), малопривлекательного голоса, низкого роста, умалявшего вдохновенный порыв, и, самое главное, от комплекса неполноценности. Черчилль не

учился в университете и потому чувствовал себя неуверенно с выпускниками Оксбриджа, постигшими в «дискуссионных клубах» университета секреты ораторского мастерства. Кроме того, Черчилль от природы не был красноречив, он должен был этому научиться. И он учился, постепенно, с большим трудом овладевая тайнами искусства управления словом. Наконец техника риторики покорила Черчиллю, и он стал настоящим Мастером слова.

Однако помимо недостатков у честолюбивого юноши были и свои козыри. Прежде всего он хорошо знал язык, его законы. С другой стороны, он был наделен превосходной памятью и мог заучивать наизусть очень длинные тексты. Черчилль стал это делать после того, как однажды, в апреле 1904 года, во время выступления в палате общин он вдруг потерял нить своей речи и был вынужден покинуть трибуну, бормоча и не решаясь заговорить снова. Он занял свое место в зале, слыша со всех сторон насмешливые замечания в свой адрес. Черчилль усвоил этот урок и, чтобы никогда больше не подвергаться такому унижению, решил заучивать свои речи. Отныне он тщательно продумывал текст каждого своего выступления и часами репетировал перед зеркалом, запоминая каждое слово. Случалось, он громовым голосом, нараспев декламировал свои монологи, лежа в ванне. Черчилль принимал меры предосторожности и во время самого выступления — всегда держал под рукой стопку конспектов, чтобы в случае чего не ударить в грязь лицом.

Тем не менее надо заметить, что ораторская карьера Черчилля началась не сразу, а только после публикации его книги «Война на реке» в 1899 году. До тех пор офицер-репортер Черчилль писал свои книги собственной рукой от первой до последней строчки. Он был талантливым рассказчиком, писал легко, хорошо излагал свои мысли — все это воплощалось в живой, образный стиль, пробуждавший воображение читателя и не чуждавшийся при случае больших исторических обобщений. Все эти качества можно найти и в последующих произведениях Черчилля, однако техника его при этом полностью изменилась. Дело в том, что начиная с 1900 года он перешел от письменного стиля к стилю устному. Отныне Черчилль не писал сам, он только диктовал — и речи, и книги, а секретарь переписывал каждую фразу, если Черчилль решал ее переделать, изменить аргументацию, находил более удачные формулировки... Поэтому в его новых произведениях появилось множество напыщенных фраз — фраз, в которых перемешалось трагическое и комическое, яркость стиля и фамильярность. По словам Вайолет Бонем-Картер, «он не стеснялся обыгрывать простые, всем известные истины, которые у других авторов

показались бы лишь общими местами. Это был его драгоценный дар, который никогда ему не изменял. Кроме того, он не боялся прибегать к высокому стилю, он не боялся высокопарных слов. В то время как другие, — продолжает Вайолет, — без колебаний назвали бы его слог напыщенным, а его самого — фразером, на самом деле в красноречии Уинстона не было ничего ложного, надуманного или искусственного. Это была его обычная, естественная речь»^[367].

В богатейшей палитре Черчилля-оратора надо отметить любовь к коротким фразам, а еще больше — к односложным словам. Черчилль прекрасно знал, что именно односложные слова сильнее всего врезаются в память слушателя, к тому же английский язык такими словами буквально изобилует. И напротив, Черчилль терпеть не мог прилагательные, понапрасну утяжеляющие речь. Ключевыми словами его первой речи в качестве главы правительства были: «кровь» (*blood*), «труд» (*toil*), «слезы» (*tears*) и «пот» (*sweat*). Вспомним его фразы, ставшие впоследствии крылатыми и неизменно присутствующие во всех биографиях Черчилля: «звездный час», «железный занавес». Часто на первый взгляд казалось, что удачные формулировки случайно приходили ему на ум в момент выступления, но это не так. Каждое меткое словцо было плодом долгих размышлений (секретарь Черчилля вел специальную тетрадь, в которую записывал все удачные мысли, приходившие шефу в голову).

К примеру, фраза «никогда еще за всю историю войн столь многие не были так обязаны столь немногим» из знаменитой речи во славу пилотов королевской военной авиации, написанной в августе 1940 года, также была обнаружена в предварительных набросках. В 1899 году в Олдеме, отмечая рост уровня жизни населения, Черчилль заявил: «Никогда еще в Англии не было столько жителей и никогда еще у них не было столько хлеба». Как-то в ходе предвыборной кампании 1922 года кандидат Черчилль произносил речь в Данди и решил добиться благосклонности избирателей, сославшись на политику, проводимую правительством, в состав которого он сам входил, во время кризиса в Чанаккале. Черчилль заявил, что благодаря официальной линии правительства были спасены сотни тысяч греков, подвергавшихся опасности со стороны турков в Константинополе и на юго-востоке Европы. «Никогда еще, — восклицал он, — в истории человечества не было такой крупномасштабной операции, спасшей жизнь стольким людям»^[368].

Наверное, иногда Черчилль просто не мог устоять перед соблазном вернуть меткое словцо или искрометную фразу, хотя изначально это и не

входило в его намерения. Черчилль был хорошим, тонким диалектиком, при случае он использовал этот дар для внушения оппоненту своего мнения. Кроме того, виртуозное владение словом сочеталось у него с талантом вести беседу. Его умение держать нить разговора в тесном кругу и на публике покоряло. Что же касается его способности находить удачные, часто довольно резкие ответы, то эта его черта буквально вошла в поговорку. В палате общин Черчилль мог осадить любого оппонента и даже поднять его на смех. Безусловно, добрая половина приписываемых ему афоризмов никогда им не произносилась, однако тех, автором которых он действительно являлся, вполне достаточно, чтобы его прославить или добавить блеска слагаемым о нем легендам.

Черчилль-агностик

Воспитанный, сообразно правилам своего круга, в лоне англиканской церкви, Черчилль, тем не менее, был человеком глубоко неверующим. Христианские вероучения, евангельские предписания были ему чужды, если только они не являлись социальными установлениями, заложенными в основу британской культуры, и стержнем британского национального духа. Черчилль верил в нечто другое — в Англию и Империю, еще, быть может, в науку и прогресс.

Конечно, в детстве Уинстона окрестили, а в 1891 году, в возрасте семнадцати лет, он прошел обряд конфирмации, однако причастился Черчилль лишь раз в жизни, в чем впоследствии и признался племяннику Шейну Лесли^[369]. В своей автобиографии выпускник Хэрроу в шутовском тоне рассказал о том, как в юности соблюдал религиозные обряды: «Даже во время каникул мне приходилось раз в неделю ходить в церковь. В Хэрроу каждое воскресенье было по три службы, а на неделе мы читали молитву по утрам и по вечерам. (...) Еще тогда я обеспечил себе такой кредит в банке набожности, что с тех пор мог преспокойно пользоваться своим счетом и в ус не дуть»^[370].

Начиная с 1897 года (Черчилль тогда служил в Индии) он отказался не только от соблюдения религиозных обрядов, но и от самой христианской веры. Он подменил ее равнодушием и светской гуманностью, ставшими для него ориентирами в жизни, хотя на людях по-прежнему соблюдал правила и обряды англиканской церкви, которые британская армия не столько любила, сколько была к ним приучена. «Я не приемлю ни

христианской веры, ни какой другой формы религиозных верований», — писал Черчилль своей матери. А вот строки из другого его письма: «Надеюсь, что смерть положит конец всему, я материалист до кончиков ногтей»^{371}. Надо сказать, что знакомство с Индией — страной, в которой перемешано множество верований и воздвигнуты храмы самым разным божествам, способствовало зарождению и укреплению в скептическом и релятивистском мозгу западного человека убеждения в том, что прежде всего нужно жить честно и достойно, выполняя свой долг, а не ломая голову над тем, к какой религиозной формации принадлежать. Впрочем, Черчилль любил повторять изречение Дизраэли: «Все разумные люди исповедуют одну и ту же религию». Недавно выяснилось, что Черчилль даже был франкмасоном в течение нескольких лет... В 1901 году его приняли в Стадхолмскую ложу, что находилась в Лондоне, из которой он вышел в 1912 году, причем этот опыт не сказался ни на его мировосприятии, ни на его карьере^{372}.

Изо всех христианских вероисповеданий Черчилль все же отдавал предпочтение англиканской церкви. Он одобрял ее открытость и дух терпимости («Ее заслуга в том, что она всегда принимала, а не отвергала разнообразия религиозных верований и воззрений») и ненавидел католицизм, этот «восхитительный наркотик, облегчающий страдания и прогоняющий тревогу, но при этом замедляющий развитие и лишаящий человека силы». В англиканской церкви Черчиллю нравилось то, что она не «погрязла в трясине догм», что в ней «гораздо больше разумного»^{373}. Временами казалось, Черчилль разделял точку зрения своих товарищей-офицеров, для которых в религии было, по крайней мере, два положительных момента: она помогала удерживать женщин в рамках морали, а «низшие классы» — в повиновении^{374}.

Однако несмотря на то, что Черчилль чувствовал себя превосходно, исповедуя такую своеобразную форму «светской» религии, соблюдая элементарные правила этики и не имея никакого определенного кредо, он, тем не менее, задавал себе вопросы о смысле жизни, о предназначении каждого приходящего в этот мир. Его сын Рандольф вспоминал, что не раз слышал, как отец задавался вопросом о цели бытия^{375}. Во время Первой мировой войны капитан (и будущий генерал) Спирс записал в своем дневнике содержание состоявшейся однажды вечером во Франции беседы с полковником Черчиллем. Судя по этим записям, полковник верил в то, что дух человека продолжает жить и после его смерти^{376}. Приблизительно о том же пишет и Джон Колвилл, ближайший соратник Черчилля. По его

словам, Уинстон-агностик с годами «поверил в существование высшей силы, сознательно влияющей на нашу жизнь. (...) Бесспорно, к старости он убедился в том, что конец жизни — это еще не конец всему»^[377]. Впрочем, эта перемена мнения нисколько не противоречила глубокому черчиллевскому пессимизму, которому немало было свидетельств и о котором так часто говорил доктор Уилсон Моран. Например, в 1943 году Черчилль утверждал: «Смерть — это прекраснейший дар, которым Бог может наградить человека», а вот что он говорил в 1954 году: «Гнусный мир! Если бы мы заранее знали, что нас здесь ждет, никто не пожелал бы появляться на свет!»^[378]

Тем не менее наше суждение было бы однобоким, если бы мы свели представление Черчилля о религии к одной поверхностной и в целом очень ограниченной концепции. Для него феномен религии был основополагающим как социокультурное явление. Черчилль хранил, по крайней мере, внешнюю верность верованиям предков потому, во-первых, что англиканская церковь представляла собой основной институт Королевства, ведь именно она определила его историю и выковала дух британского народа. А Черчилль заботился о том, чтобы сохранить в неприкосновенности все ценности прошлого, которые стоит сохранять. Поэтому ему горько было видеть, как теряет актуальность или исчезает вовсе то, что покоилось на традициях, обычаях, этикете (все эти три термина сразу англичане обозначают одним словом «помпа» (*pageantry*)). Впрочем, в суматохе XX века, освободившегося от церковного влияния, религия могла бы послужить инструментом социального регулирования, контроля и поддержки. Возможно, перед лицом грозящих человечеству со всех сторон опасностей было бы целесообразно обратиться к высоким нравственным ценностям в поисках средств борьбы с окружающим хаосом. К примеру, в одной из записей, сделанной в 1925 году, Черчилль размышляет о судьбах мира и задает себе вопрос, что было бы, если бы религиозные верования не могли защитить человечество от ада «роботизации» и от использования оружия массового уничтожения^[379].

Более того, когда в 1940 году Англия осталась один на один с врагом, Черчилль, ни минуты не колеблясь, заговорил о спасении христианской цивилизации от нацистского язычества. В таком ракурсе англичане сразу же представляли эдакими доблестными рыцарями, на долю которых выпала миссия спасти от варварства традиции британского народа и всего христианства. Таким образом, девиз монарха, начертанный на всех британских монетах, — «*Defensor Fidei*»^[43] — получил новое звучание. В

1943 году, выступая в программе Би-би-си, Черчилль вновь вернулся к мысли о том, что британскую нацию следует определять с двух точек зрения — национальной и христианской. «В истории и характере британского народа, — утверждал тогда еще премьер-министр Черчилль, — религия всегда была краеугольным камнем, от которого англичане отталкивались в своих надеждах и устремлениях»^{380}.

*

Однако не в это верил Черчилль. Его религией, которую он действительно исповедовал и от которой никогда не отрекался, были британский народ и Империя. Вот с чем он связывал свои замыслы и упования. Всю свою жизнь Черчилль свято верил в величие Британии, в ее славное прошлое, в ее цивилизаторскую миссию. Об этом свидетельствует знаменитый отрывок из написанной им биографии герцога Мальборо. Этот отрывок напоминает торжественный гимн, прославляющий подъем Великобритании на фоне угасающего могущества Короля-Солнца, могущества, которое разрушил великий Джон Черчилль, — его победы установили новое соотношение сил в Европе.

«Если бы в 1672 году, — пишет Черчилль, — кому-нибудь пришла в голову мысль рассчитать соотношение сил между Францией и Англией, вывод получился бы неутешительным: наш слабый остров находился в унижительно зависимом положении — его поддерживали своим капиталом иностранные державы. Это положение усугублялось тем, что Европа сама была раздроблена и крайне слаба.

Ни один мечтатель, каким бы романтиком он ни был и какие бы безумные фантазии ни рождались в его душе, не мог предвидеть, что недалек тот день, когда под натиском огромных коалиций, вовлекших в битву все поколение, могучий французский колосс падет ниц, будет втоптан в пыль, а маленький островок начнет возводить свою империю в Индии и в Африке, отнимет у Франции и Голландии их колонии и выйдет из борьбы победителем, повелителем и господином Средиземного моря и всего мирового океана! Кто мог подумать, что этот островок возьмет с собой в дальний путь, словно святыню в раке, все свои законы и свободы, достижения науки и сокровища словесности, все те блага, которые сегодня стали самыми дорогими «фамильными драгоценностями» огромной семьи, имя которой — Человечество?»^{381}

Черчилль был истым викторианцем. Он родился накануне провозглашения королевы Виктории императрицей Индии, а в юности стал свидетелем двух пышных юбилеев королевы — золотого, отпразднованного в 1887 году, и бриллиантового, отпразднованного в 1897 году. Черчилль всегда оставался непоколебимым, бескомпромиссным, страстным патриотом, убежденным в том, что провидение доверило британским руководителям благословенную землю, хранительницу мировой цивилизации и прогресса. Вот почему черчиллевское понимание патриотизма было поистине сакральным. Бесспорно, его патриотизм не раз плавно переходил в национализм или в империализм, однако никогда — в демагогическую, тривиальную ксенофобию.

Вот почему на протяжении всей своей карьеры Черчилль гнал от себя мысль о неизбежном упадке Британской империи. Показательный тому пример: именно эту тему он выбрал для своего первого выступления перед собранием консерваторов в 1897 году. «Немало найдется людей, — говорил тогда Черчилль под восторженные рукоплескания слушателей, — утверждающих, что в этом году, когда мы празднуем юбилей нашей королевы, Британская империя достигла зенита могущества и славы и что отныне мы неизбежно вступим в полосу упадка, как это было с Вавилоном, Карфагеном, Римом... Не слушайте это воронье, накликающее беды и несчастья. Изобличайте во лжи их карканье, доказывайте собственными поступками, что силу и жизнелюбие нашего народа не искоренить, так же как и нашу решимость заставить уважать Империю, доставшуюся нам в наследство»^[382]. В самый разгар войны, сразу после победы при Эль-Аламейне, старый волк британской политики развил эту мысль во время торжественной церемонии, состоявшейся в символическом месте — лондонском Сити: «Я стал первым министром короля не затем, чтобы руководить процессом ликвидации Британской империи. Для этого, если однажды такая необходимость возникнет, пусть поищут кого-нибудь другого, а пока, раз уж у нас демократическое государство, я думаю, следовало бы спросить мнение народа»^[383].

*

Как уже было сказано выше, Черчилль верил не только в Империю и Англию, но и в науку и технический прогресс. И все же его любовь к науке и прогрессу была значительно слабее его страстной любви к родине.

Вспомним, ведь система взглядов Черчилля формировалась в основном в конце XIX века, то есть в викторианскую эпоху, когда идея прогресса была ключевой. Эта идея была тесно связана с процветавшим тогда в Англии сциентизмом: считалось, что знание сделало человеческую власть безграничной, крепла уверенность в грядущей победе разума и науки над невежеством, предрассудками и старыми верованиями. К этому оптимизму прибавился активно насаждавшийся морализм, который, как многие хотели думать, сочетал в себе добро и истину.

Вот в какой атмосфере вырос Черчилль. Идеям своего детства он волей-неволей оставался верен всю жизнь. В возрасте семи лет он уже с восторгом проводил первые в жизни опыты по смешиванию газов. Позднее химия стала одним из предметов, по которым он успевал и за счет которых поступил в Сэндхерст^{384}. Прогресс проник и в повседневный быт Черчиллей. Особняк лорда Рандольфа Черчилля в Уэст-Энде стал первым частным домом в Лондоне, освещенным электрическими лампочками^{385}.

Неудивительно, что любопытство Черчилля всегда было возбуждено, а его богатое воображение вечно рисовало ему какие-то удивительные картины. Он всегда испытывал повышенный интерес к новым механизмам, всевозможным техническим новинкам, к изобретениям и нововведениям, начиная с танка времен Первой мировой войны и заканчивая радаром и системой «Ультра», нашедших применение в борьбе с фашизмом. Кроме того, не стоит забывать о фантастических планах, один за другим рождавшихся в его изобретательном уме. Так, в 1943 году Черчилль разработал план «Хабакук», состоявший в том, чтобы превратить айсберги в плавучие непотопляемые базы военной авиации, покрыв их сверху огромными настилами из замороженных досок. Однако этот план сразу же был отвергнут благоразумными экспертами^{386}.

Добавим еще один, последний штрих к портрету: страсть Черчилля к истории. История человечества была для него не просто историей пути к спасению, он видел в ней, несмотря на все печальные факты — и в первую очередь трагедии XX века, — историю прогресса. Прогресса, лучшей иллюстрацией которого служила история Англии, прошедшей долгий путь развития от кельтских варварских племен и датских завоеваний до современной, процветающей Великобритании — светоча цивилизации, свободы и демократии. В этом отношении Черчилль был безоговорочным сторонником «либеральной концепции», согласно которой история развивалась линейно и была отмечена поэтапной победой эмансипации, триумфом реформ и предоставлением каждому — благодаря таким

документам, как Великая хартия вольностей или закон 1679 года о неприкосновенности личности — права свободно распоряжаться своей жизнью. Эта концепция звучала как нельзя более естественно в устах просвещенного отпрыска одной из знатнейших фамилий Британского Королевства, чьим призванием было служение государству и обществу.

Был ли Черчилль харизматическим лидером?

Кто осмелится утверждать, что Черчилль не обладал способностью подчинять окружающих своему влиянию, особенно в период с 1940 по 1945 год? Именно тогда во всей полноте раскрылись его ораторский талант, его дар владения словом и говорящим жестом, его способность вдохнуть в соотечественников неугасимую энергию. И все же, был ли он харизматическим лидером?

Известно, что Макс Вебер, пытавшийся объяснить природу необыкновенной духовной власти некоторых людей — политических лидеров, военачальников или священников, выделил три основных типа воздействия, оказывавшегося лидерами разных времен. Первый тип — это *традиционное* воздействие, основанное на вере в святость обычаев и законность правления тех, кто опирается на традицию. Второй тип — это *законное* воздействие, установленное разумным и законным путем и опирающееся на действующую конституцию и действующие институты власти. Наконец, *харизматическое* воздействие проявляется в преданности и покорности лидеру в силу его обаяния, личных качеств и исключительных талантов. Иными словами, некоему лидеру для того, чтобы завоевать авторитет, вовсе не обязательно строго следовать букве закона или традициям, он вполне может положиться на свой природный дар. В этом и заключается его обаяние, его харизма. Народ же, в свою очередь, «подчиняется лидеру, обладающему сильным характером, героическим мужеством или какими-либо другими особыми достоинствами». Речь идет о человеке-мессии, спасителе, «наделенном сверхъестественными, или сверхчеловеческими, или, по крайней мере (...), не свойственными большинству смертных способностями». Вот почему приверженцы «мессии» признают его своим лидером, почитают его, добровольно и инстинктивно встают под его знамена, влекомые исключительно его незаурядной личностью, верой и надеждой^[387].

Даже не вникая во все тонкости описания Макса Вебера, подчас довольно расплывчатого и туманного, стоит прибегнуть к его

эвристическому методу для пояснения особенностей личности Черчилля и раскрытия секрета его головокружительной карьеры. При этом вовсе не обязательно делать из него сверхчеловека, надо просто попытаться понять, как сумел этот исключительный человек, наделенный незаурядными способностями, в не менее незаурядных обстоятельствах завоевать авторитет, объединить вокруг себя своих соотечественников в едином, страстном и свободном порыве. Для этого мы располагаем красноречивыми статистическими данными: опросы Гэллапа показали, что премьер-министр, возглавивший страну в годы войны, пользовался постоянной, мощной поддержкой населения. Предпочтение Черчиллю отдавали от 88,5 процента британских граждан во второй половине 1940 года до 89 процентов в 1944 году. Небольшой спад народного доверия произошел в 1942 году (84 процента) и достиг пика в 1943 году (92 процента)^[388].

Оставим в стороне возражения против веберовской концепции харизматического лидера: согласно этим возражениям религиозная этимология слова «харизма» (Вебер действительно позаимствовал термины «харизма» и «божья благодать» в книге Рудольфа Соме «Церковное право», вышедшей в 1893 году) противоречит его употреблению применительно к современным политическим режимам. В действительности наиболее секуляризированные общества XX века не обходятся без церкви и веры, в особенности если религия принимает более светскую форму. Во многих странах, где еще сохранились чувства и признается добродетель верности^[389], это приводит к взаимопроникновению политики и религиозной сферы. Таким образом, если в либеральном или тоталитарном обществе появляется так называемый харизматический лидер, то граждане ему всецело доверяют, с благоговением внимают каждому его слову, с одобрением встречают каждую его инициативу и верят в его божий дар.

В случае Черчилля налицо как раз все три атрибута обладающего харизмой лидера — лидера, в котором есть искра божья^[390]. Во-первых, как лидер он наиболее полно раскрылся именно в кризисной ситуации, Вебер называет это периодом психологического, физического, морального и политического беспокойства. Кому же придет в голову отрицать, что именно такой период переживала Англия в 1940 году, когда ей грозило вражеское вторжение и разгром, а также в 1942 году, в кульминационные месяцы битвы за Атлантику? Именно божий дар помог премьер-министру в обстановке, пронизанной страхом, опасностью, отчаянием и предчувствием неминуемой катастрофы, найти путь к спасению. Черчилль, обладавший этой самой пресловутой харизмой, олицетворял собой избавление, он

психологически выправил ситуацию, подарил людям надежду вместо тревоги, вдохнул в них веру в успех, заразил их своим оптимизмом, передал им свой эмоциональный настрой. Вот такими способностями и должен обладать лидер, ниспосланный провидением для спасения своего народа. Такими способностями, вне всякого сомнения, обладал Черчилль.

Во-вторых, в трудную минуту между лидером и народом возникла сильнейшая эмоциональная связь, соединившая Черчилля и Британию узами почти мистической верности. В результате возник культ личности героя, облекший его высшей властью. И снова налицо все доказательства всеобщего и стихийного доверия британского народа премьер-министру Черчиллю. Не только результаты социологических опросов, но и свидетельства очевидцев и архивные документы единогласно подтверждают, что так оно и было с весны 1940-го по весну 1945 года. Судя по всему, это всеобщее благоволение продолжалось недолго. Его хрупкость и недолговечность подтвердились на выборах 1945 года, однако к тому моменту исторические условия в целом переменились — фашизм был разгромлен, другие факторы стали решающими и обусловили падение лидера. Зато в народной памяти нерушимые узы, связавшие Британию и ее героя в годы войны, продолжали существовать. Они существовали, пока герой был жив, они существуют и после его смерти.

В-третьих, этот божий дар необходимо было сделать явным для окружающих и возвести в степень культа. А уж в этом Черчиллю не было равных. В самом деле, искра божья, о которой идет речь, могла и погаснуть, поэтому тому, в ком она еще теплилась, необходимо было поддерживать ее положительной социальной динамикой, с тем чтобы раздуть искру поярче и сделать видимой для всех посредством красноречивых символов. Допустим, что первым условием харизматического лидерства и вправду было проявление своих исключительных качеств, чуть ли не способностей медиума. Однако помимо этого необходимо было еще и наглядно продемонстрировать свои таланты — выступая в парламенте или по радио, тиражируя свои фотографии или мелькая в телевизионной хронике, изобретая собственные атрибуты, ставшие частью легенды (поднятые в знак победы средний и указательный пальцы, неизменная сигара во рту, появление на публике во всевозможных костюмах)...

Как бы то ни было, а Макс Вебер первым заявил, что эти три вида воздействия — традиционное, законное и харизматическое — не только не являются взаимоисключаемыми (тем более что ни один из этих типов не встречается в чистом виде), но часто образуют всевозможные сочетания^[391]. В этом случае нетрудно доказать, что Черчилль и в самом

деле пользовался всеми тремя способами воздействия. Что касается традиционной власти, то очевидно, что представитель высшей аристократии, отпрыск одного из самых знатных родов Королевства, потомок национального героя герцога Мальборо всегда пользовался авторитетом в силу своего происхождения, своего общественного положения и своего громкого имени. Больше того, в британском обществе сильным мира сего всегда оказывалось глубокое почтение. Поэтому статус патриция обеспечивал Черчиллю неизменное уважение и преданность, чуть ли не набожное почитание, которое если и не всегда проявлялось явно, то подспудно присутствовало на протяжении всей его карьеры и уж тем более, когда он возглавлял государство.

В то же время Черчилль являл собой образец законного воздействия, поскольку его избрали премьер-министром добровольно, демократическим путем, указанным в конституции. В этом отношении его карьера воплощала и служила ярким примером британской политической культуры. Он унаследовал не только голубую герцогскую кровь, но и рациональные принципы демократической логики. В душе Черчилль всегда был верным сторонником парламентского режима, всегда тщательно соблюдал правила и обычаи, принятые в парламенте. В этом был залог его соответствия требованиям закона, его безупречного имиджа поборника конституции.

Тем не менее в отличие от других британских государственных деятелей, с успехом оказывавших традиционное и законное воздействие, Черчилль был лидером, освоившим все три веберовских типа власти. Божий дар определял его характер и его поступки. Соблюдение традиций, закона и личное обаяние позволили ему занять исключительное место в истории. Эти три фактора объясняют «маятниковое движение» — если использовать терминологию Макса Вебера — между доводами рассудка и харизмой в его отправлении власти и оказании сильнейшего влияния на окружающих. Известно, что харизма провоцирует вторжение иррационального в историю. Если бы не эта «божья благодать», было бы непонятно, откуда взялось в 1940 году все случайное и непредвиденное в процессе рационализации, развернувшемся в XX веке в Англии, да и в других современных обществах. Словом, не обладай Черчилль харизмой, его судьба утратила бы свою исключительность и великий человек опустился бы до уровня самого обычного смертного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга близится к завершению. Перед нами промелькнула целая жизнь. Страница истории перевернулась. Что сказать в заключение об удивительной судьбе удивительного человека?

Прежде всего приходится признать, что, несмотря на массу самых тщательных и самых упорных исследований, загадка Черчилля так до конца и не разгадана. Трудно побороть искушение применить к нему его же определение, данное им Советскому Союзу в 1939 году: «Головоломка, окутанная тайной, внутри загадки»^{392}. Черчилль был очень многогранным человеком. Клемент Эттли, один из тех, кому довелось дольше всего с ним работать, сказал: «Это был самый изменчивый человек из всех, кого я знал»^{393}. Великодушный мечтатель и властный эгоист, хранитель вековых традиций и страстный коллекционер достижений современности.

Этот долгий путь длиной в девяносто лет оставил историкам четыре повода для размышления. Прежде всего, в отличие от множества героев, прославившихся очень рано и павших в цвете юных лет или на пороге зрелости, Уинстон Черчилль дважды вставал во главе Англии и решал судьбы мира уже на закате карьеры, совершенно неожиданно и почти случайно. В самом деле, если бы он умер в середине тридцатых годов, он бы остался в истории блистательным, но неудачливым политиком, как и его отец, лорд Рандольф Черчилль. Конечно, накануне войны у семидесятилетнего Черчилля за плечами была уже солидная карьера, он успел проявить себя и в составе либеральной, и в составе консервативной партий. Девять раз он был министром, при этом ему доверяли самые ответственные посты: министерство внутренних дел, адмиралтейство, военное ведомство, министерство финансов. Тем не менее, как мы знаем, карьера Черчилля вовсе не была неуклонным, размеренным подъемом к вершине власти — посту премьер-министра, в ней были взлеты и падения. В конце тридцатых годов Черчилль как раз пытался оправиться от самого болезненного своего «падения». Большинство консерваторов относилось к нему в ту пору с презрением, либералы и лейбористы — с недоверием, он растратил свой кредит доверия в непопулярных или пустых затеях, не было человека, который не назвал бы его головотяпом, непредсказуемым и неуправляемым субъектом. Поэтому, казалось, на политической карьере Черчилля можно было поставить крест. И лишь в чрезвычайной ситуации,

сложившейся весной 1940 года, у него наконец появилась возможность по-настоящему проявить себя — настал его звездный час.

Дело, разумеется, вовсе не в том, что Черчилль внезапно избавился от всех своих недостатков. Он по-прежнему всюду совал свой нос, был так же нетерпелив и непостоянен, как и прежде. Однако теперь понадобились его способности неутомимого организатора, блистательного оратора, который сумел бы вдохнуть силы в приунывший народ, поделиться с ним своей энергией, расшевелить министров, генералов, дипломатов и прочих высокопоставленных чиновников. И действительно, Черчиллю удалось завоевать авторитет, новый премьер-министр пользовался огромной популярностью у народа, кроме того, он твердо верил в свой гений, бойко вел дела внешней и внутренней, а также военной политики.

После поражения на выборах в 1945 году в один миг вся его жизнь перевернулась. Потеря власти была для него не просто самым страшным унижением — отныне новый лидер оппозиции был вынужден вести жалкие баталии на крошечном пятачке парламентской трибуны. Он явно вырос из этой роли, но, вместо того чтобы совсем уйти из политики и купаться в лучах заслуженной славы, предпочел остаться в качестве лидера консервативной партии, перешедшей в ряды оппозиции. В то же время он, казалось, пребывал в разладе с эпохой, потерял чувство реальности и напоминал, как жестоко заметил Бивен, «динозавра на выставке точных измерительных приборов». Теперь Черчилля утешали воспоминания и сознание того, что он успел вписать свое имя большими буквами на страницы истории, что у него был статус первого эксперта в вопросах международной политики, — теперь он мог, подобно пророку, предсказывать будущее планеты.

*

Второй феномен, над которым стоит поразмыслить историкам: Черчиллю, аристократу, наделенному массой талантов и ставшему самым популярным премьер-министром в истории Великобритании, всегда удавалось сочетать верность принципам и прагматизм, теоретический подход и метод проб и ошибок. Он, впрочем, сам раскрыл секрет этой диалектики: «Всегда гораздо легче провозглашать принципы, нежели следовать им в жизни (...). Однако тот, в чьей душе убеждения пустили глубокие корни, имеет больше шансов выстоять среди стремительно изменяющихся обстоятельств и повседневных случайностей, нежели тот,

кто не видит дальше собственного носа и заботится лишь об удовлетворении своих сиюминутных прихотей»^{394}.

Черчилль родился аристократом и оставался им всю жизнь, купаясь в комфорте, как и подобает отпрыску знатного рода. В детстве и юности его окружал роскошный, величественный декор Бленхеймского замка, в котором он появился на свет, куда он потом часто наведывался, где он сочетался законным браком с Клементиной и вблизи которого был погребен. Возмужав средиobelisks, воздвигнутых в честь той или иной победы британского оружия, среди картин и гобеленов, представлявших самого знаменитого капитана Королевства, Черчилль счел своим долгом передать в века это священное наследство. В этом и заключалась миссия так называемых «вековых дубов» — аристократических семейств Англии, которые, по словам Бурке, составляли силу и славу британской короны.

Разумеется, иногда Черчилль в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств встречался и с рядовыми британцами, хотя, надо признать, эти встречи были недолгими и довольно поверхностными. Так, в 1916 году он соприкоснулся с шотландскими стрелками, служившими в его батальоне. Наиболее тесно он общался со своими низкородными соотечественниками лишь во время Второй мировой войны. В 1940 году перед лицом страшной опасности в Англии установилась атмосфера всеобщего согласия. Народ и его лидера объединило желание выстоять и победить. И все-таки, несмотря ни на что, голубая кровь перевешивала, тогда как в политической культуре Черчилля сочетались, с одной стороны, традиции либеральной аристократии вкупе с его концепцией истории и прогресса и с другой — мягкосердечие консерватора-демократа, унаследованное им от отца. При этом Черчилль всегда представлял себе общество четко поделенным на иерархические ступени и придерживался патерналистской логики, как и подобает представителю «высших классов, рожденных править» (*bom to rule*).

*

Третья загадка Черчилля — это его неиссякаемая энергия и беспримерная сила воли. Всю свою жизнь он был неутомимым бойцом. В своем обращении к норвежскому народу в 1948 году Черчилль восклицал: «Заклинаю вас, никогда не забывайте, что жизнь — это постоянная борьба!»^{395} В конце концов разве викторианский мир, в котором вырос

Черчилль, не был и с теоретической, и с практической точек зрения настоящим полем битвы за жизнь, освященным и узаконенным наукой? Не раз эта удивительная воля к жизни помогала Черчиллю справляться с враждебными обстоятельствами. Ярким примером тому служит проявленное им мужество, с каким он, несмотря на всю свою почтительность к монархии вообще и к государю в частности, в бытность свою первым лордом адмиралтейства настаивал на присвоении новому дредноуту имени Оливера Кромвеля, против чего категорически возражал король Георг V.

Внешне он вовсе не был похож на бойца, всецело сконцентрированного на завоевании себе места под солнцем. Его черты лица, осанка, невысокий рост скорее противоречили образу богатыря, всегда готового к бою. Зато эгоцентризм Черчилля был поистине безграничен, почти противоестествен. Исая Берлин как врач проанализировал эту его черту характера: «Ум Черчилля всецело сосредоточен на его внутреннем богатом мире, так что поневоле задаешься вопросом, а пытался ли он когда-нибудь понять, что происходит в душах других людей, о чем они думают. Черчилль не реагирует на действия других, он действует сам. Он не светит отраженным светом, он лепит и переделывает других по своему образу и желанию»^{396}.

Черчилль очень рано сделал выбор в пользу деятельной жизни, наполненной борьбой. Этот выбор был продиктован его честолюбием, его желанием обращать на себя внимание, его стремлением прожить выдающуюся жизнь. В юношеском романе «Саврола», который Черчилль написал, когда ему только-только исполнилось двадцать четыре года, и который был опубликован в 1900 году, есть эпизод, объясняющий, почему юный Уинстон предпочел спокойной жизни приключения и славу. «Стоила ли, — писал он, — игра свеч? Бороться, работать, постоянно вращаться в водовороте событий, жертвовать тем, что облегчает жизнь и делает ее приятной, — и все это ради чего? Ради народного блага? Дело в том, и он не мог не признаться в этом самому себе, что власть привлекала его гораздо больше, нежели благородная цель. Честолюбие было его движущей силой, сопротивляться которой у него не хватало сил. Он мог понять радость артиста, он мог понять тех, кто посвящает свою жизнь поискам прекрасного или спорту, который доставляет огромное удовольствие и не влечет неприятных последствий. Вести спокойную жизнь, предаваясь мечтам и философским размышлениям в красивом саду, вдали от людской суеты, наслаждаться искусством, баловать свой ум самой восхитительной пищей — разве это не в тысячу раз лучше, чем всю жизнь бороться за

власть? Однако он твердо знал, что мир и покой — не для него. Он обладал возвышенным, пылким и дерзким умом. Путь, который он избрал, был для него единственно возможным, и этот путь ему предстояло пройти до конца»^{397}.

*

И, наконец, четвертый повод для размышлений: жизнь и поступки Черчилля так и остались бы для нас загадкой, если бы мы не помнили о том, что он был истым викторианцем, оказавшимся (или «заблудившимся», как говорят некоторые острословы) в XX веке. Да и неудивительно, что викторианские взгляды и обычаи так глубоко укоренились в его душе, ведь двадцать семь лет — больше четверти своей жизни — он был подданным заботливой королевы Виктории. Черчиллю довелось увидеть и порадоваться последним лучам заходящего солнца Империи. Он тогда еще не принимал такого деятельного участия в государственных делах, но уже был истинным патриотом и защищал честь британского флага в самых горячих точках Империи — на северо-западной границе Индии, в Египте, Судане, Южной Африке...

Впрочем, Черчилль никогда и не скрывал своей ностальгии по тем счастливым временам, которые, наверное, не зря называли «прекрасной эпохой» и которые он сравнивал с правлением римских императоров Антониев. «Я — дитя викторианской эпохи, — признался Черчилль в своей автобиографии. — Именно тогда основы нашего государства обрели прочность, именно тогда мы возглавили мировую торговлю и сделались хозяевами мирового океана, именно тогда в нашей душе постоянно крепло сознание величия нашей Империи и нашего долга ее сохранить»^{398}. По словам Джона Колвилла, Черчилль остановил бы время, если бы это было в его силах, — после одной удавшейся на славу вечеринки Черчилль повторил слова Фауста: «Мгновение, повремени!» Вот как это прокомментировал консерватор Лео Эмери, отличавшийся завидной проницательностью: «Я всегда считал, что ключ к разгадке Уинстона в том, что он — викторианец, он воображает, что политика несколько не изменилась со времен его отца, и не способен понять современных веяний. Этот печальный и простой факт еще не стал очевидным лишь благодаря его красноречию и жизненной силе»^{399}. Забавным символом верности Черчилля обычаям прошлого была его привычка спрашивать: «Кучер на

козлах?» — что означало: «На месте ли шофер?» Даже став премьер-министром, Черчилль не отказался от этой привычки. И это еще далеко не все — например, он неизменно называл Стамбул Константинополем, а Иран — Персией...

Что касается политической философии Черчилля, то его верность заветам прошлого, наследию предков, боязнь совершить поступок, недостойный рыцаря славной викторианской эпохи, во многом объясняют его поведение и стратегию. В последние недели войны он написал Клемми, немного разочарованный, но еще не переступивший порога отчаяния: «Мы должны сохранить эту огромную Империю, от которой нам нет никакого проку и за которую нас осуждают и даже оскорбляют наши же соотечественники, не говоря уже об остальном мире. (...) Несмотря ни на что, я чувствую в себе все растущее желание продолжать борьбу. Пока я у руля, я не дам спустить флаг»^[400].

*

Коротко говоря, для того чтобы определить реальное место Черчилля в истории, нужно помнить, что расцвет его карьеры пришелся, вне всякого сомнения, на пять лет Второй мировой войны. Понять, сколь важную роль он сыграл в тех событиях, можно, если обратить особое внимание на такие факторы. Как мы уже знаем, Черчилль весь состоял из противоречий. Аристократ, «исповедовавший» демократию, националист и романтик... При этом Черчилль обладал завидной силой воли, с детства блистал множеством талантов, был то Кассандрой, то Периклом, то Цезарем, то Орфеем, то Питтом, то Вашингтоном. Нередко он совершал ошибки, не уступавшие по значимости масштабу его талантов, — настолько органично вплетались в его характер достоинства и недостатки. Вот почему одинокий «пророк» смог стать суровым лидером воюющей державы, а старый, отставший от века империалист — спасителем своей страны и защитником свободы всего мира.

Вот почему — и здесь мы переходим к другому фактору — в 1940 году Уинстон Черчилль выступил в роли посланца судьбы, он был человеком столь же исключительным, сколь исключительным был тот исторический момент. Он не только сплотил и вселил бодрость в свою страну, оставшуюся один на один с врагом, он не только вдохновил свой народ на борьбу, что было бы не под силу никакому другому премьер-министру, — он привел Соединенное Королевство к победе благодаря умелому

руководству антигитлеровской коалицией, созданной его же стараниями. Конечно, его романтическое представление о войне не вязалось с сугубо прагматическим характером промышленных войн XX века. Тем не менее в 1940 году, как он сам написал незадолго до этого в биографии своего предка герцога Мальборо, решение родилось «в глазах, в мозгу и в сердце одного человека», поскольку «сфинксу войны лишь гений может дать верный ответ». Словом, «ни учение, ни опыт не могут сделать человека гениальным».

Кульминация карьеры Черчилля пришлась на 1940–1945 годы — удивительное совпадение: в тех обстоятельствах нужен был именно такой человек, не иначе как само провидение послало его (кто поручится, что без него Англия не сдалась бы в 1940 году?). И вот после яркого триумфа наступил период спада, неудач. И дело тут не только в том, что волна истории выбросила сделавшего свое дело премьер-министра на берег, едва опасность миновала и война сменилась миром. После эйфории пришла пора разочарований. Победа принесла британцам немало горьких плодов, изменив расстановку сил на международной арене. И лишь Черчиллю удалось навсегда сохранить свою немеркнущую славу образца 1940 года.

ЧЕРЧИЛЬ И РОССИЯ

Послесловие

Завершив чтение книги Франсуа Бедарида, читатель должен признать, что задача, стоявшая перед автором, была нелегкой. Ведь ему пришлось описать жизнь человека, деяний которого хватило бы на несколько весомых биографий. Одних литературных произведений, главным образом исторического жанра, у Черчилля набралось столько, что ему могли бы позавидовать многие профессиональные писатели и историки. К тому же он оставил после себя целое собрание написанных им картин. Его военная карьера была отмечена участием в сражениях на трех континентах планеты, пленом и побегом из плена. Однако эти яркие страницы биографии — лишь фон для монументального повествования о государственном деятеле, занимавшем посты министров и премьер-министра в кабинетах либералов и консерваторов при различных королях и королевах Великобритании и сыгравшем ключевую роль в величайшем событии мировой истории — Второй мировой войне.

Жизнь героя книги Бедарида находилась в центре многих наиболее значимых событий на протяжении почти целого века, исключительного по своему динамизму. Вместить все стороны жизни этой яркой личности на страницы одной книги представляется чрезвычайно трудным, а поэтому нелегко предъявлять претензии к автору за то, что он что-то упустил в своем произведении.

И все же российский читатель вправе пожелать, чтобы наша страна в биографии Черчилля заняла хотя бы то значительное место, какое она занимала в его политическом мышлении и государственной деятельности. Иначе и не могло быть, хотя бы потому, что наша страна была союзницей Великобритании в двух самых крупных войнах мировой истории и была ее главным противником в течение послевоенных периодов. При этом роль Черчилля в определении политики в отношении нашей страны как в ходе этих войн, так и в мирное время была часто решающей. Ведь Черчилль участвовал в координации военного сотрудничества Великобритании с Россией в годы Первой мировой войны. Он же был автором плана похода против нашей страны в 1918 году, и он же первым предложил ей союз в июне 1941-го. Однако едва успела закончиться Вторая мировая война, как Черчилль объявил нашу страну врагом англосаксонской цивилизации,

открыв период холодной войны, продолжавшейся почти до конца XX века.

Почему Черчилль так резко менял отношение к нашей стране? Эти метания были вызваны не характером Черчилля, склонного к переменам настроения (о чем немало сказано в книге), но резкими сменами приоритетов в политике Великобритании. А главным для Черчилля, как справедливо и неоднократно подчеркивает Франсуа Бедарида, были политические задачи, стоявшие перед Великобританией. С точки же зрения английских государственных деятелей с начала XX века интересы России и Великобритании то совпадали, то вступали в острое противоречие.

Отношение Великобритании к России стало резко антагонистичным по мере того, как владения Российской империи расширялись и приближались к владениям и сферам влияния британской короны. По словам Дизраэли, Россия, как ледник, нависала над Индией, и этот ледник медленно, но верно двигался на юг к жемчужине британской короны. Именно по этой причине с середины XX века правящие круги Великобритании делали все от них зависящее, чтобы остановить Россию или даже отбросить ее вспять.

Об этом свидетельствовали интриги Лондона в Персии, следствием чего явились волнения в Тегеране (они привели к разгрому российского посольства и убийству русского посла А. С. Грибоедова в 1829 году), Крымская война 1853–1856 годов, вмешательство Англии в ход Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, остановившее победное продвижение русских войск к Константинополю, а также множество других недружественных и откровенно враждебных действий. Вторая половина XX века была отмечена активными усилиями Лондона с целью остановить продвижение русских войск в Среднюю Азию и помешать укреплению позиций России в Китае, Персии и на Балканах.

В то же время другое, не менее устойчивое стремление Лондона — не допустить установления гегемонии какой-либо державы на европейском континенте — заставило Великобританию пойти на заключение тройственного союза с Францией и Россией, получившего название «Сердечное согласие» («Антанта»). Необходимость в таком союзе диктовалась растущим усилением Германии, стремившейся к установлению своей гегемонии в Европе, а затем и во всем мире. Однако союз против Германии никоим образом не означал забвения англо-русских противоречий.

Эти принципы внешней политики были аксиомами для Черчилля, выходца из высших слоев британской аристократии. Послужив в Индии, повоевав в Судане, приняв участие в Англо-бурской войне, Черчилль

особенно остро ощутил свою миссию защитника Британской империи.

Вряд ли можно признать случайным, что приобретя такой опыт в отстаивании интересов своей страны, Черчилль занял пост военноморского министра в английском правительстве в 1911 году. В это время подготовка всех великих держав мира к Первой мировой войне велась полным ходом. Знаменательно, что незадолго до начала мировой войны пост заместителя военноморского министра США занял будущий партнер Черчилля по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне — Франклин Рузвельт. Подготовка к первому глобальному конфликту XX века и участие в нем в качестве руководящих деятелей военных ведомств в значительной степени стали хорошей школой для будущих лидеров Второй мировой войны. Впрочем, не довольствуясь службой в военных министерствах, оба политика попытались повоевать на фронтах мировой войны. Правда, служба Черчилля на Западном фронте, как это видно из книги Ф. Бедарида, составила несколько недель, а Рузвельту, собравшемуся командовать батареей, помешала сражаться инфлюэнца, поразившая его осенью 1918 года.

Ряд будущих видных деятелей других стран начинали военную карьеру в эти годы с более скромных стартовых позиций. В октябре 1912 года выпускник Сен-Сирского военного училища 22-летний Шарль Де Голль в чине младшего лейтенанта поступил на службу в пехотный полк под начальство полковника Филиппа Петена. С начала мировой войны будущий президент Пятой республики и будущий глава «режима Виши» — активные ее участники. Бежавший в Мюнхен из Вены от военного призыва в австрийскую армию 25-летний Адольф Гитлер, захваченный милитаристским угаром после начала войны, вступил летом 1914 года добровольцем в германскую армию простым солдатом. Осенью 1914 года видный деятель социалистической партии Италии 31-летний Муссолини внезапно порвал со своими единомышленниками, объявил себя сторонником войны против блока Германии и Австрии, а в 1915 году направился добровольцем на фронт. Участие в боевых действиях или руководство таковыми помогло этим деятелям обрести необходимую репутацию в эпоху, в которой главное место заняли мировые войны и подготовка к ним. Первая мировая война породила новую когорту политических деятелей. Для них было характерно соответствие духу этой первой из самых безжалостных и разрушительных войн XX столетия.

Впервые в войне для истребления людей применялись мощные дальнобойные артиллерийские орудия, танки, самолеты, газы. Активно использовались подводные лодки, топившие как боевые, так и торговые

суда (во время войны было потоплено свыше шести тысяч торговых судов). К концу войны ее участниками стали 33 государства мира. Жители этих стран и их владений составляли 87 % населения всей планеты. Из 73 миллионов человек, мобилизованных в армии воюющих стран, более 10 миллионов были убиты или скончались от ран, а около 20 миллионов были ранены. Война привела к невиданным прежде разрушениям и разорению хозяйств воюющих стран.

Первая мировая война в значительной степени определила характер XX века. Постоянная подготовка к новым глобальным или локальным конфликтам, порожденным Первой мировой войной, милитаризация жизни общества, гонка вооружений, культ насилия стали характерными особенностями XX столетия. Постоянно создавались новые чудовищные средства разрушения, которые использовались для уничтожения как сражающихся армий, так и мирного населения. Военная техника XX века позволяла стирать с лица земли целые города и деревни, а адекватная ей государственная политика стирала с карт мира целые страны и вела к геноциду целых народов. Вовлечение в войны почти всех стран мира приводило к формированию самых разнообразных коалиций и быстрой смене союзников, когда вчерашние враги становились друзьями, а бывшие друзья — заклятыми врагами. В то же время участие в военных конфликтах огромных масс мобилизованных солдат и милитаризация жизни гражданского населения породили военизированную пропаганду, которая была взята на вооружение всеми руководителями великих держав мира. Для этой пропаганды были характерны упрощенность в объяснениях сути конфликтов, крайняя эмоциональность и демагогичность.

Черчилль не стал бы ведущим руководителем Великобритании, если бы не обладал качествами, которые были необходимы в XX веке для защиты интересов Британской империи. Он был государственным деятелем, прекрасно разбиравшимся в возможностях новой техники истребления людей. По словам Ф. Бедарида, он не раз был инициатором применения новых технических средств ведения войны. Он был неплохим администратором, способным управлять страной в годы конфликта. Он был политиком, способным быстро принять решения о развязывании войны и смене союзников в ходе конфликта. Он был блестящим оратором, умевшим убедить массы в том, что враги Британской империи являются исчадиями ада и что нет таких жертв, которые были бы слишком велики для защиты интересов Великобритании. Свою пригодность к лидерству в XX веке Черчилль доказал своим участием в правительстве Великобритании в ходе Первой мировой войны.

Правда, удачи не всегда сопутствовали Черчиллю, и Ф. Бедарида справедливо указывает на один из его крупнейших провалов в ходе операции в Дарданеллах. Объясняя причины, по которым Черчилль выдвинул и горячо отстаивал план десанта в Дарданеллах и захвата Константинополя, Ф. Бедарида утверждает, что таким образом Черчилль собирался вывести войну из патового состояния. Кроме того, автор считает, что так можно было оказать помощь русским, которым якобы в это время угрожал прорыв турок на Кавказ. На деле же ни для кого не было секретом, что захват Босфора, Дарданелл и Константинополя являлся чуть ли не основной целью России в Первую мировую войну. Поэтому овладение черноморскими проливами и столицей Османской империи англичанами означало лишение России главного успеха, к которому она стремилась не одну сотню лет.

То обстоятельство, что эта операция была направлена против интересов союзника Великобритании, как и то, что ее реализация была связана с огромными жертвами для английской армии, не имело значения для Черчилля. Ведь речь шла о защите интересов Британской империи. Одержимость Черчилля этой идеей вряд ли можно было объяснить особенностями его характера, как это делает автор. Желание перехватить стратегически важные позиции логически вытекало из антироссийской политики британского правительства. Кстати, Ф. Бедарида справедливо замечает, что эта операция, стоившая жизни сотням тысяч английских солдат и офицеров, была поддержана всем кабинетом, но после ее провала лишь Черчилль был сделан «козлом отпущения» за поражение в Дарданеллах.

Черчилль был не единственным, кто проявлял вероломство в отношении союзника Великобритании. Вопреки заявлению Бедарида о готовности Великобритании прийти на помощь русским войскам этого не происходило.

Д. Ллойд Джордж, премьер-министр британского правительства, в которое входил У. Черчилль в качестве военно-морского министра, потом в своих мемуарах так характеризовал межсоюзнические отношения внутри Антанты: «Дух коллектива совершенно отсутствовал в течение первых лет войны. Каждый из участников слишком много думал о своих собственных достижениях и очень мало думал о победе всего коллектива. Французские генералы признавали важнейший факт, что Россия имела огромное численное превосходство над другими, но это признание никогда не приводило к каким-либо практическим результатам, за исключением постоянного требования, чтобы Россия прислала большую армию во

Францию на помощь французам с тем, чтобы ослабить потери самой Франции в защите ее собственной территории. Пушки, ружья и снаряды посылались Англией и Францией в Россию до ее окончательного краха, но посылались с неохотой; их было недостаточно, и когда они достигли находившихся в тяжелом положении армий, было слишком поздно, чтобы предупредить окончательную катастрофу. В ответ на каждое предложение снабдить Россию снарядами французские и английские генералы заявляли в 1914, 1915 и 1916 годах, что им нечего дать и что уже посланное дано в ущерб себе».

В результате, как признавал Ллойд Джордж, «русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов... Великое отступление 1915 года, когда русские армии были в беспорядке и с небывалыми потерями оттеснены из Польши и Прибалтики до самой Риги, объяснялось исключительно недостатком у русских артиллерии, винтовок и снарядов». Впрочем, вряд ли такую позицию можно объяснить лишь «жадностью» военных Франции и Англии, как это пытался сделать Ллойд Джордж. Очевидно, что западные союзники не старались оказать России действенную помощь, опасаясь, как бы это не привело к военным успехам нашей страны и продвижению ее в Западную Европу. Ведь по секретным соглашениям между странами Антанты в случае победы Россия должна была получить не только черноморские проливы и Константинополь, но и приращения на западе страны за счет Германии и Австро-Венгрии.

О том, что союзники не собирались выполнять свои обязательства, свидетельствовала реакция британского правительства на Февральскую революцию. 21 марта 1917 года министр иностранных дел А. Д. Бальфур заявил на заседании имперского военного совета: «Если удастся создать абсолютно независимую Польшу... то можно будет отрезать Россию от Запада. Россия перестанет быть фактором в западной политической жизни или почти перестанет». Не ограничиваясь этими пожеланиями, английская дипломатия и разведка стали предпринимать энергичные усилия для того, чтобы добиться отделения национальных окраин от России, чтобы создать пояса независимых государств, отделяющих нашу страну как от Западной Европы, так и от Южной Азии. Черчилль активно поддерживал эти действия, ставя во главу угла интересы британской короны.

В то же время британское правительство делало все от него зависящее, чтобы сохранить Россию в качестве боееспособного союзника в продолжавшейся войне. Готовность большевиков добиться немедленного

прекращения войны и быстрый рост их влияния вызвал беспокойство Лондона. В августе 1917 года в Россию был направлен известный английский писатель У. С. Моэм, служивший в это время в британской военной разведке. Он был координатором разветвленного заговора, опиравшегося на ряд царских генералов, правых эсеров во главе с Савинковым, а также чехословацкий корпус. Целью заговора было предотвращение прихода к власти большевиков и выхода России из войны. Черчилль был посвящен в тайны этого заговора.

Провал заговора Моэма и победа Октябрьской революции вызвали тревогу у правящих кругов Великобритании. 23 декабря 1917 года Англия и Франция подписали соглашение о плане интервенции в Россию. 6 марта 1918 года под предлогом защиты военных складов от германских войск в Мурманск вошли английские интервенты. Оттуда интервенты двинулись на юг, захватив Архангельск и значительную часть европейского Севера России. Вскоре началась интервенция японских войск на Дальнем Востоке, к которым присоединились войска США и других стран Антанты. 25 мая 1918 года вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, спровоцированный британской агентурой. Этот мятеж развязал Гражданскую войну 1918–1920 годов.

Распад России на множество самоуправлявшихся территорий и жестокая борьба между ними полностью отвечали давним планам правящих кругов Великобритании. Смысл политики своей страны в отношении России ясно определил посол Великобритании во Франции лорд Берти, который 6 декабря 1918 года так писал в своем дневнике: «Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».

Однако Черчилль не был настроен столь благодушно относительно перспектив российской смуты. Хотя царской России, грозившей овладеть Константинополем, уже не существовало, возникла новая Советская страна, которая представлялась Черчиллю еще более опасной, чем царский ледник, нависший над Индией. Октябрьская революция вызвала подъем революционного и национально-освободительного движения в британских колониях и странах, зависимых от Англии. Позже Мао Цзэдун заявил: «Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими... идти по пути русских — таков был вывод». Создание коммунистических партий

в ряде стран Азии, рост забастовочного движения в Иране, растущее сопротивление колонизаторам в Индии — эти и другие события Черчилль и другие видные представители правящей элиты Великобритании связывали с появлением на карте мира Советской России. Это обстоятельство объясняет стремление Черчилля «задушить большевистскую Россию в колыбели».

Описывая радость Черчилля в день подписания перемирия с Германией, Ф. Бедарида не рассказал о том, что в тот же день Черчилль погрузился в невеселые размышления. Уже вечером 11 ноября 1918 года, когда британцы безудержно веселились по поводу завершения 4-летней войны, Черчилля охватили мрачные мысли. В своих мемуарах Черчилль писал: «С одной стороны, я боялся за будущее, с другой — хотел помочь разбитому врагу». Военно-морской министр полагал, что «покорить Россию... мы можем лишь с помощью Германии. Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России». Таким образом, Великобритания могла бы сравить две великие державы в кровопролитном конфликте между собой и тем самым обеспечить свои интересы как на европейском континенте, так и в Азии. Черчилль так сформулировал цель своей политики: «Мир с германским народом, война против большевиков».

В качестве первоочередной меры после завершения Первой мировой войны Черчилль советует направить в Россию новые войска интервентов. По приказу Черчилля 22–27 ноября 1918 года английские военные корабли появились в Батуме и Новороссийске. По согласованию с ним французские военные корабли вошли в Севастополь и Одессу. Однако активные выступления в Великобритании под лозунгами «Руки прочь от России!» срывали планы интервентов. 30 ноября Черчилль вынужден был сообщить своим представителям в России, что из-за массовых рабочих выступлений Англия будет вынуждена ограничиться оккупацией своими силами железной дороги Батум — Баку и будет удерживать Архангельск и Мурманск; в остальном же участие в интервенции будет ограничено снабжением армий Колчака. Главную роль в ставке Колчака стал играть представитель британского правительства генерал Нокс.

Назначенный в конце 1918 года военным министром Черчилль настаивал на проведении политики окружения Советской России и создания вокруг нее барьера. Он становится инициатором «похода 14 держав» против Советской страны. Прибыв на Парижскую мирную конференцию в феврале 1919 года, Черчилль добился поддержки во Франции своих предложений об интервенции в Россию. Предполагалось

направить в Россию союзнические вооруженные силы, включая два миллиона американских солдат. Эти планы исходили прежде всего из озабоченности Черчилля за судьбу Британской империи. Разъясняя смысл позиции Черчилля, нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин говорил: «Одним из постоянных лейтмотивов выступлений Черчилля является опасность на Востоке. Черчилль именно потому поддерживал Деникина и Колчака, как он сам неоднократно высказывался, что Деникин и Колчак, по его мнению, являются защитниками интересов Англии в Персии и Индии».

И все же, несмотря на усилия Черчилля, планировавшийся им широкомасштабный поход четырнадцати держав против Советской России так и не состоялся. Зато в Советской России Черчилль стал известен как ее наиболее яростный враг. Ленин говорил: «Английский военный министр Черчилль уже несколько лет употребляет все средства, и законные, и еще более незаконные с точки зрения английских законов, чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением. Это — величайший ненавистник Советской России».

Хотя Черчиллю не удалось реализовать свои планы, он остался сторонником использования Германии и других стран Западной Европы против СССР. Он явно симпатизирует Гитлеру, который в своей книге «Майн кампф» провозгласил намерение повернуть экспансию Германии на восток против СССР. Известно, что Черчилль в 1932–1933 годах пытается встретиться с Гитлером, но по каким-то причинам эта встреча не состоялась. Свою симпатию Гитлеру Черчилль высказал в своей книге «Знаменитые современники», опубликованной в 1937 году (о чем упоминает Бедарида). Одновременно Черчилль не переставал восхищаться Муссолини и его фашистским режимом.

Позиция Черчилля резко изменилась лишь в конце тридцатых годов. Он осознал, что гитлеровская Германия будет осуществлять свою экспансию не только на восток, как следовало из содержания «Майн кампф», но и на запад. Как справедливо отмечает Ф. Бедарида, Черчилль становится ярким критиком «мюнхенской политики» уступок, проводившейся правительством Н. Чемберлена. К этому времени в нацистском руководстве Германии осознали, что руководство правящей консервативной партии Великобритании разделено на «партию мира» во главе с Н. Чемберленом, лордом Э. Галифаксом, лордом С. Хором и «партию войны» во главе с У. Черчиллем.

И все же, как следует из книги Бедарида, несмотря на противоречия между этими группировками, они длительное время сосуществовали в

одном правительстве, и порой разногласия между «умиротворителями» Гитлера и борцами против него сводились к минимуму. Вскоре после разгрома французских и английских войск 27 мая 1940 года Черчилль заявлял в узком кругу: «Если бы герр Гитлер был готов подписать мир на условиях восстановления германских колоний и полного контроля над Центральной Европой, то это — другое дело. Но не похоже, что он согласится на эти условия». На самом деле «эти условия» с избытком устраивали Гитлера. Однако в разгар боев не было возможности передать Гитлеру это предложение Черчилля, а вскоре Черчилль сам отказался от подобных капитулянтских мыслей.

Тем временем Гитлер, планировавший поход против СССР и панически боявшийся повторения войны на два фронта, сам изыскивал возможности для заключения мира. С самого начала Второй мировой войны Гитлер не прекращает попыток договориться с «партией мира» о разделе планеты между «арийскими» нациями германцев, британцев и американцев. Был разработан даже заговор с целью похитить бывшего короля Эдуарда VIII и, создав под его эгидой правительство, подписать мир с Англией. Даже после отставки Чемберлена и прихода к власти Черчилля, гитлеровское руководство не оставляло таких попыток.

С этой целью были налажены контакты между Рудольфом Гессом, занимавшим третье место в нацистской иерархии, и герцогом Гамильтоном. Вопреки последующим заявлениям Гитлера он был не только в курсе этих переговоров, но и направлял их. Герцог же был видной фигурой, связанной с «партией мира», сохранившей значительные позиции в верхах Великобритании. Помимо того что герцог занимал важный пост начальника противовоздушной обороны шотландского побережья Северного моря, у него были обширные связи с министерством авиации и имелись прямые контакты с королем Георгом VI. 23 сентября 1940 года Гесс написал Гамильтону первое письмо. Сначала речь шла о встрече между ним и Гессом в Швейцарии, но уже в октябре стал «прорабатываться» вопрос о полете Гесса в Шотландию для встречи «наци № 3» с вождями «партии мира». Предполагалось, что результатом такой встречи мог стать переворот в Великобритании и достижение мира между Германией и Великобританией на условиях раздела планеты на сферы влияния между «нордическими державами». После этого фюрер мог беспрепятственно нападать на СССР.

Однако Гесс не знал, что его контакты с герцогом Гамильтоном с самого начала оказались известны британской разведке и «партии войны» во главе с Черчиллем. Не знал Гесс и того, что герцог стал действовать под

контролем разведки, а его письма Гессу тщательно готовились в правительстве Великобритании.

В это время военные планы фюрера постоянно менялись. Он то отдавал предпочтение десанту на Британские острова, то думал о нападении на СССР. Весна 1941 года рассматривалась немцами как возможное время для начала давно намечавшегося вторжения в Великобританию. Позже Черчилль писал: «Оглядываясь назад на ход войны, я не могу припомнить ни один период, когда было бы так много стрессов и так много проблем, которые наваливались на меня и на моих коллег, как в первой половине 1941 года». В это время Черчилль делал все возможное для того, чтобы отсрочить десант. Спасением для Англии могло стать столкновение Германии и СССР. Из перехваченной переписки Гесса с Гамильтоном Черчилль знал о подготовке Гитлером такого нападения. Поэтому он решил воспользоваться этой информацией для того, чтобы ускорить конфликт на советско-германской границе.

В то же время Черчилль решил использовать эту информацию таким образом, чтобы и СССР не смог нанести по Германии такого удара, который бы привел к полному разгрому этой страны и установлению советской гегемонии в Европе. Имея это в виду, Черчилль направил письмо Сталину в апреле 1941 года. В письме говорилось: «У меня есть надежная информация от доверенного лица о том, что, когда немцы считали, что они сумели вовлечь Югославию в свою сеть — то есть после 20 марта, — они начали выдвижение трех из пяти танковых дивизий из Румынии в Южную Польшу. Однако, как только они узнали о революции в Сербии, они прекратили это передвижение. Вы сумеете оценить значимость этих фактов».

Когда посол Англии в Москве С. Криппс 3 апреля 1941 года получил от Черчилля это письмо для передачи Сталину, он в течение шестнадцати дней отказывался выполнить поручение премьера, считая, что послание «столь коротко и отрывочно», что лишь вызовет у русских недоумение. (Упоминая о нежелании С. Криппса передавать И. В. Сталину это письмо, Ф. Бедарида не приводит объяснений посла, почему он отказывался это делать.) Лишь под давлением Черчилля Криппс выполнил это поручение. Реакция Сталина была точно предсказана Криппсом: странное письмо Черчилля не произвело на Сталина серьезного впечатления. Скорее всего, Сталин понял это лишь как стремление Черчилля спровоцировать советско-германский конфликт.

Между тем переговоры между Гессом и Гамильтоном продолжались. В своих письмах герцог создавал впечатление, что в Великобритании все

готово к отстранению Черчилля, а «партия мира» после прихода к власти подпишет соглашение с Германией. Видимо, для того, чтобы обеспечить сговорчивость англичан на переговорах, Германия предприняла ряд военно-политических операций, направленных против интересов Британской империи. Захватив Югославию и Грецию, приблизившись к границе Египта и осуществив с помощью своей агентуры переворот в Ираке в апреле 1941 года, Гитлер создал смертельную угрозу для стратегических коммуникаций и источников энергетического снабжения Британской империи. В случае же захвата Ирана (правительство которого занимало прогерманскую позицию) Гитлер мог выйти на границы Индии. Такая ситуация создавала исключительно выгодные условия для ведения немцами переговоров с Британией с позиции силы. Непрерывная же бомбардировка Британских островов служила дополнительным средством давления на англичан.

Как впоследствии вспоминали адъютанты Гитлера, в начале мая 1941 года состоялось последнее совещание Гитлера и Гесса по переговорам с Гамильтоном. Совещание продолжалось четыре часа. Сквозь закрытые двери адъютанты уловили слова: «Гамильтон», «Проблем с самолетом нет», «Объявите сумасшедшим». Адъютанты отметили, что Гитлер долго и как-то по-особенному тепло прощался с Гессом по окончании встречи. 10 мая утром к Гессу на дом приехал Альфред Розенберг. Они долго о чем-то разговаривали. После этого Розенберг отправился к Гитлеру. Гесс сообщил супруге, что он ненадолго уедет, но вернется в понедельник. В шесть часов вечера «Мессершмитт-110», управляемый Гессом, поднялся в воздух. Через несколько часов Гесс выбросился с парашютом в Шотландии вблизи поместья герцога Гамильтона. Знаменательно, что именно в этот день, 10 мая 1941 года, как отмечает Бедарида в своей книге, массированные атаки с воздуха немцев на Англию прекратились и уже никогда не возобновлялись в прежнем объеме.

Официальная британская версия гласит, что вскоре после своего приземления в Шотландии Гесс был арестован. Гитлер же в Берлине объявил Гесса сумасшедшим и снял со всех постов. Однако документы о задержании Гесса и его допросах до сих пор покрыты тайной секретности. Долгое время и в СССР не знали правды об обстоятельствах «полета Гесса». Лишь в октябре 1942 года в донесении советских разведчиков из Англии, направленном Сталину и Молотову, сообщалось: «Широко распространенное мнение о том, что Гесс прилетел в Британию неожиданно — ложное. Задолго до полета Гесс вел переписку по этому вопросу с лордом Гамильтоном, обсуждая все детали предполагавшегося полета. Однако все письма, написанные Гамильтону, не достигали адресата.

Мнимые ответы Гамильтона были составлены разведкой. Именно так удалось заманить Гесса в Британию... В своих письмах Гесс достаточно подробно изложил планы германского правительства относительно нападения на Советский Союз. В этих письмах также содержались предложения о необходимости прекращения войны между Британией и Германией».

Анализируя факты тайных переговоров Гесса и Гамильтона и фактического участия в них английского правительства, а также последующие события, американский журналист Луи Килцер в своей книге «Обман Черчилля» пришел к следующему выводу: парадоксальным образом несмотря на то, что Гитлер был обманут Черчиллем, а Гесс, его верный друг и соратник, стал заложником британских спецслужб, фюрер получил фактически тот мир, к которому так стремился начиная с сентября 1939 года. Как справедливо признает Луи Килцер, Черчилль делал все от него зависящее, чтобы помешать открытию второго фронта в 1941, 1942, 1943 годах, и пытался не допустить его открытия и в 1944 году. Килцер обращает внимание и на те усилия, которые были предприняты Черчиллем для того, чтобы ограничить поставки военной помощи СССР.

22 июня 1941 года случилось то, к чему Черчилль стремился с ноября 1918 года — Германия напала на СССР и две великие державы сошлись в смертельной схватке, истощая силы друг друга. Это вполне отвечало планам Черчилля, верного защитника Британской империи. В то же время Черчилль прекрасно понимал, что в случае победы Германии Гитлер не удовольствуется захватом СССР и развернет поход против Британской империи.

Поэтому в тот же день, 22 июня 1941 года У. Черчилль объявил по радио о намерении правительства Ее величества предложить помощь СССР в совместной борьбе против гитлеровской Германии. Он говорил: «Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я за последние двадцать пять лет. Я не откажусь ни от одного слова из сказанного мною о нем. Однако все это отходит на задний план перед разворачивающейся сейчас драмой». Говоря о Гитлере, Черчилль не жалел эмоциональных красок, заявляя: «Этот кровожадный изверг бросает свои механизированные армии на новые поля убийств, грабежей и опустошений. Как ни бедны русские крестьяне, рабочие и солдаты, он хочет украсть у них хлеб насущный; он хочет уничтожить их посевы, он хочет захватить у них нефть, технику и таким образом вызвать голод, беспримерный в истории человечества. И даже то кровопролитие и то разорение, которое он принесет русскому народу в случае, если он одержит победу — а он ее еще

не одержал, — будут лишь ступенью к попытке низринуть 400 или 500 миллионов людей, живущих в Китае, и 350 миллионов людей, живущих в Индии, в бездонную пропасть варварства, над которой развевается дьявольская эмблема свастики. Сегодня, в этот летний вечер, не будет преувеличением сказать, что теперь грубое насилие нацистов угрожает жизни и счастью еще одного миллиарда людей».

Черчилль также исходил из того, что германское «вторжение в Россию является не более чем прелюдией перед вторжением на Британские острова», и объявлял: «Угроза, нависшая над Россией, является угрозой и для нас, и для Соединенных Штатов».

Советское правительство по достоинству оценило это заявление. В своей речи по радио 3 июля 1941 года Сталин заявил, что «историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране... могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза». 12 июля 1941 года в Москве Молотовым и Криппсом было подписано «Соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Ее Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии», участники которого обязывались «в продолжении этой войны не вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия».

18 июля Сталин ответил первый раз на два послания Черчилля, переданные ему через Криппса во время бесед 8 и 10 июля. Сталин благодарил Черчилля за эти послания и расценил их как «начало соглашения между нашими правительствами». В этом послании Сталин ставил вопрос о срочной необходимости создания новых фронтов против Гитлера в Европе — «на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)». При этом Сталин предлагал Черчиллю продумать операцию на севере Норвегии с участием советских сухопутных, морских и авиационных сил. В последующем вопрос о втором фронте не сходил три года с повестки дня в отношениях между СССР и его западными союзниками.

Однако союзники не верили в способность СССР к отпору гитлеровской Германии. Первые сообщения о ходе советско-германской войны напоминали недавние события в Европе, в ходе которых Германия в считанные дни расправилась с Польшей, Францией, Югославией, Грецией и другими странами. Министр обороны США так оценивал перспективы боевых действий Германии в СССР: «Германия будет основательно занята

минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России». Еще более пессимистично оценивали шансы СССР английские военные. Они считали: «Возможно, что первый этап, включая оккупацию Украины и Москвы, потребует самое меньшее три, а самое большее шесть недель или более». Черчилль опасался того, что оружие, которое англичане будут посылать в СССР, попадет в руки немцев.

Поэтому союзники не спешили немедленно удовлетворять просьбы СССР о помощи. В своем совместном послании Сталину Черчилль и Рузвельт писали: «Потребности и нужды Ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полной осведомленности о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях». Лидеры двух стран предлагали провести совещание в Москве для обсуждения вопроса о поставках вооружений и стратегических материалов в СССР. Правда, в послании говорилось, что «впредь до принятия совещанием решений мы будем продолжать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы». Это послание было вручено Сталину послом США Л. Штейнгардтом и послом Великобритании С. Криппсом во время их встречи со Сталиным 15 августа. В официальном коммюнике об этой встрече было заявлено, что Сталин «приветствует предложение президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля о созыве в Москве совещания представителей трех стран для распределения сырья и вооружений» и «готов принять все меры, чтобы это совещание состоялось как можно скорее».

3 сентября 1941 года Сталин поблагодарил Черчилля «за обещание, кроме обещанных ранее 200 самолетов-истребителей, продать Советскому Союзу еще 200 истребителей». В то же время Сталин замечал, что эти самолеты «не смогут внести серьезных изменений не только вследствие больших масштабов войны, требующих непрерывной подачи большого количества самолетов, но главным образом потому, что за последние три недели положение советских войск значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград... Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой».

Сталин писал, что лишь срочная помощь союзников спасет СССР от поражения. Он отмечал: «Существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30–40 немецких дивизий и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с.г. и ежемесячную минимальную помощь в

количестве 400 самолетов и 500 танков (малых и средних). Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом. Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, какой бы она ни была неприятной, и не бояться высказать правду, какой бы она ни была нежелательной».

Через три дня пришел ответ Черчилля, в котором он заявлял, что «нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с Восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции». Более того, Черчилль заявлял: «Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть». Он снова обещал посылать в СССР самолеты, танки, а также резину, алюминий, сукно и прочее, но отмечал долгий путь этих поставок из Англии вокруг мыса Доброй Надежды в Иран и низкую пропускную способность персидской железной дороги.

Через неделю 13 сентября Сталин снова написал Черчиллю, поблагодарив его за очередное обещание поставок алюминия, самолетов и танков и осудив его отказ от второго фронта: «В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов». О том, что Сталин считал положение страны отчаянным, свидетельствовало его неожиданное предложение Черчиллю: «Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территорию СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. (Сталин имел в виду отправку русских войск на Западный фронт во время Первой мировой войны. — *Прим. авт.*)... Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

В дальнейшем вопросы о поставках оружия и стратегического сырья, а также вопрос о втором фронте постоянно обсуждались в переписке руководителей СССР и Великобритании. Эти вопросы стояли главными в повестке дня совещания СССР, США и Великобритании с участием английского министра лорда Бивербрука в конце сентября — начале

октября 1941 года. Вопрос о втором фронте обсуждался и в ходе визита министра иностранных дел Великобритании Э. Идена в декабре 1941 года. Однако никакого решения об открытии второго фронта в ходе этих переговоров принято не было.

Чтобы сдвинуть вопрос о втором фронте с мертвой точки, в Лондон отправился нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. Ему пришлось совершить в мае 1942 года беспрецедентный перелет на большой высоте над линией фронта и вражеской территорией, чтобы попасть в британскую столицу. 26 мая 1942 года в Лондоне Иден и Молотов подписали договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Одновременно союзники обязались открыть второй фронт в 1942 году и продолжить поставки вооружений и военного оборудования в СССР.

К этому времени союзники уже убедились в способности СССР дать отпор германской агрессии. В своих выступлениях в палате общин и в посланиях Сталину Черчилль неизменно выражал свое восхищение героизмом советских людей. 5 декабря 1941 года Черчилль, отвечая на поздравление Сталина по случаю его дня рождения, писал: «Позвольте мне воспользоваться случаем и сказать Вам, с каким восхищением весь британский народ следит за стойкой обороной Ленинграда и Москвы храбрыми русскими армиями и как все мы рады по поводу Вашей блестящей победы в Ростове-на-Дону». На первые же сообщения о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой У. Черчилль отреагировал посланием от 16 декабря 1941 года, в котором говорилось: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны». 21 декабря 1941 года, поздравляя Сталина с днем рождения, Черчилль писал: «Я... надеюсь, что грядущие годы позволят Вам принести России победу, мир и безопасность после большой бури».

Во время войны Черчилль регулярно направлял Сталину послания 23 февраля в День Красной армии. В 1942 году он писал: «По этому торжественному поводу я передаю Вам, Председателю Комитета Обороны Союза Советских Социалистических Республик, и всему составу советских вооруженных сил выражение того восхищения и благодарности, с которым народы Британской империи следили за их подвигами, и нашей уверенности в победоносном окончании борьбы, которую мы совместно ведем против общего врага».

Свои слова благодарности и восхищения Черчилль подкреплял и поставками боевой техники и военного снаряжения в СССР. Нет сомнения в том, что помощь Англии и США (ленд-лиз), направлявшаяся сначала главным образом английским транспортом, сыграла свою роль в обеспечении Красной армии. Например, к концу 1943 года 19 % всех автомашин в Красной армии составляли те, что были поставлены союзниками. Существенными были поставки продовольствия (тушеное мясо, мука, комбижир и т. д.), военного обмундирования. Однако вклад союзников в обеспечение Красной армии различными видами вооружений был меньше. Относительно советского производства поставки союзников по орудиям составили 1,4 %, по авиации — 9,8 %, по танкам и САУ — 6,2 %.

К тому же в первые, самые тяжелые годы войны эта помощь шла медленно. До конца 1941 года СССР получил лишь 0,1 % той помощи, которая была предусмотрена соглашениями о сотрудничестве. Правда, эти поставки были сопряжены с огромными трудностями и требовали немало мужества со стороны британских моряков. Конвои подвергались налетам авиации и нападениям германских подлодок. Много судов гибло. Черчилль был готов оказывать помощь СССР, но не ценой больших потерь среди подданных британского короля. Не был готов британский премьер и к осуществлению десанта в Западной или Северной Европе, связанного с неизбежно большими потерями среди английских солдат. Это было вызвано не столько заботой о судьбах соотечественников, сколько пониманием премьер-министром, что его положение может пошатнуться в случае многочисленных запросов в палате общин о потерях, которые несет Англия в ходе проведения конвоев в СССР. Черчилль прекрасно понимал, что его отставка будет не только личной бедой, но и нанесет ущерб империи.

Направленное Черчиллем послание Сталину от 18 июля 1942 года, которое было им согласовано с Рузвельтом, вызвало заметное охлаждение в отношениях западных союзников с СССР. В своем пространном послании Черчилль сообщал Сталину о тех трудностях, которые возникли при прохождении конвоев морских судов с грузами для СССР из Великобритании в Архангельск. В этой связи Черчилль объявлял об отмене очередного конвоя и предлагал усилить переброску грузов через Иран. Одновременно Черчилль сообщал о неготовности Великобритании принять участие в операции на севере Норвегии. Вместо этого он предлагал «осенью послать мощные воздушные силы для операций на левом фланге Вашего фронта». Говоря о потерях, понесенных королевским флотом во

время прохода конвоев в СССР, Черчилль писал, что их продолжение «отразилось бы на поставках нам продовольствия, за счет которых мы существуем, это подорвало бы наши военные усилия и прежде всего помешало бы отправке через океан больших конвоев судов с американскими войсками, ежемесячно доставляемые контингенты которых скоро достигнут приблизительно 80 тысяч человек, и сделало бы невозможным создание действительно сильного второго фронта в 1943 году».

Ответ Сталина от 23 июля был резким. Он писал: «Из послания видно, что, во-первых, Правительство Великобритании отказывается продолжать снабжение Советского Союза военными материалами по северному пути и, во-вторых, несмотря на известное согласованное англо-советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в 1942 году, Правительство Великобритании откладывает это дело на 1943 год». Сталин отвергал объяснения Черчилля относительно отказа от северных конвоев: «Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери. Во всяком случае, я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте».

«Что же касается второго вопроса, — писал Сталин, — а именно вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год. Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в Вашем послании. И. Сталин».

Очевидно, что это послание Сталина встревожило Черчилля. В своем письме от 31 июля он сообщил Сталину о намерении возобновить конвои в сентябре. Кроме того, британский премьер явно почувствовал, что письменных объяснений относительно причин нарушения обязательств по второму фронту недостаточно, и предложил Сталину «встретиться в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом месте». В тот же день Сталин пригласил Черчилля в Москву, «откуда мне, членам Правительства

и руководителям Генштаба невозможно отлучиться в настоящий момент напряженной борьбы с немцами».

12 августа 1942 года Черчилль вместе с Гарриманом на самолете летел из Ирана в Москву через Каспийское море, к которому в эти дни приближались немецкие войска. Позже он вспоминал: «Я размышлял по поводу моей миссии в это мрачное, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так старался задушить в колыбели и которое до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы... Мы всегда ненавидели их гадкий строй и пока немецкий бич не обрушился на них самих, они с безразличием наблюдали за тем, как нас уничтожают, и с жадностью собирались разделить с Гитлером нашу империю на Востоке... Что же я должен был сказать сейчас им? Генерал Уейвелл, у которого была склонность к литературным занятиям, суммировал мою задачу в стихотворении. В нем было несколько строф, каждая из которых заканчивалась словами: «Не будет второго фронта в сорок втором году». Я чувствовал себя человеком, который вез огромную льдину на Северный полюс. И все же я был уверен в том, что это мой долг сообщить все факты лично Сталину, а не через телеграммы и посредников. По крайней мере таким образом я мог показать, что мне не безразличны их несчастья и что я понимаю значение их борьбы в общей войне».

В тот же день в семь часов вечера Черчилль, по его словам, «прибыл в Кремль и впервые встретил великого революционного вождя и выдающегося русского государственного деятеля и полководца, с которым мне пришлось в течение последующих трех лет находиться в тесных, напряженных, но всегда захватывающих, а порой даже теплых отношениях». Сразу же началось совещание, в котором приняли участие Сталин, Черчилль, Гарриман, Молотов, Ворошилов и переводчики. Черчилль начал свое выступление с объяснения причин, почему западные союзники не могут открыть второй фронт. Как писал Черчилль, «судя по всему, Сталина, который к этому времени помрачнел, не убедили мои аргументы». Сталин вступил в спор с Черчиллем относительно числа немецких дивизий во Франции. Затем, суммируя сказанное Черчиллем, Сталин, «мрачность которого сильно увеличилась», спросил, правильно ли он понял, что союзники не могут открыть второй фронт с большим количеством войск и не желают высаживать шесть дивизий. Черчилль подтвердил, что это так, объясняя свое нежелание высаживать шесть дивизий опасениями, что в этом случае они не добьются большого успеха, но зато сорвут проведение операции в следующем году. Черчилль признал, что он не привез Сталину добрых новостей.

Сталин, по словам Черчилля, «стал нервничать и сказал, что его взгляд на войну отличается от взглядов Черчилля. Люди, боящиеся рисковать, не смогут победить в войне. Почему мы боимся немцев? Он не может этого понять». Тогда Черчилль обратил внимание Сталина на то, что в 1940 году Гитлер не вторгся в Англию, хотя в то время его армия была самой мощной. Черчилль объяснил это обстоятельство трудностью форсирования Ла-Манша. Сталин возразил, что это — неверная аналогия. Десант Гитлера в Англии вызвал бы сопротивление народа, в то время как десант англичан получил бы поддержку французского народа. На это Черчилль ответил, что именно по этой причине следует так подготовить десант союзников, чтобы не позволить Гитлеру выместить на французах его гнев за поддержку операции, если она провалится. Как писал Черчилль, «наступила гнетущая тишина. Наконец Сталин сказал, что если мы не можем осуществить высадку во Франции в этом году, то он не в праве настаивать на этом, но он должен сказать, что он не согласен с моими аргументами».

Несмотря на острые стычки в ходе переговоров и крайне неблагоприятную обстановку на фронте для их проведения, встреча двух лидеров завершилась выражением готовности к продолжению совместной борьбы против общего врага. Наша страна нуждалась в англо-американской помощи, а союзники понимали, что без СССР им не выиграть Вторую мировую войну. Умение Сталина вести переговоры произвело сильное впечатление на Черчилля.

В ходе переговоров в Кремле Черчилль даже извинился перед Сталиным за ту роль, которую он сыграл в организации интервенции против Советской России. Произошло это после того, как Сталин вспомнил о визите в Москву писателя Джорджа Бернарда Шоу и леди Астор. Когда, по словам Сталина, леди Астор предложила ему пригласить Ллойда Джорджа в Москву, Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На это леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». — «Во всяком случае, — сказал Сталин, — Ллойд Джордж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». — «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено», — заметила леди Астор. «Я не уверен, — ответил Сталин. — В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь, как вспоминал Черчилль, «я прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я спросил: «Вы простили меня?» «Премьер Сталин говорит, — перевел

Павлов, — что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу»»».

Суммируя свои впечатления о первой встрече с советским руководителем, У. Черчилль в своем выступлении 8 сентября 1942 года в палате общин заявил: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной степени сказать это и о себе. Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций и в особенности для великих людей и великих вождей. Сталин произвел на меня впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода. Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова».

Несмотря на все хорошие слова, которые были сказаны Черчиллем в адрес советского руководителя, он внес немалый вклад в саботирование десанта союзников через Ла-Манш в 1943 году. Даже на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 года), когда уже был решен вопрос об открытии второго фронта в Северной Франции в первой половине 1944 года, У. Черчилль продолжал настаивать на высадке союзников на Балканах. Как и в 1915 году, цель предлагавшейся Черчиллем операции состояла в том, чтобы отрезать путь русским в Западную Европу. Позже Черчилль стал выдвигать альтернативный план десанта в Адриатике на берег Югославии со все той же целью: не пустить Красную армию в Западную Европу.

Однако все эти хитрые уловки Черчилля не увенчались успехом. Красная армия в одиночку сломала хребет гитлеровской военной машины и к осени 1944 года в основном завершила освобождение советских земель от гитлеровской неволи. В то время как союзники, сражавшиеся в Италии с июля 1943 года, вплоть до конца войны так и не сумели занять территорию этой страны, а, высадив десант в Нормандии в июне 1944 года, за пол года сумели занять лишь Северную Францию, часть Бельгии и Люксембург, Красная армия, вступив на территорию зарубежной Европы весной 1944 года, к концу этого года освободила Румынию, Болгарию, Восточную

Венгрию, Восточную Польшу, приступила к освобождению Чехословакии, Югославии и Норвегии.

По мере продвижения Красной армии за границы СССР и расширения советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе Черчилль все активнее настаивал на встрече Большой Тройки для обсуждения вопроса о разделе «зон ответственности» и наконец в октябре 1944 года лично направился в Москву для решения этого вопроса. Переговоры Черчилля со Сталиным проходили с 9 по 18 октября 1944 года.

В ходе первой же встречи со Сталиным Черчилль заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Британии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 % в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90 % в Греции и пополам — в Югославии?» По словам Черчилля, «пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал: Румыния. Россия — 90 %; Другие — 10 %. Греция — Великобритания (в согласии с США) — 90 %; Россия — 10 %. Югославия — 50 % — 50 %. Венгрия — 50 % — 50 %. Болгария. Россия — 75 %. Другие — 25 %».

Этот эпизод переговоров Черчилля со Сталиным отражен в книге Ф. Бедарида, однако реакция Сталина на предложение Черчилля охарактеризована неточно. Автор пишет: «Сталин тотчас же схватил эту бумажку и синим карандашом написал на ней, что согласен. Таким образом, за несколько минут истинные политики Сталин и Черчилль с неподражаемым цинизмом решили участь половины Европы на целых пол века».

На самом деле разыгравшаяся сцена была двусмысленной. По словам Черчилля, закончив составление своей таблицы, он «передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую галку, вернул его мне. На урегулирование этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Затем наступило долгое молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». — «Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин». Комментируя эту сцену, переводчик И. В. Сталина В. Бережков писал: «Возможно, предложением об уничтожении бумаги Черчилль хотел

привлечь своего визави для участия в конспиративном акте — совместной ликвидации компрометирующего документа, что можно было бы потом трактовать как достигнутый сговор. Но Сталин на это не пошел».

Ко всему прочему вскоре выяснилось, что у союзников нет особых возможностей, чтобы навязывать свои условия дележа Европы. Свидетельством их неспособности без помощи СССР одолеть Германию стало обращение Черчилля к Сталину 6 января 1945 года. В связи с отступлением союзников в Арденнах под натиском немцев Черчилль попросил Сталина сообщить, «можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть». На следующий день Сталин ответил: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

В результате успешного наступления к началу Ялтинской конференции советские части оказались в семидесяти километрах от Берлина. С доклада начальника советского Генерального штаба А. И. Антонова началась деловая часть первого заседания второй встречи Большой Тройки (4—11 февраля 1945 года). Из доклада начальника Генерального штаба американской армии Д. К. Маршалла следовало, что, хотя последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы, войска союзников лишь начинают концентрацию своих сил для будущего наступления. К этому дню войска союзников еще стояли у «линии Зигфрида» и лишь кое-где перешли границу Германии. И все же, по-прежнему стремясь опередить Красную армию в ее движении в глубь Европы, Черчилль предложил перебросить войска союзников на Любляну навстречу советским войскам. Таким образом англо-американские войска получили бы возможность первыми войти в Австрию и Чехию. Однако это предложение британского премьера осталось без ответа.

Решающая роль СССР в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников была неоспоримой и проявлялась в исключительном уважении, которое выказывали главы США и Великобритании Сталину во время Ялтинской конференции. Позже Черчилль вспоминал о Сталине: «Когда он

входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

23 февраля 1945 года Черчилль писал Сталину: «Красная армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед. Я прошу Вас, великого руководителя великой армии, приветствовать ее от моего имени сегодня, на пороге окончательной победы».

И все же, несмотря на эти слова, Черчилль вплоть до последних дней войны прилагал всевозможные усилия для того, чтобы остановить победоносный марш Красной армии. 1 апреля 1945 года Черчилль писал Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и в том случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять».

Однако и этот план Черчилля провалился. Советские войска окружили Берлин и после тяжелых боев взяли столицу Германии, водрузив Знамя Победы над рейхстагом. Через два месяца там, где шли ожесточенные бои, в пригороде столицы разгромленной Германии состоялась Потсдамская конференция, последнее совещание Большой Тройки (17 июля — 2 августа 1945 года).

Как и в ходе предыдущих встреч со Сталиным, Черчилль вновь увидел в нем достойного партнера по сложным и острым переговорам, умело владевшего точной информацией и способного раскрывать самые хитроумные уловки британской дипломатии. Так, в ходе обсуждения темы о нехватке угля и рабочей силы для его добычи в Западной Европе Сталин заметил невзначай, что в СССР сейчас используется труд военнопленных для работы в шахтах, а затем сказал: «400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила». Осознав истинный смысл заявления Сталина, Черчилль тут же стал оправдываться: «Я не знал, что они не разоружены. Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не

знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Во всяком случае, я наведу справки».

Однако Сталин не ограничился своим острым замечанием, а в конце заседания передал Черчиллю меморандум относительно имеющихся в Норвегии неразоруженных германских войск. Черчилль вновь стал оправдываться: «Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска». Ответ Сталина: «Не сомневаюсь» — был, очевидно, произнесен с ироничной интонацией, а потому вызвал смех. Продолжая оправдываться, Черчилль заявил: «Мы не держим их в резерве, чтобы потом выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу». Лишь через десять лет, когда Черчилль вновь стал премьер-министром, он признал, что лично отдал распоряжение не разоружать часть немецких войск, а держать их готовыми на случай возможного вооруженного столкновения с СССР в Европе летом 1945 года.

Хотя Потсдамская конференция подвела итоги Второй мировой войны, в дни, когда в последний раз заседала Большая Тройка, уже замаячил призрак новой мировой войны — холодной. Вскоре после успешного испытания первого атомного оружия в Аламогордо (штат Нью-Мексико) президент Гарри Трумэн решил сообщить об этом Сталину.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков так описал этот эпизод: «В момент этой информации... У. Черчилль впился в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего особенного не нашел в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы, считали впоследствии, что, вероятно, И. В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения. На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают». И. В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы».

Между тем создание атомного оружия и применение его в Хиросиме и Нагасаки 6 и 8 августа 1945 года убедили правящие круги США и их английских союзников, что Запад наконец обрел способ «остановить СССР». Уже 9 октября 1945 года комитет начальников штабов США подготовил секретную директиву 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», которая исходила из подготовки нанесения Америкой превентивного атомного удара по СССР. По мере быстрого накопления атомного оружия в США 14 декабря 1945 года была

подготовлена новая директива № 432/d комитета начальников штабов, в приложении к которой были указаны 20 основных промышленных центров СССР и трасса Транссибирской магистрали в качестве объектов атомной бомбардировки. Именно эти планы, а не мнимые экспансионистские планы СССР, о которых пишет Бедарида, стали причиной поворота мира в сторону холодной войны. Очевидно, что обвинения Сталиным союзников в вероломстве, которые он не раз высказывал на протяжении войны, были не напрасными.

Правда, официальные лица США и Великобритании некоторое время воздерживались от ревизии Ялтинских и Потсдамских договоренностей и не шли на открытый разрыв с СССР. Поэтому роль герольда холодной войны была поручена ушедшему в отставку после поражения на выборах У. Черчиллю. В книге Бедарида достаточно красочно и подробно описано выступление Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года, в котором он объявил всему миру о начале холодной войны против СССР.

14 марта 1946 года в «Правде» был опубликован ответ И. В. Сталина корреспонденту «Правды». Сталин заявлял: «Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне против СССР». Впервые после многих лет Сталин напоминал о бывших действиях Черчилля, направленных против СССР: «Ему... не нравилось появление советского режима в России после Первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый поход против «Восточной Европы». Но если им это удастся, — что маловероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как были биты в прошлом, 26 лет тому назад».

С этого времени Черчилль стал на долгие годы считаться в нашей стране «поджигателем войны № 1». Для такого отношения к нему были основания. Даже находясь в оппозиции, консервативная партия во главе с Черчиллем активно поддерживала все мероприятия лейбористского правительства Эттли, направленные против СССР, прежде всего подписание в апреле 1949 года Североатлантического пакта.

Враждебность Великобритании по отношению к нашей стране не ослабела после того, как консерваторы вернулись к власти, а У. Черчилль

стал вновь премьер-министром. Цепь военных блоков, окружающих СССР и его союзников, при Черчилле расширилась. В сентябре 1954 года Великобритания становится членом военного блока СЕАТО («организация договора для Юго-Восточной Азии»), а в апреле 1955 года присоединяется к ирако-турецкому договору, который вскоре превратился в СЕНТО («организация центрального договора»). Черчилль способствует подписанию в октябре 1954 года Парижских соглашений, предусматривавших вступление Западной Германии в НАТО. Признав несовместимость этих соглашений с англо-советским договором 1942 года, СССР был вынужден денонсировать этот договор, подписанный в разгар мировой войны, когда Черчилль был первый раз премьер-министром страны. Несмотря на отдельные заявления о необходимости остановить сползание мира к опасной грани мировой войны, все действия Черчилля на международной арене на деле способствовали нагнетанию международной обстановки. Очевидно, что иного трудно было ожидать от руководителя одной из ведущих стран Запада в период холодной войны.

Уход Черчилля в отставку в почтенном 80-летнем возрасте произошел, когда выдающийся руководитель страны почти полностью исчерпал все физические возможности для активного служения Британской империи. Хотя он и продолжал заседать в палате общин, он перестал быть членом правительства. И вот 21 декабря 1959 года У. Черчилль сделал в палате общин заявление, которое вновь удивило мир. Казалось, что Черчилль перечеркивал все свои послевоенные заявления, сделанные им в отношении СССР и его руководителей, и возвращался к своим оценкам времен боевого сотрудничества с СССР в 1941–1945 годах. Его спич по случаю 80-летия со дня рождения И. В. Сталина весьма выразителен: «Большое счастье для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и нестигаемой силы воли, резким и беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью.

Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, что бы мы ни говорили о нем, — таких история и народы не забывают».

Эта емкая и яркая характеристика Сталина резко отличалась от карикатурных изображений Сталина на Западе во времена холодной войны. Почему Черчилль сделал такое заявление? Об этом можно только догадываться. Возможно, находясь не у дел, он мысленно возвращался к важнейшим событиям истории, участником которых был, чтобы взглянуть на них более непредвзято. Известно, что в последние годы своей жизни он искал способы отображения реальности, которые были долгое время далеки от него, пока он был политическим и государственным деятелем. Как отмечал английский писатель Чарльз Сноу, Черчилль стал читать классиков английской литературы, таких, как Джейн Остин и Тrollop, лишь «в унынии старости». Бедарида отмечает, что лишь после восьмидесяти лет Черчилль познакомился с «Гамлетом» Шекспира. Возможно, что обращение к художественной литературе свидетельствовало о его признании недостаточности прежних представлений о странах и людях, которых он обычно рассматривал в виде фигур в геополитической игре.

Он признавал, что Россия, которая то была его лютым врагом, то верным союзником, осталась для него непонятной. Эти размышления отразились в известном черчиллевском афоризме о России, который приводит Франсуа Бедарида: «Россия — это окутанная тайной головоломка внутри загадки».

На склоне лет он оценивал прожитую жизнь и людей, которых он встречал, более глубоко задумываясь о человеческой истории и особенностях человеческой натуры. Он пережил всех своих коллег по Большой Тройке. Теперь, говоря о них, он уже мог не прибегать к политиканской риторике, а отдать должное своим партнерам по антигитлеровской коалиции как исторический свидетель их деятельности.

К более глубокому, философскому взгляду на мир располагала и судьба той империи, которую он защищал всю жизнь. К концу его жизни от Британской империи, которая в период его политической деятельности

занимала четверть земной суши, остался лишь ряд небольших колоний. Экономические и политические позиции Великобритании во всем мире были сильно потеснены другими странами Запада и прежде всего США. Влияние Великобритании в мире ослабло. К концу своей жизни он стал свидетелем того, что не на встречах Большой Тройки, а в ходе «саммитов» руководителей СССР и США решались главные вопросы мировой политики. На этом фоне деяния его партнера, а затем главного врага представлялись значительно более успешными.

Его заявление о Сталине, в котором он подчеркивал сложность и неординарность советского руководителя, лишний раз свидетельствует о том, насколько неординарной личностью был сам Уинстон Черчилль. По-прежнему видя в России и ее руководителях геополитических врагов Британской империи, он был способен дать им спокойную и мудрую оценку. То, что такая оценка естественна для Черчилля, логично вытекает из содержания книги Ф. Бедарида. Совершенно не случайно, что Черчилль, способный мыслить глубоко, выражать свои мысли ярко и афористично, принимать неожиданные, оригинальные решения, действовать творчески, оказался способным возглавить Великобританию в годы величайших испытаний, а затем стать одним из вершителей всемирной победы над гитлеровской Германией.

В то же время истории было угодно, что, действуя во имя интересов Британской империи, Черчилль значительную часть своей жизни был врагом нашей страны, то стремясь помешать ее победам, то готовя разрушительные войны против нее, то утяжеляя и без того тяжелое бремя нашего народа в годы мировых войн. Хотя политика Черчилля по отношению к России оказалась недостаточно полно раскрыта в книге Бедарида, очевидно, что это произведение французского историка позволяет увидеть этого политического лидера Великобритании как сильную и яркую, сложную и противоречивую фигуру, без которой трудно представить себе историю XX века.

Ю. В. Емельянов

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ

30 ноября 1874 года

В Бленхеймском замке родился Уинстон Черчилль.

январь 1877 года — январь 1880 года

>

Лорд Рандольф Черчилль с семьей находится в Дублине, в Литл-Лодж на Феникс-парк, при особе вице-короля.

февраль 1880 года

Возвращение лорда Рандольфа, Дженни и Уинстона в Лондон. Семья живет в доме на Сент-Джеймс Плейс с 1880 по 1882 год.

4 февраля 1880 года

Рождение брата Уинстона Джона Стрейнджа Черчилля. Близкие называли его «Джеком» (годы жизни: 1880–1947).

3 ноября 1882 года — июнь 1884 года

Пребывание Уинстона в Сент-Джордж Скул в Аскоте.

сентябрь 1884 года

Пребывание Уинстона в школе девиц Томсон в март 1888 года Брайтоне.

24 июня 1885 года — 30 января 1886

Лорд Рандольф в возрасте тридцати шести лет года назначен министром по делам Индии.

3 августа 1886 года

Лорд Рандольф назначен министром финансов. Он оставил этот пост с громким скандалом 20 декабря 1886 года.

апрель 1888 года

Уинстон поступает в Хэрроу Скул.

декабрь 1892 года

Оставляет Хэрроу Скул. Падает с дерева в Борнмуте.

февраль — июнь 1893

Уинстона записывают в «Заведение капитана года Джеймса» (подготовительную школу) для подготовки к поступлению в Сэндхерст.

28 июня 1893 года

Уинстон успешно сдает вступительный экзамен в Сэндхерст (Королевский военный колледж) и становится курсантом-кавалеристом.

лето 1893 года

Каникулы в Швейцарии: «walking tour»^[44].

1 сентября 1893 года

Начало занятий в Сэндхерсте.

лето 1894 года

Путешествие по европейскому континенту (по Бельгии и Швейцарии).

3 ноября 1894 года

Скандальное выступление в мюзик-холле «Империя» на Лестер сквер.

конец декабря 1894 года

Уинстон заканчивает обучение в Сэндхерсте, показав двадцатый результат успеваемости из ста тридцати возможных.

24 января 1895 года

Умирает лорд Рандольф Черчилль, отец Уинстона.

1 апреля 1895 года

Уинстон становится младшим лейтенантом 4-го гусарского полка Ее величества.

июль 1895 года

Умирает миссис Эверест.

октябрь — декабрь

Военная командировка на Кубу. 1895 года

1895 год

октябрь: Уинстон отплывает в Соединенные Штаты;

ноябрь: осматривает Нью-Йорк;

декабрь: прибывает на Кубу;

6 декабря: посылает первую статью в «Дейли Грэфик».

сентябрь 1896 года

Уинстон отправляется в Индию вместе с 4-м гусарским полком.

октябрь 1896 года

Прибывает в гарнизон Бангалора.

январь 1897 года

Встреча с Памелой Плоуден.

май — август 1897 года

Отпуск в Англии.

сентябрь-октябрь 1897 года

Уинстон служит вместе с Малакандской действующей армией на северо-западной границе Империи. Публикация его отчетов в «Дейли Телеграф».

декабрь 1897 года

Лейтенант Черчилль возвращается в Бангалор, в 4-й гусарский полк.

январь — июнь 1898 года

Мечтает о поездке в Египет.

14 марта 1898 года

Публикация его первой книги «История Малакандской действующей армии» (книгу в шутку называли «Советы младшего офицера генералам»).

июнь 1898 года

Перед военной командировкой в Судан Черчилль берет трехмесячный

отпуск, оставляет Индию и возвращается в Англию, где предпринимает многочисленные демарши.

июль 1898 года

Назначение в 21-й уланский полк. Черчилль отплывает из Англии в Египет, заключив предварительно договор с «Морнинг Пост».

август 1898 года

Переправляется по Нилу в Судан.

2 сентября 1898 года

Сражение при Омдурмане.

сентябрь 1898 года

Черчилль посылает отчеты в «Морнинг Пост».

октябрь 1898 года

Возвращается в Лондон.

2 декабря 1898 года

Лейтенант Черчилль присоединяется в Индии к 4-му гусарскому полку, снова играет в поло (он говорил, что, играя в эту игру, словно «кобру хлыстом стегаешь»).

март 1899 года

Навсегда уезжает из Индии.

апрель 1899 года

Проездом через Каир возвращается в Лондон.

3 мая 1899 года

Увольняется из армии, чтобы посвятить себя политике.

май 1899 года

Первое выступление в качестве политика на празднике Примроуз Лиг в Бате.

6 июля 1899 года

Провал на частичных выборах в Олдеме.

14 октября 1899 года

Отплытие в Кейптаун в качестве военного корреспондента «Морнинг Пост». В Кейптаун Черчилль прибывает 31 октября, в Натал — в начале ноября. Назначен лейтенантом в полк Ланкаширских гусар.

7 ноября 1899 года

Публикация книги «Война на реке» (два тома, 950 страниц).

15 ноября 1899 года

Черчилль попадает в плен к бурам.

12–13 декабря 1899 года

Бежит из тюрьмы в Претории, достигает Мозамбика, 21 декабря прибывает в Лоренсу Маркиш, 23 декабря — в Дурбан.

28 февраля 1900 года

Принимает участие в освобождении Ледисмита.

3—10 февраля 1900 года

Публикация романа «Саврола».

15 мая 1900 года

Публикация рассказа «Из Лондона в Ледисмит».

5 июня 1900 года

Черчилль входит в Преторию вместе с британской армией-победительницей.

июнь 1900 года

Покидает Южную Африку. 20 июля он прибывает в Англию, где его встречают как героя (представители тринадцати избирательных округов предложили ему баллотироваться у них).

конец июля 1900

Леди Рандольф выходит замуж за Джорджа *года* Корнуоллиса-Уэста.

1 октября 1900 года

В ходе выборов в законодательное собрание («военные выборы») Уинстон Черчилль избран депутатом от партии консерваторов в округе

Олдем (Ланкашир).

12 октября 1900 года

Публикация книги «Марш Яна Гамильтона».

16 декабря 1900 года

Конференция в Нью-Йорке (на которой председательствовал Марк Твен). Затем конференции в Соединенных Штатах, Канаде, Англии. Выступления на этих конференциях принесли Черчиллю десять тысяч фунтов.

14 февраля 1901 года

Торжественное открытие первого заседания вновь избранного парламента Эдуардом VII. Черчилль занимает свое место в палате общин.

18 февраля 1901 года

Первая речь в парламенте.

1901–1902 годы

Черчилль подвергает суровой критике военную политику правительства.

1903 год

Выступает против протекционистской линии Джозефа Чемберлена.

май 1903 года

Публикация книги «Армия мистера Бродрика».

22 апреля 1904 года

Во время выступления в палате общин Черчилль вынужден был прерваться, потеряв нить речи.

31 мая 1904 года

Не приемля политики консервативного правительства Бальфура и ратуя за свободу торговли, Черчилль перешел в либеральную партию.

12 декабря 1905 года

Назначение заместителем министра по делам колоний в правительстве Кэмпбелла-Баннермана.

2 января 1906 года

Публикация книги «Лорд Рандольф Черчилль» (в двух томах).

13 января 1906 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль избран депутатом от либеральной партии в северо-западном Манчестере.

сентябрь 1906 года

По приглашению кайзера Вильгельма II Черчилль присутствует на тактических учениях немецкой армии в Бреслау.

апрель 1907 года

Лондонская конференция колониальных стран.

1 мая 1907 года

Черчилль становится членом тайного совета.

август 1907 года

Присутствует на тактических учениях французской армии.

октябрь 1907 года — март 1908 года

Официальный визит на Мальту, Кипр, в Кению, Уганду, Судан и Египет.

январь 1908 года

Публикация книги «Мое путешествие в Африку».

12 апреля 1908 года

Черчилль назначен министром торговли в правительстве Асквита.

24 апреля 1908 года

Проигрывает частичные выборы в северо-западном Манчестере.

9 мая 1908 года

Избрание депутатом в Данди.

лето 1908 года

Черчилль высказывается за проект закона о восьмичасовом рабочем

дне для шахтеров. Присутствует на тактических учениях британской армии на Солсбери Плейн.

12 сентября 1908 года

Бракосочетание с Клементиной Хозиер (1885–1977).

1909 год

Закон о комиссиях по урегулированию спорных вопросов (направленный против усиленной эксплуатации).

1909 год

Закон о биржах труда.

1909–1911 годы

Черчилль вместе с Ллойдом Джорджем принимает участие в битве за «народный бюджет» и против палаты лордов (преимущество палаты общин над палатой лордов было закреплено специальным парламентским актом).

11 июля 1909 года

Рождение старшей дочери Черчилля Дианы. *сентябрь 1909 года*
Черчилль присутствует на тактических учениях немецкой армии в Вюрцбурге.

ноябрь 1909 года

Публикация книги «Либерализм и социальный вопрос».

18 января 1910 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом в Данди.

13 февраля 1910 года

Назначение министром внутренних дел.

лето 1910 года

Присутствует на тактических учениях британской армии на Солсбери Плейн.

ноябрь 1910 года

Забастовка шахтеров Уэльса («инцидент в Тонипэнди»).

9 декабря 1910 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом в Данди.

1910–1911 годы

Черчилль пытается улучшить пенитенциарную систему и режим содержания в тюрьмах.

3 января 1911 года

«Сражение на Сидней стрит».

28 мая 1911 года

Рождение сына Рандольфа.

июль-август 1911 года

Забастовка портовых рабочих, затем железнодорожников.

13 августа 1911 года

Черчилль представляет в Комитет обороны империи меморандум под названием «Военные аспекты континентального вопроса».

23 октября 1911 года

Становится первым лордом адмиралтейства.

29 ноября 1911 года

Меняет кадровый состав морского министерства.

1912–1914 годы Модернизация военно-морских сил Великобритании: повышение темпов строительства дредноутов; замена угольного топлива мазутом; создание «летающих отрядов военно-морского флота Великобритании», прообраза военно-морской авиации; разработка бронированного средства передвижения — «танка» (так называемого «безумия Уинстона»).

1913 год

Черчилль назван «старшим братом Тринити Хаус»^[45].

1913–1914 годы

Высказывается за предоставление Ирландии самоуправления.

1914 год

Избрание почетным ректором Абердинского университета.

17 июня 1914 года

Черчилль добивается согласия парламента на покупку Англо-иранской нефтяной компании для обеспечения нефтью военно-морских сил Великобритании.

1 августа 1914 года

Отдает приказ о мобилизации флота.

24 августа 1914 года

Сражение за Гельголанд.

октябрь 1914 года

Оборона и падение Антверпена.

7 октября 1914 года

Рождение дочери Сары.

29 октября 1914 года

Адмирал Фишер назначен первым морским лордом^[46] вместо принца Луиса Баттенбергского.

13 января 1915 года

Черчилль представляет проект операции в Дарданеллах военному совету.

18 марта 1915 года

Франко-британский флот атакует Галлипольский полуостров.

25 апреля 1915 года

Высадка союзников на Галлипольском полуострове.

начало мая 1915 года

Поражение в Дарданеллах становится очевидным и провоцирует глубокий кризис.

15 мая 1915 года

Отставка лорда Фишера.

17 мая 1915 года

Асквит предупреждает Черчилля, что тот должен подать в отставку с поста первого лорда адмиралтейства.

25 мая 1915 года

Формирование коалиционного правительства, возглавляемого Асквитом.

25 мая 1915 года

Черчилль назначен канцлером герцогства Ланкастерского.

конец июня — начало июля 1915 года

Начинает рисовать. Живопись становится его хобби.

11 ноября 1915 года

Оставляет пост в правительстве.

18 ноября 1915 года

Уезжает во Францию.

20 ноября 1915 года

Временно назначен майором в гренадерский гвардейский полк. Принимает участие в боях. Впервые узнает, что такое окопная война, остается на фронте до 30 ноября.

декабрь 1915 года

Верховное командование решает, какую должность доверить Черчиллю: сначала предлагается назначить его командиром бригады (в чине генерала), затем — командиром батальона (в чине полковника).

1 января 1916 года Черчилль назначен командиром 6-го батальона шотландских королевских стрелков в чине подполковника.

20 января 1916 года

В окопах «Плаг стрит».

2 марта 1916 года

Отпуск в Англии.

7 марта 1916 года

Черчилль произносит речь о бюджете военно-морского министерства в палате общин, депутаты принимают ее крайне враждебно.

13 марта 1916 года

Возвращение в окопы «Плаг стрит», где Черчилль остается до начала мая.

7 мая 1916 года

Черчилль оставляет свой батальон и возвращается в Лондон, возобновляет свою политическую карьеру в качестве депутата.

17 июля 1917 года

Назначен министром снабжения армии в правительстве Ллойда Джорджа.

31 июля 1917 года

В ходе частичных выборов Черчилль переизбран депутатом в Данди.

8 августа 1918 года

Присутствует при атаке 4-й английской армии (в этой атаке принимали участие семьдесят два танка).

15 ноября 1918 года

Рождение дочери Мэриголд.

14 декабря 1918 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом в Данди.

10 января 1919 года

Назначен министром военного ведомства и авиации.

1919 год

Отдает приказ о демобилизации.

1919 год

Устраивает выставку своих работ в Королевском обществе художников-портретистов.

1919–1920 годы

Встает вопрос об интервенции в Россию.

июль 1920 года — декабрь 1921 года

Волнения в Ирландии, переговоры с ирландскими националистами, заключение англо-ирландского договора.

январь 1921 года

Черчилль получает тяжелое ирландское «наследство».

13 февраля 1921 года

Назначен министром по делам колоний и авиации (должность министра авиации он исполнял только до 1 апреля 1921 года).

12–22 марта 1921 года

Каирская конференция по ближневосточному вопросу. Советником Черчилля на этой конференции был Т. Е. Лоуренс. Договор с арабскими государствами, согласно которому эмир Фесал взойдет на трон Ирака, а его брат, эмир Абдалла, — на трон Трансиордании (будущей Иордании).

апрель 1921 года

Черчилль перебирается на Сассекс сквер.

29 июня 1921 года

Смерть леди Рандольф Черчилль.

23 августа 1921 года

Умирает дочь Черчилля Мэриголд.

15 сентября 1921 года

Рождение дочери Мэри.

15 сентября 1922 года

Покупка Чартвелльского поместья.

сентябрь-октябрь 1922 года

Дипломатический кризис в Чанаккале.

18 октября 1922 года

Черчиллю удаляют аппендицит.

19 октября 1922 года

Падение Ллойда Джорджа, правительство уходит в отставку, и Черчилль теряет свой министерский пост.

15 ноября 1922 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль потерпел поражение в Данди и на два года лишился места в парламенте.

ноябрь 1922 года

Черчилль становится кавалером ордена Славы.

10 апреля 1923 года

Публикация первого тома «Мировых кризисов» (шестой и последний том этой книги вышел в 1931 году).

6 декабря 1923 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль терпит поражение в западном Лейчестере как кандидат от либеральной партии и сторонник беспошлинной торговли.

январь 1924 года

Порывает с либеральной партией из-за чрезмерной снисходительности либералов к лейбористам; 22 января сформировано первое лейбористское правительство, которое возглавил Джеймс Рамсэй Макдоналд

19 марта 1924 года

В ходе частичных выборов терпит поражение в Вестминстере (избирательном округе Вестминстерского аббатства) как независимый кандидат, антисоциалист.

29 октября 1924 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль избран

депутатом в Эппинге как «конституционалист и антисоциалист» (кроме того, его поддерживали еще и консерваторы).

6 ноября 1924 года

Черчилль назначен министром финансов в правительстве Болдуина.

28 апреля 1925 года

Представляет свой первый бюджет, ключевая идея которого — возвращение к «золотому стандарту».

1925 год

М. Кейнс пишет памфлет «Экономические выводы мистера Черчилля».

4—12 мая 1926 года

Всеобщая забастовка. Черчилль основывает и издает «Бритиш Газетт».

январь 1927 года

Во время путешествия по Средиземноморью наносит визит Муссолини и выражает герцогу свое восхищение.

1928 год

Начинает осваивать в Чартвелле профессию каменщика, ставшую еще одним его хобби; вступает в местное отделение Объединенного профсоюза строителей.

30 мая 1929 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом в Эппинге как конституционалист-консерватор.

4 июня 1929 года

Уходит из правительства Болдуина, лишается власти на целых десять лет.

3 августа—6 ноября 1929 года

Путешествие в Канаду и Соединенные Штаты в сопровождении брата Джека и сына Рандольфа.

1929 год

Черчилль получает звание почетного ректора Эдинбургского

университета.

1930 год

Разногласия с руководством консервативной партии по индийскому вопросу: Черчилль против предоставления Индии статуса доминиона и не согласен с «Декларацией Ирвина» от 1929 года.

январь 1930 года

Черчилль становится номинальным президентом Бристольского университета.

февраль 1930 года

Ратует за создание «Соединенных Штатов Европы», которые объединили бы все страны европейского континента.

июнь 1930 года

«Романские чтения» в Оксфордском университете о партийном правлении и экономических проблемах.

27 января 1931 года

Черчилль выходит из состава «теневого кабинета» — кабинета министров, намеченного лидерами консервативной оппозиции, — из-за разногласий по индийскому вопросу.

24 августа 1931 года

Макдоналд формирует «национальное» коалиционное правительство, в состав которого Черчилль не вошел.

20 октября 1931 года

Публикация книги Черчилля «Мои ранние годы» (в американском издании книга называется «Скитания»).

27 октября 1931 года

В ходе выборов в законодательное собрание

Черчилль переизбран депутатом от консервативной партии в Эппинге.

11 декабря 1931 года—11 марта 1932 года

>

Серия публичных лекций в Соединенных Штатах.

13 декабря 1931 года

В Нью-Йорке переворачивается автомобиль Черчилля.

ноябрь 1932 года

Публикация книги «Мысли и события» (в американском издании книга называется «Посреди бурь»).

23 марта 1933 года

В своем выступлении в палате общин Черчилль обличает нацистский режим.

13 апреля 1933 года

Вновь с парламентской трибуны Черчилль предупреждает об опасности, которой грозит гитлеровская диктатура.

май 1933 года

Основывает Лигу защиты Индии.

6 октября 1933 года

Публикация первого тома биографии герцога Мальборо (четвертый и последний том книги вышел в сентябре 1938 года).

8 и 14 марта 1934 года

С трибуны палаты общин призывает к укреплению воздушной обороны Великобритании.

16 ноября 1934 года

В своем выступлении на Би-би-си предостерегает против милитаристского, агрессивного настроения нацистской Германии.

28 ноября 1934 года

В палате общин предостерегает против военно-воздушной мощи Германии.

6 июля 1935 года

Назначен членом подкомитета по исследованиям в области воздушной обороны Комитета обороны империи. В подкомитете Черчилль состоял до 1939 года.

14 ноября 1935 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом от консервативной партии в Эппинге.

9—17 сентября 1936 года

Присутствует на тактических учениях французской армии и посещает линию Мажино.

24 сентября 1936 года

Парижская конференция в Театре дез Амбассадор о достоинствах демократии и вреде диктатуры.

2—11 декабря 1936 года

Монархический кризис: Черчилль встает на сторону Эдуарда VIII.

4 октября 1937 года

Публикация книги «Великие современники» (первое издание).

25—30 марта 1938 года

В Париже Черчилль встречается с французскими руководителями.

5 мая 1938 года

Протестует против отречения британского правительства от военно-морских баз в портах Ирландии.

13 мая 1938 года

Тайно встречается в Лондоне с Конрадом Хенлейном.

24 июня 1938 года

Публикация книги «Оружие и путь переговоров».

14 июля 1938 года

Бургомистр Данцига Ферстер наносит визит Черчиллю и предлагает ему встретиться с Гитлером. Черчилль возмущен тем, что в Германии евреи подвергаются гонениям.

19 августа 1938 года

Тайный визит в Чартвелль командующего Эвальда фон Клейста, члена

враждебно настроенной по отношению к Гитлеру группы офицеров.

20 сентября 1938 года

Черчилль наносит визит в Париж Полью Рено и Жоржу Манделю.

5 октября 1938 года

Резко критикует с трибуны палаты общин Мюнхенский договор.

3 апреля 1939 года

Публично одобряет предоставление Британией гарантий безопасности Польше.

27 июня 1939 года

Публикация книги «Шаг за шагом».

14 июля 1939 года

Черчилль присутствует на праздничном параде^[47] в Париже.

15–17 августа 1939 года

Посещает линию Мажино.

3 сентября 1939 года

Великобритания и Франция объявляют войну Германии. Черчилль назначен первым лордом адмиралтейства («Winston is back»^[48]).

1 октября 1939 года

В своем выступлении по радио Черчилль призывает к созданию правительства народного согласия.

30 ноября 1939 года

Начало военных действий между Советским Союзом и Финляндией.

13–17 декабря 1939

Победа британского флота в заливе Ла-Плата. года

18 декабря 1939 года

Черчилль выступает с предложением заминировать норвежские воды.

5 февраля 1940 года

Впервые принимает участие в заседании Высшего межсоюзнического совета.

17 февраля 1940 года

Британский эскадренный миноносец «Коссак» атакует в одном из норвежских фьордов немецкий нестроевой корабль «Альтмарк».

11 марта 1940 года

Черчилль отправляется в Париж, где пытается убедить французскую сторону принять участие в операции британских военно-морских сил.

13 марта 1940 года

Финляндия и Советский Союз подписывают мирный договор.

28 марта 1940 года

Заседание Высшего межсоюзнического совета в Лондоне. Союзники обязуются не заключать с противником сепаратного мира. Французская сторона отказывается принять участие в операции британских военно-морских сил.

3 апреля 1940 года

Черчилль назначен председателем Комитета по военному координированию.

5–8 апреля 1940 года

Британские моряки минируют норвежские территориальные воды.

9 апреля 1940 года

Операция «Везерубунг»: Германия оккупирует Данию и Норвегию.

27 апреля 1940 года

Союзники решают эвакуировать британские и французские войска, высадившиеся в Норвегии.

2–3 мая 1940 года

Эвакуация союзнического десанта из портов Намсус и Андальснес.

7–8 мая 1940 года

Обсуждение фиаско в Норвегии в палате общин.

10 мая 1940 года

Начало наступления немецких войск на Запад: оккупация Бельгии и Голландии. Черчилль назначен премьер-министром.

13 мая 1940 года

Премьер-министр произносит в палате общин речь о «крови, поте и слезах».

15 мая 1940 года

Капитуляция голландской армии.

26 мая 1940 года

Под влиянием Черчилля военный совет отказывается вести переговоры с Гитлером через Муссолини.

27 мая—4 июня 1940 года

Эвакуация франко-британского десанта из Дюнкерка.

28 мая 1940 года

Капитуляция бельгийской армии.

4 июня 1940 года

Черчилль произносит речь о «призраке Дюнкерка»: «Мы не капитулируем никогда».

10 июня 1940 года

Италия объявляет войну Великобритании и Франции.

13 июня 1940 года

Заседание Высшего межсоюзнического совета в Туре.

14 июня 1940 года

Немецкие войска входят в Париж.

16 июня 1940 года

Проект франко-британского военного союза.

17 июня 1940 года

Маршал Петен просит у врага перемирия.

18 июня 1940 года

Черчилль произносит речь об «их звездном часе». Генерал Де Голль из Лондона обращается к своему народу.

3 июля 1940 года

Бомбардировка французского флота британцами в Эль-Мерс-Кебуре.

10 июля—15 сентября 1940 года

Битва за Англию.

23 июля 1940 года

Добровольческие отряды самообороны, насчитывавшие в конце месяца уже больше миллиона человек, переименованы в Отряды стражей Отечества.

20 августа 1940 года

Черчилль произносит речь во славу пилотов британских военно-воздушных сил.

7 сентября 1940 года

Наступает черед Лондона противостоять blitzkriegу.

17 сентября 1940 года

Гитлер решает отложить операцию «Львиное озеро» — вторжение в Англию.

23 сентября 1940 года

Франко-британская экспедиция терпит поражение в Дакаре.

октябрь 1940 года

Немцы решают прибегнуть к тактике использования эскадрилий подводных лодок.

9 октября 1940 года

Черчилль становится лидером партии консерваторов.

21 октября 1940 года

Обращается по радио к французскому народу.

28 октября 1940 года

Италия атакует Грецию.

11 ноября 1940 года

Воздушный рейд британских ВВС в залив Таранто: итальянский флот несет огромные потери.

9 декабря 1940 года

В Египте, а затем в северо-восточной части Ливии британские войска теснят итальянцев.

январь 1941 года

Британские войска отвоевывают у итальянцев Эритрею, Сомали и Эфиопию.

7 февраля 1941 года

В северо-восточной части Ливии британская армия, взяв Тобрук 22 января, входит в Бенгази.

12–14 февраля 1941

Роммель вместе с африканским корпусом немецкой армии входит в Ливию.

7 марта 1941 года

Британский десант высаживается в Греции.

11 марта 1941 года

Рузвельт подписывает закон об аренде.

29 марта 1941 года

Сражение у мыса Тенарон: победа за британским военно-морским флотом.

6—28 апреля 1941 года

Вторжение и завоевание немцами Югославии и Греции.

30 апреля 1941 года

Британские войска оставляют Грецию.

2—30 мая 1941 года

Британцы оккупируют Ирак и подавляют поднявшийся мятеж.

10 мая 1941 года

Во время бомбардировки разрушено здание палаты общин в Лондоне.

19 мая 1941 года

Итальянцы капитулируют в Эфиопии.

20 мая — 1 июня 1941 года

Немецкие войска завоевывают Крит.

27 мая 1941 года

Броненосец «Бисмарк» потоплен в Атлантическом океане.

8 июня 1941 года

Британские войска и отряды «Свободной Франции»^[49] входят в Сирию.

22 июня 1941 года

Германия переходит границу Советского Союза. Черчилль не колеблясь обещает Советам поддержку Соединенного Королевства.

12 июля 1941 года

В Москве английская и советская стороны подписывают договор о взаимопомощи.

20 июля 1941 года

В своем радиовыступлении Черчилль начинает пропагандировать идею победы, сделав букву «V»^[50] ее условным обозначением.

9—12 августа 1941 года

Встреча Черчилля и Рузвельта в Гус-Бее, в канадском штате Ньюфаундленд, в ходе которой они подписывают Атлантическую хартию.

18 ноября 1941 года

Британские войска начинают наступление в Ливии.

6 декабря 1941 года

Красная армия начинает контрнаступление под Москвой.

7 декабря 1941 года

Япония атакует американские корабли на рейде Перл-Харбор. Соединенные Штаты вступают в войну.

8 декабря 1941 года

Великобритания объявляет войну Японии.

10 декабря 1941 года

Британские броненосцы «Принц Уэльский» и «Рипалс» потоплены японцами вблизи Малайзии.

12 декабря 1940 года—14 января 1941 года

Черчилль морем отправляется в Вашингтон на свою первую конференцию с Рузвельтом. Эта конференция получила название «Аркадия».

25 декабря 1941 года

Капитуляция британского гарнизона в Гонконге.

26 декабря 1941 года

У Черчилля случается первый сердечный приступ.

29–31 декабря 1941 года

Черчилль наносит визит в Оттаву, где выступает перед канадским парламентом.

январь — ноябрь 1942 года

Кульминационный момент в битве за Атлантику.

21 января 1942 года

Начало наступления армии генерала Роммеля в Ливии.

27 января 1942 года

Вотум доверия: депутаты палаты общин поддержали правительство 464 голосами против одного.

15 февраля 1942 года

Капитуляция Сингапура.

8 марта 1942 года

Капитуляция Рангуна.

10 марта 1942 года

Стэффорд Криппс отправляется в Индию. Ему поручено пообещать колонии статус доминиона после окончания войны.

28 марта 1942 года

Воздушное нападение на Сен-Назер.

20–26 мая 1942 года

Визит Молотова в Лондон и подписание договора об англо-советском военном союзе.

26 мая — 30 июня 1942 года

Немецко-итальянские войска продвигаются в Ливии и оккупируют Египет.

30 мая 1942 года

Тысяча союзнических самолетов атакует Кёльн.

3–7 июня 1942 года

Сражение у островов Мидуэй.

17–25 июня 1942 года

Вторая конференция в Вашингтоне («Аргонавт») Черчилля с Рузвельтом.

21 июня 1942 года

Падение Тобрука.

1–4 июля 1942 года

Первое сражение за Эль-Аламейн: победа союзников.

2 июля 1942 года

В палате общин 475 депутатов высказываются против объявления правительству вотума недоверия («за» высказались 25 депутатов).

4—10 августа 1942 года

Черчилль прибывает в Каир.

8 августа 1942 года

Назначение генерала Монтгомери командующим 8-й армией.

12—15 августа 1942 года

Черчилль приезжает в Москву на свою первую встречу со Сталиным.

19 августа 1942 года

Нападение англо-канадской авиации на Дьеп заканчивается кровавым поражением союзников.

6 сентября 1942 года

Начало битвы за Сталинград.

23 октября — 3 ноября 1942 года

Союзники одерживают победу при Эль-Аламейне.

8 ноября 1942 года

Операция «Факел»: высадка англо-американского десанта в Северной Африке.

11 ноября 1942 года

Полная оккупация Франции.

15 ноября 1942 года

Союзники отвоевывают у японцев остров Гуадалканал.

19 ноября 1942 года—2 февраля 1943 года

Победоносная Сталинградская битва.

27 ноября 1942 года

В Тулоне уничтожен французский флот.

7 декабря 1942 года

Публикация доклада Бевериджа.

24 декабря 1942 года

Убийство адмирала Дарлана в Алжире.

14–24 января 1943 года

Конференция «Символ», проходившая сначала в Анфе, затем — в Касабланке. На этой конференции встретились Черчилль и Рузвельт, к которым с 22 января присоединились Де Голль и Жиро, а 24 января Рузвельт призвал союзников добиваться безоговорочной капитуляции Германии и Японии.

23 января 1943 года

Вступление 8-й армии в Триполи.

30 января 1943 года

В турецком городе Адана Черчилль встречается с президентом Турции Исметом Инону.

2 февраля 1943 года

Капитуляция маршала Паулюса под Сталинградом.

16 февраля 1943 года

Черчилль заболевает воспалением легких.

13 апреля 1943 года

Обнаружение массового захоронения расстрелянных польских офицеров под Катынью.

май-июнь 1943 года

Союзники выигрывают битву за Атлантику.

7 мая 1943 года

Взятие столицы Туниса.

12–25 мая 1943 года

Третья конференция в Вашингтоне («Трезубец»).

13 мая 1943 года

Капитуляция оси Берлин — Рим в Тунисе.

15 мая 1943 года

Роспуск Коминтерна.

19 мая 1943 года

Черчилль произносит речь в конгрессе Соединенных Штатов.

27 мая 1943 года

Британское руководство неожиданно отправляет к Тито своего первого посланца (Дикина).

28 мая — 4 июня 1943 года

Черчилль в Алжире (обедает с Де Голлем и Жиро 4 июня).

30 июня 1943 года

Черчилль объявляет о том, что «еще до осеннего листопада» начнутся тяжелые бои с фашистами.

5 июля — 23 августа 1943 года

Курская битва, которая стала решающей в войне против гитлеровцев.

10 июля 1943 года

Высадка союзнического десанта на Сицилии.

25 июля 1943 года

Падение Муссолини.

25–28 июля 1943 года

Операция «Гоморра» (бомбардировка Гамбурга британской авиацией).

10 августа 1943 года

Прибытие Черчилля в Квебек.

12–14 августа 1943 года

Переговоры Черчилля и Рузвельта в Гайд-парке в Нью-Йорке.

14–24 августа 1943 года

Англо-американская конференция на высшем уровне в Квебеке («Квадрант»).

1–5 сентября 1943 года

Черчилль в Вашингтоне.

3 сентября 1943 года

Подписание перемирия (обнародованного 8 сентября) Италией.

6 сентября 1943 года

Черчиллю присуждено звание почетного доктора Гарвардского университета. В одном из выступлений он призывает к повсеместному употреблению «бейсик инглиш»^[51].

9 сентября 1943 года

Высадка союзнического десанта в Салерно.

сентябрь 1943 года

Отправка на помощь югославским партизанам военной миссии, возглавляемой генералом Маклином.

7 октября 1943 года

Взятие Неаполя 7-й танковой дивизией британских вооруженных сил.

13 октября 1943 года

Италия объявляет войну Германии.

22–26 ноября 1943

Конференция в Каире («Оверлорд») Черчилля с Рузвельтом и Чан Кайши.

28 ноября — 1 декабря 1943 года

Тегеранская конференция («Эврика») Черчилля с Рузвельтом и Сталиным.

2–4 декабря 1943 года

Каирская встреча Черчилля с Исметом Иненю.

4–6 декабря 1943 года

Переговоры Черчилля и Рузвельта в Каире (продолжение конференции «Секстант»).

13–17 декабря 1943 года

Воспаление легких и сердечный приступ поражают Черчилля в Карфагене.

27 декабря 1943 года — 14 января 1944 года

Выздоровление в Марракеше.

12 января 1944 года

В Марракеше Черчилль встречается с Де Голлем.

22 января 1944 года

Высадка союзнического десанта в Анзьо.

1—13 мая 1944 года

Лондонская конференция премьер-министров стран-участниц Британского Содружества Наций.

12 мая 1944 года

Начало наступления союзников в Италии (операция «Диадема»).

18 мая 1944 года

Взятие горы Кассин.

4 июня 1944 года

Встреча Черчилля с Де Голлем, во время которой премьер-министр, не сдерживаясь, излил на генерала весь свой гнев.

4–5 июня 1944 года

Вступление союзнических войск в Рим.

6 июня 1944 года

Начало операции «Оверлорд».

10 июня 1944 года

Черчилль посещает пляжи, на которые была осуществлена высадка, а

также расположение британских войск на Нормандском фронте.

12 июня 1944 года

На Лондон сброшены первые ракеты «Фау-1».

1—22 июля 1944 года Конференция и подписание соглашений в Бреттон-Вудсе.

20 июля 1944 года

Провал заговора против Гитлера.

1 августа — 2 октября 1944 года

Восстание в Варшаве.

12–13 августа 1944 года

Встреча Черчилля с Тито в Неаполе.

15 августа 1944 года

Высадка в Провансе (операция «Драгун»).

21–23 августа 1944

Черчилль в Риме (23 августа его принял папа года римский Пий XII).

25 августа 1944 года

Освобождение Парижа.

3 сентября 1944 года

Вступление британских войск в Брюссель.

8 сентября 1944 года

На Лондон сброшены первые ракеты «Фау-2».

11–19 сентября 1944 года

Конференция «Восьмиугольник» Черчилля и Рузвельта. Конференция началась в Квебеке — (11–17 сентября), а продолжилась в Гайд-парке (18–19 сентября).

16 сентября 1944 года

Черчилль назван почетным доктором Университета МакГилла.

17–28 сентября 1944 года

Попытка британских парашютистов создать плацдарм в Арнеме (операция «Огород»).

19 сентября 1944 года

Черчилль и Рузвельт заключают в Гайд-парке договор об атомном оружии.

9—19 октября 1944 года

Встреча Черчилля со Сталиным в Москве (конференция «Толстой») и переговоры с польским правительством.

14 октября 1944 года

Освобождение Афин.

18 октября 1944 года

Британский десант высаживается в Греции и передает власть в Афинах правительству Папандреу.

23 октября 1944 года

Признание временного правительства Французской Республики.

11 ноября 1944 года

Черчилль в Париже.

3 декабря 1944 года

Начало гражданской войны в Греции.

16 декабря 1944 года

Наступление немецких войск в Арденнах.

*25–27 декабря 1944
года*

Черчилль в Афинах.

3–5 января 1945 года

Визит Черчилля во Францию: встреча с Эйзенхауэром, Де Голлем и Монтгомери.

11 января 1945 года

Прекращение огня в Греции.

29 января — 2 февраля 1945 года

Черчилль на Мальте (встреча с Рузвельтом 2 февраля).

4— 11 февраля 1945 года

Конференция в Ялте («Аргонавт») Черчилля, Рузвельта и Сталина.

12 февраля 1945 года

Договор о политическом урегулировании в Греции.

13 февраля 1945 года

Бомбардировка Дрездена.

14 февраля 1945 года

Черчилль в Афинах.

17 февраля 1945 года

В Каире Черчилль встречается с королем Саудовской Аравии Ибн-Саудом, королем Египта Фаруком и президентом Сирии.

7 марта 1945 года

Американские отряды форсируют Рейн в Ремагене.

12 апреля 1945 года

Смерть Рузвельта; президентом Соединенных Штатов становится Трумэн.

13 апреля 1945 года

Советская армия входит в Вену.

16 апреля — 2 мая 1945 года

Сражение за Берлин.

25 апреля — 26 июня 1945 года

Конференция в Сан-Франциско.

26 апреля 1945 года

Соединение американских и советских частей на реке Эльбе под Торгау.

28 апреля 1945 года

Казнь Муссолини.

29 апреля 1945 года

Капитуляция немецкой армии в Италии (акт о капитуляции подписан 2 мая).

30 апреля 1945 года

Самоубийство Гитлера.

4 мая 1945 года

Немецкая армия, действовавшая на северо-западном направлении, сдается маршалу Монтгомери под Люнебургом.

7 мая 1945 года

В Реймсе подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

8 мая 1945 года

День Победы в Европе.

23 мая 1945 года

Роспуск коалиционного правительства в Великобритании. Черчилль становится главой временного правительства, руководившего страной до новых выборов.

26 июня 1945 года

Подписание Устава ООН.

5 июля 1945 года

Выборы в законодательное собрание в Великобритании.

16 июля 1945 года

Испытания атомной бомбы в Аламогордо, в штате Нью-Мексико.

17–28 июля 1945 года

Потсдамская конференция («Конечный пункт») Черчилля, которого позднее сменил Эттли, Трумэна и Сталина.

26 июля 1945 года

Обнародование результатов выборов в Англии: лейбористы победили, Черчилль ушел в отставку, Эттли стал новым премьер-министром.

6 августа 1945 года

Американцы сбрасывают атомную бомбу на Хиросиму.

8 августа 1945 года

Советский Союз объявляет войну Японии.

9 августа 1945 года

Американцы сбрасывают атомную бомбу на Нагасаки.

15 августа 1945 года

Капитуляция Японии (акт о капитуляции подписан 2 сентября).

20 ноября 1945 года

Первое заседание Международного военного трибунала в Нюрнберге.

7 января 1946 года

Черчилль награжден орденом «За заслуги».

5 марта 1946 года

Черчилль произносит речь в Фултоне (штат Миссури) о «железном занавесе».

27 июня 1946 года

Публикация шестого и последнего тома «Трактата о войне» — «Победа».

19 сентября 1946 года

Черчилль произносит речь в Цюрихе о Соединенных Штатах Европы.

26 сентября 1946 года

Публикация сборника «О чем говорилось на тайном совещании».

5 октября 1946 года

Черчилль, по-прежнему возглавляющий консервативную партию, произносит речь на ежегодной конференции консерваторов в Блэкпуле.

23 октября 1946 года

В Нюрнберге казнены нацистские лидеры, которым был вынесен смертный приговор.

14 мая 1947 года

Черчилль произносит речь в Альберт-холле в поддержку движения за интеграцию Западной Европы.

5 июня 1947 года

Генерал Маршалл объявляет в Гарварде о начале осуществления плана Маршалла.

15 августа 1947 года Индия получает независимость, но при этом распадается на Пакистан и Индийский Союз.

20 ноября 1947 года

Черчилль выставляет две свои картины в Королевской академии искусств.

7 мая 1948 года

Произносит речь на Европейском конгрессе в Гааге.

11 мая 1948 года

Произносит речь в городской ратуше в Осло.

27 мая 1948 года

Публикация первого тома «Второй мировой войны» — «Страда».

10 августа 1948 года

Публикация книги «Деньги и материальные ресурсы, необходимые для поддержания мира».

декабрь 1948 года

Публикация однотомника «Живопись как времяпрепровождение».

29 марта 1949 года

Публикация книги «Их звездный час».

31 марта 1949 года

Черчилль произносит речь в Технологическом институте Массачусетса.

4 апреля 1949 года

Заключение договора о создании Североатлантического союза.

18 апреля 1949 года

Закон об Ирландской Республике узаконивает полную независимость Ирландии.

17 августа 1949 года

Черчилль произносит речь на первом собрании Совета Европы в Страсбурге.

3 февраля 1950 года

Публикация книги «Объединить Европу!».

23 февраля 1950 года

На выборах в законодательное собрание консерваторы терпят поражение. Черчилль переизбран депутатом в Вудфорде.

24 апреля 1950 года

Публикация книги «Великий альянс».

9 мая 1950 года

Начало реализации «Плана Шумана».

25 июня 1950 года

Начало войны в Корее. Черчилль высказывается за проведение твердой политики.

11 августа 1950 года

Черчилль произносит речь на заседании Совета Европы в Страсбурге, призывая к созданию единой европейской армии.

2 мая 1951 года

Моссадег национализирует Англо-персидскую нефтяную компанию.

18 октября 1951 года

Публикация книги «На волоске».

25 октября 1951 года

На выборах в законодательное собрание консерваторы одерживают победу. Черчилль переизбран депутатом в Вудфорде.

26 октября 1951 года

Черчилль вновь становится премьер-министром.

23 ноября 1951 года

Публикация книги «Замыкая круг».

4 января 1952 года

Черчилль прибывает в Соединенные Штаты для переговоров с президентом Трумэном.

6 февраля 1952 года

Смерть короля Георга V; королевой Англии становится Елизавета II.

26 июля 1952 года

Король Египта Фарук отрекается от власти.

3 октября 1952 года

Первые испытания британской атомной бомбы.

4 ноября 1952 года

Эйзенхауэр избран президентом Соединенных Штатов.

5 января 1953 года

Переговоры Черчилля с Эйзенхауэром в Нью-Йорке.

5 марта 1953 года

Смерть Сталина.

24 апреля 1953 года

Черчилль становится кавалером ордена Подвязки.

11 мая 1953 года

В своем выступлении в палате общин Черчилль высказывается за ослабление международной напряженности и встречу лидеров разных стран на высшем уровне.

24 июня 1953 года

Черчилль переносит тяжелейший инсульт.

25 июня 1953 года

Публикация книги «Против течения».

15 октября 1953 года

Нобелевская премия в области литературы присуждена Черчиллю за его исторические сочинения.

30 ноября 1953 года

Публикация книги «Триумф и трагедия», последнего тома «Воспоминаний о войне».

4–8 декабря 1953

В своем выступлении Черчилль высказывается за улучшение отношений с Советским Союзом.

декабрь 1953 года

Англо-американо-французская конференция на Бермудских островах (Черчилля с Эйзенхауэром и Ланье́лем).

29 июня 1954 года

Черчилль и Эйзенхауэр подписывают Потомакскую хартию.

30 ноября 1954 года

Черчилль отмечает свой восьмидесятый день рождения.

7 марта 1955 года

Его последнее большое выступление в палате общин.

5 апреля 1955 года

Черчилль уходит с поста премьер-министра. Его преемником становится Иден.

26 мая 1955 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом в Вудфорде.

11 января 1956 года

Черчилль награжден медалью Бенджамина Франклина.

23 апреля 1956 года

Публикация двух первых томов «Истории англоязычных народов».

26 июля 1956 года

Национализация Суэцкого канала.

31 октября 1956 года

Англо-франко-израильская военная экспедиция в Суэц.

15 мая 1957 года

Испытания первой водородной бомбы.

14 октября 1957 года

Публикация книги «Век революций», третьего тома «Истории англоязычных народов».

14 марта 1958 года

Публикация четвертого и последнего тома «Истории англоязычных народов».

13 сентября 1958 года

Золотая свадьба Уинстона и Клементины.

22 сентября 1958 года

Первое морское путешествие Черчилля на борту яхты Аристотеля Онассиса.

17 февраля 1959 года

Второе морское путешествие Черчилля на борту яхты Аристотеля

Онассиса.

5–6 мая 1959 года

По приглашению Эйзенхауэра Черчилль гостит в Белом доме.

8 октября 1959 года

В ходе выборов в законодательное собрание Черчилль переизбран депутатом в Вудфорде.

октябрь 1959 года

Торжественное открытие Кембриджского колледжа, носящего имя Черчилля.

27 апреля 1961 года

Публикация книги «Неизвестный альянс».

9 апреля 1963 года

Черчилль назван почетным гражданином Соединенных Штатов.

27 июля 1964 года

Покидает палату общин. Депутаты выражают ему свою благодарность и восхищение.

30 ноября 1964 года

Черчилль отмечает свой девяностый день рождения.

24 января 1965 года

Сэр Уинстон Черчилль умирает в своем доме в Лондоне.

30 января 1965 года

Торжественная церемония похорон в Лондоне, после которой гроб с телом Черчилля был доставлен к месту последнего упокоения — на приходское кладбище Бладона (Оксфордшир).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо.

Портрет кисти Джона Клостермана. 1690 г.

Замок в Бленхейме — родовое гнездо герцогов Мальборо

Лорд Рандольф Черчилль

Леди Рандольф с сыновьями — Уинстоном и Джеком

Уинстон в возрасте 15 лет, ученик частной школы Хэрроу

Лейтенант гусарского полка на службе в Индии

Британцы, плененные бурами. Уинстон — в пилотке справа. 1899 г.

Клементина, Уинстон и генерал Гамильтон на военных учениях в Алдершоне. 1910 г.

В день принятия «народного бюджета» 1910 года.

Слева направо — миссис Маргарет Ллойд Джордж, Ллойд Джордж, Черчилль, секретарь Ллойда Джорджа

Вблизи линии фронта: Черчилль в окружении французских офицеров.

Декабрь 1915 г.

Черчилль и Асквит (читает газету) на яхте Адмиралтейства во время круиза по Средиземному морю.

«Новости из Англии?» — вопрошает Черчилль. «Откуда им взяться, если вас там нет!» — отвечает премьер-министр.

Карикатура, выполненная Ревеном Хиллом для юмористического журнала «Панч», была напечатана в номере от 21 мая 1913 г.

Глава военного министерства Уинстон Черчилль и маршал Уинсом инспектируют британские войска в Рейнланде.

1919 г.

Предвыборная кампания 1924 года.

Черчилль диктует секретарю текст выступления

Министр финансов Черчилль направляется в парламент, чтобы представить проект бюджета. Слева от него — дочь Диана

Возведение кирпичной стены в Чартвелле.

Около 1930 г.

На тайно сделанной фотографии запечатлена палата общин во время прений по Норвежской кампании.

Черчилль — второй слева от Чемберлена (произносит речь).

7 мая 1940 г.

«Священное единение». В первом ряду — Эттли и Бевин, во втором — Чемберлен и Галифакс.

Эта карикатура Дэвида Лоу была напечатана в «Ивнинг стандарт» 14 мая 1940 г.

На руинах собора в Ковентри

Посетители бара «Зеленый дракон» в Хартфордшире слушают выступление Черчилля по радио. 1941 г.

Солдаты бывшего 4-го гусарского полка (в котором некогда служил Черчилль), преобразованного в танковый, приветствуют своего однополчанина. Египет, 1942 г.

Немецкая карикатура: после конференции на Касабланке;

Черчилль и Рузвельт держат своих собак (де Голля и Жиро) на поводке

Совещание с командующими союзническими войсками: справа от Черчилля — Иден и генерал Брук; слева — генералы Маршалл и Эйзенхауэр.

Позади — маршал авиации Теддер, адмирал Каннингем, генералы Александер и Монтгомери

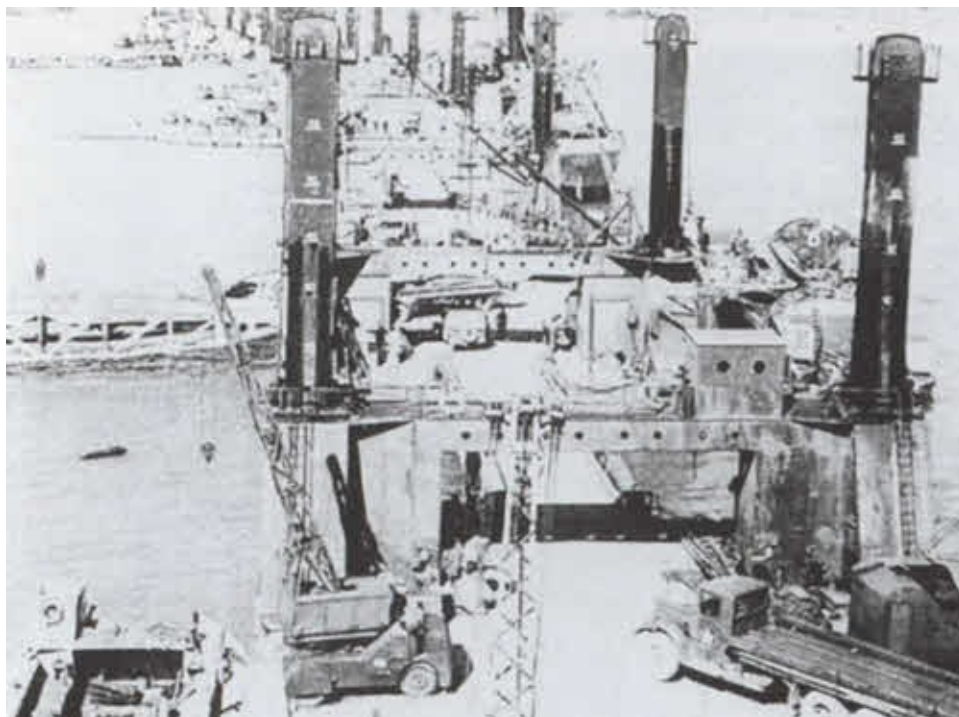
Тегеран: Черчилль празднует свое 69-летие в посольстве Великобритании.

30 ноября 1943 г.

По дороге к месту высадки союзников в Нормандии.

12 июня 1944 г.

«Багровая гавань»

Елисейские Поля приветствуют британского премьер-министра.

11 ноября 1944 г.

Переправа через Рейн в сопровождении генерала Симпсона, командующего 9-й армией Соединенных Штатов.

Март 1945 г.

На развалинах бункера Гитлера в Берлине: Черчилль, окруженный советскими и британскими офицерами, пытается сесть на стул фюрера

Черчилль, Трумэн и Сталин на Потсдамской конференции.

Июль 1945 г.

На европейском конгрессе в Гааге.

Май 1948 г.

За мольбертом в Италии.

1949 г.

Ратуша в Гастингсе: Черчилль выражает благодарность за подаренный ему портрет, на котором он изображен в мундире хранителя пяти портов (к числу которых относится и Гастингс). 1957 г.

Сэр Уинстон и леди Черчилль принимают королеву Англии и герцога Эдинбургского, посетивших прощальный обед на Даунинг-стрит 4 апреля 1955 года

Черчилль со своей собакой Руфусом в Чартвелле

Колесница с останками Черчилля пересекает Парламентскую площадь.

30 января 1965 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сочинения Уинстона Черчилля

- The Story of the Malakand Field Force*, London, Longmans, 1898
The River War, London, Longmans, 1899 (в двух томах)
Savrola: a Novel, London, Longmans, 1990; пер. на фр. *Savrola*, Monaco, Ed. du Rocher, 1948
London to Ladysmith, London, Longmans, 1990
Ian Hamilton's March, London, Longmans, 1990
Lord Randolph Churchill, London, Macmillan, 1906 (в двух томах).
Переиздание London, Odhams Press (в одном томе), 1952
My African Journey, London, Hodder and Stoughton, 1908
Liberalism and the Social Problem, London, Hodder and Stoughton, 1909
The World Crises 1911–1918, London, Thornton Butterworth (в шести томах), 1923–1931; пер. на фр. *La Crise mondiale 1911–1918*, Paris, Payot (в четырех томах), 1925—1931
My Early Life, London, Thornton Butterworth, 1930; пер. на фр. *Mes Aventures de jeunesse*, Paris, Payot, 1927; второе издание на французском языке *Mes Jeunes Années*, Paris, Club français du livre, 1960; третье издание на французском языке *Histoire d'un jeune homme*, Paris, Publications Premières, 1972; четвертое издание на французском языке *Mes Aventures de jeunesse*, Paris, mage, 1994
Thoughts and Adventures, London, Thornton Butterworth, 1932; пер. на фр. *Réflexions et aventures*, Neuchâtel, Dalachaux et Niestlé, 1944
Marlborough, his Life and Times, London, Harrap, 1933–1938 (в четырех томах); пер. на фр. *Marlborough, sa vie et son temps*, Paris, Laffont, 1949–1951 (в четырех томах)
Great Contemporaries, London, Thornton Butterworth, первое издание вышло в 1937 г., второе дополненное издание вышло в 1939 г.; пер. на фр. *Les Grands Contemporains*, Paris, NRF, 1939
Arms and the Covenant, London, Harrap, 1938
Step by Step 1936–1939, London, Thornton Butterworth, 1939; пер. на фр. *Journal politique 1936–1939*, Paris, Amiot Dumont, 1948
War Speeches 1940–1945, London, Cassell, 1941–1946 (в шести томах):
— *Into Battle*, 1941

- *The Unrelenting Struggle*, 1942
- *The End of the Beginning*, 1943
- *Onwards to Victory*, 1944
- *The Dawn of Liberation*, 1945
- *Victory*, 1946;

пер. на фр. *Discours de guerre*, recueillis par C. Eade, Londres, heinemann and Zsolnay, 1942–1944 (в пяти томах): I. *L'Entrée en lutte* II. *La lutte sans relâche* III. *La Fin du commencement* IV. *En avant vers la victoire* V. *L'Aube de la Libération*.

Secret Session Speeches, ed. C. Eade, London, Cassell, 1946; пер. на фр. *Mes Discours secrets*, Paris, Ed. Paul Dupont, 1947

The Seenews of Peace: Post-War Speeches, ed. Randolph Churchill, London, Cassell, 1948

Europe Unite: Speeches 1947 and 1948, London, Cassell, 1948

Painting as a Pastime, London, Odhams Press, 1948 (перепечатано с книги *Thoughts and Adventures*)', пер. на фр. *La Peinture mon passe-temps*, Paris, Ed. de la Paix, 1950

The Second World War, London, Cassell, 1948–1954 (в шести томах):

- I. *The Gathering Storm*
- II. *Their Finest Hour*
- III. *The Grand Alliance*
- IV. *The Hinge of Fate*
- V. *Closing the Ring*
- VI. *Triumph and Tragedy*

Сокращенное однотомное издание: *The Second World War and an Epilogue 1945–1957*, London, Cassell, 1959; пер. на фр. *Mémoires sur la Deuxième Guerre Mondiale*, Paris, Plon (в двенадцати томах, в шести книгах), 1948–1954:

- I — *L'orage approche: 1. D'une guerre à l'autre 2. La «Drôle de guerre»*
- II — *L'Heure tragique: 1. La Défaite de la France 2. L'Angleterre seule*
- III — *La Grande Alliance: 1. La Russie 2. L'Amérique en guerre*
- IV — *Le Tournant du destin: 1. La Ruée japonaise 2. L'Afrique sauvée*
- V — *L'Etau se resserre: 1. L'Italie capitule 2. De Téhéran à Rome*

VI — *Triomphe et tragédie: 1. La Victoire 2. Le Rideau de fer*, пер. на русский язык: первое сокращенное издание *Вторая мировая война*, Москва, Воениздат, 1991 (в трех книгах); второе сокращенное издание *Вторая мировая война (события, изменившие мир)*, Ростов-на-Дону, Феникс, 1997

In the Balance: Speeches 1949 and 1950, ed. Randolph Churchill, London,

Cassell, 1951

Stemming the Tide: Speeches 1951 and 1952, ed. Randolph Churchill, London, Cassell, 1953

A History of the English-Speaking Peoples, London, Cassell, 1956–1958 (в четырех томах); пер. на фр. *Histoire des peuples de langue anglaise*, Paris, Plon, 1956–1959 (в четырех томах): /. *Naissance d'une nation II. Le Monde nouveau III. Les Temps de la Révolution IV. Les Grandes Démocraties*.

The Unwritten Alliance: Speeches 1953 to 1959, ed. Randolph Churchill, London, Cassell, 1961

Speaking for Themselves: the Personal Letters of Winston and Clementine Churchill. Edited by Mary Soames, London and New York, Doubleday, 1998

Winston Churchill: his Complete Speeches 1897–1963, edited by Robert Rhodes James, New York, Chelsea House и London, Bowker (в восьми томах), 1974; сокращенное однотомное издание: *Churchill Speaks: Winston Churchill in Peace and War. Collected Speeches 1897–1963*, ed. R. R. James, Leicester, Windward, 1981

The Collected Works of Sir Winston Churchill, edition du centenaire, London, Library of Imperial History (в тридцати четырех томах), 1974— 1976

The Collected Essays of Sir Winston Churchill, edited by Michael Wolff, London, — Library of Imperial History (в четырех томах), 1976

Young Winston's Wars: the Original Despatches of W. S. Churchill War Correspondent 1897–1900, edited by Frederick Woods, London, Leo Cooper, 1972

Winston Churchill War Correspondent 1895–1900, edited by Frederick Woods, London, Brassey, 1992

Winston Churchill and Emery Reves: Correspondence 1937–1964, edited by Martin Gilbert, Austin, University of Texas Press, 1997

Избранное: тексты, речи, афоризмы

Guy Boas ed., *Sir Winston Churchill: Selection from his Writings and Speeches*, London, Macmillan, 1952

Sir Winston Churchill: a Self-Portrait Constructed from his own Sayings and

Writings, Colin Coote ed... London, Eyre and Spottiswoode, 1954

EB. Czarnomski ed., *The Wisdom of Winston Churchill: Selection of Aphorisms, Reflections, Precepts, Maxims, Epigrams, Paradoxes and Opinions 1900–1955*, London, Allen and Unwin, 1956

A Churchill Anthology, chosen and arranged by F. W. Heath, London, Odhams Press, 1965

Kay Halle ed., *The irrepressible Churchill*, New York, World Publishing Co., 1966; London, Robson, 1985

Kay Halle ed., *Winston Churchill on America and Britain*, New York, Walker, 1970

The Sayings of Winston Churchill, ed., J. A. Sutcliffe, London, Duckworth, 1992

Quotable Churchill: a Prime Collection of Wit and Wisdom, London, Running, 1998

Great War Speeches, London, Transworld, Corgi Books, 1957

The Roar of the Lion, London, Allan Wingate-Howard Baker, 1969

David Cannadine ed., *Blood, Toil, Tears and Sweat*, London and New York, Cassell, 1989; другое издание: *The Speeches of Winston Churchill*, London, Penguin, 1990

Churchill: The War Leader 1940–1945 — Documents, London, Public Record Office, и Cambridge, Churchill Archives Centre, 1998

Картины

Churchill: his Paintings. A Catalogue. Compiled by David Coombs, London, Hamish hamilton, 1967 (574 иллюстрации)

Библиография к разделу «Сочинения Уинстона Черчилля»

Frederick Woods, *A Bibliography of the Works of Sir Winston Churchill* (St. Paul' Bibliographies), первое издание: London, Nicholas Vane, 1963; третье, пересмотренное издание: London, Kaye and Ward, 1975—1979

«Официальная биография»

«Официальная», монументальная биография Черчилля была начата его сыном Рандольфом. Рандольф работал над ней вместе с четырьмя помощниками, в числе которых был Мартин Гилберт, тогда еще только начинавший карьеру историка и избравший жизнь Черчилля предметом своей специализации. Первые два тома биографии, охватывающие период с 1874 по 1914 год, были опубликованы в 1966–1967

годах (перевод этих двух книг на французский язык вышел в 1968 году в издательстве *Stock*). После смерти Рандольфа Черчилля в 1968 году дело было продолжено и закончено Мартином Гилбертом, сотрудником Колледжа Мертон (Оксфорд), написавшим еще шесть томов, охватывающих период с 1914 по 1965 год. Работа над биографией, которую вначале авторы надеялись завершить в 1977 году, продолжалась до 1988 года. Результат получился впечатляющим: в целом восемь томов биографии насчитывают около девяти тысяч страниц.

Кроме того, Рандольф Черчилль пожелал сопроводить биографию своего отца сборниками документов (*Companion Volumes*). Таким образом, в результате гигантской работы, которая велась с 1967 по 1982 год, в свет вышло тринадцатитомное издание, охватывающее период жизни Черчилля с 1874 по 1939 год. Материал для пяти томов этого издания собрал Рандольф Черчилль, для остальных восьми — Мартин Гилберт.

Затем Мартин Гилберт издал новую серию книг под названием *The Churchill's War Papers*, охватывающую военный период с 1939 по 1940 год. Эта серия вышла двухтомным изданием.

Все двадцать три тома биографии вышли в свет в издательстве *Heinemann*.

Восемь томов биографии под названием *Winston Churchill 1874–1965* распределяются следующим образом:

Рандольфом Черчиллем изданы:

1 том *Youth 1874–1900*, London, 1966

2 том *Young Statesman 1901–1914*, London, 1967

перевод на французский язык: I — *Jeunesse*, II — *Le Jeune Homme d'Etat*, Paris, Stock (в двух томах), 1968—1969

Мартином Гилбертом изданы:

1 том *1914–1916*, 1971

2 том *1916–1922*, 1975

3 том *1922–1939*, 1976

4 том *Finest Hour 1940–1941*, 1983

5 том *Road to Victory 1941–1945*, 1986

6 том *Never Despair 1945–1965*, 1988

Сборники документов (*Companion Volumes*)

Рандольфом Черчиллем изданы:

Companion Volumes I. 1874–1900 (два тома)

Часть 1, 1874–1896, 1967
Часть 2, 1896–1900, 1967
Companion Volumes II. 1900–1914 (три тома)
Часть 1, 1900–1907, 1969
Часть 2, 1907–1911, 1969
Часть 3, 1911–1914, 1969
Мартинотом Гилбертом изданы:
Companion Volumes III. 1914–1916 (два тома)
Часть 1, *July 1914 — April 1915*, 1972
Часть 2, *May 1915 — December 1916*, 1972
Companion Volumes IV. 1916–1922 (три тома)
Часть 1, *January 1917–June 1919*, \9Л7
Часть 2, *July 1919 — March 1921*, \9П7
Часть 3, *April 1921 — November 1922*, \9П7
Companion Volumes V 1922–1939 (три тома)
Часть 1, *The Exchequer Years 1922–1929*, 1979
Часть 2, *The Wilderness Years 1929–1935*, 1981
Часть 3, *The Coming of War 1936–1939*, 1982
Серия *The Churchill's War Papers*, издана Мартинотом Гилбертом:
1 том *At the Admiralty: September 1939 — May 1940*, 1993
2 том *Never Surrender: May — December 1940*, 1944

Литература о семье Черчилля

Peregrine Churchill and Julian Mitchell, *Jennie, Lady Randolph: a Portrait with Letters*, London, Collins, 1974
Randolph S. Churchill, *Twenty-One Years*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1964
Sarah Churchill, *A Thread in the Tapestry*, London, André Deutsch, 1967
Winston S. Jr Churchill, *His Father's Son: The life of Randolph Churchill*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1996
Winston S. Jr Churchill, *Memories and Adventures*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1989
Winston Spencer Churchill, *Lord Randolph Churchill*, London, Macmillan (в двух томах), 1906
Mrs. George Cornwallis-West, *The Reminiscences of Lady Randolph Churchill*, London, Appleton-Century, 1908
R. E. Foster, *Lord Randolph Churchill: a Political Life*, Oxford, Clarendon

Press, 1981

David Green, *The Churchills of Blenheim*, London, Constable, 1984

Kay Halle ed., *Randolph Churchill: the Young Unpretender*, London, Heinemann, 1971

Joan Hardwick, *Clementine Churchill: the Private Life of a Public Figure*, London, John Murray, 1997

Richard Hough, *Winston and Clementine. The Triumph of the Churchills*, London, Bantam Press, 1990

Robert Rhodes James, *Lord Randolph Churchill*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1959

Anita Leslie, *Cousin Randolph*, London, Hutchinson, 1985

Anita Leslie, *Jennie: The Life of Lady Randolph Churchill*, London, Hutchinson, 1969

Shane Leslie, *Men Were Different*, London, Michael Joseph, 1937

Ralph G. Martin, *Jennie*, Englewood Cliffs N. J., Prentice-Hall, и *Lady Randolph Churchill: a Biography*, London, Cassell (в двух томах), 1969—1971

Maureen Montgomery, *Gilded Prostitution*, London, Routledge, 1989

John Pearson, *Citadel of the Heart: Winston and the Churchill Dynasty*, London, Macmillan, 1991

Brian Roberts, *Randolph: a Study of Churchill's Son*, London, Hamilton, 1984

Lord Rosebery, *Lord Randolph Churchill*, London, A. L. Humphreys (в двух томах), 1906

Alfred Leslie Rowse, *The Early Churchills*, London, Macmillan, 1956

Alfred Leslie Rowse, *The Later Churchills*, London, Macmillan, 1958

Alfred Leslie Rowse, *The Churchills. The Story of a Family* (сокращенное издание), London, Macmillan, 1966

Mary Soames, *Clementine Churchill*, London, Cassell, 1979

Литература об Уинстоне Черчилле

Paul Addison, *Churchill on the Home Front 1900–1955*, London, Cape, 1992

Jean Allary, *Churchill: un petit-fils de Marlborough*, Paris, Hachette, 1945

Keith Alldritt, *Churchill the Writer: his Life as a Man of Letters*, London, Hutchinson, 1992

Keith Alldritt, *The Greatest of Friends: Franklin V. Roosevelt and Winston*

Churchill 1941–1945, London, Hale, 1995

Maurice Ashley, *Churchill as Historian*, London, Seeker and Warburg, 1968

Dennis Bardens, *Churchill in Parliament*, London, Robert Hale, 1967

Elizabeth Barker, *Churchill and Eden at War*, London, Macmillan, 1978

Tuvia Ben-Moshe, *Churchill: Strategy and History*, Hemel Hempstead, Harvester Wheatsheaf, 1992

Isaiah Berlin, *Mr. Churchill in 1940*, London, Murray, [1964] (первые публикации в журналах *The Atlantic Monthly* и *The Cornhill Magazine*, 1949)

Geoffrey Best, *Winston Churchill*, London, Hambledon, 2000

Princesse Bibesco, *Churchill ou le courage*, Paris, Albin Michel, 1956

Lord Birkenhead, *Churchill 1874–1922*, ed. John Colville, London, Harrap, 1989

Robert Blake and W. Roger Louis, *Churchill. A major Reassessment of his Life in Peace and War*, Oxford, Oxford University Press, 1993

Robert Blake, *Winston Churchill*, Stroud, Sutton, 1998

Piers Brendon, *Winston Churchill: an Authentic Hero*, London, Seeker and Warburg, 1984

Lewis Broad, *Winston Churchill: Architect of Victory and Peace*, London, Hutchinson; пятое издание вышло в 1956 году (первое — в 1941 году); перевод на французский язык осуществлен Delachaux и Niestle в 1946 году

Mary C. Bromage, *Churchill and Ireland*, Indiana, University of Notre Dame Press, 1964

Raymond A. Callahan, *Churchill: Retreat from Empire*, Tunbridge Wells, Costello, 1984

John Charmley, *Churchill: the End of Glory. A Political Biography*, London, Hodder and Stoughton, 1993

John Charmley, *Churchill's Grand Alliance. The Anglo-American Special Relationship*, London, Hodder and Stoughton, 1995

Jacques Chastenet, *Winston Churchill et l'Angleterre du XX siècle*, Paris, Fayard, 1956

Michael J. Cohen, *Churchill and the Jews*, London, Frank Cass, 1985

Patrick Cosgrave, *Churchill at War: Alone 1939–1940*, London, Batsford, 1974

Virginia Cowles, *Winston Churchill: the Era and the Man*, London, Hamish Hamilton, 1953

Saul David, *Churchill *s Sacrifice of the Highland Division*, France 1940, London, Brassey, 1994

David Day, *Menzies and Churchill at War*, St. Paul, Minn., et New York,

Paragon House, 1987

Frederick William D. Deakin, *Churchill the Historian*, Université de Bielefeld, Fondation suisse Winston Churchill, 1970

François Delpla, *Churchill et les Français*, Paris, Pion, 1993

Robert Denniston, *Churchill's Secret War: Diplomatic Decrypts, the Foreign Office and Turkey 1942–1944*, Stroud, Sutton Publishing Co., 1997

Robin Edmonds, *The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War*, London, Hamish Hamilton, 1991

Alfred Fabre-Luce, *La Fumée d'un cigare*, Paris, L'Élan, 1949

Sean Faughnan, *The Politics of Influence: Churchill, Eden and Soviet Communism*, Cambridge Ph. D., 1993

Robin Fedden, *Churchill at Chartwell*, Oxford, Pergamon Press, 1969

Herbert Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin*, Oxford, Oxford University Press, 1957

Victor Feske, *From Belloc to Churchill: Private Scholars, Public Culture, and the Crisis of British Liberalism 1900–1939*, Durham, University of North Carolina Press, 1996

Brian Gardner, *Churchill in his Time: a Study in a Reputation, 1939–1945*, London, Methuen, 1968

Annand Gatti et Pierre Joffroy, *La Vie de Churchill*, Paris, Seuil, 1954

Martin Gilbert, *Churchill: a Life*, London, Heinemann, 1991

Martin Gilbert, *Churchill and Zionism*, London, World Jewish Congress, 1974

Martin Gilbert, *Churchill's Political Philosophy*, Oxford, Oxford University Press, 1984

Martin Gilbert, *In Search of Churchill: a Historian's Journey*, London, Harper/Collins, 1994

Martin Gilbert, *The Origins of the «Iron Curtain» Speech*, Folton, Missouri, Westminster College (The Crosby Kemper Lecture), 1981

Martin Gilbert, *Winston Churchill* (Oxford Monographs), Oxford, Clarendon Press, 1966

Martin Gilbert, *Winston Churchill: the Wilderness Years*, London, Macmillan, 1981

Stephen R. Graubard, *Burke, Disraeli and Churchill: the Politics of Perseverance*, Cambridge Mass., Harvard University Press, 1961

Peter Gretton, *Former Naval Person: Winston Churchill and the Royal Navy*, London, Cassell, 1968

Philip Guedalla, *Mr. Churchill: a Portrait*, London, Hodder and Stoughton, 1941; пер. на фр.: *Portrait de Monsieur Churchill*, Paris, Jeune Parque, 1946

- Jean Guiffan, *Churchill*, Paris, Masson, 1978
- Pierre Guillemot, *Churchill le dernier victorien*, GenÈve, Famot, 1974
- Fraser J. Harbutt, *The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War*, Oxford, Oxford University Press, 1987
- Steven F. Hayward, *Churchill on Leadership: Executive Success in the Face of Adversity*, San Francisco, ICS Press, 1997
- Trumbull Higgins, *Winston Churchill and the Second Front 1940–1943*, Oxford, Oxford University Press, 1957
- Trumbull Higgins, *Winston Churchill and the Dardanelles*, London, Heinemann, 1963
- Malcolm Hill, *Churchill: his Radical Decade*, London, Othila Press, 1999
- Richard Hough, *Former Naval Person: Churchill and the Wars at Sea*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1985
- Ronald Hyam, *Elgin and Churchill at the Colonial Office 1905–1908*, London, Macmillan, 1968
- David Irving, *Churchill's War. Tom 1: The Struggle for Power*, Bullsbrook, Western Australia, Veritas, 1987
- David Jablonsky, *Churchill: the Making of a Great Strategist*, Carlisle Barracks, Penn., Strategic Studies Institute, 1990
- David Jablonsky, *Churchill and Hitler*, London, Frank Cass, 1994
- David Jablonsky, *Churchill, the Great Game and Total War*, London, Frank Cass, 1991
- Robert Rhodes James, *Churchill: a Study in Failure 1900–1939*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1970
- Kevin Jefferys, *The Churchill Coalition and Wartime Politics 1940–1945*, Manchester, Manchester University Press, 1991
- Dennis Kavanagh, *Crisis, Charisma and British Political Leadership: Winston Churchill as the Outsider*, London, Sage, 1974
- R. Crosby Kemper ed., *Winston Churchill: Resolution, Defiance, Magnanimity, Goodwill*, Columbia, University Press of Missouri, 1996
- FranAois Kersaudy, *De Gaulle et Churchill*, Paris, Pion, 1982
- Warren F. Kimball, *Forged in War: Churchill, Roosevelt and the Second World War*, London, Harper/Collins, 1997
- Richard Lamb, *Churchill as War Leader*, London, Bloomsbury, 1991
- Steven James Lambakis, *Winston Churchill Architect of Peace. A Study of Statesmanship and the Cold War*, London, Greenwood Press, 1993
- Klaus Larres, *Politik der Illusionen: Churchill, Eisenhower und die deutsche*

- Frage 1945–1955*, GTtingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1995
- Joseph P. Lash, *Roosevelt and Churchill 1939–1941: the Partnership that Saved the West*, New York, Norton, 1976
- Sheila Lawlor, *Churchill and the Politics of War 1940–1941*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994
- John Michael Lee, *The Churchill Coalition 1940–1945*, London, Batsford, 1980
- Jacques. Legrand Éd., *Churchill: chronique*, Bassillac, Ed. Chronique, 1997
- Ronald Lewin, *Churchill as War Lord*, London, Batsford, 1973
- Elizabeth Longford, *Winston Churchill*, London, Sidgwick and Jackson, 1974
- John Lukacs, *The Duel: Hitler vs Churchill, 10 May–31 July 1940*, London, Cape, 1992
- William Manchester, *The Caged Lion: Winston Spencer Churchill 1932–1940*, London, Michael Joseph, 1988; пер. на фр.: *Winston Churchill: rives de gloire*, Paris, Laffont, 1990
- William Manchester, *The Last Lion: Winston Spencer Churchill. Visions of Glory 1874–1932*, London, Michael Joseph, 1984; пер. на фр.: *Winston Churchill: l'Épreuve de la solitude*, Paris, Laffont, 1985
- Arthur J. Marder, *From the Dardanelles to Oran*, Oxford, Oxford University Press, 1974
- Jean Matrat, *Winston Churchill*, Paris, Nouvelles Editions Debresse, 1978
- Peter de Mendelssohn ed., *The Age of Churchill: Heritage and Adventure 1874–1911*, том 1, London, Thames and Hudson, 1961
- John Donald B. Miller, *Sir Winston Churchill and the Commonwealth of Nations*, St. Lucia, Queensland, 1967
- Steven Merritt Miner, *Between Churchill and Stalin*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1988
- Robin James Moore, *Churchill, Cripps and India 1939–1945*, Oxford, Clarendon Press, 1979
- Lord Moran [Charles Wilson], *Winston Churchill: the Struggle for Survival 1940–1965*, London, Constable, 1966; пер. на фр.: *MÈmoires*, Paris, Laffont, 1966
- Ted Morgan, *Churchill: Young Man in a Hurry 1874–1915*, New York, Simon and Schuster, 1982; *Churchill 1874–1915*, London, Cape, 1983
- James W. Muller ed., *Churchill as Peacemaker*, Washington, Woodrow Wilson Center and Cambridge, Cambridge University Press, 1997
- Peter Neville, *Winston Churchill: Statesman or Opportunist?* London, Hodder and Stoughton, 1996
- Robert Alasdair Clarke Parker ed., *Winston Churchill: Studies in*

Statesmanship, London, Brassey, 1995

Henry Pelling, *Churchill*, London, Macmillan, 1974, второе издание
вышло в 1989 году

Henry Pelling, *Churchill's Peacetime Ministry 1951–1955*, London,
Macmillan, 1997

Geoffrey Penn, *Fisher, Churchill and the Dardanelles*, London, Leo
Cooper, 1999

Arrigo Petalco, *Dear Benito, Caro Winston*, Milan, Mondadori, 1985

Robert H. Pilpel, *Churchill in America 1895–1961*, New York, Harcourt
Brace Jovanovitch, 1976

Barrie William Pitt, *Churchill and the Generals*, London, Sidgwick and
Jackson, 1981

Clive Ponting, *Winston Churchill*, London, Sinclair-Stevenson, 1994

Howard J. Predaza, *Winston Churchill, Enoch Powell and the Nation*,
London, Cleveland, 1986

Robin Prior, *Churchill's «WorldCrisis» as History*, London, Croom Helm,
1983

Oskar K. Rabinowicz, *Winston Churchill on Jewish Problems*, London,
Lincolns-Prager, 1956

Marvin Rintala, *Lloyd George and Churchill: how Friendship Changed
Politics*, London and Lanham, Maryland, Madison Books, 1995

John Ramsden, *The Age of Churchill and Eden 1940–1957*, London,
Longman, 1996

Keith Robbins, *Churchill*, London, Longmans, 1992

Yves Rochas, *194 °Churchill et les Français: un ÈtÈ fertile en lÈgendes*,
Paris, Nouvelles Editions latines, 1998

Norman Rose, *Churchill: an Unruly Life*, London, Simon and Schuster,
1994

Stephen Roskill, *Churchill and the Admirals*, London, Collins, 1977

Peter Sainsbury, *Churchill and Roosevelt at War*, London, Macmillan, 1974;
второе издание вышло в 1995 году

Maxwell Philipp Schoenfeld, *The War Ministry of Winston Churchill*,
Ames, Iowa State University, 1972

Anthony Seldon, *Churchill's Indian Summer: the Conservative Government
1951–1955*, London, Hodder and Stoughton, 1981

Robert Sencourt, *Winston Churchill*, London, Faber and Faber, 1940

Arthur Lee Jr Smith, *Churchill's German Army: Wartime Strategy and Cold
War Politics 1943–1947*, Beverly Hills, Sage, 1977

Ronald A. Smith, *Churchill: Images of Greatness*, London, Kevin Francis

[1990]

David Stafford, *Churchill and Secret Service*, London, John Murray, 1997

Graham Stewart, *Burying Caesar: Churchill, Chamberlain and the Battle for the Tory Party*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1999

Herbert Leslie Stewart, *Sir Winston Churchill as Writer and Speaker*, London, Sidgwick and Jackson, 1954

Mary Soames, *Winston Churchill: his Life as a Painter. A Memoir by his Daughter*, London, Collins, 1990

Anthony Storr, *Churchill's Black Dog and Other Phenomena of the Human Mind*, London, Collins, 1989

John Strawson, *Churchill and Hitler in Victory and Defeat*, London, Constable, 1997

Alan John Percival Taylor и др., *Churchill: Four Faces and the Man*, New York, Dial Press, и London, Allen Lane, 1969

David A. Thomas, *Churchill the Member for Woodford*, London, Frank Cass, 1994

Carlos Thompson, *The Assassination of Winston Churchill*, Gerrards Cross, Colin Smythe, 1969

Kenneth W. Thompson, *Winston Churchill's World View: Statesmanship and Power*, Baton Rouge, Louisiana State University Press, 1983

Reginald William Thompson, *Churchill and Morton*, London, Hodder and Stoughton, 1976

Reginald William Thompson, *Generalissimo Churchill*, London, Hodder and Stoughton, 1973

Reginald William Thompson, *The Yankee Marlborough*, London, Allen and Unwin, 1963; пер. на фр.: *Winston Churchill*, Paris, France-Empire, 1965

В. Г. Трухановский, *Уинстон Черчилль*, Москва, Прогресс, 1978

Fred Urquhart ed., *Winston Churchill: a Cartoon Biography*, London, Cassell, 1955

Leon J. Waszak, *Agreement in Principle: the Wartime Partnership of General Wladyslaw Sikorski and Winston Churchill*, New York, Lang, 1996

Manfred Weidhm, *A Harmony of Interests. Explorations in the Mind of Sir Winston Churchill*, Cranbury N. J., Fairleigh Dickinson Press, 1992

John Wheeler-Bennett ed., *Action this Day. Working with Churchill*, London, Macmillan, 1968

Thomas Wilson, *Churchill and the Prof*, London, Cassell, 1995

Frederick Woods, *The Making of Many Books: Churchill as a Writer*, London, Library of Imperial History, 1975

Frederick Woods, *Artillery of Words: the Writings of Sir Winston Churchill*,

London, Leo Cooper, 1992

John W. Young ed., *The Foreign Policy of Churchill's Peacetime Administration, 1951–1955*, Leicester, Leicester University Press, 1988

John W. Young ed., *Winston Churchill's Last Campaign: Britain and the Cold War 1951–1955*, Oxford, Clarendon Press, 1996

Kenneth Young, *Churchill and Beaverbrook*, London, Eyre and Spottiswoode, 1966

<i>Статьи и заметки современников об Уинстоне Черчилле</i>

Paul Addison, *Churchill in British politics 1940–1955*, в книге John Malcolm W. Bean ed., *The Political Culture of Modern Britain: Essays in Memory of Stephen Koss*, London, Hamish Hamilton, 1988, 243—261

Paul Addison, *Journey to the Centre: Churchill and Labour in Coalition 1940–1945*, в книге Alan Sked and Chris Cook ed., *Crisis and Controversy: Essays in Honour of A. J. P. Taylor*, London, Macmillan, 1976, 165—193

Paul Addison, *The Political Beliefs of Winston Churchill*, «Transactions of the Royal Historical Society», 30, 1980, 23—47

Paul Addison, *Winston Churchill and the Working Class*, в книге Jay Winter ed. *The Working Class in Modern Britain*, Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 43–64

Richard Aldrich, *Conspiracy or Confusion? Churchill, Roosevelt and Pearl Harbor*, «Intelligence and National Security», VII, 3, July 1992, 335—346

Christopher Andrew, *Churchill and Intelligence*, «Intelligence and National Security», III, 3, July 1988, 181–193

Jeffery Arnett, *Winston Churchill: the Quintessential Sensation Seeker*, «Political Psychology», XII, 4, December 1991, 609—621

Colin E Baxter, *Winston Churchill: Military Strategist?* «Military Affairs», 47, February 1983, 7—10

François Bédarida, *Révisionnisme à l'anglaise: Winston Churchill*, «L'Histoire», septembre 1993, 72—74

François Bédarida, *Churchill*, в книге Jean-Pierre Azéma et François Bédarida, *1938–1948: Les Années de tourmente Diction — naire critique*, Paris, Flammarion, 1995, 553 — 559

Tuvia Ben-Moshe, *Churchill's Strategic Conception during the First World War*, «Journal of Strategic Studies», XII, 1, March 1989, 5—21

Tuvia Ben-Moshe, *Winston Churchill and the «Second Front»: a Reappraisal*, «Journal of Modern History», 52, 3, September 1990, 503—537

Carl Bridge, *Churchill, Hoare, Derby and the Committee of Privileges, April to June 1934*, «Historical Journal», 22, 1, 1979, 215—227

Kathryn Brown, *Intelligence and the Decision to Collect it: Churchill's Wartime Diplomatic Signals Intelligence*, «Intelligence and National Security», X, 3, July 1995, 449-467

T. D. Burridge, *A Postscript to Potsdam the Churchill-Laski Electoral Clash, June 1945*, «Journal of Contemporary History», XII, 4, 1977, 725—739

David Cannadine, *Winston Agonistes*, «New York Review of Books», 15 June 1989, 36–42; переиздано в «History in Our Times», New Haven, Yale University Press, 1998

John Charmley, *Essay and Reflection: Churchill as War Hero*, «International History Review», 12, February 1991, 96—104

Eliot A. Cohen, *Churchill and Coalition Strategy in World War II*, издано в Paul Kennedy ed., «Grand Strategies in War and Peace», New Haven, Yale University Press, 1991

Nicholas J. D'Ombra, *Churchill at the Admiralty and Committee of Imperial Defence*, «Journal of the Royal United Services Institution», 105, March 1970, 38-41

A. Danchev, «Dilly-Dally», or *Having the Last Word: Field-Marshal Sir John Dill and Prime Minister Winston Churchill*, «Journal of Contemporary History», 22, 1, 1987, 21-44

David Day, *Churchill and his War Rivals*, «History Today», 41, April 1991, 15-21

David Dilks, *Allied Leadership in the Second World War: Churchill*, «Survey», 1/2, 1975, 19-25

David Dilks, *The Twilight War and the Fall of France: Chamberlain and Churchill in 1940*, «Transactions of the Royal Historical Society», 28, 1978, 36-65

David Dilks, *Churchill as Negotiator at Yalta*, издано в Olla Brundu, «Yalta: un mito che resiste», Rome, Edizioni dell' Ateneo, 1988, 91 — 116.

David Dilks, *Churchill and France: an Affair of the Heart*, Paris, British Embassy, 1999

John Ehrman, *Lloyd George and Churchill as War Ministers*, «Transactions of the Royal Historical Society», 11, 1961, 101 — 115

Arthur Funk, *Churchill, Eisenhower and the French Resistance*, «Military Affairs», XLV, 1, février 1981

A. B. Gaunson, *Churchill, de Gaulle, Spears and the Levant Affair, 1941*, «Historical Journal», 27, 3, 1984, 697—713

Bentley B. Gilbert, *Winston Churchill versus the Webbs: the Origins of*

British Unemployment Insurance, «American Historical Review», 71, 3, April 1966, 846-862

Martin Gilbert, «The Most Horrible Crime»: *Churchill's Prophetic, Passionate and Persistent Response to the Holocaust*, «Times Literary Supplement», 7 June 1996

Martin Gilbert, *Winston Churchill*, «Modern History Review», IV, 3, February 1993

John Gooch, *An Emblematic Prime Minister*, «Times Higher Education Supplement», 1 July 1983

Gabriel Gorodetsky, *Churchill's Warning to Stalin: a Reappraisal*, «Historical Journal», 24, 4, 1986, 979-990

Gabriel Gorodetsky, *The Hess Affair and Anglo-Soviet Relations on the Eve of «Barbarossa»*, «English Historical Review», 101, 2, April 1986, 405—420

William B. Hamilton, *Churchill: Actor as Historian*, «South Atlantic Quarterly», July 1951

Cameron Hazlehurst, *Churchill as Social Reformer: the Liberal Phase*, «Australian Historical Studies», April 1976

Michael Howard, *Churchill and the Era of National Unity*, издано в «The Lessons of History», Oxford, Oxford University Press, 1991, 152—165

E. J. Hughes, *Winston Churchill and the Formation of the United Nations Organization*, «Journal of Contemporary History», IX, 4, 1974, 177—194

Ronald Hyam, *Winston Churchill Before 1914*, «Historical Journal», 12, 1969, 164-173

Robert Rhodes James, *The Epic Concluded*, «Encounter», 71,2, 1988, 38—42

Tage Kaarsted, *Churchill and the Small States of Europe: the Danish Case*, издано в Charles Brower ed., «World War Two: the Final Year», New York, St. Martin's Press, 1998

David Kaiser, *Churchill, Roosevelt and the Limits of Power*, «International Security», X, 1, Summer 1985, 204—221.

Warren Kimball, *Naked Reverse Right: Roosevelt, Churchill and Eastern Europe*, «Diplomatic History», 9, 1, 1985, 1—24

Martin Kitchen, *Winston Churchill and the Soviet Union during the Second World War*, «Historical Journal», 30, 2, 1987, 415-436

Jonathan Knight, *Churchill and the Approach to Mussolini and Hitler in May 1940: a Note*, «British Journal of International Studies», 2, 1977

Walter La Feber, *Roosevelt, Churchill and Indochina 1942–1945*, «American Historical Review», 80, 1975, 1277—1295

James Leutze, *The Secret of the Churchill-Roosevelt Correspondence*,

September 1939 — May 1940, «Journal of Contemporary History», 10, 1975, 465-491

Basil Liddell Hart, *Churchill in War*, «Encounter», April 1966, 14—22

Piers Mackesy, *Churchill on Narvik*, «Journal of the Royal United Services Institution», 115, December 1970, 28 — 33

Gloria E. Maguire, *Notre «mal de tête commun»: Churchill, Roosevelt et de Gaulle*, «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 42, 4, octobre-décembre 1995, 593 -608

Lucy Masterman, *Churchill: the Liberal Phase*, «History Today», November-December 1964

R. McCormack, *Missed Opportunities: Winston Churchill, the Air Ministry and Africa 1919–1921*, «International History Review», XI, 2, 1989, 205—228

Amo J. Mayer, *The Power Politician and Counterrevolutionary*, издано в Kurt H. Wolff and Barrington Jr Moore ed., «The Critical Spirit», Boston, Beacon Press, 1967, 328–342.

Gerald Pawle, *Christmas with Churchill*, «Blackwood's Magazine», December 1973

John H. Plumb, *Churchill: the Historian* [1969], издано в «The Making of an Historian: the Collected Essays of J. H. Plumb», том 1, Hemel Hempstead, Harvester Wheatsheaf, 1988, 225—253

Richard H. Powers, *Churchill's Parliamentary Commentary on British Foreign Policy 1935–1938*, «Journal of Modern History», 26, 2, 1954, 179-182

Roland Quinault, *Churchill and Russia*, «War and Society», 9, May 1991, 99— 120

John Ramsden, *Winston Churchill and the Leadership of the Conservative party 1940–1951*, «Contemporary Record», IX, 1, Summer 1995, 99—119

Goronwy Rees, *After the Ball Was Over*, «Encounter», November 1965, 3—9

Albert Resis, *The Churchill-Stalin Secret «Percentages» Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944*, «American Historical Review», 83, 2, April 1978, 368-387

David Reynolds, *Churchill and the British «Decision» to Fight On in 1940: Right Policy Wrong Reasons*, издано в Richard Langhorne ed., «Diplomacy and Intelligence during the Second World War», Cambridge, Cambridge University Press, 1985, 147-167

David Reynolds, *Roosevelt, Churchill and the Wartime Anglo-American Alliance 1939–1945*, издано в W. Roger Louis and Hedley Bull ed., «The Special Relationship: Anglo-American Relations since 1945», Oxford, Clarendon Press, 1986, 17-41

David Reynolds, *Churchill the Appeaser? Between Hitler, Roosevelt and Stalin in World War Two*, издано в Michael Dockrill and Brian McKercher ed., «Diplomacy and world power: Studies in British Foreign Policy 1890–1950», Cambridge, Cambridge University Press, 1996, 197—220

David Reynolds, *Churchill and Allied Grand Strategy in Europe 1944–1945*, издано в Charles Brower ed., «World War Two: the Final Year», New York, St. Martin's Press, 1998

Marvin Rintala, *Renamed Roses: Lloyd George, Churchill and the House of Lords*, «Biography», 8,3, 1985

Marvin JUntala, *The Love of Power and the Power of Love: Churchill's Childhood*, «Political Psychology», 5,3, 1984

Stephen Roskill, *Marder, Churchill and the Admiralty, 1939–1942*, «Journal of the Royal United Services Institute», 4, 117, December 1972, 49—53

Alfred L. Rowse, *Churchill Considered Historically*, «Encounter», January 1966, 45 -50

Henry B. Ryan, *A New Look at Churchill's «Iron Curtain» Speech*, «Historical Journal», 22,4, 1979, 895 -920

Anthony Seldon, *The Churchill Administration 1951–1955*, издано в Peter Hennessy and Anthony Seldon ed., «Ruling Performance: British Governments from Attlee to Thatcher», Oxford, Oxford University Press, 1987, 63—97

Thanasis Sfikas, *Winston Churchill and the Greeks*, «Journal of Contemporary History», 26, 2, 1991, 307-332

Joseph M. Siracusa, *The Night Stalin and Churchill Divided Europe: the View from Washington*, «Review of Politics», 43, 3, July 1981, 381—409

Louis W. Tordella and Edwin Fishel, *A New Pearl Harbor Villain: Churchill*, «International Journal of Intelligence and Counter-Intelligence», VI, 3, Fall 1993

Philip Towle, *Winston Churchill and British Disarmament Policy*, «Journal of Strategie Studies», II, 3, December 1979, 335—347

Reed Whittemore, *Churchill and the Limitations of Myth*, «Yale Review», 44, 2, December 1954, 248-263

K. M. Wilson, *The War Office, Churchill and the Belgian Option, August to December 1911*, «Bulletin of the Institute of Historical Research», 50, 1977, 218 — 228

John W Young, *Churchill's Bid for Peace with Moscow, 1954*, «History», 73, 1988, 425-448

John W. Young, *Churchill's «No» to Europe: the Rejection of European Union by Churchill's Post-War Government 1951–1952*, «Historical Journal», 28, 4, 1985, 923-937

John W Young, *Churchill, the Russians and the Western Alliance: the Three-Power Conference at Bermuda, December 1953*, «English Historical Review», 101, October 1986, 889-912

Kenneth Younger, *Off the Ball*, «Encounter», February 1966, 94—96

<i>Свидетельства, воспоминания современников, сборники писем</i>

Leo Amery, *My Political Life*, London, Hutchinson (в трех томах), 1953—1955

[Asquith Herbert Henry] Lord Oxford and Asquith, *Memories and Reflections*, London, Cassell (в двух томах), 1928

Margot Asquith, *Autobiography*, ed. Mark Bonham Carter, London, Thornton Butterworth (в двух томах), 1920—1922

Emmanuel d'Astier de La Vigerie, *Les Grands*, Paris, Gallimard, 1961: «Churchill», 47—66

Lord Avon, *The Eden Memoirs*, London, Cassell (в трех томах), 1960—1965; пер. на фр. *Mémoires*, Paris, Plon (в трех томах), 1960—1965

John Barnes and David Nicholson ed., *The Leo Amery Diaries 1896–1955*, London, Hutchinson (в двух томах), 1980—1988

BBC, *A Selection of the Broadcasts Given in Memory of Winston Churchill*, London, BBC, 1965

Robert Blake ed., *The Private Papers of Douglas Haig, 1914–1919*, London, Eyre and Spottiswoode, 1952

Wilfred Scawen Blunt, *My Diaries 1888–1914*, Alfred Knopf, 1921

Violet Bonham Carter, *Winston Churchill as I Knew Him*, London, Eyre and

Spottiswoode, 1965; переиздание: London, Weidenfeld and Nicolson, 1995

Robert Boothby, *My Yesterday, Your Tomorrow*, London, Hutchinson, 1962

Robert Boothby, *Recollections of a Rebel*, London, Hutchinson, 1978

Peter G. Boyle ed., *The Churchill-Eisenhower Correspondence 1953–1955*, Chapel Hill, North Carolina University Press, 1990

Michael and Eleonore Brocks ed., *H. H. Asquith: Letters to Venetia Stanley*, Oxford, Oxford University Press, 1985

Anthony Montague Browne, *Long Sunset: Memoirs of Winston Churchill's Last Private Secretary*, London, Cassell, 1995

Arthur Bryant ed., *The Turn of the Tide 1939–1943 (The Alanbrooke Diaries)*, London, Collins, 1957

- Arthur Bryant, *Triumph in the West 1943–1945 (The Alanbrooke Diaries)*, London, Collins, 1959
- Lord Butler, *The Art of the Possible*, London, Hamish Hamilton, 1971
- Charles Edward Callwell, *Field Marshal Sir Henry Wilson: his Life and Diaries*, London, Cassell (в двух томах), 1927
- Captain «X» [Andrew Dewar Gibb], *With Winston Churchill at the Front*, London and Glasgow, Gowans and Gray, 1924
- Richard Casey, *Personal Experience 1939–1946*, London, Constable, 1962
- William Scott Chalmers, *The Life and Letters of David, Earl Beatty, Admiral of the Fleet*, London, Hodder and Stoughton, 1951
- Alfred D. Jr Chandler and Stephen Ambrose ed., *The Papers of Dwight D. Eisenhower: the War Years*, Baltimore, Johns Hopkins University Press (в пяти томах), 1970
- Lord Chandos [Oliver Lyttelton], *Memoirs*, London, Bodley Head, 1962
- E. D. W. Chaplin ed., *Winston Churchill and Harrow. Memories of the Prime Ministers Schooldays 1888–1892*, London, Harrow School [1941]
- John Charmley ed., *Descent to Suez: The Diaries of Sir Evelyn Shuckburgh 1951–1956*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1987
- Churchill by his Contemporaries: an Observer Appreciation*, London, Hodder and Stoughton, 1965
- Richard Cockett ed., *My Dear Max: the Letters of Brendan Bracken to Lord Beaverbrook 1925–1958*, London, Historians' Press, 1990
- Albert Cohen, *Churchill d'Angleterre*, «Message: Belgian Review», février 1943 [автор использовал псевдоним Jean Mahan]; переиздание: *Churchill d'Angleterre*, Paris, Lieu commun, 1985
- John Colville, *The Churchillians*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1981
- John Colville, *The Fringes of Power: Downing Street Diaries 1939–1955*, London, Hodder and Stoughton (в двух томах), 1985
- A. Duff Cooper, *Old Men Forget*, London, Hart-Davis, 1954; пер. на фр.: *Au-delà de l'oubli*, Paris, Gallimard, 1960
- Diana Cooper, *Trumpets from the Steep*, London, Hart Davies, 1966
- Correspondance secrÈte de Staline avec Roosevelt, Churchill, Truman et Attlee 1941–1945*, перевод с русского и английского, Paris, Pion (в двух томах), 1959
- Richard H. S. Crossman, *The Charm of Politics*, London, Hamish Hamilton, 1958
- Hugh Dalton, *Memoirs*, London, Muller (в трех томах), 1953—1962
- Edward David, *Inside Asquith's Cabinet: from the Diaries of Charles Hobhouse*, London, Murray, 1977

Michael Davie ed., *The Diaries of Evelyn Waugh*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1976

Richard Harding Davis, *Real Soldiers of Fortune*, New York, Collier, 1906

David Dilks ed., *The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945*, London, Cassell, 1971

Charles Eade ed., *Winston Churchill by his Contemporaries*, London, Hutchinson, 1953

Robert Ferrell ed., *The Eisenhower Diaries*, New York, Norton, 1981

Alfred G. Gardiner, *Certain People of Importance*, London, Cape, 1925

Alfred G. Gardiner, *Pillars of Society*, London, Nisbet, 1913

Alfred G. Gardiner, *Prophets, Priests and Kings*, London, Alston Rivers, 1908

Charles de Gaulle, *Mémoires de guerre*, Paris, Pion (в тpex томax), 1954—1959

Martin Gilbert ed., *Churchill (Great Lives Observed)*, Englewood Cliffs N. J., Prentice Hall, 1967

David Green, *Sir Winston Churchill at Blenheim Palace: an Anthology*, Oxford, Alden Press, 1959

Percy James Grigg, *Prejudice and Judgment*, London, Cape, 1948

Richard Burton Haldane, *Autobiography*, London, Hodder and Stoughton, 1929

Paul G. Halpm ed., *The Keyes Papers: Selections from the Private and Official Correspondence of Admiral of the Fleet Baron Keyes of Zeebrugge* (в тpex томax), London, Navy Records Society, 1972—1981

W. Averell Harriman and Elie Abel, *Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946*, New York, Random House, 1975

John Harvey ed., *The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940*, London, Collins, 1970

John Harvey ed., *The War Diaries of Oliver Harvey 1941–1945*, London, Collins, 1978

Leslie Hollis and James Leasor, *War at the Top*, London, Heinemann, 1959

David Hunt, *On the Spot. An Ambassador Remembers*, London, Davies, 1975

Lord Ismay, *The Memoirs of General the Lord Ismay*, London, Heinemann, 1960

Robert Rhodes James ed., «Chips»: *the Diary of Sir Henry Channon*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1967

Keith Jefferys ed., *The Military Correspondence of Field Marshal Sir Henry Wilson 1918–1922*, London, Bodley Head, 1985

Kevin Jeffery ed., *Labour and the Wartime Coalition: from the Diary of James Chuter Ede 1941–1945*, London, Historians Press, 1987

Thomas Jones, *A Diary with Letters 1931–1950*, Oxford, Oxford University Press, 1969

Thomas Jones, *Whitehall Diary 1916–1930*, ed. Keith Middlemas, Oxford, Oxford University Press (в двух томах), 1969

Peter K. Kemp ed., *The Papers of Admiral Sir John Fisher*, London, Navy Records Society, 1960

John Maynard Keynes, *Essays and Sketches in Biography*, London, Hart Davies, 1951

John Maynard Keynes, *The Economic Consequences of Mr. Churchill*, London, Hogarth Press, 1925

Warren E. Kimball ed., *Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence 1933–1945*, Princeton, Princeton University Press (в трех томах), 1984

Shane Leslie, *The End of a Chapter*, London, Constable, 1929

Shane Leslie, *Long Shadows*, London, Murray, 1966

David Lloyd George, *War Memoirs*, London, Nicholson and Watson (в шести томах), 1933—1936

Francis L. Loewenheim, H. D. Langley and M. Jonas ed., *Roosevelt and Churchill: their Secret Wartime Correspondence*, London, Barrie and Jenkins, 1975

Roderick MacLeod and Dennis Kelly ed., *The Ironside Diaries 1937–1940*, London Constable, 1962

Harold Macmillan, *Memoirs*, London, Macmillan, (в шести томах), 1966–1973; сокращенный перевод на фр.: *Mémoires de guerre 1939–1945*, Paris, Plon, 1968

Harold Macmillan, *War Diaries: the Mediterranean 1943–1945*, London, Macmillan, 1984

James Marchant ed., *Winston Spencer Churchill Servant of Crown and Commonwealth*, London, Cassell, 1954

Arthur Marder ed., *Fear God and Dread Nought: the Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone*, London, Cape (в трех томах), 1952–1959

Edward Marsh, *A Number of People*, London, Heinemann, 1939

John Martin, *Downing Street: the War Years*, London, Bloomsbury, 1991

Norman McGowan, *My Years with Churchill*, London, Souvenir Press, 1958

Phyllis Moir, / *Was Winston Churchill's Private Secretary*, New York,

Wilfred Funk, 1941; пер. на фр.: *Churchill, cet inconnu*, Paris, société française d'éditions littéraires et techniques, 1948

Bernard L. Montgomery, *The Memoirs of Field Marshal the Viscount Montgomery*, London, Collins, 1958

Edmund Murray, / *Was Churchill's Bodyguard*, London, W. H. Allen, 1987

Elizabeth Nel, *Mr. Churchill's Secretary*, London, Hodder and Stoughton, 1958

Herbert George Nicholas ed., *Washington Despatches 1941–1945*, Chicago, Chicago University Press, 1981

Harold Nicolson, *Diaries and Letters 1930–1962*, London, Collins (в трех томах), 1966—1968

Gerald Pawle, *The War and Colonel Warden*, London, Harrap, 1963; пер. на фр.: *Le Vieux Lion au microscope*, Paris, Presses de la Cité, 1963

Graham Payn et Sheridan Morley ed., *The Noel Coward Diaries*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1983

Ben Pimlott ed., *The Political Diary of Hugh Dalton 1918–1940*, London, Cape, 1986

Ben Pimlott ed., *The Second World War Diary of Hugh Dalton 1940–1945*, London, Cape, 1986

Mark Pottle ed., *Champion Redoubtable: the Diaries and Letters of Violet Bonham Carter 1914–1945*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1998

John Ramsden ed., *Real Old Tory Politics: the Political Diaries of Sir Robert Sanders, Lord Bayford, 1910–1935*, London, Historian's Press, 1984

B. Ranft ed., *The Beatty Papers: Selections from the Private and Official Papers of Admiral of the Fleet Earl Beatty, 1902–1927*, London, Scholar Press (в двух томах), 1989—1993

The Riddell Diaries 1908–1923, ed. J. M. McEwen, London, Athlone Press, 1986

Lord Riddell's War Diary 1914–1918, London, Ivor Nicholson and Watson, 1933

Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and after 1918–1923, London, Gollancz, 1933

Lord Riddell, *More Pages from my Diary 1908–1914*, London, Country Life, 1934

Andrew Roberts, *Eminent Churchillians*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1994

Norman Rose ed., «Baffy»: *the Diaries of Blanche Dugdale 1936–1947*, London, Vallentine Mitchell, 1973

James Arthur Salter, *Personalities in Politics*, London, Faber and Faber,

1947

Secret History of World War II: the Ultra-Secret Wartime Cables and Letters of Churchill, Roosevelt and Stalin, London, W. H. Allen, 1987

Robert E. Sherwood, *The White House Papers of Harry L. Hopkins*, London, Eyre and Spottiswoode (в двух томах), 1948—1950

Osbert Sitwell, *The Winstonburg Line. Three Satires*, London, Henderson, 1919

Frederick Edwin Smith, 1st Earl of Birkenhead, *Contemporary Personalities*, London, Cassell, 1924

Charles P. Snow, *Variety of Men*, London, Macmillan, 1967

Edward Louis Spears, *Assignment to Catastrophe*, London, Heinemann (в двух томах), 1954; пер. на фр.: *TÈmoignage sur une catastrophe*, Paris, Presses de la CitÈ, 1964

Peter Stansky ed., *Churchill: a Profile*, London and New York, Macmillan, 1973

Lord Swinton, *Sixty Years of Power*, London, Hutchinson, 1966

Lord Swinton ed., *Lloyd George. A Diary by Frances Stevenson*, London, Hutchinson, 1971

Lord Swinton ed., *My Darling Pussy: the Letters of Lloyd George and Frances Stevenson, 1913–1941*, Weidenfeld and Nicolson, 1975

A. Temple-Patterson ed., *The Jellicoe Papers: Selections from the Private and Official Correspondence of Admiral of the Fleet Earl Jellicoe, 1893–1935*, London, Navy Records Society (в двух томах), 1966—1968

Lord Templewood [sir Samuel Hoare], *Nine Troubled Years*, London, Collins, 1954

Walter Henry Thompson, *I Was Churchill's Shadow*, London, Christopher Johnson, 1951; пер. на фр.: *Churchill par son ombre*, Paris, CorrÈa, 1952

Beatrice Webb, *Diaries 1912–1932*, ed. Margaret Cole, London, Longmans (в двух томах), 1952—1956

Beatrice Webb, *Diaries, 1873–1943*, ed. Norman and Jeanne Mackenzie, London, Virago (в четырех томах), 1982—1985

Beatrice Webb, *Our Partnership*, ed. Barbara Drake, London, Longmans, 1948

Trevor Wilson ed., *The Political Diaries of C. P. Scott 1911–1928*, London, Collins, 1970

Lord Woolton, *Memoirs*, London, Cassell, 1959

Kenneth Young ed., *The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart 1915–1965*, London, Macmillan (в двух томах), 1973—1980

Philip Ziegler ed., *Personal Diary of Admiral the Lord Mountbatten 1943–*

1947, London, Collins, 1988

<i>Альбомы фотографий</i>

Три наиболее полных альбома:

Randolph S. Churchill and Helmut Gemsheim, *Churchill: his Life in Photographs*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1955

Martin Gilbert, *Churchill: a Photographic Portrait*, London, Heinemann and Penguin, 1974

Mary Soames, *A Churchill Family Album*, London, Penguin, 1982

INFO

Бедарида Ф.

Б 38 Черчилль / Франсуа Бедарида; пер. с фр. Е. Н. Юдиной. - 4-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2011.— 458[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1299).

ISBN 978-5-235-03422-8

УДК 942 (092)

ББК 63. 3(4)

Бедарида Франсуа
ЧЕРЧИЛЛЬ

Редактор *Р. В. Чекрыжова*

Художественный редактор *О. В. Иванов*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректоры *Г. В. Платова, Л. В. Радченко*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Подписано в печать с готовой электронной версии 08.11.2010. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 24,36+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 10474

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Суцеская ул., 21

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

- А. Турков «ТВАРДОВСКИЙ»
- В. Чайковская «ТЫШЛЕР»
- С. Нечаев «ТОРКВЕМАДА»
- М. Гейзер «ФАИНА РАНЕВСКАЯ»
- В. Попов «ДОВЛАТОВ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Минаев «ЕЛЬЦИН»
С. Кредов «ЩЁЛОКОВ»
Р. Грэм «МАРИЯ СТЮАРТ»
В. Лопатников «КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ»
Е. Пчелов «РЮРИК»
А. Филюшкин «ВАСИЛИЙ III»
М. Филин «ТОЛСТОЙ-АМЕРИКАНЕЦ»
А. Варламов «АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ»
М. Копшицер «ПОЛЕНОВ»
Г. Чернявский «ЛЕВ ТРОЦКИЙ»
С. Фирсов «НИКОЛАЙ II»
В. Новиков «АЛЕКСАНДР БЛОК»
М. Чертанов «ХЕМИНГУЭЙ»
И. Пожарская «ЮРИЙ НИКУЛИН»

notes

Примечания

1

Hope not (*англ.*). Оставь надежду.

Министр морского флота Великобритании. — *Прим. пер.*

Часы на башне британского парламента. — *Прим. пер.*

Памятник погибшим во время Первой мировой войны. — *Прим. пер.*

Мелодия во славу павших. — *Прим. пер.*

Воин, историк/Художник, оратор/Он украшал «сегодня»/И воскрешал «вчера»;/Он завершил свой долгий путь/Он олицетворял в своем лице все правительство/И наконец свершилось его отречение от всех талантов/Он стал мифом/Он был столпом/Был монолитом/Стоявшим прямо в центре шквала/Он сильным был/Волнам пучины кричал он дерзко:/«Не сдадимся!»/И вот закончил долгий путь/Правитель наш, легендой ставший/Ушел в отставку человек/Собой правительство с успехом заменявший/Кто оставляет нас, уходит под звон колоколов по улицам/Кого несет река/Под эхо горестных рыданий/Из Лондона все дальше, на века?/Скорбит Мать-Демократия по своему *Усопшему прославленному сыну*/Нас оставляет тот, кто мужеством и смелостью своей/Обрел бессмертье в летописях мира/Успокоилось сердце, укрощавшее бури/Замкнулся жизни круг/Наш Черчилль, наш герой любимый/Вернулся в неба колыбель.

Много сделал, еще больше написал, великий муж оставил мир (*лат.*).

Прозвище Ллойда Джорджа. — *Прим. пер.*

Искаж. *фр*: Je suis un frère aîné de la Trinité (Я — старший брат «Тринити хаус»).

Министр военно-морского флота Великобритании. — *Прим. пер.*

Хочешь мира — готовься к войне. — *Прим. пер.*

Britannia rules the waves (*англ.*).

Юго-западная часть capitoлийского храма Юпитера, с вершины которой сбрасывали осужденных по обвинению в измене. — *Прим. пер.*

От *англ.* spy — шпион. — *Прим. пер.*

Повесить кайзера (*англ.*).

Британские силы тем не менее проявили большую активность на территории России.

Смерть большевикам, да здравствуют фрицы (*англ.*).

Руки прочь от России (*англ.*).

Весьма своеобразная трактовка лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». — *Ред.*

Националистическое движение в Ирландии. — *Прим. пер.*

Фений — член тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. — *Прим. пер.*

Рядовой член партии. — *Прим. пер.*

От *англ.* free-traden — сторонник свободной торговли. — *Прим. пер.*

Состав кабинета министров, намечаемый лидерами оппозиции. —
Прим. пер.

Фр. On ne baldwine pas avec l'amour — «с любовью не шутят». Глагол baldwine образован от фамилии Болдуин (*Baldwin*). — *Прим. пер.*

Воен. жарг. штабной офицер, высокий чин (англ.).

Воен. жарг. гражданские (англ.).

Загородная резиденция британского премьер-министра. — *Прим. пер.*

Центр в защиту свободы и мира (*англ.*).

Drôle de guerre (*pp.*).

Phoney war (*англ.*).

Британский политический деятель (1708–1778), будучи премьер-министром и министром военного ведомства в начале Семилетней войны (1756–1763), привел страну к победе. — *Прим. пер.*

«Черный край» — каменноугольный и железообрабатывающий район Стаффордшира и Уоркшира.

Свободолюбивый, суровый и сварливый персонаж памфлета Джона Арбутнота, с которым ассоциируются англичане.

Работать, как ни в чем не бывало (*англ.*).

Загадка (*англ.*).

Human Intellgence — букв, человеческая разведка (*англ.*).

Signals Intelligence — сигнальная разведка (*англ.*).

Британцы называли Сталина *Joseph* — Джозеф, сокращенно — Джо.
— *Прим. пер.*

Эпоху правления в Европе королей каролингской династии называют «каролингским возрождением». — *Прим. пер.*

Состав кабинета министров, намечаемый лидерами оппозиции. —
Прим. пер.

Тупой, отупляющий, Даллес (*англ.*).

Защитник веры (*лат.*).

Экскурсия пешком (*англ.*).

Trinity House — правление маячно-лоцманской корпорации.

Начальником главного морского штаба. — Прим пер.

В честь взятия Бастилии 14 июля 1789 года и в честь праздника Федерации, устроенного в Париже 14 июля 1790 года.

Уинстон вернулся (англ.).

Поначалу так называли добровольцев, откликнувшихся на призыв генерала Де Голля от 18 июня 1940 года, затем — все французские войска и французские территории, продолжавшие борьбу с немецкими захватчиками, несмотря на перемирие. В 1942 году Де Голль переименовал «Свободную Францию» в «Воюющую Францию».

Начальная буква в слове *victory* — *победа* (англ.).

Упрощенный английский язык из 850 слов, предложенный Ч. Огденом;
система обучения этому языку. — *Прим. пер.*

comments

Комментарии

См. Джон Кэмпбелл, *F. E Smith, First Earl of Birkenhead*, London, Pimlico, 1983 г., второе издание книги вышло в 1991 г.

Пол Мюррей Кендалл, *The Art of Biography*, London, Allen and Unwin, 1965 г.

Жак Ле Гофф, *Saint Louis*, Paris, Gallimard, 1996 г., с. 15.

Джованни Леви, «Les usages de la biographie», *Annales ESC*, ноябрь-декабрь 1989 г., с. 1333.

У. Черчилль, «Mass Effects in Modern Life», *Thoughts and Adventures* (1932 г.). Статья вышла в *Strand Magazine* в мае 1931 г.

См. Рэймон Арон, *Introduction à la philosophie de l'histoire: essai sur les limites de l'objectivité historique*, Paris, Gallimard, 1938 г., с. 81 и 181; Фернан Бродель, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, Paris, A. Colin, второе издание, 1966 г., том второй, с. 520; Клод Леви-Штросс, *La Pensée sauvage*, Paris, Plon, 1962 г., с. 346–347.

См. Анри Берр, *La synthèse en Histoire* (1911 г.), переиздано: Paris, Albin Michel, 1953 г., с. 76.

Два из этих стихотворений были опубликованы в *Daily Herald* в июле 1919 г., третье — в *The Nation The Collected Satires and Poems of O. Sitwell*, London, Henderson, в 1931 г.

Эта пьеса, поставленная в Берлине в октябре 1967 г., была отвергнута Лондонским государственным театром. В английском переводе она вышла под названием *Soldiers: an Obituary for Geneva*, New-York, Samuel French, 1968 г.

Роберт Родс Джеймс, *Churchill: a Study in Failure 1900–1939*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1970 г.; Пол Эддисон, *Churchill on the Home Front 1900–1955*, London, Cape, 1992 г.

Джон Чармли, *Churchill: the End of Glory. A Political Biography*, London, Hodder and Stoughton, 1995 г.

У. Черчилль, *Marlborough: his Life and Times*, том третий, с. 433; том четвертый, с. 96; *Secret Session Speeches*, London, Cassell, издано Ч. Идом в 1946 г., с. 45: речь, произнесенная в палате общин 25 июня 1941 г.; в переводе на французский, осуществленном П. Дюпоном в 1947 г., — с. 70.

Эта цитата приведена в книге Р. Ф. Фостера *Lord Randolph Churchill: a Political Life*, Oxford, Clarendon Press, 1981 г., с. 177.

У. Черчилль, *My Early Life* (1930 г.), издательство Fontana, с. 70.

У. Черчилль, *My Early Life*, с. 13.

Companion volume I, том первый, с. 168–169.

Анита Лесли, *Jennie: the Life of Lady Randolph Churchill*, London, Hutchinson, 1969 г., с. 70.

Companion volume I, том первый, с. 88: письмо Уинстона Черчилля леди Рандольф от 8 июня 1884 г.; письмо от 14 декабря 1887 г. приведено Рандольфом Черчиллем в первом томе «официальной биографии» Уинстона Черчилля *Youth*, с. 99; письма от 24 ноября, 9 и 18 декабря 1891 г. приведены в первом томе Companion volume I, с. 291, 293–294 и 295.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 441: письмо к леди Рандольф от 11 января 1899 г.

Вайолет Бонем-Картер, *Winston Churchill as I Knew him*, London, Eyre and Spottiswoode, 1965 г., с. 16.

У. Черчилль, *Marlborough: his Life and Times*, том первый, 1933 г., с. 29;
The River War, 1898 г., глава первая.

Эти строки приведены Мартином Гилбертом в книге *Churchill: a Life*, London, Heinemann, 1991 г., с 25.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 233; Companion volume I, том первый, с. 527–528.

У. Черчилль, *Thoughts and Adventures* (1932 г.), с. 32.

У. Черчилль, *My Early Life*, с. 68.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 351: письмо к леди Рандольф от 5 сентября 1897 г.; Companion volume I, том второй, с. 839: письмо к леди Рандольф от 22 декабря 1897 г.

Companion volume I, том первый, с. 583: письмо к леди Рандольф от 16 августа 1895 г.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 371: письмо к леди Рандольф от 28 января 1898 г.

Вайолет Бонем-Картер, *Winston Churchill as I Knew him*, с. 16; лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival*, London, Constable, 1966 г., с. 525, во французском переводе — *Mémoires*, Paris, Laffont — с. 465.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 301, письмо к леди Рандольф от 4 ноября 1896 г.; там же, с. 298, письмо к леди Рандольф от 14 апреля 1897 г.

См. Мартин Гилберт, *In Search of Churchill*, London, Harper/Collins, 1994 г., с. 82.

Companion volume I, том второй, с. 792–793 и 839–840: письма к леди Рандольф от 19 сентября и 22 декабря 1897 г.

Companion volume I, том второй, с. 856: письмо к леди Рандольф от 10 января 1898 г.

Companion volume I, том второй, с. 855: письмо к леди Рандольф от 6 января 1898 г.; *My Early Life*, с. 159.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 414: письмо к леди Рандольф от 4 сентября 1898 г.

Джон Б. Аткинс, *Incidents and Reflections*, London, Christophers, 1947 г., с. 122–123.

У. Черчилль, *Savrola*, с. 42–43.

Эта цитата приведена Робертом Родсом Джеймсом в книге *Churchill: a Study in Failure 1900–1939*, с. 32.

Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 71: письмо от 24 октября 1903 г. (в действительности это письмо так и не было отправлено).

См. Уильям Джордж, *My Brother and I*, London, Eyre and Spottiswoode, 1958 г., с. 211; Альфред Г. Гардинер, *Pillars of Society*, London, Nisbet, 1913 г., с. 153.

См. Роналд Хайэм, *Elgin and Churchill at the Colonial Office 1905–1908*, London, Macmillan, 1968 г., с. 357.

Беатрис Уэбб, *Our Partnership*, London, Longmans, издано Б. Дрейком в 1948 г., запись в дневнике от 8 июля 1903 г., с. 269–270.

Об этом рассказал Остен Чемберлен в книге *Politics from Inside*, London, Cassell, 1936 г., с. 459.

Роналд Хайэм, *Elgin and Churchill at the Colonial Office 1905–1908*, с. 497.

Companion volume II, том второй, с. 730: письмо сэра Фрэнсиса Хопвуда лорду Элджину от 27 декабря 1907 г.

У. Черчилль, *My African Journey* (1908 г.), с. 37–38.

Там же, с. 197 и 209–213.

Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 246.

Там же, с. 247.

См. Люси Мастерман, *C. F. G. Masterman*, London, Nicholson and Watson, 1939 г., с. 97.

The Nation, 7 марта 1908 г.

Речь, произнесенная в Глазго 11 октября 1906 г., приведена У. С. Черчиллем в книге *Liberalism and the Social Problem*, London, Hodder and Stoughton, 1909 г., с. 67–84.

Выступление У. Черчилля от 4 мая 1908 г.: см. Роберт Родс Джеймс, *Winston Churchill: his Complete Speeches*, New-York, Chealsea House, 1974 г., том первый, охватывающий период с 1897 по 1908 г., с. 1034.

Companion volume II, том второй, с. 863, письмо Асквиту от 29 декабря 1908 г. «Превосходство Германии, — уточнял Черчилль, — в том, что ее механизмы налажены не только для войны, но и для мирной жизни».

Dundee Advertiser, 5 мая 1908 г.

Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 319 и 327; Companion volume II, том второй, с. 965–967: записка, направленная У. Черчиллем Асквиту в январе 1910 г.

Цитата приведена Полом Эддисоном в книге *Churchill on the Home Front, 1900–1955*, London, Cape, 1992 г., с. 66.

Выступление У. Черчилля от 13 января 1910 г. приведено Р. Р. Джеймсом в книге *Winston Churchill: his Complete Speeches*, том второй, с. 1464.

См. Люси Мастерман, *C. F. G. Masterman*, с. 184. Наиболее интересно и довольно самокритично о происшествии на Сидней стрит, о котором так любят рассказывать, поведал сам Черчилль в *Thoughts and Adventures* (1932 г.). Удивительное совпадение: в числе очевидцев этого происшествия был проходивший мимо работник социальной сферы из Ист-Энда. В дальнейшем пути Черчилля и этого случайного прохожего по имени Клемент Эттли надолго пересеклись (см. автобиографию К. Эттли *As it Happened*, London, Heinemann, 1954 г., с. 31).

См. Мэри Соме, *Clementine Churchill by her Daughter*, London, Cassell, 1979 г., с. 72–73.

См. Элизабет Лонгфорд, *A Pilgrimage of Passion: the Life of Wilfrid Scawen Blunt*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1979 г., с. 271–272 и 385–388.

См. Люси Мастерман, C. F. G. Masterman, с. 144.

У. Черчилль, *My Early Life*, с. 378.

Выступление У. Черчилля от 14 апреля 1908 г. приведено Робертом Родсом Джеймсом в книге *Winston Churchill: his Complete Speeches*, том первый, охватывающий период с 1897 по 1908 г., с. 954. О политических и социальных взглядах У. Черчилля можно также прочесть в статье Роналда Хайэма «Winston Churchill Before 1914», опубликованной в *Historical Journal* в марте 1969 г., с. 164–173, а также в книгах Пола Эддисона *Winston Churchill and the Working Class 1900–1914*, издательство Jay Winter, и *The Working Class in British Modern History: Essays in Honour of Henry Pelling*, Cambridge, Cambridge University Press, 1983 г., с. 43–64.

Рандольф Черчилль, *Youth*, с. 422: выступление перед консерваторами Саутси 31 октября 1898 г.; Роберт Родс Джеймс, *Churchill speaks: W. S. Churchill in Peace and War 1897–1963*, Leicester, Windward, 1981 г., с. 126: выступление в Нэшнл Либрэл Клуб 18 января 1908 г.

См. Эдвард Марш, *A Number of People*, London, Heinemann, 1939 г., с. 149.

Companion volume I, том второй, с. 863–864, письмо к леди Рандольф из Бангалора от 26 января 1898 г.

См. также свидетельство Вайолет Асквит в книге Вайолет Бонем-Картер *Winston Churchill as I Knew him*, с. 19–20.

Цитата приведена Х. Пеллингом в книге Churchill, London, Macmillan, 1974 г., с. 183, со ссылкой на книгу Иды Пор *Recollections of an Admiral's Wife* (1916 г.) и книгу Уильяма Джеймса *A Great Seaman: the Life of Admiral of the Fleet Sir Henry Oliver* (1956 г.).

Уильям Джордж, *My Brother and I*, London, Eyre and Spottiswood, 1958 г., с. 253; Рой Дженкинс, *Asquith*, London, Collins, 1964 г., с. 339–340.

Люси Мастерман, *C. F. G. Masterman*, с. 165.

Лорд Грей оф Фэллодон, *Twenty-Five Years*, London, Hodder and Stoughton, 1925 г., том первый, с. 238. См. также письмо У. Черчилля Грею от 30 августа 1911 г., приведенное У. Черчиллем в *The World Crisis*, том первый, глава третья «The Agadir Crisis».

Дневник Вайолет Асквит. См. Вайолет Бонем-Картер, *Winston Churchill as I Knew him*, с. 237.

«Military Aspects of the Continental Problem», 13 августа 1911 г.; полностью этот документ приведен в *The World Crisis*, том первый, с. 60–64.

Кристофер Хэссэлл, *Edward Marsh*, London, Longmans, 1959 г., с. 175.

Адмирал Бэкон, *Life of Jellicoe*, London, Cassell, 1936 г., с. 181. Цитата приведена также адмиралом сэром Питером Греттоном в книге *Former Naval Person: Winston Churchill and the Royal Navy*, London, Cassell, 1968 г., с. 117.

Луису Баттенбергскому, отпрыску немецкого княжеского рода, пришлось подать в отставку в октябре 1914 г. вследствие захлестнувшей страну волны германофобии. Позднее он сменил фамилию на *Маунтбеттен* (Луис Маунтбетген является отцом адмирала Маунтбетгена).

Со слов капитана Кортни: См. Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 698.

Эли Халеви, *Histoire du peuple anglais au XIX siècle: épilogue II 1905–1914*, Paris, Hachette, 1932 г., с. 565.

Телеграмма Бетманну-Холуэгу от 30 апреля 1913 г., приведенная в книге *Die Grosse Politik der Europdischen Kabinette*, том XXXIX, с. 38.

Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 563.

Там же, с. 576. См. также книгу лорда Ридделла *More Pages from my Diary 1908–1914*, London, Country Life, 1934 г., с. 78.

Альфред Г. Гардинер, *Prophets, Priests and Kings*, London, Dent, 1908 г., с. 106–107.

Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 225, письмо Клементине Черчилль от 15 сентября 1909 г.

Джон Р. Клайне, *Memoirs*, том первый, 1869–1924, London, Hutchinson, 1937 г., с. 97; Эли Халеви, *Histoire du peuple anglais...* с. 566.

Эта статья вышла в *Daily News* в августе 1911 г. Альфред Г. Гардинер приводит ее в книге *Pillars of Society*, с. 153–158.

Пол Эддисон, *Churchill on the Home Front 1900–1955*, с. 105.

См. лорд Бивербрук, *Politicians and the War 1914–1916*, London, Thornton Butterworth, 1928 г., с. 36.

Рандольф Черчилль, *Young Statesman*, с. 710 и 714–715, письма Клементине Черчилль от 28 и 31 июля 1914 г.

В дневнике Марго Асквит описан ужин 10 января 1915 г. См. Companion volume III, том первый, с. 400.

Рандольф Черчилль, *Twenty-One Years*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1965 г., с. 17.

См. Мартин Гилберт, третий том «официальной биографии», 1914–1916, с. 225–226.

Lord Riddell's War Diary 1914–1918, London, Ivor Nicholson and Watson, 1933 г., с. 82–83: из беседы, состоявшейся 29 апреля 1915 г.

Чтобы реально оценить достоинства «The World Crisis» как исторического произведения, см. Питер Райт, «Historian of the War», *Essays and Criticism* (1925 г.); на Райта ссылается Питер Стэнски в книге *Churchill: a Profile*, New-York, Macmillan, 1973 г.; см. также книгу Робина Приора *Churchill's «World Crisis» as History*, London, Croom Helm, 1983 г., в частности, заключение, с. 272–283.

Это выступление У. Черчилля в палате общин приводится в сборнике *House of Commons Debates*, том LXXV, 15 ноября 1915 г., с. 1505–1518.

См. Мартин Гилберт, *In Search of Churchill*: свидетельство леди Черчилль, с. 64, а также письмо У. Черчилля сэру Арчибальду Синклеру, с. 297.

Эта цитата приводится Кеннетом Юнгом в книге *Churchill and Beaverbrook*, London, Eyre and Spottiswood, 1966 г., с. 38.

Цитата приведена Робертом Родсом Джеймсом в книге *Churchill: a Study in Failure*, с. 87–88.

У. Черчилль, *Thoughts and Adventures* (1932 г.), «Painting as a Pastime».

См. Кристофер Хэссэл, *A Biography of Edward Marsh*, London, Longmans, 1959 г., с. 340: письмо к Вайолет Асквит (Бонем-Картер); см. также Анита Лесли, *The Fabulous Leonard Jerome*, London, Hutchinson, 1955 г., с. 321.

Цитата приведена Элизабет Лонгфорд в книге *A Pilgrimage of Passion: the Life of Wilfrid Scawen Blunt*, с. 409.

У. Черчилль, «Hobbies», *Thoughts and Adventures* (1932 г.). Все последующие цитаты взяты из книги *Painting as a Pastime*, опубликованной сначала в *Strand Magazine* в декабре 1921 г. и январе 1922 г., а затем вошедшей в сборник *Thoughts and Adventures*, вышедший отдельной книгой в 1948 г.

См. Мартин Гилберт, третий том «официальной биографии», 1914–1916, с. 591–592. «Варианты наступления» приводятся также в *The World Crisis*.

См. Мартин Гилберт, третий том «официальной биографии», 1914–1916, с. 580: письмо Клементине Черчилль от 22 ноября 1915 г., а также с. 603: письмо лорду Керзону от 8 декабря 1915 г.

См. Капитан Икс (псевдоним Эндрю Гибба), *With Winston Churchill at the Front*, London и Glasgow, Gowan and Gray, 1924 г., с. 21–22. Эта книга воспоминаний, написанная шотландским адвокатом, бывшим командиром роты и на протяжении двадцати пяти лет являвшимся профессором права (его кафедра была учреждена английским королем) в университете Глазго, представляет собой кладезь сведений о тех трех месяцах, что Черчилль провел на фронте во Фландрии.

Письмо Клементине Черчилль от 7 января 1916 г.: см. Мэри Соме, *Clementine Churchill*, London, Cassell, 1979 г., с. 238.

См. Капитан Икс (Э. Гибб), *With Winston Churchill at the Front*, с. 26.

Companion volume III, том второй, с. 1410: письмо Клементине Черчилль от 2 февраля 1916 г. (речь идет о поездке Черчилля в Африку в 1907 г.).

Письмо Клементине Черчилль от 11 и 19 января 1916 г.: см. Мэри Соме, *Clementine Churchill*, с. 235 и 239.

См. Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1916–1922, с. 33.

Это послание было направлено в военный совет 5 марта 1918 г.: см. *The World Crisis*, том четвертый, с. 402.

Sunday Pictorial, 8 апреля 1917 г.

См. Пол Эддисон, *Churchill on the Home Front 1900–1955*, с. 193.

В одной из глав *Thoughts and Adventures* под названием «A Day with Clemenceau» Черчилль раздраженно, даже резко описал этот эпизод.

«War Cabinet Minutes», 28 февраля 1919 г.: см. Companion volume IV, том первый, с. 557.

См. Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1917–1922, с. 178: письмо У. Черчилля Ллойд Джорджу от 26 декабря 1918 г.

Выступление У. Черчилля в палате общин от 3 марта 1919 г. приведено в сборнике *House of Commons Debates*, том CXIII, с. 72.

Письмо Филипа Керра Ллойд Джорджу от 15 февраля 1919 г. (Керр написал это письмо после беседы с Черчиллем); заседание военного совета 31 декабря 1918 г.; выступление У. Черчилля в Данди 26 ноября 1918 г.: см. Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1917–1922, с. 227, 229 и 246.

Выступление У. Черчилля в палате общин: см. *House of Commons Debates*, том CIV, 26 марта 1919 г., с. 372.

Выступление У. Черчилля в Оксфордском студенческом клубе 18 ноября 1920 г.; выступление У. Черчилля в Элдуич клуб 11 апреля 1919 г.: см. Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1917–1922, с. 278 и 440.

Weekley Dispatch, 22 июня 1919 г.

Выступление У. Черчилля в Сандерленде 2 января 1920 г.: см. Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1917–1922, с. 365.

Выступление У. Черчилля 27 января 1949 г.: см. Р. Р. Джеймс в книге *Winston Churchill: his Complete Speeches*, том седьмой, с. 7774.

Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1917–1922, с. 471: письмо Клементины Черчилль Уинстону Черчиллю от 18 февраля 1921 г.

Цитата приведена Эвелин Вренч в статье «Churchill and the Empire», опубликованной в книге Чарлза Ида *Churchill by his Contemporaries*, London, Hutchinson, 1953 г., с. 291.

Выступление У. Черчилля перед членами Британской ассоциации хлопководов в Манчестере 7 июня 1921 г. приведено Роналдом Хайэмом в статье «Churchill and the British Empire», опубликованной Робертом Блейком и У. Роджером Луисом в книге *Churchill*, Oxford, Oxford University Press, 1993 г., с. 174; выступление У. Черчилля 27 января 1922 г. приведено Г. Пеллингом в книге *Churchill...* с. 267.

Мартин Гилберт, четвертый том «официальной биографии», 1917–1922, с. 890: письмо полковника Лоуренса Уинстону Черчиллю от 22 ноября 1922 г.; письмо Уинстона Черчилля Г. Э. Л. Фишеру от 22 ноября 1922 г.

Эта знаменитая фраза приведена в книге *Thoughts and Adventures*, в главе «*Election Memoirs*», с. 213.

Свидетельство Джеффри Шекспира, секретаря Ллойда Джорджа, приводится Мартином Гилбертом в четвертом томе «официальной биографии», 1917–1922, с. 892.

Письмо лорда Бивербрука Ллойд Джорджу от 13 марта 1922 г.: см. Кеннет Юнг *Churchill and Beaverbrook*, с. 60.

Разговор, состоявшийся 30 мая 1924 г., приводится в книге Дж. М. Мак Юна *The Riddell Diaries*, London, Athlone Press, 1986 г., с. 388.

Феннер Брокуэй, *Inside the Left*, London, Allen and Unwin, 1942 г., с. 155.

Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 29: письмо Клементины Черчилль Уинстону Черчиллю от 24 февраля 1924 г.

Companion volume V, том первый, с. 533–534: письмо Невилла Чемберлена Стэнли Болдуину от 30 августа 1925 г.

Это дало Кейнсу повод написать: «Драматическая ситуация, сложившаяся в угольной отрасли, — это первое, а не последнее (если только не произойдет чего-нибудь сверхъестественного) экономическое последствие бурной деятельности мистера Черчилля»: см. *The Economic Consequences of Mr. Churchill*, London, Hogarth Press, 1925 г., с. 23.

Лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival 1940–1965*, с. 303 (во французском переводе этот отрывок опущен).

House of Commons Debates, том CCCXI, 23 апреля 1936 г., с. 327.

См. Питер Кларк, «Churchill's Economic Ideas 1900–1930» в книге Роберта Блейка и У. Роджера Луиса *Churchill*, с. 94.

Выступление У. Черчилля перед членами Ассоциации банкиров 13 мая 1925 г.: см. Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 120.

См. Бенджамин Дизраэли, *Sybil* (1845 г.): «В Англии нет общности граждан, в Англии есть их совокупность. (...) Наша королева правит двумя народами. (...) Двумя народами, между которыми нет никакой связи, ни малейшей симпатии, которым непонятны обычаи, мысли и чувства друг друга, словно они живут на разных планетах». Дизраэли имел в виду «бедных и богатых», его социальный торизм послужил одной из основ политического кредо Черчилля.

См. Кейт Миддлмас, *Thomas Jones: Whitehall Diary*, том второй, 1926–1930, Oxford, Oxford University Press, 1969 г... с. 41 (речь идет о событиях 7 мая 1926 г.).

Мартин Гилберт, *In Search of Churchill*, с. 108–110. См. также книгу
Мартина Гилберта *The Wilderness Years*, London, Macmillan, 1981 г

У. Черчилль, *Thoughts and Adventures*, 1932 г., глава «Fifty Years Hence».

Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 344: письмо Уинстона Черчилля Клементине Черчилль от 27 августа 1929 г. См. также дневник Леопольда Эмери, запись от 5 августа 1929 г., сразу после беседы с У. Черчиллем, с. 339.

См. Альфред Г. Гардинер, *Certain People of Importance*, London, Cape, 1926 г., с. 60.

Чарлз Лок Моуэт, *Britain between the Wars 1918–1940*, London, methuen, 1955 г., с. 371.

Daily mail, 16 ноября 1929 г.

Выступление У. Черчилля перед консерваторами в Тэнете (Кент) 20 августа 1930 г., а также в Индийском императорском обществе в Лондоне 12 декабря 1930 г.: см. Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 368 и 375.

House of Commons Debates, том CCXLVII, 26 января 1931 г., с. 702.

Выступление У. Черчилля перед членами Ассоциации юнионистов Уэст-Эссекса, опубликованное в «Таймс» 24 февраля 1931 г.

Companion volume I, том второй, с. 836: письмо Уинстона Черчилля брату Джеку Черчиллю от 2 декабря 1897 г.

Об этом происшествии рассказал лорд Моран в книге *Winston Churchill: the Struggle for Survival 1940–1965*, с. 30–31; перевод на фр.: *Mémoires*, Paris, Laffont, 1966 г., с. 43–44.

Архив министерства иностранных дел, материалы о Национальном французском комитете, том CCLV, с. 128: резюме беседы генерала Де Голля с королем Георгом II, состоявшейся 10 ноября 1941 г.

Виктор Джермейне, *The Tragedy of Winston Churchill*, London, Hurst and Blacket, 1931 г., с. 277.

Лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival 1940–1965*,
перевод на фр., с. 70.

Лорд Биркенхед, *Halifax*, London, Hamish Hamilton, 1965 г., с. 459:
запись в дневнике Галифакса от 19 июня 1940 г.

См. Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, London, Sceptre, 1987 г., том второй, с. 386–387.

Дэвид Ллойд Джордж, *War Memoirs*, London, Ivor Nicholson and Watson, 1933 г., том третий, с. 1071.

Письмо Артура Понсонби Эдварду Маршу от 11 марта 1929 г.: см. Кристофер Хэссэлл, *A Biography of Edward Marsh*, с. 565.

Vanity Fair, 1931 г.

Морис Эшли, *Churchill as Historian*, London, Seeker and Warburg, 1968 г., с. 13.

Выступление У. Черчилля в палате общин: см. *House of Commons Debates*, том CCCXLV, 12 ноября 1940 г., с. 1617.

Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 835, заметка № 1.

См. Бланч И. К. Дагдейл, *Arthur James Balfour*, London, Hutchinson, 1936 г., с. 337 (согласно другой версии, Бальфур якобы сказал: «Уинстон только что написал объемистую книгу о самом себе и озаглавил ее «Мировой кризис»).

Дж. М. Кейнс, «Winston Churchill», *Essays in Biography*, 1933 г.: см. *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, том десятый, London, Macmillan, 1972 г., с. 46–55.

У. Черчилль, *The Second World War*, том первый, предисловие, с. 13;
перевод на фр.: том первый, книга первая, с. 2.

М. Эшли, *Churchill as Historian*; Ф. У. Д. Дикин, *Churchill the Historian* (рассказ о конференции в Базельском университете, проходившей 10 января 1969 г.) — приложение к книге *Schweizer Monatshefte*, Zurich, 1970 г.

У. Черчилль, *Marlborough: his Life and Times*, том третий, с. 433.

House of Commons Debates, том CDLVIII, 1 декабря 1948 г., с. 2019–2020.

Интервью Алана Буллока, записанное Р. Димблеби в январе 1965 г. и опубликованное в *A Selection from the Broadcasts Given in Memory of Winston Churchill*, London, BBC, 1965 г., с. 52.

М. Эшли, *Churchill as Historian*, с. 12.

У. Черчилль, *Thoughts and Adventures*, 1932 г., глава «Mass Effects in Modern Life» (впервые эта глава была опубликована в *Strand Magazine* в мае 1931 г.).

У. Черчилль, *Marlborough: his Life and Times*, том третий, с. 157.

Выступление У. Черчилля 8 марта 1946 г. в Ричмонде перед Генеральной Ассамблеей штата Виргиния: см. книгу Ф. Б. Чарномски *The Wisdom of Winston Churchill*, Allen and Unwin, 1956 г., с. 174.

«Grandpapa Winston», *Sunday Times* от 5 февраля 1989 г. См. также Уинстон С. Черчилль, *Memories and Adventures*, London, Weidenfeld and Nicholson, 1989 г.

Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 348: письмо Уинстона Черчилля Клементине Черчилль от 29 сентября 1929 г.

См. Сара Черчилль, *A Thread in the Tapestry*, London, André Deutsch, 1967 г., с. 35.

News Chronicle, 29 августа 1930 г.: цитата приведена Генри Пеллингом в книге *Winston Churchill*, с. 411.

The Observer, 14 февраля 1993 г. См. также Мэри Соме, *Clementine Churchill...*

Лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival...* — описание событий 15 декабря 1943 г., с. 152; перевод на фр.: с. 156.

См. Роберт Родс Джеймс, *The Complete Speeches of W. Churchill...* том пятый, с. 5268.

Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 227: письмо Уинстона Черчилля премьер-министру Стэнли Болдуину от 22 января 1927 г. (Черчилль ссылается здесь на гражданскую войну в Китае, в ходе которой были убиты или подверглись грубому обращению британские граждане).

House of Commons Debates, том CCLXXVI, 23 марта 1933 г., с. 542.

У. Черчилль, *Arms and the Covenant* (1938 г.), с. 65.

У. Черчилль, «Hitler and his Choice», *Great Contemporaries* (1937 г.), с. 203 и 207.

У. Черчилль, «The Age of Government by Great Dictators», *News of the World*, 10 октября 1937 г.

Companion volume V, том третий, с. 1594, записи от 23 августа 1939 г.

См. Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 226; там же: выступление У. Черчилля 17 февраля 1933 г. перед членами антисоциалистического и антикоммунистического союза, с. 457; М. Соме, *Clementine Churchill*, с. 309: письмо Клементины Черчилль Уинстону Черчиллю от 20 марта 1926 г.; *News of the World*, 10 октября 1937 г.

Мартин Гилберт, пятый том «официальной биографии», 1922–1939, с. 670: письмо Уинстона Черчилля Остену Чемберлену от 1 октября 1935 г.

См. *The Evening Standard*, 13 марта 1936 г.: статья озаглавлена «Britain, Germany and Locamo». Она приводится также в книге У. Черчилля *Step by Step 1936–1939*, 1939 г., с. 1–4.

В этой связи остается лишь обратиться к статьям «The Spanish Tragedy» и «Keep out of Spain» от 10 и 21 августа 1936 г., а также к статье «The Spanish Ulcer» от 30 декабря 1938 г., приведенной в книге *Step by Step*.

См. статью от 15 октября 1937 г. «War is not Imminent», приведенную также в книге *Step by Step*, с. 164–167, и обращение У. Черчилля в том же 1937 г. к своим избирателям в Эппинге.

House of Commons Debates, том CDLXXXII, 14 декабря 1950 г., с. 1367.

У. Черчилль, *War Speeches*, том первый, *Into Battle* (1941 г.), перевод на фр.: *L'Entrée en lutte*, London, Heinemann and Zsolnay, 1943 г., с. 56–70.

У. Черчилль, *The Second World War*, том первый, с. 162; перевод на фр.: том первый, книга первая, с. 183.

Интервью, опубликованное в *Statesman* 7 января 1939 г.

У. Черчилль, *War Speeches*, том первый; перевод на фр., *L'Entrée en lutte*, с. 160: выступление У. Черчилля 3 сентября 1939 г.

См. Мартин Гилберт, *In Search of Churchill*, с. 232.

У. Черчилль, *The Second World War*, том первый, с. 518; перевод на фр.: том первый, книга первая, с. 186.

Письмо У. Черчилля Невиллу Чемберлену от 25 марта 1939 г.: см. Патрик Косгрейв, *Churchill at War 1939–1940*, London, Collins, 1974 г., с. 58.

См. Кейт Феллинг, *The Life of Neville Chamberlain*, London, Macmillan, 1946 г., с. 420.

Письмо Мориса Хэнки жене от 3 сентября 1939 г. приведено Стефаном Роскиллом в книге *Hankey: Man of Secrets*, London, Collins, том третий, 1974 г., с. 419.

Письма Невилла Чемберлена сестре от 17 сентября 1939 г. и 7 апреля 1940 г.: Chamberlain Papers, NC 18/1/1121 и NC 18/1/1150.

См. Лондонский архив/шкаф 65/2 WM ³⁹ 118. Цитата приведена Франсуа Бедаридой в книге *La stratégie secrète de la drôle de guerre*, Paris, Presse de la FNSP et éditions du CNRS, 1979 г., с. 194.

«The Führer's Conferences on naval Affairs», 9 марта 1940 г., *Brassey's Annual 1948*, с. 86.

Эдвард Спирс, *Assignment to Catastrophe*, London, Heinemann, 1954 г., том первый, с. 102.

Выступление У. Черчилля в палате общин 11 апреля 1940 г.: см. У. Черчилль, *War Speeches*, том первый, с. 169; перевод на фр., *L'Entrée en lutte*, с. 236.

См. Франсуа Бедарида, *La stratégie secrète...* с. 480.

Письмо Тома Джонса Э. Флекснеру от 30 сентября 1939 г. приведено в книге Томаса Джонса *A Diary with Lettres 1931–1940*, Oxford, Oxford University Press, 1954 г., с. 440.

У. Черчилль, *The Second World War*, том первый, с. 601; перевод на фр., том первый, книга первая, с. 284.

У. Черчилль, *War Speeches*, том первый: перевод на фр., *L'Entrée en lutte*, с. 268: выступление У. Черчилля в палате общин 18 июня 1940 г.

Там же, с. 250–251. При подготовке своего выступления Черчилль позаимствовал некоторые фразы у Гарибальди (выступление в Риме 2 июля 1849 г.) и у Клемансо (выступление 20 ноября 1917 г.).

Письмо лорда Дэвидсона лорду Болдуину от 11 мая 1940 г. и неопубликованный отрывок из дневника Джона Колвилла: см. Мартин Гилберт, шестой том «официальной биографии», 1940–1941, с. 327; Эндрю Робертс, *The Holy Fox*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1991 г., с. 209.

См. Джон Уилер-Беннетт, *Action this Day*, London, Macmillan, 1968 г., с. 48–49.

Томас Б. Маколей, «William Pitt, Earl of Chatham» (1834 г.), *Critical and Historical Essays*, London, Dent, Everyman's Library, том первый, 1907 г., с. 396–397.

Эта запись была составлена как черновой материал для «Второй мировой войны», однако в книгу не вошла: см. Мартин Гилберт, шестой том «официальной биографии», 1940–1941, с. 322.

У. Черчилль, *The Second World War*, том второй, с. 38–39; перевод на фр., том второй, книга первая, с. 45.

Джон Харви, *The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937–1940*, London, Collins, 1970 г., с. 358–359; свидетельство автору предоставлено Роланом де Маржери (Р. де Маржери, глава кабинета в правительстве Рейно, в свое время был послом Франции в Лондоне и хорошо знал Черчилля).

Ролан де Маржери, неопубликованные отрывки из дневника; Поль Рейно, *Mémoires*, том второй, *Envers et contre tous*, Paris, Flammarion, 1963 г., с. 355; Поль Бодуэн, *Neuf mois au gouvernement*, Paris, La Table ronde, 1948 г., с. 58; Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, London, Hodder and Stoughton, 1985 г., том первый, с. 157.

В официальных сообщениях это стыдливо называли «некоторой вероятностью»: см. Филип М. Х. Белл, *A Certain Eventuality: Britain and the Fall of France*, Farnborough, Saxon House, 1974 г., с. 33. О духовном состоянии Черчилля в эти дни см. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* Дэвида Дилкса, London, Collins, 1970 г., с. 285.

На протяжении всей Второй мировой войны Черчилль работал в тесном сотрудничестве с сэром Александером Кэдоганом (1884–1968), бывшим в то время генеральным секретарем министерства иностранных дел. Кэдоган также принадлежал к знатному английскому роду, его предок, первый граф Кэдоган, был талантливым полководцем и правой рукой Мальборо во всех его военных кампаниях. Он внес немалый вклад в победы знаменитого герцога.

Выступление У. Черчилля в палате общин 4 июня 1940 г.: см. У. Черчилль, *War Speeches*, том первый; перевод на фр., *L «Entrée en lutte*, с. 260–265.

Марджери Эллингем (автор детективов), *The Oaken Heart*, с. 169.
Цитата приведена Брайаном Гарднером в книге *Churchill in his Time 1939–1945*, London, Methuen, 1968 г., с. 57.

Х. Л. Исмей, *The Memoirs of General the Lord Ismay*, London, Heinemann, 1960 г., с. 130.

Мэри Соме, *Speaking for Themselves: the Personal Letters of Winston and Clementine Churchill*, London, Doubleday, 1998 г., письмо Клементины Уинстону от 27 июня 1940 г., с. 454; Элизабет Нел, *Mr. Churchill's Secretary*, London, Hodder and Stoughton, 1958 г., с. 34.

См. черновые наброски, сделанные Черчиллем накануне тайного заседания (проходившего 20 июня) и приведенные Мартином Гилбертом в шестом томе «официальной биографии», 1940–1941, с. 579. О кризисе 26–28 мая см. Дэвид Рейнолдс, «Churchill and the British «Decision» to Fight On in 1940» в книге Ричарда Лэнгорна *Diplomacy and Intelligence during the Second World War*, Cambridge, Cambridge University Press, 1985 г., с. 147–157 и «Churchill in 1940: the Worst and Finest Hour» в книге Роберта Блейка и Уильяма Роджера Луиса *Churchill*, Oxford, Oxford University Press, 1993 г., с. 241–255. О деятельности Галифакса см. Эндрю Робертс, *The «Holy Fox»: a Biography of Lord Halifax*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1991 г., с. 210–228.

См. Колин Кросс, *Life with Lloyd George: the Diary of A. J. Sylvester 1931–1945*, London, Macmillan, 1955 г., с. 262 и 281, запись от 3 октября 1940 г. См. также Пол Эддисон, «Lloyd George and Compromise Peace in the Second World War» в книге Э. Дж. П. Тэйлора *Lloyd George: Twelve Essays*, London, Hamish Hamilton, 1971 г., с. 361–384.

Адольф Гитлер, *Libres Propos sur la guerre et la paix*, Paris, Flammarion, 1952 г., том первый, с. 180 (рассказ о событиях 6 января 1942 г.).

См. Джордж Оруэлл, «Wartime Diary», 25 июля 1940 г., *The Collected Essays, Journalism and Letters*, том второй, 1940–1943, London, Penguin, 1968 г., с. 412; *The Diaries of Sir Alexander Cadogan...* с. 287.

См. лорд Моран, *Winston Churchill, the Struggle for Survival...* с. 781;
перевод на фр.: *Mémoires*, с. 697.

Исайя Берлин, *Mr. Churchill in 1940*, London, Murray (1964 г.), с. 15 и 26.

У. Черчилль, *War Speeches*, том первый; перевод на фр., *L'Entrée en lutte*, с. 277 (выступление Черчилля в палате общин было затем передано по радио).

Выступление У. Черчилля в Вестминстер-холл по случаю своего
восемидесятого дня рождения 30 ноября 1954 г.

Альбер Коэн, *Churchill d'Angleterre* (1943 г.), Paris, Lieu commun, 1985 г., с. 35.

Пиэрс Брендон, *Winston Churchill*, London, Seeker and Warbuig, 1984 г., с. 142.

Вера Бриттэн, *England's Hour*, London, 1941, Future, 1981 г., с. 38.

См. Мартин Гилберт, шестой том «официальной биографии», 1940–1941, с. 698–709; Майкл Блок, *The Duke of Windsor's War*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1982 г. и *Operation willi: the Plot to Kidnap the Duke of Windsor, July 1940*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1984 г.

Кеннет Юнг, *The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart*, том второй, 1939–1965, London, Macmillan, 1981 г.

Выступление У. Черчилля в палате общин 15 ноября 1915 г., накануне отъезда на фронт: см. Мартин Гилберт, третий том «официальной биографии», 1914–1916, с. 567.

Эдвард Блисс, *In Search of Light: the Broadcasts of Edward Murrow*, New-York, Knopf, 1967 г., с. 237. См. также Эдвард Мюрроу, *This is London*, London, Cassell, 1941 г.

Об этом см. Р. Дж. И. Силви, «Some Recent Trends in Listening», *BBC Yearbook 1946*, London, BBC, 1947 г., с. 28.

См. Уолтер Генри Томпсон, *I Was Churchill's Shadow*, London, Christopher Johnson, 1951 г., с. 108; перевод на фр.: *Churchill par son ombre*, Paris, Correa, 1952 г.

Р. В. Джонс, *Most Secret War*, London, Hamish Hamilton, 1978 г., с. 153.

The Memoirs of Lord Chandos, London, Bodley Head, 1962 г., c. 293.

См. Майкл Фут, *Aneurin Bevan*, том первый, 1897–1945, London, MacGibbon and Kee, 1962 г., с. 321.

Джордж Мэллейби, *From my Level*, London, Hutchinson, 1965 г., с. 29–30. Цитата приведена Энгусом Кэлдером в книге *The People's War*, London, Cape, 1969 г., с. 108.

См. лорд Моран, *Winston Churchill, the Struggle for Survival...* с. 247;
перевод на фр., *Mémoires*, с. 241.

Альбер Коэн, *Churchill d'Angleterre*, с. 17–18.

Роберт И. Шервуд, *The White House Papers of Harry L. Hopkins*, London, Eyre and Spottiswoode, 1948 г., том первый, с. 243.

Выступление У. Черчилля в палате общин, *House of Commons Debates*, том CCCLXIV, 20 августа 1940 г., с. 1167. См. также *The Memoirs of General Ismay*, с. 179–180 и Мартин Гилберт, шестой том «официальной биографии», 1940–1941, с. 734–743.

См. У. Черчилль, *The Second World War*, том второй, с. 305–306; перевод на фр., том второй, книга вторая, с. 30–31.

См. Джеральд Пол, *The War and Colonel Warden*, London, Harrap, 1963 г., с. 102–103 («Colonel Warden» — кодовое имя Черчилля, которым его называли во время поездок на протяжении всей Второй мировой войны).

См. Ян Маклейн, *Ministry of Morale*, London, Allen and Unwin, 1979 г., с. 109–123; см. также Гарольд Николсон, *Diaries and Letters*, том второй, *The War Years 1939–1945*, London, Collins, 1967 г., *Diary*, 13–20 сентября 1940 г., с. 112–116.

Том Гаррисон, *Living through the Blitz, London, Collins*, 1976 г., с. 13.
Гаррисон добавляет: «Память отполировала и освятила эти «звездные часы».

См. У. Черчилль, *The Second World War*, том второй, с. 328; перевод на фр., том второй, книга вторая, с. 58.

См. Фредерик У. Уинтерботем, *The Ultra Secret*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1974 г.; Ф. Гарри Хинсли, *British Intelligence in the Second World War*, London, HMSO, четыре тома, 1979–1990 гг.

См. Рональд Льюин, *Ultra goes to War*, London, Hutchinson, 1978 г., с. 183.

Карл фон Клаузевиц, *De la guerre*, Paris, Minuit, 1955 г., часть вторая, глава двадцать шестая, с. 552 и 554.

«Юлий Цезарь», акт четвертый, сцена первая.

У. Черчилль, *War Speeches*, том первый; перевод на фр., *L'Entrée en lutte*, с. 162.

См. Ф. Х. Хинсли, *British Intelligence in the Second World War*, с. 432.

Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, с. 480.

Мартин Гилберт, шестой том «официальной биографии», *Finest Hour 1940–1941*, с. 1117. См. также Гарольд Николсон, *Letters and Diaries*, том второй, 1939–1945, London, Collins, 1967 г., с. 174.

См. Энтони Монтегю Браун, *Long Sunset*, London, Cassell, 1995 г., с. 158.

У. Эверелл Гарриман и Эои Эйбл, *Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946*, New-York Random House, 1975 г., с. 536.

Цитата приведена Мартином Китченом: «Winston Churchill and the Soviet Union during the Second World War», *Historical Journal*, 30, 2, 1987 г., с. 428.

У. Черчилль, *The Second World War*, том второй, с. 22; перевод на фр.: том второй, книга первая, с. 28.

Там же, том третий, с. 384; перевод на фр.: том третий, книга вторая, с. 59–60 («Принц Уэльский» был потоплен японцами недалеко от берегов Малайзии в декабре 1941 г.).

Эрл оф Эвон, *The Eden Memoirs: the Reckoning*, London, Cassell, 1965 г., с. 269.

Цитата приведена Дэвидом Рейнолдсом: «Roosevelt, Churchill and the Anglo-American Alliance» в книге У. Роджера Луиса и Хедли Булла *The «Special Relationship»: Anglo-American Relations since 1945*, Oxford, Clarendon Press, 1986 г., с. 34.

См. Мартин Гилберт, седьмой том «официальной биографии», *Road to Victory 1941–1945*, с. 239 (записка, адресованная Энтони Идену).

Цитата приведена Дэвидом Рейнолдсом: «Churchill the Appeaser? Between Hitler, Roosevelt and Stalin in World War II», в книге Майкла Докрилла и Брайана Маккерчера *Diplomacy and World Power: Studies in British Foreign Policy 1890–1950*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996 г., с. 206.

См. Мартин Гилберт, седьмой том «официальной биографии», *Road to Victory 1941–1945*, с. 493.

Телеграмма Черчилля Рузвельту от 4 июня 1944 г. См. книгу Ф. Кимболла *Churchill-Roosevelt: the Complete Correspondence*, том третий, 1944–1945, London, Collins, 1984 г., с. 162.

У. Черчилль, *The World Crisis* (1923 г.); перевод на фр.: *La Crise mondiale*, Paris, Payot, 1928 г., том второй, с. 12.

Карл фон Клаузевиц, *De la guerre*, с. 51.

У. Черчилль, «Painting as a Pastime», *Thoughts and Adventures* (1932 г.), с. 236.

Джон Харви, *The War Diaries of Oliver Harvey*, London, Collins, 1978 г., с. 15 (по времени запись относится к июню 1941 г.).

Цитата приведена Дэвидом Яблонским, *Churchill, the Great Game and Total War*, London, Frank Cass, 1991 г., с. 125.

См. Артур Брайэнт, *The Tum of the Tide. Based on the Diaries of Field Marshal Lord Alanbrooke*, London, Collins, 1957 г., с. 432 и 592.

См. Ричард Титмасс, *Problems of Social Policy*, London, HMSO, 1950 г., с. 335–336 и 559–561.

См. Гарольд Николсон, *Diaries and Letters*, том первый, 1930–1939, London, Collins, 1967 г., с. 258 (запись от 22 апреля 1936 г.).

Меморандум, составленный 19 июля 1943 г.: см. Тувия Бен-Мош, *Churchill: Strategu and History*, Hemel Hampstead, Harvester Press, 1992 г., с. 245.

См. В. Г. Трухановский, *Уинстон Черчилль*, Москва, Прогресс, 1978 г.

См. Мартин Гилберт, *In Search of Churchill*, с. 102.

У. Черчилль, *Marlborough, his Life and Times*, том второй, с. 259 и 432.

Свидетельство лорда Баллока предоставлено Франсуа Бедариде в 1995 г. См. также Тувия Бен-Мош, «Winston Churchill and the «Second Front»: a Reappraisal», *Journal of Modern History*, 62, сентябрь 1990 г., с. 533–537.

См. Мартин Гилберт, седьмой том «официальной биографии», *Road to Victory 1941–1945*, с. 552.

Лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival*, с. 15; перевод на фр.: *Mémoires*, с. 28 (события разворачиваются 26 декабря 1941 г. в Вашингтоне).

См. Артур Брайэнт, *The Tum of the Tide...* 1957 г., с. 210 (из записной книжки генерала Брука, записи от 26 октября 1941 г.).

Лорд Эвон, *The Eden Memoirs: the Reckoning*, с. 276–277 (май 1942 г.).

Реальность этого эпизода, который порой считали вымышленным, была подтверждена Уорреном Ф. Кимбаллом: см. «Churchill and Roosevelt» в книге Роберта Блейка и У. Роджера Луиса *Churchill*, с. 298 и 546.

Гарольд Макмиллан, *War Diaries 1943–1945*, London, Macmillan, 1984 г., с. 9 (описание событий 26 января 1943 г.).

См. Р. И. Шервуд. Цитата приведена Генри Пеллингом в книге *Churchill*, London, Macmillan, 1974 г., с. 464.

См. Эммануэль д'Астье де ла Вижри, *Les Grands*, Paris, Gallimard, 1961 г., с. 48–49.

См. У. Аверелл Гарриман и Эли Эйбл, *Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946*, с. 205.

См. У. Черчилль, *The Second World War*, том шестой, с. 365; см. также Артур Брайэнт, *Triumph in the West 1943–1946*, London, Collins, 1959 г., с. 334.

Свидетельство сэра Фрэнка Робертса предоставлено Франсуа Бедариде
5 апреля 1995 г.

Лондонский архив: FO 371/40363, сведения о событиях 5 апреля 1944 г. Цитата приведена Франсуа Бедаридой: «Les Alliés et le pouvoir» из книги Филиппа Бютона и Ж.-М. Гийона *Les pouvoirs à la Libération*, Paris, Belin, 1994 г., с. 70.

См. Эммануэль д'Астье де ла Вижри, *Sept fois sept jours*, London, Macmillan, 1947 г., с. 122.

Гарольд Макмиллан, *The Blast of War*, London, Macmillan, 1967 г., с. 441.

Мартин Гилберт, седьмой том «официальной биографии», *Road to Victory 1941–1945*, с. 646.

«Мы встретимся снова, не знаю где, не знаю когда,/Но я точно знаю —
мы встретимся снова солнечным днем,/Сохрани улыбку, всегда игравшую
на твоих губах,/До тех пор, пока неба синь не разгонит мрачных туч».

См. Пол Эддисон, *Churchill on the Home Front 1900–1955*, с. 326.

См. главу девятую «Лидер, в котором была искра Божья?», с. 469.

См. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945*, с. 437 (запись от 23 февраля 1942 г.).

House of Commons Debates, том CCCLXXXI, 2 июля 1942 г., с. 528.

У. Черчилль, *The Second World War*, том четвертый, с. 541.

Там же, том пятый, с. 339.

Интервью, которое В. Бонем-Картер дала на телевидении в передаче *The Listener* 17 августа 1967 г. Цитата приведена Джоном Уилером-Беннеттом в книге *Action this Day*, London, Macmillan, 1968 г., с. 96.

См. Джеральд Пол, *The War and Colonel Warden*, London, Harrap, 1963 г., с. 302.

House of Commons Debates, том CDI, 6 июня 1944 г., с. 1207–1210.

Хью Тревор-Ропер, *Hitler's War Directives 1939–1945*, London, Sidgwick and Jackson, 1964 г., с. 218–219.

Мартин Гилберт, седьмой том «официальной биографии», *Road to Victory 1941–1945*, с. 805.

См. Бен Пимлотт, *The Second World War Diary of Hugh Dalton 1940–1945*, London, Care, 1986 г., с. 810, запись от 28 ноября 1944 г.

См. *The Memoirs of General the Lord Ismay*, London, Heinemann, 1960 г., с. 386–387.

См. воспоминания А. Громыко, бывшего в то время послом Советского Союза в Вашингтоне: *the Observer*, 9 апреля 1989 г. и *Memoirs* А. Громыко, вышедшие в Нью-Йорке в издательстве Doubleday в 1990 г.

Личные документы Идена, цитата приведена Дэвидом Дилксом: «Churchill as Negotiator at Yalta» в книге Оллы Брунду *Yalta: un mito che resiste*, Rome, Ateneo, 1988 г., с. 93.

См. Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, том второй, 1941–1955, с. 188.

См. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945*, с. 709 (запись от 11 февраля 1945 г.).

См. *The Second World War Diary of Hugh Dalton...* с. 836 (запись от 23 февраля 1945 г.).

См. Гарольд Николсон, *Diaries and Letters*, том второй, 1939–1945, с. 437, запись от 27 февраля 1945 г.

Признание, сделанное одновременно Энтони Идену и лорду Морану: см. личные документы Идена, которые приводит Роберт Родс Джеймс в книге *Anthony Eden*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1986 г., с. 275.

Цитата приведена Генри Пеллингом в книге *Churchill*, с. 529–530.

См. Милован Джилас, *Conversations avec Staline* (1962 г.), Paris, Gallimard, 1971 г., с. 111.

См. *The Second World War Diary of Hugh Dalton*, с. 865, запись от 28 мая 1945 г.

См. Р. Б. Маккэллам и Элисон Ридмэн, *The British General Election of 1945*, Oxford, Oxford University Press, 1947 г., с. 142.

См. Том Гаррисон, *Who'll Win?* в книге Энгуса Кэлдера и Дороти Шеридан *Speak for Yourself: a Mass-Observation Anthology 1937–1949*, London, Cape, 1984 г., с. 213–218.

Winston Churchill: a Selection from the Broadcasts by the BBC, London, BBC, 1965 г., с. 60: свидетельство капитана Пима.

Письмо Клементины Мэри Черчилль от 26 августа 1945 г.: см. Мэри Соме, *Clementine Churchill*, с. 556–557.

Свидетельство Джона Мартина, приведенное в книге Джона Уилера-Беннетта *Action this Day*, London, Macmillan, 1968 г., с. 139.

Выступление У. Черчилля в палате общин 6 марта 1947 г.: см. Мартин Гилберт, восьмой том «официальной биографии», 1945–1965, с. 301.

См. Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, том второй, 1941–1945, с. 271.

333

Daily Telegraph, 15 апреля 1947 г.

См. лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival*, с. 301; перевод на фр., *Mémoires*, с. 290 (описание событий 8 сентября 1945 г.).

Письмо Брендана Брэжена лорду Бивербруку от 16 октября 1946 г.: см. Мартин Гилберт, восьмой том «официальной биографии», 1945–1965, с. 278.

Дэвид Кэннедайн, *The Speeches of Winston Churchill*, London, Penguin Books, 1990 г., с. 301–304.

См. Генри Б. Райэн, «A New Look at Churchill's «Iron Curtain» Speech», *Historical Journal*, 22, 4, 1979 г., с. 895–920.

The Saturday Evening Post, 15 февраля 1930 г.

The Speeches of W. Churchill, c. 310–313.

Выступление на конгрессе консерваторов в 1948 г. См. У. Черчилль, *Europe Unite: Speeches 1947 and 1948*, London, Cassell, 1950 г., с. 231.

Дневник лорда Маунтбеттена, запись от 31 декабря 1951 г.: см. Мартин Гилберт, восьмой том «официальной биографии», 1945–1965, с. 673.

Лорд Бусби, «The End of an Era», *A Selection of Broadcasts Given in Memory of Winston Churchill*, London, BBC, 1965 г., с. 105.

См. Генри Пеллинг, *Churchill's Peacetime Ministry 1951–1955*, London, Macmillan, 1997 г., с. 183.

См. *Winston Churchill: his Complete Speeches 1897–1963*, том восьмой, с. 8633.

См. Раймонд Э. Сэллэгэн, *Churchill: Retreat from Empire*, Tunbridge Wells, Costello, 1964 г., с. 260–261.

См. Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, том второй, 1941–1945, с. 333 (описание событий 24 июля 1953 г.).

См. *House of Commons Debates*, том DXV, 11 мая 1953 г., с. 897.

Daily Telegraph, 6 июля 1938 г.: см. Мартин Гилберт, «The Most Horrible Crime», *Times Literary Supplement*, 7 июня 1996 г.

Обращение к народу 24 августа 1941 г.: см. Мартин Гилберт, там же.

Записка У. Черчилля от 11 июля 1944 г., адресованная Энтони Идену, приведена Бернардом Вассерштайном в книге *Britain and the Jews of Europe*, Oxford, Clarendon Press, 1979 г., с. 259.

См. Энтони Монтегю Браун, *Long Sunset*, London, Cassell, 1995 г., с. 165.

Письмо У. Черчилля генералу Эйзенхауэру, президенту Соединенных Штатов, от 16 апреля 1956 г. приведено Энтони Селдоном в книге *Churchill's Indian Summer: the Conservative Government 1951–1955*, London, Hodder and Stoughton, 1981 г., с. 412.

Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, том второй, 1941–1945, с. 379
(описание событий 4 апреля 1955 г.).

The Observer, 1 августа 1954 г. Цитата приведена Э. Селдоном в книге *Churchill's Indian Summer...* с. 419.

См. Сара Черчилль, *A Threated in the Tapestry*, London, Deutsch, 1967 г., с. 18–19.

Ричард Э. Батлер, *The Art of the Possible*, London, Hamish Hamilton, 1971 г., с. 173 (описание событий 11 марта 1954 г.).

См. Энтони Монтегю Браун, *Long Sunset*, с. 198 (известно, что Черчилль всегда был большим поклонником Клемансо, он наизусть знал песню «Отец Победы», которую как-то во время войны целиком спел генералу Де Голлю).

См. Анита Лесли, *Cousin Clare: the Tempestuous Journey of Clare Sheridan*, London, Hutchinson, 1976 г., с. 304–305.

У. Черчилль, *Savrola* (1900 г.), с. 234.

См. Сара Черчилль, *A Threated in the Tapestry...* с. 17. О том же слово в слово рассказывает Энтони М. Браун в книге *Long Sunset*, с. 302.

Письмо Мэри Соме Уинстону Черчиллю от 7 июля 1960 г.: цитата приведена Мартином Гилбертом в восьмом томе «официальной биографии», *Never Despair 1945–1965*, с. 1313.

См. Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, с. 704–707.

См. Сара Черчилль, *A Threated in the Tapestry...* с. 19.

Мэри Соме, *Clementine Churchill*, с. 680.

365

The Times, 25 января 1965 г.

См. *Companion Volumes I*, том второй, с. 816–821.

См. Вайолет Бонем-Картер, *Winston Churchill as I Knew him*, с. 18.

О событиях 1899 г. см. Роналд Хайэм, «Winston Churchill before 1914», *Historical Journal*, XII, 1, март 1969 г., с. 173. О событиях 1922 г. см. Генри Пеллинг, *Churchil*, с. 281.

См. Рэндольф Черчилль, *Youth*, с. 157–158.

У. Черчилль, *My Early Life*, с. 119.

Companion Volumes I, том первый, с. 907 и 969: письма У. Черчилля леди Рандольф от 31 марта и 24 августа 1898 г.

См. Мартин Гилберт, шестой том «официальной биографии», 1940–1941, с. 27 (известно, что в отношении религии английское масонство коренным образом отличается от французского).

Companion Volumes II, том первый, с. 25–27: письмо У. Черчилля двоюродному брату Ивору Гесту от 19 января 1899 г. (письмо написано в Индии).

См. У. Черчилль, *My Early Life*, с. 120.

См. Рэндольф Черчилль, *Youth*, с. 158.

Мартин Гилберт, третий том «официальной биографии», 1914–1916, с. 600.

См. Джон Колвилл, *The Fringes of Power*, том первый, с. 149.

См. лорд Моран, *Winston Churchill: the Struggle for Survival...* с. 122 и 525; перевод на фр.: с. 127 и 465.

У. Черчилль, *Thoughts and Adventures*, «Shall we Commit Suicide?».

У. Черчилль, *War Speeches*, том четвертый; перевод на фр., *En avant vers la victoire*, с. 50 (выступление У. Черчилля 21 марта 1943 г.).

У. Черчилль, *Marlborough, his Life and Times*, том первый, с. 82.

Bath Daily Chronical, 27 июля 1897 г. См. также *Coranion Volumes I*, том второй, с. 774.

У. Черчилль, *War Speeches*, том третий; перевод на фр., *La Fin du commencement*, с. 219 (выступление У. Черчилля в резиденции лорда-мэра Лондона 10 ноября 1942 г.).

См. У. Черчилль, *My Early Life*, с. 33.

См. Э. М. Лоу, «Churchill and Science» в книге Чарлза Ида *Churchill by his Contemporaries*, London, Hutchinson, 1953 г., с. 442.

См. Мартин Гилберт, седьмой том «официальной биографии», *Road to Victory 1941–1945*, с. 446.

См. Макс Вебер, *Economie et société*, Paris, Plon, 1971 г., том первый, с. 289 и 320–321.

См. *The Gallup International Public Opinion Polls: Great Britain 1937–1945*, том первый, New-York, Random House, 1976 г. Приведенные процентные соотношения определены на основе данных пяти-шести социологических опросов, проводимых ежегодно.

Об этой дискуссии см. критические статьи М. Вебера, Карла Дж. Фридриха, напр., «Political Leadership and Charismatic Power», *Journal of Politics*, XXIII, 2 февраля 1961 г., с. 14–16, и статьи противоположной направленности Роберта Такера, напр., «The Theory of Charismatic Leadership», *Daedalus*, 97, лето 1968 г., с. 731–756.

В чрезвычайно интересном исследовании *Crisis, Charisma and British Political Tradition: Winston Churchill as an Outsider*, London and Beverly Hills, Sage Publications, 1974 г. (с. 25, 31, 37), Деннис Кэвэнэг на основе анализа, проведенного Максом Вебером, определил пять признаков того, что Черчилль обладал харизмой. Однако, несмотря на то, что Кэвэнэг допускает наличие у Черчилля элементов влияния харизматического типа как у человека с независимым мнением, он, тем не менее, приходит к выводу, что Черчилль не был харизматическим лидером.

Макс Вебер, *Economie et société*, с. 345.

См. главу седьмую «Великий альянс».

См. *Winston Churchill: Memoirs and Tributes Broadcasts by the BBC*, London, BBC, 1965 г., с. 47. См. также выводы К. П. Сноу в его сборнике очерков *Varieties of Men*: человек, «до странности непостижимый».

У. Черчилль, *The Second World War*, том первый, с. 189; перевод на фр.: с. 214: выступление перед членами комитета консерваторов относительно вопросов внешней политики в марте 1936 г.

Выступление У. Черчилля в ратуше города Осло 13 мая 1948 г.: см. У. Черчилль, *Europe Unite*, с. 333.

См. Исая Берлин, *Mr. Churchill in 1940*, с. 25–26. Об этой книге и о роли, которую она сыграла в становлении «легенды о Черчилле», см. Майкл Игнатъефф, *Isaiah Berlin: a Life*, London, Chatto and Windus, 1998, с. 195–197.

У. Черчилль, *Savrola* (1990 г.), с. 42–43.

См. У. Черчилль, *My Early Life*, предисловие.

Цитата приведена Робертом Родсом Джеймсом в очерке «The Politician», опубликованном в сборнике Э. Дж. П. Тэйлора *Four Faces and the Man*, London, Allen Lane, 1969 г., с. 89.

Письмо У. Черчилля Клементине Черчилль (письмо написано на Мальте 1 февраля 1945 г.): см. Мэри Соме, *Speaking for Themselves: the Personal Letters of Winston and Clementine Churchill*, London, Doubleday, 1998 г., с. 512.